

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

Сборник научных статей

Выпуск 8 (20)

 ОТТИСК
2017

УДК 94(571)
ББК 63.3(2)253(361)
С-34

Ответственные редакторы:
Дамешек Л.М., д.ист.н., профессор
Иванов А.А., д.ист. н., профессор
Кузнецов С.И., д.ист.н., профессор

Редакционная коллегия:
Зуляр Ю.А., Перцева Т.А., Петрушин Ю.А. (Иркутск),
Никулина И.Н. (Барнаул), Курас Л.В. (Улан-Удэ),
Масяж Вл. (Польша), Мошкина З.В. (Чита),
Казарян П.Л. (Якутск), Томита Такэси (Япония)

С-34 Сибирская ссылка: Сборник научных статей / отв. ред.
Л.М. Дамешек, А.А. Иванов, С.И. Кузнецов. – Иркутск:
Изд-во «Оттиск», 2017. Вып. 8 (20). – 560 с.

В настоящем сборнике научных статей представлены результаты исследований специалистов истории сибирской политической и уголовной ссылки, карательной, охранительной и пенитенциарной политики Российского государства в Сибири XVII–XX веков.

Выпуск предназначен научным работникам, преподавателям высшей школы, студентам, краоведам, всем, интересующимся этой темой.

ISBN 978-5-9909345-4-2

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Оттиск», 2017

Предисловие

Наш двадцатый выпуск

Одной из важных геополитических особенностей России во все периоды ее истории был фактор территориальной огромности. Общая площадь империи, составлявшая к началу XX в. около 22 млн квадратных километров, Уральскими горами незримо делилась на две составляющие части государства – Европейскую и Азиатскую Россию, существенно отличавшиеся друг от друга. Между тем присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории. Имея в виду именно это обстоятельство, М.Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией*.

Дальнейшие взаимоотношения центра и новых восточных территорий в немалой степени определялись характером присоединения этих земель к России. Отечественные и зарубежные исследователи истории страны едины в том мнении, что именно отмеченное обстоятельство выступало весьма весомым аргументом при выстраивании политики центра на окраинах государства**. Разделяя точку зрения датского историка О.Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации»***, следует в то же время отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации, как освоения пустопорожних земель, и прямой

* Цит. по: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 15; Гефтер М.Я. Из тех и этих лет... М., 1991. С. 383.

** Миронов Б.Н. Указ. соч., Т. 1. С. 30; Кристенсен О.Г. История России в XVII в. М., 1989. С. 134.

*** Кристенсен О.Г. Указ. соч. С. 134.

экспансии, под которой автор понимает захват чужой территории. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двудиную задачу: с одной стороны, расширение территории, несомненно, способствовало упрочению границ на восточном порубежье. С другой – Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами – пушниной, солью, рыбой. Но если для московских, а затем и петербургских Романовых Европейская часть – а это всего лишь 20 % территории страны – была как бы прародиной, «отчиной», то Сибирь и в начале XIX в. оставалась малоизвестной окраиной, которую еще только предстояло инкорпорировать в экономическое, административное и социокультурное пространство империи.

Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от Европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф.Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся...». Задача поместья заключалась прежде всего в том, чтобы исправно платить «оброк золотом, серебром, железом, мехами», а состояние самого поместья мало беспокоило госпожу. По мнению Вигеля, из Сибири и так все придет само собой, а потому не следовало о ней слишком заботиться*.

Это косвенное признание неоднородности империи явственно выдвигает перед исследователями требование дифференцированного подхода к изучению и оценке окраинной политики, ее многофакторности и многоплановости, которая в последнее время все чаще характеризуется исследователями как политика «имперского регионализма»**.

В императорской России одной из наиболее характерных особенностей этой политики стала ссылка сюда разного рода уголовных, деклассированных, чуть позже социально опасных

* Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 191. Авторы считают необходимым отметить, что в сибиреведческой литературе этот отрывок впервые был использован А.С. Кузнецовым, а затем А.В. Ремневым. См.: Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 12; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск. 1995. С. 17.

** М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. (Отв. ред. Л.М. Дамешек). Иркутск: Оттиск, 2003. 262 с.

правляющему режиму элементов, вошедшая в историческую литературу под названием политики «штрафной колонизации».

Среди исследователей истории Сибири трудно найти не то чтобы маститого, но даже начинающего историописателя, не «запятнавшего» себя хотя бы эпизодическими высказываниями об особенностях, значении и иных вопросах сибирской ссылки. В качестве доказательства сошлёмся на получившие достаточно известное хождение целый ряд юбилейных публикаций, посвященных пребыванию декабристов в сибирском крае*, ставшее «хрестоматийным» многотомное издание «Ссылных революционеров в Сибири»** и издающуюся с 2000-го года обновленную «Сибирскую ссылку»***. Однако, как представляется, мы еще в начале пути.

Советская историография основное внимание уделяла царской политической ссылке, главным образом вопросам борьбы революционеров с режимом, участию в леворадикальном движении местного пролетариата, культурно-политической работе на благо края. Вместе с тем огромные пласты этой многогранной, и, несомненно, значимой темы, так и остались «не тронутыми плугом историка» (П.М. Головачев). Это замечание вполне относится к истории уголовной ссылки, влиянию политики «штрафной колонизации» на социально-экономическое развитие края, на процесс обрусения сибирских инородцев. Весьма фрагментарно изучена и нормативная база ссылки, история

* Кубалов В.Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925; «Сибирь и декабристы». Иркутск, 1925; Своей судьбой гордимся мы: Декабристы в Сибири / Сост. М. Сергеев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973; Дум высокое стремление: Декабристы в Сибири / Сост. С. Коваль. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975; Декабристы в Сибири /сост. и науч. ред. С.Ф. Коваль. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975; Памяти декабристов: К 150-летию со дня восстания декабристов. Иркутск, 1975; Сибирь и декабристы. Вып. 1–5. Иркутск, 1978–1988; Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977 (мат-лы Читинской конференции 1975 г.); Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. (Мат-лы симпозиума по политической ссылке 1982 г.); Декабристы и современность // Декабристы: Их время и люди. Улан-Удэ, 2001 (Мат-лы конференции в Улан-Удэ 2000 г.) и др.

** Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1973–1991. Вып. 1–12.

*** Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2000–2013. Вып. 1 (13) – 7 (19).

отдельных тюрем, экспедиций о ссыльных, взаимоотношений центральных и местных структур Департамента полиции.

Настоящий выпуск призван отчасти восполнить имеющиеся пробелы. Вот почему коллега-исследователь найдет здесь и современный анализ уголовного законодательства Российской империи о каторге и ссылке, и динамику изменения правовой базы в зависимости от потребности времени на протяжении значительного периода с XVII по XX века, и применение положений об усиленной и чрезвычайной охране в сибирских условиях, и вопросы развития системы гласного полицейского надзора за политическими и уголовными ссыльными, и особенности правового положения политических заключенных Нерчинской каторги (*Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас, Д.З. Жамбалов, Р.А. Евтехов, А.А. Иванов, Л.В. Кальмина, П.А. Новиков, А.А. Савилов, И.В. Упоров, М.В. Шиловский*).

Прошлый, девятнадцатый выпуск «Сибирской ссылки» был юбилейным – 40 лет с начала издания (1973) – и понятно, посвящен в большей мере историографическим и источниковедческим сюжетам этой темы. Настоящий том содержит больше конкретных исследований сибирской политической и уголовной ссылки. Это и участие ссыльных в эксках и террористических актах против сибирской администрации, организация конспиративной «техники», политическая пропаганда среди различных слоев населения, руководство выборными кампаниями, многообразная организаторская и научно-исследовательская деятельность в музеях, этнографических экспедициях, переписях (*Г.В. Бульгин, Н.К. Гоголева, С.П. Звягин, В.В. Кудряшов, И.Н. Никулина, Л.П. Роцевская, Е.С. Сальникова, И.П. Серебренников, И.И. Терновая, Е.Э. Шергалин*).

Отдельный раздел данного тома – история ссылки поляков в Сибирь. Традиционно эту проблематику «закрывал» доктор исторических наук, профессор, известный полонист Болеслав Сергеевич Шостакович, выступавший соредактором всех последних выпусков сборника, стоявший еще у его начала. В 2015 г. Б.С. Шостакович совершенно неожиданно, на пике творческой активности, преждевременно ушел из жизни. Это – тяжелая утрата – и для науки, и для нас, его коллег и товарищей. Утрата – невозполнимая, но в сборнике эту тему достойно подхватили более молодые исследователи, выступив-

шие со своими изысканиями о положении в Сибири участников Январского 1863 года восстания, истории бунта барских конфедератов в Тобольске, каторжных работах в Забайкалье (С.В. Леончик, С.А. Мулина, Е.В. Семенов).

История политической ссылки в Сибирь имеет свою многолетнюю, разножанровую историографию. Это и мемуарное наследие ссылных революционеров (и их «тюремщиков»), и исследования бывших политкаторжан, выполненные в 1920–1930-х годах «по горячим следам», и работы профессиональных ученых советского и постсоветского времени, о чем мы уже говорили. В «Сибирской ссылке» историографический и источниковедческий блок был представлен весьма достойно всегда. И данный выпуск не стал исключением. Различные сюжеты этой тематики рассмотрены в статьях *Н.Ф. Васильевой, П.Л. Казаряна, С.Л. Курас, Н.П. Курускановой, Ю.А. Петрушина и А.А. Якимовой*. Не умаляя достоинств работ перечисленных коллег (они все важны и интересны!), отметим здесь материал авторов из Республики Бурятия о методике создания сайта Книги памяти – разработка электронных баз данных сибирских ссылных всех временных периодов – дело новое и, безусловно, крайне необходимое для дальнейшего успешного изучения нашего предмета (*Д.Б. Фартусов, Б.В. Хабитуев, Д.Ф. Дерюгин, Н.Д. Овечкин, Е.И. Александрова*). Напомним также, что сборник имеет и собственный Интернет-сайт, на котором с 2009 года размещено более сотни разнообразных исследований: www.penpolit.ru.

1917 год – великий перелом, рубеж, который по мысли его теоретиков и организаторов, вероятно должен был поставить точку в самом понятии «каторга и ссылка». Нет, не поставил. Не удивительно ли, что те же революционеры, которые до революции обживали «нарымский край», спустя несколько лет после ее победы возвращаются сюда вновь?! «Революция пожирает своих детей» – пророческие слова, сказанные перед казнью знаменитым деятелем Великой французской революции Жоржем Жаком Дантоном, который, как известно, стал одной из многих жертв, погибших от недавних соратников. 1917-й год открывает новую страницу в истории сибирской каторги и ссылки, гораздо более жестокую и кровавую. Лучше

сказать, не страницу, а многотомное издание, книгу, на страницах которой значатся имена миллионов безвинных жертв.

Этапы и потоки репрессированных, административно-ссылных, спецпереселенцев и спецпоселенцев многократно описаны и обобщены в книгах А.И. Солженицына, Р. Конквеста, многих других историков и публицистов. Статьи авторов нашего сборника углубляют и дополняют знания об этой трагической эпохе советской истории, продолжают изучать судьбы работников партийных, советских и правоохранительных органов различного уровня (*В.В. Горохов, Л.В. Занданова, Н.П. Матханова*), рассматривать положение заключенных в Тайшетлаге, Широкопадском леспромхозе, на строительстве гражданских и промышленных объектов Иркутской области (*О.В. Афанасов, Л.М. Салахова, Н.Н. Путилина, Е.В. Суверов, Т.П. Уржаева*).

Закономерным следствием репрессивной политики советского государства в 1930–1940-е годы XX в. стала интернационализация ГУЛАГа. Тоталитарный режим не успокоился, отправив в лагеря миллионы наших соотечественников. Под тяжелое колесо этих репрессий попали сотни тысяч ни в чем неповинных иностранных граждан – поляков, французов, венгров, чехов, итальянцев, испанцев. Быть иностранцем в СССР или иметь с ними контакты было опасно! В 1945 г. лагерная система получила изрядное пополнение – многотысячную армию японских военнопленных, отправляемых этапами из Маньчжурии, с Сахалина, Курильских островов. Тема военнопленных сравнительно новая в нашей историографии и также представлена в сборнике несколькими исследованиями (*А.В. Ануфриев, С.В. Трофименко, С.И. Кузнецов, Томита Такэси*).

Мы по-прежнему с удовлетворением констатируем, что в «Сибирской ссылке» представлено большинство научных центров нашего региона: Новосибирск и Кемерово, Красноярск и Омск, Сыктывкар и Барнаул, Братск и Иркутск, Улан-Удэ и Якутск, а также Санкт-Петербург, Краснодар и, что особенно хочется отметить, статьи наших зарубежных коллег из Польши, Японии и Великобритании. Значит «старая тема» жива и неизменно прирастает новыми открытиями, обобщениями, представлениями.

Л.М. Дамешек, А.А. Иванов, С.И. Кузнецов

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

УДК 9(571.1/.5)+930.253(47)

Н.Ф. Васильева

Материалы архивных фондов Общества политкаторжан о сибирской ссылке

Аннотация: Статья посвящена обзору архивных фондов, отложившихся в архивах Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев: ГАРФ, ГАНИИО, ЦГА СПб. Документальные материалы собирались репрессированными революционерами для изучения истории революционного движения и написания истории «Политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции в эпоху царизма, белого террора и Гражданской войны».

Ключевые слова: архивные фонды, Всесоюзное Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, репрессированные революционеры, изучение сибирской ссылки.

N.F. Vasilyeva

Materials of archival funds of Society of political convicts about Siberian exile

Summary: Article is devoted to the review of the archival funds postponed in archives of All-Union Society of the former political convicts and ssynposelenets: GARF, GANIIO, TsGA SPb. Documentary materials gathered the repressed revolutionaries for studying of history of revolutionary movement and writing of history of «Political prison, penal servitude, the reference and

emigration during an era of a tsarism, white terror and Civil war».

Keywords: archival funds, All-Union Society of the former political convicts and ssynloposelenets, the repressed revolutionaries, studying of Siberian exile.

Архивный фонд, созданный бывшими репрессированными революционерами, объединенными в Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, стал источниковой базой для нескольких поколений историков, занимающихся изучением революционной истории и историей сибирской ссылки. Общество, созданное бывшими репрессированными революционерами, представляло собой разветвленную систему, во главе которой стоял руководящий орган – Центральный Совет. Подконтрольные ему структуры: комиссии (культурно-пропагандистская, архивная, ветеранская и шефская), а также другие занимались иными функциями. Научной историко-исследовательской работой руководило центральное бюро научных историко-исследовательских секций – ЦБ НИИС с многочисленными подразделениями.

Научные секции: по изучению декабристов и их времени; по изучению общественного движения в России (30–70-е гг. XIX в.); по изучению истории Гражданской войны; секция и комиссия по изучению истории тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции; секция по изучению культурного влияния политических ссыльных на население Сибири; по изучению революционного движения среди евреев; по составлению списка политических процессов; музейная секция, в составе которой была сосредоточена и работа музея «Каторга и ссылка»; справочная секция руководили более мелкими структурами – подсекциями, кружками, группами, бригадами и т. д. Например, секция по изучению участников революционного движения 1905 г. имела в своем составе десять структур: подсекции аграрную и по изучению вооруженного восстания; кружок краснопресненцев; группу железнодорожников и группу, занимающуюся организацией воспоминаний участников революционного движения в армии и флоте в 1905 г. и другие. Секции занимались разнообразной работой. Справочная секция, например, готовила карточки процессов на участников покушений на должностных лиц в 1906 г. [9]; составляла карточки процессов и делала выписки из газет

и журналов на этих лиц, привлекавшихся за принадлежность к политическим партиям [8]; составляла карточки процессов на участников революционного движения в армии и флоте 1906 г. [10]; готовила справочники членов Всесоюзного общества политкаторжан и др.

В секцию по изучению революционного движения и ссылки в Сибири, например, входили бригады: по побегам из сибирских тюрем и ссылки; по боевым дружинам в Сибири; по изучению социал-демократического движения в Сибири; по изучению 1905 г. в Сибири. Енисейская секция и якутская секция имели свою научную задачу регионального характера.

Землячества, созданные из бывших репрессированных по регионам ссылки, также выполняли исследовательскую работу: Александровско-Тобольское, Енисейское, Иркутское, Красноярское, Нерчинское, Орловское, Псковское, Рижское, Шлиссельбургское, Якутское, землячество южных тюрем, землячество центральных тюрем.

Иркутское землячество на 1934–1935 гг. в план научно-исследовательской работы включило организацию и проведение работ, связанных с подготовкой материалов для серьезного издания «История политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции» [13, л. 2].

Архивная бригада землячества должна была поработать в Москве в фондах Главного тюремного управления и III Отделения царской администрации, а также в Иркутских архивах для дополнения списка ссыльнопоселенцев Иркутска и Иркутской губернии за период 1825–1905 гг. Литературная бригада землячества планировала издать в дополнение к первому сборнику «Иркутская ссылка» еще два. Была определена тематика третьего сборника «Участие политических ссыльных в Ленских событиях 1912 г. и революционная работа в подпольных и легальных организациях в годы Первой мировой войны». Литературная комиссия землячества для реализации историко-исследовательской программы наметила план исследовательской работы: уточнение пунктов ссылки в Иркутской губернии, составление карты с указанием пунктов ссылки и количественного состава, маевки в Иркутской ссылке, умершие в ссылке, провокаторские организации в Иркутске, анархистские конференции в Иркут-

ской ссылке, артели грузчиков и работа по сплаву на Лене [13, л. 4].

Задача статьи охарактеризовать документы архивов Общества политкаторжан и выяснить их вклад в историю изучения сибирской ссылки.

Одной из важных функций Общества стала архивная работа. На первых порах организующим звеном архивной работы стало Центральное бюро научной историко-исследовательской секции Общества (ЦБ НИИС). В 1932 г. на первом заседании ЦБ НИИС бывшие политкаторжане, обеспокоенные состоянием царских архивов, поставили вопрос о спасении архивных фондов каторжных тюрем и ссылок. Существовала серьезная опасность утраты значительной части архивных материалов, некоторая часть архивных фондов была сдана в макулатуру для переработки на бумажных фабриках. Были опасения о передаче некоторой части архива Нерчинской каторги в макулатуру [4, л. 7]. ЦБ НИИС пыталось спасти положение и обратилось в президиум Центрального Совета с предложением поставить вопрос об издании специального постановления для обеспечения сохранности фондов каторжных тюрем, арестантских рот и мест ссылки перед правительственными органами.

Планировалось архивную деятельность Центрального бюро вести по следующим направлениям: а) учет центральных и местных архивов; б) первичная обработка архивов и постановка вопроса о вывозе архивных фондов, находящихся в угрожающем состоянии; в) тематическое описание архивных фондов по каторге и ссылке. В создание документальной базы истории каторги и ссылки было вовлечено Центральное архивное управление государства. Совместно с Центральным архивным управлением планировалось провести учет архивов, составить описание фондов и, в случае надобности, перевести архивы в центр. Был даже составлен совместный циркуляр о постановке работы по учету, описанию и разработке архивных фондов о каторге и ссылке и разослан в структурные подразделения Общества [4, л. 10 об.]. Архивная работа постепенно усложнялась, в июле 1933 г. появилось новое координационное структурное подразделение – архивная комиссия в составе Виленского, Максакова, Лурье, Водолазского, Зверевой. Было утверждено положение о комиссии и план архивной работы на вторую половину года,

составлена смета расходов [4, л. 17]. Для общего руководства было создано бюро, в его задачу входило составление календарного плана работы, подготовка сметы расходов, создание консультационной группы.

Группа в свою очередь должна была содействовать методической помощи структурным подразделениям ЦБ. Особое место отводилось совместной работе с Центральным архивным управлением. Планировалось организовать инвентаризацию и составление аннотированных карточек по центральным фондам Главного тюремного управления, Третьего Отделения Департамента полиции (1819–1917 гг.), Министерства юстиции, фонда Нерчинской каторги, фонда запросов Государственной Думы, Московской областной тюремной инспекции, фонда Военных судов. Предполагалось содействовать перевозке в Москву архивов Иркутских учреждений, имевших отношение к каторге и ссылке, архивов Якутской ссылки, Енисейской ссылки, Сахалинских архивов и других. Все эти меры, по мнению комиссии, позволили бы разработать план по составлению общего реестра политзаключенных, основанного на архивных данных [4, л. 16–18.]

Вскоре Центральная архивная комиссия разослала письмо в региональные отделения Общества с указанием конкретной работы. Прежде всего необходимо было выяснить имена всех каторжан и ссыльных, отбывавших срок в определенной тюрьме и ссылке; собрать сведения об их социально-экономическом положении и партийной принадлежности; собрать сведения о протестах каторжан и ссыльных и циркуляры о репрессиях в тюрьме и ссылке; выявить и собрать материалы о подкопах и побегах; собрать корреспонденцию каторжан и др. [11, л. 7]. Эта задача была настолько сложной, что не выполнена до сих пор.

После выхода в свет плана «История политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции», вся архивная работа была скоординирована в соответствии с задачами. Намечалось описать и составить тематические и персональные картотеки архивных материалов по различным регионам каторги и ссылки, а главное, установить четкий календарный план.

Работа с архивами приобрела настолько серьезный характер, что почти ежемесячно архивная комиссия отчитывалась перед

Центральным Бюро НИИС. Один из членов комиссии высказал даже такую оригинальную идею: поставить перед президиумом вопрос, чтобы совместно с Центральным архивным управлением найти специальное помещение для хранения и разработки Иркутских архивных фондов и организации специального архива каторги и ссылки, где будут храниться все архивные фонды по истории политических репрессий.

Бывшие политкаторжане еще в первые годы деятельности Общества пытались собирать архивные материалы. На местах создавались архивные комиссии, которые занялись разборкой архивов. Как проводилась архивная работа, наглядно видно на примере Иркутского отделения, а после реорганизации в 1931 г. – Восточно-Сибирского краевого объединения. По заданию центральных структур сибиряки несколько лет трудились над составлением списка репрессированных, отбывавших наказание в Сибири. В январе – апреле 1928 г. архивная комиссия работала над списком политкаторжан Александровского центра за 1907–1912 годы. Список в виде поименного перечисления политкаторжан в алфавитном порядке был составлен и отправлен в Москву [2, л. 26]. Однако это не удовлетворило центр. Вскоре в Иркутск была направлена форма – карточка с обозначением необходимых данных для заполнения на каждого репрессированного. Центральный Совет направил в Иркутское отделение в 1928 г. деньги в сумме 200 рублей [1, л. 209–210]. Архивно-историческая комиссия, которую возглавлял В. Скляревич, за два с половиной месяца рассмотрела 5277 дел из 27 связок, в них было выявлено только 894 дела по политическим обвинениям. Работа была кропотливой и затратной по времени. Тем не менее первые успехи позволили членам комиссии даже сделать вывод, что полный алфавит за 1905–1917 гг. можно будет составить за два года, если заниматься этим будут 2-3 человека в течение 4-5 часов в день [2, л. 12]. Работа растянулась на несколько лет и фактически не была выполнена по различным причинам.

Работать в Иркутском архиве приходилось в сложных условиях, помещение не отапливалось, не хватало бумаги, были трудности с печатной машинкой и машинисткой. Деньги на архивную работу присылал Центральный Совет, куда высылали финансовые отчеты. Например, за последний квартал 1931 г. и

за первое полугодие 1932 г. на изготовление 3440 бланков, за работу машинистки и на канцелярские принадлежности было израсходовано 827 рублей 70 копеек [3, л. 55].

С 1931 г. архивная работа развернулась с новой силой. Восточно-Сибирский краевой совет, созданный после реорганизации и образования Восточно-Сибирского краевого объединения, наметил более грандиозные задачи: а) выявить архивные фонды 14 каторжных тюрем Восточно-Сибирского края: Иркутской, Александровского централа, Александровской пересыльной тюрьмы, Иркутского сользавода, Николаевского завода, Усть-Кутского сользавода; б) тюрем: Карийской, Зерентуйской, Мальцевской, Кадаинской, Кутомарской, Алгачинской; в) тюрем Красноярской губернии; г) составить список мест ссылки; д) приступить к разработке архивов жандармских управлений: Енисейской, Иркутской и Забайкальских губерний; е) архивов генерал-губернатора этих же губерний; ж) архивов полицейских управлений и округов, окружных и военных судов; з) колчаковской контрразведки, следственных комиссий и др.; и) провести обследование архивов в Чите, Красноярске, Канске, Улан-Удэ. Основную работу должны были осуществить научные работники краевого архива, с которыми предполагалось заключить договор. Читинской группе Восточно-Сибирского краевого совета было дано задание принять участие в выявлении в Читинском архивохранилище архивов каторжных тюрем: Кутомарской, Карийской, Зерентуйской, Мальцевской, Алгачинской; архивов Забайкальской тюремной канцелярии генерал-губернатора; жандармского управления; военно-окружных судов; колчаковской и семеновской контрразведки; губернского и уездных полицейских управлений; губернского прокурорского надзора.

В результате работы только в Иркутске было выявлено 93 наименования архивных фондов: Главного управления Восточной Сибири, Канцелярии иркутского Генерал-губернатора, иркутской губернской тюрьмы, иркутского тюремного отделения, иркутского окружного суда, иркутской судебной палаты, прокуратуры Иркутского окружного суда и т. д. [3, л. 49].

Работа по составлению карточек не была закончена, так как часть архивов, в частности, дела тюремной инспекции в 1933 г. были отправлены в Москву. Бывшие политкаторжане оказывали помощь в подготовке к пересылке архивного фонда. Гран-

диозные планы были ограничены возможностями. Например, в 1 квартале 1935 г. в Иркутском архиве работали только три человека: Конецкий, Ткаченко и Арушанов, которые с трудом справлялись с горами архивного материала. В своем отчете они докладывали, что обработали только часть материалов по революционному движению за 1905 г., оформлено 125 карточек на дела бывшего архива Иркутского генерал-губернатора, а научно-исследовательская деятельность тормозится и не имеет ясности из-за неполучения от Центрального бюро определенных указаний и планов.

Часть документальных материалов фонда раскрывают планы архивно-исторической комиссии Крайотделения по исследованию сибирской ссылки. На 1933 г. планировалось проработать материалы по Карийской трагедии, «с привлечением живого участника того времени Чуйко... устроить вечер на эту тему в клубе», докладчиком пригласить научного работника Крайархива Ф.А. Кудрявцева. Предполагалось изучить материалы в Крайархиве по Якутской трагедии, «обработать» материалы о декабристах, «увязаться» с комиссией по истории репрессий Гражданской войны, фотографировать места и предметы, имеющие революционное значение [3, л. 28].

К середине 1934 года в распоряжении ЦБ НИИС находилось свыше 60 000 карточек-аннотаций и описей 71 основного фонда по истории каторги и ссылки. Картотека по фонду Главного тюремного управления насчитывала 22 тыс. карточек (2500 карточек составляли тематический, территориальный и именной указатели). Фонд Третьего Отделения насчитывал 3600 карточек, фонд Департамента полиции – около 2500 карточек, фонд Министерства юстиции – 268 карточек, фонд Московского охранного отделения и Московского губернского жандармского управления – 96 карточек, фонд Нерчинской каторги – 9780 карточек. По Енисейской ссылке было составлено 2400 карточек, по Александровскому централу – 1500 карточек; по Якутскому архиву – 895 карточек; по Тобольской ссылке – 122 карточки; по фонду ЛО-ЦИА – 600 карточек и др. [12, л. 1–9; 6. л. 30].

В результате деятельности Общества сформировался массивный архивный фонд в Москве (ГАРФ) и различных региональных архивах. Документы Центрального совета и других центральных структур Общества сосредоточены в Государственном

архиве РФ (ГАРФ) в фонде 533, состоящем из пяти описей. Фонд настолько огромный, что только первая опись составляет 1531 дело, некоторые из них содержат до 300 листов и более. Большой объем документальных материалов находится в архивах других городов, где располагались региональные отделения: Санкт-Петербурге, Иркутске, Красноярске, Чите и др. Объемные и информативные фонды содержатся в отделениях, где в прошлом располагались места ссылки и каторги. В начале 30-х гг. в стране работало более 50 отделений, которые объединяли бывших репрессированных. Отделения, как структурные подразделения Общества, занимались идентичной работой, что и центр: историко-исследовательской, пропагандистской, материальной и шефской. Из Центрального Совета и других подразделений поступали многочисленные указания, решения, постановления, рекомендации, которые откладывались в делопроизводстве региональных отделений. В связи с этим фонды региональных архивов Общества по информативности не уступали фонду ГАРФ. Достоинство фондов – в полноте и сохранности документального комплекса, что было характерно для общественных организаций, где работали бывшие революционеры. Они хотели сохранить историю революционного движения для будущих поколений.

Фонды формировались на протяжении деятельности Общества и представляют собой уникальный комплекс, сформированный из документов делопроизводства Общества политкаторжан. Материалы фондов охватывают период 1924–1935 гг. В 1935 г. Общество было закрыто, фонды передавались на хранение в советские архивы, о чем свидетельствуют акты передачи фондов на хранение. Впоследствии фонды подверглись технической и научной обработке. Делопроизводство в Обществе не было налажено на профессиональной основе, поэтому описи пересоставлялись специалистами-архивариусами в более позднее время. Например, в Государственном архиве РФ (ГАРФ) первая опись фонда 533 после закрытия Общества была пересоставлена, так как единицы хранения были неправильно систематизированы, заголовки не раскрывали содержания дел, значительное количество единиц хранения было сформулировано неправильно, включены дела непрофильных фондов. Материал фонда был обработан, проведено уточнение фондовой принадлежности материалов. К первой описи были присоединены материалы из

фонда 1724 – редакции журнала «Каторга и ссылка», который был искусственно создан в 1953 г. При научно-технической обработке документальных материалов была проведена экспертиза научной и практической ценности материалов.

В первой описи фонда 506 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.) имеется значительное количество дел – 1176, в том числе 780 дел общего делопроизводства, которые содержат материалы Ленинградского отделения Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Архивные документы Ленинградского отделения были направлены в Государственный архив Ленинграда в 1935 г. после ликвидации Общества. Материалы поступили в архив необработанными и большая их часть в виде скрытой «россыпи». Через какое-то время архивные материалы подверглись научно-технической обработке и научной экспертизе. В связи с тем, что работа Общества строилась на выборных началах, и рабочий аппарат состоял из небольшого количества человек, стройной системы делопроизводства в Ленинградском отделении не было. Большинство дел формировалось как «входящие» и «исходящие» независимо от корреспондента и вопроса. На документальный материал составлено две описи. В первую опись внесены материалы общего делопроизводства, во вторую опись внесены материалы по личному составу. В 1966 г. фонд был окончательно сформирован и все дела микрофильмированы. В таком виде они выдаются в настоящее время исследователям. Бумажный вариант фонда не выдается.

В Государственном архиве новейшей истории Иркутской области содержится фонд 148 Восточно-Сибирского краевого отделения Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Фонд формировался с момента создания Иркутского отделения в 1922 г. из дел общего делопроизводства, а после реорганизации в 1931 г., Восточно-Сибирского краевого объединения. Несмотря на то, что рабочий аппарат регионального отделения работал на общественных началах и состоял из небольшого количества непрофессиональных делопроизводителей, фонд находится в достаточно хорошем состоянии.

После закрытия Общества политкаторжан личные дела членов Общества и архив, кроме бухгалтерского, по постановлению Президиума Восточно-Сибирского исполнительного комитета от

9 сентября 1935 г. были сданы в Крайистпарт. Они поступили в виде скрытой «россыпи», а после закрытия Крайистпарт в 1939 г. дела Восточно-Сибирского краевого объединения общества политкаторжан были выделены в автономное делопроизводство и направлены в Областной партийный архив. В результате научно-технической обработки и научной экспертизы фонд был разделен на две части: в фонд 148 попали материалы организационного характера, еще одна часть отложилась в фонде 123 Востсибкрайкома ВКП(б). Фонд 148 состоит из двух описей. Первая опись на 160 дел была составлена в 1942 г., в 1973 г. фонд был проверен, в 1980 г. были добавлены литерные дела, в описи числилось уже 167 дела. В 1995 г. произошло еще одно добавление, поэтому первая опись в настоящее время содержит 176 дел.

Во вторую опись внесены «закрытые» материалы по личному составу членов Восточно-Сибирского краевого совета, которые не выдаются.

В Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) находится фонд 89, который содержит материалы фракции ВКП(б) Центрального Совета Общества политкаторжан. Фонд состоит из 12 описей, однако, материалов по истории Общества и его деятельности незначительное количество. Только опись 5 содержит материалы стенограмм собраний фракции ВКП(б), пленумов, выступлений руководителя Общества Ярославского на различных пленумах и съездах, протоколы заседаний фракции, переписку и др. Материалы по истории сибирской ссылки практически отсутствуют.

В 30-е – первой половине 50-х гг. XX в. архивные дела фондов были недоступны для исследователей по идеологическим мотивам. Общество объединяло представителей всех революционных партий, поэтому интерес к бывшим оппонентам правящей партии не приветствовался. Видимо «оттепель» второй половины 1950-х годов смягчила политическую систему и дала исследователям возможность доступа к архивным фондам, ранее закрытым. Первые обращения исследователей можно проследить по формулярам выдачи архивных дел.

Документы, отложившиеся в фонде Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и отражают историю Общества и его научную деятельность, а также содержат сведения

по истории революционного движения в России, истории каторги, ссылки и эмиграции от декабристов до конца Гражданской войны, и в частности, сибирской.

Архивный фонд 533 (ГАРФ), являющийся центральным, отличается от фондов региональных отделений своей массивностью. В фонде имеется пять описей, только первая опись составляет 1531 дело, некоторые из них содержат до 300 листов и более. Здесь сосредоточены дела общего делопроизводства из материалов Центрального Совета, отражающие историю Общества, сведения по истории революционного прошлого России, во второй описи – личные дела членов Общества, в третьей описи – личные дела на лиц, выбывших или исключенных из Общества, подававших документы, но не принятых в связи с наличием в них компрометирующих данных или закрытием Общества. В четвертой описи – секретная переписка, в пятой описи – отдельные документы, и в том числе, о закрытии Общества.

Фонд включает три группы архивных источников. К первой группе относятся документы съездов, пленумов, включая стенографические отчеты, протоколы, решения, резолюции; положения о разнообразных структурах – Центрального совета, НИИ-Са, секций, комиссий; информативные письма и др.

Во вторую группу входят материалы по истории революционного движения и репрессий, и в частности, по истории сибирской ссылки. Важная часть документов – своеобразный мемуарный комплекс – воспоминания участников революционного движения. Некоторые из них представляют застенографированные воспоминания бывших ссылных, дополненные товарищами. Практика работы над воспоминаниями была такова: на заседаниях, собраниях различных структур бывшие ссылные выступали с воспоминаниями о ссылке в Сибири, а их товарищи комментировали, дополняли, иногда в корне не соглашались с интерпретацией событий. Часть документов представляют рукописи в подлиннике, написанные собственной рукой, или отпечатанные на машинке о своем пребывании в сибирской ссылке. К этой же группе документов относятся воспоминания в виде ответов на заранее подготовленные вопросы, составленные различными секциями, комиссиями, бригадами. Такой «вопросник» был своеобразным ориентиром – подсказкой для бывших революционеров, вспоминающих о делах «давно

минувших лет». В эту же группу материалов входят темы для «коллективных проработок» по регионам ссылки, материалы журнала «Каторга и ссылка» издательства политкаторжан.

Вторая часть архивных материалов представляет подготовительный материал к выпущенным и планируемым изданиям биографического содержания: биобиблиографический словарь «Деятели революционного движения в России», «Биографический словарь членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев» (разных лет издания); вспомогательные рабочие материалы, в том числе картотеки по подготовке издания «История политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции эпохи царизма и белого террора эпохи Гражданской войны 1917–1922 гг.». К этой же группе относятся копии архивных материалов, выявленных членами Общества в государственных архивах, фондах местных полицейских, жандармских, судебных учреждений, фондов тюрем. Преобладающая часть материалов представляет машинописный текст.

Третья часть документов содержит персональные сведения: личные дела членов Общества, личные дела на лиц, выбывших или исключенных из Общества или подававших документы на вступление, но не принятых в связи с наличием компрометирующих данных. Особая часть документов – «секретная переписка». Она не выдается исследователям и поэтому ее содержание закрыто. После ликвидации Общества документы через какое-то время подверглись научно-технической обработке и научной экспертизе. В 1953 г. к фонду 533 были присоединены материалы фонда 1724 «Редакция журнала «Каторга и ссылка». Материалы фонда охватывают период 1924–1935 гг.

Документальный материал первой описи систематизирован по структурно-хронологическому принципу за 1924–1935 гг. и состоит из 41 раздела. В этой описи некоторые разделы посвящены научно-исторической деятельности Общества. Возглавляет этот блок описи раздел о центральном бюро научно-историко-исследовательских секций (НИИС).

В первой описи фонда 506 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) сосредоточены материалы общего делопроизводства. Документальные материалы, так же как и в других архивах, систематизированы по хронологически-структурному принципу за 1924–1935 гг.

Документальная база архива содержит три группы источников: документы Центрального Совета Общества политкаторжан, среди них информативные письма, стенографические отчеты пленумов, доклады, инструкции, протоколы, решения, резолюции представляют одну группу материалов. Эта группа материалов позволяет изучить организацию исследовательского процесса истории ссылки в центральных структурах Общества.

Руководящие материалы Ленинградского отделения: протоколы общих собраний, президиумов совета и самого совета, отчеты отделения за 1925–1934 гг., отчеты и протоколы о деятельности историко-революционных комиссий, секций по изучению истории декабристов и истории народовольцев, культурного влияния политссылки на Сибирь, политической каторги, подсекций, деятельности научно-исследовательской комиссии, созданной в 1934–1935 гг., сводки итогов работы и др. составляют вторую часть документов.

Третья часть материалов включает непосредственно историю сибирской ссылки: застенографированные воспоминания, рукописи в подлиннике бывших ссыльных революционеров; воспоминания в виде ответов на заранее подготовленные вопросы и др. Преобладающая часть материалов представляет машинописный текст. Тематика и содержание докладов, рукописей и других документальных материалов позволяет раскрыть историю сибирской ссылки.

В фонде 148 ГАНИИО, так же как и в фонде 506 ЦГА СПб., представляющего Ленинградское отделение Общества, содержится три группы документальных источников. Одна группа исходит от центральных структур Общества и представляет руководящие документы Центрального совета Общества политкаторжан.

Вторая часть документов содержит деловую документацию структурного подразделения Общества – Иркутского отделения политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а после реорганизации в 1931 г. – Восточно-Сибирского краевого объединения.

Третья группа документов также исходит от регионального подразделения Общества и содержит материалы по организации исследовательского процесса изучения репрессивной политики царизма, материалы для библиографического словаря ссыльнокаторжных, списки сидевших в Александровском центре,

материалы по переизданию справочника членов Общества для центрального совета.

В результате работы Общества в фондах скопилось огромное количество архивного материала, раскрывающего историю сибирской ссылки.

Некоторая часть документов содержит материалы о написании научной истории «Политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции в эпоху царизма, белого террора и Гражданской войны» и Плана написания в объеме 5-6 томов – 170–200 печатных листов и сопутствующей ей подготовки библиографического блока [4, л. 10, 10 об., 14 об., 15].

В материалах фонда содержится письмо, разосланное региональным отделениям председателем ЦБ НИИСа Бреславом и секретарем Протоповым о составлении научной истории политической тюрьмы, каторги и ссылки и эмиграции. [4, л. 32]. Была определена последовательность работы по написанию истории: сначала составить схему плана, затем подготовить план, одновременно «мобилизуя сырьевую базу», а в завершении – написать историю репрессий.

Работа по составлению плана была распределена между авторами-историками, секциями и землячествами и отделениями. Восточно-Сибирское региональное отделение получило письмо с просьбой «продумать, каким образом, и в какой части каждое отделение, группа, секция, отдельные товарищи могут принять участие в этой работе». Рекомендовалось планы научно-исследовательской работы на 1934 год подчинить основной задаче – «написанию научной истории политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции» [4, л. 32].

Приступало Общество к историческому труду не на пустом месте. К этому времени был сформирован актив не только из участников революционной борьбы, но и из профессиональных историков. Была создана так называемая рабочая редакция в составе Бреслава, Диманштейна, Горева, Козьмина, Виленского, Невского [6, л. 28].

В 1934 г. Ленинградское отделение приступило к обсуждению Плана написания истории. Один из активных членов Ленинградского отделения Бузанский нарисовал схематичную картину участия отделения: «...Если взять большое полотно, которое предстоит написать, то задний фон его будет занят историей

социально-экономической революции, истории революционного движения. На переднем плане будут тюрьма, каторга, ссылка... И на этом фоне история отдельной тюрьмы... Наша задача более скромная: частично использовать материал, который у нас имеется лично здесь, и затем, по имеющимся архивным материалам, писать сквозную историю определенных тюрем» [16].

На взгляд автора, Ленинградское отделение должно взять на себя написание истории Шлиссельбурга, Петропавловской крепости, Псковского централа, Крестов, ДПЗ, Литовского замка, Кронштадтской тюрьмы, Соловков, Рижского централа и Иркутской ссылки. Хронологический подход не устроил Билибина. Он предложил рассматривать историю каторги и ссылки, используя проблемный подход, например: «каторга в рабочем движении», «тюрьма времен войн», «конкретное руководство тюремным делом», «тюрьма в революции», «женщина в тюрьме, каторге и ссылке», «семья и тюрьма».

Часть документальных материалов, отложившихся в фондах, посвящена подготовке библиографии по истории репрессий. В феврале 1933 г. специальная библиографическая комиссия НИИСа разработала план работы и наметила разделы библиографии. Хронологические рамки библиографии включали период с начала XIX века до 1922 г. Источниками библиографии должны были служить книги, включая художественную литературу, журналы специального и общего характера, газеты, а также нелегальная литература. Из документов видно, что работа на первых порах шла успешно. В сентябре 1933 г. обсуждался вопрос о плане уже второго тома и подготовке технического совещания библиографической группы совместно с издательством по поводу издания первого тома [4, л. 27, 27 об.]. Однако постепенно работа замедлилась. К началу 1934 г. первый том в печать не вышел, несмотря на то, что было аннотировано 2530 книг [4, л. 53]. В итоге огромная подготовительная работа по составлению многотомной библиографии закончилась безрезультатно.

Яркий пример деятельности бригады по исследованию истории побегов из сибирских тюрем и ссылки – обсуждение 26 октября 1931 г. воспоминаний Розеноера «Побеги политических ссыльных из Тобольской и Якутской ссылок» и выступления с комментариями Крамольникова, Цукасовой М.А., Попова и

Юдина. Выступающие были сибирскими ссыльными, и, что называется, «изнутри» знали вопрос. Их мнения были единодушными: не только центр руководил побегами, но и местные партийные организации, раскиданные по территории Сибири, оказывали поддержку побегам, так как были заинтересованы в беглецах для использования их на партийной работе на местах. Беглецам «выдавали» подложные паспорта и под другими фамилиями они работали в Сибири на благо революции в типографиях, учебных заведениях, кооперативах и др. [7].

Результаты работы бригады по побегам отложились и в других делах: дело 523 – воспоминания Мельникова А.А. о побегах заключенных из Красноярской тюрьмы, дело 524 – о побегах из Александровской каторжной тюрьмы, дело 525 – воспоминания Коробова В.М. о побегах ссыльных из Туруханского края. В деле 527 отложилась дискуссия бывших ссыльных Ауэрбаха, Валентинова, Крамарова, Мошкина, Никитиной, Ульяновского по докладу профессора Гернета «Психология побегов».

Часть разделов содержит документы о научной работе комиссий, входящих в структуру НИИС. Среди них библиографическая комиссия, комиссия по архивной работе, переписка с архивными комиссиями местных отделений Общества по вопросу выявления документальных материалов, списки членов комиссии. Рабочие материалы архивной комиссии вобрали в себя: список фондов центральных и местных архивов, по которым проводилось выявление документальных материалов по истории тюрьмы, каторги и ссылки и эмиграции – с 1825–1917 гг. [12], выписки из документальных материалов центральных архивов о побегах заключенных по тюрьмам и списки бежавших, выписки из документальных материалов фонда Главного тюремного управления о перемещении заключенных каторжных и пересыльных тюрем и др. Одно из дел содержит копии с документальных материалов центральных и местных архивов по теме: «История тюрьмы, каторги и ссылки и эмиграции». Объем материалов довольно разнообразен. Например, дело 633 включает 150 листов, дело 638 – 192 листов, дело 640 – 42 листа, дело 626 – 7 листов.

К середине 1935 г. политкаторжане собрали свыше ста рукописей воспоминаний и, помимо отдельных книг, готовили к печати семь коллективных сборников. Воспомявая и мате-

риалы к ним, как правило, составляют от 10 до 75 страниц. Анализ содержания рукописей говорит о том, что авторы полагались только на свою память, они, как правило, не использовали дневниковых записей, поэтому воспоминания представляют фрагментарные картины ссылочного прошлого. В фондах отложился эксклюзивный материал: например, в фонде фотографии политкаторжан – 350 штук [15], тексты песен ссылочных и политкаторжан (машинописные и типографские) [14], авторский сборник Н.И. Федорова объемом 111 страниц «Сборник стихотворений из жизни в Сибирской ссылке», ч. 1 [16], ч. 2 [17].

Огромный объем архивного материала в рамках одной статьи не позволяет осветить весь отложившийся материал в фондах архивов. Накопление в архивах документов по истории сибирской ссылки оказалось возможным благодаря энтузиазму бывших репрессированных революционеров, которые на протяжении нескольких лет собирали, хранили архивные материалы по революционной истории, в том числе истории сибирской ссылки, и наметили издать объемный труд по истории «Политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции в эпоху царизма, белого террора и Гражданской войны». Однако время, отведенное для их деятельности, оказалось ограниченным. Тем не менее архивные фонды Общества политкаторжан позволяют приблизиться к пониманию роли репрессированных революционеров в развитии исторической науки по истории сибирской ссылки.

Список источников

1. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 19.
2. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 20.
3. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 61.
4. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 65.
5. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 15.
6. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 44.
7. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 521.
8. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 536.
9. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 537.
10. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 540.
11. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 626.
12. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 637.
13. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1010.
14. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 20.
15. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 56.
16. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 598.
17. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 590.

УДК 94(47)

П.Л. Казарян

**Ссылка на Северо-Восточную Россию (середина XVII – начало XX вв.).
Проблемы археологии**

Статья рассказывает о некоторых археологических проблемах изучения истории политической и уголовной ссылки XVII–XX веков на северо-восток России. Автор считает, что полноценное и достоверное изучение истории ссылки возможно только путём взаимодополнения сведений, содержащихся в федеральных, региональных и ведомственных архивах.

Ключевые слова: ссылка; Северо-Восточная Россия; национальные (федеральные), региональные, ведомственные архивы; археология ссылки.

P. L. Kazaryan

**The exile to Northeast Russia
(the middle of XVII – the beginning of the 20th centuries).
Archaeology problems**

Article tells about some the archaeological problems of studying of history of the political and criminal exile of the 17–20th centuries on the northeast of Russia. The author considers that full and reliable studying of history of the reference is possible only by complementarity of the data which are contained in federal, regional and departmental archives.

Keywords: reference: Northeast Russia; national (federal), regional, departmental archives; reference, archaeology.

Северо-Восточная Россия – историко-географическая часть Русского (Российского) государства, сложившегося с 1629 г. (первого похода русских в бассейн р. Лены) по 1789 г. (добровольного принятия чукчами российского подданства). Границы её определяются бассейнами рек Анабар, Лена, Уда, Тугур. Административно-территориально в разные периоды на её территории существовали образования Ленского, Охотского, Камчатских краёв и Чукотская земля (до 1888 г., начала образования уездов в регионе).

Этой самой отдалённой частью Русского государства с 40-х годов XVII в. суждено было стать местом ссылки двух категорий ссыльных – на службу и в пашню. Законодательно же впервые Ленский край как особое место ссылки был определён Соборным Уложением 1649 года. В главе XIX «О посадских людях», в статье 13 предписывалось ушедших московских и городских посадских тяглых людей вернуть на прежнее место причисления, «А будет они въперёд учнут за ково закладыватися и называтися чьими крестьяны, или людми, и им за то чинити жестокое наказание *бити их кнутом по торгом и сылати их в Сибирь на житье на Лену* (Курсив мой. – П.К.)» [1, с. 204].

Так было положено начало категории ссыльных, которая расширяясь по составу преступлений и видам наказания, впоследствии получила классификацию как ссылка по уголовным преступлениям.

Основная цель этой ссылки в XVII–XIX вв. в регионы Северо-Восточной России носила не только карательный характер, но и имела экономическую и демографическую основу. Так, например, после учреждения указом Правительствующего Сената от 29 апреля 1731 г. Охотского порта, с включением в его состав отделённого от Якутского уезда Охотского побережья и Камчатки, Сенат указом от 26 июня 1733 г. предписывал Сибирскому приказу: «... из присланных, и кои впредь посылаться будут за вины в ссылку в Охотск, разных членов [чинов? – П.К.] людей сибирскому губернатору с товарищи на житье определять в тот Охотск и на Камчатку, по рассмотрению, столько, сколько могут там себя содержать на тамошнем пропитании, а прочих рассылать в другие сибирские города и остроги, где малоллюдно китайской границе...» [2, с. 190].

Вторая категория сосланных на Северо-Восточную Россию – лица, осуждённые по государственным (политическим) преступлениям. При этом необходимо отметить, что в законодательном предписании и практическом применении по этим преступлениям существовало два этапа.

Первому этапу, применительно к региону, положило начало Соборное Уложение 1649 г. и который получило своё законодательное развитие в актах второй половины XVII–XVIII вв. [3, с. 6–33].

Так, например племянник сосланного в 1672 г. в Сибирь гетмана Левобережной Запорожской Сечи Демьяна Игнатовича Многогрешного Михаил Зиновьевич Многогрешный по царскому указу и грамоте Сибирского приказа от 17 марта 1674 г. был отправлен из Енисейска в Ленский острог «в пешую казачью службу».

По доставлении в Ленский острог, вначале он содержался в тюрьме, затем получил разрешение поступить на службу. Дослужился до чина десятника и в 1701 г. Якутской приказной избой был назначен приказчиком Камчатки [4, с. 129].

С конца 20-х – начала 30-х годов XVIII в. Якутский уезд, Охотский порт и Камчатка становятся местом ссылки для государственных (политических) преступников – участников дворянских заговоров и интриг, осуждённых за происки против царствующих особ и Российского государства и др.

Начало этому положил манифест от 27 мая 1727 г. «О винах Антона Девиера и товарищей и о наказании тех, которые будут говорить что-либо противное постановлению о наследии Российского Престола» [5, с. 798–800].

С каждым десятилетием число сосланных по этим составам преступлений увеличивалось [6, с. 1–35]. Особое место среди них занимали «секретные арестанты», которые этапировались и содержались на местах водворения особым порядком.

Так, например, назначенному исполнять должность коменданта Якутской области коменданту Нижне-Удинска, подполковнику Богдану Карповичу Гельмерсену правителем Иркутского наместничества, генерал-майором Ларионом Тимофеевичем Нагелем под его личным присмотром было поручено доставить из Иркутска в Якутск «из поляков секретного арестанта» Андрея Дубровского, которому местом ссылки был назначен город Зашиверск. Гельмерсен прибыл с ним в г. Якутск 12 октября 1795 г.

Тот же Нагель 29 октября 1795 г. сообщал исправляющему должность городничего Жиганска, коллежскому асессору Алексею Осиповичу Горемыкину о назначении на житьё в город Жиганск «секретного арестанта поляка» Ивана Оскирка, предписав, одновременно, правила надзора над ним [7, л. 8–9].

Особое место в ограничении ссылки, в частности по мотивам государственных (политических) преступлений, в самый отда-

лѣнный край Северо-Восточной России – Камчатский сыграло восстание 1771 г. ссылных на Камчатке, во главе с польским конфедератом Морицом Августом Беньѣвским, и побег на казѣнном галиоте «Святой Пѣтр» [8, с. 3–23, 49–79].

Это же стало причиной отделения указом Екатерины II от 30 апреля 1772 г. управления Камчатского края от Охотского порта и назначения главным командиром Камчатки премьер-майора Магнуса Карла (Матвея Карловича фон Бена (Бема), с непосредственным подчинением его губернатору Иркутской губернии [4, с. 208].

Попытка государственного переворота 14 декабря 1825 г., учреждение 1 июня 1826 г. Верховного уголовного суда, предание суду 121 человека трёх организаций декабристов, положили начало новому этапу в истории политической ссылки в России [9, с. 514–515, 753–772; 10, с. 60–62].

Всѣ это и определило место Якутской области как региона для ссылки лиц, осуждѣнных по политическим мотивам. Дальнейшее развитие российского законодательства в XIX – начале XX вв. превратило Якутский край в место массовой ссылки для всех категорий ссылных (кроме ссылнокаторжных) [11, с. 236–272; 12, с. 144–157].

Введѣнная в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. норма «ссылка на житьѣ в отдалѣннейшие или менее отдалѣнные места Сибири» привела на практике, со второй половины XIX в., к сужению географических рамок «отдалѣннейшего» места ссылки до границ Якутской области [13, с. 156–160].

Если начало ссылки третьей группы ссылных – раскольников в Сибирь, берѣт своё начало с 20-х годов XVII в. [14, с. 17–18], то ссылка «церковных раскольников и мятежников» на Северо-Восток России начинается с 70-х годов XVII в. [15, с. 125–126].

В XVIII – начале XIX вв., по мере появления новых сект – духоборцев, иконоборцев и других, увеличилась и численность сосланных в регион по этим преступлениям лиц.

Особое место Якутская область занимала в ссылке представителей такой опасной секты, как скопцы. Увеличению числа сосланных в Якутскую область способствовали и некоторые нормативные акты. Так, например, заложенные в «Уложение

о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. в статье 207, норма о ссылке последователей сект «по Сибири – в отдаленнейшие оной места» [16, с. 218] и решение Совета Главного управления Восточной Сибири от 15 апреля 1847 г. о ссылке в Якутскую область скопцов за вторичное, уже находясь в ссылке в Сибири, совершённое преступление, привели к резкому увеличению числа сосланных в Якутскую область скопцов [13, с. 160–161; 17, с. 234].

Именным указом от 18 апреля 1847 г. «О назначении мест для ссылки сибирских раскольников» [18, с. 323–324] для водворения скопцов предназначалась северная часть Енисейского округа – Туруханское отделение, район с тяжёлыми климатическими условиями. Неоднократные обращения скопцов к властям Восточной Сибири о переселении их в более удобный для занятия сельским хозяйством район, в конце концов, нашли понимание у генерал-губернатора, генерала от инфантерии, графа Николая Николаевича Муравьёва-Амурского и он обратился с докладом, со своими предложениями в Министерство внутренних дел.

В результате утверждённого Александром II Положения Сибирского комитета от 6 декабря 1859 г. предписывалось впредь водворять скопцов в Якутской области [19, с. 323]. Вместе с тем министр внутренних дел, член Государственного совета Сергей Степанович Ланской 4 февраля 1860 г. утвердил представление Совета Главного управления о переселении скопцов из Туруханского края в Якутскую область [13, с. 161].

Ведущим местом ссылки скопцов среди трёх южных округов Якутской области (Олёкминского, Якутского, Вилюйского) с 1860 г. по начало XX в. являлся Олёкминский округ [20, с. 32–35].

С 1650-х годов Якутский край становится своеобразным штрафным районом для коренных жителей Сибири. Особенностью ссылки в регион становится и ссылка по этническому признаку. Так, например, утверждённые Николаем I 15 мая 1837 г. «Правила, заключающие в себе меры против переселения евреев в сибирские губернии и для уменьшения числа поселённых уже в Сибири евреев», в числе мер по ссылаемым евреям, предусматривали, чтобы «ссылные за преступления, отправляемые по прежнему в Сибирь, не были там поселяемы в городах,

а водворялись всегда особыми селениями в отдалённых местах Сибири, именно в Якутской области и за Байкалом» и чтобы «евреев, осуждаемых в каторжные работы, по окончании срока сей работы, селить также не иначе как в Якутской области и за Байкалом» [21, с. 324–325].

Именно как «отдалённое место ссылки в Сибири» предопределило место в Якутской области ссылки участников польского восстания 1863–1864 гг. [22, с. 12–19]. Те же критерии лежали в основе утверждённых Александром II 29 мая 1870 г. правил «Об административной высылке в Сибирь конокрадов и инородцев Оренбургского края и о порядке составления о них приговоров», когда предписывалось подобных лиц «выслать административным порядком на всегдашнее жительство в отдалённые места Восточной Сибири» [23, с. 12].

Министерство внутренних дел указало генерал-губернатору Восточной Сибири, генерал-лейтенанту Михаилу Семёновичу Корсакову местом для водворения ссыльных татар и башкир выбрать Якутскую область. А в области для их водворения предназначались три южных округа (Олёкминский, Якутский, Вилюйский), а в северные округа (Верхоянский, Колымский) их водворяли только лишь как наказание – за нарушение режима надзора, по требованию сельских обществ и др. По численности же водворённых ведущее место занимал Олёкминский округ [24, л. 5–40, 51–84, 132–160].

Панорамный, краткий обзор ссылки на Северо-Восточную Россию в XVII–XX вв. свидетельствует, что несмотря на сокращение ссылки в отдельные края – Камчатки (в XVIII в.), Охотска (к середине XIX в.), тем не менее, именно Якутскому краю суждено было оставаться на весь период существования карательной политики царизма самым востребованным отдалённым местом ссылки в России.

При изучении истории этой ссылки важнейшее место занимает археографическая проблема: во-первых, установление того круга источников, которые утеряны безвозвратно; во-вторых, выявление в архивах того круга источников, которые способны, порой путём взаимозаменяемости, расширить археографическую базу в изучении истории этой ссылки.

Первым фактором в утере источников в XVII – начале XX вв. были пожары в архивах, центральных и местных органах вла-

сти и управления. Применительно к Якутскому краю губительное последствие имели около 30 пожаров. В изучении истории ссылки невосполнимые следы оставили такие пожары как: в ночь с 13 на 14 августа 1643 г. уничтожение полностью Тобольского острога; 24 июля 1666 г. – Илимского острога; 29 мая 1677 г. – вновь города Тобольска; 6 июня 1701 г. – Архиерейского дома с архивом в Тобольске; 29 июля 1778 г. – архива г. Енисейска; 21 сентября 1812 г. – Якутского областного правления (ЯОП), с делопроизводством, текущим архивом и взятыми из архива для справок делами; 23 ноября 1867 г. – Якутского земского суда, с архивом за 1822 – 1867 гг.; 22–24 июня 1879 г. в г. Иркутске административные учреждения Восточной Сибири и Иркутской губернии, со своими архивами, где хранились дела за XVII–XIX вв., в т. ч. вывезенные из Якутска в Иркутск; в ночь с 27 на 28 декабря 1879 г. – здания ЯОП, с делопроизводством, с делами, взятыми из областного архива для справок, не сданными в архив делами Якутского городского полицейского управления, всеми описями архивных дел; в ночь с 5 на 6 октября 1884 г. – здания Якутского окружного суда, с делопроизводством и архивом; 8 августа 1890 г. – Якутского областного архива, с описями архивных дел за 1714–1887 гг. и сданными в архив по 1887 г. делами; 5 мая 1916 г. – здания ЯОП, с делопроизводством, архивом за 1906–1916 гг., с делами, взятыми из областного архива для справок.

После пожаров органы власти и управления пытались минимизировать их последствия. Так, например, после пожара 1879 г., ЯОП в числе других потребовало 5 января 1880 г. от Якутского окружного полицейского управления представить статейные списки прибывших до 1880 г. ссыльных. К октябрю 1883 г. были представлены 670 статейных списков, однако эта работа не была завершена и к началу 1886 г. [25, л. 1–17; 26, 17, л. 1–4].

Второй фактор обусловлен государственной политикой уничтожения архивных дел прошлых эпох. Начало этой политики положило утверждённое Николаем I 5 января 1848 г. Положение Комитета министров «О учреждении особых Комиссий для разбора решённых дел, накопившихся в архивах уездных присутственных мест», где предписывалось: «... для устранения неудобств, происходящих от накопления решённых дел в архивах

уездных (применительно к Якутской области окружных. – П.К.) присутственных мест ведомства Министерства Внутренних Дел, учреждать, с разрешения Министерства особая Коммисии для разбора сих дел...», для уничтожения. При этом оговаривалось: «... чтобы предварительно уничтожения тех из них, кои признаны будут ненужными, непременно было на сие каждый раз Высочайшее разрешение через Комитет Министров» [27, с. 14].

При этом в указе при создании комиссии содержится ссылка на опыт образования подобных комиссий для уничтожения архивных дел в законе «Высочайше утверждённое учреждение губернских правлений» 2 января 1845 г. [28, с. 16–60], где в статьях 299–300 оговаривались порядок уничтожения определённого рода архивных дел и состав для разбора и уничтожения этих дел комиссий.

Если учесть, что в Якутском крае административно-территориально с 1640 г. по 1775 г. и с 1804 по 1822 гг. существовал один Ленский – Якутский уезд; с 1775 г. по 1784 г. – 1 воеводство и 5 комиссарств; с 1784 г. по 1804 г. – 5 уездов; с 1804 г. по 1813 г. – 7; с 1813 г. по 1822 г. – 5 комиссарств; а с 1822 г. – 5 округов, то можно представить ту колоссальную работу, которую предстояло проводить в Якутском областном, Якутских городском и окружных управлениях архивах.

Во исполнении Высочайшего повеления от 5-го января, министр внутренних дел граф Лев Алексеевич Перовский циркулярным предписанием от 31 января 1848 г. за № 408 потребовал от иркутского гражданского губернатора, действительного статского советника Андрея Васильевича Пятницкого приступить к его исполнению в подведомственной губернии. Так как Якутская область входила в подведомственную территорию, то губернатор 13 марта 1848 г. за № 1174, с приложением в копии циркулярного предписания министра за № 408, направил в Якутское областное правление соответствующее предписание (ЯОП) [29, л. 1–3 об].

Так, например, по исполнению указания вышестоящих властей, в Якутском областном архиве была образована комиссия, которая спустя два года представила результат своей работы. В «Соображении членов комиссии назначенной для разбора старья дела хранящиеся в Якутском областном архиве и подлежащие к уничтожению», в списке для уничтожения были включе-

ны дела Якутской воеводской избы и канцелярии [30, л. 1–20 об.]:

- за 1674 г. – 1 дело;
 - за 1691 г. и 1697 годы – 3 дела;
 - за 1700 г. – 1 дело;
 - за 1702 г. – 9 дел;
 - за 1704 – 1751 гг. – 8 071 дело.
- Всего – 8 085 дел.

Представленный список – свидетельство того, в каких масштабах уничтожались старые дела в областном, окружных и учрежденческих архивах Якутской области.

Политика уничтожения старых дел опустилась до самоуправления уровня. Так, например, генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал-лейтенант, сенатор Николай Петрович Синельников разрешил после отбора уничтожить дела одной из крупных инородческих управ Якутского округа – Батурусской за 1810–1860 годы. Отбор документов для сдачи в областной архив ЯОП 11 сентября 1871 г. поручило Якутскому областному статистическому комитету, который из 3 877 дел отобрал для архива всего лишь 200 дел, а остальные были проданы с торгов в городе торговцам на обёртки. Вырученные же деньги – 3 рубля, были сданы в областное казначейство 30 июля 1872 г. [31, л. 1–15].

Приведённые всего лишь некоторые факты – свидетельство того, что полноценное и достоверное изучение истории ссылки Северо-Восточной России возможно только путём взаимодополнения сведений, содержащихся в национальных (федеральных), региональных и ведомственных архивах.

Среди фондов РГАДА [32] особое значение имеют такие фонды высших и центральных органов власти и управления как ф. 214 (Сибирский приказ), ф. 6 (Разряд VI), ф. 24 (Сибирский приказ и управление Сибирью), ф. 248 (Сенат и его учреждения), ф. 237 (Монастырский приказ) и др.

С учётом того, что в архивах Восточной Сибири и Дальнего Востока не сохранились документы XVII в. – 1770-х годов, то важное значение имеют хранившиеся в архиве фонды: во-первых, административно-территориальных образований, которые так или иначе задействованы были в организации этапирования, переназначении, не говоря уже о собственных ссылных,

сосланных в регионы Северо-Восточной России; во-вторых, фонды, относящиеся к Ленскому (Якутскому), Охотскому, Камчатскому краям [33].

К первому относят такие фонды приказных изб, как ф. 838 (Енисейский), ф. 1121 (Иркутский), ф. 1142 (Нерчинский); провинциальных канцелярий – ф. 428 (Енисейской), ф. 1025 (Иркутской); воеводских канцелярий – ф. 494 (Илимской), ф. 1424 (Усть-Киренской); ф. 415 (Сибирской губернской) канцелярий.

Вторая группа это фонды: Якутской приказной избы (ф. 1177), Якутской воеводской канцелярии (ф. 697), Якутской провинциальной канцелярии (ф. 416), Канцелярии командира Анадырской крепости (ф. 1095), Канцелярии Гижигинской крепости (ф. 1096).

Именно в РГАДА хранится основная масса археографического наследия основоположника сибирской историографии Герхарда Фридриха Миллера (ф. 199), многие документы которого, ввиду потери оригиналов, являются незаменимыми источниками при изучении всех направлений, в т. ч. и ссылки, истории как Сибири в целом, так и её регионов, в том числе и Северо-Восточной России [34].

Среди фондов ГАРФ [35] по изучению истории Северо-Восточной России имеются две категории фондов. Первая представляет такие фонды, которые содержат сведения от законодательной регламентации ссылки, судебных приговоров до их воплощения в действительность. Среди них фонды Третьего отделения Собственной ЕИВ канцелярии (ф. 109), Департамента полиции МВД (ф. 102), Верховной распорядительной комиссии (ф. 94), Особой канцелярии МВД (ф. 1165), Временной канцелярии Министерства юстиции (ф. 124), отдельных следственных комиссий (ф. 95, ф. 272).

Примечательно, что в этом архиве находится самая большая коллекция фотографий (после появления практики фотографирования арестантов) существования царской ссылки (ф. 1742).

Вторая категория фондов – это фонды, непосредственно связанные с отдельными категориями ссылных Сибири. Среди них особо ценным является фонд Всесоюзного общества бывших политических каторжан и ссылнопоселенцев (ф. 533). Определённый интерес представляют и фонды личного происхождения бывших ссылных северо-востока державы, таких как Виктора

Николаевича Катина-Ярцева (ф. 1734), Михаила Моисеевича Полякова (ф. 1794), Михаила Павловича Павловича (Вельмана) (ф. Р-5402) и др.

Среди фондов РЦАНИ [36] можно отметить фонд Всесоюзного общества старых большевиков (ф. 24), личные фонды Емельяна Михайловича Ярославского (ф. 89), Виктора Павловича Ногина (ф. 145), Владимира Филипповича Горина-Галкина (ф. 292) и других.

Для выяснения значения и места ссылки в регионы Северо-Восточной России, а также практики ссылки, особое значение имеют такие фонды РГИА [37] как: законодательных органов – Государственного Совета и его учреждений (ф. 1148, 1149, 1167, 1239 и др.), Государственной Думы (ф. 1278), исполнительных органов – Комитета министров (ф. 1263) и Совета министров (ф. 1275, 1276), Первого (ф. 1264) и Второго (ф. 1265) Сибирских комитетов, а также канцелярия министра внутренних дел (ф. 1282), Департамента полиции исполнительной (ф. 1286), Министерства юстиции (ф. 1405) и коллекция вещественных доказательств того же министерства (ф. 1410).

В личных фондах этого архива по истории ссылки в России, в т. ч. на северо-восток страны, выделяется фонд Павла Елисеевича Щёголева (ф. 1093).

Среди сосланных в регионы Северо-Восточной России были и военнослужащие, сведения о которых, ввиду отсутствия в региональных архивах материалов за XVIII – начало XIX вв., необходимо искать в двух национальных (федеральных) военных архивах.

В РГА ВМФ [38] необходимо вести поиск в фондах Государственной адмиралтейств-коллегии (ф. 212), Морского генерал-аудиториата и управления флота генерал-аудитора (ф. 33), Главного военно-морского судного управления Морского министерства (ф. 407).

Для представления о службе сосланных чинов военно-морского флота первостепенное значение имеют две коллекции: Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства (ф. 406) и списки чинов флота (ф. 1089).

При поиске в РГВИА [39] о сосланных лицах военного ведомства необходимо отметить, что поиск придётся вести как в общероссийских фондах, как, например, Военно-учёного архива

(ф. 846), Формулярных списках (ф. 489), Коллекции офицерских сказок (ф. 490), Послужных списках офицеров (ф. 409) и др., так и в фондах отдельных воинских соединений и военно-оперативных управлений.

Вспомогательные, но уточняющие сведения могут содержать те фонды личного происхождения генералитета, фондообразователи которых так или иначе были связаны с управлением Сибирью.

В России за Уралом существует только один национальный архив, это Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). К сожалению, в этом архиве хранятся дела, относящиеся к старой истории, только лишь XIX – начала XX вв. Тем не менее, ряд региональных и местных фондов заслуживают внимания, как в общеисторическом, так и в отдельном тематическом плане, в т. ч. и касательно истории ссылки. Среди них такие, как Приморское областное правление (ф. 1), Канцелярия военного губернатора Приморской области (ф. 87), Военного губернатора Камчатской области (ф. 84), Главного управления Восточной Сибири (ф. 701), Канцелярии Приамурского генерал-губернатора (ф. 702), Охотского земского комиссара (ф. 1070), Гижигинского уездного начальника (ф. 1083) и другие.

При изложении археографических основ изучения истории ссылки Северо-Восточной России, в первую очередь необходимо обратиться к г. Иркутску и его архиву. Дело в том, что со времени образования 26 ноября 1724 г. Иркутской провинции, Якутский край по 1917 г., Охотский, Камчатский края и Чукотская земля по 1884 г. подчинялись органам власти и управления провинциальных и губернских властей Иркутской губернии и Восточной Сибири.

Однако в результате тех или иных событий, особенно иркутского опустошительного пожара 1879 г., архивные фонды по начало XIX в. перестали существовать. Сохранившиеся материалы разных фондов, от административно-управленческих до хозяйственных и религиозных, содержат богатый материал по истории ссылки разных категорий ссыльных в регионы Северо-Восточной России. Поэтому необходимо особо подчеркнуть, что максимально раскрыть всю полноту истории ссылки в эти регионы, невозможно без фондов ГАИО [40].

Среди них фонды: Главного управления Восточной Сибири (ф. 24), Канцелярии Иркутского генерал-губернатора (ф. 25), Иркутского губернского управления (ф. 32), Иркутской казённой палаты (ф. 161), Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ф. 293), Иркутской духовной консистории (ф. 50) и другие.

Ценнейшим и старейшим историческим архивом не только Северо-Востока, но и всего Дальнего Востока, является архив города Якутска – Государственный архив Республики Якутия.

В его фондах сохранились дела с середины 1770-х годов (выборочно с 30-х годов) по 1917 г. При этом необходимо по составу дел отметить, что они касаются как регионального (уездного, провинциального, областного) уровня, так и местного (комиссарств, уездного, окружного) и самоуправленческого (городского, крестьянского, инородческого) уровней.

По полноте и сохранности дел рубежным является 1822 год. Если до этого года сохранились не все фонды органов власти и управления, то фонды после 1822 г. более укомплектованы и хронологически полноценны.

В разрезе изучения истории ссылки в регионы Северо-Восточной России особый интерес представляют такие фонды, как Якутской воеводской канцелярии (ф. 1-и), Якутской провинциальной канцелярии (ф. 2-и), Якутского коменданта (ф. 4-и), Алданской воеводской канцелярии (ф. 5-и), Якутского областного управления (ф. 12-и), Якутской верхней расправы (ф. 178-и) и др.

По опыту работы мы считаем, что вспомогательную роль при изучении истории ссылки могут сыграть фонды духовных ведомств Якутского края. Дело в том, что в разные времена в его состав входили церкви Охотского, Камчатского краёв, и до упразднения в 1770 г., Анадырская Спасская церковь (ф. 239-и).

Поэтому содержащиеся в фондах Якутского духовного правления (ф. 225-и), Камчатской духовной консистории (ф. 227-и), Якутской духовной консистории (ф. 226-и) метрические и исповедальные книги способны представить ценные сведения, особенно о рождении (крещении), бракосочетании и отпевании ссыльных.

Третья категория архивохранилищ – ведомственные, имеют разноплановый характер – от общеисторических до осве-

щающих отдельные сферы. Среди крупнейших и ценнейших по истории Северо-Восточной России XVII–XVIII вв. назовем фонды Якутского (ф. 160), Иркутского (ф. 168), Нерчинского (ф. 96) воеводских изб, архива Санкт-Петербургского Института истории (СПБИИ) РАН и др. [41].

Дополняют сведения вышеперечисленных фондов сведения коллекции Г.Ф. Миллера (ф. 21) Санкт-Петербургского филиала архива РАН.

Определённый интерес как по истории общественно-политического движения, так и по ссылке его участников, а также по их деятельности в годы изгнания, содержат многие личные фонды. Например, в архиве Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН – фонды Николая Фёдоровича Анненского (ф. 17), Николая Константиновича Михайловского (ф. 181), Константина Константиновича Арсеньева (ф. 359), Павла Елисеевича Щёголева (ф. 627) и др. Среди фондов Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН находятся такие личные фонды бывших ссыльных, как Николая Алексеевича Виташевского (ф. 11), Владимира Ильича Йохельсона (ф. 23, 631).

Приведённый обзор свидетельствует о необходимости расширения изучения археографической основы истории ссылки в Северо-Восточную Россию XVII – начала XX вв. Только этим путём возможно достичь более ощутимых результатов в решении настоящей проблемы как в узком, региональном масштабе, так и в контексте истории этой части России.

Список литературы и источников

1. Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985. 511 с.
2. Полное собрание законов Российской империи *(в дальнейшем ПСЗРИ)*. Собр. I. Т. 9.
3. Казарян П.Л. Генезис политической ссылки в России (конец XV – начало XIX в.). Учебное пособие. Владивосток: Изд-во Якутского госуниверситета, 1999. 48 с.
4. Казарян П.Л. План П.Ф. Кузмищева 1834 года о передаче Охотско-Камчатского края Российско-Американской компании. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. 268 с.
5. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 7.
6. Сельский И.С. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц (1645–1762) // Русское слово. 1861. № 8. Отд. I. С. 1–35.
7. Государственный архив Республики Якутия *(в дальнейшем ГАРЯ)*, ф. 12-и, оп. 1, д. 13.

8. Берх В.Н. Побег графа Веньевского из Камчатки во Францию // Сын Отечества. СПб., 1821. № XXVII, с. 3–23; № XXVIII, с. 49–79.
9. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 1.
10. Базилевский Б. (Богучарский В.) Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1 (1825–1876 год). СПб., Русская скоропечатня, 1906. 352 с.
11. Казарян П.Л. Правовая регламентация политических преступлений в законодательстве России. Первая треть XIX – начало XX века // Сибирская ссылка. Вып. 7 (19). Иркутск: Оттиск, 2013. С. 236–272.
12. Казарян П.Л. Административная расправа по политическим мотивам в России (конец XIX – начало XX вв. // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: Оттиск, 2009. С. 144–157.
13. Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск, 1998. 496 с.
14. Казарян П.Л. Ссылка в Сибирь (конец XVI – начало XIX в.). Учебное пособие. Владивосток: Изд-во Якутского госуниверситета, 1999. 56 с.
15. Дополнение к актам историческим. Т. 11. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1869. 332 с.
16. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. М.: Юридическая литература, 1988. 431 с.
17. Ссылка в Сибирь. Очерк её истории и современного положения. СПб., 1900. 8 с. + 339 с. + Прил. (53 с.)
18. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 22, отд. 1.
19. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 34, отд. 2.
20. Казарян П.Л. Олёкминская политическая ссылка. 1826–1917 гг. Изд. 2-е, доп. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996. 496 с.
21. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 12, отд. 1.
22. Казарян П.Л. Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в якутской ссылке. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1999. 48 с.
23. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 45, доп. к 45 тому.
24. ГАРЯ, ф. 12-и, оп. 7, д. 223.
25. ГАРЯ, ф. 15-и, оп. 1, д. 3397.
26. ГАРЯ, ф. 15-и, оп. 1, д. 5798.
27. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 23, отд. 1.
28. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 20, отд. 1.
29. ГАРЯ, ф. 164-и, оп. 2, д. 428.
30. ГАРЯ, ф. 12-и, оп. 1, д. 131.
31. ГАРЯ, ф. 15-и, оп. 1, д. 732.
32. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
33. Более подробно см.: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. Т. 3, ч. 1. 720 с. Т. 3, ч. 2. 432 с. [с. 721–1152]. М.: Археографический центр, 1996.
34. См.: Актовые источники по истории России и Сибири в фондах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф. Т. 1, 1993. IV с.+ 250 с. Т. 2, 1995. 303 с.
35. См.: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX вв. – М.: Изд-во «Благовест», 1994. 394 с.
36. Российский центр документов новейшей истории (РЦДНИ).
37. Российский государственный исторический архив (РГИА).

38. См.: Мазур Т.П. Российский государственный архив военно-морского флота. Аннотированный реестр описей фондов (1696–1917). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. 511 с.

39. См.: Фонды Российского государственного военно-исторического архива. Краткий справочник. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001. 639 с.

40. См.: Государственный архив Иркутской области. Путеводитель. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1975. 295 с.

41. См.: Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 603 с.

УДК 343

С.Л. Курас

**Вопросы совершенствования уголовного законодательства
на страницах дореволюционной
и современной ведомственной прессы**

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам отражения уголовных норм в прессе царской России. Уголовное законодательство является основой защиты устоев общества и государства. Изучение его эволюции может представлять большой интерес для современной реформы уголовного права.

Ключевые слова: уголовный закон, преступление, пресса, реформа.

S.L. Kuras

**The issues of improvement of criminal legislation
on pages of pre-revolutionary departmental and modern press**

The article works on the issues of reflection of criminal norms in the tsarist Russia's press. The criminal law is the basis protecting the foundations of society and the state. The study of its development might represent huge interest for contemporary reformation of criminal laws.

Key words: criminal law, crime, press, reform

В 2016 г. исполняется ровно 20 лет с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации. В России уголовное законодательство всегда занимало важное место в общественно-политической жизни. Ибо именно уголовный закон, формируя понятия преступления и наказания, является не только правовой базой борьбы с преступностью, но и основой национальной безопасности страны. Своим существованием уголовное законодательство во все времена защищало и защищает государственные устои, личные права, отражает социальные изменения в обществе, эволюционирует вместе с ним, определяют вектор развития страны.

Практически с момента своего создания современное уголовное законодательство России претерпевает изменения, совершенствуется. Это неизбежная практика, с которой сталкиваются все современные государства.

На протяжении всей истории уголовного права вопросы совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства всегда были важны и находили свое отражение на страницах дореволюционных периодических изданий. Одно из старейших правовых изданий – «Журнал Министерства юстиции» на своих страницах публиковал все выходящие в стране изменения законодательных основ. Начиная с 1859 г., журнал публиковал объемные работы ведущих юристов страны, посвященные проблемам увеличивающегося числа преступлений, назначения меры наказаний за них, все выходящие нормативные акты и комментарии к ним, а также судебную практику гражданского и уголовного судопроизводства.

В отличие от современных юридических изданий, которые в большей степени уделяют внимание только содержанию самих законодательных новелл, в дореволюционной прессе подробно освещался сам ход проведения юридических преобразований вообще и уголовного права в частности. Журнал освещал систему правовых изменений, начиная с преобразований графа Сперанского. При этом подробно изучался каждый этап кодификации законодательных основ, создание уложения законов уголовных. Исследовалась как прежняя структура государственных органов юстиции, так и новая, отвечающая за преобразования законодательства. В журнале постоянно осуществлялся сравнительный анализ полномочий ведомств; от-

мечались положительные стороны производимых структурных изменений; подробно описывались полномочия департаментов, отделений, отвечающих за структурирование, изменения законодательных актов.

В связи с осуществлением Судебной реформы в 1860-х годах и формированием демократических преобразований в системе государственного управления, на суд общественности выносились все вопросы, касавшиеся законодательных основ. Так, в Журнале печатались сведения о порядке внесения законопроекта в Государственный Совет, о полномочиях Министерства юстиции в деле рассмотрения законопроекта по существу. Важной составляющей была работа не только с формой документа, но и содержанием и соотношением с действующим законодательством. В публикациях отражалось изменение полномочий государственных органов в связи с проводимыми реформами. Так, 23 января 1882 г. Именным Высочайшим указом Второе отделение собственной Его Величества канцелярии было преобразовано в Кодификационный отдел при Государственном Совете. В нем менялось штатное расписание, а также значительно расширялись функции.

Таким образом, периодическое издание указывало на разделение полномочий и определение отдельных законодательных функций у отдела. Тем самым, как отмечалось на страницах «Журнала Министерства юстиции», это впервые давало основание для их самостоятельного формирования подзаконных актов [8, с. 170]. При этом по перечню полномочий Кодификационный отдел приравнивался к министерствам, что давало ему больше законотворческих возможностей.

На страницах Журнала комплексно изучался процесс совершенствования Устава уголовного судопроизводства за 50 лет. В исследовании указывалось, что до обстоятельной, всеохватывающей реформы уголовного законодательства, зачастую изменения носили формальный характер и были вызваны номенклатурными и организационно-штатными мероприятиями в структуре государственной власти, хотя при этом все же отмечались позитивные сдвиги в юридической технике. Так, до преобразований в большом количестве статей имелись разночтения при определении понятия «преступление», «проступок», «преступное действие». После внесения изменений

указанные понятия были заменены единым термином – «преступное деяние», что позволяло более точно квалифицировать содеянное. В разделе «Виды наказаний» термин «потеря прав состояния» был заменен на «лишение прав состояния», что позволяло устранить разночтения [9, с. 103]. Также подробно описываются все отсылочные нормы уголовного права и судопроизводства в связи с совершенствованием норм материально-права, повлекшего за собой изменения в законодательстве.

Во второй половине XIX в., в связи с проведением Судебной реформы, назрела необходимость пересмотра и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В целом Уложение для своего времени было уникальным документом – первым кодифицированным источником уголовного права страны. При его создании учитывался зарубежный опыт, в том числе английское, австрийское и французское уголовное законодательство. Всего Уложение за время своего существования претерпело три редакции – 1857, 1866, 1885 гг. Этот уникальный документ стал основой для разработки Уголовного уложения 1903 г.

На страницах ведомственного издания Министерства юстиции подробно излагался состав и порядок работы редакционной комиссии по пересмотру существующего уголовного законодательства в конце XIX столетия. Состав членов совета был уникальным. В него входили настоящие профессионалы своего дела, знатоки права, которые успешно совмещали занятие наукой и государственные должности: Н.А. Неклюдов, Н.С. Таганцев, Е.Н. Розин, И.Я. Фойницкий, В.К. Случевский. Комиссией была проделана большая и кропотливая работа, о чем свидетельствует составление, помимо самого проекта Уголовного уложения, еще и восьми томов пояснений к нему.

Комиссия отметила общее положительное значение Уложения о наказаниях для всей системы уголовного права, скрупулезность составления лестницы наказаний, которая делилась на общие и особенные, общие, в свою очередь, еще делились на виды и рода. При этом, оговаривалось, что, не смотря на такое узкое деление наказаний, их отдельные виды зачастую не использовались, создавая излишнюю нагроможденность закона. В связи с этим из Уложения были исключены различные виды каторжных работ – рудниковые, крепостные, заводские,

а также разновидности наказания, которые не применялись судами в принципе – отправка преступников в рабочие и смиренные дома.

На страницах «Журнала Министерства юстиции» рассматривалась и проблема излишнего дробления преступных деяний. Так, даже после последней редакции 1885 г. в XII разделах еще располагались 77 глав, часть из которых делилась на отделения. В целом получалось порядка 150 различных подразделений [2, с. 56]. Это создавало излишнюю неразбериху и повторяемость преступлений и видов наказаний за них в разных частях Уложения.

При подготовке проекта были составлены варианты изменений по всем видам наказаний и больше всего по преступлениям против личности – три тома предложений.

Вслед за «Журналом Министерства юстиции» другое ведомственное издание – журнал «Тюремный вестник» также стремился публиковать все нововведения, касавшиеся не только тюремного дела, но и уголовного права. В разделе «Неофициальных публикаций» размещались библиографические очерки, посвященные вопросам российского и зарубежного уголовного права. Так, в 1903 г. был опубликован очерк об изменениях в уголовном праве Германии за последние 30 лет [4]. В материале содержались не только узкоспециальные вопросы, касавшиеся правовых норм Германии, но и в целом проанализирован передовой опыт за 30 лет внедрения нового закона, направленный на практическое применение норм, а также обогащение юридической науки в целом.

Современные издания по правовым вопросам, посвященные различным аспектам уголовного права и процесса, продолжают традицию, заложенную ведомственными изданиями дореволюционного периода, и публикуют материалы, в которых исследуется эволюция современного законодательства. Современное российское уголовное законодательство характеризуется рядом особенностей:

1) Уголовный кодекс является единственным источником уголовного права;

2) Он обеспечивает и охраняет права и свободы человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного

строю РФ от преступных посягательств, поддержания мира и безопасности человечества, а также для предупреждения преступлений;

3) Содержит в себе основания и принципы уголовной ответственности;

4) Является средством осуществления уголовной политики;

5) Определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, и устанавливает наказания, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления;

6) Соответствует социально-политическим, экономическим и идеологическим условиям жизни общества;

7) Способствует предупреждению преступности, воспитанию граждан в духе уважения Конституции РФ и других законов.

Современный Уголовный кодекс, принятый Государственной Думой 24 мая 1996 г., одобренный Советом Федерации 5 июня 1996 г. и вступивший в силу с 1 января 1997 г., изучается в многочисленных правовых изданиях. На страницах правовых журналов исследователи отмечают необходимость преобразований этого закона. За свою 20-летнюю историю в кодекс было внесено более 1000 изменений. Авторы объясняют это усложнением преступной деятельности, а также несовершенством законодательной базы, отмечая нестабильный характер документа, а также бессистемность вносимых поправок [3, с. 91].

В целом сегодня у профессиональной и интересующейся публики имеется в бумажном и электронном доступе более 100 официальных юридических журналов. Практически все они имеют рубрику уголовного права и процесса. Поэтому количество публикуемых научных статей, посвященных отдельным проблемам преступлений и наказаний, с каждым годом становится все больше. Одни из самых известных и актуальных ведомственных изданий – это журнал «Вестник Московского университета МВД России», «Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ», «Ведомости уголовно-исполнительной системы». Тематика рассматриваемых вопросов очень разнообразна. Количество авторов, исследующих проблемы преступности также возрастает. Один из известных современных авторов, комплексно изучающих тюремное дело и уголовные преобразования в истории России – М.Г. Детков.

Сегодня совершенствование уголовного законодательства происходит по пути гуманизации системы наказаний и декриминализации деяний. Согласно новым поправкам, в УК РФ из-под уголовного наказания выводятся деяния, имеющие незначительную тяжесть: мелкое хищение, побои, подлог и злостное уклонение от уплаты алиментов и переводятся в разряд административных правонарушений. Эти нововведения также активно обсуждаются на страницах современных правовых изданий.

Большую долю статей занимают публикации, посвященные экономическим преступлениям и методам борьбы с ними. Этому виду преступлений в УК РФ отведена глава 22. Как отмечают современные исследователи, именно этот объект преступлений вызывает у теоретиков права споры и разногласия [7, с. 66]. Это происходит из-за отсутствия единообразного подхода к определению сущности объекта. Помимо этого большую сложность для изучения и теоретического обоснования составляет частое внесение изменений в эту главу. Исследователи приводят разные классификации экономических преступлений, в том числе и деление на две большие группы: преступления против частных экономических интересов и против публичных экономических интересов.

Продолжая дореволюционные традиции изучения и публикации статей о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними, а также против их жизни и здоровья, формируются новые исследования о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [6].

Современные периодические издания публикуют статьи и по совершенно новым деяниям, которых не было в дореволюционном законодательстве, например, по статье 23 УК РФ об уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Эта статья, отягчающая вину преступника, была дополнена в соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 года № 328-ФЗ. Теперь подлежит уголовному наказанию лицо, совершившее преступление в состоянии алкогольного, наркотического опьянения или в связи с употреблением психотропных веществ и их аналогов, потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ. Согласно статистическим данным за 2013–2014

гг., 92 % преступлений в России совершаются в состоянии алкогольного опьянения, а также стабильно растет удельный вес преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения [1, с. 25].

Авторы публикаций отмечают двойственную тенденцию: с одной стороны в проведении антиалкогольной политики, а с другой стороны увеличение производства и потребления спиртных напитков [5].

Отрадным является тот факт, что современные специалисты осуществляют не только анализ законодательных изменений, но и оценивают степень совершенствования уголовного закона. Кроме того, в своих публикациях они, так же как и авторы дореволюционных изданий, ищут пути решения проблем не только в правовых мерах, но и в социальных, идеологических, организационных.

В целом, хочется отметить преемственность вопросов уголовного законодательства, изучаемых как на страницах дореволюционных правовых изданий, так и новой периодики. Однако, хочется отметить и некоторые различия: современные публикации юристов посвящены отдельным, узким направлениям уголовного законодательства и не затрагивают в целом особенности развития всего Уголовного кодекса и права. Дореволюционные же авторы стремились охватить в своих публикациях полный спектр проблем уголовного права с тем, чтобы содействовать его комплексным совершенствованиям. При таком подходе законодательство приобретет характер единообразия и преемственности. Именно поэтому так важно изучение опыта дореволюционных специалистов, которые стремились к максимальной открытости своих работ, обсуждению проектов не только с профессиональной аудиторией, но и общественностью. Такие демократические веяния широкого обсуждения жизненно важных законопроектов необходимы современным площадкам прессы.

Список литературы и источников

1. Аничкин Е.С., Семенюк Р.А. К вопросу о предупреждении преступлений, совершаемых в состоянии опьянения на общественном уровне // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2 (86). Том 1. С. 24–27.
2. Всеподданнейший доклад по проекту Уложения о наказаниях // Журнал министерства юстиции. 1895. № 7. С. 43–82.

3. Густова Э.В. К вопросу о качестве изменений, вносимых в Уголовный кодекс РФ // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 2. С. 91–95.

4. Г. фон-Шульц. Движение уголовного права за последние 30 лет // Тюремный вестник. 1903. № 6. С. 522–526.

5. Зеленцов А.А., Коломийченко Е.В. Общая характеристика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2010. № 4. С. 153–156.

6. Кочетов Р.М. Анализ изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ, связанных с использованием понятия «половая зрелость» // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 293–297.

7. Кузнецова И.А. Система преступлений в сфере экономической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 3. С. 65–72.

8. Лозин-Лозинский М.А. Кодификация законов по русскому государственному праву // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 4. С. 143–186.

9. Розин Н.Н. Устав уголовного судопроизводства за 50 лет // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 9. С.101–145.

УДК 94(571.1/5):9:323.281 Курусканов

Н.П. Курусканова

**Петр Захарович Курусканов –
историк сибирской социал-демократической ссылки**

В статье рассказано о сибирском историке Петре Захаровиче Курусканове (15.02.1941–21.10.1992), приведены биографические сведения о нем. Автором дан анализ научных работ П.З. Курусканова, посвященных истории сибирской социал-демократической ссылки начала XX в. Сделан вывод о том, что, благодаря его трудам, заметно пополнилась историография сибирской политической ссылки. В научный оборот П.З. Курускановым были введены новые архивные документы и материалы, получили освещение ранее неисследованные или слабо изученные сюжеты, посвященные обширной и многоплановой теме сибирской ссылки начала XX в.

Ключевые слова: П.З. Курусканов, начало XX в., сибирская социал-демократическая ссылка, пересыльная тюрьма, катор-

га, протесты ссыльных, Первая российская революция, организации РСДРП, Красный Крест, нелегальные издания.

N.P. Kuruskanova

Peter Z. Kuruskanov – the historian of Siberian social-democratic links

Article discusses about siberian historian Peter Z. Kuruskanov (15.02.1941–21.10.1992), provides biographical information about him. Author analyzes the scientific works of P.Z. Kuruskanov on the history of siberian social-democratic links to the beginning of the XX century. It is concluded, that because of his work added significantly to the historiography of siberian political exile. In the scientific revolution by P.Z. Kuruskanov introduced new archival documents and materials, that was previously unexplored or poorly understood subjects, dedicated to the vast and multifaceted topic of exile in Siberia early XX century.

Keywords: P.Z. Kuruskanov, the beginning of XX century, siberian social-democratic link, transit prison, prison, protests of exiles, First Russian revolution, organizations of RSDLP, Red Cross, illegal publications.

Мой отец – Петр Захарович Курусканов родился 15 февраля 1942 г. в с. Чебечень Турочакского района Горно-Алтайской автономной области, в семье колхозника, участника Великой Отечественной войны. В 1949–1956 гг. Петр Захарович учился в начальной и семилетней школах в селах Чебечень, Иткуч и Курмач-Байгол Турочакского района; в 1956–1959 гг. – в областной национальной средней школе в г. Горно-Алтайске. После окончания средней школы он некоторое время работал в колхозе, затем два года трудился плотником в Турочакском строительно-монтажном управлении. Осенью 1961 г. Турочакский отдел народного образования направил его работать учителем математики в с. Курмач-Байгол.

С сентября 1962 г. и по январь 1976 г. Петр Захарович – студент историко-филологического факультета, аспирант и ассистент кафедры истории КПСС Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева (ТГУ). Член КПСС с 1965 г.

Петр Захарович Курусканов 15 мая 1975 г. защитил в диссертационном совете в ТГУ кандидатскую диссертацию на тему «Ссылные большевики в Сибири накануне и в годы первой русской революции (1904 – июнь 1907 гг.)» (специальность 07.00.01 – История Коммунистической партии Советского Союза) [19; 20].

С января 1976 г. и до октября 1992 г. П.З. Курусканов работал в Омском государственном университете (ОмГУ): сначала старшим преподавателем, затем доцентом кафедры истории КПСС. В течение 1977 г. он исполнял обязанности проректора по учебной работе. А с января 1979 г., т. е. со времени основания кафедры, и до 1991 г. он был заведующим кафедрой научного коммунизма ОмГУ. Из-за серьезной болезни с 1991 г. по 1992 г. перешел на работу доцентом кафедры социологии. Петр Захарович внес значительный вклад в процесс становления и развития кафедр научного коммунизма и социологии, совершенствования преподавания этих общественных дисциплин в ОмГУ, воспитательной работы со студентами. В 1975 г. П.З. Курусканов проходил стажировку в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при Новосибирском государственном университете. В течение 1982–1983 гг. он обучался в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

На протяжении всей своей жизни Петр Захарович выполнял разнообразные общественные и партийные поручения: избирался секретарем комсомольской организации и членом месткома профсоюза в ТГУ, заместителем секретаря партбюро и председателем профсоюза кафедр общественных наук ТГУ, ответственным за освещение партийной жизни на страницах многотиражной газеты ТГУ «За советскую науку». В ОмГУ П.З. Курусканов в 1976–1977 гг. избирался председателем профкома преподавателей и сотрудников, с 1978 г. по 1985 г. возглавлял комиссию партийного контроля деятельности администрации университета, в течение 1980–1991 гг. являлся членом парткома. С 1976 г. и до конца жизни входил в состав Ученого совета ОмГУ, был заместителем председателя Совета кафедр общественных наук.

Научные интересы П.З. Курусканова были связаны с историей политической ссылки, общественного и революционного движения в Сибирском регионе. По теме, посвященной нелегальной издательской деятельности сибирских организаций РСДРП, он работал над докторской диссертацией. Петр Захарович является автором около 60 научных и методических публикаций, участвовал в работе ряда научных и учебно-методических конференций. Петр Захарович прочитал в качестве лектора общества «Знание» множество лекций на предприятиях Томска, Омска и Омской области. За активную научную работу и долголетний добросовестный труд П.З. Курусканов был награжден дипломом Министерства высшего образования СССР, Почетной грамотой Минвуза РСФСР, почетными грамотами Томского обкома ВЛКСМ, медалью «Ветеран труда».

21 октября 1992 г. Петр Захарович Курусканов после серьезной болезни скоропостижно скончался. П.З. Курусканов был ярким представителем своего времени.

В предлагаемой статье поставлена задача раскрыть то направление научной деятельности П. З. Курусканова, которое касается его исследований сибирской социал-демократической ссылки. Обучаясь в очной аспирантуре Томского госуниверситета под руководством известного сибирского ученого, кандидата исторических наук, доцента А.Т. Коняева, Петр Захарович написал кандидатскую диссертацию на тему «Ссылочные большевики в Сибири накануне и в годы первой русской революции (1904 – июнь 1907 гг.)». На формирование его научного мировоззрения оказали влияние труды известных специалистов по истории сибирской ссылки С.И. Беляевского, М.Ф. Богдановой, А.П. Мещерского, П.У. Петрова, В.М. Самосудова, Э.Ш. Хазиахметова, Н.Н. Щербакова и др. С некоторыми из этих ученых его связывали не только совместная работа, но и дружеские отношения. Например, с д.и.н., профессором Э.Ш. Хазиахметовым он работал в ТГУ и ОмГУ. Причем Э.Ш. Хазиахметов и д.и.н., профессор И.М. Разгон выступили оппонентами на защите кандидатской диссертации Петра Захаровича.

В ходе работы по тематике политической ссылки П.З. Курусканов собрал многочисленные и разноплановые материалы, как в центральных государственных и партийных архивах

Москвы и Ленинграда, так и в уральских и сибирских архивохранилищах, краеведческих музеях, в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве, выступал с докладами на научных конференциях и т. д. Для раскрытия темы ученым были, в частности, привлечены такие источники, как опубликованные документы, воспоминания революционеров, периодическая печать того времени и др. Источниковедческая фундированность составляет одно из важных достоинств трудов П.З. Курусканова.

Поскольку в течение 1960–1970-х гг. интерес со стороны исследователей к теме сибирской социал-демократической ссылки резко возрос, она активно разрабатывалась и местными историками. Причем значительно расширились проблематика и источниковая база исследований, сложилось целое научное направление в вузовских центрах региона, поэтому ученому предстояло выявить и осветить наименее изученные ее аспекты. Все публикации П.З. Курусканова, посвященные этой теме, можно разделить на следующие подтемы.

Часть его трудов посвящена такому сложному ракурсу темы, как численность, социальный, партийный и фракционный состав политических ссыльных в Сибири накануне Первой российской революции. До сих пор в отечественной историографии конкретные данные, приводимые историками по данному вопросу, нередко расходятся, поскольку ими используются разные методики подсчета, различные виды источников и т. д. Наряду с выявлением новых фактов, оценкой их исторической достоверности, П.З. Курусканов активно применял в своих работах сравнительно-исторический и статистический методы [7; 9; 12].

Другой аспект темы, нашедший освещение в публикациях П.З. Курусканова – связь большевистской ссылки Сибири с ленинским партийным центром накануне и в годы Первой российской революции. В этих работах автором четко проводилась мысль о стремлении ссыльных эсдеков не только к объединению, но и к установлению прочных связей с центрами революционного движения [1; 5; 10; 13].

В ряде трудов Петра Захаровича показаны разнообразные формы и методы борьбы ссыльных большевиков Сибири против произвола тюремной администрации. В его работах прослеже-

ны акции протеста политических узников против произвола и издевательств над ними представителей царской администрации в Красноярской и Александровской (близ Иркутска) пересыльных тюрьмах, во время этапов партий ссыльных, в местах поселения и каторги, «романовка» и др. Ученый сделал вывод о том, что по своему характеру все эти выступления были революционными, направленными против устоев царизма [4; 14; 15]. В некоторых работах П.З. Курусканова раскрыты революционные выступления социал-демократов непосредственно в местах ссылки, их влияние на крестьян и народы Сибири [3; 6; 11; 21].

Другой заметный сюжет темы – участие ссыльных социал-демократов в деятельности сибирских организаций РСДРП накануне и в ходе Первой российской революции. Именно в течение 1960–1970-х гг. было начато систематическое изучение этого сложного вопроса, касающегося деятельности ссыльных социал-демократов. В публикациях П.З. Курусканова раскрыты, в частности, такие аспекты, как революционная деятельность ссыльных эсдеков в составе сибирских организаций РСДРП в 1898–1907 гг., их общественно-политическая деятельность. Особое внимание ученым обращено на их агитационно-пропагандистскую работу, проанализирована роль политссыльных в деле укрепления местных организаций РСДРП, а также их вклад в развитие революционного движения 1905–1907 гг. в Сибирском регионе [2; 8; 16; 17; 22].

Одним из первых среди исследователей сибирской политссылки П.З. Курусканов стал активно привлекать для освещения сложных вопросов темы материалы такого специфического источника как нелегальные издания (листовки, брошюры, газеты, журналы), выпущенные сибирскими организациями РСДРП, самими политссыльными. Причем ученый применял в своих исследованиях статистический метод, метод контент-анализа. В частности, используя листовки – кассовые отчеты отделений Красного Креста, действовавших при Сибирском Союзе РСДРП и местных организациях РСДРП – он изучил такой сюжет, как материальная помощь политзаключенным и ссыльным эсдекам, которая оказывалась сибирскими товарищами. В своих работах он проанализировал содержание выявленных нелегальных изданий, в которых речь шла о тя-

желой жизни политссылных эсдеков в местах поселения и на каторге, их выступлениях против произвола администрации, процитировал звучавшие в них призывы к сибирякам о помощи политссылным и заключенным и т. д. [9] Ученый пришел к выводу о том, что нелегальные издания являются ценным источником для изучения истории политической ссылки, т. к. позволяют проследить развитие политссылки в начале XX в., выяснить многие аспекты положения ссылных, их борьбы против самодержавия, выявить разнообразные формы помощи со стороны местных организаций РСДРП [15, с. 181–182].

Ряд работ П.З. Курусканова посвящен известным ссылным большевикам, которые в годы Первой революции работали в сибирских организациях РСДРП, Красном Кресте, принимая активное участие в событиях Первой революции. Его авторству принадлежит, например, биографический очерк о революционной деятельности в местных организациях РСДРП ссылного большевика, соратника В.И. Ленина Ивана Васильевича Бабушкина [18].

Значительным вкладом в историографию о влиянии политической ссылки на Сибирь стала трехтомная коллективная монография «Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика», подготовленная с участием П.З. Курусканова [23; 24; 25]. В ней помещены, в частности, многочисленные сведения о деятельности ссылных эсдеков в рядах местного революционного подполья, их участии в стачечной борьбе, в профсоюзном движении, в легальных организациях, периодической печати, о выступлениях ссылных в тюрьмах, местах поселений, о нелегальных изданиях, выпущенных местными революционными формированиями, посвященных «ссылной» тематике, а также о нелегальных изданиях, отпечатанных самими ссылными социал-демократами, об акциях солидарности сибиряков с политическими заключенными и ссылными, разнообразной помощи, оказанной ими и др.

Благодаря трудам талантливого и разностороннего историка Петра Захаровича Курусканова заметно пополнилась историография сибирской политической ссылки. В научный оборот им были введены новые, неизвестные до этого научной общественности, архивные документы и материалы. В публикациях П.З.

Курусканова получили освещение ранее неисследованные или слабо изученные сюжеты, посвященные обширной и многоплановой теме сибирской ссылки начала XX в.

Список источников и литературы

1. Курусканов П.З. Агенты ленинской «Искры» на станции Тайга // Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Вып. 8. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1971. С. 1–7.

2. Курусканов П.З. Агитационно-пропагандистская деятельность ссыльных большевиков в Сибири накануне первой русской революции (1903–1904 гг.) // Большевики Сибири и Дальнего Востока в борьбе за массы (1903–1917 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1976. С. 144.

3. Курусканов П.З. Антивоенная работа большевиков в сибирской ссылке в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Материалы конф. молодых ученых по обществ. наукам, посв. 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Вып. 1. Секция истории КПСС и политэкономии. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1969. С. 7–9.

4. Курусканов П.З. Борьба ссыльных большевиков Сибири против произвола администрации (1903–1905 гг.) // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск: Изд-во «Наука», СО АН СССР, 1975. С. 238–259.

5. Курусканов П.З. Владимир Ильич Ленин и революционное подполье Сибири (Хроника) / Соавт.: В.М. Самосудов, Э.Ш. Хазиахметов, Л.В. Рачек; под общ. ред. Я.Р. Волина, В.М. Самосудова. Омск: Кн. изд-во, 1983. 320 с.

6. Курусканов П.З. Влияние политических ссыльных на революционные выступления крестьян Сибири (1905–1907 гг.) // Научная конф., посв. 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. С. 11–12.

7. Курусканов П.З. К вопросу о численности политических ссыльных в Сибири накануне первой русской революции 1905–1907 гг. // Сборник работ аспирантов каф. ист. КПСС. Вып. 6. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. С. 1–7.

8. Курусканов П.З. К истории революционной деятельности ссыльных социал-демократов в Западной Сибири (1898–1904 гг.) // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. 5. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. С. 3–17.

9. Курусканов П.З. «Красный Крест» социал-демократических организаций Сибири в 1905–1907 гг. // Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в Западной Сибири. Вып. 1. Кемерово: Кн. изд-во, 1973. С. 91–94.

10. Курусканов П.З. Ленинский партийный центр и большевистская ссылка Сибири (1903–1905 гг.) // В.И. Ленин и местные партийные организации в России (1894–1917 гг.). Пермь: Кн. изд-во, 1970. С. 458–465.

11. Курусканов П.З. Массовые выступления политических ссыльных Сибири в 1906–1907 гг. // Доклады II конф. молодых ученых по обществ. наукам. Вып. 1. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. С. 9–13.

12. Курусканов П.З. Первые марксисты в ссылке на Алтае // Ученые записки Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы. Вып. 10. Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1971. С. 37–44.

13. Курусканов П.З. Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Пролетарий» с партийными организациями и политическими ссылками в Сибири (1905 г.) // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. 7. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1974. С. 3–21.

14. Курусканов П.З. Побег ссыльных большевиков из Сибири в 1905 г. // Материалы первой конф. молодых ученых Томск. университета. Вып. 1. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. С. 21–23.

15. Курусканов П.З. Политическая ссылка в листовках социал-демократических организаций Сибири 1901–1917 гг. // Политическая ссылка в Сибири (XIX – начало XX вв.). Историография и источники. Новосибирск: Изд-во «Наука» СО АН СССР, 1987. С. 170–183.

16. Курусканов П.З. Роль ссыльных большевиков в революционных событиях 1905 г. в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. С. 92–98.

17. Курусканов П.З. Роль ссыльных большевиков в укреплении социал-демократических организаций Сибири (1903–1904 гг.) // Материалы второй отчет. науч.-метод. конф. Омск. ун-та (март 1976 г.). Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1976. С. 28.

18. Курусканов П.З. Сибирские страницы биографии. 15 января исполнилось 100 лет со дня рождения И.В. Бабушкина // Молодой ленинец (Томск). 1973. 16 янв.

19. Курусканов П.З. Ссылные большевики в Сибири накануне и в годы первой русской революции (1904 – июнь 1907 гг.): Дис. канд. ист. наук. Спец. 07. 00. 01 – История Коммунистической партии Советского Союза. Томск: ТГУ, 1975. 231 с.

20. Курусканов П.З. Ссылные большевики в Сибири накануне и в годы первой русской революции (1904 – июнь 1907 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1974. – 18 с.

21. Курусканов П.З. Ссылные большевики и народы Сибири (1903–1907 гг.) // Материалы науч. конф., посвящ. 50-летию образования СССР. Вып. 3. История СССР и история КПСС. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. С. 270–272.

22. Курусканов П.З. Участие ссыльных большевиков в деятельности партийных организаций Сибири (1906–1907 гг.) // Сборник работ аспирантов каф. истории КПСС. Вып. 6. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. С. 16–23.

23. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. / Под ред. Н.В. Блинова, В.П. Зиновьева. Т. 1. XVII в. 1904 г. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. 376 с.

24. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. / Редкол.: А.Л. Афанасьев, Н.В. Блинов, Л.М. Горюшкин, В.П. Зиновьев, П.С. Коновалов, П.З. Курусканов, В.А. Скубневский; под ред. В.П. Зиновьева. Т. 2. 1905 г. – июнь 1907 г. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. 376 с.

25. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. / Редкол.: Н.В. Блинов, В.П. Зиновьев, Д.М. Зольников, П.З. Курусканов, В.М. Самосудов, В.А. Скубневский, А.П. Толочко; отв. ред. В.П. Зиновьев. Т. 3. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. 344 с.

УДК 94(47).084

Ю.А. Петрушин,
А.А. Якимова

Книга памяти как источник изучения репрессий корейцев в Приангарье в 1930-е годы

Аннотация. Статья посвящена истории российских корейцев, которые на протяжении многих лет компактно селились в Сибири и на Дальнем Востоке. На основании проведенного контент-анализа Книг Памяти жертв политических репрессий, изданных в Иркутской области в 1990–2000-е годы, авторы устанавливают численность и социальный состав корейцев Приангарья, незаслуженно пострадавших в 1930-е годы.

Ключевые слова: российские корейцы, Сибирь, Иркутская область, политические репрессии 1930-х годов.

Yu.A. Petrushin,
A.A. Yakimov

Book of memory as source studying of repressions of Koreans in the Angara region in the 1930th years

Summary. Article is devoted to history of the Russian Koreans who for many years compactly lodged in Siberia and in the Far East. On the basis of the carried-out content analysis of Books of Memory of the victims of the political repressions published in the Irkutsk region in the 1990–2000th years, authors establish the number and social composition of Koreans of the Angara region, unfairly victims in the 1930th years.

Keywords: Russian Koreans, Siberia, Irkutsk region, political repressions of the 1930th years.

История российских корейцев полна драматизма. В ней отразились многие катаклизмы, которыми была богата история России в XX веке. *Начальные вехи истории корейцев в России относятся к 60-м годам XIX века*, когда тысячи корейцев, гонимые нуждой и голодом переходили русскую границу и селились на Дальнем Востоке. Повседневная жизнь

этих людей была нелегкой. Сказывался иной уклад, культура, менталитет переселенцев. Неоднозначным было и отношение властей к корейцам. В это время и зазвучали мотивы «желтой опасности», хотя русская демократическая общественность и трудовой люд России относились к корейцам доброжелательно. Они ценили в переселенцах из Кореи их лояльность, трудолюбие, предприимчивость.

Поток корейских переселенцев возрос после аннексии Кореи Японией в 1910 г. Вместе с крестьянами в Россию стали пребывать политические эмигранты, занимающиеся здесь антияпонской деятельностью. Владивосток стал центром общественной жизни российских корейцев. Постепенно нарастает миграционный поток в город Иркутск, Приангарье. Основная масса корейцев шла трудиться на предприятия горнодобывающей отрасли (золотодобыча), так как доступ в города для них был затруднен в административном порядке. Бодайбинские золотодобывающие прииски охотно принимали корейских рабочих, так как начинали испытывать дефицит рабочих рук. Некоторые из корейцев, как и китайцы, вблизи города стали заниматься огородничеством, продавая выращенный урожай на городских рынках. Неприхотливые к условиям жизни и труда корейцы занимали свою нишу в хозяйственной жизни Приангарья.

Новый импульс общественно-политической жизни корейцев на Дальнем Востоке и в Сибири придали события 1917 года. Революция и Гражданская война в России всколыхнули корейскую диаспору. Многие из них связывали будущую победу Советской власти в России с освобождением Кореи от японского владычества. Поэтому корейцы вступали в состав интернациональных частей Красной Армии. В состав 1-го Интернационального коммунистического полка, сражавшегося на Урале, а затем в Сибири, наряду с венграми, немцами, чехами, поляками и китайцами, входили и корейцы. Начавшееся 1 марта 1919 г. народное восстание в Корее усилило партизанское движение среди корейских трудящихся. В марте 1920 г. в освобождении Иркутска вместе с частями 5-й Армии приняло участие партизанское подразделение Сунн Фу, в составе которого воевали 800 китайцев и 200 корейцев (1). Поистине сенсационным фактом явился переход из районов зо-

лотых приисков Охотска в Иркутск корейского партизанского отряда под командованием Ким Ынне, который в феврале 1920 г. вручил командованию 5-й Армии 12 пудов золота в фонд обороны Советской России и затем влился в состав Интернационального полка этой армии (2). В том же 1920 г. сформированная в Иркутске корейская рота вместе с членами Корейской секции Иркутского губкома РКП(б), приняла участие в боях против каппелевцев под Олонками и Усть-Удой. Большая часть роты погибла в этих боях (3). В дальнейшем бойцы этой корейской роты воевали в составе интернациональной бригады под командованием Н.А. Каландаришвили. Всего в годы Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке на стороне Советов сражалось более 30 корейских партизанских отрядов, преобразованных в 1921 г. в Корейское революционное войско численностью до 6 тысяч бойцов (4). Следует также сказать, что в июне 1920 г. в Иркутске состоялся съезд корейских коммунистических организаций России, который прошел на платформе Коминтерна. Почти одновременно в Иркутске в 1920 г. состоялся учредительный съезд Корейской компартии (5). Такими были основные пути проникновения корейцев в Россию и Сибирь в дореволюционный и послереволюционный период.

Однако мировой революционный процесс не разгорелся и не перекинулся в Корею. Закончилась Гражданская война в России и корейцы, как революционно настроенные, так и политически инертные, приняли советские реалии. Дальний Восток, Сибирь, Приангарье стали для них второй родиной, где предстояло жить в новых социально-политических условиях. Большинство корейцев, освоившихся в Советской России, к концу 1930-х гг. интегрировались в советскую систему и свою дальнейшую судьбу связывали с СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в РСФСР проживало 11462 корейца, в Иркутской области 623 корейца (6). Однако эти данные не включали тех корейцев, которых коснулась репрессивная политика 1930-х гг. в СССР, в том числе в Приангарье. Если в дореволюционный период российские власти боялись «желтой опасности», то в 1930-е гг., по мере обострения ситуации на востоке СССР, корейцы стали рассматриваться как потенциальные шпионы и перебежчики к японцам, некий «ненадежный элемент».

Советские корейцы стали едва ли не первой в СССР депортированной этнической группой. На основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. все корейское население Дальневосточного края (около 180 тысяч человек) подлежало выселению в сентябре 1937 – январе 1938 гг. в Казахстан и Узбекистан, районы непривычного для корейцев климата. В ходе этой депортации корейцы понесли большие человеческие жертвы и потери.

С 1938 г. началась новая страница в истории советских корейцев. В местах проживания вводился жесткий административный режим. По Сибири прокатилась очередная волна репрессий, коснувшаяся и корейцев Приангарья.

В качестве отдельного нового источника информации выступают Книги Памяти жертв политических репрессий, издание которых было начато в стране в 1991 году. Мы обращаемся к Книгам Памяти, изданным в Иркутской области в 1990–2004-е годы. Кроме публикации установочных данных на репрессированных корейцев, во многих из них содержится краткая информация о дате ареста и осуждения, характере предъявленного обвинения и судьбе каждого из репрессированных. Проведенный контент-анализ позволил упорядочить первичные данные, получить достоверную информацию о количестве жертв репрессий корейцев в Приангарье – 170 человек, провести некоторые первичные статистические исследования.

Возраст.

Арестованы в возрасте после 60 лет:

ФИО	Год рождения
Ен-По-Чин	1871
Им-Сен-Гу	1873
Им-Чун-Гу (Им Гун-Гу)	1874
Кван-Чон-Чаги (Пак-Чан-Сеги)	1873
Ким-Мен-Сен	1872
Ким-Ук-Зим (Ким-Ун-Земн)	1876
Ким-Ха-И	1876
Ким-Цон-Биш (Ким-Чан-Беш)	1872
Ким-Чон-Чу (Иванов Александр)	1871
Ким-Чун-Зони	1869
Ли-Ен-Дин	1872
Нам Ун За Павел	1875
Но Ин Мун	1875

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

Пак Хан Чен	1872
Пак Чун Бо	1870
Пан сын Чани (Пах Сон Чони, Пах сын Гони)	1865
Тен-Чи-Ок	1871
Чан-Ен-Чун	1876
Чин Чан Себи	1873
Ян-Мун-Гони	1876

55–60 лет:

ФИО	Год рождения
Ван-Сен-Ван (Кан-Сен-Ван)	1879
До-И-До (Че-До-е)	1887
И-Тен-Ва	1882
И-Ян-Гони	1881
Кан-Ки-Хак (Кан-Ин-Жак)	1887
Кан-Хва-Сар	1886
Кван-Ун-Сени	1884
Ким Сао	1882
Ким Тимофей Иванович	1885
Ким-Ен-Ха	1884
Ким-Сери-Он	1882
Ким-Чи-Шен	1885
Ким-Ю-Мени	1882
Ким-Юн-Хва	1882
Ли-Ден-Фа	1881
Ли-Нам-Ше Алексей Михайлович	1884
Ли-Син-Гук	1887
Ли-Сын-Хва	1884
Ли-Хак-Чен	1879
Ли-Чун-Бек	1878
Пак Василий Александрович	1881
Пак Ен Хо (Пак Николай)	1887
Пак Ин Сен (Пак Се Нет)	1886
Пак Ча Чун	1886
Тен Чун Ун	1878
Тен-Ки-Ери	1880
Тье-Кен-Чан	1880
Тян-Сен-Каги	1883
У Ин-Чан	1883
Хан-Чи-Хо (Хан-Чи-Ха)	1887
Хан-Чу-Пари (Нан-Чэ-Чум-Пари)	1886
Хон Чи Ян (Хан Чанс Николай Иванович)	1885

Хон-До-У (Чеги-Верс)	1887
Хэ-Ла-Бо	1887
Цой Хон Чун Николай	1882
Цой-Сен-Хо	1878
Чай-Сен-Тюн	1878
Ча-То-Кюн	1885
Чен За Али	1885
Чой	1883
Юн-Ду-Ка(Ян-Ды-Ха)	1880
Юн-Сек-Сами	1883

41–50 лет:

ФИО	Год рождения
Ан-Че-Ро (Чха-Ро-Не-Ню/ Ча-До-Ней)	1890
Ван Цай	1897
Ван-Се-Мон	1890
И-Тя-Ли	1891
Кан Чан Го (Кан Чан Чиги)	1891
Ким Василий Петрович	1888
Ким Марк Тимофеевич	1894
Ким Степан Иванович	1895
Ким-Пен-Сан	1893
Ким-Сен-Чо	1890
Ким-Тя-Хен	1893
Ким-Хан-Чун	1896
Ким-Чан-Кю (Ким Иван Алексеевич)	1892
Ким-Чи-Гу	1890
Кон-Чен-Гори	1893
Ли Григорий Иванович	1894
Ли-Ку-Ха Семен	1888
Лин-Чан-Лин	1894
Ли-Сен-Хва	1896
Намм Хон Сен Прохор Кузьмич	1893
О Шан Гук	1892
Пак Ин Пак Се Неп (Сеп)	1888
Пак Иннокентий Данилович	1888
Пак Си Александр (Хан)	1892
Сан-Се-О	1888
Тен Чан Сен Василий	1890
Хан-До-Ир	1890
Хан-Пен-Чер	1893
Хе-Бо-Нок Федор Васильевич (Хо-Ба-Но)	1894

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

Цау Чжа О	1895
Цой Георгий Семенович	1895
Цой Кузьма Иванович	1897
Цой-Су-Дон	1895
Цой-Тех-Ней	1896
Цой-Чан-Жу (Цой-Чан-Зуни)	1895
Чан-Тен Хвар	1896

31–40 лет:

ФИО	Год рождения
Ким Виктор Исаакович	1906
Ким Константин Дмитриевич	1904
Ким Степан Дмитриевич	1898
Ким-Гван-Гук	1900
Ким-Дин-Гу	1898
Ким-Чер-Сан	1902
Ли-Тхя-Гир	1907
Ли-Фу-Лин	1906
Ли-Чан-Ен (Ли-Чен-Нен)	1898
Ли-Чан-Ли	1899
Пак Ге Сен	1907
Пак Дмитрий Иванович	1902
Пак Ким Хо	1901
Пак Петр Никифорович	1899
Пак Сан Су	1905
Пак Тен Гир (Пак Тен Гири)	1905
Пак-Саенко Вера Васильевна	1907
Сигай-Иксун	1907
Тяк-Сек-Тю	1907
Хан По Ир	1899
Хан-Сек-Пом Николай Иванович*	1883
Хе-Ко-Ни (Хегон) Алексей Иванович*	1881
Хэ Дин	1899
Цай (Цхай) Петр Алексеевич	1900
Цкай-Ну-Габи	1900
Цой Андрей	1906
Цой Георгий Николаевич	1907
Цой Мун-Тер	1907
Цой-Нак-Хен	1902
Чай Мен Сиги (Чай Вен Син)	1900
Чан Чин Александр	1900
Чой(Цон) Тя Чун*	1888

Ян Иннокентий Иванович	1902
Ян-Чан-Гири (Цай Андрей)	1907

*Арестованы в 20-х годах XX века

21–30 лет:

ФИО	Год рождения
Ан Дя Хвар (Квар)	1914
Ван Сергей	1916
Им-Чан-Ха	1910
Ким Александр Иннокентьевич	1912
Ким Ирсон Сенгювич (Сегювич)	1917
Ким Леонид Владимирович	1914
Ким Николай Александрович	1914
Ким Нина Иннокентьевна	1909
Ким-Ен-Хо Владимир Васильевич	1915
Ким-Кван-Су	1910
Ким-Пен-Су	1914
Ким-Су-Ван	1908
Ким-Хен-Дин	1909
Ли-Гван-Сик (Ли Константин Иванович)	1911
Ли-Дон-Ир	1911
Лим-Сукат (Лим-Хо-Кэл/ Лим-Шу-Каб)	1910
Ли-Пан-Хочу Степан	1913
Ли-Хваль-Мин*	1925
Мун Иван Федорович	1910
Пак Николай Васильевич (Пак Бон Хан)	1912
Пак Петр Иванович	1910
Пак Прокопий Тимофеевич	1912
Пак Софья Платоновна	1914
Сим-Хун-До	1912
Тен-Чан-Ок (Тен Иван Иванович)	1908
Тэн Александр Васильевич	1915
Тян-Ги-Дюн	1912
Хан Владимир Яковлевич	1910
Хе-Дю-Гая	1911
Цой О Бон	1916
Югай Владимир Ефремович	1912

*арестован в 1954 г.

До 21 года:

ФИО	Год рождения
Шин Ен Чи*	1901

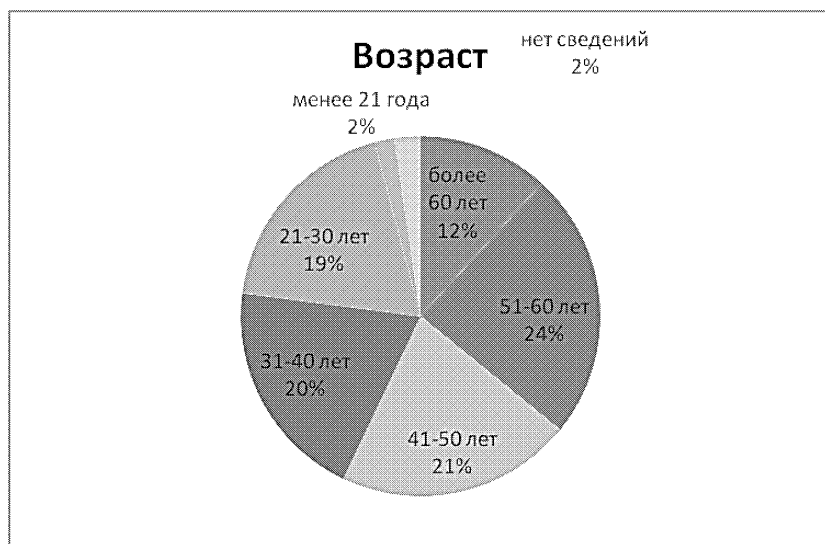
Проблемы историографии, источниковедения и археографии

Ким-Ку-Ан*	1903
Ли (Ким Николай Иннокентьевич)	1918

*арестованы в 20-е годы XX века

Нет сведений:

ФИО
Ким-Кен-Сун
Ким-Нак-По Григорий
Тю Юн Фа (Тю Ян Фа)
Хан Зы

Рождены в Корее:

ФИО	Место рождения
Ан-Че-Ро (Чха-Ро-Не-Ню/ Ча-До-Ней)	Корея
Ван-Се-Мон	Корея
Ван-Сен-Ван (Кан-Сен-Ван)	Корея
До-И-До (Че-До-е)	г. Тамчан, Корея
Ен-По-Чин	Корея
Им-Сен-Гу	с. Кельчу, Корея
Им-Чан-Ха	Корея

Им-Чуп-Гу (Им Гун-Гу)	г. Хам-Хо, Корея
И-Тен-Ва	Корея
И-Тя-Ли	Корея
И-Ян-Гони	Корея
Кан Чан Го (Кан Чан Чиги)	Корея
Кан-Ки-Хак (Кан-Ин-Жак)	Корея
Кан-Хва-Сар	Корея
Кван-Ун-Сени	Корея
Кван-Чон-Чаги (Пак-Чан-Сеги)	Корея
Ким Василий Петрович	Корея
Ким Ирсон Сегювич (Сегювич)	Корея
Ким Сао	Корея
Ким Тимофей Иванович	Корея
Ким-Гван-Гук	Корея
Ким-Дин-Гу	Корея
Ким-Ен-Ха	Корея
Ким-Кван-Су	Корея
Ким-Кен-Сун	Корея
Ким-Ку-Ан	Корея
Ким-Мен-Сен	Корея
Ким-Пен-Сан	Корея
Ким-Сен-Чо	Корея
Ким-Сери-Он	Корея
Ким-Су-Ван	Корея
Ким-Тя-Хен	Корея
Ким-Ук-Зим (Ким-Ун-Земи)	Корея
Ким-Ха-И	Корея
Ким-Хан-Чун	Корея
Ким-Хен-Дин	Корея
Ким-Цон-Биш (Ким-Чан-Беш)	Корея
Ким-Чан-Кю (Ким Иван Алексеевич)	Корея
Ким-Чер-Сан	Корея
Ким-Чи-Гу	Корея
Ким-Чи-Шен	Корея
Ким-Чон-Чу (Иванов Александр)	Корея
Ким-Чун-Зони	Корея
Ким-Ю-Мени	Корея
Ким-Юн-Хва	Корея
Кон-Чен-Гори	Корея
Ли-Ден-Фа	Корея
Ли-Ен-Дин	Корея
Ли-Ку-Ха Семен	Корея

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

Лим-Сукат (Лим-Хо-Кэл/ Лим-Шу-Каб)	Корея
Ли-Нам-Ше Алексей Михайлович	Корея
Лин-Чан-Лин	Корея
Ли-Сын-Хва	г. Кин Чу, Корея
Ли-Тхя-Гир	Корея
Ли-Фу-Лин	Корея
Ли-Хак-Чен	Корея
Ли-Чан-Ли	Корея
Ли-Чун-Бек	Корея
Нам Ун За Павел	Корея
Но Ин Мун	Корея
О Шан Гук	Корея
Пак Ге Сен	Корея
Пак Ен Хо (Пак Николай)	Корея
Пак Ин Пак Се Неп (Сеп)	Корея
Пак Ин Сен (Пак Се Нет)	Корея
Пак Ким Хо	Корея
Пак Сан Су	Корея
Пак Си Александр (Хан)	Корея
Пак Тен Гир (Пак Тен Гири)	Корея
Пак Хан Чен	Корея
Пак Ча Чун	Корея
Пак Чун Бо	Корея
Пан сын Чани (Пах Сон Чони, Пах сын Гони)	Корея
Сан-Се-О	Корея
Сигай-Иксун	г. Хоминдо, Корея
Сим-Хун-До	Корея
Тен Чун Ун	Корея
Тен-Ки-Ери	Корея
Тен-Чи-Ок	Корея
Тье-Кен-Чан	Корея
Тю Юн Фа (Тю Ян Фа)	Корея
Тяк-Сек-Тю	Корея
Тян-Сен-Каги	Корея
У Ин-Чан	Корея
Хан Зы	Корея
Хан По Ир	Корея
Хан-До-Ир	Корея
Хан-Пен-Чер	Корея
Хан-Сек-Пом Николай Иванович	Корея
Хан-Чи-Хо (Хан-Чи-Ха)	Корея
Хан-Чу-Пари (Нан-Чэ-Чум-Пари)	Корея

Сибирская ссылка

Хе-Ко-Ни (Хегон) Алексей Иванович	Корея
Хон Чи Ян (Хан Чанс Николай Иванович)	Корея
Хон-До-У (Чеги-Верс)	Корея
Хэ Дин	г. Кельчу, Корея
Хэ-Ла-Бо	г. Кельчу, Корея
Цау Чжа О	Корея
Цкай-Ну-Габи	Корея
Цой Андрей	Корея
Цой Георгий Николаевич	д. Кеунь, Корея
Цой Хон Чун Николай	Корея
Цой-Нак-Хен	Корея
Цой-Сен-Хо	Корея
Цой-Су-Дон	г. Челоца, Корея
Цой-Тех-Ней	Корея
Цой-Чан-Жу (Цой-Чан-Зуни)	Корея
Чай Мен Сиги (Чай Вен Син)	Корея
Чай-Сен-Тюн	Корея
Чан-Ен-Чун	Корея
Чан-Тен Хвар	Корея
Ча-То-Кюн	Корея
Чен За Али	Корея
Чин Чан Себи	Корея
Чой	Корея
Чой(Цон) Тя Чун	Корея
Шин Ен Чи	Корея
Юн-Ду-Ка(Ян-Ды-Ха)	Корея
Юн-Сек-Сами	Корея
Ян-Мун-Гони	Корея
Ян-Чан-Гири (Цай Андрей)	г. Иен-Чан, Корея

Родились в СССР:

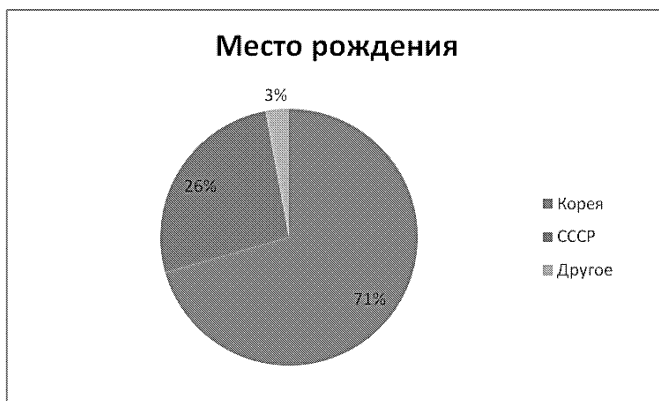
ФИО	Место рождения
Ан Дя Хвар (Квар)	хутор Дантенян Суйфньского р-на ДВК
Ван Сергей	с. Ячига Посьетского района ДВК
Ким Александр Иннокентьевич	г. Николаевск-на-Амуре ДВК
Ким Виктор Исаакович	дер. Нижне-Мангула ВСК
Ким Константин Дмитриевич	с. Заречье Посьетского р-на ДВК
Ким Леонид Владимирович	с. Таудеми Владимиро-Александровского р-на ДВК
Ким Марк Тимофеевич	с. Благодословенное Амурской губернии
Ким Николай Александрович	г. Укулан Якутской АССР
Ким Нина Иннокентьевна	Николаевск-на-Амуре ДВК

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

Ким Степан Дмитриевич	с. Красное Посыетского р-на ДВК
Ким Степан Иванович	с. Тавенха Посыетского р-на ДВК
Ким-Ен-Хо Владимир Васильевич	дер. Корейская-Алексеевка ДВК
Ким-Пен-Су	г. Владивосток
Ли (Ким Николай Иннокентьевич)	дер. Кедровая Падь Посыетского р-на ДВК
Ли Григорий Иванович	с. Ново-Киевское Посыетского р-на ДВК
Ли-Гван-Сик (Ли Константин Иванович)	дер. Кривая Падь Буденновского р-на ДВК
Ли-Дон-Ир	г. Никольск-Уссурийский Уссурийского края
Ли-Пан-Хочу Степан	с. Покровское ДВК
Ли-Сен-Хва	с. Казакевичево Ивановского р-на ДВК
Ли-Син-Гук	г. Ворошилов ДВК
Мун Иван Федорович	ст. Верино Переяславского р-на Приморского края
Намм Хон Сен Прохор Кузьмич	с. Казакевичево Уссурийского уезда Приморской губернии
Пак Василий Александрович	г. Владивосток
Пак Дмитрий Иванович	с. Благовещенское Биробиджанского р-на ДВК
Пак Иннокентий Данилович	Д. Н. Киевка Посыетского р-на ДВК
Пак Николай Васильевич (Пак Бон Хан)	ст. Вяземская Ленинского р-на ДВК
Пак Петр Иванович	г. Спасска (с. Новокиевское) ДВК
Пак Петр Никифорович	с. Благодское Амурской обл.
Пак Прокопий Тимофеевич	с. Благовещенское Сталинского р-на Еврейской автономной области
Пак Софья Платоновна	г. Владивосток
Пак-Саенко Вера Васильевна	д. Корсаковка Дальневосточного края
Тен Чан Сен Василий	с. Синеловка Покровского р-на ДВК
Тен-Чан-Ок (Тен Иван Иванович)	г. Владивосток
Тэн Александр Васильевич	с. Поповка Ханкайского р-на ДВК
Тян-Ги-Дюн	г. Хан-Хыдон Хабаровского края ДВК
Хан Владимир Яковлевич	д. В-Януиха Посыетского р-на ДВК
Хе-Бо-Нок Федор Васильевич (Хо-Ба-Но)	г. Владивосток
Хе-Дю-Гая	Г. Спасск ДВК
Цай (Цхай) Петр Алексеевич	с. Монгутай Посыетского р-на ДВК
Цой Георгий Семенович	с. Заречье Посыетского р-на ДВК
Цой Кузьма Иванович	г. Владивосток
Цой О Бон	с. Свиясино Спасского р-на ДВК
Чан Чин Александр	г. Владивосток
Югай Владимир Ефремович	д. Седима Посыетского р-на ДВК
Ян Иннокентий Иванович	г. Зея ДВК

Другое:

ФИО	Место рождения
Ван Цай	г. Пекин, Китай
Ким-Нак-По Григорий	нет сведений
Ли-Хваль-Мин	г. Мукден, Китай
Ли-Чан-Ен (Ли-Чен-Нен)	Китай
Цой Мун-Тер	Китай

По гендерному признаку

Женщины:

Репрессированные
ФИО
Ким Нина Иннокентьевна
Пак Софья Платоновна
Пак-Саенко Вера Васильевна

Мужчины:

Репрессированные
ФИО
Ан Дя Хвар (Квар)
Ан-Че-Ро (Чха-Ро-Не-Ню/ Ча-До-Ней)
Ван Сергей
Ван Цай
Ван-Се-Мон

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

Ван-Сен-Ван (Кан-Сен-Ван)
До-И-До (Че-До-е)
Ен-По-Чин
Им-Сен-Гу
Им-Чан-Ха
Им-Чуп-Гу (Им Гун-Гу)
И-Тен-Ва
И-Тя-Ли
И-Ян-Гони
Кан Чан Го (Кан Чан Чиги)
Кан-Ки-Хак (Кан-Ин-Жак)
Кан-Хва-Сар
Кван-Ун-Сени
Кван-Чон-Чаги (Пак-Чан-Сеги)
Ким Александр Иннокентьевич
Ким Василий Петрович
Ким Виктор Исаакович
Ким Ирсон Сенгювич (Сегювич)
Ким Константин Дмитриевич
Ким Леонид Владимирович
Ким Марк Тимофеевич
Ким Николай Александрович
Ким Сао
Ким Степан Дмитриевич
Ким Степан Иванович
Ким Тимофей Иванович
Ким-Гван-Гук
Ким-Дин-Гу
Ким-Ен-Ха
Ким-Ен-Хо Владимир Васильевич
Ким-Кван-Су
Ким-Кен-Сун
Ким-Ку-Ан
Ким-Мен-Сен
Ким-Нак-По Григорий
Ким-Пен-Сан
Ким-Пен-Су
Ким-Сен-Чо
Ким-Сери-Он
Ким-Су-Ван
Ким-Тя-Хен
Ким-Ук-Зим (Ким-Ун-Земи)

Ким-Ха-И
Ким-Хан-Чун
Ким-Хен-Дин
Ким-Цон-Биш (Ким-Чан-Беш)
Ким-Чан-Кю (Ким Иван Алексеевич)
Ким-Чер-Сан
Ким-Чи-Гу
Ким-Чи-Шен
Ким-Чон-Чу (Иванов Александр)
Ким-Чун-Зони
Ким-Ю-Мени
Ким-Юн-Хва
Кон-Чен-Гори
Ли (Ким Николай Иннокентьевич)
Ли Григорий Иванович
Ли-Гван-Сик (Ли Константин Иванович)
Ли-Ден-Фа
Ли-Дон-Ир
Ли-Ен-Дин
Ли-Ку-Ха Семен
Лим-Сукат (Лим-Хо-Кэл/ Лим-Шу-Каб)
Ли-Нам-Ше Алексей Михайлович
Лин-Чан-Лин
Ли-Пан-Хочу Степан
Ли-Сен-Хва
Ли-Син-Гук
Ли-Сын-Хва
Ли-Тхя-Гир
Ли-Фу-Лин
Ли-Хак-Чен
Ли-Хваль-Мин
Ли-Чан-Ен (Ли-Чен-Нен)
Ли-Чан-Ли
Ли-Чун-Бек
Мун Иван Федорович
Нам Ун За Павел
Намм Хон Сен Прохор Кузьмич
Но Ин Мун
О Шан Гук
Пак Василий Александрович
Пак Ге Сен
Пак Дмитрий Иванович

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

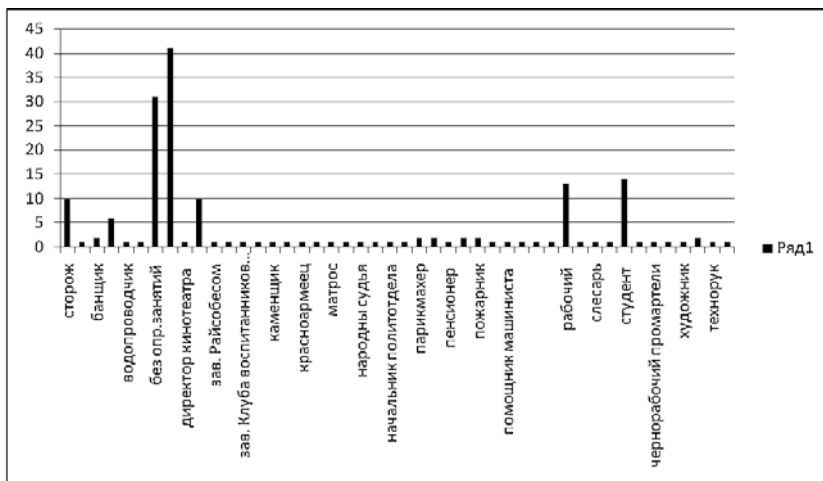
Пак Ен Хо (Пак Николай)
Пак Ин Пак Се Неп (Сеп)
пак Ин Сен (Пак Се Нет)
Пак Иннокентий Данилович
Пак Ким Хо
Пак Николай Васильевич (Пак Бон Хан)
Пак Петр Иванович
Пак Петр Никифорович
Пак Прокопий Тимофеевич
Пак Сан Су
Пак Си Александр (Хан)
Пак Тен Гир (Пак Тен Гири)
Пак Хан Чен
Пак Ча Чун
Пак Чун Бо
Пан сын Чани (Пах Сон Чони, Пах сын Гони)
Сан-Се-О
Сигай-Иксун
Сим-Хун-До
Тен Чан Сен Василий
Тен Чун Ун
Тен-Ки-Ери
Тен-Чан-Ок (Тен Иван Иванович)
Тен-Чи-Ок
Тье-Кен-Чан
Тэн Александр Васильевич
Тю Юн Фа (Тю Ян Фа)
Тяк-Сек-Тю
Тян-Ги-Дюн
Тян-Сен-Каги
У Ин-Чан
Хан Владимир Яковлевич
Хан Зы
Хан По Ир
Хан-До-Ир
Хан-Пен-Чер
Хан-Сек-Пом Николай Иванович
Хан-Чи-Хо (Хан-Чи-Ха)
Хан-Чу-Пари (Нан-Чэ-Чум-Пари)
Хе-Бо-Нок Федор Васильевич (Хо-Ба-Но)
Хе-Дю-Гая

Хе-Ко-Ни (Хегон) Алексей Иванович
Хон Чи Ян (Хан Чанс Николай Иванович)
Хон-До-У (Чеги-Верс)
Хэ Дин
Хэ-Ла-Бо
Цай (Цхай) Петр Алексеевич
Цау Чжа О
Цкай-Ну-Габи
Цой Андрей
Цой Георгий Николаевич
Цой Георгий Семенович
Цой Кузьма Иванович
Цой Мун-Тер
Цой О Бон
Цой Хон Чун Николай
Цой-Нак-Хен
Цой-Сен-Хо
Цой-Су-Дон
Цой-Тех-Ней
Цой-Чан-Жу (Цой-Чан-Зуни)
Чай Мен Сиги (Чай Вен Син)
Чай-Сен-Тюн
Чан Чин Александр
Чан-Ен-Чун
Чан-Тен Хвар
Ча-То-Кюн
Чен За Али
Чин Чан Себи
Чой
Чой(Цон) Тя Чун
Шин Ен Чи
Югай Владимир Ефремович
Юн-Ду-Ка(Ян-Ды-Ха)
Юн-Сек-Сами
Ян Иннокентий Иванович
Ян-Мун-Гони
Ян-Чан-Гири (Цай Андрей)

Профессия	Количество
сторож	10
аккумуляторщик	1
банщик	2
бухгалтер/счетовод	6
водопроводчик	1
грузчик	1
без определенных занятий	31
рабочий прииска	41
директор кинотеатра	1
огородник	10
зав. райсобесом	1
зав. магазина	1
зав. клуба воспитанников детдома	1
зам. директора стоматологического института	1
каменщик	1
картотечница	1
красноармеец	1
лесоруб	1
матрос	1
машинистка	1
народный судья	1
начальник радиоцентра	1
начальник политотдела	1
заклученный	1
парикмахер	2
пастух	2
пенсионер	1
пильщик	2

пожарник	2
помощник завсклада	1
помощник машиниста	1
портной	1
представитель организации соц. общества корейцев	1
продавец	1
рабочий	13
сборщик утильсырья	1
слесарь	1
сотрудник информационного отдела	1
студент	14
член сельхозартели	1
чернорабочий промартели	1
уполномоченный конторы	1
художник	1
экономист	2
технорук	1
шофер	1

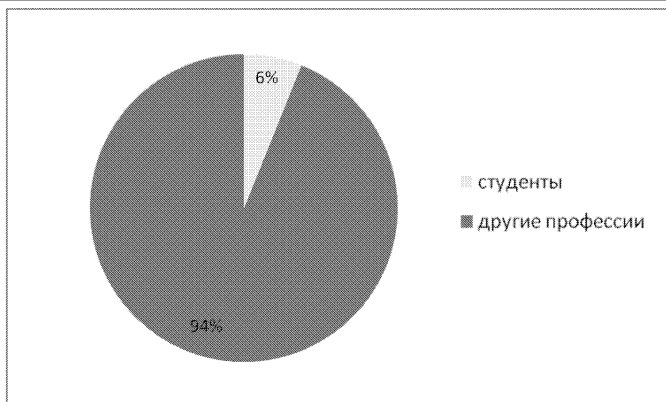

ВЫПУСК 3 (20)

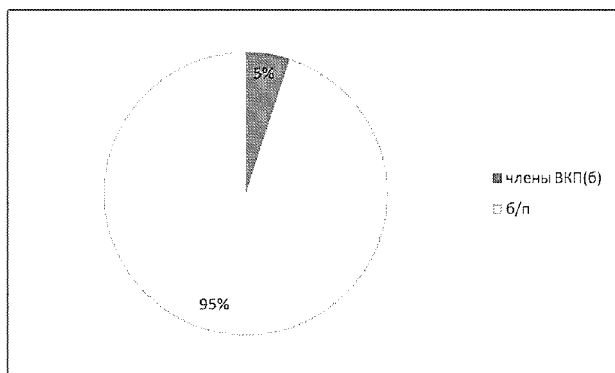
Репрессированные	
ФИО	Профессия
Ан Дя Хвар (Квар)	учащийся курсов Иркутского училища землеустройства

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

Им-Чан-Ха	студент Иркутского сельскохозяйственного института
Ким Леонид Владимирович	студент финансово-экономического института
Ким-Ен-Хо Владимир Васильевич	студент Иркутского сельхозинститута
Ким-Кван-Су	студент Иркутского сельхозинститута
Ким-Су-Ван	студент Иркутского сельхозинститута
Ли-Гван-Сик (Ли Константин Иванович)	студент Иркутского финансово-экономического института
Пак Ге Сен	студент Иркутского финансового института
Хан Владимир Яковлевич	студент Иркутского финансово-экономического института
Югай Владимир Ефремович	студент финансово-экономического института
Ян Иннокентий Иванович	студент сельхозинститута

Репрессированные	
ФИО	Партийная принадлежность
Ким Константин Дмитриевич	член ВКП(б)
Ким Марк Тимофеевич	член ВКП(б)
Намм Хон Сен Прохор Кузьмич	член ВКП(б)
Пак Василий Александрович	член ВКП(б)
Пак Петр Никифорович	член ВКП(б)
Тен-Чан-Ок (Тен Иван Иванович)	член ВКП(б)
Хан-Пен-Чер	член ВКП(б)
Хэ Дин	член ВКП(б)
Цой Хон Чун Николай	член ВКП(б)

Проведенный краткий анализ Книг Памяти Иркутской области о пребывании корейцев в Приангарье 1920–1930-х гг. свидетельствует о том, что эта категория переселенцев из Кореи оказалась в нашем регионе по причине поиска заработков для проживания своих семей. В основном это Бодайбинские золотые прииски и огородничество. Они-то и стали основной категорией репрессированных. 71 % из них родились в Корее, 26 % в Дальневосточном крае (СССР). В основном это мужчины (98 %), в возрасте 51–60 лет (24 %), 41–50 лет (21 %), 31–40 лет (20 %). Основная масса – рабочие приисков, малограмотные. За редким исключением были студенты иркутских средних и высших учебных заведений, члены ВКП(б). Можно сказать, что основная масса репрессированных – это люди, обладающие большим жизненным опытом, носители исторической памяти переломных событий для России и Кореи дореволюционного и советского времени, о котором мы говорили в начале статьи. Они представляли опасность для сталинского режима, выстраивающего свою командно-административную систему, в которой думающий человек подвергался насилию. Повсюду появлялись «враги народа», «японские шпионы», «вредители», якобы мешающие строить социализм. Под эту категорию попали и невинно осужденные корейцы. Пусть эта статья будет нашей данью светлой памяти всем тем, кто безвинно пострадал от сталинских репрессий.

Список источников и литературы

1. Пак Б.Д. Корейские интернационалисты в борьбе против японских интервентов (1918–1922 гг.) // Сибирь и Корея в Северо-Восточной Азии. Иркутск: Оттиск, 2004. С. 39.

2. Там же. С. 39.
3. Там же. С. 39.
4. Хегай И.А. Корейцы России: история и современность. Там же. С. 31.
5. Курас Л.В. Корейцы в Забайкалье. Там же. С. 50.
6. См.: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Иркутская область.
http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=30

УДК 004.6

*Фартусов Д.Б., Хабитуев Б.В., Дерюгин Д.Ф.,
Овечкин Н.Д., Александрова Е.И.*

Создание Web-сайта

Книги памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия. Опыт совместной работы программистов и историков*

Политические репрессии в СССР в 1920–1950-е годы носили массовый характер. По оценкам исследователей, миллионы людей были осуждены по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления). Сотни тысяч приговорены к смертной казни и расстреляны, умерли в местах заключения от нечеловеческих условий проживания [3]. С 1991 года в современной России идет процесс целенаправленной реабилитации жертв политических репрессий, возвращения честного имени незаконно осужденным. Однако доступ к архивным делам по сей день достаточно ограничен. В этой связи особую актуальность приобретает публикация информации о реабилитированных, предоставление лёгкого и удобного поиска информации о конкретном человеке. В основу работы взяты материалы опубликованных Книг памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия.

Ключевые слова: база данных, архивы Бурятии, публикация архивных источников, политические репрессии, свободный доступ.

* Работа выполнена в рамках гранта Министерства науки и образования РФ базовой части № 3797 «Археографические и IT методы в исследованиях частных архивов Байкальского региона: создание цифрового фонда исторических источников».

*D.B. Fartusov, B.V. Habituev, D.F. Derugin,
N.D. Ovechkin, E.I. Aleksandrova*

Architecting e-Book of Memory of Victims of Political Repression for the Republic of Buryatia

Political repression in the Soviet Union in 1920-1950-ies were widespread. Researchers estimate that millions of people have been convicted under Art. 58 of the Criminal Code of the RSFSR (counter-revolutionary crimes). Hundreds of thousands were sentenced to death and executed, died in prison of inhumane living conditions [3]. Since 1991, in Russia today there is a process focused rehabilitation of victims of political repression, good name returning illegally convicted. However, access to archival matters still limited. In this context, particular relevance publication of rehabilitated, providing easy and convenient search information about a particular person. The basis of materials taken to publish a book of memory of victims of political repression by the Republic of Buryatia.

Keywords: database, Buryatia archives, publication of archival sources, political repression, free access.

Введение

Политические репрессии в СССР в 1920–1950-е годы затронули миллионы людей по всей территории Советского Союза. С 1991 года в современной России начался целенаправленный процесс реабилитации жертв политических репрессий. На данный момент нет единой электронной базы архивных документов, сгруппированных по конкретным именам. Материалы хранятся в архивах, но степень сохранности дел, уровень доступа, график работы архивов, бюрократические трудности снижают доступность архивных дел для пользователей. Именно поэтому обеспечение широкого доступа к спискам и атрибутивной информации реабилитированных так необходимо.

В рамках запущенного в Бурятском государственном университете проекта «Книга памяти жертв политических репрессий» авторами заявлен ряд задач. Одной из основных задач является разработка информационного ресурса – Книги памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия.

В статье рассматривается подход к реализации информационного ресурса, приводится архитектура системы и базы данных, предложенные коллективом авторов.

1. Описание предметной области

Проект направлен на поиск, анализ, обработку архивных дел репрессированных и размещение информации о них на специально созданном портале Книги памяти жертв политических репрессий. На момент разработки портала Книга памяти жертв политических репрессий уже включает более 12 тысяч записей, находящихся в семи томах.

Первой задачей, поставленной перед коллективом авторов, являлась задача разработки портала, на котором будет размещаться информация о каждой жертве политических репрессий, занесённых в Книгу памяти.

На данном этапе, авторами выделены следующие подзадачи:

- Анализ задачи, разработка требований к прототипу проекта;
- Формирование прецедентов работы системы;
- Разработка структуры базы данных;
- Разработка средства импорта уже собранных данных в базу данных портала;
- Разработка прототипа системы;
- Установка на сервер, тестирование;
- Анализ работы прототипа системы, сбор замечаний и предложений.

Помимо публичной части ресурса, подразумевается создание закрытой части, доступ в которую будет иметь ограниченное число пользователей, то есть на данном ресурсе планируется реализация отдельной системы авторизации, в которой будут присутствовать следующие роли:

Таблица 1. Пользователи системы

Роль	Права
Администратор	Создание новых учётных записей пользователей Управление (изменение информации, удаление) учётными записями пользователей
Модератор ресурса	Управление информацией на ресурсе, не связанной с базой данных материалов — новости, статические страницы, обратная связь и т.д.
Специалист	Вносит новые материалы в базу данных, и имеет возможность редактирования
Эксперт	Проверяет внесенные Специалистом данные, отправляет их на доработку (повторный анализ)

2. Требования к системе

Авторами сформулированы требования к функциональным возможностям разрабатываемой системы.

Система должна обеспечивать:

- предоставление различной информации о репрессированном человеке – ФИО, год ареста, дата реабилитации, инкриминируемые статьи, орган, рассматривавший дело, дату приговора и т. д.;
- настраиваемый поиск по указанным данным;
- удобный просмотр как на десктопах, так и на мобильных устройствах;
- гибкая система авторизации – доступ определенных пользователей к определенному функционалу проекта.

Учитывая современные методики проектирования сложных систем необходимо предъявить следующие требования к проектированию и разработке подобной системы:

- итерационный подход к разработке системы [1];
- документирование программного кода;
- максимальная независимость от платформы;
- использование шаблонов проектирования для создания ортогонального программного кода [2].

3. Архитектура системы

Исходя из анализа задачи, коллективом авторов [4–12] были выделены следующие модули системы:

Таблица 2. Модули системы

Название модуля	Описание
Аутентификация и авторизация	Модуль аутентификации и авторизации необходим для осуществления операций аутентификации и авторизации. Механизм Аутентификации реализует процедуру проверки легальности пользователя. Модуль реализован в виде стандартной формы авторизации (логин/пароль) с реализацией механизмов защиты паролей. Механизм авторизации, использующий управление доступом на основе ролей, будет отвечать за предоставление пользователю прав на выполнение определенных действий.
Информационный ресурс	Данный модуль представляет собой часть портала, реализующую стандартные функции веб-сайта: - предоставление информации о проекте — информационные страницы (контакты, о проекте, коллектив авторов и т.д.); - обратная связь (в любом необходимом виде — форум, форма обратной связи и т. д.). - панель администратора — закрытый для неавторизованных пользователей механизм управления информацией, размещённой на веб-сайте; - база данных жертв политических репрессий – представление посетителям ресурса имеющейся информации о репрессированных людях.

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

Поиск	Позволяет производить поиск по базе данных жертв политических репрессий по заданным критериям.
Экспертиза	Модуль экспертизы отвечает за организацию процесса экспертизы. Все данные, внесенные специалистом, проходят проверку у эксперта. Эксперт либо включает эти данные в поиск, либо отправляет на редактирование.
Журналирование	С помощью модуля журналирования осуществляется логирование всех действий, произведенных над данными, с указанием времени, пользователя, с возможностью восстановления предыдущего значения.
Импорт	Модуль импорта отвечает за импорт уже собранных данных.

Архитектура системы с учетом указанных модулей и описанных ролей представлена на рисунке №1.

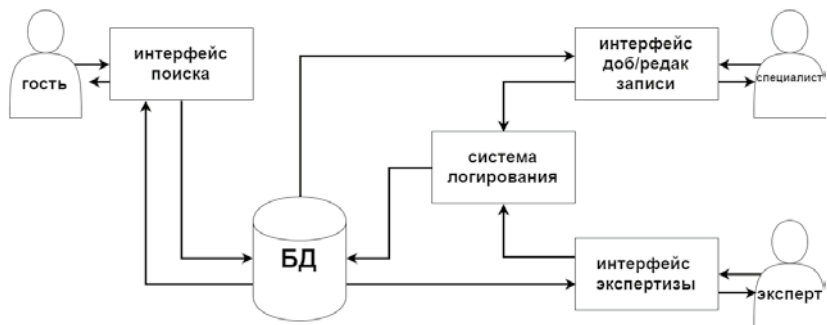

Рисунок № 1. Архитектура системы.

4. Структура и первичное наполнение базы данных

Анализ собранных данных показал, что они отличаются крайней неоднородностью и очень плохо структурируются. Очень мало записей содержат весь список критериев, некоторые записи содержат лишь номер дела, дату рассмотрения дела и дату реабилитации. Такая неоднородность вызвана, различными факторами. Поэтому было принято решение отказаться от введения справочников на данном этапе. Предложенная структура базы данных (см.: Рисунок № 2) достаточна для функционирования разрабатываемого прототипа.

info	user	page
info_id	user_id	page_id
info_name	login	title
info_year	pass	text
info_birth_place	salt	date
info_national		
info_education		
info_residence		
info_family		
info_work		
info_date_arest		
info_department		
info_verdict_date		
info_verdict		
info_rehabilitation_date		
info_rehabilitation_department		
info_book_volume		
info_book_page		

Рисунок № 2. Структура базы данных

Первичное наполнение базы данных осуществляется из файлов, каждый из которых представляет собой один из томов Книги памяти жертв политических репрессий. Этим занимается модуль импорта, в основе которого лежит идея полуавтоматического импорта. Идея импорта состоит в том, что модуль вначале производит первичный анализ данных, производит их разбор и записывает во временную таблицу базу данных. С учетом неоднородности данных вероятно наличие ошибок при импорте, поэтому данные в поиск не включаются. В то же время, модуль предоставляет проверку импортированных данных с возможностью их редактирования вручную. Только после ручной проверки и, при необходимости, редактирования записи данные попадают в поиск. Данная идея избавляет от ручного внесения всех 12 тысяч записей в базу и максимально возможно облегчает импорт.

Уголовное дело 6748/с
САНЖЕЕВ Даба, 1910 г.р. Колхозник.
Проживал:
Кяхтинский, населенный пункт Хаян.
Дело рассмотрено 28.11.1933 по ст. 58-11.
Решение по делу:
прекращено за недоказанностью.
Реабилитирован Прокуратурой РБ 01.04.1994.

Номер дела:
6748/с
Имя:
САНЖЕЕВ Даба
Год рождения:
1910
Проживал:
Кяхтинский, населенный пункт Хаян.
Дело рассмотрено:
28.11.1933
Статьи:
ст. 58-11.
Решение:
прекращено за недоказанностью.
Реабилитирован:
Прокуратурой РБ 01.04.1994.

Рисунок № 3. Полуавтоматический импорт

Заключение

На данный момент коллективом авторов достигнуты следующие результаты: разработан прототип портала, позволяющий вести поиск информации о репрессированных по выдвинутым критериям, реализован и протестирован механизм импорта уже имеющихся данных.

Реализованный прототип портала представляет собой информационный ресурс с базой данных репрессированных. Введение в эксплуатацию прототипа позволит выявить проблемы и продумать пути их решения.

В дальнейшем развитие портала будет происходить в двух направлениях:

- интеграция дополнительных функций;
- модернизация модулей системы.

Список источников и литературы

1. Ларман К. Применение UML 2.0 и шаблонов проектирования. Практическое руководство. 3-е издание // Ларман К. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2013. 736 с.
2. Зандстра М. РНР: объекты, шаблоны и методы программирования, 3-е изд. // Зандстра М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2011. 560 с.
3. Фартусов Д.Б. Репрессивная политика в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Выпуск 7. С. 43–47.
4. Хабитуев Б.В., Занданова Г.И., Брагин А.Ф., Дармаев Т.Г., Хандаров Ф.В., Цыбиков А.С. Разработка информационной системы для сбора и обработки данных функциональной диагностики // Вычислительная математика, дифференциальные уравнения, информационные технологии. Улан-Удэ, 2009. С. 181–186
5. Хабитуев Б.В., Аюшеева Л.В., Дармаев Т.Г., Дудин С.А., Занданова Г.И., Хандаров Ф.В., Цыбиков А.С., Очирбат Б. Информационная система мониторинга состояния здоровья студентов и сотрудников Бурятского государственного университета // Вестник БГУ Улан-Удэ: изд-во БГУ, 2010. Вып.9: математика и информатика. – С. 244–251
6. Хабитуев Б.В., Лыткин С.О., Федоров Ю.Н., Хандаров Ф.В. Информационная система мониторинга состояния здоровья студентов и сотрудников // Консолидация традиционной и академической медицины. БГУ. Улан-Удэ. 7–9 апреля 2011 г. С. 120–121
7. Хабитуев Б.В., Аюшеева Л.В., Дармаев Т.Г., Дудин С.А., Занданова Г.И., Хандаров Ф.В., Цыбиков А.С. Информационная система мониторинга состояния здоровья методами восточной медицины // Развитие традиционной медицины в России: опыт, научные исследования, перспективы: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием 20–21 авг. 2010 г.
8. Хабитуев Б.В., Лыткин С.О., Федоров Ю.Н., Хандаров Ф.В. Информационная система функциональной диагностики // Материалы XLIX Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс»: Информационные технологии / Новосибир. гос. ун-т.
9. Хабитуев Б.В., Болдсайхан Б., Дармаев Т.Г., Хандаров Ф.В. Информационная система функциональной диагностики с использованием методов тибетской и монгольской медицины // Инновационные технологии в науке и образовании: сборник трудов международной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 16–18 сентября 2011 г.)
10. Хабитуев Б.В., Ф.В. Хандаров, С.А. Нимаев, Э.Г. Балакшиев Информационная система «Конференция» // Вестник БГУ Улан-Удэ: изд-во БГУ, 2013. – 1/2013: Математика, информатика. – С. 21–25.
11. Хабитуев Б.В., Б. Очирбат, Дармаев Т.Г., Хабитуев Б.В. Информационная система сбора социологических данных // Актуальные вопросы вещественного и функционального анализа: Материалы семинара молодых учёных с международным участием в рамках Международной конференции «Дифференциальные уравнения и математическое моделирование», посвящённой 70-летию со дня рождения профессора В.Н.

Врагова (г. Улан-Удэ – оз. Байкал, 20-27 июня 2015). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2015. 68–72 с., 166 с.

12. Хабитуев Б.В., Балакшиев Э.Г. Создание информационной системы «Сайт конференции» // Геометрия многообразий и её приложения: материалы научной конференции с международным участием (г. Улан-Удэ – оз. Шучье – оз. Байкал, 20–23 июня 2012г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. С. 140–143.

Вопросы уголовного законодательства о каторге и ссылке

УДК 94(571.54):343

*Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас,
Д.З. Жамбалов*

Наказания по уголовным делам хоринских бурят в XIX в.

В статье рассматриваются самые распространенные виды наказаний по уголовным делам хоринских бурят в XIX в., регулируемые нормами обычного права.

Ключевые слова: Устав об управлении инородцев 1822 г., бурятское общество XIX в., система наказаний, суд и судопроизводство, должностные преступления, преступления против общества и нравов, преступления и проступки против личности, имущественные преступления.

B.Ts. Zhalsanova, L.V. Kuras, D.Z. Zhambalov

Criminal Penalties of the Qori Buryats in the 19th Century

The article examines the most widespread types of criminal penalties of the Qori Buryats in the 19th century regulated by the provisions of customary law.

Keywords: Statute on Alien Administration of 1822, 19th century Buryat society, punishment system, court and court procedure, malfeasance in office, crimes against society, crimes against morals, crimes and misdemeanors against the person, crimes against property.

Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных Уголовным Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

Особенностью системы наказаний в бурятском обществе в XIX в. и ранее является то, что правовые отношения внутри общества регулировались нормами обычного права [2, 3], кроме так называемых «криминальных дел», изъятых из ведения инородческих властей по «Инструкции пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву графа С.Л. Владиславича-Рагузинского 1728 г. Главные положения Инструкции сводились к следующему: малые дела: споры о калыме, воровстве, драки и пр., за исключением «криминальных» дел и убийств, подлежали суду бурятских начальников, что было продиктовано целью царской администрации «дабы земские комиссары по уездам и острогам за малые причины не грабили и не разоряли»; «когда дело малое», суд мог вершить один начальник, а «когда побольше», то назначали из трех родов по два начальника для судебного процесса [1, ф. 460, оп. 1, д. 118, л. 30 об.].

Необходимо отметить еще один документ, имевший законодательную силу для инородцев – это «Положение, учиненное господином Иркутским гражданским губернатором и кавалером в подтверждение и постановление в действие узаконений и правил по предметам иноверческого и сельского управлений», разработанное иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным в 1812 г. Положение расширило судебные функции родоначальников, предоставив им собственное разбирательство в «малых делах». Местное начальство могло вмешиваться в судебные дела только в случае, когда «иноверец сочтет себя решением своего родоначальника и даже тайши, или улусного головы явно обиженным, и принесет о том словесную жалобу земскому чиновнику, и тогда сей последний, не допуская иноверца до судебного места, обязан склонять родоначальников к новому и подробнейшему разбирательству, или к назначению с общего обеих сторон согласия третейского суда» [1, л. 12 об.], решение которого было окончательным. Расширение судебной власти родоначальников вводилось Н.И.

Трескиным с целью освобождения «иноверцев от продолжительной тяжбы в судебных местах».

Устав об управлении инородцев 1822 г. законодательно закрепил применение сибирскими инородцами норм обычного права: «Все кочующие и бродячие инородцы управляются по их собственным степным законам и обычаям». В связи с тем, что законы и обычаи в каждом племени имели некоторые отличия, «притом же сохраняясь поныне через изустные предания, могут быть сбивчивы и неопределенны», местному начальству «предоставлялось от почетных людей собрать полные и подробные о сих законах сведения, рассмотреть оные по губерниям в особых временных комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими установлениями и расположив в надлежащем порядке, представить местному Главному управлению на утверждение» [5, с. 398].

Согласно Уставу 1822 г. были изъяты из ведения инородческих властей следующие виды уголовных преступлений: «1) возмущение; 2) намеренное убийство; 3) грабеж и насилие; 4) изготовление ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного имущества» [5, с. 396], которые рассматривались «в присутственных местах и по общим государственным установлениям» [5]. Все прочие преступления, включая кражу, считались исковыми и решались инородческими властями.

Суд и судопроизводство в бурятском обществе были напрямую связаны с инородческим самоуправлением, выполнявшим еще и судебные функции. До принятия Устава об управлении инородцев 1822 г. роль судебных органов, назначавших наказания, выполняли должностные лица Степных контор, старейшины рода – «почетные родовичи». Устав 1822 г. учредил трехступенчатую систему местного самоуправления сибирских инородцев: 1) родовое управление; 2) инородная управа; 3) Степная дума. Инородные управы и родовые управления наделялись правом осуществления суда и судопроизводства. Степные думы не имели значения словесных судов, а выступали как посредники.

Родовое управление, как первая степень суда словесной расправы, рассматривала исковые дела между инородцами в пределах родового управления. В состав инородческого суда 1-й

степени входили родовой староста, почетные родовичи. В основном исковые дела рассматривались устно по нормам обычного права. Главная обязанность судов словесной расправы заключалась в прекращении частных разногласий между инородцами и в их примирении на основании «степных законов» и обычаев. Решение суда имело силу, если его участники были удовлетворены им. В случае неудовлетворенности решением суда родового управления, или же разборе дела между людьми разных улусов, родов, дело передавалось на рассмотрение суда инородной управы.

Инородная управа, как 2-я степень суда словесной расправы, разбирала дела между людьми разных улусов или же, в случае неудовлетворенности решением суда 1-й степени словесной расправы, – родового управления. Состав суда состоял из головы и выборных.

Земская полиция, как суд словесной расправы 3-й степени, могла вмешаться только при наличии жалоб со стороны инородцев на неудовлетворенность решениями суда 2-й степени, которые реально далеко не всегда направлялись ими из-за ряда очевидных причин: 1) боязнь и зависимость населения от должностных лиц, которыми, как правило, были представители знати; 2) безграмотность большинства коренных жителей Сибири препятствовала отправлению письменной жалобы; 3) инородцам запрещалось согласно § 182 Устава 1822 г. без ведома родового управления отлучаться из мест кочевья на расстояние большее двух дней пути.

Таким образом, все судебные инородческие дела, кроме «тяжких», решались в пределах родового управления и инородной управы, при этом инородная управа фактически являлась высшей степенью суда словесной расправы. По Уставу 1822 г. инородческие суды рассматривали все дела словесно, поэтому в архивных документах практически не сохранилось законченных судебных дел, начиная с подачи искового заявления, расследования, состава суда, решения суда с указанием статей норм обычного права. Памятники обычного права в комплексе с сохранившимися архивными документами позволяют исследовать систему наказаний по уголовным делам хоринских бурят в рассматриваемый период.

Хоринские буряты в судопроизводстве руководствовались нормами обычного права, которые сохранились в письменном виде, как считает В.А. Рязановский, во многом благодаря тому, что «необходимость в ознакомлении с вероисповеданием, управлением, судом и правовыми обычаями бурят заставляла местные русские власти нередко запрашивать бурятских тайш и прочих начальников о вере, управлении, законах и обычаях бурят, те созывали мирские сходы (сугланы), совещались и давали нужные ответы. Эти письменные ответы бурят на запросы русских властей о существующих правовых нормах и юридических обычаях среди бурят, дошедшие до нашего времени, являются одним из источников ознакомления с обычным бурятским правом» [7, с. 152].

Все известные памятники обычного права хоринских бурят были собраны и опубликованы в сборнике «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности» [4] известным бурятским исследователем Б.Д. Цибиковым, который написал к ним обширный комментарий. В сборник вошли:

1) Указ 1759 г. – «самый ранний из известных памятников обычного права забайкальских бурят. В его составлении принимали участие наряду с родоначальниками 11 хоринских родов главы двух селенгинских родов – цонгольского и ашибагатского, и зафиксированные в указе правовые нормы распространялись и на селенгинских бурят» [4, с. 14];

2) Уложение 1763 г. о семейном праве, охоте и борьбе с пьянством;

3) Устав 1788 г. состоит из 10 статей, устанавливающих нормы семейного права (об уменьшении размера калыма с 35 голов скота до 20);

4) Наказ главного тайши Шираб Дамба-Дугар Ринцено галзотского отока зайсану Арсалану Мардаину с товарищами по следующему обстоятельству (1793 г.) – о борьбе с пьянством, развратным поведением, азартными играми;

5) Согласительный устав 1800 г. о правилах торговли;

6) Положение 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству, наиболее полный сборник обычного права хоринских бурят, и как отмечается

в источниках, обновленный и исправленный вариант Устава 1780 г.;

7) Приговор 1817 г. об упорядочении управления внутренними делами 11 хоринских родов;

8) Приговор 1818 г. об истории и характере инородческого управления, об обязанностях должностных лиц, истории тайшинства и т. д.;

9) Приговор от 27 октября 1820 г. о взыскании податей;

10) Уложение 1823 г. 11 хоринских родов об образе жизни и обычаях, являвшийся одним из главных источников Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири 1841 г.;

11) Хоринское положение 1851 г.

В последних двух памятниках обычного права, как пишет Б.Д. Цибилов, «уже чувствуется значительное влияние полуторавековой совместной жизни бурят с русскими и норм права российской государственности» [4, с. 12].

Наказания по уголовным делам, налагаемые по обычному праву хоринских бурят, можно сгруппировать следующим образом:

1) телесные наказания обвиняемого розгами, плетью, как обычный вид наказания;

2) телесные наказания жены и совершеннолетних детей (в случае воровства);

3) штраф денежный или имущественный «яла»;

4) заключение под стражу;

5) ссылка в другое кочевье, в другой род, исключение из общества;

6) религиозное наказание.

Таким образом, за изъятием тяжких уголовных преступлений, в ведении бурятских обществ остались менее тяжкие преступления, и соответственно, менее жестокие наказания. В.А. Рязановский отмечает, что «в древности родоначальниками бурят применялась и смертная казнь и жестокие наказания» [5, с. 195], имея в виду период до присоединения к России.

Самым распространенным видом были телесные наказания розгами и плетью, кнутом. В памятниках обычного права XVIII – начала XIX вв. описываются наказания кнутом, плеткой за «тяжкие» преступления. Например, за намерен-

ное оскорбление или нанесение побоев ламе высокого ранга и должностным лицам местного самоуправления, за оскорбление и избиение родителей, за воровство, за сокрытие преступления наказывались кнутом, плеткой. За менее тяжкие преступления и правонарушения наказывались розгами.

В Уложении 1823 г. 11 хоринских родов, Хоринском положении 1851 г. основным видом телесного наказания является наказание розгами. Розги представляли собой связанные в пучки или используемые по одному побеги ивы (бургаанан – бурят.), березы (хуһан – бурят.) и т. д., тонкие упругие и гибкие прутья, используемые для телесного наказания – порки. В процессе изготовления розог их часто отмачивали в солевой воде для придания им большей упругости. Надо отметить, что особым распоряжением вышестоящего начальства устанавливались розги определенного образца. Так, 21 мая 1848 г. вышло распоряжение Департамента полиции «Относительно наказания преступников розгами», в котором подробно описывается процесс изготовления розог и к нему прилагался образец: «Розги для наказания преступников должны состоять из тонких березовых прутьев, длиной $1\frac{1}{4}$ аршина, а число от 10 до 15 так, чтобы общий объем их в нижнем конце после соединения в пучок имел $1\frac{3}{4}$ вершка ... После 10 ударов розги признаются негодными к дальнейшему употреблению и должны быть заменены другими» [1, ф. 8, оп. 1, д. 162, л. 151 а].

Следующим распространенным видом наказания явились штрафы, которые варьировались от 15 коп. серебром до 91 руб. 25 коп. в зависимости от вида преступлений. Если в ранних памятниках обычного права наблюдается имущественный штраф (яла), то в более поздних памятниках приоритет отдается денежному штрафу. Самыми жесткими наказаниями считались преступления против личности и нравов общества, куда включались не только нанесение увечий, оскорбление словами и действием, азартные игры, употребление вина, но и оскорбление должностных лиц местного самоуправления, за которые полагались самые большие денежные штрафы.

Но самым серьезным наказанием за уголовные преступления, которые рассматривали инородческие суды, было отлучение от рода, выселение за пределы ведомства. Решение о выселении применялось на общем суглане общества. В основном

к отлучению от рода, высылке приговаривались инородцы за многочисленные случаи воровства (более трех) после применения к ним таких видов наказаний, как штраф, как телесное наказание (30 ударов розгами), отдача под наблюдение должностных лиц: «Если и тогда не исправится и опять будет обманывать и воровать и совершать опасные и вредные действия среди населения, то для удаления из Хоринского ведомства просить согласия вышестоящего начальства» [4, с. 102–103].

К приговору прилагались заявления от потерпевших, удостоверения свидетелей. Так, в архивных документах имеются общественные приговоры хоринских бурят о выселении в 1849 г. Хумахан Буянтуева, по крещении Федора Ершова, за многочисленные кражи и дурное поведение «за море Байкал, по Охотскому порту» [1, ф. 8, оп. 1, д. 162, л. 365], селенгинских бурят в 1863 г. об исключении из общества Дамба Цывенова за дурное поведение [1, ф. 2, оп. 1, д. 3331, л. 3–4], агинских бурят в 1871 г о высылке Содбо Санжиева в Мухоршибирскую волость за дурное поведение [1, ф. 129, оп. 1, д. 1850, л. 19–20], Тургинской инородной управы 1888 г. о выселении в отдаленные места Сибири Г. Согтоева (по крещении П. Петрова) и Б. Энкеева за повторные случаи воровства скота [1, ф. 178, оп. 1, д. 345] и т. д. На территории этой же управы отбывали «ссылку» буряты из Баргузинской Степной думы.

Наказания, описанные в памятниках обычного права хоринских бурят, различаются в зависимости от объекта и субъекта преступных деяний:

1. Должностные преступления. Деятельность должностных лиц инородческого самоуправления регламентировалась Уставом 1822 г. и нормами обычного права, однако именно эта жесткая регламентация приводила к должностным преступлениям.

Во-первых, это связано со статьей 142 Устава об управлении инородцев 1822 г., согласно которой должностные лица, кроме письмоводителя и его помощника, «не получают от родовичей своих никакого жалованья, но исправляют должности по сим званиям как общественную службу» [5, с. 402].

Во-вторых, общественная служба должностных лиц законодательно поощрялась путем выделения лучших пахотных и сенокосных земель в больших размерах: так, статья 143 Устава

об управлении инородцев 1822 г. закрепляла за ними «доходы, какие их званию присвоены по степным законам и обычаям с промыслов и земель» [5], статья 82 Хоринского положения 1851 г. определяла, что «среди хоринского населения из занимающих должности тайши, заседатели, головы, выборные, старосты не получают жалованье ни от казны, ни от населения, поэтому в силу 143-й статьи вышеуказанного Устава (1822 г.) в соответствии со званием и с одобрения населения сенокосных и пахотных земель получают во владение побольше» [4, с. 85].

В-третьих, система сбора налогов на содержание местного самоуправления, так называемые «внутренние повинности», предполагала нарушения со стороны должностных лиц. Сборы на внутренние повинности собирались согласно общественным приговорам на содержание местного управления. Смету на внутренние повинности составляли на общественном суглане с участием должностных лиц местного самоуправления, само положение о внутренних повинностях предоставлялось на рассмотрение губернатору, губернскому совету и утверждалось генерал-губернатором. Наряду с денежной внутренней повинностью, буряты должны были исполнять натуральные повинности, основную долю которых занимало исправление дорог, мостов, гатей, перил, заготовка леса. Однако бурятским органам местного самоуправления было трудно отрывать людей от хозяйственных работ, отправлять их на дорожные работы на дальние расстояния с лошадьми, орудиями труда, определять наблюдателей за их работой и т.д., да и для самих бурят натуральные повинности были тяжелым бременем. Поэтому выгоднее было собирать дополнительные деньги на натуральные повинности и нанимать работников на договорных условиях, что расценивалось как незаконное действие. Несмотря на противозаконный характер этих так называемых «темных» денежных сборов, бурятские ведомства повсеместно применяли их. Вполне естественно, что такие приходы и расходы нигде не фиксировались и не учитывались и вели к присвоениям части этих средств должностными лицами.

В архивных документах сохранились следственные дела в отношении высших должностных лиц местного самоуправления бурят в XIX в., к которым относились тайши, заседатели и головы. Следствия в отношении высших должностных лиц ор-

ганов местного самоуправления проводились силами местной полиции и изымались из ведения инородческих властей. Это было связано с невозможностью беспристрастного расследования, которое вели бы инородческие начальники в отношении себя. Согласно статье 9 Закона о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках 1857 г. 1-ю степень уголовного суда составляли уездные суды, городские магистраты, ратуши, суды надворные; 2-ю степень – палаты уголовного суда; высшую же степень – Правительствующий Сенат [6, с. 4]. Статья 13 квалифицировала должностные преступления как уголовные дела в преступлении должностей, или так называемые дела следственные, которые подлежали разбирательству в ведомстве второй степени суда – Палате уголовного суда [6, с. 5], при невозможности разрешения – в высшей степени суда – Правительствующем сенате.

В середине XIX в. большой резонанс получили следственные дела по должностным преступлениям в бурятских органах местного самоуправления: Николая Дымбилова, главного тайши Хоринской думы, Сахара Хамнаева, главного тайши Баргузинской думы, Иннокентия Муравьева, главного тайши Ольхонской думы, Хамагана Дамбуева, главного тайши Кударинской думы, Тарбы Жигжитова, главного тайши Хоринской думы и т. д. Следствия обычно длились несколько лет и выносились самые суровые наказания за должностные преступления. Так, по свидетельству Т. Тобоева, «по решению генерал-аудитора тайша Дэмбилэй был сослан на работы в Россию, а товарищи его, по решению Забайкальского окружного суда, были сосланы на работы в Нерчинский завод» [8, с. 20], И.Н. Муравьев был приговорен к ссылке на жительство в Якутскую область с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного для его жительства в течение одного года и потом выезда в другие губернии и области Сибири в течение четырех лет и т. д.

Что же касается других должностных лиц, таких как старосты родовых управлений, их помощников, смотрителей экономических магазинов, «допустивших по нерадивости послабление и затяжку в исполнении сбора казенных податей, взыскании магазинного хлеба, а также в осуществлении поручений и предписаний по проведению мероприятий среди инородцев»,

согласно Хоринскому положению 1851 г. на первый раз заключали на трое суток под тюремный надзор. Второй раз их наказывали при Степной думе розгами установленного образца соответственно вине. За третий раз следовало удаление от должности. Так, в 1868 г. земской полицией велось следствие по растрате общественных денег головой Галзутовым Хоринского ведомства в сумме 1234 руб. 44 ½ коп., приходорасходчиком Хоринской Степной думы Юмцуновым в сумме 3596 руб. 24 ¼ руб. [1, ф. 8, оп. 1, д. 526, л. 696 об. – 697] и т. д., в каждом случае они лишались своих должностей.

2. *Преступления против общества и нравов.* К таковым относятся пьянство, азартные игры. Нормы по борьбе с пьянством и азартными играми содержатся так же во всех крупных памятниках бурятского права. Уложение 1763 г. хоринских бурят разрешало пить «вино» людям старше 40 лет, лицам же в возрасте младше 40 лет и старше 25 лет разрешало пить на свадьбах и обряде «саал» (свадебный обряд), на пирах, а также в случае приезда в гости родственников [4, с. 15–16]. Наказ главного тайши Ринчино зайсану Мардаину 1793 г. почти весь (за исключением последней 9-й статьи) посвящен данному вопросу и содержит запрет на пьянство, распутство, игры в карты, лото и кости [4, с. 19–20]. Практически во всех памятниках обычного права хоринских бурят предусматривались самые суровые наказания за нарушение этих правил: за азартные игры на имущество предусматривалось заключение под стражу на трое суток в тюрьму и наказание 30 ударами розог, а за несанкционированное употребление вина – 15 ударами розог.

Должностные лица также должны были соблюдать нормы по соблюдению запретов на несанкционированное употребление вина и азартные игры, кроме того, им запрещалось решать какие-либо дела в нетрезвом состоянии.

Особое отношение было к ламам, нарушившим нормы по запрету употребления вина и азартных игр. В Хоринском положении 1851 г. восемь глав из 19, 72 статьи из 197 посвящены религии, в том числе 14 статей о «наказаниях за большие и малые проступки». Самыми тяжкими пороками лам считались: прелюбодеяние с женщинами, употребление вина и курение табака, воровство и азартные игры, занятие торговлей

и другими видами деятельности, кроме совершения религиозных деяний. За совершение таких проступков лам ожидало строгое наказание: денежные штрафы соразмерно проступку от 15 коп. серебром до 30 руб., телесные наказания 10 до 35 ударами розог, лишение сана и религиозные наказания, как покаяние, обход дацана с молитвой от 100 до 500 раз.

3. *Преступления и проступки против личности.* Наиболее важные преступления против личности, а именно разного рода убийства, не подлежали ведомству инородческого суда, а рассматривались земским судом. Но покушение на убийство рассматривалось хоринцами по обычному праву, причем наказание за него назначалось как за воровство.

Одним из тяжелых преступлений против личности являлось причинение увечий. В случае нанесения во время ссоры тяжелого увечья головы, рук, ног, глаз, зубов или других каких либо органов, виновный должен был содержать и лечить потерпевшего в течение шести месяцев. Если повреждение оказывалось неизлечимым, то виновный обязан был отдать потерпевшему 50 голов скота и отобрать расписку, в которой тот должен дать расписку об отсутствии к нему претензий. Если потерпевший лишился одного глаза, виновный должен был заплатить 25 голов скота, если он одноглазый и лишится последнего глаза, или здоровый лишится обоих глаз – надлежало уплатить 50 голов скота, а виновный в причинении увечья подвергался телесному наказанию.

Существовали также наказания за нанесение увечий голове (возмещение всех расходов, связанных с лечением) за вырывание косы с головы (штраф 3 руб.), за выбитый зуб (виновный отдавал 3-летнюю кобылу за один выбитый зуб, а если много, то 50 голов), во всех случаях виновного наказывали розгами.

Обычаи хоринских бурят содержат наказания за оскорбление словами и действием, в особенности Положение 1808 г. В системе наказаний уже четко прописывается дифференцированный подход: строже наказывается виновный за оскорбление главного тайши, затем других тайш и высших духовных лиц. Так, за оскорбление словами или действием надворного советника главного тайши, виновные подвергаются по суду следующим наказаниям: если виновными окажутся высшие духовные лица (ламы – цорджи, шандзоба, джасак, намсо,

джитба, гурумба), титулярные советники, тайши и высшие инородческие чины, то виновный должен поднести чай в дацан на 3 руб., уплатить нойону (главному тайше) 21 руб. 25 коп. [7, с. 199] и штраф в пользу народа 10 руб.; если виновными окажутся чиновные лица низшего ранга и сайты из простого звания, то виновный должен поднести чай в монастырь на 3 руб., уплатить оскорбленному главному тайше 21 руб. 25 коп. и штраф в пользу народа 10 руб., кроме того предписывается высечь виновного плетью; если же виновными окажутся обыкновенные податные ховараки или миряне, то обязаны сварить чай в дацане на 1 руб. 50 коп., уплатить главному тайше 21 руб. 25 коп. и наказывались двумя ударами плетью по спине, кроме того виновные были обязаны возместить все расходы, связанные с ссорой [4, с. 25]. Наказания за оскорбления других чиновных лиц различаются главным образом размером платы штрафа оскорбленному.

В Хоринском положении 1851 г. следуют другие наказания за оскорбления должностных лиц: если нижестоящее должностное лицо оскорбит словами или действием вышестоящее, то к нему применялись арест в тюрьму от 3 до 5 суток, штраф от 3 руб. до 10 руб. Что касается низших должностных лиц, как писарь, помощник старосты, смотритель магазина, то они наказывались 15 ударами розог, а простые податные – 25 ударами розог установленного образца [4, с. 108]. В архивных документах сохранились свидетельства о наказании бурят: в 1876 г. бурят бодонгутского рода Тутхалтуевской инородной управы Дамдин Занданов был заключен в тюремную избу за оскорбление Читинского окружного исправника Федорова обвинением в получении взяток [1, ф. 294, оп. 1, д. 252], Буда Жигжитов был оштрафован за оскорбление губернского секретаря Вампила Бадмаева [1, д. 265].

Особо выделялись наказания за оскорбление родителей. По Положению 1808 г. за оскорбление родителей полагалось публичное наказание двумя ударами плетью для устрашения и словесное внушение. По Хоринскому положению 1851 г. за оскорбление родителей должностные лица, кроме главного тайши, который был неподсуден инородческому суду, сажались в тюрьму на трое суток, платили в казну дацана штраф

в размере от 5 до 10 руб.; если же низшие должностные лица или податные лица, то наказывались 20–25 ударами розог.

4. *Имущественные преступления.* К таким преступлениям относились кражи, которые рассматривались в исковом порядке. По Положению 1808 г. предусматривались 4 вида штрафа, включая украденное: 1) «голова за голову», когда украденную скотину возмещали натурой; 2) скотина, одинаковая с украденной; 3) половина украденной; 4) четверть украденной. Если же украденная скотина обнаруживалась живой, то штраф взимался в размере одной скотины одинакового достоинства с украденной и вор подвергался телесному наказанию.

Кроме имущественного штрафа, полагалось телесное наказание кнутом не только обвиняемого, но и членов его семьи: жены и совершеннолетних детей. Поймавший вора, получал половину второго штрафа. За совершение кражи другого имущества виновные подвергались телесному наказанию с полным возмещением украденного.

Таким образом, нами рассмотрены некоторые виды наказаний по уголовным делам, рассматривавшихся в инородческих судах по нормам обычного права. В данном случае наказание понимается как мера общественного принуждения, назначаемая по приговору инородческого суда. Для бурятских обществ, на наш взгляд, важным было не только наказание виновных лиц, а в большей мере его исправление и предупреждение совершения новых преступлений.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
2. Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Российское законодательство о суде, судопроизводстве в бурятском обществе в XIX в. и органы местного самоуправления бурят / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 108–112.
3. Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Бракоразводные дела в инородческом судопроизводстве бурят в XIX в. / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Сибирский юридический журнал. 2016. № 3 (74). С. 15–19.
4. Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности / пер. с монг. Б.Д. Цыбиков. Новосибирск: ВО «Наука», 1992. 312 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830.
6. Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV. Законы уголовные. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1857.

7. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк / В.А. Рязановский. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931. 352 с.

8. Тобоев Т. Прошлая история хоринских и агинских бурят / пер. Н. Поппе // Бурятские летописи / сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1993. С. 5–35.

УДК 94(47)083

А.А. Савилов

**Законодательство о гласном полицейском надзоре 1880-х годов
и проблемы его применения к политическим ссыльным
Иркутской губернии в начале XX века**

В настоящей статье на основании анализа Положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. и Положения о полицейском надзоре, учрежденного по распоряжению административных властей 12 марта 1882 г., рассмотрены организационные основы осуществления гласного полицейского надзора за политическими ссыльными в Иркутской губернии в начале XX столетия. На основании конкретных практических примеров осуществления гласного полицейского надзора на территории Прибайкалья в начале XX в. автором сделан вывод о существовании упущений в имперском законодательстве, а также о наличии ряда затруднений применения правил указанных выше нормативных актов к политическим ссыльным в Иркутской губернии.

Ключевые слова: политическая преступность, административная ссылка, полицейский надзор, Иркутская губерния.

A.A. Savilov

**Legislation on public police surveillance of the 1880th years
and problems of its application to political exiled the Irkutsk province
at the beginning of the 20th century**

In the article, according to the Regulation on the protection of public order and public tranquility on August 14, 1881 and the

Regulation on policing, established by order of the administrative authorities on March 12, 1882, were analyzed some organizational basis of vowel police supervision over the political exiles in Irkutsk province in the beginning of 20th century. Relying on practical examples of vowel police supervision in Irkutsk province at the beginning of 20th century, the author came to a conclusion that there were some omissions in the Imperial legislation. The author also concluded that there were a number of difficulties in the application of regulations to political exiles in Irkutsk province.

Keywords: political crimes, administrative exile, police supervision, Irkutsk province.

В системе охранительных и карательных мер государства административная ссылка по политическим мотивам играла значительную роль. С конца XIX в. ссылка административным порядком становится одним из важнейших средств борьбы с нарастающим революционным движением.

Иркутская губерния на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. являлась регионом, в котором находился значительный контингент политических ссыльных. С принятием 14 августа 1881 г. Положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия в Прибайкалье начали прибывать административно-ссыльные по политическим мотивам, над которыми в регионе устанавливался гласный полицейский надзор.

Цель настоящей статьи: на конкретных примерах показать несостоятельность отдельных положений законодательства о гласном полицейском надзоре и препятствия к его применению в Иркутской губернии начала XX века.

Ссылка в Сибирь привлекала внимание исследователей еще с XIX в. Интерес к административной ссылке по политическим мотивам значительно возрос после революции 1917 г., что было обусловлено появлением доступа к архивным документам карательных органов самодержавия. В первые послереволюционные годы административная ссылка по политическим мотивам в основном была объектом изучения исследователей революционного движения.

Советский период изучения административной ссылки характерен появлением новых подходов к изучению темы. На-

пример, административная ссылка рассматривалась в работах по изучению пенитенциарной политики Российского государства. В этой связи нельзя не отметить труд М.Н. Гернета «История царской тюрьмы», в котором административная ссылка 90-х годов XIX в. рассмотрена в отдельном параграфе третьего тома [1].

Значительный вклад в изучение административной ссылки по политическим мотивам сделан А.Д. Марголисом. В статье «Законодательство об административной ссылке в России конца XIX века» автором подробно изложены основания административной высылки по политическим мотивам, приводятся статистические данные о количестве политических ссыльных в Сибири, а также заключения из докладов царских чиновников, рассматривавших проблемы правового регулирования административной ссылки и ее применения в Сибири [3].

В наши дни интерес к теме политической ссылки во многом привлекает внимание исследователей истории Сибири, поскольку пребывание значительного контингента ссыльных отложило существенный отпечаток на последующее культурное и социальное развитие в регионе. Правовой регламентации института политической ссылки посвящена отдельная глава монографии А.А. Иванова «Историография политической ссылки в Сибирь во второй половине XIX – начале XX века» [2]. В названной главе автором рассмотрены правовые основы и механизм действия административной ссылки в Сибирь по политическим мотивам на основе анализа Положения об охране государственного порядка и общественной безопасности.

Нельзя не обратить внимания на статью С.Н. Токаревой «Полицейский надзор в Российской империи» [6]. В данной статье автором рассматривается понятие полицейского надзора, его классификация на основании законодательства 1880-х годов, приводятся примеры действия отдельных видов полицейского надзора на практике.

Юридическое оформление гласного полицейского надзора связано с принятием Положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. [4] и Положения о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей, от 12 марта 1882 г. [5].

Положение об охране государственного порядка и общественного спокойствия (далее – Положение 1881 г.) было принято как приложение к ст. 1 Устава предупреждения и пресечения преступлений. Данный закон принимался как временная мера, сроком на три года, однако в последующие годы его действие неоднократно продлевалось, и Положение 1881 г. действовало до 1917 г. Именно этим нормативным документом были установлены основания высылки лиц по политическим мотивам в административном порядке.

Положение 1881 г. по своей сущности было направлено на противодействие политической преступности и предупреждение преступлений против государственной власти. Им вводились нормы, существенно расширяющие полномочия местных властей в лице генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, а высшее направление действий «по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» принадлежало министру внутренних дел, который приобрел фактически неограниченные полномочия.

В законе были определены основания административной высылки, субъект, территория, порядок принятия решения о высылке и ответственные органы власти.

В целях обеспечения государственного порядка и общественного спокойствия в любой местности империи могло быть объявлено исключительное положение, которое определялось двух видов: усиленной и чрезвычайной охраны. Критерием введения того или иного вида исключительного положения являлась социально-политическая обстановка в отдельном регионе и степень ее напряженности.

Порядок установления и прекращения положений усиленной и чрезвычайной охраны определялись ст.ст. 7–9 Положения 1881 г. Министр внутренних дел имел право первоначального объявления местности в положении усиленной охраны. Местности, подведомственные генерал-губернаторам, объявлялись в положении усиленной охраны ими же, но с утверждения министра внутренних дел (ст. 7). Министр внутренних дел обязан был при таком объявлении доносить Правительствующему Сенату, а также сделать представление об этом императору через Совет Министров.

Несколько различалась ситуация с положением чрезвычайной охраны. Ст. 9 четко определяет, что оно «вводится не иначе, как высочайше утвержденным положением Совета Министров, по представлению министра внутренних дел» [4, с. 262]. Положение усиленной охраны вводилось сроком на один год, чрезвычайной охраны – на полгода. В случае надобности оно могло быть продлено по представлению министра внутренних дел в Совет Министров. Положения усиленной и чрезвычайной охраны прекращали свое действие тем же порядком, которым были установлены (ст. 11).

Основные обязанности по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в местностях, объявленных в положении чрезвычайной и усиленной охраны, возлагались на местную администрацию в лице генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников (ст. 14). Их полномочия значительно расширились, что было подробно описано в ст.ст. 15–20 Положения 1881 г.

Местным властям разрешалось издавать постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности и устанавливать за нарушение таких постановлений взыскания. Они имели право разрешать в административном порядке дела о нарушениях таких постановлений, запрещать любые собрания, делать распоряжения о закрытии торговых или промышленных заведений и запрещать отдельным личностям пребывание в местностях, объявленных в положении усиленной охраны (ст. 16). Для нашего исследования наибольшее значение имеет указание в законе на запрет пребывания отдельным личностям в местностях, объявленных в положении усиленной охраны. В сущности, эта норма является юридическим основанием высылки в административном порядке лиц, «неблагонадежных» в политическом отношении.

Непосредственно порядок применения административной ссылки определялся в статьях 32–36. Ст. 32 определяла территорию и субъекта административной ссылки, а также конкретизировала само понятие этого вида наказания. Административная ссылка, согласно указанной выше правовой норме, являлась безотлучным пребыванием лица, вредного для государственного и общественного спокойствия, в определенной

местности Европейской или Азиатской России с соблюдением особо определенных для этого правил. Таким образом, в качестве территории административной ссылки закон называл какую-либо определенную местность Европейской или Азиатской России, а субъектом ее были лица, «вредные для государственного и общественного спокойствия».

Статьи 33–35 определяли непосредственно механизм принятия решения об административной высылке лиц, «вредных для государственного и общественного спокойствия». Так, в статье 33 значилось, что «подлежащая власть, убедившись в необходимости высылки частного лица, представляет об этом Министру Внутренних Дел, с подробным объяснением оснований к принятию этой меры, а также предположений о сроке высылки» [4, с. 265–266].

Право ходатайства о высылке того или иного лица принадлежало местной администрации. Свое решение они должны были представить министру внутренних дел с подробным объяснением оснований к его принятию, а также предполагаемых сроков высылки. После этого представления об административной высылке рассматривались особым совещанием, образуемом при министре внутренних дел. Председателем на таком совещании мог быть один из товарищей министра, а на самом совещании присутствовали два представителя от Министерства юстиции, и два от Министерства внутренних дел. После рассмотрения вопроса совещанием, его решения утверждались министром внутренних дел. При этом указывается, что во время обсуждения вопроса о высылке, совещанием могут быть истребованы дополнения и разъяснения, а в случае надобности, может быть вызвано предназначенное к высылке лицо.

Административная ссылка назначалась на срок от одного года до пяти лет с обязательством безотлучного пребывания в определенной местности в течение назначенного срока (статья 36). Примечание 1 к ст. 36 указывало, что срок высылки может быть продлен в том же порядке, в каком она была назначена, однако общий срок не мог превышать пяти лет.

Условия пребывания в административной ссылке, изменявшейся на основании Положения от 14 августа 1881 г., определялись Положением о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей, от 12 марта

1882 г. (далее – Положение 1882 г.). Данным законом определялись основы установления гласного полицейского надзора за административно-ссылными по политическим мотивам, механизм действия такого надзора, органы, его осуществляющие и их полномочия, а также права и обязанности ссыльных в местах отбывания наказания и их ответственность за нарушение правил гласного надзора.

В ст. 1 Положения 1882 г. значилось, что «полицейский надзор, как мера предупреждения преступлений против существующего государственного порядка, учреждается над лицами, вредными для общественного спокойствия» [5, с. 84]. Таким образом, закон четко определял, что полицейский надзор являлся в первую очередь мерой превентивной, имеющей своей целью предупреждение преступлений против государственной власти.

Ст. 2 Положения 1882 г. указывала, что полицейский надзор над административно-ссылными учреждается «в силу самого водворения и на срок, для него определенный», то есть является не самостоятельной мерой, а дополнительной, и прекращает свое действие по окончании срока высылки [5, с. 84].

Из вышеизложенного можно заключить, что административная ссылка политически неблагонадежных лиц и установление над ними гласного полицейского надзора составляли единую систему мер, направленных на предупреждение совершения политических преступлений и имели своей целью противодействие революционному движению в России.

В части начала действия надзора закон указывал, что он устанавливается с момента «объявления подлежащему лицу об учреждении над ним надзора, если по сему предмету не последует от власти, уполномоченной на учреждение надзора, особого распоряжения» (ст. 4) [5, с. 84].

У лица, отданного под надзор полиции, отбирались документы, удостоверяющие личность, а взамен выдавалось свидетельство на проживание в назначенной ему местности. Поднадзорный был обязан проживать в назначенном месте, и не имел права отлучки без должного на то разрешения властей.

Временные отлучки поднадзорного из назначенного места жительства предусматривались Положением 1882 г., но при соблюдении особого порядка, который определялся в ст. 8–17.

Отлучки разрешались только по особо уважительным причинам и при одобрительном поведении поднадзорного. В пределах уезда они разрешались местным начальником полиции, в пределах губернии – губернатором, а разрешение на отлучку в другую губернию давалось министром внутренних дел.

В случае получения разрешения на отлучку поднадзорному выдавалось проходное свидетельство и маршрут. В проходном свидетельстве указывались фамилия, имя, отчество и особые приметы лица, которому оно выдается; место (населенный пункт), в которое разрешена отлучка, ее срок, а также обязанность поднадзорного в течение суток после прибытия явиться в полицию и предъявить ей означенное свидетельство. Маршрут лица, которому разрешалась отлучка, также подлежал детальной регламентации. В нем точно и подробно описывался путь, по которому поднадзорный был обязан следовать.

Перед отправлением в путь, поднадзорный обязан был явиться к местной полиции, которая отмечала на проходном свидетельстве время отправки. По возвращении на поднадзорного также была возложена обязанность явиться в полицию, чтобы возратить проходное свидетельство и маршрут.

Поднадзорный мог быть возвращен до истечения срока отлучки в случае, если это будет признано необходимым лицами, ее разрешившими, либо в случае предосудительного поведения поднадзорного в месте отлучки.

Необходимо отметить, что в законе не содержалось указаний на сопровождение поднадзорных во время отлучек, что фактически давало ссыльным реальную возможность для побега.

Перемещения поднадзорных, перемена ими места жительства, отъезд из населенного пункта или прибытие в населенный пункт, отслеживались общей полицией. О каждом таком перемещении представитель общей полиции обязательно докладывал в губернское жандармское управление. Причем в случае разрешения отлучки за пределы губернии, Департамент полиции уведомлял губернатора, о чем губернатор давал знать представителю общей полиции, а ее представитель сообщал об этом в губернское жандармское управление (далее – ГЖУ). Впоследствии начальник ГЖУ уведомлял через Департамент полиции МВД полицейского представителя той местности, в

которую выехал поднадзорный. Например, Балаганский уездный исправник в письме начальнику Иркутского ГЖУ от 12 января 1905 г. сообщает, что «Иркутский Губернатор предписанием от 8 декабря с. г. за № 4558 дал знать, что Департамент Полиции телеграммой разрешил отлучку административно-ссылной Ольге Давыдовой в г. Асхабад к мужу. Давыдова выехала из г. Балаганска 13 сего января, о чем и сообщаю Вашему Высокоблагородию»*. 21 января 1905 г. из Иркутского ГЖУ в Департамент полиции сообщалось, что «состоящая под гласным надзором полиции административно-ссылная Ольга Апполонова Давыдова с разрешения Департамента полиции, 13 сего января выехала из г. Балаганска в гор. Асхабад ... к мужу»**. При этом в телеграмме указывались основания высылки поднадзорного в Сибирь. Обращает на себя внимание сложность процедуры принятия решения о разрешении отлучек поднадзорным. На указанном примере видно, что в данном случае в разрешении вопроса было задействовано четыре различных властных структуры разных уровней: общая полиция в лице уездного исправника, губернатор, жандармское ведомство и Департамент полиции МВД.

Правовым нормам, регулирующим отлучки административно-ссылных отводится в Положении 1882 г. значительное место, что говорит о повышенном внимании законодателя к данному вопросу. На практике же поднадзорные зачастую пренебрегали указанными запретами на отлучки. В подтверждение наших слов приведем представление Иркутского губернатора Иркутскому военному генерал-губернатору от 12 мая 1904 г. Губернатором указывалось следующее: «Политические ссылки, состоящие под гласным надзором полиции, стали заметно часто отлучаться пешком из мест, назначенных им для жительства, в соседние, ближайšie к ним деревни, к своим товарищам; или же, как были случаи, под разными предлогами прибывают в Иркутск и здесь остаются, отказываясь добровольно возвратиться в места своего жительства.

В первом случае, сельская власть, обнаружив отсутствие на месте политического ссылки, немедленно принимает меры

* ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 43. Л. 36.

** Там же. Л. 37.

к его розыскам, для чего пользуется обывательскими лошадьми.

Такие ссыльные, обнаруженные где-нибудь в соседней деревне у своих товарищей, за отказом возвратиться добровольно в место водворения, доставляются по назначению бесплатно, на обывательской подводе.

Во втором случае, самовольно прибывающие в Иркутск поднадзорные являются к уездной полиции и требуют отправить их в место жительства, отказываясь добровольно выехать из Иркутска. В этом случае также приходится отправлять их бесплатно на обывательской подводе.

Приняв во внимание, что по деревням Иркутской губернии расселены политические ссыльные в большом количестве и недалекие отлучки их весьма часты, нельзя не признать, что на местных крестьян ложится совершенно не предусмотренная законом повинность по преследованию и передвижению на подводах лиц административно-ссыльных, особенно тяжелая в настоящее время, когда средства населения обессилены призывом запасных нижних чинов, казаков и умалются еще более предстоящим призывом ратников ополчения первого разряда»*.

Нередко поднадзорные обращались к местной администрации с просьбами о переводе их в другой населенный пункт, объясняя это отсутствием возможностей к заработку, состоянием здоровья и рядом других причин. Местные власти в лице губернатора зачастую не обращали внимания на скопление в отдельных городах региона значительного числа политических ссыльных и разрешали перевод. Прочитируем обращение помощника начальника Иркутского ГЖУ в Киренском и Верхотуринском уездах к начальнику ИГЖУ от 6 июня 1905 г., которое хорошо иллюстрирует подобную ситуацию: «В настоящее время в городе Киренске проживает 19 человек политических ссыльных; половина из них переведена из уезда в последнее время; переводы эти разрешаются губернской властью беспрепятственно, по первому заявлению просителей; выставляемые поднадзорными к переводу причины не заслуживают уважения, по большей части фиктивны. Имеются в виду новые аналогичные ходатайства.

* ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 218. К. 995. Л. 1 а.

Подобная концентрация в городе была бы нежелательна в виду возможности вредного влияния на многочисленный судорабочий пролетариат^{*}. Из указанного обращения можно заключить, что сосредоточение в одном населенном пункте значительного контингента политических ссыльных серьезно затрудняло достижение основной цели гласного полицейского надзора, которая заключалась в предупреждении политических преступлений. Причиной такому положению дел, на наш взгляд, отчасти было отсутствие единства в действиях местной полиции и губернских властей.

Центральное место в Положении 1882 г. занимали нормы, направленные на ограничение поднадзорных в выборе занятий. Целью данных актов было ограничение контактов «вредных для общественного спокойствия» лиц с сибирским населением.

Для административно-ссылных предусматривался ряд мер, запрещавших им занятия определенными видами деятельности. Так, поднадзорные не могли состоять на государственной или общественной службе, не могли быть учредителями, председателями и членами в частных обществах и компаниях, а также председателями и членами конкурсных правлений. Также поднадзорным запрещалось быть опекунами и попечителями, кроме как с разрешения на то министра внутренних дел. Кроме того, воспрещалась всякая педагогическая деятельность, принятие к себе учеников для обучения их искусствам и ремеслам, чтение публичных лекций, участие в публичных заседаниях ученых обществ, участие в публичных сценических представлениях, вообще всякого рода публичная деятельность, содержание типографий, литографий, фотографий и библиотек для чтения и служба при них, торговля книгами и всеми принадлежностями и произведениями тиснений, содержание трактирных и питейных заведений, а также торговля спиртным (ст. 21–24 Положения 1882 г.).

Однако статья 21 оговаривала, что поднадзорные допускались «к письменным занятиям в правительственных и общественных учреждениях по найму», но с тем условием, что в каждом отдельном случае «испрашивалось на то разрешение у Министра Внутренних Дел» [5, с. 86]. Так, например, полицейский урядник третьего участка Верхоленского уезда в ра-

^{*} ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 44. Л. 184.

порте начальнику Иркутского ГЖУ от 6 января 1905 г. указывает, что «административно-ссылный Боринский, с 23 ноября минувшего 1904 года и до 3 января 1905 года занимал должность письмоводителя у Господина Мирowego Судьи I участка Верхотурского уезда Клеймо и ездил с ним в разъезд также в качестве письмоводителя. Получал на почте и Волостном Правлении казенные пакеты по доверенности от Г. Судьи»*.

Помимо этого, поднадзорные не могли поступать в учебные заведения иначе, как с разрешения министра внутренних дел, выдаваемого по соглашению с учебным начальством. Ходатайствовать по судебным делам разрешалось только в тех случаях, когда они касались непосредственно поднадзорных, либо их родителей, жен или детей. Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика разрешалась только с дозволения на то министра внутренних дел (ст. 25–27 Положения 1882 г.).

Остальные занятия, дозволенные законом, разрешались для поднадзорных, но в случае, если избранное занятие «служит средством осуществления его предосудительных замыслов или по местным условиям представляется опасным для общественного порядка и спокойствия», то и оно могло быть запрещено. Решение о запрете на такое занятие принималось губернатором [5, с. 86].

На местах за действием указанных запретов на занятие определенными видами деятельности наблюдали полицейские власти. Поднадзорные нередко пренебрегали данными запретами, в подтверждение чему можно привести пример мещанина Гогаевского, который в соответствии с донесением помощника начальника Иркутского ГЖУ в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском уездах начальнику Иркутского ГЖУ от 24 января 1905 г. «занимается обучением детей, которым дает уроки при своей квартире»**.

Хотелось бы также обратить внимание на ст. 27 Положения о полицейском надзоре, воспрещавшую врачебную, акушерскую и фармацевтическую практику, если нет на то особого разрешения министра внутренних дел. Административно-ссылная Пелагея Фокина обратилась в канцелярию иркутского военного генерал-губернатора с ходатайством о разрешении ей

* ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.

** Там же. Л. 56.

работать в качестве фельдшера в Александровской тюремной больнице, о чем канцелярия уведомляла начальника ИГЖУ 15 июня 1905 г., испрашивая при этом заключение последнего по поводу ходатайства Фокиной. В материалах дела указывалось, что Фокина была выслана в Восточную Сибирь под надзор полиции на 5 лет 6 августа 1902 г. за принадлежность к противоправительственному обществу. В ответе исправляющего должность начальника Иркутского ГЖУ от 30 июня 1905 г. сообщалось, что помимо указанного дела, Пелагея Фокина 28 ноября 1904 года привлекалась к дознанию по обвинению в преступлении, основанием для чего было следующее обстоятельство: «16 ноября 1904 года в Александровскую пересыльную тюрьму Фокиной принесена была шкатулка со съестными припасами, предназначенными для политических арестантов; в этой шкатулке обнаружено было два дна, между коими оказались два номера газет нелегального содержания: «Искра» № 74 и «Социал-демократ» № 1». Несмотря на то, что дознание о Фокиной было прекращено за недостаточностью улик, резолюция исправляющего должность начальника управления была следующей: «В виду вышеизложенного и принимая во внимание прежнюю судимость Фокиной, я полагаю бы, что предоставление ей места службы в Александровской тюремной больнице представляется нежелательным»*.

Из вышеизложенного можно заключить, что имели место случаи, когда занятие медицинской или иной деятельностью, вполне могли служить для осуществления преступных замыслов поднадзорных, что в данном случае и было пресечено чинами жандармского ведомства.

Ограничения на административно-ссылных по политическим мотивам были наложены и в части получения корреспонденции. Об этом говорилось в ст. 29 Положения о полицейском надзоре: «министру внутренних дел дозволяется в каждом отдельном случае воспрепятствовать поднадзорному непосредственное получение сим последним его частной почтовой или телеграфной корреспонденции». Ст. 29 предусматривала и последствия такого запрета: «1) все письма и депеши, получаемые на имя такого лица, препровождаются почтовым или телеграфным ведомством на просмотр: в губернских городах – местному

* ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 44. Л. 182, 184.

начальнику жандармского управления, а в уездных – местному уездному исправнику, которые или передают их по принадлежности, или в случае предосудительного их содержания задерживают их, причем исправники всю задержанную ими корреспонденцию пересылают немедленно к начальнику жандармского управления; 2) поднадзорный всю предполагаемую им к отправке корреспонденцию представляет на просмотр тем же лицам, которые поступают с ней по правилам, изложенным в предшествующем пункте сей статьи, и 3) местным почтовым или телеграфным учреждениям сообщаются списки поднадзорных, коим воспрещено непосредственное получение корреспонденций, для исполнения со стороны сих учреждений вышеизложенных правил» [5, с. 86]*.

Таким образом, административно-ссылные свободно получали и отправляли почтовую и телеграфную корреспонденцию, если в каждом отдельном случае министром внутренних дел не налагался на это запрет. Досмотр как получаемой, так и отправляемой корреспонденции в жандармском управлении либо чинами общей полиции, являлся последствием такого запрета. Хорошо иллюстрирует действие данной нормы уведомление Департаментом полиции МВД Иркутского губернатора от 5 ноября 1882 г., в котором указывалось, что, согласно Положения о полицейском надзоре, дано разрешение на контроль за корреспонденцией следующих лиц:

- «1. Александра Александрова
2. Федора Воробьева
3. Сигизмунда Познанского
4. Софии Познанской, урожденной Пеховской
5. Станислава Рогальского
6. Ивана Совенко
7. Дмитрия Чуркина
8. Ореста Габеля
9. Сергея Жебунева
10. Ивана Шокина
11. Константина Тесленко-Приходько
12. Екатерины Пьянковой, урожденной Квятковской
13. Клементины Соковниной, урожденной Рохальской
14. Александра Штромберга

* ПСЗ. Собр. 3. Т. II. С. 86.

15. Якова Девятникова
16. Ефрема Пылаева
17. Федора Долинина
18. Павла Ивичевича
19. Петра Чехова
20. Христины Чеховой, урожденной Ивичевич
21. Алексея Назарова
22. Ивана Микитяка
23. Моисея Морголина
24. Николая Сажина
25. Генриха Юэта
26. Владислава Козловского*.

Существенной составляющей гласного полицейского надзора являлась возможность полиции в любое время входить в квартиру поднадзорного, а также производить обыск и выемки. Данное обстоятельство, на наш взгляд, является необходимым условием наблюдения за порядком отбывания административной высылки. Нередки случаи, когда в квартирах поднадзорных при обысках обнаруживалась литература революционного содержания. Так, например, при обыске у В. Брильянщиковой, состоящей под гласным надзором полиции в с. Кимильтей, была обнаружена рукопись, озаглавленная «Проект программы революционной работы в феврале». При этом на допросе Брильянщикова пояснила, что найденная рукопись была получена по почте**.

Однако имели место случаи, когда осуществление обязанностей общей полиции встречало серьезные затруднения. Так, например, по заявлению помощника начальника Иркутского ГЖУ в Киренском и Верхоленском уездах штаб-ротмистр Уланова, «фактическое выполнение надзора за политическими со стороны, так называемых, надзирателей сильно затрудняется в некоторых пунктах вследствие открытого нежелания подчиняться требованиям полиции; бывали случаи, когда надзиратели при контроле силою не допускались в помещения, подвергались частым оскорблениям»***.

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 275. Л. 159.

** Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 3.

*** Там же. Оп. ОЦ. Д. 3. Л. 34.

Другим примером взаимоотношений гласно-поднадзорных и местной полиции является превышение полномочий чинами последней. Привлекавшиеся к дознанию в 1904 г. политические ссыльные Иосиф Каплан и Зельда Канторович, проживающие в с. Коченгском Киренского уезда, совершили незаконную отлучку из места отбывания наказания. После их поимки они заявили, что причиной побега было нарушение их прав со стороны местных властей, о чем они сообщили губернатору, но по прошествии двух месяцев, ответа не получили. Поясняя сущность нарушений, Каплан и Канторович указали: «Наши письма вскрываются, посылки с платьем разрезают в куски, надзор становится невыносимо придирчивым и мелочным»*.

В Положении о полицейском надзоре были определены условия, смягчавшие наказание для лиц, высланных в административном порядке. Лица, находящиеся под надзором полиции, «заслуживающие своим поведением и образом жизни облегчения своего положения, могут быть, по представлениям местных губернаторов и с разрешения министра внутренних дел, освобождаемы от некоторых стеснительных для них мер надзора, а равно и от некоторых ограничений их прав по отношению к выбору ими занятий» [5, с. 86]. Также, местное губернское начальство могло ходатайствовать министру внутренних дел об отмене учрежденного над лицом полицейского надзора до истечения срока в тех случаях, «когда поднадзорный своим образом жизни и поведением представляет достаточное ручательство в своем исправлении»**.

Политические ссыльные, состоящие под гласным полицейским надзором в Иркутской губернии, могли быть освобождены от дальнейшего отбывания ссылки на основании решения императора, примером чему является сообщение Иркутского военного генерал-губернатора Иркутскому губернатору от 22 января 1905 г. за № 173, в котором значилось, что «на основании Высочайшего повеления, последовавшего в 29 день Декабря 1904 года по всеподданнейшему докладу Министра Юстиции поименованные в прилагаемом списке 26 лиц, водворенные под гласным надзором полиции в Иркутской губернии,

* ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

** Там же.

подлежат освобождению от дальнейшего отбывания определенного им Высочайшими повелениями взысканий»*.

Как видим, нормы Положения 1882 г., казалось бы, детально регламентировавшие порядок отбывания административной ссылки, на практике зачастую не действовали. В Иркутской губернии административно-ссылные нарушали запреты на отлучки из мест водворения, занимали должности, напрямую связанные с публичной деятельностью, получали корреспонденцию революционного содержания. Среди основных факторов, негативно повлиявших на должное осуществление гласного полицейского надзора за политическими ссылными в Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. можно выделить нехватку кадров, причем как общей, так и политической полиции, а также обширность территории, на которой водворялись поднадзорные. Наглядным подтверждением указанных обстоятельств служит письмо помощника начальника Иркутского ГЖУ в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском уездах начальнику Иркутского ГЖУ от 1 июня 1905 г.: «Доношу, что сообщенные мною сведения ... основаны на донесении унтер-офицера, получающего эти сведения негласным путем через расспросы, почему таковые сведения особенной точностью отличаться не могут; иметь же за каждым поднадзорным неотступное наблюдение, по крайне ограниченному числу в уездах жандармских унтер-офицеров, я не имею возможности»**.

Помимо этого необходимо указать, что обязанности по осуществлению гласного полицейского надзора были сосредоточены в разных ведомствах: общей полиции и Иркутского ГЖУ. При этом часть вопросов о поднадзорных разрешалась губернатором, министром внутренних дел и Департаментом полиции. Отсутствие единой системы контроля становилось причиной разобщенности в действиях, направленных на достижение единой цели, что также негативно сказывалось на осуществлении гласного надзора за политическими ссылными.

Хотелось бы обратить внимание еще и на тот факт, что со времени принятия Положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия и Положения о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению админи-

* ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 43. Л. 90.

** Там же. Д. 44. Л. 79.

стративных властей, к началу XX века прошел значительный промежуток времени, в течение которого изменились многие аспекты социальной, экономической и политической жизни в Российской империи и в Сибири в частности. Ввиду вышеуказанного замечания, отдельные нормы законодательства, регулирующего механизм функционирования гласного полицейского надзора за политическими ссылными, нуждались в своевременной корректировке и доработке.

Список литературы и источников

1. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Том. III. 1870–1900 гг. / М.Н. Гернет. М., 1948. 376 с.
2. Иванов А.А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX века / А.А. Иванов. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2001. 276 с.
3. Марголис А.Д. Законодательство об административной политической ссылке в России в конце XIX века / А.Д. Марголис // Политические ссылки в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1983. С. 50–61.
4. ПСЗ. Собр. 3. Т. I. № 350.
5. ПСЗ. Собр. 3. Т. II. № 730.
6. Токарева С.Н. Полицейский надзор в Российской империи / С.Н. Токарева // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 94–104.

УДК 342

И.В. Упоров

**Особенности ссылки как вида уголовного наказания
в Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв.**

Аннотация. В статье дается характеристика института сибирской ссылки в относительно короткий период (1797–1806 гг.) с точки зрения правового регулирования и исполнения этого вида уголовного наказания. Отмечается, что с целью реализации колонизационной политики государство использовало принудительный труд ссылных преступников (наряду с другими группами переселенцев). Соответствующие организационно-правовые вопросы определялись в указах 1797, 1799, 1806 гг. Автор осуществляет их анализ, выявляет причины неудовлетворительного

выполнения, делает вывод о том, что государство в силу своей территориально-государственной специфики было вынужденно эксплуатировать ссылных преступников, что однако не оправдывает негодных условий их жизни и труда. Указывается, что в современной России также целесообразно использовать осужденных к лишению свободы для развития сибирской экономики, учитывая безработицу в исправительных колониях.

Ключевые слова: Сибирь, ссылка, каторжные работы, указ, преступление, поселение, колонизация, крестьяне, преступники.

I.V. Uporov

Features links as a form of criminal punishment in the Russian Empire at the turn of XVIII–XIX centuries

Abstract. The article describes the Institute of Siberian exile in a relatively short period (1797–1806 gg.) In terms of legal regulation and execution of this form of criminal punishment. It is noted that in order to implement the state policy of colonization has used forced labor exiled criminals (along with other displaced groups). Appropriate organizational and legal issues defined in the decrees of 1797, 1799, 1806. The author carries out their analysis reveals the causes of unsatisfactory performance, concludes that the State by virtue of its territorial specifics of state was forced to operate the exiled criminals, which, however, does not justify the wretched conditions of life and work. It is stated that in today's Russia is also advisable to use convicts for the development of the Siberian economy, with unemployment in penal colonies.

Keywords: Siberia, link, hard labor, an edict crime, settlement, colonization, peasants and criminals.

Ссылка как вид уголовного наказания на системном правовом уровне стала регулироваться начиная с Соборного уложения 1649 г. Первоначально ссылка понималась в буквальном смысле – сослать (удалить) подальше от центра, и применялась в отношении лиц, попавших в царскую опалу, то есть имела политический характер (этот признак сохранится на всем последующем функционировании этого вида наказания, включая известную ссылку академика Сахарова в СССР в первой

половине 1980-х гг.). Довольно быстро политическая составляющая была дополнена экономической, когда ссылки стали использоваться для закрепления колонизационного движения российской государственности на востоке, и уже тогда Сибирь стала определяться как основной ссылный регион. Так, П.Н. Буцинский указывал на то, что уже в первой половине XVII в. в Сибирь были направлены не менее полутора тысяч ссылных [1, с. 37]. Кроме того, с начала XVIII в. ссылка, понимаемая до этого как удаление ссылных на вольное житье (поселение) в месте ссылки (государева служба, труд на посадке или пашне), была дополнена важной разновидностью – ссылкой на каторгу, то есть удаление ссылного сопровождалось принуждением его к труду (как правило, физически тяжелому) в пользу государства, и этот вид ссылки, как известно, активно использовался Петром I, в том числе при строительстве Петербурга (уже тогда создавались, по сути, основы будущего ГУЛАГа).

В послепетровскую эпоху экономическая эксплуатация каторжан была несколько снижена пропорционально уменьшению лично-государственной и деловой энергии последующих монархов. Вместе с тем институт ссылки получил определенное развитие с юридической точки зрения. В этом контексте представляет интерес ряд актов, изданных на рубеже XVIII–XIX вв., учитывая, что с их изданием были сформированы правовые предпосылки развития ссылки до конца империи. Прежде всего отметим, что к тому времени ссылные преступники поступали в распоряжение казенного управления (Берг-коллегии), и трудоспособные из них назначались на строительные работы, на заводы или определялись в хлебопашество, а неспособные к работам содержались в местных тюрьмах или приселялись к деревням. Кроме того, в Сибирь направлялись крепостные крестьяне, сосланные помещиками на основе известных Указов 1760 г. [2] и 1765 г. [3] Как отмечал Н.Г. Фельдштейн, касаясь ссылки как наказания, правительству «в изобилии нужны были рабочие руки, и подневольный труд поглощал собою другие составные части этого наказания» [4, с. 131–132]. В 1795 г. генерал-адъютант Князев в письме к генерал-прокурору писал, что «ссылочные невольники для работы везде нужны, где только крепости инженерного ведомства по границам находятся, наипаче же потому, что во многих местах вольнонаемных

людей ни за какие деньги отыскать невозможно» [5, с. 435], и это при том, что условия каторги, писал А.Д. Дриль, «были поистине ужасными» [6, с. 12].

Такому фактическому положению дел не соответствовала степень правового регулирования условий назначения различных видов ссылки в зависимости об общественной опасности совершенных преступлений. Очевидно, этим обстоятельством объясняется появление Указа 1797 г. [7], согласно которому законодатель определил следующие критерии: обвиненных в убийстве, «пристанодержателей», а также возмутителей народа и «произносителей дерзких слов» против императора следовало «отсылать в Нерчинск в работу»; обвиненных в преступлениях «других родов», приговариваемых на поселение, следовало направлять в Иркутск на работы на суконной фабрике; осужденные к телесным наказаниям и без такового за долги и другие преступления должны были направляться в «крепостные строения», то есть на работы в крепостях. Как видно, наиболее суровой являлась ссылка в каторжные работы (Нерчинская каторга) на рудниках. Следует заметить в этой связи, что в 1799 г. был сокращен перечень преступных деяний, за которые могло быть назначено наказание в виде ссылки в каторжные работы – к числу таковых были отнесены лишь убийства, квалифицированные виды кражи и грабежи [8, с. 271]. Впрочем, как отмечает С.В. Юдан, российская ссылка длительное время (по сути два столетия) определялась множеством указов по отдельным вопросам [9, с. 24], и поэтому перечень деяний, за которые могла быть назначена ссылка в каторжные работы, изменялся, а систематизация соответствующих уголовно-правовых норм будет осуществлена позже – сначала в Своде законов уголовных (том XV Свода законов Российской империи 1832 г.), а затем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Между тем указанный законодательный акт 1797 г. не прояснял вопросов, связанных с карательной составляющей иных видов ссылки. Отчасти ряд пробелов был восполнен в Указе от 17 октября 1799 г. [10], где высказывалась озабоченность тем, что российского населения у границ с Китаем «так мало», что государство не может получить ту пользу, которая могла быть получена от этого края, «одаренного от природы как плодородным кряжем земли, так и благорастворенным климатом». Засе-

лять эти земли (между Байкалом, Верхней Ангарой и Нерчинском) предписывалось, среди прочего, и посредством ссыльной политики, включая предоставление ссыльным некоторых льгот. В частности, указывалось, что преступников, приговоренных не к каторжным работам, «а просто к ссылке», следовало посылать в приграничные с Китаем места на поселения, именуя их не «государственными поселениями», а «ссылочными поселениями». При этом ссыльным должен был предоставляться «способ к улучшению их состояния», а именно тем, что ссыльный, который проживет в ссылке «порядочно» 10 лет и при этом отличится прилежанием к хлебопашеству и докажет это успехами в домоводстве, что должен подтвердить Земский Начальник, «из ссылочного поселянина делается государственным поселянином».

Однако исполнение этого закона отличалось крайней неорганизованностью, непродуманностью. Да и ряд требований Указа был явно невыполним, в частности, это касалось предписания отводить для ссыльных на каждую душу по 30 десятин земли в местах самых плодородных, построить для первых двух тысяч поселян дома за счет казны, приготовить для них земледельческие и прочие орудия, снабдить потребным скотом и семенами для посева и в течение первых десяти лет освободить от всяких податей. А если учесть, что, начиная с 1800 г., туда планировалось направить не менее десяти тысяч человек («не определяя точно, в какое число лет произвести такое поселение»), то становится ясным, что в крае, где отсутствовала развитая инфраструктура, а уровень управления всеми процессами был на низком уровне (ввиду дефицита опытных чиновников), указанное и другие намерения, как писал И.Я. Фойницкий, оставались «благими намерениями» [11, с. 276]. Этот же автор писал о том, что «оказавшиеся значительно более дорогими съестные припасы и недостаток таковых, серьезные лишения, которым подвергались ссыльные на пути к месту поселения, приводили к массовым заболеваниям, что в итоге не позволило осуществить этот проект» [11, с. 277].

Именно такую картину обнаружил действительный статский советник Н.О. Лаба, отправленный наблюдать за тем, как губернаторы исполняют Указ. В.И. Вагин в этой связи писал: «Лаба встретил крайние затруднения в исполнении своего поручения

вследствие величайшей запутанности в сведениях о поселенцах ... Донесения его подтвердили прежние известия о небрежном препровождении поселенцев, которые терпели недостаток в продовольствии; кроме того, они были чрезвычайно перемешаны; препровождали их частью воинские команды, частью сами обыватели; с беременными женщинами, с больными поступали чрезвычайно небрежно; их тащили с партиями; больные преждевременно умирали; женщины рожали на телегах; всякие изнурения были чрезмерны; беспорядок был так велик, что потерялся счет и в людях, и в деньгах» [12, с. 222–223].

Не удивительно, что в 1806 г. был принят новый Указ, регулирующий организацию ссылки в Сибири [13]. Здесь признавалась, что ввиду ненадлежащего исполнения Указа 1799 г. данное «предприятие о населении Сибири» превратилось «вместо чаемой от него пользы в сущую пагубу посылаемых туда людей». С целью «отвращения зла сего» предписывалось принять ряд мер. Так, все вопросы «по предмету водворения в Сибирь поселенцев» передавались в Министерство внутренних дел; обратим внимание, что исполнением уголовных наказаний, в том числе ссылки, к тому времени также ведало Министерство внутренних дел, однако при этом само исполнение наказаний по-прежнему возлагалось на губернское начальство под наблюдением Сибирского Генерал-Губернатора и под общим руководством и контролем МВД. В качестве районов колонизации Указ определял Забайкалье, часть Иркутской губернии (Нижегородский уезд) и те части Тобольской и Томской губерний, в которых уже осели лица, предназначенные указом 1799 г. к поселению в Забайкалье.

Далее, Указом было «остановлено» направление в ссылку помещичьих людей (в вводной части Указа сообщалось, что именно эта категория ссыльных была отягощена более всего «изнурениями разных родов» – по отправке в Сибирь помещики не снабжали их ни достаточным пропитанием, ни одеждой, и на месте, прибыв туда с семьями, эти ссыльные, влача нищенское существование, получали самые плохие земли, и в итоге воспроизводство домохозяйства в большинстве случаев было невозможно). Соответственно в Указе определялось, что ссылка как наказание может быть назначаема только преступникам, причем оговаривалось, что нужно прекратить практику, когда

в ссылку направляются преступники за «воровскую кражу на малую сумму или только по сомнению», а также преступники из числа дряхлых и престарелых, неспособных к работам на поселении.

Ссылных, дошедших до Пермской, Казанской, Вятской, Тобольской губерний, следовало останавливать, «употребляя их в тамошних селениях в работы», до тех пор, пока в Иркутской губернии не будут приготовлены надлежащие условия. Для приготовления этих условий, в том числе для покупки скота для ссылных и вообще для «исправления всего», предписывалось необходимое количество денег ассигновать Государственному казначею. В Указе 1806 г., так же, как и в Указе 1799 г., предписывались, во многом повторяясь, конкретные меры по реализации плана заселения Сибири, но с более подробным их описанием. В частности, указывалось, что ссылные-преступники должны были определяться на поселения таким образом, чтобы между ними и границей с Китаем были селения с поселенцами из числа непроступников. Нельзя было также в одних селениях размещать ссылных преступников и переселенцев всех иных категорий. Для поддержания порядка среди ссылных преступников по усмотрению губернатора в местах их проживания в помощь смотрителям могли быть размещаемы воинские команды или казаки.

Но и этот Указ не выполнялся должным образом. Если при-совокупить к этому организационно-правовые проблемы с исполнением в Сибири ссылки в каторжные работы [14], то станет понятной объективная потребность в систематическом юридическом регулировании и более совершенном управлении вопросов ссылки как уголовного наказания. Выполнение этой миссии волею судьбы было возложено на М.М. Сперанского и его соратников, которые в рамках Первого Сибирского комитета разработали десять законов об управлении Сибирью, составивших «Сибирское учреждение», среди которых следует выделить Устав о ссылных 1822 г. – этот фундаментальный акт, обобщив опыт государственных органов предшествующего времени, привел в достаточно стройную систему институт ссылки, и действовал, с определенными изменениями, до 1917 г.

Тем не менее и эти законы выполнялись далеко не в полной мере. Так, за период 1800–1819 гг. в Нижнеудинском округе, за

Байкалом и вокруг него было заселено только порядка восьми тысяч человек [15, с. 56]. По утверждению Н.Г. Фельдштейна, в XVIII и начале XIX вв. имело место «полное крушение отдельных колонизационных попыток» [4, с. 138]. Нам представляется, что такая оценка все же излишне категорична, поскольку при всех недостатках и просчетах, с большим скрипом, но ссылка исполнялась, и государство реально имело от этого определенные результаты.

В полной мере осуществить планы колонизации Сибири государство не смогло в силу разных причин, в том числе, на наш взгляд, ввиду того, что новые сибирские земли были присоединены к России сравнительно недавно. Государство в значительной степени стало «заложником» присоединения огромных территорий, когда, с одной стороны, существовала крайняя необходимость в заселении окраинных земель, развитии в них промышленности и сельского хозяйства, укрепления границ; а с другой стороны – нехватка государственных «мощностей» и населения (рабочей силы), готового добровольно осесть в тех краях для реализации этих проектов. Очевидно, что здесь речь шла уже о стратегических государственных интересах. Поступить своей государственной территорией Россия не могла, что было связано, во-первых, с установившейся мировой практикой, в соответствии с которой каждое государство стремится расширить свои границы, что представляет собой объективный государственно-исторический процесс, и, во-вторых, с теми потенциальными природными богатствами, разработка которых сулила несомненные экономические выгоды. Исходя из этого, можно, пожалуй, говорить о вынужденности государства использовать отправку в отдаленные районы и труд ссылных преступников ради высших государственных интересов. Хотя, разумеется, данное обстоятельство ни в коей мере не оправдывает тех плохих условий, в которых ссылным приходилось отбывать наказание.

А если обратиться к дню сегодняшнему, то, на наш взгляд, в описанных указах есть рациональный опыт, который вполне может быть полезен в настоящее время. Так, М.К. Любавский еще в 1909 г. указывал на неравномерность заселения территории России, в том числе применительно к рубежу XVIII–XIX вв., и необходимости его выравнивания в контексте колониза-

ционной политики [16, с. 270–271]. Как нам представляется, с учетом продолжающегося процесса оттока населения из Сибири, было бы полезно использовать осужденных, содержащихся в Европейской России, для работ в Сибири, и прежде всего в сельском хозяйстве, учитывая, что более половины осужденных в местах лишения свободы (а это почти 300 тысяч человек) не вовлечено в общественно полезный оплачиваемый труд. Вероятно, это нужно делать с согласия самих осужденных. Конечно, эта мера может быть только частью общего плана по демографическому развитию российской Сибири. Но решения и действия в этом направлении со стороны российского государства должны быть значительно более энергичные, чем наблюдаются в настоящее время.

Список литературы и источников

1. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Харьков, 1889.
2. Указ от 13. 12. 1760 г. «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут» // Российское законодательство X–XX веков. М., 1987. Т. 5. С. 497.
3. Указ от 08.01.1765 г. «О праве помещиков отдавать неугодных им крестьян в каторжную работу» // Российское законодательство X–XX веков. М., 1987. Т. 5. С. 500.
4. Фельдштейн Н.Г. Ссылка. М., 1893.
5. Цит. по: Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891.
6. Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. СПб., 1899. С. 12.
7. Указ от 13.09. 1797 г. «О распределении уголовных и других преступлений по важности их в каторжную работу на поселение и в крепостные работы» // ПСЗ-1. № 18140.
8. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. СПб., 1865.
9. Кодан С.В. Сибирская ссылка декабристов. Иркутск, 1980.
10. Указ от 17.10.1799 г. «О населении Сибирского края, прилежащего к границам Китайским, отставными солдатами, преступниками, подлежащими к ссылке и отдаваемыми от помещиков крепостными людьми с зачетом в рекруты, и о выгодах для сих поселенцев» // ПСЗ-1. № 19157.
11. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 276.
12. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. В 2 т. Т. 1. С. 222–223.
13. Указ от 29.06.1806 г. «О производстве поселения за Байкалом и о принятии для водворения поселенцев, уступленных Хоринскими Бурятами земель» // ПСЗ-1. № 22189.
14. Степанова Н.Г. Правовое регулирование Сибирской каторги в первой половине XIX века // Сибирская ссылка. Сб. научн. ст. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2009. Вып. 5 (17). С. 240–251.

15. Кожухов Ю.В. Крестьянская колонизация Восточной Сибири и переселенческая политика царизма в первой половине XIX в. // Научные доклады высшей школы. Серия исторических наук. М.: Высшая школа, 1958. № 3. С. 56.

16. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.

УДК 9(571.1/.5) «19»

М.В. Шиловский

**Обсуждение вопроса
о правовом положении политических заключенных
Нерчинской каторги во властных структурах в 1907–1914 гг.**

Аннотация: Анализируются такие факторы обострения ситуации с политическими заключенными в тюрьмах Нерчинской каторги в 1907–1912 гг., как обращение к ним на «ты», а не на «вы»; формы приветствия их и использование команд «Встать! Смирно!». Их применение тюремная администрация оговаривала ссылками на военные уставы, поскольку каторжные работы исторически представляли разновидность военных практик. Противостояние усиливалось благодаря наличию в среде политических внепартийных объединений («коллективов»).

Ключевые слова: Нерчинская каторга, Главное Тюремное управление, политические заключенные, протестные акции, «коллектив», голодовка.

M.V. Shilovsky

**Discussion of a question of a legal status of political prisoners of the
Nerchinsk penal servitude in power structures in 1907–1914**

Summary: Such factors of an aggravation of a situation with political prisoners in prisons of the Nerchinsk penal servitude in 1907–1912 as the address to them on «you», but not on «you» are analyzed; their and their application the prison administration stipulated greeting forms references to military charters as a hard labor historically represented a kind of military the practician.

Opposition amplified thanks to existence in the environment of political nonparty associations («collectives»).

Keywords: Nerchinsk penal servitude, Head Prison department, political prisoners, protest actions, «collective», hunger strike.

В ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. во исполнение положений Манифеста 17 октября 1905 г., указом от 21 октября того же года политических заключенных амнистировали. Но с начала 1906 г. каторжные тюрьмы Нерчинского каторжного комплекса снова начали заполняться ими, составив в разное время от 10,5 % (1910) до 5 % (1915) от общего числа ссыльнокаторжан [13, с. 409]. Данное обстоятельство породило комплекс проблем, связанных с неэффективностью использования тяжелого принудительного труда, применением физических наказаний для нарушителей тюремного режима, архаичными практиками его поддержания (обращение к заключенному на «ты», а не на «вы», заковывание в ручные и ножные кандалы, обязанность вставать, снимать головной убор и по уставному приветствовать вошедших в камеру чиновников и т. д.). Они дополнялись изменением социального состава ссыльнокаторжан, среди которых стала преобладать малограмотная молодежь (21–30 лет), активные участники революции 1905–1907 гг. из числа рабочих, крестьян, военнослужащих срочной службы.

Еще одним фактором обострения ситуации с политическими на каторге в рассматриваемое время стало активное привлечение общественного мнения. Протестные акции в тюрьмах Нерчинской каторги имели широкий общественный, том числе международный, резонанс. О них сообщалось в газетах, они вызывали запросы депутатов в III и IV Государственных Думах. По инициативе германских социал-демократов в ноябре 1913 г. принимается Европейское воззвание в защиту русских политических заключенных и ссыльных, которое подписали несколько сот политиков и деятелей культуры (А. Бебель, Ж. Жорес, Г. Уэллс, А. Франс и др.). Российское тюремное ведомство публично пыталось оправдаться, в том числе публикацией в журнале «Тюремный вестник» (1910) обзора «Мнимые притеснения в русских тюрьмах». Эту же цель преследовала поездка начальника Главного тюремного управления (ГТУ) С.С.

Хрулева в том же году в Англию и США. В отчете о вояже высокопоставленный чиновник пытался опровергнуть ставшие известными факты произвола подчиненных и успокоить зарубежную общественность [7, с. 263–264].

Мощным провоцирующим конфликты фактором стало стремление властей ужесточить режимные требования, серьезно деформированные в сторону либерализации в отношении политических в 1880–1890-е гг. и в начале XX в. в результате их длительного противостояния с властями. Правовой статус заключенных после Первой русской революции определялся: «Уставом о ссыльных» в редакции 1909 г., «Уставом о содержащихся под стражей», «Общей тюремной инструкцией» (утверждена в 1915 г., но на практике применялась с 1 марта 1912 г.) и многочисленными циркулярами Главного тюремного управления, в частности, одним из них от 20 июля 1907 г. устанавливавшего (восстанавливавшего) практику совместного содержания на равных условиях политических и уголовников [10, с. 189, 190].

Начиная с 1907 г. власти начали реализацию комплекса мер, направленных на ужесточение режима каторги или по терминологии чиновников Главного тюремного управления к «упорядочению дела в тюрьмах Нерчинской каторги» и ликвидации «значительных беспорядков во всех частях управления», как-то «отступления от закона и инструкций в порядке содержания каторжных, осужденных за государственные преступления, выражавшиеся, между прочим, в том, что они содержались отдельно от общеуголовных, подчинялись иному распорядку дня, не назначались на хозяйственные по тюрьмам работы, проводили время в праздности за чтением нелегальной литературы и газет, носили собственное платье, белье и обувь, имели свою лавку, своих выборных старост и общую денежную кассу; чины тюремной администрации обращались к ним на «вы», а не на «ты», и проч., одним словом, каторжные последней категории занимали в тюрьмах каторги какое-то совершенно исключительное и привилегированное положение, не основанное ни на каких законоположениях и инструкциях» [9, л. 2–3].

«Упорядочение» свелось к заковке в кандалы, строгой проверке корреспонденции и ограничению переписки, равных ус-

ловиях содержания с уголовниками, задержках в переводе во внетюремный разряд, уменьшении пайка, применении телесных наказаний, ограничении возможностей для чтения и учебы. Исходную позицию в этом процессе обозначили результаты «общего обзора мест заключения Сибири и каторжных тюрем» инспектора Главного тюремного управления, статского советника П.К. Грана в 1906 г., который применительно к объекту исследования, «нашел полный беспорядок во всех отраслях управления каторгой». Что касается государственных преступников, то они, сосредоточенные преимущественно в Акатуевской тюрьме, «проводили время в полной праздности за чтением книг и газет, почти все носили собственное белье, платье и обувь, имели свою лавку и общую кассу» [2, л. 97 об., 98].

Промежуточные результаты в мае 1910 г. подвел атаман 3-го отдела Забайкальского казачьего войска, герой Русско-японской войны, генерал-майор П.Н. Путилов. В ходе инспекции Зерентуйской, Кутомарской, Алгачинской и Акатуевской тюрем, усмотрел, «что в Зерентуйской тюрьме, каторжные, осужденные за государственные преступления, на хозяйственные работы не назначались и администрация к ним при разговорах, в отличие от общеуголовных арестантов, обращалась на «вы»; режим в этой тюрьме был ослаблен до крайности, в особенности при начальнике тюрьмы Покровском...: при нем камеры днем не запирались, и арестанты свободно ходили из камеры в камеру; у каторжных, осужденных за государственные преступления, существовала коммуна, и деньги поступали в общую кассу; телесные наказания совершенно не применялись; для заведывания библиотекой политические каторжные из своей среды избирали особое лицо и т. п.» [2, л. 106].

Усиление режима было встречено массовым сопротивлением арестантов в марте 1907 г., ноябре 1910 г., январе 1911 г., августе – октябре 1912 г., в ходе которых покончили жизнь самоубийством Е.С. Созонов, И.Н. Маслов, С.Ш. Лейбазон, П.П. Рычков, В.Л. Васильев и С.П. Пухальский. В свою очередь, эсеровскими боевиками весной – летом 1907 г. были убиты начальники Нерчинской каторги Ю.И. Метус и Алгачинской тюрьмы И.Н. Бородулин, в августе 1911 г. ранен начальник Зерентуйской тюрьмы И.И. Высотский.

Протестные акции в самом общем виде анализировались современными исследователями [11, с. 66-82; 12, с. 146-158, 13, 407-434]. В настоящей публикации я попытаюсь рассмотреть некоторые аспекты статуса ссылнокаторжан, на которые высокопоставленные чиновники обратили внимание и попытались уточнить в ходе «разбора полетов» при анализе упомянутых выше протестных акций. В качестве основных источников использованы извлеченные из архивов доклад военного губернатора Забайкальской области генерал-майора Г.М. Косова иркутскому генерал-губернатору тайному советнику Л. М. Князеву о событиях в Зерентуйской каторжной тюрьме от 28 декабря 1910 г. и объяснение (справка) Главного тюремного управления по поводу запроса депутатов III Государственной думы министру юстиции И.Г. Щегловитову и министру внутренних дел Н.А. Маклакову об истязаниях политических заключенных в тюрьмах Нерчинской каторги, составленная не ранее 21 января 1913 г.

Прежде всего следует упомянуть об отношении властных структур Российской империи к реформированию каторги и ссылки. Еще 6 мая 1899 г., в рамках обсуждения вопроса об отмене ссылки в Сибирь, император Николай II предписал рассмотреть проблему «о переустройстве каторги и последующего за ней поселения». Законом от 12 июня 1900 г. предусматривалось прекращение судебной общеуголовной (на жительство и на поселение) ссылки в Сибирь, а о каторге забыли. Вспомнили в 1908 г. и соответствующее представление министра юстиции заслушали на заседании Совета Министров 8 декабря 1909 г. Министерству юстиции поручили подготовить соответствующий законопроект, работа над которым завершилась в начале 1911 г. После получения отзывов от МВД, Военного министерства, Государственного контроля, Министерства финансов, последовала новая доработка, и окончательный вариант законопроекта о преобразовании каторги внесли на рассмотрение Совета Министров 21 октября 1913 г. Впрочем, его так и не успели обсудить и принять до 1917 года.

Прежде всего чиновники тюремного ведомства констатировали: «Возникнув под влиянием высших интересов государства и, согласуясь в начале с его потребностями, ссылка в каторжные работы по нашему Уставу о ссылных давно уже от-

стала от исторического развития нашего отечества, а в особенности от культурного роста Сибири, где она, по мысли Устава сосредоточена. Потеряв, таким образом, связь с окружающей жизнью, одряхлевшая система наказания стала с общегосударственной точки зрения в некоторых своих проявлениях бесполезной, а в некоторых вредной» [8, л. 155].

Но чиновники не отвергли институт каторги вообще, предложив устранить из нее элемент ссылки и тогда она приобретает «вид наказания лишением свободы». Приговоренные к каторжным работам должны содержаться в особо устроенных тюрьмах и «подвергаться принудительно преимущественно тяжким работам», в том числе внешним [8, л. 155 об., 156]. Таким образом, каторгу как вид наказания предполагалось сохранить. Что касается сибирской администрации, то ее представители, критикуя отдельные стороны функционирования каторги в Азиатской России, не предлагали радикальных способов ее реформирования или ликвидации. Исключение составило предложение двух последних иркутских генерал-губернаторов в 1906–1916 гг. А.Н. Селиванова и Л.М. Князева о сосредоточении всех ссыльнокаторжан региона, по аналогии с Сахалином, на байкальском острове Ольхон.

Одной из главных причин протестных акций политических Нерчинского каторжного комплекса в 1907–1912 гг., по мнению руководящих и надзирающих инстанций, являлись многочисленные просчеты, ошибки, слабое знание и игнорирование должностных инструкций со стороны руководящего состава каторги. По убеждению генерала Г.М. Косова, назначенный начальником Зерентуйской тюрьмы «коллежский ассессор Высотский тот час по прибытии в область совершил ряд безтактностей, переходящих в проступки по службе: 1/ не явился [к] губернатору, когда проехал мимо Читы по железной дороге, 2/ прибыв в Горный Зерентуй не подал рапорта начальнику каторги о прибытии, 3/ следуют уже не безтактности, а проступки по службе: не взирая на указания его прямого начальника по каторге, при первом представлении ему, не прибегать к крутым мерам сразу, он этого указания умышленно не выполнил, что составляет серьезное нарушение тюремно-дисциплинарного порядка на каторге и 4/ более того, он позволил себе в ответ на письменное указание прямого начальника, дерзко ответить,

что закон ему дает права наказывать розгами, и он будет делать это, пока не получит указания от Главного Тюремного управления. Очевидно он, выказывая неповиновение, показал, что считает себя обязанным исполнять только распоряжения этого высшего учреждения и имеет право игнорировать непосредственное начальство – начальника каторги и губернатора» [3, л. 7–8].

Чиновники Главного тюремного управления ситуацию с руководящими кадрами обозначили более обтекаемо: «В то время как одни начальники прилагали все старания и принимали надлежащие зависящие от них меры к водворению во вверенных им тюрьмах законного порядка и дисциплины, установленных во всех временных каторжных тюрьмах Европейской России, другие, проявляя в этом отношении большую слабость и бездеятельность, уступали настойчивым и упорным домогательствам арестантов» [9, 18–19]. Касаясь квалификационного уровня тюремной администрации, М.Г. Бодяк предельно осторожно констатирует: «Профессиональные и личные качества начальников Зерентуйской тюрьмы и их помощников не всегда соответствовали необходимым требованиям. Немногие из них являлись кадровыми служащими тюремного ведомства. Довольно часто в документах каторги встречаются данные, характеризующие некоторых служащих администрации с негативной стороны, допускавших нарушения положенного законом порядка от простой недобросовестности до казнокрадства. Возможно, этим объясняется столь частый перевод начальников тюрьмы и их помощников на разные должности в пределах каторги» [1, с. 293–294].

В комплексе вопросов, поднятых в ходе волнений ссылнокаторжан и обсуждаемых после их окончания разного рода комиссиями, важное место заняла форма обращения начальствующих лиц к каторжанам на «ты». Инспектировавший Нерчинскую каторгу в 1909 г. иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов «нашел уже большую перемену по сравнению с осмотром его в 1907 г. Но когда он поздоровался в одной из камер на «ты», то отвечено не было, в следующих камерах он здоровался на «вы» и тогда всюду получал ответ» [6, л. 6]. «Ты» или «вы» стали своеобразным индикатором происходящих в местах отбывания наказания перемен. Генерал Г.М.

Косов в 1910 г. доносил: «Когда я был в Зерентуе в августе сего года, то уже видел у политических улучшение манеры держаться, ибо, начав на «вы», я, как бы случайно переходил на «ты» и получал ответы одинаково вежливо. Между тем даже в мае, по рассказу генерала Путилова, на каторге этого не было, когда он, производя дознание по моему указанию, попробовал этот прием, тогда при переходе на «ты» ответы прекращались» [6, л. 6.].

Специально созданная III Государственной Думой комиссия в конце 1910 – начале 1911 гг. обсудила комплекс вопросов, связанных с причинами протестных действий. Прежде всего проанализировали допустимость обращения к арестантам, лишенных всех прав состояния за преступления государственные, на «ты» и пришли к выводу, что такая форма обращения «издавна утвердилась в тюремной практике, и к изменению этого порядка не усматривалось достаточных оснований». Главным аргументом послужил факт участия воинских команд в окарауливании каторжных тюрем, а согласно статье 29 армейского Устава внутренней службы, предусматривалось обращение на «ты» в обращениях начальников к нижним чинам. Поэтому «было бы совершенно непоследовательно вменять в обязанности начальствующим лицам тюремного ведомства обращение к ссыльнокаторжным арестантам на «Вы» и притом в особенности к осужденным за преступления государственные, каковой формы обращения и домогаются преимущественно последние. Установление такого порядка унижало бы достоинство нижних чинов перед преступниками и могло бы вызвать нежелательные осложнения и протест со стороны военного ведомства» [9, л. 18–19].

Тем не менее вопрос об обращении к каторжанам на «ты», так же как формы приветствия их («здорования») и команд «Встать! Смирно!» оставался открытым. Поэтому иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев, ссылаясь на противоречивое толкование их в законах и служебных инструкциях, 18 октября 1912 г. обратился к министру юстиции И.Г. Щегловитову с просьбой дать точное юридическое обоснование о формах обращения к политическим заключенным. С этой целью 12 ноября того же года в Министерстве юстиции собралось специальное межведомственное совещание с участием с участи-

ем прокуроров Петербургской судебной палаты и окружного суда, представителей юрисконсультской части Минюста, МВД, Главного тюремного управления и нескольких губернских тюремных инспекторов, которое постановило, «что при входе начальствующих лиц в камеры, в которых находятся арестанты, осужденные в каторжные работы и приговоренные к отдаче в исправительные арестантские отделения, арестанты должны вставать и перед этим им следует подавать ныне существующую команду: «Встать! Смирно!»; начальствующие лица могут обращаться с приветствием в форме «Здорово!» или «Здравствуйте!», на что арестанты должны отвечать «Здравие желаю/ем» с добавлением титулования по чину или по должности начальствующего лица; при разговоре с арестантом, лишенным прав, надлежит обращаться на «ты»». Совещание высказалось также за сохранение «существующей ныне команды: «Смирно! Шапки снять» при прибытии начальствующих лиц на место наружных работ или прогулки арестантов, когда последние имеют на головах шапки..., а также за обязательность общей молитвы при утренней и вечерней поверках, причем во время их чтения одним из арестантов или пения хором все присутствующие арестанты, какого бы ни были они вероисповедания, должны стоять пристойно». Все это оговаривалось ссылками на военные уставы, поскольку каторжные работы, «имеют оттенок военного строя» и «тюремная стража, воспитанная на воинской дисциплине, несомненно, наиболее успешно действует, применяясь к свойственной ей порядкам военного строя» [13, с. 430–431].

Дополнительным аргументом в пользу сохранения сложившейся системы обращения должностных лиц к политическим заключенным стала отсылка на их низкий образовательный уровень в отличие от их предшественников: декабристов и народников. В духе этого подхода военный губернатор Забайкальской области генерал-майор А.И. Кияшко заявил политическим арестантам Кутомарской тюрьмы в сентябре 1912 г.: «Ознакомившись с их статейными списками, я узнал, что только один из них был в университете, двое были, но не окончили среднее учебное заведение, один бывший ветеринарный фельдшер, остальные все были только в одно- или двухкласс-

ных сельских и городских училищах, а двое даже неграмотными» [4, л. 54].

Противостояние усиливалось благодаря внепартийным объединениям политических в той или иной тюрьме в так называемый «коллектив». «Постановления коллектива передаются начальнику тюрьмы, через него – начальнику каторги и в большинстве случаев исполняются последним, – констатировал начальник Иркутского ГЖУ, полковник М.И. Познанский в 1910 г. – Так, например, коллектив Горно-Зерентуйской тюрьмы нашел необходимым удалить из политической камеры каторжанина Баллота за то, что в разговоре с губернатором Баллот именовал последнего «Ваше Высокоблагородие», что «коллектив» нашел несоответствующим достоинству политического каторжанина. Баллот был тотчас переведен в уголовную камеру. Также был переведен из политической камеры той же тюрьмы по постановлению коллектива каторжанин Афанасьев, за то, что просил губернатора по окончании срока тюремного заключения остаться в Нерчинском районе» [5, л. 536].

О конкретных формах борьбы политических заключенных за свой особый статус можно судить из упомянутых выше объяснений ГТУ (январь 1913 г.). Так, в Кутоморскую каторжную тюрьму их стали переводить с конца 1910 г. и «по отношению к ним с течением времени стали постепенно допускаться отступления в порядке содержания, а именно: обращаясь к общеуголовным арестантам на «ты», при обращении к осужденным за государственные преступления администрация стала употреблять местоимение «вы», отменила при посещении камер, в которых содержались осужденные за государственные преступления, команду «Встать! Смирно!» и т. д.

Назначенный в конце июня 1912 г. начальником места заключения коллежский регистратор Головкин, «решил немедленно применить режим, одинаковый для всех каторжных. Выполнив это без особых затруднений в отношении каторжных, осужденных за общеуголовные преступления..., Головкин решил приступить к тому же по отношению к осужденным за государственные преступления». Он объявил им на вечерней поверке, что в тюрьме будет действовать установленный инструкциями режим, включая «ответ на приветствие «Здо-

рово!»: – «Здравия желаем!» и вставания по команде «Встать! Смирно!». Вместе с тем, Головкин заявил арестантам, что в случае нарушения режима, он будет подвергать их дисциплинарным взысканиям до телесного наказания включительно.

В ответ политические 13 июля начали голодовку, прекращенную 19 июля после распоряжения начальника Нерчинской каторги полковника Забелло о разрешении лимита дополнительной выписки продуктов с 3-х до 4 руб. 20 коп. на человека из личных средств сидельцев. Новый виток конфликта начался после распоряжения неугомонного Головкина, воспрепятствующего носить собственные верхние платья и самовольно отлучаться за ограду тюрьмы. 15 августа ее посетил инспектор ГТУ, действительный статский советник П.И. Сементовский. «При обходе одиночных камер содержащиеся в них каторжные, осужденные за государственные преступления, Мошкин и Михайлов, на предложенный каждому из них инспектором Сементовским вопрос: «Чем занимаешься?» (т. е. какими работами), отвечать отказались. При посещении следующей одиночной камеры и на этот же вопрос каторжный Израиль Брильон, еврей, осужденный за покушение на убийство бывшего могилевского губернатора Клингенберга, по профессии маляр, дерзко ответил: «Сударь, научитесь прежде элементарным правилам вежливости», а затем, когда инспектор П.И. Сементовский и сопровождающие его лица, в том числе областной тюремный инспектор фон Кубе выходили из камеры, громко сказал по адресу уходивших лиц: «Мерзавцы!» По требованию инспектора Брильона «за буйство и подстрекательство к беспорядку» наказали 35 ударами розги. Экзекуция обусловила голодовку 55 политических и самоубийство четырех из них. Прибывшему на место происшествия начальнику Нерчинской каторги заключенный Г. Мейзерович заявил, что «после команды «Встать! Смирно!» он будет садиться, на приветствие «Здорово!» будет отвечать «Здравствуйте», а не «Здравия желаю!»..., Иван Козлов, от своего имени и от имени других каторжных заявил, что требования режима они считают издевательством над ними и никогда исполнять их не будут».

Расследование, предпринятое товарищем прокурора Иркутской судебной палаты и чиновником особых поручений при военном губернаторе Забайкальской области признало дей-

ствия Головкина закономерными и не выходящими за пределы предоставленной ему законом власти. Что касается порки И. Брильона, то она производилась не на дворе, а в тюремном помещении, что не соответствует клеветническому заявлению «с кафедры в общем собрании Государственной думы депутата [А.Ф.] Керенского» [9, л. 21–29].

По аналогичному сценарию развивались события в октябре 1912 г. в Алгачинской тюрьме, начальником которой был назначен коллежский регистратор Адамович. Из находящихся там политических «23 человека подчинились всем требованиям тюремного режима и порядка, а остальные 38 человек не вставали при подаче команды «Встать! Смирно!», не отвечали чинам тюремной администрации при обращении к ним на «ты», а также на приветствие «Здорово!» и проч.». Наиболее дерзкий протестант Б. Бродский «не пожелал снять шапку при встрече с помощником начальника тюрьмы Сутуриным и не ответил на его приветствие», за что был посажен в карцер. За вызывающую позу и пререкания с начальником подвергся наказанию розгами. Несколько заключенных попытались путем принятия отравляющих веществ и кровопускания покончить жизнь самоубийством, но все выжили. Прибывшему в тюрьму начальнику Забайкальской области, генерал-майору А.И. Кияшко арестант Тахчогло заявил: «Мы, социалисты, не признаем обращения на «ты» и приветствия «здорово». Остальные арестанты названной категории совершенно не отвечали на приветствие губернатора или делали это в установленной форме. Исполнять приказания администрации арестанты наотрез отказались». В качестве ответной реакции начальник территории продлил 36 заключенным сроки отбывания каторжных работ, а 20 бессрочникам время пребывания в отряде испытуемых увеличил на два года каждому [9, л. 30, 34].

На какое-то время ситуация с политическими на Нерчинской каторге нормализуется с точки зрения тюремной администрации. Но такой дальновидный администратор, как генерал Г.М. Косов, еще в декабре 1910 г. относительно практики содержания государственных преступников в каторжных тюрьмах предупреждал: «Режим этот должен быть доведен до пределов, указанных законом. С другой стороны, необходимо считаться с обстановкой, которая существует в каждой

тюрьме» [3, л. 9 об]. Расследовавшая протестные акции политических заключенных в Нерчинском каторжном комплексе комиссия IV Государственной Думы в своем отчете, датированном 24 марта 1914 г., признала, что действия администраций Зерентуйской, Алгачинской и Кутомарской тюрем, А.И. Кияшко, П.И. Сементовского не во всем были законными и в нормативной базе отечественной тюремной системы имеются существенные противоречия и явные анахронизмы. Обсуждение отчета состоялось на 59-м заседании Думы, и он был принят с поправками редакционной комиссии, представляющей события так, будто бы произошедшие экзекуции политических ссыльнокаторжан на Нерчинской каторге имели случайный и не систематический характер [13, с. 429].

Вскоре началась Первая мировая война, и о каторжных просто забыли.

Список литературы и источников

1. Бодяк М.Г. Проблема кадрового обеспечения тюрем Нерчинской каторги на примере Зерентуйской каторжной тюрьмы // Сибирская ссылка. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).

2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 6. Д. 508.

3. ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 560.

4. ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4226.

5. ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4578.

6. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 409.

7. Меламед Е.И. Русские университеты Джорджа Кеннана. Иркутск, 1988.

8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 106.

9. РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 733.

10. Степанова Н.Г. Каторга в системе карательной политики российской самодержавия // Сибирская ссылка. Иркутск, 2003. Вып. 2 (14).

11. Тагаров З.Т. Протесты политических каторжан Зерентуйской, Алгачинской и Кутомарской тюрем в 1910–1912 гг. // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1981. Вып. 8.

12. Шиловский М.В. Сибирская политическая каторга начала XX века // Вопросы истории Сибири в новое время. Новосибирск, 2011. Вып. 1.

13. Шиловский М.В. Революционеры на сибирской каторге (1906 – февраль 1917 г.): поведенческие стереотипы и специфика участия в протестных акциях // Сибирская ссылка. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2013. Вып. 7 (19).

Деятельность правоохранительных и пенитенциарных органов досоветской Сибири

УДК 351.74:94 (571.55)

Р.А. Евтехов

Организация и роль городской полиции в системе управленческих институтов Забайкальской области XVIII – начала XX вв.*

В статье рассматривается история организации и развития городской полиции Забайкальской области как части государственного аппарата управления. Использование архивных источников позволило автору определить роль и значение городской полиции в условиях трансграничья. Основное внимание уделено её штатной структуре и организационным особенностям.

Ключевые слова: городская полиция, окружное полицейское управление, городничий, полицмейстер, кадровая политика, институты управления, комендант, Забайкальская область.

Р.А. Evtekhov

The organization and role of city police in system of administrative institutes of the Transbaikal region XVIII – the beginnings of the 20th centuries

The article discusses the history of the organization and the city police of the Trans-Baikal region as part of the State

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских учёных МК-8975.2016.6. «Государственные институты управления Российской империи в освоении Забайкальского трансграничья (вторая половина XVIII – начало XX вв.).»

apparatus. Using archival sources allowed the author to define the role and importance of the city police in a transboundary. Main attention is paid to its staff structure and organizational features.

Keywords: the city police, county police department, the mayor, the police chief, personnel policy, government institutions, the commandant, Transbaikal region.

Полиция – важнейший институт сохранения правопорядка и поддержания легитимности его правящих кругов. Занимая положение непосредственно между гражданским обществом и властью, полиция и сегодня оценивается однозначно, что обусловило интерес к её изучению. Историография вопроса полиции и её роли в Российской империи достаточно объемная. Дореволюционные историки, такие как И.И. Дитятин, Ю.В. Готье, И.Т. Тарасов, в целом оценивая само существование института полиции как общественную необходимость, отмечали диспропорцию в соотношении функций российской полиции по защите общества и обеспечению правительственных интересов. Причиной этого послужило появление полиции не вследствие естественного роста и развития города, а как вида государственной службы для охраны складов, присутственных мест от пожаров и разграблений [7, с. 311]. Охрана населения осуществлялась лишь в дополнение к основным властным интересам, а именно охране государственных институтов от покушений, от бунтов и поддержанию порядка в налогооблагаемой среде населения. Иными словами, полицию больше интересовало не спокойствие и безопасность общества, а обнаружение и удаление (наказание, изоляция) элементов, способных нарушить или повлиять на устоявшийся порядок отношений общества и государства.

Несмотря на накопленный фактический и теоретический материал, место и роль полиции в системе государственных институтов и реализации самодержавной политики империи в условиях значительной удаленности и трансграничья недостаточно изучена. Целью данной статьи является освещение организационно-штатной структуры и роли городской полиции в системе государственных институтов управления Забайкальем. Хронологические рамки исследования ограничены XVIII

веком – началом процесса создания отдельных полицейских органов – и началом XX в. – упразднением имперской системы управления.

Интерес к полиции обусловлен тем фактом, что, согласно «Регламента главного магистрата» 1721 г. [12, т. 6, с. 297], она определяется в основном как городское учреждение. По модели западноевропейской полиции законодатели первой трети XVIII в. стремились создать полицию децентрализованного типа, подчинённую органам городского самоуправления – магистратам. Слабость органов самоуправления, низкий экономический потенциал городов и невысокий уровень преступности в силу традиционного уклада, стали причиной того, что местные органы исполняли полицейские функции лишь номинально. По мнению И.И. Дитятина, отсутствие городского общества как активного элемента общественно-политической жизни стало причиной возложения забот о благоустройстве городов и организации полиции на правительство [7, с. 218]. В результате полиция постепенно перешла в ведение постоянных органов управления, в числе которых кроме высшего губернаторского звена были воеводы, коменданты, земские комиссары. Нельзя не согласиться с тем, что полиция, являясь административным органом наиболее развитых и заселённых центров – городов, становилась одним из основных проводников самодержавной политики на местах [13, с. 3].

Самым ранним документом, имеющим отношение к организации Забайкальской полиции, на сегодняшний день является «Наказ Нерчинским воеводам» 1696 г. Полномочия воеводы на вверенной ему территории были широчайшими: судебно-полицейские, административно-хозяйственные, военные и даже дипломатические. Воеводы устанавливали караулы в крепости и посаде, были призваны оберегать местное население от набегов, соблюдать казенные интересы, пресекать воровство, карточные игры, драки, пьянство, грабежи и наблюдать за тем, чтобы все под «Царскою высокою рукою послушны и жили смирно во всяком послушании» [12, т. 3, с. 235]. Воеводе были подчинены наблюдавшие за порядком в острогах и крепостях приказчики, военные команды, осадные головы и другие. Приказчики могли чинить следствие и суд по незначительным делам, более серьёзные преступления, касавшиеся «татийных и

разбойных и убивственных и волшебных дел» [8, с. 86], решались воеводой.

В 1719 г. было начато деление Сибирской губернии на пять провинций [12, т. 5, с. 700], завершённое к 1724 г. [12, т. 7, с. 380]. Вводилась многоступенчатая территориальная система: губерния – провинция – дистрикт – слобода. Провинции были разделены на полковые дистрикты с земскими комиссарами во главе. Дистрикты являлись своеобразными аналогами уездов и в ряде случаев существовали с ними параллельно. Главными обязанностями земских комиссаров были учёт налоговой базы, сбор налогов, надзор за исполнением натуральных повинностей и организация земской полиции. Очень часто введение дистриктного деления расширяло полномочия военных в сохранении полицейского порядка в регионе, но главной целью их создания было обеспечение и содержание военных команд региона.

Полиция в крупных городах Сибири создавалась в 30-х г. XVIII в., когда в большей части государства дистрикты были уже ликвидированы. Первые полицейские органы в Иркутске существовали с перерывами с 1733 г., но регулярное учреждение было открыто только в 1757 г. Формирование городской полиции в Забайкалье можно отнести к середине 60-х г. XVIII в., когда была образована Иркутская губерния во главе с её единовластным правителем – губернатором.

Вторым важным мероприятием стала перегруппировка Забайкальских войск и формирование гарнизонных батальонов. В результате в крупных центрах Забайкалья появились должности комендантов крепостей, которые играли значительную роль в управлении городами и концентрировали в своих руках управление городскими полициями. В Верхнеудинске комендантская канцелярия начала функционировать в 1765 г. [5, д. 5, л. 1]. Первым комендантом, согласно ордеру генерал-майора В.В. Якоби от 2 февраля 1765 г., стал капитан первого Селенгинского батальона И.С. Мертвцов. Ему же были вверены функции «содержать добрую полицию в городе и порядок».

Стоит учесть тот факт, что город развивался с момента его основания как военный пункт, поэтому по малочисленности городских жителей необходимости в широком штате полиции не было. При Мертвцеве для надлежащего в городских слоях

общества порядка горожане должны были избирать старост, подчинённых коменданту, которые бы знали грамоту, умели читать и писать. Комендант отмечал, что «одному старосте местные горожане по своему обычаю послушны вряд ли будут» [5, д. 751, л. 374–375], но он не мог не понимать, что наличие посредника могло снизить уровень трений между командным составом и городскими обывателями. Кроме старост общество было обязано избирать десятских, пятидесятских и сотских для несения полицейской службы и уличного дозора. Согласно полицейской инструкции, которой был снабжен верхнеудинский комендант (инструкция тобольскому полицмейстеру), он организовывал контроль миграции в городе, следил за соблюдением порядка застройки, устройства печей и уличной чистоты, установленной ширины улиц, санитарных норм продажи продуктов и др.

Между 1769–1771 г. начал функционировать орган Удинских полицейских дел, который осуществлял первичное делопроизводство, допросы, поддерживал порядок в городе. В качестве надзирателей и полицейских чиновников, как правило, назначались полицейские сержантского звания (унтер-офицеры). Известен один из первых сержантов на полицейской службе в Удинске – М. Квашенкин [5, д. 108, л. 31, 35], которому комендантской канцелярией поручались наблюдение за порядком на улицах, ночные и дневные обходы по городу и побуждение местных жителей к вывозу отходов в назначенное место. С этого времени любое строительство в городе без разрешения полиции запрещалось, что было элементарным средством профилактики пожаров.

С образованием в 1775 г. Удинской провинции с центром в г. Удинске управление обширными забайкальскими территориями сосредоточилось в провинциальной канцелярии во главе с воеводой, секунд-майором артиллерии И.В. Тевяшевым [5, д. 144, л. 2]. Должность воеводы в Селенгинске и Нерчинске с этого времени была упразднена, высшее управление переведено в Удинск, а местное было разделено между комиссарами и комендантами. Провинция, включившая в свой состав все забайкальские территории, была поделена на комиссарства: Селенгинское, Нерчинское, Баргузинское, в чем обнаружилось некоторое противоречие: управление всем Забайкальем

концентрировалось в Удинске, в то время как городское население его через земскую избу подчинялось Селенгинской ратуше. Последней было подведомственно всё посадское население Западного Забайкалья, а Нерчинской ратуше – посадские Нерчинского уезда. Во главе комиссарств из-за их отдаленности от провинциального центра были поставлены комиссары, занимавшиеся административным управлением своими территориями. Комиссары собирали налоги, а также выполняли полицейские функции.

Воевода Тевяшев, по «рассуждению» своего заместителя, фактически сразу же после назначения потребовал от коменданта Удинска И.А. Аппелегреина передачи городской полиции в своё ведение как главного гражданского правителя области согласно «Наказу губернаторам, воеводам...» 1728 г. [5, д. 144, л. 1–1 об.]. На тех же основаниях провинциальная канцелярия потребовала передачи управления полицией в ведение соответствующих комиссаров от комендантов в Селенгинске и Нерчинске. Комендант Аппелегреин сообщил о неподчиненности должности коменданта воеводе и необходимости указаний высшего руководства на подобную передачу. Важным основанием для этого стал ордер губернатора А.И. Бриля о том, что полиция должна состоять в ведении комендантов. Такой же была реакция в других городах. Комиссар Селенгинска поручик Яков Загарин просил для передачи управления более точных указаний [5, д. 144, л. 35]. Не мог приступить к передаче функций полиции, не обнаружив для этого никаких специальных указов, и комендант Селенгинска полковник Сверчков [5, д. 144, л. 114], уведолив воеводу, что по всей Российской империи, где есть в городах коменданты, полиция находится в их ведении.

Нерчинская городская полиция, согласно ордеру губернатора Бриля, была основана 5 марта 1773 г. В ордере было указано «по установлению там, во всем доброго порядка учредить полицию» [5, д. 144, л. 60]. Батальонному командиру, занимавшему комендантскую должность в Нерчинске, Круглову поручалось определить из обер- и унтер-офицеров с надлежащими нижними чинами служителей полиции и снабдить их инструкцией. Разрешая конфликт провинциальной канцелярии и Нер-

чинского коменданта, губернатор своим предложением указал оставить полицию «на старом порядке под ведением военных».

Предложением губернатора Ф.Г. Немцова от 12 июня 1776 г., полиция города Удинска передана в ведение провинциального воеводы «как хозяина города». Согласно наказу 1728 г., Аппелегреину было предписано исполнять вверенные ему обязанности на основании воинского устава и сохранять дисциплину только среди воинских чинов [5, д. 144, л. 101]. В свете такой административной неразберихи губернатор выглядит полновесным арбитром, оставляя за собой последнее слово. Всевластием губернатора, таким образом, компенсировалось несовершенство законодательной регламентации взаимоотношений институтов управления на окраинах империи.

Несмотря на разъяснение губернатора, фактическую деятельность под управлением воеводы Удинская полиция начала только весной 1777 г., но уже 11 февраля 1779 г., учитывая приграничное положение города, Иркутский губернатор Ф.Н. Кличка предложил возвращение полицейского правления в ведение коменданта [5, д. 144, л. 210]. После передачи полиции в ведение комендантской канцелярии название «Удинские полицейские дела» было заменено на «Удинское полицейское правление». В это время в полиции числились несколько сержантов – очевидно, поочередно дежуривших при полиции. Они занимались доставлением сведений о городе, рапортов о происшествиях, организацией обходов по городу и пр. Увеличение числа фактических служащих говорит об увеличении городского населения и постепенном возрастании роли полиции для организации жизни города.

Официально провинция в Забайкалье существовала до 6 марта 1783 г. [12, т. 21, с. 875], когда последовало объявление указа «Об устройстве Иркутского наместничества», согласно которому Иркутская губерния была преобразована в наместничество. Полностью Удинская провинция была упразднена в 1784 г., вместо неё образована Нерчинская область, разделенная на четыре уезда (Баргузинский, Нерчинский, Доронинский, Сретенский). Верхнеудинский уезд вошел в состав Иркутской области. Центром уезда остался город Удинск, (переименован в Верхнеудинск), городскому населению которого был дарован орган городского самоуправления – маги-

страт. Город Селенгинск перешел в разряд заштатных городов и стал частью Верхнеудинского уезда. Управление в городах было предоставлено комендантам-городничим, и, как бы подчеркивая свою роль начальника города, коим он себя ощущал, Верхнеудинский комендант заявлял, что он «градодержатель и защитник гражданства». Управление уездами было передано в земские суды во главе с исправниками.

К компетенции полиции теперь была добавлена организация и контроль административных учреждений города, отсылка отчетности и статистических сведений. Образование провинции в целом не изменило форм полицейской охраны в городах. Главами полиции остались коменданты крепостей или городничие, полиция в качественно-количественном отношении изменилась мало. В то же время более четко регламентировалась деятельность полиции, был очерчен круг её обязанностей, установлены примерные штаты. Города, которые приобрели статус малых, не получили особого городничего правления и остались в охране земских судов.

Упразднение Иркутского наместничества в 1796 г. позволило вновь уточнить штаты полиции в некоторых городах. Так, самостоятельная Верхнеудинская городская полиция была создана указом Иркутского губернского правления от 28 августа 1798 г. Полиция была подчинена коменданту, а с 1800 г. – городничему и состояла из частного пристава, одного-двух квартальных надзирателей, двух-пяти канцелярских служителей, шести десятских. Новый штат полиции приступил к своим обязанностям 10 октября 1798 г. С этого времени полиция становится важнейшим институтом контроля городского общества и решений местной администрации. Городничий и полиция фактически сливаются в единый институт управления, исполнявший судебные постановления и санкционировавший исполнение обязательных постановлений.

В ходе реформы М.М. Сперанского в 1822 г. в Забайкалье вместо уездов были образованы два округа – Верхнеудинский и Нерчинский, во главе с окружными начальниками. В их функционале находился надзор, контроль и отчетность, а также рассмотрение жалоб и разрешение споров при исполнении законов. В Верхнеудинске и Троицкосавске были образованы городские управы, которые представляли собой более разви-

тый тип полицейского управления; в них появлялись новые штатные единицы, были отменены некоторые старые должности. Баргузин, как и Селенгинск, с 1822 г. стал заштатным, но в отличие от последнего, лишился городничего правления. В Селенгинске же, напротив, появилась должность городничего, заменившего коменданта и комиссара.

Согласно указу Правительствующего Сената от 11 июля 1851 г. [12, т. 26, л. 476], из двух округов Иркутской губернии (Верхнеудинского и Нерчинского) была создана Забайкальская область с центром в Чите. В новом образовании были постепенно организованы округа: Верхнеудинский, Читинский, Троицкосавский, Селенгинский, Баргузинский, Нерчинский, Сретенский. Особое управление получили Троицкосавск, слободы Кяхтинская и Усть-Кяхтинская, которые указом от 20 июня 1851 г. были преобразованы в Кяхтинское градоначальство. Но уже 9 февраля 1863 г. новое образование было влито в состав Забайкальской области. Во главе области был поставлен военный губернатор, обладавший широкими полномочиями в управлении регионом [9, с. 180]. Он назначался в область для «надзора за правильным и успешным действием всех местных установлений». Первым и главным подведомственным ему учреждением стала полиция, как основной проводник решений высшей власти на местах.

Выделение Забайкальской области потребовало внести некоторые коррективы в организационно-штатную структуру отдельных городских полиций. Было изменено число внештатных служащих и соотношение военных и гражданских нижних чинов в полиции. Произошло выделение особой городской читинской полиции во главе с полицеймейстером. Особым статусом городской полиции с полицеймейстерами в Забайкалье обладали только два города – Чита и Троицкосавск. Штат полицейского благочиния этих городов отличался наличием таких должностей как полицеймейстер, квартальные надзиратели и секретари.

Наибольшее число штатных чинов служило в полиции Верхнеудинска, которая состояла из городничего, трех канцеляристов, двух квартальных надзирателей, письмоводителя и столоначальника. При полиции состояло восемь десятников, которые избирались местным обществом или направлялись во-

енным ведомством. Город Баргузин [1, д. 510, л. 14] к этому времени лишился даже стабильных признаков города, таких как наличие особой городской полиции, однако официально статус города ещё не был утрачен. В Баргузине проживало 1022 человека, а благочиние города находилось в ведении земского исправника. В схожей ситуации оказался Селенгинск, который также переживал не лучшие времена. Полицейской властью в городе был наделен городничий, пожарной команды не имелось, а в случае пожара, местные жители являлись к месту с предписанными им пожарными инструментами [3, л. 54–56].

Отсутствие исполнительных чинов полиции побуждало горожан избирать в помощь городничему десятских. В 1863 г. Селенгинск из разряда заштатных был переведен в уездный город с правом назначения округа. До этого времени за благочинием на окружающих город территориях наблюдал Верхнеудинский земский суд. 24 февраля 1864 г. образован Селенгинский земский суд, который в результате объединения с городской полицией 1 января 1868 г. был преобразован в окружное полицейское управление [1, д. 1729, л. 256], поддерживавшее порядок и благочиние уже не только в городе, но и в уезде. Штат Нерчинской городской полиции ограничивался городничим и столоначальником. Пожарной команды в городе не было, но при пожарных инструментах состоял один «машинщик» и два конюха. Шесть десятских, избираемых на полгода из числа городских жителей, при необходимости составляли пожарную команду и совершали ночные обходы города. По высочайше утвержденным 6 декабря 1856 г. штатам, Нерчинск был лишен возможности обзаведения квартальным надзирателем.

С отменой крепостного права число ссыльных в Сибири увеличилось, в связи с чем ухудшилась криминогенная обстановка в Забайкалье. Согласно ежегодным полицейским отчетам, число преднамеренных убийств на территории отдельных субъектов Забайкальской области было незначительным, часто сравнимым с числом самоубийств. Структура преступлений, совершенных в 1864 г. на данной территории, выглядит следующим образом [1, д. 909, л. 2–2 об.]: убийств и покушений – 10, воровства и мошенничества – 35, самоубийств – 1, коно-

крадств – 1, кражи – 40, оскорблений чести – 10, растлений – 1, побегов арестантов – 2, подделка билетов – 1, а всего по области 101 преступление. Безусловно, одного года для понимания общей картины преступности в регионе мало, поэтому приведем сведения и следующего года. За 1864 г. число преступлений в целом несколько снизилось, но по отдельным статьям возросло: самоубийств – 10, убийств и покушений – 18, воровства и мошенничеств – 44, конокрадства – 8, поджогов – 4, грабежей – 4. Всего по области было совершено 88 преступлений.

Мы считаем, что данная статистика несколько поверхностна и не отражает всей полноты реальности, однако позволяет в целом охарактеризовать ситуацию. В списки не были включены просрочки паспорта, что, наряду с мелким воровством, составляло две основных статьи преступности, а также побег с каторги.

Что касается предметов воровства, то материалы дел и обьявления от горожан свидетельствуют о достаточно низком уровне притязаний воров. Основными предметами воровства в городе были одежда, продукты питания и скот, на втором месте стояла мелкая собственность (ткани, домашняя утварь) и только на третьем месте – деньги. Интересен и тот факт, что в основном воришками оказывались хорошие знакомые потерпевших, те люди, которые нередко были приглашаемы в гости. Грабежи были редким явлением – лишь несколько случаев в год. Эта ситуация существенно изменилась к началу XX в.

Основной функцией полиции оставалась охрана благочиния (то есть внешнего порядка), средствами профилактики которой были обходы по городу, контроль посещения церковных мероприятий, проверка документов проезжающих и пришлых, принятие доносов и т. д. Среди важнейших задач оставались публикация правительственных указов, контроль их исполнения, сбор разного рода сведений, поддержание общественной морали, охрана интересов церкви и другие. Полиция городов Забайкалья существовала в таком виде вплоть до реформы 1867 г., которой полицейские управления были укрупнены, сокращены излишние и дублирующие должности и организации. Полиция с этого времени учреждалась на единых основаниях и штатах.

Реформы 1860-х г. имели большое значение для развития правоохранительной практики в России. Во-первых, полицию ограничили в исполнении хозяйственных функций, и теперь она в большей степени концентрировалась на охране правопорядка, пресечении общественных волнений и неподчинения. Во-вторых, полиция была организована по единому образцу, на основе единых штатов. В-третьих, в малых уездных и безуездных городах незначительный штат полиции был объединен со штатом земской полиции и преобразован в единый орган, благодаря чему сократился объем излишнего документообмена.

Согласно указу от 12 июня 1867 г. [12, т. 42, ч. 1, с. 879], было создано Верхнеудинское, Читинское, Баргузинское, Нерчинское, Селенгинское окружные полицейские управления. Универсальным примером для определения штатов полиций Забайкалья стал штат полицейского управления Нижнеудинска. Отдельные городские полицейские управления в Забайкалье полагались только в Чите и Троицкосавске. В Чите штат состоял из трех служителей: полицеймейстера, полицейского надзирателя и секретаря. Троицкосавское городское полицейское управление было образовано по тому же штату, но из пяти служителей, с добавлением одного полицейского надзирателя и переводчика на монгольский [12, т. 42, ч. 2, с. 458]. На момент упразднения имперской полиции в Забайкалье существовали городские полицейские управления только в Троицкосавске и Чите, последнее имело сыскное отделение. Неоднократно поднимался вопрос о необходимости отдельного Верхнеудинского городского полицейского управления, но в силу военных конфликтов, недостатка средств и бюрократической волокиты начала XX в., оно так и не было создано. До 1917 г. увеличилось число уездных полицейских управлений, вместе с созданными их стало восемь: Верхнеудинское, Читинское, Баргузинское, Нерчинское, Троицкосавское, Акшинское, Селенгинское, Нерчинско-Заводское.

Даже после учреждения окружных управлений десятники из мещан не перестали избираться, дополнительной помощью были командируемые воинские чины. В 1869 г. постепенно начал решаться вопрос полной замены воинских (казачьих) чинов на вольнонаёмных полицейских служителей и прекраще-

ние командирования казаков. По официальным данным, всего в Забайкальской области командировалось 55 казаков, исполнявших полицейские обязанности в городах. Из них в Чите – 11 и от пешего войска при пожарной команде состояло 5 человек, Троицкосавске – 8, Кяхте у пограничного комиссара – 3, Верхнеудинске – 12, Нерчинске – 9, Баргузине – 7 [1, д. 7697, л. 1]. Однако решение окончательно было принято лишь в августе 1873 г. Если в начале XIX в. городское общество было согласно с выборными десятниками, которые исполняли должность нижних полицейских служителей, так как содержание воинских чинов было заметно дороже, то уже к середине века ситуация стала меняться и горожане соглашались на замену выборных воинскими чинами. Очевидно, содержание и тех, и других уже сравнялось, а возможность не отвлекаться от своих хозяйственных дел была существенно более выгодной.

О достаточном уровне сложности и опасности работы полиции в городах Забайкалья свидетельствует отчет Верхнеудинского земского исправника за 1873 г., в котором он сообщал, что за год было задержано 100 бродяг, из коих большее число – беглые из Нерчинских заводов и поселенцы. В то же время в Верхнеудинском замке, по его данным, всего за год содержалось 1863 человека [1, д. 1271, л. 130 об – 131 об.], что фактически сопоставимо с населением города, которое составляло около двух с половиной тысяч человек. В 1877 г. это число арестантов, за год побывавших в замке, возросло до 4880 человек [1, д. 1729, л. 199], что уже превысило население города, составлявшего 4244 человека.

Учрежденные полицейские управления существовали до 1917 г. с некоторыми изменениями, в том числе внесёнными после указа 14 апреля 1887 г. [12, т. 7, л. 171]. Согласно этому указу, в городах, для которых не было установлено особых штатов полиции с населением больше двух тысяч человек, полагалось иметь по одному городскому на каждые 500 человек населения. В отличие от прежнего деления полицейских команд на старших, младших унтер-офицеров и рядовых, вводились новые должности: старший и младший городской из расчета 1 из 5. Помимо 25 рублей, ежегодно отпускаемых каждому на обмундирование, содержание первым устанавливалось в размере не более 180 р. в год, вторым – 150.

По мнению законодателя, установление разрядов и разницы в оплате создавало стимул для городских к усердной службе. Перечисленные расходы полностью возлагались на городской бюджет. За счет средств города осуществлялся отвод или наем городским помещением, их отопление и освещение, лечение в больницах и вооружение пашками и револьверами [14, с. 50]. На деле прописанное содержание было крайне скудным, что привело к сильной текучке младших служащих, сменяемых на службе почти ежемесячно, чаще всего из-за дисциплинарных взысканий.

В этот период в городах появились более совершенные структуры городского самоуправления – городские думы и управы, но в малых городах, таких, как Баргузин и Селенгинск, полиция продолжала играть ведущую, если не сказать главную роль в управлении. Окружной исправник заменил городничего и земского исправника, под его управлением остались пожарная охрана, отчетность за деятельность в городе, уезде и другие обязанности. Кроме штатных служащих, определенных в полицейских управлениях основными указами, при полиции постепенно стали появляться дополнительные чины. В 1902 г. военный губернатор Забайкальской области И.П. Надаров ходатайствовал об ассигновании средств для найма надзирателей за лицами, состоящими под гласным надзором [2, л. 1–3 об.]. Поданные им сведения о 64 государственных преступниках и административно-высланных, находящихся под надзором, убедили Департамент полиции выделить средства на наем восьми надзирателей. В Чите должно было находиться пять чинов, так как там была самая высокая концентрация поднадзорных (29 человек), а в Баргузине, Верхнеудинске и Стретенске – по одному. Каждому надзирателю полагалось жалованье в размере 300 рублей в год.

Революционное движение, нараставшее в начале XX в., и развитие капиталистических отношений закономерно привели к ухудшению криминогенной обстановки по всей Российской империи. Участились случаи грабежей, разбойных нападений. В числе профилактических мер были осуществлены: установка сигнализации в банках, казначействах, на почте для связи с воинскими частями и полицией, усиление воинских караулов,

конспирация при перевозке казны и почт и др. За успехи в этом деле были обещаны денежные награды.

Но положение на местах, особенно в городах Баргузин, Селенгинск, было далеко от требуемого. Охрану почты и казны обеспечивали сами чиновники и почтальоны, сопровождение почты и денежных средств осуществлялось по старинке – десятскими и сотскими, у которых не было огнестрельного оружия. Жалованье городских было скудным, вследствие чего они менялись фактически ежемесячно, желающих исполнять эту должность было мало, а воинские команды находились на фронте и не могли способствовать поддержанию порядка. Меры, предлагаемые военным губернатором, вызвали множество прошений высших полицейских чиновников о внесении средств на телефонизацию, установку сигнализации, организацию воинского сопровождения и увеличение штата служителей [4, л. 8–13]. Обращение к воинским начальникам не давало результата, они упраздняли последние ночные караулы, уверяя, что местные органы вполне могут обойтись своими сторожами, вооруженными только личным оружием.

Революция и смена правящей власти упразднила прежнюю администрацию, заменив её учреждениями на новых основаниях. Возникшие Комитеты общественной безопасности потребовали передачи делопроизводства и имущества полиции, для чего уже 2 марта 1917 г. уездные начальники отправили телеграммы военному губернатору с требованиями резолюции по этому вопросу. Передача властных полномочий и вся организация местной власти происходили так быстро, что комиссар Забайкальской области рассылал постановления на исправленных бланках военного губернатора [1, д. 5346, л. 109]. Комитеты общественной безопасности были лишь временным органом, который должны были сменить уездная милиция и уездные комиссары, однако им, как и их предшественникам, было поручено временное административное управление уездами. Все эти учреждения на основании резолюции руководства передали властные полномочия Комитетам общественной безопасности, многие из которых ходатайствовали даже о сохранении новых должностей за старыми, более опытными полицейскими чиновниками.

Таким образом, за время своего существования с XVIII в. до 1917 г. имперская полиция претерпела значительные изменения в организации, правах и регламентации деятельности и заняла ведущее место в системе государственных и местных институтов управления. Созданные в недрах военно-административного аппарата городские полиции управлялись различными должностными лицами – воеводами, комендантами, комиссарами. В этот период полиция занималась функциями сохранения общей тишины, порядка в городах и содействием военному управлению городов. Главным учредителем полиции в городах был губернаторский корпус, который санкционировал создание и многие последующие изменения в штатах и организации полиции. Именно в решении вопроса о её организации и подчинённости губернаторская власть выглядит наиболее полновластной и самостоятельной, имея возможность по своему усмотрению решать насущные проблемы, преодолевая тем самым несовершенство имперского законодательства. Эффективность органов полиции для контроля общества, положительно оцененная правительством, привела к расширению прав и функций полиции. Органы полиции в городах максимально контролировали организацию городской жизни, ее безопасность и следование правительственным постановлениям.

Создание общих окружных управлений позволило объединить разные органы полиции, сократить излишнее делопроизводство и сконцентрироваться на правоохранительной деятельности. Но даже после реформ 70-х годов полиция не перестала играть ведущую роль в организации городской жизни, особенно в малых городах, где не было учреждено гражданского управления. Городская полиция Забайкалья была организована фактически во всех наиболее крупных и важных поселениях, имеющих городской статус. При этом полиция заняла особое место среди институтов управления Забайкальем: на ней лежали функции правоохранительной и пожароохранной службы, учреждения и контроля присутственных мест, наблюдения за исполнением законов, административно-распорядительные и многие другие. Полиция стала одним из основных управленческих ресурсов города, что было обусловлено широчайшей её компетенцией, возможностью вмешиваться в любые происшествия и мероприятия города. Без преувеличения мож-

но сказать, что полиция в целом являлась организатором и координатором городской жизни Российской империи, особенно это касалось отдаленных от центральной России и губернского центра городских поселений в условиях трансграничья.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Забайкальской области (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1 общ. Д. 510, 909, 1271, 1729, 5346, 7697.
2. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 тюр. Д. 119.
3. ГАЗК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9.
4. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 63.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 5, 108, 144, 751.
6. Готье Ю.В. История Областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. 1. 492 с.
7. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 1.: Города России в XVIII столетии. СПб., 1875. Т. 1. 507 с.
8. Евдокимова С.В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. Улан-Удэ, 2007. 248 с.
9. Малыгина О.А. Военное губернаторство Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.): социокультурный портрет // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 7. С. 180–184.
10. Паликова Т.В. Верхнеудинск – «Маленький городок» // История в подробностях. 2011. № 9. С. 64–71.
11. Паликова Т.В. Юго-Западное Забайкалье XIX – начала XX в. в условиях трансграничья // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 7. С. 86–90.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1830. Т. 3, 5, 6, 7, 21; 1852. Т. 26, 42; 1890. Т. 7, 8.
13. Чернова И.В. Томская городская полиция в конце XVIII – начале XX вв.: дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / И.В. Чернова; Томский гос. ун-т. Томск, 2005. 181 с.
14. Сичинский Е.П. Субъективные последствия организационно-правовых основ комплектования полицейских команд дореволюционной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 49–54.

**Система полицейского надзора
за политическими ссыльными на территории Иркутской губернии
в 1860–1870-х гг.: проблемы становления**

Настоящая статья посвящена анализу проблем организации гласного и негласного полицейского надзора за политическими ссыльными, размещенными на территории Иркутской губернии в 1860–1870-х годах. На основании ранее не публиковавшегося архивного материала автор последовательно рассматривает некоторые важнейшие составляющие надзора – водворение ссыльных, организацию их учета, создание эффективного контроля за перепиской и корреспонденцией. Рассматриваются и анализируются трудности становления надзора, в том числе недостатки уголовного законодательства, невнимание государства к штатам экспедиций о ссыльных, некомпетентность и неподготовленность полицейских чиновников. Автор приходит к выводу о том, что в исследуемый период система надзора за политическими ссыльными на территории Иркутской губернии только складывалась, а потому имела множество недостатков.

Ключевые слова: гласный полицейский надзор, политические ссыльные, администрация Иркутской губернии, контроль за корреспонденцией.

A. A. Ivanov

**System of police surveillance for political exiled in the territory
of the Irkutsk province in the 1860–1870th: formation problems**

The present article is devoted to the analysis of problems of the organization of public and secret police surveillance for the political exiled placed in the territory of the Irkutsk province in the 1860-1870th years. On the basis of earlier not published archival material the author consistently considers some major components of supervision – a settlement of exiled, the organization of their account, creation of effective control behind correspondence and correspondence. Difficulties of formation of supervision, including shortcomings of the criminal legislation, an inattention of the

state to states of expeditions about exiled, incompetence and unpreparedness of police officers are considered and analyzed. The author comes to a conclusion that during the studied period the system of supervision of political exiled in the territory of the Irkutsk province only developed, and therefore had a set of shortcomings.

Keywords: public police surveillance, political exiled, administration of the Irkutsk province, control of correspondence.

Амнистия 1856 года коренным образом изменила численность и структуру политической ссылки Иркутской губернии. Большая часть доживших до этого события государственных преступников – так официальная историография именовала декабристов – в короткий срок вернулись в Европейскую Россию. За ними последовало несколько сотен польских политических ссыльных, участников восстания 1831 г. В 1857 г. в пределах губернии фиксировалось всего четыре преступника: потомственный дворянин А.В. Поджио, находившийся на поселении с 20 июня 1839 г., дворянин В.А. Бечаснов, казак П.Л. Братчиков, которому по манифесту было даровано возвращение на родину, но он еще находился в Иркутске и дворянин Д. Таптыков, проживавший в Балаганском округе*.

Кроме «дворянских революционеров» здесь жили и амнистированные петрашевцы. Это Ф.Н. Львов, с февраля 1858 г. служивший в Главном управлении Восточной Сибири, Н.А. Спешнев, назначенный в 1857 г. начальником газетного стола Иркутского губернского правления, а затем редактором газеты «Иркутские губернские ведомости» и сам М.В. Буташевич-Петрашевский, живший в основном частными уроками. Однако они быстро покинули пределы Иркутской губернии: Н.А. Спешнев в начале 1860 г. выехал с Н.Н. Муравьевым в Петербург, в феврале этого же года Петрашевский был выслан М.С. Корсаковым в Минусинск, а Ф.Н. Львов, после пребывания в Олонках у В.Ф. Раевского, в 1863 г. выехал за пределы Сибири [1, с. 75–90].

Колонии «невольных гостей Сибири» опустели. Однако уже с начала 1860-х годов в регион попадают новые ссыльные. В этот период на территории Иркутской губернии нами отмечено едва ли больше 30 «политиков». В 1870-е их число увеличилось, но

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 466. Л. 34.

оставалось также незначительным – порядка 80–90 человек. Малочисленность ссылки коренным образом изменило польское Январское восстание 1863 г. Его подавление вновь наполнило «места удаленные». Так, только в пределы Иркутской губернии с 1863 по 1867 гг. поступило, по нашим подсчетам, не менее трех тысяч польских повстанцев. С начала 1880-х, с введением Положения о чрезвычайной и усиленной охране, резко увеличились масштабы ссылки и российских революционеров [2].

Стремительное увеличение количества ссыльных потребовало от иркутской губернской администрации быстрого принятия адекватных мер – в короткие сроки, на громадной территории губернии, требовалось создать систему всеобъемлющего контроля, которая поставила бы прочный барьер возможным побегам ссыльных, их тайным отношениям с местными жителями, связям с Европейской Россией, несанкционированным перемещениям внутри региона. Настоящая статья посвящена проблемам организации гласного и секретного надзора на территории Иркутской губернии в 1860–1870-х гг. Подобных публикаций в отечественной историографии нет, что делает ее публикацию значимой, своевременной и актуальной.

Первые же партии политических преступников, поступавшие в Сибирь из центра страны, быстро выявили недостатки как российского законодательства, так и неподготовленность региональных органов власти. Прежде всего, здесь следует отметить отсутствие хорошо продуманной и эффективной системы управления ссылкой на государственном и местном уровне. Организация «ссыльного дела» была по-прежнему рассредоточена между Комитетом министров, Государственным Советом, Департаментом полиции, Министерствами внутренних дел, государственных имуществ и финансов, Отдельным корпусом жандармов, 2-м Сибирским комитетом. Соответственно на территории Сибири политический ссыльный контролировался: Тобольским (с 1870 г. Тюменским) приказом о ссыльных, Иркутской экспедицией, губернским попечительным о тюрьмах комитетом, гражданским губернатором и генерал-губернатором, Главным управлением Восточной Сибири, Иркутским губернским жандармским управлением, городским или уездным Охранным отделением, иркутским полицмейстером или окружным полицейским приставом на месте причисления. Такое обилие разнород-

ных служб неизбежно усложняло задачу эффективной работы с политическим ссыльным, вело к несогласованности и всякого рода межведомственным трениям, и, как следствие, – к отсутствию единообразного, хорошо отлаженного учета и надзора.

Проблемы организации учета ссыльных. Полицейский надзор за ссыльными требовал их точного и оперативного учета, а это, в свою очередь, подразумевало наличие хорошо отлаженной, обеспеченной кадрами и финансами системы периодической отчетности снизу доверху. Между тем проблемы с организацией «ссыльной статистики» проявляли себя задолго до поступления политического ссыльного на территорию Иркутской губернии. Как известно, каждый ссыльный – и уголовный, и политический – попадал в сибирскую ссылку через Тобольский (Тюменский) приказ. Именно приказ принимал, распределял и отправлял арестантов по всей Сибири, санкционировал их перемещение внутри региона. Кроме этого Приказ проверял сопроводительные, партийные и статейные списки, организовывал своевременную отправку личных денег, следил за снабжением одеждой и довольствием, вел переписку с экспедициями о ссыльных, в частности, с Иркутской.

О масштабах нагрузки на Приказ свидетельствуют подсчеты чиновника особых поручений Главного управления Западной Сибири титулярного советника Ф. Тыжнова. Согласно его данным, за 1823–1858 годы через Тобольский приказ прошло не менее 289 123 ссыльных, в числе которых были и политические. [3, с. 16]. Вполне естественно, что такой поток требовал увеличения штатов и коренной перестройки в деле организации делопроизводства, однако это происходило медленно и неэффективно. В итоге партии ссыльных нередко отправлялись без надлежаще оформленной сопроводительной документации, что значительно удлиняло путь от Тобольска до Иркутска. Иркутское губернское правление вынуждено было задерживать подобные партии дольше положенных сроков, а это во много раз увеличивало время, проводимое арестантами в пути к месту назначения и не могло не вызывать их недовольства.

Хронические задержки партий с арестантами приводили и к переполненности тюрем. Тюремные замки, рассчитанные лишь на постоянное содержание преступников, использовались как пересыльные. К примеру, в мае 1874 г. в один день в Иркутском

тюремном замке, рассчитанном на 400–450 мест, содержался 1481 человек, в том числе 968 пересыльных*. Как следует из отчета Иркутского губернатора, к примеру, в 1875 г. в Нижнеудинской тюрьме, выстроенной на 200 человек, размещалось около 400 пересыльных, а в Александровской вместо 630 арестантов было немногим меньше тысячи**.

Иркутская экспедиция, распределявшая государственных преступников в Якутию и Забайкалье, также вела свой учет ссыльным, однако по ряду обстоятельств эта практика была крайне затруднительна. Одна из причин заключалась в самой ссылке, в ее постоянно «текущем» состоянии – многие «политики», как правило, неоднократно меняли места поселений: некоторые долгое время проводили в городе, находясь «на излечении», другие брали «отпускные билеты» и нанимались на горнодобывающие предприятия региона, на строительство городских зданий и дорог. В качестве примера постоянного движения ссыльных, рассмотрим статейный список Н.М. Владимирова. Из документа следует, что Владимиров Николай, бывший почетный гражданин, «по высочайше утвержденному мнению Государственного Совета, за пособничество лондонским пропагандистам и участие в распространении преступных их сочинений, был лишен всех прав состояния и сослан в Сибирь навсегда», затем причислен к Анциферовской волости Енисейского округа, далее по прошению, утвержденному распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири от 5 ноября 1865 г., отправлен на поселение в Иркутскую губернию; прибыв в Иркутск 26 декабря 1865 г., 22 января 1866 г. отправлен в Оёкскую волость; затем, уже 20 мая 1866 г., переведен в Илгинскую волость, потом 3 апреля 1871 г. перечислен в Уриковскую, где ему, на основании высочайшего повеления от 13 мая 1871 г., были возвращены права прежнего состояния. Далее Н.М. Владимиров «пребывал» в Иркутске, а в августе 1876 г., освобожденный из-под гласного надзора полиции, выехал в г. Екатеринбург Пермской губернии***.

Приведенный пример является, скорее, типичным, чем исключительным, однако у Иркутской экспедиции о ссыльных

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 70. Л. 40.

** Там же. Д. 716. Л. 10.

*** Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 44. Л. 14–15.

была и еще одна причина, существенно затруднявшая сбор сведений о политических – опустошительные городские пожары лета 1879 г., в результате которых многие архивы Министерства внутренних дел были безвозвратно утрачены, что значительно затруднило дальнейшую работу экспедиции. Проиллюстрируем последствия этой трагедии на конкретном примере. Так, в августе 1880 г. возникла ведомственная переписка по прошению государственного преступника Петра Баллода, просившего причислить его в крестьяне Илгинской волости. На запрос военного губернатора, каким образом следует разрешить эту просьбу, Иркутское губернское правление «имело честь донести», что «так как все дела и бумаги сего правления за прежнее время пожаром, бывшим в г. Иркутске 24 июня 1879 года истреблены, то и ... не представляется никакой возможности» собрать сведения о Баллоде. «Но имея в виду, что названный ссыльный в 1879 г. по высочайшему повелению уже освобожден от надзора полиции и исключен из числа государственных преступников», «правление полагало бы переписку, возникшую о причислении его в крестьяне Илгинской волости, оставить в окончательном положении» (надо полагать, прекратить, и удовлетворить прошение. – А.И.)^{*}.

Подобных дел, где решалась судьба ссыльного лишь по косвенным свидетельствам, было немало, если же принять во внимание, что вместе с десятками ведомостей о государственных преступниках, огнем были уничтожены и тысячи сопроводительных листов польских политических ссыльных, а также десятки тысяч дел на уголовных, то станет понятен и масштаб потерь, понесенных Иркутской экспедицией о ссыльных от пожаров 1879 года. Дальнейшая судьба иркутской части архива Министерства внутренних дел также печальна: то, что уцелело при пожарах или было восстановлено в 1880–1900-е годы, пропало в ходе революций и Гражданской войны – немалую долю своих архивов жандармы успели сжечь в начале марта 1917 г., часть документов была изъята представителями Советской власти в 1920 г. и использовалась для поиска провокаторов и агентов Охранного отделения, а затем, по всей видимости, перешла в распоряжение ОГПУ.

^{*} ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 146. Л. 3–3 об.

Проблемы водворения. Как видим, организация систематического учета ссыльных была трудоемкой и сложной задачей, требовавшей постоянного внимания властных структур губернии. Между тем сбор сведений о политических преступниках являлся важнейшей, но далеко не единственной частью надзора – прежде всего, ссыльных необходимо было «принять», «проверить на лицо», убедиться в сохранности выданного им в Тобольске казенного имущества и своевременно отправить к месту причисления.

В 1860–1870-х годах государственных преступников везли Московско-Сибирским трактом в составе уголовных партий или отдельно, но всегда в сопровождении жандармского офицера и одного-двух нижних чинов, которым предписывалось не только предпринимать все меры противодействия побегам, но и следить за тем, чтобы ссыльные «политики» как можно меньше привлекали к себе внимания местного населения.

Этапирование ссыльных было делом весьма затратным. На территории Иркутской губернии в 1877 г. действовало 28 этапов и полуэтапов. Каждую этапную команду возглавлял обер-офицер, имелись унтер-офицеры, ефрейторы и рядовые – всего 686 служащих, в том числе 3 фельдшера. Конвойная команда препровождала партию до соседнего этапа, где сдавала арестантов начальнику во время дневки, принимая от него ссыльных, пересылаемых в обратном направлении. В 1881 г. этапных зданий в губернии было уже 29, из которых на Московском тракте – 26, Амурском – 2 и Кругоангарском – 1. «Большинство этапов требует капитальных поправок», – указывалось в отчете Иркутского военного губернатора за этот год*.

Согласно маршрутной этапной карты по Забайкальской области, путь арестантов от берега Байкала до Верхнеудинска состоял из 8 этапов и полуэтапов. Самое большое расстояние пути было на перегоне Ильинский – Уточкинский – 34 версты, самое незначительное – перед Верхнеудинском – всего 15 верст. В среднем длина одного этапного перегона в Иркутской губернии и Забайкальской области составляла 20–25 верст. Именно столько партия каторжан могла пройти за световой день.

* ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 353. Л. 43, 62 об. - 63; Томские губернские ведомости. 1882. № 40.

Путь от Верхнеудинска тянулся дальше до Нерчинского. Это еще 25 этапов и полэтапов. После Нерчинска за Ключевской дорога раздваивалась: северная шла через Сретенск, Шилкинский до Усть-Карийского – 8 этапов; и южная – через Кавыкучи-Ундинский – Больше-Зерентуйский – еще девять. В рассматриваемый период партии ссыльных от Иркутска в сторону Нерчинска отправлялись один раз в две недели. Для препровождения арестантов с 1878 г. были образованы 12 конвойных команд, численностью от 27 до 32 нижних чинов каждая. Общая численность всех конвойных в Забайкалье составляла 11 офицеров и 369 нижних чинов*.

Нередко конкретные обстоятельства заставляли отправлять политического ссыльного сугубо индивидуально, не дожидаясь общей партии, что еще более обременяло казну. Например, в конце сентября 1881 г., выполняя решение Верховной распорядительной комиссии, Иркутское губернское правление вынуждено было срочно доставить народовольца И.В. Аптекмана в Якутск. Специально только для его сопровождения были назначены два унтер-офицера. Вот как были расписаны расходы этого предприятия: «От г. Иркутска до г. Якутска считается 2818¼ верст. За это расстояние причитается: прогонов в передний путь, по случаю распутицы, на четыре лошади и в обратный путь двум конвоирам, также по распутице на 3 лошади – 862 руб. 96 коп.; порционных жандарму Кравченко в оба пути, полагая по 1 коп. на версту – 65 руб. 36½ коп.; унтер-офицеру Оловянникову – кормовых также в оба пути за 76 суток, полагая по 75 верст в сутки – 18 руб. 22 коп. и в кормовое довольствие Аптекману, как лицу простого звания, 5 руб. 40 коп.» Смотрителю Иркутского тюремного замка следовало далее «выдать Аптекмана с выключкой из списков замка под расписку жандарму Кравченко, проверив предварительно натуральные приметы Аптекмана с приметам, описанными в статейном списке и фотографической его карточкой, а также выдать Аптекману необходимую одежду»**.

Если «политики» доставлялись к месту причисления не индивидуально, а в составе этапа с уголовными, движение таких

* Забайкалье: Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. С. 52.

** ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 120. Л. 16–18.

партий требовало особого контроля: отправляющая сторона обязательно уведомляла сторону принимающую. Например, в начале сентября 1882 г. Енисейское губернское правление уведомяло Иркутскую экспедицию о ссыльных, что «с 28 августа из города Красноярска в партии уголовных арестантов при статейных списках и фотографических карточках следуют государственных преступники: Владимир Жебунев, Николай Ааронский, Александр Кирхнер, Иван Майнов, Владимир Демьяновский и Василий Панкратов». При прохождении такой партией Нижнеудинска, местный исправник отправлял в Иркутск телеграмму, например, такого содержания: «29. IX. 1882. При партии № 30, отправленной 19 сент., следуют гос. преступники: 3 муж., 1 жен., № 31 отправкой 26 сент. – 6 муж.»*.

Ссыльных, прибывавших в пределы Иркутской губернии с Московского тракта, размещали в Александровской центральной, Александровской пересыльной (с 1887 г.), а также в Иркутской пересыльной и губернской тюрьмах. Согласно «Инструкции о порядке приема, отправления и препровождения ссыльных по Восточной Сибири», утвержденной генерал-губернатором бароном П.А. Фредериксом 13 июня 1876 г., ссыльные должны быть приняты высшим полицейским чином (в Иркутске – полицмейстером) или его помощником при начальнике этапной команды, смотрителе острога и члене тюремного отделения. При приеме проверялись «натуральные приметы ссыльных и подсудность со статейными списками». Заведующий тюремной больницей или фельдшер также осматривали прибывших, больные помещались отдельно от здоровых в тюремные лазареты.

Статья 25-я инструкции предусматривала, чтобы «распоряжающиеся отправлением арестантов, сдавали партии с полным комплектом документом», (общий распределительный список, статейный список, особая на каждого арестанта записка о собственной одежде, маршрут следования партии), а в статье 86-й подчеркивалось, что «Иркутская экспедиция о ссыльных не должна задерживать их «в Иркутске далее 6 дней, назначенных для расстаха, исключая случаев по особым распоряжениям начальства, и всякая задержка долее указанного срока, должна падать на ответственность экспедиции». Следует заметить, что оговоренные правилами шесть суток соблюдались далеко

* ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 440. Л. 7.

не всегда, со временем, когда число ссыльных партий увеличилось, удлинилось и время содержания в пересыльных тюрьмах*.

В 1860–1870-х годах судьбу каждого ссыльного, поступавшего в пределы губернии, решал генерал-губернатор «по представлению» Иркутской экспедиции о ссыльных, а позднее – губернского тюремного инспектора. При этом конкретное место поселения определялось заранее, задолго до прибытия преступника. Это хорошо видно на примере того, как происходило причисление Марка Натансона, высланного в Восточную Сибирь в административном порядке по делу «Общества друзей». Распоряжение о высылке по «Высочайшему повелению» было принято 29 ноября 1878 г., когда Натансон содержался в Петропавловской крепости, 19 декабря он был передан в распоряжение петербургского градоначальника для отправки в ссылку, а уже 7 февраля 1879 г. генерал-губернатор Восточной Сибири уведомил иркутского военного губернатора о своем решении назначить местом жительства «мещанину М. Натансону город Верхоленск». При этом он покорнейше просил «по прибытии в Иркутск означенного лица распорядиться немедленным отправлением в назначенное место жительства и об учреждении там за ним «действительного и строгого надзора полиции»**.

Натансон поступил в Иркутск только 2 декабря 1879 г., что следует из донесения смотрителя иркутского тюремного замка – «в пешей обыкновенной арестантской партии с Московского тракта», и 16 декабря был «отправлен по назначению». Через три дня, уже верхоленский окружной исправник докладывал о прибытии Натансона «за конвоем жандармского унтер-офицера Забалотского и казака Кузнецова 19 декабря в Верхоленск и водворении его на жительство»***. При этом из казенной одежды при ссыльном оказались: «1 шапка, 1 кафтан, 2 рубахи, 2 портов, 1 мешок, 1 коты. Собственных денег 47 рублей»****.

Значительное увеличение количества ссыльных после событий 1863 г. потребовало от Санкт-Петербурга расширения шта-

* Инструкция о порядке приема, отправления и препровождения ссыльных по Восточной Сибири, принятая к исполнению и подписанная генерал-губернатором бароном Фредериксом 13 июня 1876г. Иркутск, 1876. С. 45, 60.

** ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 20. Л. 1–2.

*** Там же. Оп. Оц. Д. 36. Л. 20–30.

**** Там же. Д. 60. Л. 32.

тов Иркутской экспедиции, однако этого не происходило и на протяжении исследуемого нами двадцатилетнего периода, штаты оставались практически неизменными. Незначительное увеличение числа чиновников экспедиции можно зафиксировать только среди низшего звена ее сотрудников – т. н. «писцов», что вполне объяснимо возросшим объемом переписки. В 1879 г. штатное расписание чинам Иркутского губернского правления, занимающимся по делам, касающимся тюремной части, ссылки и пересылки арестантов, выглядело следующим образом: советников – 1, делопроизводителей – 2, помощников делопроизводителя – 2, ревизоров поселений – 2, смотрителей поселений – 2, писцов – 4, секретарь – 1, а всего 14 служащих*.

Экспедиция делилась на два стола. В первом было сосредоточено делопроизводство об управлении «ссылным делом», во втором – бумаги о самих ссылных: дела о «выдаче пособий, собственных денег, о приюте детей их, об отпуске денег на содержание в больницах», а также ведение отчетности «за экономический капитал, исключение из оклада податей, обложение таковыми и об арестантской одежде»**.

Штатное расписание не было догмой для Иркутского губернского правления и варьировалось в зависимости от конкретных обстоятельств. Так, смотрители поселений вместо выполнения своих прямых обязанностей, заведовали: первый – «делами собственно по распределению ссылных, так как столоначальник 1-го стола со своим помощником» едва мог «управляться с делопроизводством об увольнении каторжных от работ, о назначении в работы осужденных в Иркутской губернии, о перечислении ссылных из одного места в другое, о возвращении их на работу по разным случаям и т. д.»; второй – был дан в помощь первому, чтобы вести «громоздкое делопроизводство»: распределять партии ссылных, в том числе и политических, составлять предписания в отношении тех мест, куда ссылные причислены, переписывать представления к высшему начальству о назначении мест жительства окончившим свои сроки, а также следить о доведении до них «разных распоряжений». Таким же образом экспедиция поступала и со ставками ревизоров поселений. Их жалованье было «употреблено» на привлечение

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 75. Л. 6.

** Там же. Л. 6 об.

вольнонаемных служащих, которые «необходимы для ведения алфавитов ссыльным, для переписки журнальных постановлений, для ведения входящего и исходящего журналов и т. п. так как 4 писца постоянно заняты» и загружены сверх меры*.

Как видим, экспедиция брала на себя в основном «бумажную часть» общего дела, причем ведала, в большей степени, уголовными ссыльными, которых на территории губернии было всегда много, например, только в 1866 г. здесь числилось 38 752 человека [4].

Штатных единиц Иркутской экспедиции всегда не хватало, при этом объем переписки постоянно увеличивался. Взять, к примеру, назначение денежного пособия ссыльным (от 70 до 100 рублей в год для исследуемого периода). Эта процедура порождала целые тома межведомственной переписки: сначала политический на месте причисления обращался к становому заседателю с просьбой о назначении пособия «по недостатку средств существования». Заседатель делал отношение окружному полицейскому приставу, тот, в свою очередь, – в экспедицию о ссыльных. Там прошение анализировалось и с необходимым комментарием отправлялось на «благоусмотрение» гражданского губернатора. Тот, как правило, предлагал экспедиции выяснить, есть ли у данного ссыльного источники к существованию на родине. Тогда Иркутская экспедиция делала официальный запрос в городское или сельское правление по прежнему месту жительства и по его итогам, уже принималось соответствующее решение.

Постоянная переписка отвлекала не только силы экспедиции, но и требовала большого времени. Нередко она длилась около года и более, и все это время ссыльный оставался без пособия. Вот конкретный пример: государственный преступник М. Колосов поступил в село Тунка Иркутского округа 26 октября 1884 г. и сразу же подал прошение о пособии. После прохождения всей ведомственной цепочки, 30 января 1885 г. Иркутская экспедиция отправила соответствующий запрос в экспедицию о ссыльных Пермского губернского правления и только 31 мая 1885 г. получила ответ: «на отношение за № 67 экспедиция о ссыльных имеет честь уведомить губернское правление, что после ссылки в Сибирь Михаила Колосова имущества или дохо-

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 75. Л. 6 об.

дов, которыми он мог бы существовать в ссылке без пособия от казны, в прежнем месте жительства его никакого не осталось». Далее переписка «раскручивалась» уже в обратном направлении – из Иркутска на место причисления, что опять же занимало много времени. И так по каждому ссылкеному, нуждавшемуся в пособии*.

При выборе места поселения учитывалась степень потенциальной опасности ссылкеного для общества, количество уже проживавших рядом ссылных, а также материальное и семейное положение «политика». Как правило, государственных преступников старались не селить в промышленных центрах и рабочих поселках. Иркутск – вообще был для них под запретом. В 1878 г. генерал-губернатор распорядился, «в виду значительного скопления в городе и округе его всех категорий ссылных, многие из которых оказывают крайне вредное влияние на нравственность населения, чтобы на будущее время ни под каким предлогом не делалось новых причислений ни в город Иркутск к мещанскому обществу, ни в округ его к сельским обществам всех категорий ссылных, осужденных как за уголовные, так и за политические и государственные преступления»**.

Несмотря на усилия властей, колония ссылных в Иркутске неуклонно увеличивалась, что происходило, главным образом, за счет притока сюда ссылных, закончивших сроки формального надзора в отдаленных местах и получивших право свободного перемещения по губернии, но остававшихся еще «не въездными» в Европейскую Россию, или тех, кто попал под указ («повеление») о частичной амнистии, но по каким-то причинам не мог немедленно вернуться на родину. Распоряжением генерал-губернатора от 20 мая 1878 г. таким ссылкеным «признавалось возможным остаться в Иркутске, но не долее как в течение трех месяцев и только по случаю болезни, более или менее обширным торговым занятиям и т. п. уважительным причинам». При этом категорически запрещалось обращаться к начальнику края за повторной отсрочкой, как это было до этого***.

В сентябре 1878 г., в усиление запрета ссылкеным селиться в Иркутске, генерал-губернатор Восточной Сибири потребовал

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 137. Л. 89.

** Там же. Оп. 1. Д. 339. Л. 1.

*** Там же. Д. 275. Л. 7, 8.

от гражданского губернатора сделать также распоряжение, чтобы все прибывающие в Иркутск государственные преступники, следующие дальше на север или восток, «ни под каким предлогом не были освобождаемы» от кандалов. В случае же тяжелой болезни ссыльного и необходимости снятия оков, «всякий раз испрашивалось разрешение с представлением свидетельства доктора»*.

Трудности формирования системы надзора. Собственно, гласным надзором за каждым ссыльным на территории губернии занимались окружные полицейские управления. Постоянный контроль требовал большого числа различного рода и звания служащих. Между тем их штатное количество также было незначительным. Так, например, в 1870–1873 гг. Иркутское окружное полицейское управление состояло из одного исправника, его помощника и трех земских заседателей (или станowych приставов); Нижнеудинское имело окружного исправника и его помощника, двух полицейских и трех земских надзирателей; в Верхотенске располагался окружной исправник, помощник исправника, два станowych пристава, секретарь управления и канцелярский служитель; Киренское управление состояло из исправника, его помощника, двух земских надзирателей, секретаря и двух канцелярских служителей; в Балаганске был окружной исправник – «коллежский асессор Евфимий Андреевич Велигорский, за откомандированием которого в Канский округ Енисейской губернии, командирован к исправлению должности его причисленный к общему губернскому управлению коллежский асессор Федор Александрович Заборовский», помощник исправника, а также два станowych пристава**.

Как видим, на территории пяти округов губернии с населением в 350 тыс. жителей (1879 г.) имелось всего пять окружных исправников и их помощников, чуть больше десяти земских заседателей и несколько полицейских надзирателей. Правда, окружные полицейские управления имели также одного-двух столоначальников, письмоводителя, архивариуса и журналиста, однако данные чиновники к надзору за политическими

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 275. Л. 18.

** Памятная книжка Иркутской губернии на 1870 г. Адрес-календарь. Иркутск: Издание Иркутского губ. стат. комитета, 1870. С. 87–99; Памятная книжка Иркутской губернии на 1873 год. Адрес-календарь. Иркутск: Издание Иркутского губ. стат., 1873. С. 45–66.

ссылными имели лишь косвенное отношение, к тому же их места были часто вакантными.

Немногим лучше обстояли дела с полицейскими чинами и в городе Иркутске. В 1873 г. здесь имелся полицмейстер, его помощник, два следственных пристава, три полицейских пристава с шестью помощниками согласно частям города, а также небольшая канцелярия – явно недостаточно для более чем 30-тысячного Иркутска*.

Помимо полиции, гласный и тайный надзор за политическими ссылными осуществляло Иркутское губернское жандармское управление, однако его штаты в исследуемый период были еще меньше, чем у полиции. Так, в 1877 г. оно состояло из начальника, помощника и адъютанта; в 1881 г. – начальника, двух помощников и адъютанта. Окружной структуры у иркутских жандармов, в отличие от «простой» полиции, в 1860–1870-х годах еще не существовало, поэтому контроль за состоянием «политической благонадежности» в уездах и политическими ссылными осуществлялся ими лишь наездами – как правило, один из помощников находился в постоянных командировках, разбираясь с фактами нарушения режима надзора со стороны ссыльных (самовольными отлучками, фактами скрытой переписки и т. д.) [5, с. 72].

Несмотря на отсутствие значительных перемен в штатах экспедиции, полиции и жандармерии, некоторые изменения здесь все же происходили. Они отмечены в руководстве «ссылным делом» на уровне высшей администрации. Так, в ранге «состоящих при генерал-губернаторе» Восточной Сибири М.С. Корсакове, в 1865–1870 гг. появились новые должности, одна – «для надзора за политическими преступниками» (офицер в чине подполковника) и три – «для устройства быта политических ссыльных» (подполковник, майор и ротмистр). Однако, по всей видимости, все эти офицеры занимались размещением исключительно польских политических ссыльных**. Так, в феврале 1866 г. в Николаевский железодобывающий завод был командирован подполковник Де Витте, один из офицеров, состоящих при Корсакове, с целью «соображения на месте возможности к помещению в заводе возможно большего числа политических

* Памятная книжка Иркутской губернии на 1873 год... С. 43–44.

** Памятная книжка Иркутской губернии на 1870 г. ... С. 6.

преступников (поляков. – *А.И.*), осужденных в каторжную работу взамен обыкновенных ссыльнокаторжных». И таких свидетельств было немало. Во второй половине 1860-х годов эти офицеры исследовали винокуренные, горнодобывающие и солеваренные заведения в поисках «свободного» «каторжного труда» для ссыльных участников Январского восстания*.

Как видим, несмотря на постоянный приток политических ссыльных в переделы Иркутской губернии, штаты властных структур, призванных налаживать постоянный контроль за государственными преступниками, оставались малочисленными и по существу неизменными в течение всего исследуемого периода.

Итак, водворение политического преступника на место причисления закончено. С этого момента за ним устанавливался гласный надзор, смысл которого заключался в учреждении постоянного, «видимого и заметного» наблюдения: полицейский пристав обязан был знать точное место проживания ссыльного, и источники существования, располагать доподлинными сведениями о его политических пристрастиях и контактах с жителями, в первую очередь, с местной интеллигенцией, иметь исчерпывающую информацию о связях с такими же «политиками» из соседних сел, а также содержанию получаемой и отправляемой корреспонденции.

Создание системы постоянного контроля за политическими ссыльными требовало серьезного правового обучения чинов уездной (окружной) полиции и жандармерии. Их некомпетентность в деле надзора была очевидна, что вело к многочисленными нарушениями существовавшего законодательства. Доказательством нашему утверждению служит поступление в Иркутск (и, видимо, не только сюда) секретного циркуляра на имя генерал-губернатора от 23 мая 1878 г.: «До Министерства внутренних дел и III Отделения... – указывалось в документе, – неоднократно доходят сведения о крайне стеснительном положении лиц, состоящих под негласным или секретным надзором полиции. Из поступающих по сему предмету весьма часто жалоб ... очевидно, что такое положение подобных лиц является следствием недоразумения и неточного понятия, которое имеет полиция о различии между надзором гласным и надзором негласным или

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 58. Л. 7.

секретным». Далее в циркуляре описывался случай, как «в одной губернии местная полиция воспрепятствовала лицу, состоящему под секретным надзором, поступить на службу в частную компанию» и этим лишила его возможности «честным трудом снискивать пропитание семейству, заявив правлению компании, что лицо это находится под негласным наблюдением»*.

Во избежание подобных случаев и жалоб со стороны политических ссыльных, министр МВД генерал-адъютант А.Е. Тимашев «покорнейше просил» Восточно-Сибирского генерал-губернатора «преподать всем губернаторам и полицейским управлениям» разницу между гласным и негласным надзором: «*Гласный* надзор полиции, – указывал министр, – составляет последствие назначаемых судебными приговорами тяжких наказаний (в том числе, и ссылки. – А. И.), влечет за собой некоторые ограничения свободы, и не может оставаться тайной для лица, которое подчиняется такому надзору». Совершенно другой характер имеет надзор негласный: «он применяется при разрешении в административном порядке дознаний политического характера и служит только средством для временного наблюдения за обвинявшимся, но освобожденным от преследования лицом, в том случае, когда невиновность его возбуждает некоторые, хотя и слабые, сомнения, а правительство желает убедиться в безусловной политической его благонадежности»**.

Далее документ весьма подробно и доходчиво разъяснял основные принципы тайного контроля за политическим ссыльным: «...секретный надзор, как указывает и самое название, должен заключаться только в одном негласном наблюдении со стороны полиции, которое в свою очередь, должно оставаться строгой тайною как для лица, подвергнутого надзору, так и вообще для всех посторонних ведомств и частных лиц; в противном случае секретный надзор теряет и свое назначение, и никогда не достигнет результата, а лица, подчиненные оному, постоянно будут обращаться с жалобами на незаслуженные стеснения местной полиции...»***.

Иркутские губернские власти, сознавая важность полученного циркуляра, постарались как можно быстрее довести его

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 327. Л. 16.

** Там же. Л. 16 об.

*** Там же.

содержание до чинов городской и окружной полиции. Уже в конце мая, а также в течение лета 1878 г., последовал ряд распоряжений иркутскому губернатору и полицмейстеру о строгом разграничении «тайного» и «явного» надзора за политическими ссыльными, и о «неукоснительном» соблюдении порядка, исключаящего появление «жалоб на стеснения»*. При этом генерал-губернатор обязывал «подлежащие учреждения» неуклонно исполнять возложенные обязанности, «под личную ответственность их», а в распоряжении от 24 мая 1878 г. главный начальник края «счел совершенно необходимым» сосредоточить руководство надзором в своих руках и установить правило, согласно которому «назначение места работ ссыльнокаторжным и места жительства ссылаемым на поселение и житье государственным преступникам», производилось бы каждый раз только с его разрешения по представлениям губернского правления**.

Приведенный материал свидетельствует о существовании определенного внимания центральных органов МВД к работе собственных структур в Сибири. Однако ликвидация некомпетентности полиции в надзоре за ссыльными не сопровождалась главным – увеличением ее штатов.

Процесс ужесточения отношения к политическими ссыльными, происходивший со второй половины 1870-х годов, шел не только «сверху», из Санкт-Петербурга, но и «снизу», из Иркутска. Например, для сбора максимально подробной информации о ссыльных, местные власти готовы были взять на себя даже часть функций жандармских органов. Так, в одном из инструктивных писем генерал-губернатором указывалось, что в обязательном порядке «полицейские чиновники должны иметь на местах поселения государственных преступников своих агентов в лице сельских начальников, хозяев квартир преступников и других лиц». Таким образом, в дело надзора вовлекались не только чины Министерства внутренних дел, но и представители органов крестьянского и городского самоуправления, мелкие торговые служащие, домохозяева. Так постепенно складывалась практика тотального наблюдения за жизнью ссыльных на территории губернии***.

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 327. Л. 3–4.

** Там же. Л. 5–12.

*** Там же. Л. 13.

Трудности в организации надзора на большом пространстве, а также все возрастающие размеры политической ссылки, послужили причиной появления у правительства планов «компактного» сосредоточения государственных преступников в отдельных местностях Восточной Сибири, и в частности, в Иркутской губернии. В фонде Иркутского губернского правления (ГАИО, ф. 32) сохранилось дело «Об устройстве колоний на территории Иркутской губернии для ссыльных...» за 1878 г. В нем имеется копия высочайшего повеления, «последовавшего» 8 августа 1878 г. о ссылке в Восточную Сибирь и водворении здесь лиц, обвиняемых в государственных преступлениях. В рукописной копии с указа, сделанной, по всей видимости, в канцелярии генерал-губернатора, в п. 2 читаем: «...высланных под надзор полиции в разные местности империи неблагонадежных личностей, водворять в Восточной Сибири», а в п. 4: «...для охраны и надзора ссыльной колонии в Восточной Сибири учредить достаточно сильную числительностью и исправно вооруженную команду, с подчинением оной местному губернатору»*.

Отметим, что многочисленная команда охранников, несмотря на указ государя, так и не была создана, но генерал-губернатор Восточной Сибири во второй половине 1878 г. предписал губернаторам «войти в соображение, какие именно местности ... могли быть избраны для колонизации лицами, указанной категории». Далее в деле имеется записка от Иркутского губернского статистического комитета, предлагавшая для поселения «политиков» использовать следующий район: «юго-западная граница Балаганского округа с северо-западной Иркутского округа, в долинах реки Большой Белой при слиянии ее с рекой Урик, ближайший населенный пункт – улус Аларских инородцев Боинкурский (нрзб.)». Отмечалось также, что в этом районе иных населенных мест нет, кругом тайга, что не даст ссыльным возможности распространения своей пропаганды на сибирских жителей**.

Предложение не получило поддержки у генерал-губернатора, который раскритиковал записку и, в частности, заметил, что «государственные преступники должны водворяться особыми колониями не в пустынных, нежилых местностях, но в отда-

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 297. Л. 1–2.

** Там же. Л. 3–4.

ленных, изолированных по возможности селениях, населенных элементом, на который не могла бы иметь влияние пропаганда ссыльных». Тогда статистический комитет предложил устроить колонию в «заштатном городе Илимске» или «селе Косо-степском»*. Как шла реализация данных проектов – об этом в деле материалов нет, однако с уверенностью можно сказать, что ни в исследуемый нами период, ни позднее, колоний для политических ссыльных на территории губернии устроено не было, хотя попытки предпринимались неоднократно (например, 1910–1913 гг., о. Ольхон на Байкале).

Контроль за корреспонденцией ссыльных. Одним из главных элементов гласного полицейского надзора был контроль связями политических ссыльных, и в первую очередь, за корреспонденцией. Возможность ведения переписки с родными и товарищами, оставшимися в Европейской России, имела огромное значение, это был, пожалуй, и единственный источник достоверной информации, и канал для связей с партийными группами и общественными формированиями в России, с центрами помощи политическим заключенным за рубежом.

Губернские власти стремились к созданию постоянного контроля за перепиской государственных преступников. При этом руководством к действию должна была быть статья 737-я Устава о ссыльных в редакции 1857 г., которая позволяла «прием писем и посылок для отправления с почтами для тех ссыльнопоселенцев, которые по миновании узаконенного срока действительно водворившись, выйдут из ведомства Экспедиции о ссыльных и поступят в общую зависимость земских управлений, за исключением токмо таковых, кои по распоряжению правительства, состоят под особым надзором полиции»**. Однако данное положение, во-первых, разрабатывалось в большей мере для уголовных ссыльных и разрешало переписку как раз тем, которые уже не состояли под гласным надзором полиции. А во-вторых, статья очевидно в принципе запрещала любые почтовые связи для политических ссыльных, а это было как трудноосуществимым, так и нецелесообразным (например, денежные переводы необходимы были ссыльным всех категорий).

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 297. Л. 13, 22.

** Устав о ссыльных в издании 1857 года // ПСЗРИ. Т. XIV. СПб., 1857. С. 106.

Известно, что в «декабристский период» корреспонденция государственных преступников проходила исключительно через канцелярию генерал-губернатора. При этом высшее должностное лицо губернии несло всю ответственность за всеобъемлющий характер этого надзора. В 1860–1870-е годы, когда количество политических ссыльных значительно увеличилось, от центральных и местных властей потребовалась организация менее затратной, но столь же эффективной системы наблюдения за их перепиской.

Контроль за корреспонденцией политических ссыльных складывался постепенно и начинался еще в дороге, задолго до прибытия преступника в пределы Иркутской губернии. При отправлении партий арестантов начальник конвоя должен был предупредить «политических», что «все письма, написанные ссыльными в пути, отбираются от них начальником конвоя и, по прибытии в первый попутный губернский город, вручаются местному губернатору, который по прочтении их, или отправляет по адресу, или же, в случае каких-либо сомнений и подозрений», пересылает в жандармское ведомство на дальнейшее распоряжение*.

После водворения государственных преступников, сосланных на житье и поселение, на места причисления, незамедлительно устанавливалась система постоянного контроля за любыми их связями с Европейской Россией. Так, почтовая и телеграфная переписка производилась не иначе как с ведома главного местного полицейского начальника, под наблюдением которого они состояли, т. е. полицмейстера в Иркутске и исправника – в уезде. При этом почтовые конторы и телеграфные станции обязывались корреспонденцию на имя «политиков» представлять чинам полиции, которые, по рассмотрении писем, разрешали передачу их по принадлежности или задерживали. Изъятая корреспонденция отправлялась на усмотрение губернатора**.

Если корреспонденция следовала со стороны ссыльных, она также представлялась местному полицейскому начальству, которое опять же разрешало отдачу оной на почту, «а в случае предосудительного содержания, задерживало» и отправляло в Иркутск. Генерал-губернатор предписывал объявлять это прави-

* ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16. Л. 104.

** Там же. Л. 3–3 об.

ло каждому ссылкеному и непременно указывать, что нарушение предписания, «даже если он передает свою корреспонденцию через другое, отъезжающее лицо, подвергнет его взысканию»*.

Обязательному просмотру чиновниками почтового ведомства и полицейскими приставами подлежали газеты, книги и журналы – вся печатная продукция, получаемая или отправляемая политическими ссылкеными. При этом изымалась и научная, учебная или просветительская литература, ничего общего с делом «пропаганды в империи» не имевшая. Вот характерный пример: киренский окружной исправник 4 сентября 1878 г. доносил, что с почтой в адрес государственного преступника Михаила Чикоидзе получена посылка от Лидии Фигнер (родной сестры В.И. Фигнер. – *А.И.*), в коей было: «три тома истории английской революции сочинения Гизо и один том контрреволюции в Англии». Книги были изъяты исправником и отправлены на усмотрение губернатору Иркутской губернии. Там все содержимое посылки было конфисковано, а в уведомлении из губернского правления подчеркнуто, что «подлежат конфискации равно на будущее время все подобные сочинения», адресованные политическим ссылкеным**.

Контроль за корреспонденцией политических каторжан был еще строже. Правила категорически запрещали им «посылать или отправлять от себя письма к кому бы то ни было» вообще. Предназначенная же для них корреспонденция предоставлялась почтовыми конторами напрямую губернатору «на предмет вскрытия их писем и препровождения открытыми тех из них, в коих не окажется ничего противного к надлежащему начальству, в ведении которого находятся преступники для передачи по принадлежности». Письма или «депешы», содержащие в себе, по мнению военного губернатора, «непозволительные выражения или заслуживающие внимание правительства», должны были отправляться в Санкт-Петербург, непосредственно в III Отделение***.

Оставшиеся на месте «благонадежные» посылки и деньги, присланные поселенцам или каторжанам, отправлялись после губернатора в губернское правление, затем в экспедицию о

* ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16. Л. 4.

** Там же. Л. 23, 28.

*** Там же. Л. 4.

ссылных, которая решала, что из полученного выдать, а что нет, руководствуясь при этом правилом: к выдаче подлежат только те посылки, «которые не составляют большой ценности и могут служить к пище и одеянию, а остальные» необходимо «возвращать обратно к приславшим». Также безапелляционно решалась судьба и денежных переводов: из полученных на имя ссылных денег следовало выдавать на первое обзаведение не более как до двух тысяч рублей (огромная, просто фантастическая сумма, которой у ссылных-«шестидесятников» и «семи-десятников», в отличие от некоторых декабристов, никогда и не было. – *А.И.*), а потом на содержание ежегодно не более как до тысячи рублей, но и эту сумму выдавать не всю сполна, а помесячно*.

Перлюстрация ссылной корреспонденции занимала весьма длительное время, что было предметом недовольства и многочисленных обращений ссылных, адресованных в губернское правление или на имя генерал-губернатора Восточной Сибири. Вот, к примеру, письмо Льва Дмоховского, обращавшегося к полицмейстеру по поручению всей партии ссылных: «Получаемые на наше имя письма, посылки и проч. задерживаются в губернском правлении чрезвычайно долго. Было несколько случаев, когда письма передавались через месяц и более после получения их в губернском правлении. Такой способ [контроля. – *А. И.*], практикуемый вероятно и относительно писем, отправляемых нами, служит, по нашему мнению, причиной того, что большинство моих товарищей не получает до сих пор никаких известий от родных»**.

Далее Дмоховский просил полицмейстера обратить внимание на то обстоятельство, что переписка с домом это не только новости от близких, но и зачастую единственный источник получения материальной помощи, в которой большинство ссылных крайне нуждается. Он требовал, чтобы «письма подвергались просмотру тотчас же по поступлении их в губернское правление и затем в короткий срок отсылались по назначению»***.

Как видим, система организации контроля за корреспонденцией ссылных на территории Иркутской губернии имелась.

* ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16. Л. 7.

** Там же. Л. 127.

*** Там же.

Однако на деле работала она плохо, неэффективно. Отметим здесь всего лишь две причины. Прежде всего, в 1860–1870-е годы система еще не носила тотальный характер – наблюдению подлежала переписка не всех государственных преступников, а только тех, у кого это «признавалось необходимым». Одно из предписаний генерал-губернатора предлагало «иметь именные списки государственным преступникам, чья корреспонденция подлежит просмотру, для сообщения их местным почтмейстерам и телеграфным станциям, а также подлежащему окружному полицейскому начальству...»*. При этом инструкция не разъясняла, на основании чего – настоящего неблагонадежного поведения ссыльного или его бурного революционного прошлого – следует составлять эти списки.

Второй недостаток системы контроля за корреспонденцией ссыльных, сводивший буквально к нулю все усилия иркутской полиции, заключался в том, что ограничение в переписке не распространялось на административно-ссыльных (не лишавшихся, как известно, многих гражданских прав), а также ссыльных, окончивших сроки надзора, но по каким-то причинам продолжавших жить на территории губернии либо приписавшихся к какому-либо городскому или сельскому обществу в качестве «крестьян из ссыльных» или «мещан из ссыльных» – закон беспрепятственно позволял им «принимать или посылать от себя письма родственникам и иным лицам». Таким образом, государственный преступник-каторжанин, ссыльнопоселенец, лишенный права переписки по суду, через административно высланных или ссыльных, окончивших свои сроки и размещенных в одном с ними населенном пункте, могли отправлять и получать практически бесконтрольно любую корреспонденцию, сводя на нет усилия по установлению «надежного» гласного надзора [6].

Подведем некоторые итоги. В 1860–1870-х годах масштабы политической ссылки на территории Иркутской губернии значительно увеличились, что потребовало от местных властей создания эффективной формы учета и надзора. Между тем организация «ссыльного дела» была по-прежнему рассредоточена между службами различных министерств и ведомств, что многократно усложняло задачу эффективного контроля, вело к несогласован-

* ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16. Л. 5 об.

ности и всякого рода межведомственным трениям, и, как следствие, – к отсутствию единообразного, отлаженного надзора. Иркутским генерал-губернатором, гражданским губернатором, губернским правлением, общей и политической полицией были предприняты определенные шаги по установлению точного количества ссыльных, созданию системы периодической отчетности, контролю за перемещением и перепиской преступников.

Надзор за государственными преступниками как система мер по учету, водворению и изоляции, контролю за корреспонденцией и связями с Европейской Россией, а также предотвращению возможных побегов, на территории Иркутской губернии в исследуемый период только складывался и имел массу недостатков, связанных, в первую очередь, с несовершенством российского уголовного законодательства, недостаточным вниманием государства к проблемам сибирской полиции и жандармерии (штаты, денежное содержание), некомпетентностью местных чиновников. Большая и слабозаселенная территория губернии существенно затрудняла ведение надзора за политическими ссыльными, однако проекты обустройства специальных лагерей для их концентрации, остались не реализованными. Позитивные изменения в организации полицейского надзора происходили медленно, что не отвечало задачам своевременной и быстрой изоляции политических преступников.

Интересно отметить, что к такому же неутешительному итогу пришел и Александр II. Так, на докладе начальника Третьего отделения, содержавшем сведения об участвовавших в попытках побегов политических ссыльных в Восточной Сибири с этапов и мест причисления, сделанном в ноябре 1879 г., государь «собственноручно соизволил начертать»: «весьма неприятно и доказывает, что настоящего надзора и там нет»*.

Список литературы

1. Дулов А.В. Петрашевцы в Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. 300 с.
2. Иванов А.А. Структура и численность политической ссылки Иркутской губернии 1870-х годов / Д.А. Мясников // Baikal research journal. 2016. Т. 7. № 4: Код доступа: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=20854>.
3. Малышева М.П., Познанский В.С. Сибирская ссылка в 20–50-е годы XIX века // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1990. Вып. 2. С. 16–19.

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 445. Л. 50.

4. Иванов А.А. Уголовная ссылка Иркутской губернии XIX века: численность, структура, использование // Известия Иркутской государственной экономической академии (БГУЭП) [Электронный журнал]. 2013. № 5. Код доступа: <http://eizvestia.isea.ru>.

5. Иванов А.А. Иркутские жандармы // Клио: Журнал для ученых. 2012. № 6. С. 69–77.

6. Например, вот, что писал начальник Иркутского губернского жандармского управления иркутскому губернатору от 1 марта 1888 г.: «Из поступающих в управление на просмотр писем политических преступников усматривается, что содержащиеся в Иркутском тюремном замке административно-ссылные ведут бесконтрольно переписку и посылают даже телеграммы в разные места таковым же ссыльным и ссыльнокаторжным государственным преступникам. Так, например, административно-ссылной Розой Франк была отправлена без разрешения 15 февраля телеграмма в Сретенск ссыльнокаторжному государственному преступнику Якубовичу, на каковую сретенская телеграфная станция ответила депешью на имя Розы Франк, что телеграмма ее за выбытием из Сретенска Якубовича не доставлена...» См.: ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16. Л. 269.

УДК 94(571.5)

Л.В. Кальмина

Верхнеудинская тюрьма в структуре городских расходов в последней трети XIX в.

В статье в динамике рассматриваются затраты на верхнеудинскую тюрьму в структуре городских расходов и проблемы ее содержания в последней трети XIX в. – времени после принятия Городовых положений 1870 и 1892 гг.

Ключевые слова: Верхнеудинск, тюрьма, отопление, освещение, содержание, расходы, городская дума, полицейское управление.

L.V. Kalmina

Verkhneudinsk Prison as a Part of Town Expenses in the Last Third of XIX Century

The article describes expenses on Verkhneudinsk prison in town budget and some issues of its keeping in the last third of the XIX

century in progress, the period after the adoption of 1870 and 1892 Town Statute Acts.

Key words: Verkhneudinsk, prison, heating, lighting, keeping, expenses, Town Duma, Police Department.

Городовое положение 1870 г., регламентировавшее деятельность городского общественного управления, обязывало последнее к «попечению» об образовании, городском благоустройстве, охране «народного здравия». Содержание тюрем, если они в городе имелись, в компетенцию городской власти не входило: еще в процессе подготовки Городового положения Государственный Совет принял решение освободить города от обязательных расходов по их отоплению и освещению. Однако фактически долгое время местная власть не только несла эти расходы – на ней также лежали обязанности по организации тюремного быта, питанию и охране здоровья арестантов, что было вполне в духе власти центральной, старавшейся сэкономить на их содержании [17, с. 25].

В исследуемый период тюрьмы были в трех городах Забайкалья: в восточной его части – в Чите и Нерчинске, в западной – в Верхнеудинске. На отопление и освещение тюрьмы последний тратил немалые суммы. В частности, в 1875 г., первый год действия Городового положения, на содержание тюрьмы было израсходовано 1405 руб. (7,2 % городских расходов) [20, с. 340]; в 1879 г. – 3399 руб. 45 коп. (8,8 %) [2, л. 72, 73]. За восемь лет – с 1877 по 1885 гг. – на отопление и освещение тюремного замка Верхнеудинск потратил 12570 руб. 80 $\frac{1}{4}$ коп. – сумма для города с населением в 4 тыс. человек весьма обременительная [3, л. 33]. Городская дума считала несправедливым, что расходы по содержанию здания тюрьмы ложатся на один Верхнеудинск, хотя в ней отбывают наказание и жители Верхнеудинского округа, и «подлежащие заключению лица» из всех городов Западного Забайкалья – Троицкосавска, Селенгинска и Баргузина – с принадлежащими им округами. Городские власти настаивали, что расходы по содержанию тюрьмы должно нести все население Западного Забайкалья, а часть их должна быть вообще принята на счет казны, т. к. тюрьмы – учреждения не местные, а общегосударственные, и города их содержать не обязаны [3, л. 28–29].

Вопрос о снижении расходов на отопление и освещение тюрьмы на заседаниях городской думы поднимался неоднократно, но ее ежегодные ходатайства о привлечении других городов Западного Забайкалья с округами «к равномерному участию в расходе», а также «о принятии части расхода на счет казны или о выдаче по крайней мере городу пособия» никаких последствий не имели [3, л. 33]. Более того, позднее «тюремные» расходы значительно выросли. Причиной стал тот факт, что на строительство нового здания городской тюрьмы, которое началось в 1877 г., в 1883 г. были присланы две сотни ссыльнокаторжных, которых разместили в старом тюремном здании, предварительно выселив оттуда арестантов и наняв для них частные квартиры. Военный губернатор Забайкальской области Я.Ф. Барабаш предписал городу взять на себя расходы по заготовке дров и для помещений, где теперь содержались арестанты, и для варки пищи и хлебопечения для каторжников – строителей тюрьмы.

Город был возмущен новой несправедливостью, полагая, что подрядчики, получавшие немалые прибыли от использования фактически дармовой рабочей силы, обязаны взять затраты на пропитание ссыльнокаторжных на себя. К тому же, как отмечалось на заседаниях городской думы, если частные квартиры вынужденно используются для содержания арестантов, это еще не значит, что эти квартиры становятся отделениями тюремного замка, а доставлять дрова для частных домов городское управление не обязано. На заседании 1 апреля 1885 г. дума решила просить военного губернатора отменить распоряжение об отпуске дров для ссыльнокаторжных и арестантов, а уже израсходованные городом за два года деньги на эти цели «приказать взыскать с кого будет следовать» и, независимо от этого, привлечь города Западного Забайкалья вместе с округами к несению расходов по содержанию тюрьмы [3, л. 34–36].

В 1885 г. затраты на содержание тюремного замка заметно снизились, составив 831 руб. 34 коп. (1,39 % городского бюджета) [4, л. 10-а, 11, 27]: ссыльнокаторжных вывезли из города, т. к. строительство новой тюрьмы, на возведение которой было затрачено 280 тыс. рублей, шло к концу [3, л. 55]. Рассчитанная на 400 человек, она, по свидетельству спроектировавшего ее забайкальского областного архитектора Е. фон Штерн-Гвядзов-

ского и инспектора тюрем, при необходимости могла вместить до 1 тыс. арестантов [3, л. 56].

О новом здании тюрьмы оставлено много восторженных описаний: «Белая, окруженная высокими белыми стенами, она среди зелени леса высилась по тогдашнему масштабу стройки красиво и величаво, как замок» [19, с. 7]. Ее принимали и за университет, и за разместившуюся в живописном месте прекрасную лечебницу, считали здание вполне достойным для обитания лиц царской крови и слишком роскошным для городского головы, у которого «на такие хоромы просто денег бы не хватило» [17, с. 16]. Проверявшие состояние тюремного дела чиновники по условиям содержания в ней заключенных сочли ее лучшей тюрьмой в Сибири [18 с. 232]. Однако для Верхнеудинска она из предмета гордости быстро превратилась в головную боль. По подсчетам городской управы, новая тюрьма, имевшая 102 печи, только на отопление требовала от 500 до 1 тыс. руб. в год (расходы на старую тюрьму с 18 печами достигали 1500 руб.), а ее полное содержание обошлось бы в 3–4 тыс. руб. На две тюрьмы – старую и новую – городу предположительно пришлось бы тратить 4–5 тыс. руб. в год. (М.В. Танский указывает, что после строительства новой тюрьмы старая действовать перестала [19, с. 7], но в действительности она продолжала работать). Таким образом, в городе на каждого горожанина приходилось бы в год от 1 руб. до 1 р. 25 коп. налога только на содержание тюрем.

Верхнеудинск, где дефицит городского бюджета к середине 1880-х гг. приобрел застойный характер, понимал, что новый налог по содержанию выстроенной тюрьмы вместе с обязательными расходами по перевозке «воинских чинов», содержанию полиции и уплате взносов на поддержку нескольких министерств, для него неподъемен. При содержании нового здания тюрьмы, как того требовал военный губернатор Забайкалья под угрозой привлечения к ответственности за неисполнение, городское управление «принуждено будет отказаться от всяких новых улучшений по городскому хозяйству» и «если не закрыть городские учебные заведения, то значительно сократить число их, уничтожить расходы по санитарной части и по городскому благоустройству» [3, л. 55]. Правда, губернатор обещал Верхнеудинску с 1886 г. походатайствовать о субсидии на содержание тюрем в размере 1428 руб. и «разложить остальной городской

расход по этому предмету» на все города Западного Забайкалья. Но городское управление этим обещаниям не поверило, поскольку, как указывалось в черновом варианте протокола, «Городской Голова по поручении Городской Думы ежегодно входит с ходатайством о назначении городу субсидии Правительства на содержание тюрьмы, но ходатайство это постоянно оставлялось без последствий или получался отказ» [3, л. 56].

Как следует из городской делопроизводственной документации, Верхнеудинск вовсе не собирался мириться с таким положением дел и планировал приложить все усилия к освобождению местного бюджета от затрат на тюрьмы. Главным аргументом города был тот, что новую тюрьму по статусу никак нельзя отнести к городской, поскольку в таком случае в ней бы содержались только подследственные и осужденные жители Верхнеудинска, самое большее – Верхнеудинского округа. Однако «грандиозность постройки, крайне значительная стоимость, большое количество одиночных камер, громадная вместимость» красноречиво свидетельствовали, что тюрьма, в которой по всей вероятности должны содержаться государственные преступники или важные уголовные арестанты, имеет общегосударственное значение. Арестантов из жителей города или округа в ней могло содержаться едва ли несколько человек, тогда как общее число отбывающих наказание в обеих тюрьмах вполне могло доходить от 600 до 1400 чел. [3, л. 55–56].

Верхнеудинск решил воспользоваться оговоренным Городовым положением правом «в случае неправильных действий со стороны губернатора или высших административных властей относительно наложения на город не установленных законом податей, тяжестей или нужд приносить жалобы непосредственно в Правительствующий Сенат» [3, л. 35–36]. Предполагалось пожаловаться, что расходы по содержанию двух громадных тюрем лежат на городе непосильным бременем, и просить «о принятии расходов по их отоплению и освещению на государственные суммы». В крайнем случае город предлагал ограничить расходы по содержанию тюрем суммой, которая до сих пор расходовалась им на старую тюрьму, распределив ее пропорционально между Верхнеудинском, Троицкосавском, Селенгинском, Баргузином и округами. В постановлении городской управы указывалось, что в жалобе в адрес Правительствующего Сената следует просить об

отмене распоряжения военного губернатора о немедленном отпуске дров и свечей для новой каменной тюрьмы, а самому губернатору «в исполнении этого распоряжения отказать до выражения Правительствующим Сенатом мнения по этому вопросу», тем более что на старую тюрьму дрова и свечи городом уже отпущены на целый год полностью [3, л. 57]. Однако «отказ губернатору в исполнении распоряжения» прозвучал излишне категорично и, что называется, был не по чину, поэтому данное предложение в документе вычеркнули, а ультимативность тона смягчили: обращение провинциального города в Правительствующий Сенат не могло миновать губернатора, который был обязательным «передачным звеном» в этой переписке.

Мы не можем однозначно утверждать, что Верхнеудинск все-таки обратился в Петербург – никаких свидетельств этому не найдено. Возможно, военный губернатор и сам под угрозой жалобы в вышестоящие инстанции пошел навстречу требованиям отчаявшегося города, но результат был налицо. В расходной части городского бюджета 1889 г. в графе «содержание правительственных учреждений», куда входили и расходы на тюрьму, значится цифра 3189 руб. 48 ½ коп. (5,9 % городских расходов). В то же время в одном из протоколов Верхнеудинской городской управы за 1892 г. констатируется, что за три года (1889–1891 гг.) на отопление и освещение тюрьмы истрачено всего 1943 руб. 25 коп. Дело в том, что в 1889 г. за счет земского сбора город получил пособие на отопление и освещение тюрьмы в размере 3153 руб., что в отчете об исполнении бюджета было записано как «возврат расходов» [5, л. 11; 7, л. 55; 6, л. 3–4]. Здесь необходимо пояснение: поскольку в Сибири земских учреждений не было, их роль исполняла местная администрация, поэтому «земские сборы» фактически означали взносы губернской власти.

Принятое в 1892 г. новое Городовое положение законодательно определило, что местные тюрьмы должны отапливаться и освещаться за счет средств местных бюджетов [10]. «Угодила» ли новая тюрьма в «местные» – остается неясным: суммы затрат на тюрьму, взятые из разных источников, разительно отличаются друг от друга. В напечатанном в официальной прессе отчете о расходах городского бюджета указано, что в 1892 г. на содержание «правительственных учреждений Министерства

внутренних дел» Верхнеудинск потратил 2700 руб. 36 коп. (6,3 % расходов городского бюджета), а в 1894 г. – 3599 руб. 18 коп. (7,7 %) [12]. В документах городской управы значится, что в 1892 г. затраты города на отопление и освещение тюрьмы составили всего 76 руб. 32 коп. [8, л. 9].

Конечно, понятие «содержание правительственных учреждений» гораздо шире, чем «расходы на отопление и освещение тюрьмы». В данную статью расхода входили и налоги в пользу Министерства внутренних дел. Но они были, как правило, небольшими, основные суммы как раз тратились на содержание тюрем. Можно предположить, что в протоколах управы содержится неполный черновой вариант бюджетного отчета, тогда как в газете дается окончательный. Возможно, сумма 76 руб. 32 коп. относилась к старой тюрьме, которая в 1892 г. стала пристанищем для проходящих через город войск. Ходатайствуя о возможности использования ее здания в новом качестве, Верхнеудинск преследовал две цели: освободить горожан от квартирной повинности и обезопасить их от инфекций, которые могли быть занесены проходящими солдатами [6, л. 6].

В сравнении с Верхнеудинском областная Чита тратила на содержание тюрьмы относительно небольшую сумму. В 1875 г. было затрачено 327 руб. (2,4 % городского бюджета) [20, с. 335]. На протяжении нескольких лет (1893–1896 гг.) затраты были фиксированными, составляя 1700 руб. в год [11; 13; 14]. В 1898 г. они резко выросли – до 3808 руб. 50 коп.: в Чите в это время была уже не одна тюрьма. Но эти расходы были не очень обременительны для быстро растущего города и стремительно увеличивавшегося бюджета, который за два десятка лет вырос в шесть раз [20, с. 335; 16].

Нерчинск, несший серьезные расходы по содержанию тюремного замка – 1520 руб. (7,3 % расходов городского бюджета) в 1875 г. и 2102 руб. 75 коп. (6,4 %) в 1886 г., старался их снизить совсем иным способом, нежели Верхнеудинск. Запланировав на 1894 г. расходы на содержание тюрьмы в размере 1211 руб., город умудрился снизить их до 347 руб. 33 коп. за счет экономии дров (!) и снижения цен [20, с. 362; 1, л. 124–125; 15].

В исследуемый период Верхнеудинск постоянно подвергался риску каких-то непредвиденных расходов «по тюремной части»,

с которыми усердно (и часто не без успеха) боролся. В качестве иллюстрации приведем два примера.

В феврале 1892 г. военный губернатор Забайкальской области М.П. Хорошхин предложил Верхнеудинской городской думе устроить при полицейском управлении новое помещение для арестованных, которое должно было содержаться за счет городского бюджета. Дума на своем заседании это предложение сразу отвергла, сопроводив свое мнение массой аргументов. Опираясь на статьи Устава Содержания под стражей по продолжению 1876 г. и Устава о Земских Повинностях по продолжению 1886 г., дума доказывала, что устройство подобных помещений ложится на городской бюджет только в Москве и Санкт-Петербурге, а в иных городах финансируется за счет средств губернского земского сбора (т. е. губернской администрации). В Забайкалье в отсутствие института мировых судей их функции исполнял окружной суд, по приговору которого виновные в мелких нарушениях общественного порядка оказывались в арестантских камерах при полицейском управлении. Ни в каких законах, настаивала дума, нет и намек на обязанность города по устройству и содержанию таких камер при окружных полицейских управлениях – только если эти камеры существуют при городском полицейском управлении, какового в Верхнеудинске не имеется.

Однако Забайкальское областное по городским делам присутствие аргументы думы сочло неубедительными. Только горожане, доказывалось в письме Присутствия, содержатся в арестантских камерах при полиции, которые тюрьмой как таковой не являются, а служат помещением для «лиц, арестуемых для вытрезвления и т. под». Поскольку Верхнеудинская окружная полиция фактически исполняет обязанности городской, она «служит почти исключительно для нужд города» и, следовательно, должна содержаться на его средства.

Верхнеудинская городская дума, в свою очередь, сочла доводы присутствия бездоказательными, поскольку оно «обосновало все только своими соображениями без подтверждения документами». Сделав выборку из книг о содержащихся под арестом при полицейском управлении за последние два года, дума доказала, что среди них горожан было меньшинство (18 из 65), а потому в «чисто городском служении» арестантских камер позволила себе усомниться. Главным же аргументом стал тот,

что роль городской полиции, которое фактически играет окружное полицейское управление, еще не значит, что расходы по ее содержанию входят в обязанности города, поскольку отдельного городского полицейского управления в Верхнеудинске все-таки нет. Выдвигая его, городское самоуправление мимоходом «напомнило» о решении Правительствующего Сената не обременять города расходами по устройству или найму здания для городской полицейской тюрьмы.

Проигнорировать распоряжение военного губернатора дума все же не решилась и поручила городской управе объявить торги на строительство каменного помещения для арестантов при Верхнеудинском окружном полицейском управлении. Однако одновременно она уполномочила члена управы, купеческого сына 2-й гильдии П.Т. Трунева подготовить жалобу в Правительствующий Сенат на решение Присутствия как не соответствующее закону – ход, которым она неоднократно пользовалась для шантажа губернской власти [7, л. 19–24].

Второй пример. Определением Забайкальского областного по городским делам присутствия от 30 сентября 1894 г. на горожан была возложена повинность по сопровождению арестантов и ссыльных до ближайших селений по неэтапным трактам. При желании город мог заменить эту повинность денежной: нанять для этой цели на городские средства специальных людей, которые поступили бы в распоряжение местной полиции. Исполнением данной повинности окружное полицейское управление было недоволено: городская управа не поставила полицию в известность, каким способом будет выполняться конвоирование ссыльных, и людей в ее распоряжение не прислала. Каждый раз при появлении надобности полиции приходилось обращаться в управу с просьбой отрядить конвой, что порождало ненужную волокиту. Подбором людей для охраны арестантов занимались два горожанина из мещан, которые конвоиров оружием не снабжали, а иногда нанимали несовершеннолетних, которые однажды потеряли сопроводительные документы. Полиция опасалась, что при таком отношении и арестанты могут разбежаться, и саму охрану разыскать и наказать будет затруднительно, поскольку управа процесс найма не контролировала и не сообщала полиции ни имен, ни званий людей, нанимаемых для сопровождения. Полицейское управление настаивало,

чтобы город прекратил «посылку несоответствующих для сего людей», нанял троих хорошо подготовленных и прислал их в его распоряжение: такая «стража, состоя под постоянным наблюдением и руководством чинов Полиции, без сомнения окажется более соответствующей своему назначению, чем люди, не умеющие владеть оружием и незнакомые с обязанностями и порядком препровождения арестантов».

Однако дума подсчитала, что фактическое увеличение штата полиции на три человека вырастит ежегодные расходы на ее содержание на 700 руб. Поэтому в своем протоколе констатировала: повинность по конвоированию арестантов выполняется неукоснительно; отбор людей идет самым тщательным образом и «неправоспособные» сразу отсеиваются; оружие приобретено и при конвоировании выдается на руки; за полтора месяца с начала года по каждому требованию полиции город немедленно выделял нужное количество конвоиров. Такой же способ наемных стражников, указывала дума, до возложения этой обязанности на горожан практиковался в Верхнеудинске станичным обществом, исполнявшим повинность по сопровождению арестантов с 18 февраля 1893 г. по 17 июня 1894 г., и «по мнению Управы, способ этот самый практичный».

Постановление думы от 15 февраля 1895 г. гласило: поскольку решение Забайкальского областного по городским делам присутствия «по предмету возложения на г. Верхнеудинск препровождения арестантов до первых селений Городской Управы выполняется в точности и своевременно», то требование Верхнеудинского окружного начальника о найме в распоряжение полиции трех человек постоянной стражи как неправильное отклонить и просить военного губернатора разрешить и дальше отбывать повинность по препровождению арестантов привычным способом [9, л. 3–5].

В конечном итоге многолетние попытки Верхнеудинска снизить издержки по содержанию тюрьмы, а в идеале – полностью «переложить» это бремя на казну, увенчались успехом: в первом десятилетии XX в. в расходной части городского бюджета строка о расходах на отопление и освещение тюрьмы отсутствует.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 13470.

2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 211.
3. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 433.
4. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 456.
5. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 708.
6. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 774.
7. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 824.
8. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 924.
9. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1088.
10. Забайкальские областные ведомости. 1892. № 46 (13 нояб.)
11. Забайкальские областные ведомости. 1893. № 19 (7 мая).
12. Забайкальские областные ведомости. 1895. № 20 (19 мая).
13. Забайкальские областные ведомости. 1895. № 46 (17 нояб.)
14. Забайкальские областные ведомости. 1896. № 21 (24 мая).
15. Забайкальские областные ведомости. 1896. № 45 (8 нояб.)
16. Забайкальские областные ведомости. 1898. № 79 (28 июл.)
17. История пенитенциарной системы в Бурятии / под общ. ред. С.П. Суша. Улан-Удэ: Новапринт, 2006. 160 с.
18. Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ / Л.К. Минерт. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. 248 с.
19. Танский М.В. Странички прошлого Улан-Удэ. (Верхнеудинск в 70-80 гг. XIX века) / М.В. Танский. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1966. 30 с.
20. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: Издании Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, 1882. 374 с.

УДК 355/359 «1912»

П.А. Новиков

Местные военные команды Иркутского военного округа: офицерский состав и бытовые условия по состоянию на 1912 г.

В статье рассматривается офицерский состав и бытовые условия местных воинских команд в Восточной Сибири по состоянию на 1912 г. В основу исследования легли архивные документы, использована и наиболее значимая для темы исследовательская литература.

Ключевые слова: армия; местные войска; команды; служба; офицеры; военные смотры; правонарушения; Иркутский военный округ.

Local military teams of the Irkutsk military district: officers and living conditions as of 1912

The article deals with the description of its officers and living conditions of local military detachment in East Siberia in 1912. The study is based on the archival materials and the literature that is of most significance for the topic under investigation.

Key words: army; local troops; detachments; service; officers; military parades; infringement of law; Irkutsk military district.

В армиях разных стран существовали войска, предназначенные для внутренней службы. Д.И. Менделеев писал: «Военная сила не только для ограждения от врагов внешних, но и от врагов внутренних, против которых везде, во всем мире, не исключая никаких республик,... военную силу приходится применять, потому что полицейской силы часто недостает для борьбы с нетерпимым злом и озорниками» [5, с. 101]. Предшественниками местных войск можно считать гарнизонные части 1711–1811 гг., Сибирскую ландмилицию 1761–1771 гг., подразделения внутренней стражи 1811–1864 гг. В 1911 г. официально праздновалось столетие местных войск и конвойной стражи, как преемников именно внутренней стражи.

Все даты в статье по старому стилю. Кратко напомним предысторию [7]. В августе 1865 г. созданы Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский (по старой орфографии «Восточный Сибирский») военные округа. 8 августа 1866 г. учреждено управление начальника местных войск Иркутской и Енисейской губерний во главе с начальником штаба Восточно-Сибирского военного округа. В 1870 г. упоминается Братская местная команда, в 1877 г. – Усть-Кутская, Верхоленская, Иркутская сборная. По данным на 1871 г., в Забайкальской области располагались Читинская, Нерчинская, Верхнеудинская и Троицкосавская местные команды, подчинявшиеся наказному атаману Забайкальского казачьего войска [7].

14 июля 1884 г. Восточно-Сибирский военный округ разделен на Приамурский и Иркутский. Последний имел штаб в Иркутске и включал Енисейскую и Иркутскую губернии, Якутскую область. В 1885–1896 гг. в Иркутском военном округе

размещались Иркутский и Красноярский резервные пехотные батальоны, Иркутская и Красноярская казачьи конные сотни, 9 местных (Александровская, Ачинская, Балаганская, Енисейская, Канская, Киренская, Нижнеудинская, Минусинская, Якутская) и 26 конвойных команд, 1 дисциплинарная рота. В 1890 г. эти местные и конвойные команды подчинены управлению 27-й местной бригады. С 1895 г. бригада переименована в Иркутскую, а нумерация упразднена. В 1897–1899 гг. с постройкой Транссиба число конвойных команд сократилось до 8. 18 июня 1899 г. Иркутский военный округ был упразднен, а территория передана во вновь образованный Сибирский военный округ с центром в Омске.

12 мая 1906 г. Иркутский военный округ восстановлен в границах 1885 г. с прибавлением Забайкальской области. С расширением границ округу подчинена и Читинская местная команда. В 1906–1914 гг. в округе дислоцировались 2-й Сибирский и 3-й Сибирский армейские корпуса, 1-й Сибирский железнодорожный батальон, 7 местных и 10 конвойных команд, Читинская искровая станция, Сретенский дисциплинарный батальон и Иркутская дисциплинарная рота. Число местных команд в 1908 г. уменьшилось с 10 до 8 [1, с. 123; 8, л. 6]. Упразднены Ачинская, Канская, Нижнеудинская, но образована Бодайбинская. В 1909 г. упразднена Читинская команда.

Так реализовано правило, что местные команды содержались для внутренней службы в тех городах России, где не было расквартировано полевых войск. В Иркутской губернии из этого правила было одно исключение – Александровская местная команда в селе Александровское, из-за располагавшейся там каторжной тюрьмы.

В дополнение к конвойным командам местные команды несли конвойную службу при пересылке казенных транспортов и людей, следующих этапным порядком. Минусинская местная команда сыграла важную роль в подготовке присоединения Урянхайского края (Туву) к России [6]. Документы Государственного архива Иркутской области позволяют составить развернутое представление об офицерском составе и бытовых условиях местных команд.

Смотры Александровской местной команды

13–14 апреля 1912 г. временно исполняющий должность начальника Иркутской местной бригады генерал-лейтенант Бро-

нислав Игнатович Пиотровский «без предупреждения» произвел смотр Александровской местной команде. По его итогам генерал дал указания начальнику команды капитану И.А. Черниговскому словесно и в предписании от 14 апреля № 23. Общее впечатление изложено в приказе по бригаде № 45 от 29 апреля 1912 г.: «Занятия, как со старослужащими, так и с молодыми, ведутся согласно положения об обучении пехоты 1911 г. Обучение молодых солдат поставлено правильно и на смотре они представились по многим отделам обучения гораздо лучше, чем в остальных осмотренных мною в настоящем году командах бригады. Вид людей открытый, бодрый, веселый. Равнение, повороты, вздваивания рядов усвоены очень хорошо. Маршировка удовлетворительна. В бег еще не втянулись, скоро устанут и запыхаются. Ружейные приемы вполне усвоены, проделываются отчетливо и мягко. Взводное учение – хорошо.

Гимнастика: подготовительная и на машинах отлично. Ни в одной из команд бригады, осмотренных мною в настоящем году, гимнастика не поставлена так хорошо как в Александровской местной команде. Фехтования и уколы в чучело: усвоены, но еще нет отчетливости и ловкости.

Сведения, обязательные для каждого рядового, сборка и разборка винтовки – очень хорошо. Прикладка: прицеливание и подготовительные к стрельбе упражнения – хорошо.

Претензий никем не заявлено. Внутренний порядок поддерживается строгий. Все блестит чистотой, опрятностью и щеголеватостью. В сравнении с тем, какой я находил Александровскую местную бригаду во время моих предшествующих смотров, ее совершенно узнать нельзя, менее чем в год, она совершенно переменилась, к лучшему как в строевом и в хозяйственном отношении, так и в деле воспитания нижних чинов. Вместо плохо обученных глядящих исподлобья людей – ловкие, обученные, весело смотрящие солдаты. Пища отличная. Размещены теперь просторно, тогда как прежде люди были страшно скучены, обстановка была убогая, ветхая, теперь все новое: цейхгаузы, кухня, столовая выстроены новые просторные, вполне оборудованы, щеголеваты и снабжены всем необходимым и содержатся в отличном порядке.

Мундирной одежды хотя неполных три комплекта, но нижние чины одеты чисто опрятно. Только год тому назад ни цейх-

гаузы, ни столовая, ни кухня совсем не были оборудованы, ютились в тесных темных помещениях, содержались не опрятно и были совсем не оборудованы, что же касается мундирной одежды, то ее не хватало до полных двух комплектов и нижние чины ходили грязно и неряшливо одетыми.

Все это я отношу к заботливости и неустанной, не покладая рук, работе нового начальника команды капитана Черниговского, который в десять месяцев, благодаря своей энергии и честному и разумному отношению к делу, работе не за страх, а за совесть сумел из части необученной, плохо обставленной и нравственно не воспитанной создать вполне благоустроенную и всем обеспеченную команду, за что от лица службы и от себя лично объявляю ему мою глубокую благодарность» [2, л. 55].

29 мая 1912 г. приказом по Иркутской местной бригаде № 37 объявлено, что 4 апреля генерал-лейтенант Пиотровский назначен начальником Оренбургской местной бригады. 10 апреля Ялтинский уездный воинский начальник полковник Скрябин произведен в генерал-майоры с назначением начальником Иркутской местной бригады, но еще 4 мая числился в списках «ожидаемым к прибытию».

Отчеты о проводимых уже Скрябиным смотрах местных команд стали значительно подробнее и, в общем, более критичными. В приказах по бригаде результаты объявлялись не через 2 недели, а через 2 месяца: «С 12 по 15 октября 1912 г. мною были произведены смотры Александровской местной команды.

Команда представлялась в следующем составе: по списку 6 офицеров, 22 унтер-офицера, 455 рядовых, 7 нестроевых. В служебном наряде 1 офицер, 4 унтер-офицера, 78 рядовых, 1 нестроевой. Болеет 7 рядовых. Арестованных нет. В командировке 1 офицер, 1 унтер-офицер, 67 рядовых, 1 нестроевой. Налицо 4 офицера, 17 унтер-офицеров, 403 рядовых, 5 нестроевых.

Мундирная одежда еще не доведена в команде до полных трех комплектов, так как во время беспорядков в команде в 1905 г. бунтовавшие нижние чины частью сожгли мундирную одежду вместе с казармой и цейхгаузом, а частью разграбили. Бывшие же начальники недостаточно энергично заботились о пополнении мундирной одежды.

Казарменные помещения и внутренний порядок: по настоятельному требованию Начальника команды расквартирование

ее значительно улучшено постройкой новой казармы на 70 человек и отводом по найму частных домов на 60 человек, но за всем тем помещения недостаточно; необходима еще казарма на 120 человек, для помещения целой полуроты 2-го отделения, без дробления ее. Начальником команды уже предъявлено требование к тюремному начальству о постройке таковых, а равно и офицерских квартир в районе расположения команды. Все помещения содержатся чисто и опрятно.

На месте прежних деревянных кроватей, служивших рассадниками насекомых, с прошлого года настоянием начальника команды тюремное ведомство снабжает команду по мере производительности мастерских, топчанами на железных ножках, коих в настоящее время изготовлено до 300 штук. Шкафики (так в документе. – П. Н.) нижних чинов и их собственные ящики содержатся в порядке, но многие из шкафиков требуют ремонта.

Конвойная служба: из документальных данных команды видно, что с 1-го января по день смогра нижние чины команды сопроводили в Приленский край и Якутскую область пять арестантских партий численностью 922 человека. По селу Александровскому на внешних работах конвоировали 1660 человек и водили в тюремную церковь, окарауливали 24 050 человек, между тем, не только рядовые, но и унтер-офицеры отвечали настолько слабо, что можно заключить, что по этому уставу не занимались...» [2, л. 237].

Черниговский Иван Алексеевич родился 14 августа 1871 г., окончил Иркутское юнкерское училище по 2-му разряду, с февраля 1898 г. на действительной службе в офицерских чинах, с 1910 г. в чине капитана, с 12 мая 1911 г. исполнял должность начальника Александровской местной команды. Аттестован как «отличный, соответствующий должности» [3, 85, 87].

Смотр Киренской местной команды

12–13 сентября 1912 г. генерал-майор Скрыбин провел смотр Киренской местной команды и Управления Киренского уездного воинского начальника. Представлял их уездный воинский начальник подполковник Иван Варсонович Соболев.

Соболев родился 19 февраля 1860 г., окончил 3 класса Вологодской духовной семинарии и Московское пехотное юнкерское училище по 2-му разряду, в первом офицерском чине с ноября 1880 г. В 1910 г. выдержал при штабе 19-го армейского корпуса

испытания на должность уездного воинского начальника с отметкой «отлично», в чем Соболеву выдано свидетельство за № 9537. 26 февраля 1912 г. он «за отличие по службе» произведен в подполковники.

В последующей аттестации Соболев, 13 сентября 1913 г. назначенный Ачинским уездным воинским начальником, характеризовался следующим образом: «Обладает большим служебным опытом и относится к службе строго и требовательно. Быт офицера и солдат изучил прекрасно. Как воинский начальник исполняет свои обязанности хорошо, исполнительный и распорядительный. Вверенная ему местная команда, по предыдущей должности в городе Киренске, обучена строю очень хорошо, а стреляла отлично. Хороший хозяин. Характера ровного и прямодушного. Нравственности прекрасной, религиозен и безгранично предан Царю и Отечеству. В обществе общителен, тактичен, с гражданскими властями и городским управлением, в интересах своей части, способен установить и поддерживать нужные хорошие отношения. Трезвый, в азартные игры не играет. Физически вполне здоров. Умственно прекрасно развит, военным делом интересуется. Живет по средствам, заботлив в сохранении казенного интереса, уважаем подчиненными офицерами и любим нижними чинами. По строю выдающийся из начальников частей бригады. Воинский начальник пока хороший. Достоин выдвижения на должность уездного воинского начальника среднего разряда «вне очереди» (3 июля 1915 г. назначен Прилуцким уездным воинским начальником)» [3, л. 10].

Но вернемся к Киренской местной команде. В сентябре 1912 г. по списку она насчитывала 2 офицера и 204 нижних чина. Из них 10 солдат больны, 13 в командировке, 5 в отпусках, 20 в карауле. Налицо 2 офицера и 128 солдат.

«Стрельбище команды расположено в черте лагеря, так что на дальние дистанции можно стрелять, не выходя из лагеря, местность поднимается постепенно вверх, почему попадания от рикошета уменьшаются. Вообще оно вполне удобно за исключением отдаленности от зимних казарм и крайне трудной переправы через быструю реку Киренгу...» [2, л. 220].

Результаты стрельб. Подготовительная № 5: стреляли 20 человек 1-го года службы, выпустили 40 пуль, попали 9. 40 старослужащих выпустили 80 пуль, добившись 17 попаданий. Общий

процент 22. Упражнение № 1 боевой стрельбой: стреляло 60 человек, выпущено 290 пуль, 58 попаданий, итого 20 % – «хорошо». «Стрельба господ офицеров из винтовок упражнение № 3»: 2 человека выпустили 7 пуль, 4 попаданий, 58 % – «хорошо». Из револьверов 2 офицера выпустили 14 пуль, 7 попаданий. 1 фельдфебель, 6 пуль, 1 попадание – «ниже хорошего».

Заключение генерала по стрельбе: младшие офицеры, командовавшие во время смотра стрельбы сменами, умело руководили стрельбой; в особенности штабс-капитан Санжаренко (Дмитрий Никифорович, до назначения в Киренск в 1909 г. поручик 31-го пехотного Алексопольского полка в г. Пултуск) отличился выдержанностью и умением приспособляться. Недостаток одиночной подготовки, как доложил воинский начальник, произошел вследствие долгого отсутствия большинства нижних чинов, находившихся с марта месяца по август в командировке, причем на оставшихся легла всей тяжестью караульная служба. Но, во всяком случае, предлагаю начальнику команды с начала зимних занятий обратить на этот пробел полное внимание и наверстать упущенное...

После стрельбы команда в том же составе была представлена на строевой смотр. Вид людей бодрый, смотрят открыто, весело, голов не вешают, провожать глазами умеют. Выровнены: передняя шеренга – хорошо, задняя недостаточно чисто.

Ружейные приемы в общем проделали правильно и согласно, но от ноги на руку не энергично выбрасывают винтовку и не убирают правое плечо, в особенности задняя шеренга. При приеме «на плечо» тянут второй прием. Повороты и вздваивание рядов проделали правильно, но некоторые, особенно в задней шеренге, смешались.

Ротное учение: перестроения были проделаны правильно. В колоннах по шереножно равнялись хорошо, в затылок же недостаточно чисто. При выстраивании развернутого фронта из колонн разравнялись. Между взводами на ходу не соблюдалась дистанция. При движении шаг мал, нога ставится не энергично и на каблук такта не слышно.

Рассыпной строй. Для тактического учения был выделен один взвод, так как воинский начальник доложил, что рассыпным строем и тактическими учениями почти не занимались за отсутствием людей. Техника рассыпного строя нижними чина-

ми усвоена: рассыпание в цепь, движение цепи шагом перебежками и переползанием, атака и удар в штыки проделаны правильно, но обязанности одиночного бойца в цепи люди не знают и применяться к местности не умеют. Унтер-офицеры (взводные и отделенные) же к самостоятельному управлению цепью не приучены и своих обязанностей в цепи совершенно не знают: не умеют управлять огнем, выбирать позиций при наступлении и перебежках и не в состоянии решить ни одной самой пустячной тактической задачи. Так, во время производства повзводного учения были даны следующие задачи:

1) Противник открыл редкий огонь. Решение – перебежать всей цепью на 30 шагов вперед.

2) Начальник цепи убит. Никто из унтер-офицеров не знал, что нужно делать.

3) Противник отошел на 300 шагов назад и занял новую позицию, открыв с нее огонь. Начальник цепи не знал, что нужно делать и люди продолжали стрелять с прежним прицелом.

4) С правого нашего фланга в лесу показался небольшой разъезд противника. Начальник цепи завел всю цепь левым флангом, подставив тем самым свой левый фланг огню противника, и стал всей цепью обстреливать лес.

Дозоры высланы не были. После удара в штыки огонь по отступающему противнику открыт не был. Несмотря на то, что сначала по заданию противник находился в 1200 шагах, во все время учения и при дальнейшем сближении с противником прицел остался постоянный, ни начальник цепи, ни отделенные не догадались указать прицел. Вообще, видно, что как взводный, так и отделенный, совершенно не знакомы с управлением в цепи.

На смотру были проделаны упражнения подготовительной гимнастики без ружей и с ружьями, на машинах и полевая гимнастика. Все упражнения были проделаны правильно, но в исполнении упражнений мало лихости и стройности. Следует обязательно следить, чтобы унтер-офицеры приучались показывать и командовать упражнения на память.

Штыковой бой и фехтовальные приемы были проделаны быстро, правильно и согласно. Гимнастический городок уже пришел в ветхость, следует его временами обновлять и не допускать его разрушения. Сторожевая служба, самоокапывание и реше-

ние тактических задач на планах не проходились. Строевое обучение так же, как и обучение стрельбе, заставляет желать очень много, кроме неокончания летних занятий, самое исполнение пройденного должно быть более отчетливо и правильно.

Обмундированием команда вполне обеспечена. Кроме полных комплектов 3-х сроков мундиров и шаровар 2-х сроков шинелей имеются еще внесрочные шинели и мундиры. Чистота и опрятность: волосы на голове у всех острижены, белье и тело чистые - встречалось много прелых ног. Кресты есть у всех православных. Записные книжки в порядке, все полученное нижними чинами в книжки записано. Претензий никем заявлено не было.

Летом нынешнего (1912) года артельная лавка сгорела вместе с бывшими в ней товарами и до настоящего времени еще не возобновлена. Так как суммы позволяют приступить к заведению лавки, то предписываю постепенно довести ее до нормального устройства.

Библиотека: все издания согласно Циркуляра Главного Штаба 1908 г. за № 92 имеются. Каталог составлен правильно. Книга выдач имеется, но судя по записям в ней, нижние чины очень мало интересуются чтением, почти совсем ничего не читают.

Сведения обязательные для каждого рядового усвоены, но нижние чины объяснить не умеют: что такое знамя, солдат, присяга, отвечают наизусть по уставу, но объяснить не умеют. Сведения из устава гарнизонной службы усвоены сознательно. Сборку и разборку винтовки и название частей знают, с назначением частей не знакомы. Теоретические сведения из первой части наставления для обучения стрельбе совершенно не усвоены.

Обход помещений: лагерь – на возвышенном берегу Киренги. Из числа осмотренных мною лагерных расположений частей бригады лагерь Киренской местной команды особенно выделяется, как сухое вполне здоровое и красивое местоположение, отделенное совершенно от всякого городского соблазна широкой рекой. В лагерях имеется барак для одного офицера и строится еще один для другого офицера, почему надзор за нижними чинами обеспечен. Так как отлучки нижних чинов за шириной и быстротой реки невозможны. Все лагерные помещения хотя и заколоченные на зиму, видимо в совершенно в удовлетворитель-

ном состоянии. Если бы барак для нижних чинов мог вместить всю наличность команды, что при даровом лесе, впоследствии устранить этот недостаток постройкой другого барака вполне возможно.

Проверка хозяйственной отчетности: 1) хозяйственных сумм 199 руб. 59 коп. 2) разных капиталов а) Залог подрядчика Сокол 100 руб., б) залог подрядчика Гембард 25 руб. в) для оборудования сборного пункта 60 руб. 94 коп. г) солдатской лавки – 206 руб. д) на заведение теплой одежды 1054 руб. 18 коп е) пожертвовано нижними чинами на ротный образ 2 руб. 69 коп. ж) не выданного солдатского жалования 2 руб. 61 коп. 3) переходящих сумм 3162 руб. 20 коп. Итого 4813 руб. 21 коп. В Киренском казначействе по книжкам сберегательной кассы сумм команды за № 231/2229 – 550 руб., солдатской лавки № 2030/620 – 144 руб. 01 коп. и Управления за № 3092/620 – 50 руб.

Общее заключение по Киренской местной команде. «Воинский начальник он же начальник местной команды доложил мне, что большая часть команды очень долго была в командировке, поэтому он не мог закончить всей программы строевого образования и поставить его на должную высоту, соглашаюсь с этим, но не вполне. Одиночное образование по всем отделам во всяком случае могло быть поставлено как следует, так как старослужащие до марта месяца были все на лицо и хотя несли караульную службу, но все-таки имели достаточно времени, чтобы пройти одиночное обучение, конечно исключая рассыпного строя. Стрельба дробинками и подготовительные к стрельбе упражнения могли быть пройдены в совершенстве. Наконец, молодые солдаты были все время на лицо и срок их обучения уже истек. Поэтому не одна ограниченность времени была причиной неуспеха одиночного обучения. Конечно, начальник команды, кроме строевых обязанностей, привлечен к исполнению обязанностей Воинского Начальника, каковые, вероятно, не так уж обширны, так как запас нижних чинов очень незначителен, поэтому при известной сосредоточенности в занятиях, вниманию к мелочам и усердию можно и здесь все привести в порядок, на что я очень надеюсь и о чем прошу Воинского Начальника. Собственно деятельность Управления Воинского Начальника не могла быть обривизована за неимением времени,

почему прошу Воинского Начальника обратить внимание» [2, л. 226–231].

Сохранилась и составленная подполковником Соболевым аттестация 1912 г. на штабс-капитана Леонида Сергеевича Ушакова – младшего офицера Киренском местной команды с 3 июня 1908 г. Родился 1 августа 1878 г., окончил курсы в Ярославской военной школе и в Одесском пехотном юнкерском училище по 2-му разряду, участник русско-японской войны 1904-1905 гг., ранен, награжден орденами святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, светло-бронзовой медалью с бантом. В 1911 г. временно исполнял должность Киренского уездного воинского начальника [2, л. 1]. «Службу знает, любит и интересуется ею. В исполнении своих обязанностей неумолим и сам требует этого от подчиненных. Здоровьем крепок, хотя был в последнюю войну тяжело ранен. Знает отлично хозяйство. Не пьет, не курит и в карты никогда в жизни не играл. При высоко честной натуре и при любви к Богу, Царю и Отечеству выдающийся офицер во всех отношениях. Способен, достоин и может командовать ротой или местной командой» [3, л. 15]. 5 июня 1912 г. высочайшим (т.е. царским) приказом штабс-капитан Ушаков переведен на службу в 30-й Сибирский стрелковый полк, в Красноярск.

Смотры Бодайбинской местной команды

После Киренска генерал-майор Скрябин провел смотры в Бодайбо. Представлял 16, 17 и 18 сентября 1912 г. местную команду исполняющий должность начальника штабс-капитан Петр Андреевич Лепин. 24 сентября он произведен в капитаны с утверждением в должности начальника команды [2, л. 198]. По списку в команде 2 офицера, 10 унтер-офицеров, 121 рядовой. В домашнем наряде 2 унтер-офицера и 27 рядовых, больны – 2 рядовых, в командировке – 4 унтер-офицера и 38 рядовых. Налицо 2 офицера, 6 унтер-офицеров, 54 рядовых.

Люди выглядели здоровыми, смотрят открыто, на приветствие отвечают громко и согласно, провожать глазами умеют, только некоторые вешают головы. Выравнены были хорошо. Ружейные приемы проделали недостаточно энергично. При приеме «на плечо» ходят корпусом и уклоняют голову от винтовки. Даже унтер-офицер (Коротких) этот прием проделал неудовлетворительно. При приеме «на руку» задняя шеренга боит-

ся сразу вскидывать винтовку в интервалы передней шеренги, отчего этот короткий прием тянут. При приеме «на молитву» разнообразно держат фуражки. По команде «пальба» люди задней шеренги толкались, приступая одни вправо, а другие влево. Прицелы ставились правильно. С равнением по вызванным вперед рядам не знакомы. Вдвигание рядов и повороты проделали хорошо, но при выстраивании нарушали чистоту равнения.

«Маршировка и бег: на ходу выправки не теряют, но ставят ногу на каблук, не все подают корпус за ногой и некоторые вешают головы. На ходу не держат правильных дистанций. По команде «бегом» не все взяли руки для бега. Бегут тяжело, показывают пятки, ворочают плечами. С бега на шаг переходят правильно.

Ротное учение: все команды для перестроений подавались правильно и исполнялись быстро. Люди в строю держали себя не совсем спокойно, шевелились, исправляя ошибки, и слышался шепот и разговор. Равнение по рядам сохранялось правильно, в затылок же, в большинстве случаев при перестроении равнялись плохо, несмотря на то, что при некоторых перестроениях, как, например, из развернутого фронта во взводную колонну люди, прежде поворота во фронт, очень долго топтались на месте, подравниваясь по впереди стоящим взводам. При прохождении рядами растягивают дистанции, а потому будучи повернуты во фронт разрываются...» [2, л. 227].

С фехтовальными приемами люди ознакомлены, но проделывают все мешкотно, не энергично, выпады слабы, правую ногу гнут. Движения проделывают крайне вяло, двойные шаги делать совсем не умеют. В чучело колют слабо, в намеченную точку попадать не умеют. Вольным боем совсем не занимались. Упражнения подготовительной гимнастики с ружьями и без ружей проделали правильно. На машинах упражнения все проделаны ловко и правильно, только некоторые лазают по наклонной лестнице не через ступеньку, а в каждую. Все препятствия на полевой гимнастике проделывались быстро и ловко. Сведения обязательные для каждого рядового только выучены наизусть по уставу, объяснить же своими словами никто не может, так например молитвы знают, но значения их передать не могут, а также понятия о знамени, о долге службы, солдате и присяге сбивчивы и туманны. Начальствующих лиц знают.

Заключение Скрябина по строевому отделу: «По докладу Начальника команды, начиная с марта месяца занятия не могли вестись правильно и систематически, вследствие постоянного отсутствия большинства людей, командированных на прииска и предоставлении остающихся людей ведению унтер-офицера, так как Начальник команды и офицеры должны были быть постоянно в разъездах, принимая в расчет тревожные события марта и апреля месяцев и последующее, до сентября месяца, тревожное положение. Конечно, при хорошем унтер-офицерском составе этот пробел не мог бы значительно отразиться на обучении нижних чинов, посему не ставя в вину Начальнику команды неудовлетворительное состояние строевого обучения, прошу его с настоящего времени обратить свое полное внимание на систематическое обучение нижних чинов, а в особенности на знание и правильное понятие унтер-офицерским составом их обязанностей, так как видимо они недостаточно усердно их исполняют и даже во многом нуждаются в лучшем знакомстве с уставами, что выразилось, как указано ниже и на исполнении караульной службы. Также в виду долгой командировки не могли быть пройдены целые отделы обучения, как например: подготовка к рассыпному строю, сторожевая служба, стрельба, решение тактических задач и саперные работы» [2, л. 229]. Претензий не заявлено...

Записные книжки имеются у всех нижних чинов, все получаемое нижними чинами в книжки записано, не записаны в книжки прямые начальники, выписки из журналов взысканий и число попавших пуль в стрельбе предыдущих годов, хотя в книжках издания Казанского военного округа графы для всего этого имеются. Предписываю постепенно заполнить этот пробел. Усмотрено, что у некоторых нижних чинов есть несоответствия получаемых документально денег (наградных, жалования и из дому) с наличностью, причем последняя превышает записи в книжках. Думаю, что упрек относительно частных поручений на приисках с вознаграждением за них имеет до некоторой степени место, в особенности между унтер-офицерами, опрошенные по этому поводу Начальник отряда на Надеждинском прииске и некоторые унтер-офицеры совершенно отрицали это и служащие приисков тоже заявили, что не знают ничего о привлечении командированных нижних чинов к вольным работам.

По заявлениям некоторых нижних чинов, действительно находящиеся в командировке нижние чины принимали частную работу и получали вознаграждение, но начальник команды, узнав об этом от мирового судьи, тотчас это прекратил. В этом факте вижу отклонение унтер-офицерского состава от их обязанностей.

Бодайбинская местная команда выставляет караулы: при городской тюрьме – 2 поста и при отделении банка два суточных и один ночной. При проверке караулов оказалось, что караульные нижние чины обоих караулов, не только часовые, но и разводящие, и караульные начальники весьма слабо ознакомлены со своими обязанностями...

На посту № 1-й разводящего пришлось вызывать звонком, пока он пришел, в продолжение 5-ти минут и явился он в расстерзанном виде, воротник расстегнут, галстук вылез и свободно болтается поверх воротника, сам был заспанный и не на один вопрос относительно своих обязанностей и обязанностей часового поста № 1-й ответить не мог. Караульный начальник в карауле при городской тюрьме караула не выстроил и с рапортом подошел только после напоминания ему об этом...

Караул из Бодайбинской местной команды на Надеждинском прииске с обязанностями своими более знаком, чем караулы в гор. Бодайбо. Люди были одеты чисто и опрятно и обязанности свои знали удовлетворительно. На опрос о занятии вольными работами отвечали отрицательно. Поведение их, по словам администрации приисков, вне всякого упрека, размещение и способ довольствия в отделе удовлетворительные. Караул состоит из 16 человек, окарауливает кладовую с золотом двумя постами.

«Указанные неисправности караульной службы вполне объяснимы тем, что, во-первых, при разводе караулов фельдфебель никогда не проверяет (статьи Устава гарнизонной службы) нижних чинов, а во-вторых, начальник команды и младший офицер редко проверяют караулы. При просмотре постовых ведомостей оказалось, что Начальником команды караулы проверялись только в январе месяце 4 раза, а младшим офицером в августе один раз, что особенно необходимо в переживаемое тревожное время» [2, л. 229].

Отчетность (дневник, книга о больных, приказы, постовые ведомости, погодные алфавиты, книга дежурного писаря, жур-

налы входящий, исходящий, взысканий) по строевой части в образцовом порядке, начальник команды знаком с ней в деталях, следит за ней очень внимательно. Хозяйственная отчетность (книга авансов, книжки каптернамуса, денежный журнал и т.д.) ведется правильно. Хозяйственных сумм, разных капиталов и переходящих сумм в команде 10 525 руб. 82 коп.

Общее заключение по Бодайбинской местной команде: «Ослабление жизни команды и отвлечения ее обязанностями чуждыми обыкновенному течению жизни воинской части, много вывели из обычной колеи, как нижних чинов, так и офицеров с Начальником команды во главе и заставили всех отвлечь свое внимание от систематической подготовки ведения занятий всех отраслей дела и повлекли конечно за собой, что по некоторым отраслям военного образования достигнуты не успешные результаты, чего вполне можно было ожидать, принимая во внимание знание дела, усердие и постоянное внимание начальника команды к своим обязанностям.

Напряженность и подавленность состояния духа с марта месяца мешали всем спокойно и сосредоточенно отнестись к устранению тех упущений, которые сам Начальник видел и сознавал. Вполне понимая указанные причины, тем не менее, вижу необходимость более продуктивной работы над воспитанием духа команды, так как она, как и всякая другая военная часть, предназначается для деятельности в тревожное и опасное время, а не для спокойной работы при мирной обстановке. Поэтому нервность и потеря самообладания и хладнокровья вообще неуместны и поэтому прошу начальника команды обратить внимание именно на воспитание военного духа в команде, приучить ее к строгому и беспрекословному исполнению требований начальника даже в самую критическую минуту, не поддаваясь ни страху, ни гуманному состраданию, когда момент требует полной твердости и выражения прочих военных доблестей. В деле 4-го апреля при выполнении возложенных на команду обязанностей при обстоятельствах очень не благоприятных и действующих на нервную систему, реально выразился этот недостаток самообладания чинов команды при исполнении команды начальника для залпов, повлекший одновременное исполнение и тревожную стрельбу, похожую на стрельбу пачками, что конечно могло, с одной стороны, умалить впечатления залпа на

толпу, а с другой стороны, увеличило непроизводительно число жертв. Подобное срывание залпов я заметил и в других командах при обстоятельствах несколько сходных с настоящим, например, после производства атак. Это я отношу к недостатку обучения нижних чинов и к тому, что они в необходимую минуту не находятся всецело в подчинении начальника. На это обращаю внимание всех начальников. Вообще надеюсь, что при таких данных, которыми обладает начальник Бодайбинской местной команды, указанные в сем приказе упущения и недостатки будут совершенно устранены. Советую ему свою работу больше разделять между подчиненными ему начальствующими лицами, в особенности между офицерами и фельдфебелем...» [2, л. 230 об. – 231].

Дополним приведенные «зарисовки военного быта» характеристиками офицеров Иркутской местной бригады. Например, командир 3-й роты Сретенского дисциплинарного батальона капитан Николай Цедровский. Родился 21 декабря 1874 г., окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище по 2-му разряду, в первом офицерском чине с марта 1900 г., участник Русско-японской войны, награжден орденом святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Рота Цедровского была прикомандирована к Иркутской дисциплинарной роте, начальник которой подполковник Константин Черепанов писал: «(Цедровский), состоя в прикомандировании к роте с января 1913 г. и заведывая военно-тюремным отделением и мастерскими, немало вложил труда и энергии по надзору за ними, в особенности за работами в мастерских, благодаря чему увеличился заработок в мастерских за принимаемые частные заказы. Службу знает и любит. К подчиненным требователен, беспристрастен и справедлив. Нужды солдата и его жизнь знает. Придерживается законности. К обязанностям службы относится добросовестно. Интересы казны соблюдает. Службу в дисциплинарной части знает хорошо. Физически здоров, труды походной жизни переносить может. Умственных способностей хороших, следит за развитием военного дела и интересуется литературой, как общей, так и частной. Трудолюбив. Вино пьет умеренно. В карты не играет. Совместно с женой не живет, но по отношению к сыну – хороший отец. В потребностях жизни очень умерен. Образ жизни ведет скромный. Характера ровного, несколько нервен, любит

участвовать в товарищеских увеселительных компаниях; в обществе не всегда воздержан на язык. В общении с офицерами-товарищами несколько заносчив, но умеет поддерживать с ними хорошие отношения. Не имея собственных средств, живет только жалованием, как в своих, так и казенных денежных делах аккуратен. Ротное хозяйство знает. Как строевой офицер вполне подготовлен к командованию ротой не только в дисциплинарной части, но и во всякой строевой. Хороший. Вполне соответствует должности командира роты» [3, л. 118].

Некоторые офицеры удостаивались выговоров, как например 14 июня 1912 г. начальник Енисейской местной команды штабс-капитан Волокитин Николай: «При рассмотрении отчетов по довольствию новобранцев призыва 1911 г., проходивших через управления воинских начальников и местные команды вверенной мне бригады усматривается, что довольствие было организовано на сборных пунктах горячей пищей с выдачей $\frac{3}{4}$ фунта мяса на человека, за исключением Енисейской местной команды, где каждому новобранцу выдавалось по 1 $\frac{1}{4}$ фунта мяса в день. Начальник команды объяснил это тем, что приказом бригаде 1906 г. за № 188 § 4 требуется не заботиться об экономии, а только о возможно лучшем качестве пищи. Такое объяснение штабс-капитана Волокитина неправильно, так как приказом бригаде 1906 г. за № 188 § 4 хотя и требуется не заботиться об экономии, но в том же приказе и указано, чтобы мяса на каждого человека вкладывать в котел только до $\frac{3}{4}$ фунта, а для того, чтобы пища была вкуснее, то варку пищи производить один раз в день с указанным количеством мяса с таким расчетом, чтобы суп оставался на ужин. Предписываю штабс-капитану Волокитину впредь довольствие всех нижних чинов производить строго по положению, так как при повторении подобных случаев излишне выдаваемые продукты будут обращены на его счет» [2, л. 93].

Реакция от 12 апреля 1912 г. начальника Иркутской местной бригады: «Из представленного Красноярским уездным воинским начальником дознания усматриваю, что прикомандированный к Енисейской местной команде подпоручик 30-го Сибирского стрелкового полка Кузьмин (Борис Иванович) во время ротного учения позволил себе поправлять нижних чинов руками и некоторых из них толкал рукой и шашкой, а двух-

трех слегка ударил рукой по голове. Такое незаконное деяние подпоручика Кузьмина предусматриваются статьей 185 книги XXII Свода военных положений 1869 г. издание 3-е. Принимая во внимание ревностную службу подпоручика Кузьмина и то, что эти незаконные действия были вызваны нерадением нижних чинов при обучении их строю, несмотря на неоднократные напоминания и поправки на словах, что вызвало раздражение подпоручика Кузьмина и он, без всякой злобы, и не желая причинить нижним чинам боль, а лишь только из желания заставить нижних чинов к обучению относиться более внимательно и старательно, позволил себе вышеуказанные действия, за что я на этот раз ограничиваюсь наложением на него дисциплинарного взыскания и арестовываю подпоручика Кузьмина домашним арестом на двое суток без исполнения служебных обязанностей и вместе с тем предупреждаю, что при повторении подобных незаконных действий, он будет привлечен к более строгой ответственности, указанной в той же 185 статье XXII книги. Вместе с этим из переписки по сему делу усматриваю, что исполняющий должность Красноярского уездного воинского начальника капитан Лаский (Владимир Северинович), получив 14-го февраля сего года (1912 г.) донесение начальника Енисейской местной команды о жалобе нижних чинов на подпоручика Кузьмина, не только не сделал в пределах предоставленной ему власти (статья 266 книги III Свода военных положений) никакого распоряжения, а возвратил переписку назад с приказанием, чтобы нижние чины указанную жалобу заявили мне на инспекторском смотре. Такие действия равносильны бездействию власти, за что капитану Ласкому и объявляю выговор» [2, л. 48].

За правонарушения офицеры привлекались к ответственности. Так, 17 июля 1912 г. приказом по Иркутской местной бригаде «объявляется копия приговора Иркутского военно-окружного суда, вошедшего в законную силу 6 июля 1912 г. по делу о бывшем заведывающем пересыльной частью при управлении Читинского воинского начальника штабс-капитане Александре Михайловиче Козачинском... (Козачинский) будучи в 1908 г. делопроизводителем управления Верхнеуральского уездного воинского начальника и получив по этой должности 21 руб. для отправления наследникам умершего рядового Верхнеуральской местной команды Сайфульмулюкова, деньги эти присвоил и об-

ратил в свою пользу... Покупая швейную машину для команд, приобрел ее на свое имя... Исполнительные листы подшил в несоответствующее дело... (Злоупотребления) остались необнаруженными до производства предварительного следствия... Приговор - лишить дворянства, чинов, орденов, отдать в исправительные арестантские отделения на один год, с зачетом в срок сего наказания 7 месяцев из времени, проведенного им под предварительным арестом с 21 декабря 1910 г. (Присвоенные средства) взыскать в пользу казны. А в случае его несостоятельности к уплате денег... Взыскание таковых согласно 236 статьи XXII книги Свода военных положений обратить на начальников осужденного или лиц, имевших за ним надзор, если они окажутся виновными в упущении обязанностей, на них именно по закону возложенных при освидетельствовании, хранении и обрядах для приема и отправления казенных денежных сумм, вещей и денежного довольствия» [2, л. 48, 75 об. – 76, 108–113].

Приказ по Иркутской местной бригаде № 52 от 16 мая 1912 г. «§ 3 Подполковник 19-го Сибирского стрелкового полка Кизневич (Петр Иванович) рапортом от 8-го сего мая за № 4077 донес, что при приеме им денежных сумм и имущества Управления Читинского воинского начальника от временно исполняющего должность его начальника подполковника 15-го Сибирского стрелкового полка Смогоржевского (Евгения Григорьевича) в денежном ящике не оказалось деньгами 4597 руб. 15 коп. и не оправдано по статьям денежного журнала 779 руб. 90 коп. а всего 5377 руб. 5 коп. Так как за эту растрату казенных денежных сумм подполковник Смогоржевский подлежит преданию суду, согласно статьи 232 книги XXII Свода военных положений издания 1910 г., то мерой пресечения способов уклониться от следствия суда избираю ему на основании статьи 470 устава военно-судебного содержания под арестом на Читинской гарнизонной гауптвахте... Смогоржевский сам исполнял обязанности казначея, сам получал и вскрывал почту, сам получал и расходовал деньги и хранил у себя казенные печати. Однако заведывать хозяйственной частью в управлении воинского начальника должны обер-офицеры, где таковых не положено – заведывающие пересылкой частью, и только где совершенно нет офицеров – воинские начальники совмещают в себе права и обязанности заведывающего хозяйством [2, л. 81].

Местные команды в Восточной Сибири были расформированы в начале 1918 г. В 1919 г. в пунктах, где они размещались, белыми были вновь образованы местные батальоны, команды и роты [9, л. 13–23], окончательно упраздненные после поражения колчаковских войск в начале 1920 г.

Список литературы и источников

1. Вольский З. Вся Сибирь. Справочная книга. СПб., 1908.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 559. Оп. 1. Д. 25.
3. ГАИО. Ф. 559. Оп. 1. Д. 140.
4. ГАИО. Ф. 559. Оп. 1. Д. 144.
5. Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002.
6. Новиков П.А. В поисках пограничных знаков: из быта воинских команд // Родина. 2014. № 7. С. 40–43.
7. Новиков П.А. Развитие местных войск Восточной Сибири // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур / Сб. науч. трудов. Под ред. В.В. Черных. Иркутск: ФГОУ ВПО ВСИ МВД России, 2014. С. 101–108.
8. Российский государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 3. Д. 3554
9. Российский государственный Военный архив (РГВА). Ф. 39515. Оп. 1. Д. 332.
10. Штутман С.М. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России (1811–1917 гг.). М.: Газоил пресс, 2000.

Политическая ссылка XVII – начала XX в. и сибирское общество

УДК 908

Г.В. Булыгин

Политические ссыльные на территории Тайшета и Тайшетского района

В настоящей статье рассмотрены условия жизни и специфика работы политических ссыльных, находившихся с 1913 по 1917 г. в Тайшете и Тайшетском районе, а также их влияние на народные массы в предреволюционный период.

Ключевые слова: политическая ссылка, село Тайшет.

G.V. Bulygin

Political exiled in the territory of Taishet and Taishet district

In the present article living conditions and specifics of work of the political exiled who were from 1913 to 1917 in Taishet and the Taishet district and also their influence on a people at large during the prerevolutionary period are considered.

Keywords: political exile, village of Taishet.

В распоряжении автора имеется список, в который вошли имена 184 политических ссыльных, отбывавших срок наказания на территории Тайшетского района и в населенных пунктах, граничащих с ним [1].

Григорий Карпович Дисков, арестованный в 1909 году по распоряжению Тбилисского жандармского управления за участие

в подпольной организации «Союз рабочих на закавказских железных дорогах», был приговорен 25 ноября 1910 года Кавказским военно-окружным судом к шести годам каторжных работ за участие в сообществе, поставившем своей целью свержение законной власти в России с заменой ее народовластием.

В 1916 году, закончив срок каторжных работ, по распоряжению Главного тюремного управления, Дисков вместе с товарищем по процессу был водворен на вечное поселение в Енисейскую губернию. В своих воспоминаниях Григорий Карпович Дисков описывает первые дни пребывания в ссылке следующим образом:

«Этапным порядком добрались до таежной деревни Ондрино, состоявшей из 14 дворов, расположенной на берегу реки Чуна. Наш сопровождающий сдал нас по накладной ондринскому старосте. Староста расписался в получении двух ссыльнопоселенцев и объявил: «Ну, а теперь можете в пределах волости идти куда угодно». Вышли мы с товарищем однопроцессником, Степановым Николаем Александровичем, от старосты на улицу, покрытую глубоким снегом, и очутились в снегу выше колен, обутые в рваные каторжные чиривики, на ногах носки из холста, легко вздохнули, наступила радость. Мы были готовы от радости барахтаться в снегу. Наконец-то мы на воле, семь с половиной лет тяжких испытаний в тюрьмах ушли в вечность. Мы стоим одни на улице, без тюремных надзирателей, без окриков, без команды: «Шагом марш!», «Не оглядывайсь!», «Не смотри по сторонам!», «Не брякай кандалами!», «Не разговаривать!», «Смирно!» и прочее. Да, радость была великая! Однако наряду с радостью, невольно перед нами встал вопрос: «Куда идти? Кто нас пустит?» Сутки не ели, ослабли, устали, ни копейки за душой, каторжная одежда внешне изуродовала нас до ужаса, а проходящие крестьяне, женщины и подростки, искоса поглядывая на нас, вслух произносят: «Посельга». Подошли двое чунарей-мужчин узнать, не продаем ли мы каторжные халаты... Вот так нас встретили чунари...

По пути следования к месту ссылки, в деревне Филькино, случайно встретились с бывшим каторжанином, Николаем Павловым, прибывшим сюда на вечное поселение на год раньше. Прощаясь, Павлов, как уже старый поселенец, сказал: «Если не будет работы в Ондрино, приходите в Филькино, здесь вместе

будем ходить в тайгу, валить сосны и пилить дрова для крестьян».

Постояв немного на улице деревни Ондрино около хаты старосты, подумав, решили брести гуськом по узкой заснеженной тропе в деревню Филькино к товарищу Павлову. При пустом желудке трудновато было идти по заснеженной дорожке. Наконец добрались, было уже затемно. Нашли товарища Павлова. Снова радость, разговоры, воспоминания о каторге. Никто не мешает, нет и тюремных надзирателей, часовых с винтовками. Нет и подслушивающих. Павлов сварил картошку, вдоволь нарезав хлеба, здорово накормил нас. Поговорив, мы заснули богатырским сном. Рано утром он повел нас в тайгу заготавливать дрова на условиях, что крестьянин, принявший от нас дрова, сложенные в штабеля, уплатит нам по 10 копеек за 1 кубометр. Так мы работали 3 недели, а затем, совершенно неожиданно, я получил от ссыльного товарища Харченко Ивана записку, в которой он предлагал немедленно приехать в деревню Шиткино для организации общества потребителей и дальнейшей работы в нем. Сам товарищ Харченко в обществе уже работал. С приездом в Шиткино, 30 апреля 1916 года, я сразу приступил к работе.

Прибыв в ссылку в Неванскую волость бывшей Енисейской губернии (Красноярский край), я встретился с товарищами, поселенными на год-два раньше меня. Это были Банкович Ян Эрнестович, Грауве Эрнест, Граве Анна, Колос, Богданов, Нилндер, Слисский Митрофан Сергеевич, Прохоров Илья Михайлович, Валдаев Павел Романович, Харченко Иван, Харченко Мария Алексеевна и Норенков Иван Федосеевич.

Необходимо заметить, что независимо от идеологических взглядов, большевики, меньшевики, эсеры или анархисты – политссылные между собой жили дружно, материально и морально друг друга поддерживали, делились последним. В силу жизненных обстоятельств, все ссыльные, за исключением отдельных лиц, не имея ни гроша за душой, работали. Одни работали у крестьян-чалдонов (старожилов) батраками, другие занимались промыслом: ходили в тайгу собирать кедровые орехи, третьи промышляли пушнину (и то и другое для ссыльных было очень затруднительным по незнанию этого рода промысла), четвертые неофициально работали помощниками волостных писа-

рей, а некоторые, по просьбе крестьян, работали в кооперации. В среде политической ссылки существовал неписанный закон: по возможности идти на работу в потребительские общества и кредитные товарищества. Это были удобные общественные организации на селе, где, ежедневно сталкиваясь с основной массой крестьян по множественным вопросам работы общественной организации, можно было завоевать симпатию и доверие крестьян к политической ссылке. К тому же общество потребителей и кредитное товарищество для крестьян было местом отдыха. Отработав по хозяйству и двору, правление вечером в полном составе шло в потребиловку, чтобы узнать от приказчика (он же бухгалтер, и сторож, и докладчик) о результатах работы лавки за день, а крестьяне шли для того, чтобы покалякать о том о сем. Простые, непринужденные беседы имели место в лавке каждый день, будь то рабочий день или праздничный, и эти беседы затягивались до поздней ночи. Такого рода беседы представляли большой интерес, и рабочий день работающего в потребиловке политссылного, как правило, затягивался на 18–19 часов. Крестьяне, в большинстве случаев, задавали ему множество вопросов, и на них надо было отвечать, тем более это было в период первой империалистической войны. Работая в потребиловке на трех должностях: сторожем, приказчиком и бухгалтером, я, например, получал три рубля в месяц. Так же получали и другие товарищи, работавшие в кредитных товариществах и потребительских обществах в соседних деревнях, а за крынку (около 2-х литров) молока я платил крестьянкам 5 копеек и за буханку хлеба также 5 копеек, а чтоб сэкономить на папиросы, молоко приходилось покупать через день. В первые дни, так сказать, в начале организации потребиловки, правление заявило: «Ты, паря, работай месяцев шесть, а затем мы проверим тебя, сделаем учет. Если у тебя будет все в порядке, то будешь больше получать». Вот так и работал, а через полгода сделали учет. Результаты учета оказались хорошими, просчетов и растраты не было. Такой результат учета, или как они говорят – ревизии, их обрадовал. С этого дня я почувствовал к себе со стороны правления и крестьян большее доверие и душевную теплоту, многие из крестьян, обращая ко мне, стали называть Григорием Карповичем, а не просто «паря», как это имело место прежде. После учета правление сделало мне прибавку.

Я стал получать 6 рублей в месяц и имел возможность купить себе сатину на рубашку и, таким образом, внешне принял человеческий вид, а до этого ходил и работал в каторжной рубахе и продолжал иметь вид каторжного...

Организовывая общества потребителей и работая в них по просьбе крестьян, политическая ссылка ставила себе цель оторвать крестьянство от местного купца-просола, сгруппировать его вокруг своего общества потребителей и кредитного товарищества. Кроме того, стояла задача научить крестьян управлять своей общественной организацией самостоятельно, создать из среды крестьян свои сельские кадры приказчиков, продавцов и товароведов, бухгалтеров, ревизоров-контролеров, а также организаторов по культурно-массовой работе в деревне и хороших правленцев. Поставленная задача политической ссылкой в значительной степени была достигнута, хотя и с большими трудностями, так как сами политссылные находились в весьма тяжелых условиях: отсутствие средств на самое необходимое для существования, даже на рубашку, хотя бы из самого дешевого ситца, постоянное недоедание, отсутствие газет и книг, постоянный контроль полицейского надзирателя» [2].

Рассказывая о «больших трудностях» и «тяжелых условиях», вероятно, Г.К. Дисков был не до конца искренним. С трудом верится в то, что люди, создавшие сеть потребительской кооперации, способную составить конкуренцию местному купечеству на значительной территории, постоянно не доедали и не имели средств на самую дешевую рубаху.

В среде тайшетских политических ссыльных, принимавших активное участие в создании «потребилочки», особое место занимал политссылный из рабочих-слесарей Слисский Митрофан Сергеевич. По своим убеждениям до Октябрьской революции 1917 года Митрофан Сергеевич был меньшевиком, однако позже стал членом партии большевиков. В 1915–1916 годах Слисский, по просьбе нижнезаимских крестьян, создал общество потребителей, которое к концу 1916 года стало образцом для Шиткинского, Бузыккановского, Бунбуйского и Выдринского обществ, а сам М.С. Слисский являлся для этих обществ инструктором и советником. В это же время он обосновал экономическую необходимость организации отделения Енисейского Губсоюза кооператоров в селе Тайшет и впоследствии стал одним из главных

организаторов этого общества. В 1917 году, на губернском съезде, М.С. Слиский был избран членом правления по Тайшетскому отделению.

После организации отделения Губсоюза роль и авторитет Тайшетской волости возросли в несколько раз. Село Тайшет стало фактически районным центром. В Тайшете Слиский проработал до сентября 1918 года, а затем он переехал в Канск, где работал председателем правления Канского отделения Губсоюза. За полтора года работы в Тайшете, он, как хороший организатор, очень много сделал для Тайшетского района в целом. При его активном участии была организована сеть обществ потребителей, ликвидированы многочисленные купеческие лавки, усложнилась работа просолов и скупщиков пушнины у крестьян. При его активном участии в районе была организована культурно-массовая работа [3].

Уроженка села Бунбуйского, Рукосуева Ефросинья Федоровна, двоюродная сестра неванского купца Рукосуева Ивана Папиловича, вышедшая замуж в 1923 году за бывшего политического ссыльного Тийса Вильгельма Жановича, в беседе с журналистом-краеведом Адольфом Юрьевичем Черневским рассказала о том, что в Неванской волости, где прошло её детство, было много ссыльных. Местное население делило их на два типа: богатых и интеллигентных, которых называли либералами (они не работали, получали хорошие посылки и средства) и неимущих – эсеров и большевиков.

До 1917 года все они жили дружно, а в 1917 стали расходиться и спорить по политическим вопросам.

О своем бывшем муже, Тийсе Вильгельме Жановиче, сосланном в Восточную Сибирь за пропаганду и революционную деятельность, она рассказала, что он был человек мастеровой: кузнец, слесарь и механик. В селе Большая Мамырь, где он отбывал ссылку, крестьяне, узнав об этом, тут же поставили столбы, и Тийс стал ковать лошадей. Когда его перевели на поселение в Тайшет, он оборудовал свою слесарню и стал изготавливать железные банки, бидончики для керосина, ремонтировать самовары, телеги и другую утварь. У него было много политической и художественной литературы на русском языке: Толстой, Горький и другие, а также журналы «Нива» и «Родина» [4].

С 1913 года в ссылке в Тайшете находился Кравков Максимилиан Алексеевич. Ранее, с 1904 года, он тесно взаимодействовал с рязанской организацией РСДРП и в начале 1908 года, совместно со студентами Быстровзоровым, Орловым и провизором Бабковым, им была создана автономная боевая группа, поставившая себе задачу: организовать покушение на московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана.

Во время студенческих каникул, в июле 1908 года, М.А. Кравков был арестован в рязанском доме своего дяди, Василия Павловича Кравкова. При обыске была обнаружена оборудованная им в подвале подпольная лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ. В 1909 году Московский военно-окружной суд признал М.А. Кравкова «виновным в хранении взрывчатых веществ и разрывных снарядов» и осудил на 5 лет одиночного тюремного заключения, 2 из которых он провел в кандалах в Московской губернской уголовной (Таганской) тюрьме.

В 1913 году М.А. Кравков был выслан на поселение в село Тайшет. Находясь в ссылке, он занимался научными исследованиями, собирал материалы для естественнонаучных коллекций Санкт-Петербургского и Харьковского университетов. Тогда же он начал заниматься литературным творчеством. В 1916 году два его рассказа были напечатаны в журнале «Охотничий вестник».

В Тайшете Максимилиан Кравков проживал вплоть до Февральской революции 1917 года. После амнистии, состоявшейся в марте 1917 года, Кравков вступил в Союз социалистов-революционеров-максималистов, был избран членом Тайшетского исполкома и делегирован на уездный съезд в Нижнеудинск. Там состоялось его избрание представителем от Нижнеудинского уезда в губернский исполком в Иркутске, где он стал членом комиссии по земским делам. После Октябрьской революции 1917 года, деятельность земств была прекращена, и Максимилиан Кравков возвратился в Тайшет, где вернулся к научной работе [5].

Из наиболее известных представителей партии большевиков, находившихся в ссылке в Тайшете и Тайшетском районе, был Иван Адольфович Теодорович, прибывший сюда в 1913 году на вечное поселение после окончания срока каторжных работ. В Тайшете Теодорович возглавил группу политссыльных боль-

шевиков, при поддержке которых проводил антивоенную пропаганду. Существует мнение, что большая часть нелегальной литературы, посылаемой издательством «Правда» на станцию Тайшет, предназначалась И.А.Теодоровичу, поскольку другого такого высокообразованного марксиста-ленинца в тайшетской ссылке на тот момент не было.

В донесении пристава 1 стана Нижнеудинского уезда Буртякова от 8 ноября 1914 года начальнику Иркутского губернского жандармского управления об организации политическими ссылными в селе Тайшет «Общества физического развития и устройства культурных развлечений» говорится:

«С водворением в село Тайшет политических ссыльных: Ивана Теодоровича, Максимилиана Кравкова, Ивана Кириевского, Михаила Годнева, Адольфа Добровольского, Анатолия Филиевича, Емельяна Дыхгаря и Веры Сабанеевой – местная интеллигенция, сочувственно расположенная к последним, стала объединяться. Для более удобной и активной совместной работы они начали проводить политических ссыльных в «Общество физического развития и устройства культурных развлечений». Особенно усиленно ссыльные посещали еженедельно устраиваемые так называемые «субботники», и на таковые посторонние посетители тщательно фильтровались, и «чужие» не допускались. Так, например, был такой случай: местный мировой судья, Павел Дмитриевич Гагаринов, как-то высказал свое желание председателю правления общества, врачу Захвалинскому, прийти на субботник. Захвалинский и его жена категорически заявили, что нельзя, так как он де не состоит в членах общества. Но в это же время тем же Захвалинским отдается распоряжение дежурным членам общества, в присутствии жены начальника станции Тайшет, Варвары Васильевны Донченко, беспрепятственно пропускать всех политических ссыльных и не брать с них входных денег, хотя ни один из них в обществе не состоял и не мог состоять и как гость тоже входить не мог.

В читальне-библиотеке общества политические ссыльные прямо-таки были своими людьми и не выходили из нее, и на протест заведующего библиотекой, ветеринарного врача Василия Ивановича Андреева, Захвалинский заявил, что им разрешено, и они имеют право посещать читальню и библиотеку, каковая, разумеется, снабжена исключительно левыми изданиями...»

Далее пристав сообщает, что с объявлением мобилизации, жизнь сознательных товарищей оживилась, и всех их, то есть Теодоровича, Годнева, Кравкова, Киреевского, Дзыгаря, Сабаневу, потом вновь прибывших политических ссыльных Вельгельма Тийса, Таубе, Каминера, Ицку Липского, Николая Батанова и Веру Винокур можно всегда было видеть в среде запасных, проходивших через Тайшет. О чем они говорят – неизвестно, так как держат себя очень осторожно и тотчас же отходят, как заметят новое незнакомое лицо.

В настроении их проскакивает мысль, что им недолго осталось быть ссыльными – может быть и на их стороне праздник. Особой деятельностью упомянутые лица не выделяются, но представляют сплошную организацию, которая при более благоприятных для них условиях может развить свою деятельность до больших размеров.

По агентурным сведениям, существует будто бы небольшая библиотечка, которая ходит по рукам» [6].

В этом же донесении пристав высказывает опасение относительно того, что политический ссыльный Емельян Алексеевич Дзыгарь, устроился в Тайшете в качестве письмоводителя у заведующего Тайшетским подрайоном, что, конечно, нежелательно и не должно быть допущено, так как у заведующего подрайоном, как и у всех административных чиновников, получают секретные бумаги и содержание их через письмоводителя Дзыгаря, безусловно, будет известно вышеозначенной организации.

Работая в отделениях потребительской кооперации и находясь в непосредственной близости с представителями тайшетской интеллигенции, политические ссыльные, будучи людьми образованными, могли беспрепятственно влиять на народные массы.

Действия пристава подверглись критике со стороны общественности и осуждались на страницах газеты «Сибирская жизнь» № 85 от 24 апреля 1914 года:

«...Не так давно был случай в Тайшете Нижнеудинского уезда, становой пристав обратил внимание, что местное общество народных развлечений не выписывает «Нового Времени» для своей библиотеки. Когда ему было заявлено, что нет желающих читать эту газету, в дело вмешивается жена станового, вдруг

изъявившая читать «Новое Время». Желание свое она мотивировала тем, что в этой газете «печать крупная и удобная для чтения»... Предложение пристава успеха не имело. Тогда он усматривает «влияние» политических ссыльных на выписку левых газет и журналов и делает распоряжение о воспрещении ссыльным посещать библиотеку и вообще пользоваться книгами и газетами. Сообщил даже и железнодорожному начальству, чтоб ссыльные не посещали библиотеки (при ж. д.)» [7].

Находясь в ссылке в Тайшете, И.А.Теодорович снимал внаем у бывшего жандарма Жукова Егора Михайловича трехкомнатный особняк. В центре особняка была большая комната, в которой Теодорович давал уроки детям состоятельных жителей Тайшета. На занятия к нему ходило около 20 человек. Приходилось заниматься в две смены. В это время его жена, Глафира Ивановна, жила в Красноярске и работала преподавателем в гимназии. Каждую субботу она с сыном приезжала в Тайшет, а в воскресенье вечером уезжала обратно.

Давая уроки молодежи, Иван Адольфович смог привить им идеи большевизма. Одна из его учениц, комсомолка с 1920 года, Мария Шелехова, в небольшой газетной заметке, посвященной 50-летию Советской власти, рассказала о том, как они узнали от Теодоровича о Февральской революции.

«...В один из мартовских вечеров 1917 года мы с девочками собрались готовить уроки у Тани Белоусовой. К нам примчались знакомые мальчишки. Впопыхах они сообщили, что были у Ивана Адольфовича и узнали о том, что в России произошли большие события. Мы допытывались, может быть, амнистия политссыльных? – «Нет, – ответили нам, – еще значительнее – у нас революция!»

Всей группой мы прибежали к Ивану Адольфовичу. На квартире у него уже собрались друзья политссыльные. Что там только делалось! Друзья обнимались, целовались, радостно смеялись, спорили, плакали. Это был незабываемый час.

На другой день мы узнали о том, что Иван Адольфович ходил с группой политссыльных на собрание местной буржуазии разоблачать их замыслы против революции...» [8].

Близкий товарищ Теодоровича, политссыльный Евсеев Иван Михайлович, находившийся в Тайшете в 1916–1917 гг., описал

в своих воспоминаниях этот «поход на собрание местной буржуазии» следующим образом:

«Получив от знакомого телеграфиста радостную весть о падении самодержавия, Иван Адольфович, несмотря на позднее время, поспешил поделиться ею с товарищами. На следующий день, 1 марта, в его просторной квартире собралось около 30 политссыльных, чтобы обсудить создавшееся положение. В это время стало известно, что местный становой пристав Красовский получил секретное предписание от Нижнеудинского уездного исправника создать «Комитет спасения Родины» и что в игорном доме кабатчика Супруна уже собралась тайшетская буржуазия для создания такого комитета.

– Товарищи! Идем на штурм этого старорежимного логова! – призвал Теодорович. И политссыльные, все как один, пошли за ним.

Когда мы ворвались в зал, за большим столом сидело человек 15–20 с бледными испуганными лицами. Среди присутствующих находился инспектор народных училищ, поп и пристав.

Вся эта компания была разогнана, а на следующий день, 2 марта, политссыльные разъехались по селам, деревням и переселенческим участкам, чтобы сообщить о революции и созвать людей на волостной сход.

Игорный дом Супруна был объявлен Народным домом. Волостной сход, состоявшийся в этом доме, избрал Временный исполнительный комитет Тайшетской волости [9].»

Возглавили исполнительный комитет бывшие политссыльные Тийс и Кекул.

Так, в марте 1917 года «царская» политическая ссылка прекратила свое существование на территории Тайшетского района, и политссыльные, бывшие государственные преступники, сосланные на территорию Восточной Сибири на вечное поселение за особо тяжкие преступления, возглавили созданный исполнительный комитет.

Список источников и литературы

1. Бульгин Г.В. Гражданская война на территории Тайшетского района. Тайшет, 2014.
2. Рукопись воспоминаний Дискова Г.К. Архив автора.
3. Там же.
4. Воспоминания Тийс Е.Ф. Записаны 22. XII. 1962 г. Черневским А.Ю. Архив автора.

5. <http://kraeved.ngonb.ru/>. Горшенин А.В. Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области. 2007 г.
6. Копия документа со ссылкой на Иркутский партархив. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 335. Л. 4–7.
7. <http://libinfo.org/>. Газета «Сибирская жизнь» № 85 от 24 апреля 1914 г.
8. Шелехова М. Газета «Заря коммунизма». 11. IX. 1966 г.
9. Воспоминания Евсеева И.М. Архив автора.

УДК 94(57)

Н.К. Гоголева

Из истории якутской ссылки XVII – начала XX вв.

В статье отражены основные события из истории ссылки в Якутию с середины XVII века до марта 1917 года. Автор подробно рассматривает вклад ссыльных в развитие социально-экономической и культурной жизни местного населения.

Ключевые слова: Якутия, ссылка, ссыльные, государственная политика.

N. K. Gogoleva

From history of the Yakut reference XVII – the beginning of the 20th centuries

The main events from history of the exile to Yakutia from the middle of the 17th century till March, 1917 are reflected in article. The author in detail considers a contribution of exiled to development of social and economic and cultural life of local population.

Keywords: Yakutia, reference, exiled, state policy.

В истории Якутии середины XVII – начала XX в. ссылка занимала важное место. Исследователи XIX – начала XX веков называли Якутию «тюрьмой без решеток», советские историки – «каторжным мешком», а ученые постсоветского периода – «штрафным изолятором». Тем не менее, ссылка сыграла значительную роль не только в социально-экономическом направ-

лении, т. е. в заселении и хозяйственном освоении региона, но и в культурно-просветительском аспекте местных народов.

История якутской ссылки конца XVI – начала XX веков, несмотря на широкое освещение в российской историографии, не стала отдельным объектом комплексного и системного исследования. Многие академические и коллективные труды носят общеисторический и обзорный характер или же ограничены более узкой тематикой, а также идеологическими и временными рамками [1, 2, 13, 21, 22, 23, 24]. В данной работе, помимо крупных монографических исследований справочного характера [2, 3, 18, 19, 20, 25], главным образом, рассмотрены труды якутских историков постсоветского периода: П.Л. Казарян [4–11], И.Г. Макарова [12]. А также использованы архивные материалы и уникальный труд конца XIX – начала XX вв. первого летописца города П.П. Явловского в двух томах, опубликованный в 2002–2004 гг., основанный на подлинных документальных материалах, к сожалению, утраченных в результате пожаров или вывезенных из Якутии.

Общеизвестно, что ссылка – карательный инструмент воздействия государства на «неудобного» человека, а отдаленная и отсталая Якутия с суровым климатом являлась прекрасным регионом для этого рода наказания.

В уголовном законодательстве России в качестве репрессивной меры ссылка как таковая начала оформляться со второй половины XVI в. В 1563 г. в «Наказной памяти» уже предусматривалось принудительное перемещение людей в другие места «за шалость». Ссылка как самостоятельная мера наказания в уголовном законодательстве впервые появляется в дополнительном указе к судебнику 1550 г., изданном 12 марта 1582 г.: «... кто уличен будет в составе и в крамоле, и такого лихого человека казнити торгового казнью да сослати в козаки в украинные города, а поместья и отчины взяв роздати роду его» [19, с. 452]. Таким образом, указ от 12 марта 1582 г. стал первым законодательным оформлением ссылки, когда провинившегося человека высылали на службу в пограничные для России того времени города Севск и Курск, при этом все его имущество раздавалось родственникам [7, с. 12].

Первая половина XVII в. – это время присоединения новых земель за Уральским хребтом, и первостепенными задачами государства стали военное укрепление и хозяйственное освоение земель. Их решению послужило и принятие Соборного Уложения (1649 г.), которое закрепило смещение акцента института ссылки с карательной на поселенческие [7, с. 13–14]. Теперь законодательно было установлено два вида ссылки: направление на службу и высылка на жительство в Сибирь на Лену. Первая назначалась за служебные преступления, побег с места обязательного пребывания по отбытии наказания в тюрьме, второй подвергались посадские тяглые люди после наказания кнутом [19, с. 453].

Ссылка в Якутию началась с момента ее присоединения к Российскому государству. Ссылные на Ленском волоке находились уже в 1635 г. С 1642 г. в ссылку начали отправлять ежегодно, к 1650 г. в якутскую ссылку на «государеву службу» назначили 260 человек, которые «садились на пашню» – занимались земледелием, а также ремеслом. По данным Ф.Г. Сафронова, с 1640 по 1700 гг. было сослано 1150 человек, а с членами семей – 1880 человек [19, с. 469]. Ссылные XVII в. почти поголовно состояли из рядовых слоев населения, за исключением иностранных военнопленных. По характеру вины делились на уголовных и политических. К политическим Ф.Г. Сафронов отнес иностранцев, а также преступников против православной религии [19, с. 470], с чем мы не согласны, так как нами раскольники выделены в самостоятельную категорию ссылных.

В 1650–1670-х гг. на «государеву службу» в Якутск ссылали, главным образом, иностранцев (поляков, литовцев, немцев, шведов). Приписанные в служилые, ссылные собирали ясак, охраняли остроги и зимовья. Сосланным на пашню отводилась земля и выдавалась из казны ссуда. Их обязанностью было обеспечение пришлого населения продукцией сельского хозяйства. Ссылных приписывали в посад, к торгово-промышленному городскому населению. Занимаясь различными ремеслами, они платили налоги, торговые пошлины, несли натуральные повинности [19, с. 481–487].

XVII–XVIII вв. с целью колонизации в Сибирь ссылались лица для осуществления различного рода хозяйственной деятельности: на службу (на различные административно-хозяй-

ственные должности, в войско и т. д.); на пашню (для обработки земли и выращивания хлеба для казны) и в посад (с припиской для жительства в селениях, городах и т. д.). Обязанностью последних было несение натуральной повинности, выплата налогов, пошлин, т. е. обеспечение всем необходимым прибывающих людей [19, с. 475–480].

Существовала внесудебная ссылка, т. е. ссылка административная. Она применялась в отношении лиц, считавшихся политически неблагонадежными, или за деятельность, которая по судебным установлениям не являлась очевидным преступлением [11, с. 47]. Таким образом, административная ссылка применялась без суда и уголовного приговора, т. е. представляла собой административную меру. Вначале в Сибирь таким порядком ссылалось небольшое число людей. Но постепенно эта ссылка стала преобладать среди прочих видов принудительного удаления провинившихся, и число административно сосланных в Сибирь значительно превысило количество ссылаемых по суду.

Более массовая ссылка в административном порядке в Сибирь началась с выхода в 1729 г. указа «Об отсылке бродяг и беглых в солдаты или в ссылку в Сибирь». В 1736 г. кроме беглых крестьян и бродяг, негодных к службе, на поселение в Сибирь стали отправлять и «за порочное поведение» – беглых фабрично-заводских рабочих и их детей [12, с. 20–21].

Правительство было заинтересовано в колонизации обширных и удобных для хлебопашества земель Сибири. И в 1760 г. был издан указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, синодальных, монастырских, купеческих и государственных крестьян с зачетом их в рекруты и о платеже по нареченной в сем указе цене».

В 1870 г. утвержденные правила «Об административной высылке в Сибирь конокрадов и инородцев Оренбургского края и о порядке составления приговоров» стали основанием для массовой ссылки башкир и татар. Первая большая партия появилась в 1872 г. – 195 мужчин и 93 женщины, к 1878 г. их численность составила 1333 человека. Обустройство такого большого количества людей на местах, главным образом, в южных округах – Якутском, Олекминском и Вилуйском, вызвало недовольство среди местных жителей, т. к. по решению губернатора они были обязаны организовать пожертвования [10, с. 171–172].

Так, в 1874 г. якутами Сунтарского и Верхневилуйского улусов было собрано 30 лошадей и 72 коровы, не считая продуктов и денег. Такие пожертвования были ежегодными и стали тяжким бременем для местного населения. Сами же ссыльные вели праздный образ жизни, т. к. были незнакомы с земледелием, «...привыкшие к степной жизни, ленивы к труду и способны только к легкой наживе» [12, с. 71–74]. Основная масса ссыльных бедствовала и воровала, а к 1897 г. поселения ссыльных исчезли, оставив о себе дурную славу.

Принятые положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (1881) и правила «О местностях, объявляемых состоящими на военном положении» (1892) расширили систему административной ссылки [10, с. 58]. Благодаря этому, уже в 1881 г. численность административных среди общей массы ссыльных стала преобладающей – около 60 % [11, с. 103].

Таким образом, в XVII – первой половине XVIII века в якутскую ссылку отправляли в основном в целях военного укрепления и хозяйственного освоения, результатами этой политики стала массовая высылка в XIX в. в Якутию административно-ссыльных.

Со второй половины XVIII – начала XIX в. характер и численность ссылки претерпели значительные изменения – в составе ссыльных стали преобладать каторжане. Это было связано с отменой смертной казни в 1752 г., теперь каторга становится высшей мерой уголовного наказания [7, с. 34]. Каторжанина наказывали кнутом, вырезали ноздри, ставили на лбу букву «В», а на щеках – «О» и «Р». Отбывшим каторгу, назначали бессрочную ссылку (поселение), что считалось более легким наказанием [12, с. 18].

В Сибири учреждались каторжные тюрьмы (рудники, заводы, фабрики), куда назначалась значительная часть ссыльных. С 1770 года для решения хозяйственных проблем Якутско-Иркутского тракта, который был открыт официально в 1733 г. и сначала содержался якутами, практиковалось заселение его ссыльными, как из поселенцев, так и каторжными. С этого времени началось устройство почтовых станций. В 1743 г. между Витимом и Якутском работало 28 станций, к концу XVIII в. их образовалось уже 36, поселенцев в 1779 г. насчитывалось 306

человек. Ссылные ямщики не имели права на свободное передвижение и перемену места жительства [10, с. 130].

В 1731 г. был издан указ о строительстве морского порта в Охотске. Началось заселение и строительство тракта Якутск – Охотск штрафными жителями. В 1800 г. вышел указ об устройстве дороги от Якутска до устья р. Май и от урочища Нелькан до устья р. Алдомы, куда поместили 350 ссылных [26, с. 198].

Законодательным завершением становления системы ссылки как института наказания государства явился Устав о ссылных (1822 г.), разработанный М.М. Сперанским [7, с. 47–48]. Согласно Уставу, все ссылные люди делились на шесть категорий: Они были разделены на шесть категорий: временные заводские рабочие, дорожные рабочие, ремесленники, слуги, поселенцы и неспособные [10, с. 207–208; 12, с. 4]. В 1832 г. Устав и другие нормативные акты о ссылке были включены в Свод законов Российской империи [20].

За ссылными следили окружные управления, которые ведали их делами, а полицейскую службу несли казаки образованного по Уставу 1822 г. Якутского городского казачьего полка [18, с. 71; 27, с. 29].

Ссылка в Сибирь в XIX веке рассматривалась правительством прежде всего как средство заселения края («штрафная колонизация») при ограничении свободного переселения. В системе уголовного законодательства Российской империи существовали следующие разновидности ссылки: в каторгу, на поселение после отбытия срока каторжных работ, на поселение по суду, административная высылка и ссылка на водворение [10, с. 128; 24].

Во второй половине XIX в. ссылка приобрела массовый характер, стала одной из самых распространенных мер уголовного наказания, присуждаемых судом или административной властью. С этого времени Якутская область становится одним из основных мест массовой ссылки уголовных преступников. Так, например, в 1884 г. в Якутской области проживало 250 243 человека, среди них ссылных было 6415, за ними по своей воле прибыло 1533 человека, что составляло 3,2 % от всего населения Якутской области. Среди ссылных всех категорий уголовные были самыми многочисленными и составляли 74 % (4725 человек) [12, с. 33].

По социальному происхождению уголовные ссыльные были в основной массе крестьянами, людьми без образования, разных возрастных групп. Ни строгость законов, ни меры, предпринимаемые правительством, не привязывали ссыльных к месту водворения. Труд ссыльных использовался для несения почтовой службы и занятий земледелием, однако в улусах поселенцы не имели заработка, поскольку их труд не пользовался спросом. Среди них было немало бродяг, людей, не привыкших к труду. Бродяжничество становится мощным криминогенным фактором в течение всего XIX в. [24]. Ссыльные, не имея средств к существованию, шли на любой поступок, лишь бы остаться в живых. В виду малоземелья, отсутствия спроса на рабочие руки и каких-либо производственных объектов, они нищенствовали, убегали, становились бродягами, объединялись в разбойничьи шайки. На их долю ежегодно приходилось 2/3 преступлений в Сибири [12, с. 35].

По действующему законодательству, дряхлые, инвалиды и люди старше 45 лет не должны были ссылаться в Якутскую область. Но в нарушение закона эту категорию продолжали сюда отправлять. В свою очередь областные власти распределяли их в улусы, где они получали общественное питание и жили долгое время. Так, неспособного к физическому труду из-за отсутствия обеих рук И. Кирикова направили во 2-ой Хаяхсытский наслег Батурусского улуса Якутского округа. Сочувствуя его положению, общественники собрали по его просьбе деньги и отпустили его в город на заработки [16, л. 13].

Массовая уголовная ссылка в Якутию во второй половине XIX в. обострила земельный и продовольственный вопросы. Около 30 % населения относились к числу безземельных. В скотоводстве «нормально обеспеченными» скотом считались также 30 % хозяйств. Наибольшее число ссыльных отправляли в Батурусский улус, и их содержание ложилось тяжелым бременем на плечи местного населения. Эти проблемы были подняты головой Батурусского улуса Е.Д. Николаевым, который главное условие выхода из тяжелой ситуации видел в действенном государственном регулировании. По сведениям Е.Д. Николаева, в начале 1886 г. каждый 11 человек в улусе был поселенцем [14, л. 6]. На 1 декабря 1887 г. в Западно-Кангаласском улусе насчитывалось 9882 жителя, из них ссыльных – 808 человек, т. е. 8,

2 % [12, с. 33]. При отсутствии закона об обеспечении ссыльных средствами к существованию якуты и местные крестьяне вынуждены были их содержать из милосердия, тогда как уголовные платили им тем, что продолжали совершать свои преступления среди незащищенных жителей. Кроме краж ссыльные наносили огромный моральный и нравственный ущерб. Местное население страдало от буйства, угроз и развратного поведения ссыльных.

Николаев настойчиво добивался прекращения уголовной ссылки в Якутию. Составил на имя царя докладную записку о необходимости ее прекращения и 21 июня 1883 г. во время поездки в Петербург в составе делегации на коронацию Александра III вручил ее министру внутренних дел Д.А. Толстому [15, л. 112–112 об.]. По этому же вопросу в 1885 г. также обращался к генерал-губернатору Восточной Сибири А.П. Игнатьеву, который отнесся к просьбам Николаева с вниманием [15, л. 126–134]. В дополнительной записке Е.Д. Николаев привел такие цифры: «... переполнение Якутской области ссыльными не может не отразиться вредно на инородческом обществе и в нравственном отношении... В 1872 году общее число преступлений в области было 319, из них краж до 58 случаев. В 1884 году общее число преступлений возросло до 897 (более чем в два с половиной раза), ... большинство преступлений совершено ссыльными, причем многие из них остаются не уличенными, ... главным образом остаются без обжалования частые случаи изнасилования и оскорбления женской чести...» [15, л. 128 об. – 129].

В «Записке о современном положении Якутского края» Е.Д. Николаев отметил ухудшение жизни якутских скотоводов, просил об отмене уголовной ссылки и предоставлении прав по самоуправлению [15, л. 113–125]. В 1886 г. губернатор, ознакомившись с докладной запиской, решил лично удостовериться в положении дел [15, л. 82–83]. По итогам изучения этой проблемы, он в сентябре 1887 г. активно поддержал просьбу Николаева о крайней обременительности для инородцев Якутской области содержания ссыльных. И благодаря его поддержке в 1887 г. Комитет министров утвердил Положение об ограничении числа уголовно-ссыльных в Якутию. По данным И.Г. Макарова, если

в 1883 г. в область прибыли 1196 ссыльных, то в 1887 г. – всего 147 [12, с. 229].

Криминальные ссыльные нанесли огромный материальный ущерб местному населению, тем самым вызывая его крайнее недовольство. Прекращение уголовной ссылки в Сибирь на основании закона от 12 июля 1900 г., заменившего ссылку на житие тюремным заключением, избавило регион от массового наплыва уголовного элемента. Отныне самодержавие сделало ставку на крестьянскую колонизацию региона [24].

Таким образом, со второй половины XVIII в. якутская ссылка характеризуется преобладанием уголовных элементов, нанесших огромный материальный и моральный вред местным жителям.

Кроме уголовных и государственных преступников, особую группу ссыльных в Якутскую область составляли осужденные за преступления против православной веры. Ссылка раскольников началась в 1671 г., в это время якутским воеводой был князь Я.П. Волконский, уволенный в 1675 г. «за снисходительное обращение с раскольниками» [26, с. 44]. Уже в 1678 г. по распоряжению воеводы Ф.И. Бибикова город был разделен на четыре посада. Первый посад был в деревянной крепости (кремле) для собора и администрации города, рядом проживали дети боярские и служилые люди. Во втором посаде поселены были торговые люди, третий населен раскольниками, а в четвертом жили пленные и ссыльные. Население состояло из 645 лиц мужского пола, из которых 56 посадские люди и 11 арестантов в тюрьме [26, с. 47].

К середине XIX в. Якутская область становится местом массовой ссылки религиозных преступников [10, с. 160]. Согласно ст. 197 Уложения о наказаниях, последователи сект (духоборы, иконоборцы, молокане, иудействующие и другие) признавались особенно вредными и подвергались лишению всех прав состояния и ссылке. По отчету губернатора за 1881 г. в Якутской области раскольников разных толков было 1395 человек: скопцов – 1211, приемлющих священство – 134, не приемлющих священство – 22, молокан – 19, духоборов – 8, иудействующих – 1. По данным И.Г. Макарова, в 1884 г. общее число ссыльных и прибывших вместе с ними членов их семей составляло 7948 человек, из которых раскольники разного толка насчитывали

1540 человек, т. е. 24 %, по численности они уступали только уголовным ссыльным (4725 человек) [12, с. 35–37].

В связи с устройством почтового сообщения между Якутском и Аяном, из Иркутской губернии и Забайкальской области в 1852 г. перевели 589 старообрядцев. Они образовали 26 населенных пунктов от Усть-Маи до Аяна. Их освободили от податей и повинностей на 20 лет, с 1852 по 1872 гг. Старообрядцы не находились под контролем полиции, за ними следили старосты. Довольно активно занялись предпринимательской деятельностью. Ведущее положение среди них принадлежало состоятельным людям, в т. ч. представителям купечества. Одним из них был купец I гильдии А.М. Кушнарев, создавший состояние на поставках продовольствия на золотые прииски [18, с. 223; 27, с. 204]. С закрытием Аянского тракта, в конце 1868 – начале 1869 гг. около 300 старообрядцев выехали в Южно-Уссурийский край. В Якутской области осталось 225 старообрядцев.

Духоборы в Якутской области появились в 1887–1899 гг. В 1901 г. в области проживало 183 человека, образовав селения Нотора, Отрадное в Амге, Прохладное – в Магане. В конце августа 1905 г. группа из 190 духоборов выехала из Якутской области в Канаду [27, с. 205].

Из религиозных сектантов самыми многочисленными были скопцы. Они имели наиболее крупные поселения в Якутской области [10, с. 161]. В конце XVIII – начале XIX в. к ним применяли уголовное наказание: кнут, каторгу, ссылку и отдачу в солдаты. Численность скопцов из года в год увеличивалось: если в 1860 г. их было 233, то в 1880 г. – 1211 человек [17, л. 2-29; 27, с. 81]. В Якутии они образовали 12 крупных населенных пунктов в Якутском, Олекминском и Вилюйском округах. Им нарезали первоначально по 7,5 десятин земли на душу, а позднее – по 15. Эти поселения появились там, где раньше жили якуты, успешно занимавшиеся хлебопашеством. Это вызывало большое недовольство местного населения [15, 16]. Составляя небольшую часть населения Якутской области, они стали крупными производителями хлеба. В 1888 г. на их долю приходилось 33 % всего урожая зерновых. После Манифеста 1904 г. скопцы получили право свободных крестьян и им разрешили выезд. Если в 1905 г. количество их составило 1098 человек, то в 1907 г. осталось 247 [12, с. 111–115].

В Якутской области религиозные ссылки имели определенное влияние на развитие нетрадиционных видов хозяйствования, строительных работ и ремесел. Они отличались от других категорий ссыльных (уголовных) мирным нравом, добропорядочностью и трудолюбием. Среди них было много каменщиков, столяров, строителей, токарей, слесарей, сапожников, портных – профессий, столь необходимых области [12, с. 237].

Ссылка религиозных сектантов в Якутскую область была мерой предупреждения раскола в империи, принятой исключительно в интересах существующего строя. Сектанты подвергались суровому испытанию. Несмотря на трезвый, трудовой образ жизни и нравственную устойчивость, в северном крае они встретились с материальными трудностями, бытовой неустроенностью и гонениями по любому поводу. В правовом отношении религиозные ссылки находились в самом худшем положении среди сосланных, даже каторжных [12, с. 68–70].

В Якутской области из сектантов мало кто перешел в православие. Ссылка как карательная мера борьбы с сектантством не достигла цели. Среди ссыльных были случаи перехода в другое запрещенное вероисповедание, а также отправления обрядов разных сект [12, с. 236–237]. Государство, сослав раскольников в отдаленные места, тем самым отделило их от основной массы населения и в определенной мере ослабило их влияние на окружающих. Но полностью прекратить распространение сектантства в России не удалось.

Следует сказать, что религиозные сектанты в якутской ссылке добились больших успехов в распространении земледельческой культуры, но стоит отметить, что в основном эти успехи были связаны с тем, что наделение их землей проводилось против воли якутов и в ущерб их интересам, так как лишало коренной народ земель и возможности заниматься земледелием. Массовый выезд сектантов и прекращение ссылки уголовных в начале XX в., а также революционные события в России повлияли на характер якутской ссылки: Якутия становится одним из главных мест политической ссылки.

Российское законодательство и практика осуществления ссылки в Сибирь предопределили дальнейшее становление системы уголовной расправы в России по политическим мотивам

и ознаменовали формирование в начале второй четверти XIX в. особой системы в карательной политике российского государства – системы политической ссылки [4, с. 42].

В XVII – начале XX в. ссылка в Якутию активно использовалась правительством и как мера наказания политических оппонентов, а также государственных чиновников и военнослужащих, злоупотреблявших должностным положением (в первую очередь казнокрадов).

Первыми политическими ссылными стали «черкасы» – запорожские казаки, выступавшие против воссоединения Украины с Россией. В 1642 г. на Лену были сосланы «чугуевские, и курские, и воронежские выходцы» – 93 мужчины, а с женами и детьми – 188 человек [3, с. 226–227]. А также были первые высокопоставленные ссылные – родственники гетмана Левобережной Украины И.Е. Выговского полковники Василий и Илья Выговские, обвиненные в 1659 г. в измене и доставленные в 1661 г. в Якутск, где жили вплоть до 1668 г., до заключения Андрусовского перемирия [19, с. 471–472]. В 1674 г. в Ленский острог «в пешью казачью службу» был доставлен племянник мятежного гетмана Левобережной Украины Демьяна Многогрешного – Михаил Многогрешный [10, с. 139; 26, с. 42]. В 1717 г. сослан в Якутск племянник гетмана Ивана Мазепы – Андрей Войнаровский. [10, с. 140; 18, с. 80].

Во второй половине XVII – начале XVIII в. ссылка в Якутию становится следствием внутренней политики царского двора – защита законного порядка престолонаследия и правящей династии от измены. Поэтому в это время ссылали знатных и наиболее опасных лиц, с точки зрения царской администрации. В Якутской ссылке находились: обер-церемониймейстер, граф Ф.М. Санти, генерал-лейтенант, граф А.М. Девиер и генерал-майор, обер-прокурор Сената Г.Г. Скорняков-Писарев, состоявшие в оппозиции к светлейшему князю А.Д. Меншикову в 1727 г.; губернатор Смоленской губернии действительный статский советник, князь А.А. Черкасский, обвиненный в измене по доносу в 1734 г.; президент Коммерц-коллегии, статский советник Генрих фон Фик, замешанный по делу «о призвании на престол Анны Иоанновны»; вице-канцлер, кабинет-министр М.Г. Головкин, его сестра графиня А.Г. Бестужева-Рюмина и президент Коммерц-коллегии барон К.Л. Менгден, опальные царедворцы

после дворцового переворота 1741 г. и восшествия на престол Елизаветы [10, с. 140–152; 26, с. 101–117]. Все они содержались в строгом заключении. В последующее время ссылка опальных сановников фактически прекращается.

Таким образом, XVIII в., «век дворцовых интриг», утвердил роль и значение Якутии, как места ссылки «государственных (или политических) преступников» и сформировал определенные надзорные правила в организации распределения, условий жизни, занятий ссыльных и т. д. [11, с. 149].

Во второй половине XVIII – начала XIX в. Якутия оставалась основным местом содержания военнопленных поляков, воевавших против России в ходе разделов Речи Посполитой, численность участников польского восстания 1863–1864 гг. составила 255 человек [8, с. 7]. Кроме них до 1894 г. в якутской ссылке побывало 44 поляка, которые были освобождены от каторжных работ и отправлены на поселение в Якутскую область [8, с. 19]. Первые польские ссыльные были доставлены в Якутск в 1863 г. [10, с. 163]. Поляки, оставшиеся в Якутии после амнистии и создавшие здесь семьи, стали инициаторами создания в регионе новых для него видов мелкого производства и торговли (продажа лекарств, производство колбас, кондитерских изделий, фотодело, содержание гостиниц, слесарно-механическое дело и др.). Пытливые и образованные польские ссыльные, при помощи Императорского Русского географического общества развернули в Якутии плодотворную и многогранную деятельность: в географическом изучении – Александр Чекановский в 1875 г. первый дал подробную топографию широких пространств между Тунгуской, Леной и Оленеком, помимо этого – краткое описание жителей Верхоянска [5, с. 109; 27, с. 104]; Иван Черский в 1891 г. руководил экспедицией в область Яны, Индигирки, Колымы и составил «Карту верхних течений рр. Колымы и Индигирки, а также Индигиро-Алданского водораздела»; в изучении языка и фольклора – Эдуард Пекарский является автором «Словаря якутского языка» (1899); в составлении большую помощь оказала олонхосутка Мария Андросова, жена политссыльного В.М. Ионова [18, с. 239; 27, с. 162]; Сергей Ястремский в своих трудах «Грамматика якутского языка» (1900), «Образцы народной словесности» (1929) [27, с. 101], впервые главное внимание обратил на описание якутского героического эпоса –

Олонхо; в этнографии – Вацлав Серошевский, его фундаментальный труд «Якуты. Опыт этнографического исследования» (1896) до сих пор остается настольной книгой для этнографов; Зигмунд Венгловский оставил два сочинения этнографического характера; Николай Виташевский изучал правовые обычаи якутов, открыл наскальные рисунки на реке Олекме; представляют интерес замечания Феликса Кона о социальном расслоении якутов, матриархате и многое другое, к сожалению, рукопись «О развитии брака у якутов» еще не опубликована; в изучении верований якутов – Василий Троцанский, его труд «Эволюция черной веры (шаманства) у якутов» является первой попыткой научного анализа верований якутов [21].

Таким образом, яркие представители из польских ссыльных сыграли важную роль в изучении и описании Якутии конца XIX – начала XX в. и внесли существенный вклад в региональный культурный процесс и духовное обогащение коренного населения, возможно, во многом это объясняется тем, что поляки были выходцами из более развитого региона, а также благодаря грамотному руководству местной администрации, сумевшие привлечь образованных людей к научному изучению края.

В XIX – начале XX вв. роль Якутской области среди мест водворения политических ссыльных возрастает, край становится своеобразным изолятором для лиц, отбывших срок каторжных работ в Забайкалье [20].

Особое место якутской политической ссылки в системе карательной политики государства подтверждает динамика численности политических ссыльных. В 1826–1881 гг. сюда депортировали 354 ссыльных (чуть более шести человек в год), в 1882–1905 гг. – 777 (32 чел. в год) и в 1906–1917 гг. – 1100 чел. (около 100 ссыльных ежегодно) [9; 10, с. 305; 11, с. 142]. Рост численности «политиков» и тяжелые условия ссылки – отдаленность и отсталость края, суровость климата и длительные сроки пребывания предопределили то, что в истории сибирской политической ссылки два случая организованных вооруженных протестов политических ссыльных произошли именно в Якутской ссылке: Монастыревка (1889) и Романовка (1904) [11, с. 109; 17].

Монастыревка или «Монастыревская трагедия» – кровавая трагедия, разыгравшаяся в Якутске 22 марта 1889 г. в доме якута Монастырева. Причинами протеста стали установленные вице-губернатором П.П. Осташкиным «драконовские» правила, ужесточившие условия препровождения ссыльных народовольцев в Верхоянский и Колымский округа. В ходе перестрелки были убиты 6 «монастыревцев» и 10 ранено, со стороны нападающих: 3 ранены и 1 умер от ран. По решению суда 3 руководителя Л.М. Коган-Бернштейн, Н.Л. Зотов, А.Л. Гаусман приговорены к смертной казни через повешение, 24 человека – к различным срокам каторги [1. Кротов М.А. с. 11–29; 12, с. 165–168; 27, с. 134–136].

Романовка или «Романовский протест» длился 18 дней, с 18 февраля по 7 марта 1904 г., когда 57 ссыльных забаррикадировались в доходном доме якутского купца Ф. Романова, вывесив впервые в Якутии красный флаг. Этим протестом руководили В.К. Курнатовский и А.А. Костюшко-Валюжанич. Во время обстрела здания был 1 убит и 3 ранено. Дело «романовцев» слушалось в Якутском окружном суде, всех участников приговорили к 12 годам каторги, но в октябре 1905 г. по Манифесту были освобождены [1. Кротов М.А. с. 51–66; Сб. научн. ст. Вып. III, с. 5-9; 27, с. 196–198].

Несмотря на жесткую цензуру, оба вооруженных протеста получили мировую известность и вызвали волну революционной поддержки, оставив заметный след в истории всей России. Государство, ссылая в отдаленную и суровую климатом Якутию, рассчитывало на подавление противостояния в обществе, тем самым отвергнув путь социально-экономических реформ и обрекая страну на дельнейшую эскалацию конфронтации, вылившуюся в Февральскую революцию 1917 г.

В XIX в. рост потока ссыльных – выходцев из регионов с более развитым уровнем рыночных отношений, привел к изменению всего социально-экономического микроклимата Якутии.

В отличие от других категорий ссыльных (сектантов и уголовников) среди политических преобладали лица интеллектуально одаренные, образованные, обладавшие дефицитными для региона профессиями (врачи, учителя, музыканты, журналисты, экономисты и т. д.) [24]. Достаточно вспомнить в этом отношении первый принудительный интеллектуальный «десант» в Якутию

в лице 12 декабристов, распространявших агрономические знания, учивших грамоте, изучавших природные богатства и культуру аборигенных этносов. Из 108 декабристов, осужденных на сибирскую каторгу и ссылку, в якутской ссылке отбывали наказание 12 человек: А. Бестужев-Марлинский, Н. Бобрищев-Пушкин, А. Андреев, М. Муравьев-Апостол, А. Веденяпин, Н. Заикин, М. Назимов, И. Загорецкий, С. Краснокутский, Н. Чижов, З. Чернышев и П. Выгодский. По письменному предписанию царя всех сосланных декабристов заковывали в ножные кандалы и увозили глубокой ночью в строжайшей секретности. Несмотря на строгий надзор полиции в местах пребывания ссылки, они вели активную общественную жизнь, создали в Якутске большую частную библиотеку для пользования жителей города [10, с. 154–155; 11, с. 59–60; 13, с. 30–32].

Особенно важным было присутствие образованных и профессионально подготовленных специалистов в таком отдаленном регионе, как Якутия. Например, из сосланных в 1870–1880 гг. в Якутскую область 313 народников 24 % имели высшее и почти 32 % среднее образование, в то время, как по данным переписи 1897 г. грамотных во всей Сибири насчитывалось 9,6 %, а имеющих образование выше начального – 0,8 % [22, с. 303].

Яркими представителями народнического движения были известные русские писатели. Н.Г. Чернышевский, который в 1872–1883 гг. содержался в Вилюйском остроге, несмотря на строгий надзор полиции, вел широкую переписку, обучил грамоте несколько человек, среди которых И.Л. Кондаков, впоследствии профессор, химик-органик [1, с. 66–71; 10, с. 170–171; 13; 27, с. 97]. В.Г. Короленко, отбывавший ссылку в 1881–1884 гг. в слободе Амга, изучая жизнь и культуру якутского народа, создавал о нем литературные произведения: «Сон Макара», «Соколинец», «Убивец», а также занимался педагогической деятельностью. Один из учеников, Н.Е. Афанасьев, впоследствии стал видным организатором народного образования Якутии [1; 13, с. 88–91; 27, с. 111].

Последующие за ними народники также стали искать пути приложения своей энергии и знаний в исследовании быта, языка, фольклора местного населения и педагогической деятельности: частная школа В.М. Ионова пользовалась большим авторитетом среди горожан, автор якутского букваря при участии

С.А. Новгородова участвовал при составлении «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского [1, Афанасьев В.Ф. с. 69–70; 18, с. 215]; П.П. Подбельский открыл школу для подготовки учащихся-якутов в средние и высшие учебные заведения, среди них – М.А. Афанасьев и П.Н. Сокольников, первый якутский врач; В.Г. Тан-Богораз изучал быт, язык, фольклор населения северо-востока, особенно чукчей, содействовал созданию письменности у многих северных народов [27, с. 171]; И.И. Майнов внес большой вклад в изучение истории народов Якутии, в советское время издал труды Н.А. Виташевского, Г.Л. Левенталья, Д.М. Павлинова [18, с. 227]; И.А. Худяков вел регулярные метеорологические наблюдения в Верхоянске, тем самым открыв полюс холода [5, с. 102; 11, с. 67].

Многие ссыльные провели ценные научные исследования Якутии. В Сибиряковской экспедиции (1894–1896) приняло участие 14 политссыльных, обширный историко-этнографический материал экспедиции был издан в шести томах, кроме опубликованных более 70 статей в различных изданиях, причем большая часть материалов до сих пор не опубликована [27, с. 154].

Политссыльные В.П. Зубрилов, Н.А. Виташевский, В.И. Иохельсон, М.И. Сосновский, Ф.Я. Давыденко, В.Е. Окольский, П.В. Оленин, А.К. Кузнецов, Е.М. Ярославский внесли значительный вклад в становление и развитие Якутского областного музея (1887). Инициатором создания был статский советник А.И. Попов, который и привлек их к музейной работе [1. Винокуров П.В., с. 16–21].

Вклад политических ссыльных особенно значителен в сфере оказании медицинской помощи местному населению. В начале XX в. в Западной Сибири на одну больницу приходилось от 7 до 81 тысячи жителей. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, в 1897 г. в Сибири на 5,5 млн жителей насчитывалось всего 2301 медицинский работник. В 1910 г. в административной ссылке находилось 778 врачей и фельдшеров [24]. В начале XX в. в Якутске было всего семь врачей, из них только четверо обслуживало больных, вольнопрактикующих врачей было очень мало. Поэтому большой популярностью в городе пользовались ссыльные медики: Н.А. Ожигов, М.В. Сабунаев, Н.Е. Олейников. На местах поселения медицинскую практику имели ссыльные врачи: Э. Абрамович, С. Миц-

кевич, бывшие студенты-медики Г.К. Орджоникидзе, А. Сипович, Р. Стеблин-Каменский, Д. Собсович, фельдшер-акушерка Р. Шмидова, студент ветеринарного института Ф. Ровенский и многие другие [1. Петров П.У., с. 122–123; 18, с. 155].

Среди политических ссыльных было много людей, имевших богатый опыт в журналистской деятельности, что было важным, т. к. печать и печатное дело в Якутии связано с созданием казенной типографии (1859), которая была единственной до начала XX в. В 1904–1905 гг. политссыльные С. Трусевич и Н. Мещеряков выпускали подпольные журналы в Батурусском улусе «Вестник ссылки» и газету «Летучий листок». 1 июля 1907 г. вышел первый легальный номер общественно-политической и литературной газеты «Якутский край» – «Саха дойдута», где редактором был ссыльный В.М. Ионов [1. Афанасьев В.Ф. с. 69–70; 18, с. 215]. В 1913 г. вышел первый литературный журнал «Ленские волны», основанный Н.Е. Олейниковым, врачом и владельцем аптекарского магазина [27, с. 282].

Таким образом, по культурному уровню, образу жизни, трудовой деятельности, отношению к окружающим местным народам уголовные, религиозные и политические ссыльные резко отличались друг от друга. Каждая из этих категорий по-разному влияла на жизнь и духовный мир местных народов. Тем не менее вклад ссыльных несомненен, в целом ссылка имела для Якутии прогрессивное значение: появилось пашенное земледелие, укрепилась традиция оседлого быта; шел процесс приобщения к русской культуре, что не могло не повлиять на складывание яркой самобытной культуры северного общества.

Нельзя отрицать и значение уголовной и религиозной ссылки, которая внесла существенный, хотя и противоречивый, вклад в процесс заселения и колонизации региона. Из многочисленных уголовных ссыльных только единицы создали свое хозяйство и вели нормальный образ жизни, для остальных преступление становилось образом жизни. Поэтому ссылка как карательный институт себя не оправдала. Уголовники нанесли огромный материальный урон местному населению и сыграли отрицательную роль в духовной жизни местного населения. Религиозные сектанты сыграли значительную роль в качественном распространении земледельческой культуры.

Положительный след в жизни населения Якутской области оставили политические ссылки, которые оказывали практическую помощь в повышении материального и культурного уровня населения. Несмотря на суровый режим, политические ссылки вели большую научную и просветительскую работу среди местного населения, занимались самообразованием, оказывали местному населению юридическую и медицинскую помощь, обучали детей грамоте, составляли для инородцев деловые бумаги в официальные органы, писали просьбы и заявления, ходили с ними по разным инстанциям.

Хочется отметить, что пройдя через царскую якутскую ссылку, многие из многих из революционеров вернулись через несколько десятков лет сюда же снова. Таким образом, Якутия и на протяжении первой половины XX в., можно сказать, являлась традиционным местом заключения неугодных для государства людей.

Список источников и литературы

1. Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966; Винокуров П.В. Музеи Якутии. Исторический очерк. Якутск, 1991; Из истории политической ссылки в Якутии. Сборник научных статей. Выпуск V. Якутск, 1977; Кротов М.А. Два вооруженных протеста якутских политических ссыльных. Якутск, 1974; Очерки советской историографии Якутии. Якутск, 1976; Петров П.У. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, 1952; Революционные события 1905–1907 гг. в Якутии. Сборник научных статей. Якутск, 1956; Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского. Выпуск III. Якутск, 1956; Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского. Выпуск I. Якутск, 1960;
2. Гоголев А.И. История Якутии (Обзор исторических событий до начала XX в.). Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 1999. 201 с.
3. История Якутской АССР. Т. 2. Москва, Изд-во АН СССР, 1957. 416 с.
4. Казарян П.Л. Генезис политической ссылки в России: (Конец XV – начало XIX в.). Владивосток: Изд-во Якутского госуниверситета, 1999. 48 с.
5. Казарян П.Л. История Верхоянска. Якутск, 1998. 208 с.
6. Казарян П.Л. Олекминская политическая ссылка. 1826–1917 гг. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996. Изд. 2-е, доп. 496 с.
7. Казарян П.Л. Ссылка в Сибирь: (Конец XVI – начало XIX в.). Владивосток: Изд-во Якутского госуниверситета, 1999. 56 с.
8. Казарян П.Л. Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в якутской ссылке. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1999. 48 с.
9. Казарян П.Л. Численность и состав якутской политической ссылки 1906–1917 гг. (историко-сравнительный анализ)/ Сибирская ссылка. Сбор-

ник научных статей. Иркутск: Оттиск, 2011. Выпуск 6 (18) / www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1074.

10. Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск, 1998. 496 с.

11. Казарян П.Л. Якутская политическая ссылка: (Историко-юридическое исследование). Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 1999. 192 с.

12. Макаров И.Г. Уголовная, религиозная и политическая ссылка в Якутии: Вторая половина XIX в. / И.Г. Макаров. Новосибирск: Наука, 2005. 259 с.

13. Михайлова М.Г. Очерки русской литературы Якутии. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. 184 с.

14. Государственный архив Республики Якутия (в дальнейшем ГАРЯ). Ф. 12. Оп. 1. Д. 415. О семейном положении, образе жизни, занятиях сельских, состоящих под надзором в Якутской области. 1896 г. Л. 5–6.

15. ГАРЯ. Ф. 12. Оп. 6. Д. 624. Рапорта, ходатайства, документальные записки родоначальников о пречислении и выселении сельских.

16. ГАРЯ. Ф. 29. Оп. 2. Д. 1200. Дело о высылаемых из города Якутска за дурное поведение якутах и поселенцах. Л. 13.

17. ГАРЯ. Ф. 12. Оп. 5. Д. 2. Алфавит скопцов, прибывших в Якутскую область в 1880 г. Л. 6, 24, 28, 29.

18. Попов Г.А. Сочинения / Г.А. Попов. Т. 3: История города Якутска: 1632–1917: [краткие очерки] / [сост. и отв. ред.: к.и.н. Л.Н. Жукова, к. филос. н. В.Г. Скрипин, к. и. н. Е.П. Антонов]. Якут. гос. ун-т, Якутск, 2007. 312 с.

19. Сафронов И.Г. История Северо-Восточной Азии: XVII – начало XX в. / Ф.Г. Сафронов. Новосибирск: Наука, 2010. 637 с. (СО РАН. Избранные труды).

20. Ссылка в Сибирь в XVII – первой половине XX в. // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009 / http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibiri_v_xvii_pervoy_pолоvine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009

21. Ссылочные поляки в Якутии: итоги, задачи, исследование пребывания. Сборник научных трудов. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1999. 168 с.

22. Троев П.С. Влияние сельских народников на культурную жизнь Якутии. – Якутск: ГУП «Полиграфист», 1998. 358 с.

23. Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). Книга I. М.: Academia, 2002. 328 с.

24. Шиловский М.В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирский плавильный котел: Социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX в. / Отв. ред. Д.Я.Резун. Новосибирск, 2004 / <http://history.nsc.ru/capital/project/kotel/012.html>

25. Энциклопедия Якутии / гл. ред. Ф.Г. Сафронов. Т. 1. М, 2000. 540 с. (ЯНЦ СОРАН АН РС (Я) ОО «Якутская Энциклопедия»).

26. Явловский П.П. Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени (1632–1914): Т. 1 (1632–1800 гг.). Якутск: Изд-во «Якутский край», 2002. 250 с.

27. Явловский П.П. Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени (1632–1914): Т. 2 (1801–1914 гг.). Якутск: Изд-во «Якутский край», 2004.

УДК 94 (571.15)

И.Н. Никулина

**Религия в жизни политических ссыльных Алтая
80-х – первой половины 90-х гг. XIX в.**

В данной статье рассматривается один из актуальных и значимых в научном отношении вопросов – религия в жизни политических ссыльных 80-х – первой половины 90-х гг. XIX в., находившихся на Алтае. На основе широкого круга источников и литературы показаны роль религии в жизни политических ссыльных указанного периода.

Ключевые слова: религия, церковь, вероисповедание, политические ссыльные, Алтай.

I.N. Nikulina

**The religion in the life of the political exiled
in Altai of the 80th – the first half of the 90th of the XIX century**

In this article one of actual and significant questions in the scientific relation – the religion in the life of the political exiled of the 80th – the first half of the 90th of the XIX century which were in Altai is considered. On the basis of a wide range of sources and literature are shown a religion role in the life of the political exiled of the specified period.

Keywords: religion, church, denomination. political exiled, Altai.

Среди значительного круга вопросов, касающихся истории политической ссылки в Сибири, проблема религии в жизни политических ссыльных является одной из малоизученных и требующих тщательного всестороннего освещения, без которого невозможно научное осмысление значимости сибирского периода в судьбах политссыльных, воссоздания полной картины общественного движения и формирования мировоззрения его участников в ссылке.

В данной статье на основе широкого круга источников и литературы впервые предпринята попытка рассмотрения роли и места религии в жизни политических ссыльных 80-х – первой

половины 90-х гг., находившихся на Алтае. Следует отметить, что под Алтаем подразумевается Алтайский округ, включавший территорию современного Алтайского края, Республики Алтай, части Новосибирской, Кемеровской, Томской, Омской областей, восточной части Республики Казахстан. Политическая ссылка на Алтае в рассматриваемый период была представлена народниками, членами рабочих организаций, польской партии «Пролетариат». Статья является продолжением исследований данного направления, предпринятого автором по изучению роли религии и церкви в жизни политических ссыльных Западной Сибири 20-х – первой половине 70-х гг. XIX в. [10].

Среди архивных документов имеются ведомости о политических ссыльных, справочные листки, переписка правительственных органов, полицейских и жандармских управлений, в которых в той или иной степени фиксировалось отношение к религии каждого российского подданного. В статейных списках на политических ссыльных содержался конкретный пункт: вероисповедание.

Значительная часть ссыльных, находившихся на Алтае в 80-е – первой половине 90-х гг. XIX в., была православного исповедания. Среди них следует отметить Л.А. Дробного [18, л. 126], В.К. Штильке [9, л. 14 об.], П.М. Юхнева [13, л. 22], находившихся в Барнауле; И.Т. Гаркушенко [2, л. 2], В.Н. Бобохова [2, л. 7], А.А. Карелина [2, л. 81], П.Д. Лобановского [2, л. 44], Г.С. Сарачева [2, л. 44], О.Ф. Костюрина [1, л. 8], А.Н. Трофимова [1, л. 8], А.Т. Нанейшвили [5, л. 12 а], А.А. Леонтьева [16, л. 1], М.А. Шервашидзе [20, л. 129], С.Н. Шепелева [20, л. 121], находившихся в Усть-Каменогорске.

В работе Н. Коншина содержатся сведения о православном вероисповедании ссыльных Усть-Каменогорска, среди которых можно назвать А.Л. Блека [7, с. 56], В.Л. Инькова [7, с. 60], М.К. Кипиани [7, с. 70], А.А. Никвиста [7, с. 72], Россова [7, с. 87], А.П. Сколацкую [7, с. 54], А.В. Бяловеского [7, с. 70].

Для политической ссылки рассматриваемого периода характерна определенная доля лиц римско-католического вероисповедания, что объясняется присутствием здесь ссыльных поляков – участников революционных кружков и партии «Пролетариат», отбывавших ссылку в Усть-Каменогорске. Это С.С. Гросс [7, с. 54], В.Ф. Гинтовт-Дзевялтовский [7, с. 57], Х.Г. Тома-

шевский [7, с. 88], К.С. Буцюта [7, с. 91], Л.Л. Ковальский [3, л. 10], А.И. Пржебысловский [3, л. 19], М.В. Быковский [4, л. 9]. В Кузнецке находился представитель римско-католического вероисповедания В.Н. Фрессор [14, л. 1].

Следует отметить, что информация о вероисповедании ссылных в отдельных источниках не совпадает. Примером этого являются сведения о И.И. Виторте, имеющиеся в ЦГАРКе, в соответствии с которыми он является православным [2, л. 117]. Однако в работе Н. Коншина он значится католиком [7, с. 62]. Относительно Е.К. Дическуло в материалах ЦГАРК указано, что она являлась католичкой [2, л. 45], в работе Н. Коншина – православной [7, с. 15]. Таким образом, необходима дальнейшая корректировка и уточнение информации.

Некоторые политические ссылные происходили из семей священнослужителей. Сыновьями священников были находившиеся в ссылке в Усть-Каменогорске П.Е. Попович [7, с. 63], А.Н. Федоров [19, л. 268], С.Ф. Чрелаев [12, л. 1], А.В. Геденовский [6, стб. 748], сыном дьячка – И.С. Залецкий [2, л. 2].

До ареста некоторые ссылные Усть-Каменогорска учились в духовных семинариях. И.С. Залецкий учился в Кишеневской духовной семинарии [7, с. 58], С.Ф. Чрелов – в Тифлисской духовной семинарии [12, л. 1], Н.И. Долгополов – в Воронежской духовной семинарии [6, стб. 1204], А.В. Геденовский в 1869 г. поступил в Орловское духовное училище, в 1876 г. перешел в Орловскую духовную семинарию [6, стб. 748].

Важный материал для исследования данной проблемы содержат метрические книги. В государственном архиве Восточно-Казахстанской области (Усть-Каменогорск) сохранились метрические книги, в которых имеются сведения об отдельных политических ссылных. Так, В.Л. Иньков и О.Ф. Костюрин выступали поручителями со стороны невесты на свадьбе 1 июля 1894 г. мещанина М.С. Пояркова и дочери унтер-офицера А.Г. Герасимовой [8, с. 132–133]. Благодаря имеющейся информации удалось установить состав семьи О.Ф. Костюрина: в 1893 г. родилась дочь Ольга, в 1894 г. – Агафья, в 1898 г. – Надежда, в 1902 г. – Любовь [8, с. 131]. Из письма сына О.Ф. Костюрина Виктора С.Н. Герасимову известно, что он родился 11 сентября 1891 г., 22 сентября 1891 г. был крещен в Покровской церкви Усть-Каменогорска [15, л. 5].

Некоторые ссыльные не являлись верующими людьми. Проявления атеистических убеждений имели место у находившегося в Барнауле М.О. Курского. В выписке из политического обзора Томской губернии начальника Томского губернского управления за 1897 г. указывалось, что заведующий библиотекой М.О. Курский «не стесняясь выражает свои либеральные взгляды и безверие (атеизм) [17, л. 34 об.]».

Следует отметить, что относительно товарища председателя Общества попечения о начальном образовании в Барнауле В.К. Штильке начальник сибирского жандармского округа общал 26 октября 1888 г. директору департамента полиции, что он «не вполне религиозный человек: в храмах Божьих не бывает ни в какие дни и праздники, а если и приходит присутствовать на молебствах в школах Общества, то он постоянно с кем-нибудь разговаривает и не крестится, а находится тут потому, что надо быть; говорят, что Штильке не хотел, чтобы его малолетняя дочь, учащаяся в барнаульской женской прогимназии, была в минувшую четырехдесятницу у Исповеди св. Причастия, и только по настоянию некоторых лиц, ввиду того, что её могут исключить из прогимназии, он допустил её исполнить этот обряд [11, л. 2].»

Достаточно категоричным в отношении к религии и церкви был ссыльный Усть-Каменогорска Е.П. Михаэлис. В биографическом очерке его внука Ю. Хотимского отмечалось, что «особенно не любил Евгений Петрович духовенство. Он был атеистом не только «для себя», но и как все свои убеждения, высказывал свой атеизм открыто – никогда не посещал церковь, по праздникам закрывал парадные двери и не принимал духовенство, а протоирея Дагаева открыто называл черносотенцем. По тем временам это было невероятное явление – духовенство начало строчить доносы и начальство в конце концов потребовало от Михаэлиса выполнение обрядности, обязательной для чиновников... Евгений Петрович сделал эту уступку со свойственным ему юмором – он пригласил к себе одного священника, любившего выпить и договорился с ним, что будет принимать его по праздникам только его одного, но с условием, чтобы он никаких обрядов не совершал, а только выпивал, получал обусловленный гонорар и давал справку, что Евгений Петрович говел и исповедовался. Формальная сторона была соблюдена – начальство

замолчало, а её сущность, о которой знал весь город, «послужила своего рода антирелигиозной пропагандой» [21, с. 23–24].

Необходимо отметить, что отношение некоторых ссыльных к религии и церкви не нашло отражение в имеющихся источниках.

Таким образом, проблема роли религии в жизни политических ссыльных Алтая указанного периода нуждается в дальнейшем углубленном исследовании с привлечением новых источниковых материалов, что, несомненно, позволит существенно дополнить историю политической ссылки на Алтае и в целом в Сибири в XIX в.

Список литературы и источников

1. Ведомости и списки о политических ссыльных за 1888 г. // ЦГАРК. Ф. 15. Оп. 2. Ед. хр. 163. 120 л.
2. Ведомости о политических ссыльных за 1882/1887 гг. // ЦГАРК. Ф. 15. (Семипалатинское областное правление 1854 –1919). Оп. 2. Ед. хр. 59. 386 л.
3. Ведомости о политических ссыльных за 1891 г. // ЦГАРК. Ф. 15 (Семипалатинское областное правление 1854 –1919). Оп. 2. Ед. хр. 225. 30 л.
4. Ведомости о политических ссыльных за 1894/1895 гг. // ЦГАРК. Ф. 15. (Семипалатинское областное правление 1854 –1919). Оп. 2. Ед. хр. 270. 28 л.
5. Дело о политическом ссыльном Нанейшвили Александре // ЦГАРК. Ф. 15. (Семипалатинское областное правление 1854 –1919). Оп. 2. Ед. хр. 115. 57 л.
6. Деятели революционного движения в России: био-библиографический словарь. М: Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. Т. 3. Вып. 2. 1580 стб.
7. Коншин Н. Материалы для истории политической административной ссылки в Степной край // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. – Семипалатинск, 1923. – Вып. 14. С. 1–100.
8. Косенкова Н.А. Метрические книги – источник по региональной истории // Роль архивных учреждений в истории Казахстана: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня основания Государственного архива Восточно-Казахстанской области (Усть-Каменогорск, 15 окт. 2010 г.). Усть-Каменогорск, 2010. С. 130–135.
9. Личное дело Василия Константиновича Штильке 1897–1899 // ГААК. Ф. 4. (Управление Алтайского округа). Оп. 1. Ед. хр. 364. 161 л.
10. Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.). Иркутск: Оттиск, 2011. 254 с.
11. О вредном влиянии в г. Барнауле дворянина Василия Штильке на учащуюся молодежь // ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции 1881–1917 гг.). ДП-3. 1888. Д. 421. 25 л.

12. О потомственном почетном гражданине Степане Федоровиче Чрелаеве // ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции 1881–1916 гг.). ДП-5. Оп. 127. Ч. 2. Ед. хр. 4885.Ч. 3. 44 л.

13. О состоящем под негласным надзором полиции Павле Михайловиче Юхневе 31 января 1895–1899 гг. // ГААК. Ф. 248 (Барнаульское окружное полицейское управление 1865–1896 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 3. 48 л.

14. Об отставном поручике Владимире Фрессере // ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции 1881–1917 гг.). ДП-5. Оп. 127. Ч. 1. Ед. хр. 2323.14 л.

15. Переписка с В.О. Костюриным. Письма В.О. Костюрина // ГАВКО. Ф. 631 (С.Н. Герасимов). Оп. 1. Ед. хр. 181. 9 л.

16. Переписка Семипалатинского городского полицейского управления о политическом сыльном Александре Александровиче Леонтьеве // ЦГАРК. Ф. 523. (Семипалатинское городское полицейское управление Министерства внутренних дел). Оп. 1. Ед. хр. 9. 28 л.

17. Сведения по губерниям и областям. По Томской губернии // ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции.) 1898 г. Д. 9.Ч. 32. 37 л.

18. Справочные листки об обвиняемых в государственном преступлении // РГИА. Ф. 1405. (Министерство юстиции). Оп. 540. Ед. хр. 16. 297 л.

19. Справочные листки об обвиняемых в государственном преступлении // РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 540. Ед. хр. 54. 300 л.

20. Справочные листки об обвиняемых в государственном преступлении // РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 540. Ед. хр. 59. 300 л.

21. Хотимский Ю. Евгений Петрович Михаэлис // Михаэлис Евгений Петрович. 1841–1913. Краеведы Восточного Казахстана. Усть-Каменогорск: КГП «Областная газета «Рудный Алтай», 2007. С. 9–25.

УДК 908(092)(470-17)“189/192”

Л.П. Рощевская

Изучение приарктической территории России в конце XIX – начале XX в. политическим сыльным В.В. Бартевым

Аннотация. Изучение приарктической территории России политическим сыльным В.В. Бартевым в конце XIX – начале XX в. показано как пространство культуры. Объектом исследований были национальный состав, культурно-образовательный уровень, языковые особенности, народная музыкальная культура, религиозные представления населения, проблемы проникновения на Север торгово-промышленного капитала. Северное краеведение стало основным направлением его исследований и сутью общественной активности в с. Обдорск Тобольской губернии и в

г. Архангельск. Выявлены неизвестные ранее публикации, показано как воспринимали современники труды В.В. Бартенева.

Ключевые слова: культурное пространство, национальный состав, культурно-образовательный уровень, языковые особенности, народная музыкальная культура, религиозные представления, Архангельское общество изучения Русского Севера, с. Обдорск.

L. P. Roshchevskaya

Study of the Russian Arctic territory by the political exile V.V. Bartenev in the late XIXth – early XXth centuries

Annotation. Study of the Russian Arctic territory by the political exile V.V. Bartenev in the late XIXth – early XXth centuries is presented as a space of culture. The objects of research were ethnic composition, cultural and educational level, language features, folk music culture, religious views of the population, problems of commercial and industrial capital penetration into the North. Northern Regional Studies became a main direction of his research and the essence of social activity in Obdorsk village of Tobolsk Province and in the city of Arkhangelsk. Previously unknown publications are revealed, the contemporaries' perception of V.V. Bartenev's works is shown.

Keywords: cultural space, ethnic composition, cultural and educational level, language features, folk music culture, religious views, Arkhangelsk Society of the Russian North Study, Obdorsk village.

Север издавна притягивал внимание первопроходцев российского государства и исследователей. Особую группу новоселов составляли репрессированные. В статье речь идет об одном из репрессированных участников общественного движения 1880-х гг. – переходного времени от народничества к первым марксистским объединениям. Новые люди отражали сменяющие друг друга культурные формы. Наблюдалось стремительное протекание разных культурных процессов, как тенденция культурной динамики. Постоянно и повсеместно на севере происходило проникновение новых элементов в самые разные социальные и культурные практики севера, формирование и развитие нового культурного пространства. Культурное пространство выступало

как ареал, в котором могла реализоваться творческая деятельность индивида и в то же время как ареал, создающий новые культурные ценности.

Единственное на земном шаре поселение на Полярном круге ныне является городом Салехард, а до 1933 г. это было село Обдорск. Село входило в Березовский округ Тобольской губернии. Поселение на Полярном круге как пространство творческого освоения реальности относится к таким явлениям, которое формировалось творческой деятельностью индивидуума.

В то же время новые поселенцы уже имели сложившийся образ пространственных ориентиров, у них сформировалось разделение на «свое» и «чужое», что впоследствии вылилось в оформление национального, социального единства пространственного сосуществования. Приспосабливаясь к меняющейся действительности, на основе готовых вариантов решения создаются новые. Новое культурное пространство, имея собственные ориентиры, формирует и обновленный менталитет [28].

Одним из таких репрессированных стал студент Петербургского университета, участник революционного движения Виктор Викторович Бартнев (5(17).07.1864, Костромская губ. – март 1920, Архангельск). Сын известных общественных деятелей, студент юридического факультета Петербургского университета Виктор Бартнев активно участвовал в научно-литературном обществе университета (1882–1887 гг.), был членом нескольких студенческих объединений. Он изучал политэкономию, обсуждал политические проблемы, вел пропаганду в военной и рабочей среде. Круг его общения включал дворянскую среду, демократически настроенных студентов, рабочих и военных. В кружках был приобретен опыт общения, ведения диспутов. Как вспоминали очевидцы, «высокий, тощий, со впалой грудью и падающей на лоб прядью черных волос, с суровым взглядом близоруких глаз, мрачно смотревших через дымчатое пенсне, он вечно вел полупшепотом таинственные разговоры [...]». Достаточно было взглянуть на него, чтобы безошибочно причислить к «нигилистам» [16]. С весны 1886 г. юноша попал под надзор полиции. В 1891 г. В.В. Бартнева арестовали. Департамент полиции распорядился ввиду особой политической неблагонадежности водворить его в наиболее отдаленные местности

края на четыре года [34, 14. Ф. 330. Оп. 1. 1878. Д. 20/3. Л. 1183–1884].

Точные сведения о ссыльном села Обдорск (1891–1895 гг.) содержит его статейный список, из которого видно, что В.В. Бартечев близорук, прослушал курс в Петербургском университете, но не держал выпускного экзамена. Отец пытался облегчить участь сына: сохранилось его ходатайство о переводе сына по болезни на юг Тобольской губернии. Но в прошении было отказано. Ссыльного ежедневно навещали стражники. Их донесения гласили, что ссыльный поведения прекрасного и может считаться вполне благонадежным, «отличного поведения, крайне скромный, трудолюбивый». Березовский исправник подтверждал, что Бартечев ведет себя безукоризненно [14. Ф. 152. Оп. 1892. Д. 54].

После окончания ссылки Виктору Бартечеву запретили жить в университетских городах [14. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 1–5]. Он уехал в Псков к матери, которая также находилась в ссылке, сдал выпускные экзамены за университет, служил по акцизному ведомству, жил в Пскове, Торопце и Опочке.

В 1908 г. Бартечев переехал в Архангельск, стал активистом Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС), сотрудником журнала АОИРС. В феврале 1914 г. его избрали товарищем председателя общества, затем ввели в комиссию по разработке анкеты о влиянии войны на жизнь населения губернии, назначили редактором Известий (июнь 1917 г. – декабрь 1919 г.), делегировали от АОИРС в северный отдел Русско-американского комитета и избрали в Совет трудовой интеллигенции. Он участвовал в выборах в Учредительное собрание по списку кадетов, в октябре 1918 г. стал членом Архангельской городской думы [29, с. 10]. Отчеты АОИРС показывают, что преданный краеведческому делу с высоким чувством ответственности, Бартечев часто выступал по многим первостепенным проблемам севера, сопоставляя положение коренного населения Западной Сибири и Европейского Севера.

В период белогвардейского правления он не приостановил краеведческой деятельности, за что расстрелян после восстановления Советской власти.

В литературе история деятельности В.В. Бартечева выяснена не полностью. В советской литературе обращали внимание на

роль его родителей в общественном движении, т. к. они участвовали в создании русской секции I Интернационала в Женеве в 1869–1870 гг., а мать, Екатерина Григорьевна – в Парижской Коммуне, позже – в оппозиционном движении. Авторы стремились показать Виктора Викторовича одним из первых марксистов России [36, 15]. Между тем, его деятельность по изучению севера России помогает воссоздать культурную панораму с. Обдорск в 1890-х гг. охарактеризовать деятельность как исследователя и как одного из активистов Архангельского общества изучения Русского Севера.

Одним из первых обратил внимание на большую информационную основу исследований Бартенева бывший народник С.П. Швецов: Бартенева «немало страниц отводит зырянам, остякам и самоедам [...]». Его наблюдения касаются как бытовой, так и экономической сторон жизни всех народностей и их взаимоотношений с русскими обдорянами», что Бартенева «дает широкую картину жизни Обдорского края и в частности его русского населения. В ней экономика перекрещивается с этнографией, естественноисторические особенности края с его культурой, общественная организация с просвещением населения» [40].

Попытка дать объективную характеристику Бартенева сделана в Поморской энциклопедии. Историк Ю.В. Дойков считает расстрел проявлением карательной политики большевиков [16]. Доктор филологических наук Т.Г. Иванова исходит из принципа, что в конце XIX в. развитие фольклористики и этнографии шло рука об руку с революционным движением и в этом ряду воссоставляет некоторые этапы биографии В.В. Бартенева [22].

Сложные перипетии жизненного пути предопределили группировку использованных источников. Во-первых, это исследования В.В. Бартенева. Во-вторых, делопроизводственные документы надзорных ведомств, характеризующие условия сибирской ссылки. В-третьих, мемуарная литература, отражающая активную деятельность Бартенева в студенческих кружках 1890-х гг., в обдорской ссылке и в псковский период. В.В. Бартенева одним из первых обратился к характеристике с. Обдорск как уникального ареала пространства культуры.

Задача данного сообщения заключается в выявлении опубликованных работ Бартенева и включении их в научное использование. Архивные документы и мемуарные источники

позволяют сравнить разные этапы и направления творчества репрессированного, что было связано с четким территориальным и социальным разграничением условий жизни. Разнообразные интересы определялись обстоятельствами жизни в Обдорске и Архангельске, умении использовать любые возможности для выяснения специфики регионов севера и условий жизни коренного населения.

В упомянутом выше студенческом научно-литературном обществе Петербургского университета, в котором участвовал Бартенев, было решено изучать жизнь родных мест студентов, природную и культурную среду. Для этого были составлены списки известных программ для собирания сведений и наблюдений по геологии и климатологии, флоре и фауне, по землевладению, кустарным промыслам, юридическим обычаям, народным песням и поверьям, о состоянии народного образования, религиозных верованиях, памятниках старины и т. д. Устаревшие и вышедшие из продажи краеведческие публикации исправили, а некоторые переиздали. Часть программ даже составлена заново членами общества. Вместе с профессором историком И.М. Гревсом Бартенев вел переговоры о создании и публикации программ по сбору краеведческих материалов [12].

В Обдорске Бартенев оказался в положении одиночки. Незнакомая социокультурная среда сильно отличалась от дворянской городской культуры, в которой он воспитывался. Очувшившись почти в полной изоляции от привычного круга общения, ежедневного получения различной информации, бесед с разными людьми, чтения книг и журналов, ссыльный потерял эти возможности, а следовательно, не мог перерабатывать информационные потоки и развивать собственное мировоззрение. Переписку постоянно перлюстрировали.

Суровая природа сибирского севера побудила нового жителя внимательно наблюдать условия жизни местного населения, что явилось для него своеобразным импульсом для сопоставлений и источником информации. Новая среда поражала иными традициями, бытовыми традициями и интересами. Результатом многолетних наблюдений стал главный труд В.В. Бартенева монография «На крайнем северо-западе Сибири» [7, 25], содержащая многогранную характеристику культурного пространства севера Западной Сибири: описание села, занятия населения, на-

циональный состав, культурную жизнь, кратковременные визиты путешественников. В книге 15 разделов. Можно выделить несколько основных проблем: этнографическая характеристика населения, проникновение на Север торгово-промышленного капитала, религиозные, преимущественно языческие, представления, языковые особенности. В соответствии с традициями своего времени Бартенев отдельные части книги предложил редакциям газет и журналов. Писал под псевдонимами Б-в, В.; Б-ъ, В.; В.Б.

Село, основанное в 1595 г., расположено на правом берегу р. Полуй почти под самым северным Полярным кругом недалеко от впадения Полуя в Обь. 1616 верст отделяли Обдорск от Тобольска и 290 верст от окружного центра Березов. Летом связь с внешним миром поддерживали по Оби, а зимой на оленях. «Дикие и непривлекательны окрестности Обдорска: кругом бугристая моховая тундра с изредка встречающимися перелесками из корявой низкорослой березы», – писал ссыльный в книге. «Если подъезжать к Обдорску по Оби, а затем по Полую, то еще издали можно увидеть этот городок, красиво и бойко расположенный на крутом и высоком мысу, выдающемся в Полуя». Всего виднее были две церкви.

Монотонная жизнь оживлялась несколько раз в году. Самым крупным событием была ярмарка в конце декабря, когда съезжались самоеды (ненцы), ханты с пушным и другими товарами. 10–15-го января приезжали тобольские купцы или их доверенные. 10–14 сентября уходил последний пароход, нагруженный рыбой. Уехали пароходы, и снова затихает «северная столица».

Прежде всего, ссыльного заинтересовало количество постоянных жителей. Бартенев писал, что в 1860-х гг. здесь не считывалось и 200 жителей, в том числе всего 6 зырян (коми). По переписи, произведенной в ноябре 1891 г. местным врачом, в селе проживало 876 чел., в том числе 459 мужчин. За четыре года ссыльный изучил почти все явления местной жизни и культурной среды.

В.В. Бартенев увидел пестрый национальный состав. Как юрист он обратил внимание на правовые вопросы взаимоотношений, юридическое положение русских в инородческой среде, черты уголовного права остяков и др., привел сведения о демографических изменениях за 30 лет.

Зырян, живущих в городе, называли ижемцами. В Обдорск в середине 1860-х гг. они приезжали сначала для торговли, с 1870-х гг. стали селиться постоянно, к 1890-м гг. составляли добрую треть населения, и вскоре уже играли большую роль в местной жизни. Занимались они, как и русские, торговлей и рыбной ловлей. Бартенев одним из первых обратил внимание на значительное участие торгующих зырян в экономике. Среди них было немало плотников, кузнецов, печников и других кустарей-ремесленников. Кроме зырян оседлых были еще и кочующие зыряне-оленоводы.

Таким образом, Бартенев впервые проанализировал зырянский вопрос, выяснил, как возникла коми диаспора на севере Западной Сибири, и охарактеризовал ее.

Осветил В.В. Бартенев и проблемы кочевых народов Севера. Причиной вымирания малых народов он считал бедственное экономическое положение и эпидемии: «та кабала, в которой находится значительная часть остяков, сильно отражается на их экономическом благосостоянии». Сплошная неграмотность, по его мнению, является одной из причин экономической отсталости края.

Исследователь был сторонником так называемой эволюционной школы в этнографии. Идеи этой школы, проводимые Л.Г. Морганом, М.М. Ковалевским и другими видными учеными XIX века, сочетались у Бартенева с демократическими традициями русской общественной мысли. Для того времени это была прогрессивная буржуазная школа. Не всегда его оценки были объективными, но он отстаивал право народов на самостоятельное развитие.

Главным для Бартенева стал национальный вопрос с культурологической и языковой позиций. Вскоре он пришел к выводу, что русские не являются доминирующей национальной диаспорой в Обдорске.

Таким образом, как новый житель, Бартенев увидел в укладе жизни обдорчан такие особенности, на которые прежде не обращали внимания, описал их и сделал достоянием исследователей. В его трудах удачно показано, что культурное пространство включает: пространство личности, природы, социума, города, национальное пространство, а фактически обдорский социум представлял собой межнациональное пространство.

Характеристику культурно-образовательного уровня жителей автор начал с описания деятельности школ: действовали сельское и миссионерское училища. Он писал о том, что преподавание вели на русском языке, который не понимали остяцкие дети.

Значительным событием культурной жизни стала организация библиотеки при сельском училище в 1894 г., что вызвано кроме обще-просветительских задач, ещё и необходимостью «поддерживать русский язык в населении, живущем постоянно среди инородцев, могущем постепенно одичать». Библиотека довольно бедная, признавал ссыльный. Преобладали детские книги и беллетристика, причем отсутствовало большинство классиков: Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова, Н.В. Гоголя и многих других. Большую часть книг для взрослых составляли романы, изданные как приложения к иллюстрированным изданиям. Позже в ИАОИРС появилась информация, что при Обдорской миссии открыт этнографический музей, «довольно содержательный по численности и качеству коллекций»; библиотека для взрослых и детей, занимающая одно из лучших зданий; действуют переводческая комиссия и кружок изучения крайнего северо-запада Сибири [21, 1910. № 8. С. 55].

Характеристику культурной жизни автор дополнял сведениями о круге чтения зажиточной части. Большую часть читателей составляли ученики, громадный процент – зыряне. Из этого наблюдения автор сделал вывод, что библиотека имеет значение преимущественно для русификации края.

В Обдорске выписывали разные периодические издания, являвшиеся гордостью российской периодики: «Русская мысль», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Северный вестник», «Восточное обозрение», «Живописное обозрение» (1893–1894 гг.). Выписывали газеты «Неделя», «Правительственный вестник», «Нива», «Иллюстрированный мир», «Ремесленная газета», Тобольские губернские ведомости (часть неофициальная), Тобольские епархиальные ведомости, всего до 40 разных изданий, а некоторые журналы по два экземпляра. Толстые журналы получали и читали преимущественно представители интеллигенции или промышленники из зырян. Четыре зырянина выписывали «Сибирский листок» и разные иллюстрированные

периодические издания. Один, единственный по всему Березовскому краю, получал «Вестник рыбопромышленности» и оплатил для сельской библиотеки подписку на журналы «Вестник воспитания» и «Русская школа».

Несмотря на бедность библиотеки, жизнь ссыльного, по словам современника, проходила «у стола, заваленного книгами». Круг чтения отражает текст монографии со ссылками на популярные журналы «Русское богатство», «Русская мысль», на статьи С. Южакова, С.В. Максимова, В.И. Семевского и др.

Образованное общество было очень малочисленно: заседатель, писарь, приходский и три миссионерских священника, доктор, фельдшер, акушерка, учитель сельской школы, а также несколько купцов и рыбопромышленников. Эта характеристика подтверждается воспоминаниями знакомого Бартенева: студент «нашел учеников в лице местного исправника, священника и двух рыбопромышленников, которым читал рефераты о теории Дарвина, о законах социального прогресса, о французской революции и т. д.» [16].

К местной интеллигенции Бартенева относил «элемент случайный – административно ссыльных из интеллигентной молодежи». Суровые природные условия сибирского севера России отчасти объясняли незначительное количество ссыльных на север Западной Сибири. С конца 1870-х гг. правительство сослало 15 человек. «Выгодной стороной» Обдорского края служило то, что туда почти не ссылали уголовных преступников. Большую часть ссыльного срока Бартенева был единственным репрессированным в селе. Но ему удалось собрать данные о количестве и составе других изгнанников.

Непродолжительное время, с марта 1893 до 28 января 1894 гг., здесь жил народник А.И. Бородзич (1866–1941 гг.), высланный в 1887 г. на пять лет в Березов. В ссылке он участвовал в различных протестах, за что был переведен в Обдорск. В 1893 г. А.И. Бородзич составил программу изучения Обдорского края, главным образом о жизни остяков (хантов). После освобождения он даже получил разрешение на посещение края для сбора данных о быте остяков. Последние годы жизни он провел в г. Сольвычегодск Вологодской губернии. Потомки сумели сохранить его архив и часть личной библиотеки [11].

Судьба и общественные задачи интеллигенции в России волновали Бартенева на протяжении всей жизни. Интересны его рассуждения о значении и специфике российской интеллигенции. Интеллигенцию Бартенева называл «мозгом страны», подчеркивал, что интеллигенцией делает «приверженность к умственным и общественным интересам». Отличительной особенностью интеллигента, по его мнению, являлось стремление создать «более широкий круг интеллигенции», «осуществить значение интеллигенции в окружающей среде». Бартенева считал, что достойными представителями интеллигенции являются ученые, которые не держат знания «только про себя, под спудом, но очень умело» популяризируют их. Отличительной особенностью ученого, по его мнению, является культурная деятельность, работа «систематически изо дня в день, из года в год». Такая работа может быть результатом только «глубокого убеждения в полезности», она требует «серьезной предварительной подготовки». «Даже те кто, как класс более инертны [...] и мало патриотичны, в обществе становятся интеллигенцией». Бартенева проводил идею плодотворности служения интеллигенции общему благу: «Наша небольшая интеллигентная семья должна дружнее сплотиться [...] для полезной работы на родном Севере» [21, 1918. № 10–12. С. 22].

В самом конце ссылки Бартенева в 1894 г. привезли руководителя духоборческого движения Петра Веригина. Один из жителей города И.П. Росляков по этому поводу заметил: «Политических к нам давно уже перестали посылать. Последний из них приехал в Обдорск года за два перед этим и теперь доживал уже последние дни срока своей ссылки». Росляков описал встречу Бартенева и Веригина следующим образом: «Возможность увидеть нового интеллигентного человека, поговорить с ним, услышать от него разные новости, касающиеся нашего общественно-политического движения, проникавшие к нам очень скупо и редко, – все это положительно не позволяло мне оставаться дома. После минутного колебания, я решил пойти к бывшему тогда у нас, уже упомянутому выше политическому ссыльному Б[артеневу], вполне основательно предполагая, что вновь приехавшие остановились у товарища [...]. Когда я пришел, то застал спор уже в полном разгаре. Высокий, сухой, на длинных тощих ногах, одетых в пимы из оленьих лап, Б[артенев] нервно,

как маятник, метался взад и вперед по комнате, размахивая руками и дымя папиросой, а налево [...] на простом деревянном стуле со спинкой, спокойно вытянувши ноги, облокотясь на край стола, сидел очень плотный и солидный мужчина [...]. На метавшегося по комнате Б[артенева] насмешливо смотрели пронизательные карие глаза [...]. Предметом спора был вопрос о непротивлении злу. Б[артенев] с горячностью доказывал, что это чепуха, что это выдумка Толстого ни на чем не основанная и притом далеко неновая. Что сами последователи этого принципа постоянно противоречат ему, то и дело отступают от него и что даже пассивное сопротивление, которое они все же оказывают злу – все-таки сопротивление. Пассивность же сопротивления чаще всего является источником нового зла, становится почвой для его проявления и беспрепятственного процветания и т. д. Петр Васильевич, в сущности говоря, не спорил, а только поддерживал разговор» [20].

Из описания этой сцены очевидно, что Бартенев имел собственное мнение об одном из основных постулатов религиозно-философского учения Л.Н. Толстого 1880-х гг.

Но подобные дискуссии случались редко. На фоне однообразия повседневности значительными событиями становились визиты путешественников. Посетивший Обдорск еще до Бартенева директор Екатеринбургской обсерватории метеоролог Г.Ф. Аббельс опубликовал статьи о климате и гидрологии села [39]. В 1894–1895 гг. вначале проезжал врач для ознакомления с санитарно-гигиеническими условиями жизни рабочих на рыбных промыслах, а позже – ихтиолог Министерства земледелия для исследования нужд рыбного промысла и качества переработки рыбы.

Самым интересным и значимым для Бартенева стало посещение профессора судебной медицины Казанского и Харьковского университетов, крупного миссионера А.И. Якобия. Бартенев отмечал, что за последнее время Обдорск часто упоминается в периодической печати по поводу поездки туда проф. Якобия с целью выяснения причин вымирания инородцев (остяков и самоедов).

Якобий в 1890 г. занялся изучением вымирающих инородческих племен русского севера, описывал санитарные условия, быт, экономику обследованных народностей, а также политику

по отношению к этим народностям. В 1894–1895 гг. он совершил поездку на север Тобольской губернии и пытался организовать миссионерские посты на этой территории [37]. Почти месяц он знакомился с документами и библиотекой Тобольского губернского музея [17], затем выехал в Обдорск, где провел несколько месяцев, а 14 ноября 1894 г. отправился в Надым.

Посещение профессора явилось событием культурной жизни не только Обдорска. На обратном пути Якобий вновь задержался в Тобольске, чтобы в марте 1895 г. выступить на заседаниях Тобольского физико-медицинского общества, Тобольского епархиального братства Дм. Солунского и музея [18]. В Ежегоднике Тобольского губернского музея, газетах «Тобольские епархиальные ведомости» и «Сибирский листок», а позже в монографии «Угасание инородческих племен Севера» (СПб., 1900) он опубликовал свои размышления о поездке и ее результатах.

Бартенев дал высокую оценку взглядам Якобия: «Я имел удовольствие познакомиться с ним в прошлом году в Обдорске и не могу удержаться, чтоб не сказать несколько слов об этом замечательном человеке». «Во всех его словах и действиях сквозит горячая любовь к дикарям, желание поднять их и защитить». «Пламенный, чисто юношеский энтузиазм и горячий идеализм этого человека минувшего поколения идет рука об руку с трезвенным отношением к делу и умением верно оценивать людей». Якобий, в свою очередь, благосклонно отозвался об исследованиях Бартенева.

Новые реалии потребовали осмысления увиденного на севере. Он пришел к пониманию пространства как пространства бытования культуры. У ссыльного возникла идея оформить свое видение «чужого» мира в научное исследование.

Автор подчеркивал, что экономика села зависит от других местностей, главным образом Тобольска [6]. Бартенев признавал, что влияние губернского центра вносит изменения в экономическую и бытовую жизнь. Русские занимались рыболовством и торговлей, скупая у самоедов пушнину, а затем перепродавая ее тобольским купцам. Второй тезис звучал следующим образом: экономическая жизнь зиждется на торговле пушниной и рыбном промысле. Торговую деятельность автор характеризовал как меновую и кредитную и делал отсюда вывод: «сколько

бы остяк ни уплачивал, все остается и даже нарастает его бесконечный долг».

Перспективы для оживления экономики Бартенева видел, во-первых, в соединении мелких промышленников в артели, в развитии пароходства, создании промысловой инспекции. Мелких и средних промышленников Бартенева считал «самой здоровой частью населения».

Многоязычный состав побудил Бартенева заняться проблемой межязыкового общения: он составил остяко-русский словарь, оставшийся в рукописи, на которую дал отзыв один из профессоров Казанского университета. Статью «О русском языке в Обдорском крае» снабдил небольшим словариком диалектных слов. Современные филологи считают, что Бартенева высказывал предположение об обско-угорском происхождении этих слов [32]. Совместно с сыном рыбака И.П. Росляковым, который был выслан из Москвы, Бартенева подготовил статью об Обдорском наречии остяцкого языка [9]. Отзыв о статье дал проф. Казанского университета, член-корреспондент финского литературного общества Гельсингфорса Н.И. Андерсон.

«Постоянное общение с инородцами привело к тому, что почти все русские обдоряне хорошо, почти без всякого русского акцента говорят по-остяцки, по-самоедски и по-остяцки между собой. Наоборот, по-русски выражаются с акцентом инородца». Остяки же вообще очень плохо понимают по-русски, а самоеды и вовсе не знают русского языка.

Коми дети почти все читают и пишут по-русски, в противоположность своим родителям, почти сплошь «неграмотным и довольно плохо владеющим русским языком». Автора удивляло, что процесс обынородчивания замкнулся только на заимствовании языка русским населением, а ассимиляции городского русского населения и инородцев не происходит. Браки с зырянами не оказывают влияния на язык, так как «скорее зыряне перенимают русский язык, чем наоборот» [1]. Таким образом, население представляет собой довольно чистый великорусский тип, что нельзя сказать о других поселениях крайнего севера [35].

Разделы о религиозных представлениях Бартенева опубликовал в журнале «Живая старина» [4] и в Ежегоднике Тобольского губернского музея [5]. Автор увидел в представлениях ханты

о грехе и преступлении две группы: одни касались грехов против общества и другие – против воли божеств. Особенностью хантейской религии он считал полное разграничение этих областей. Преступления против общества не касаются сверхъестественных сил, зато всякого рода нарушения религиозных запретов жестоко преследуется духами. К числу грехов такого рода Бартенева относил нарушение присяги, кражу вещей покойника с кладбища, жертвенных мест, запрещение женщинам ездить по священным озерам, чистить и резать отдельные породы рыб и т. д.

Под влиянием В.В. Бартенева и И.П. Росляков занялся описанием похоронных обрядов остяков [33].

Еще одной сферой деятельности В.В. Бартенева стали наблюдения за погодой. При этом в публикации он сумел вставить неизвестные ранее данные о роли политических ссыльных в организации наблюдений за погодой. Политический ссыльный Щегинский построил на высоком берегу р. Полуи беседку, откуда открывался прекрасный вид на водные просторы Оби, а жители ежегодно собирались в ожидании первого парохода весной и для проводов последнего осенью. «На видном месте [находится] будка с инструментами для метеорологических наблюдений – Обдорская метеорологическая станция, учрежденная лет 15 тому назад».

Бартенева изложил историю создания и деятельности станции, причем данные были настолько интересны, что их почти полностью опубликовали в Известиях Западно-Сибирского отделения Русского географического общества: «Правильные наблюдения, производимые в срочные часы И.А. Гервасием, с вознаграждением 15 руб. в месяц от Морского ведомства, начались лишь со второй половины октября 1882 г.; инструменты, приобретенные на средства Главной физической обсерватории [...] установлены на высоте 3,4 м от земли. Вследствие трудности приобретения строевого леса, столбы будки настолько тонки, что инструменты подвержены более или менее сильным потрясениям. В марте 1884 г. г. Гервасий уехал и передал производство метеорологических наблюдений М.А. Цукерману, которому помогал иной раз его товарищ Клодеев. В сентябре 1887 г. директор Екатеринбургской обсерватории Г.Ф. Абельс, ревизуя Обдорскую метеорологическую станцию, нашел инструменты хорошо уста-

новленными и на том же месте, куда они были перенесены г. Цукерманом в 1884 г. В ноябре г. Цукерман оставил Обдорск и его место заступил г. Духович. Инструменты остались на своих местах. В июне 1890 г. Зеленский, помогавший и раньше г. Духовичу вести наблюдения, принял от него окончательно станции» [10]. Перечисленные политические ссылки народные были студентами Петербургского, Киевского и Новороссийского университетов. Бартенева продолжил наблюдения за погодой, а И. Росляков стал заведующим метеорологической станций.

Как видно из сочинения Бартенева, культурная жизнь во многом оживлялась благодаря репрессированным.

Воспитанный в дворянской семье, Бартенева не был чужд музыкальных занятий. Современники вспоминали, что он обучил нескольких обывателей песням, которые знал, а полицейский исправник навеселе иногда распевал революционные песни [16]. В Псков он привез понравившуюся многим песенку «Как сел комар на дубок, на дубок, на дубок», которую пели хором [24].

Бартенева занялся изучением народной музыкальной культуры, стал записывать песни, которые слышал, и запоминать мелодии. Позже он отмечал, что в Обдорске распевают даже «занесенные ссылными студентами-хохлами» песни. «О простоте напевов можно судить по тому, что проф. В.В. Эвальд, который записал с моего голоса 24 напева, успел выполнить эту работу в каких-нибудь три часа», – отмечал Виктор Викторович [3].

Когда Бартенева переехал в Архангельск, музыкальная жизнь города была довольно активной: действовали музыкальное общество, общество любителей музыки, кружок хорового пения, музыкальная школа, Архангельское отделение Императорского русского музыкального общества. Концерты давали оркестр и хор песенников резервного батальона, традиционными были отчеты музыкальных классов и бесплатных летних музыкальных курсов для народных учителей и учительниц [41].

Бартенева ввели в состав комиссии Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС) по собиранию и сохранению древних народных песен [30, с. 70]. Комиссия ставила своей целью собирание памятников словесного и музыкального народного творчества, выработку наставлений для собирателей, организацию хора исполнителей древних народных песен, широкую

пропаганду сохранения древних музыкальных и словесных произведений.

В Архангельске Бартенов издал 24 песни, записанные в Обдорске [2]. Он считал Обдорск своеобразным гнездом «массы любопытнейших остатков старинного песенного творчества», причем имел в виду не тексты, а именно напевы; выделил протяжные песни с неопределенным напевом, которые назвал архаическими. Почти все эти песни были записаны Дютцшем и Истоминым в Олонецкой и Архангельской губерниях и которые сам Бартенов слышал на Летнем берегу Белого моря. Вторая группа протяжных песен с определенным напевом широко распространена по всей России. «Они часто распевались на студенческих вечеринках и их популярность и общеизвестность в значительной степени создана студентами, несмотря на все стеснения, которым подвергалась учащаяся молодежь». При жизни Бартенева музыковеды оценили сборник как оригинальное произведение, а записи величальной песни с зачином «Не шелкова ниточка» сравнивали с произведениями Н.А. Римского-Корсакова. По мнению Т.Г. Ивановой, Бартенов предложил собственную классификацию великорусских народных песен [23].

Летом 1916 г. В.В. Бартенов выступил с докладом о значении собирания и распространения народных песен, проявив музыкальные познания о народных песнях в нескольких губерниях [8]. По его словам, в обрядовых песнях сохранились народные нравы, обычаи и поверья. Современное значение народных песен он видел в высоких музыкальных достоинствах и призывал всемерно заниматься ее распространением. Бартенов считал, что исторически песня возникла в высших слоях общества – в дружинах и боярских кругах, т. к. в песнях часто и много упоминаются князья, терема, роскошная одежда. Затем песня «спустилась» в народные низы. Но неблагоприятные условия бытования песен, вызванные «гонениями религиозно-аскетического направления», стеснение молодежных вечеринок и влияние «трактирной цивилизации» привели к появлению особого жанра народной песни – частушкам [21, 1916. № 9. С. 378–379].

По результатам выступления Бартенева песенная комиссия приняла решение о подготовке методического пособия по сбору народного песенного фольклора [26]. Были разработаны составленные им, по-современному говоря, методические рекоменда-

ции, опубликованные в Известиях общества и дополнительно в 500 отдельных оттисках. В 1919 г. на одно из собраний комиссии были приглашены учителя губернии, съехавшихся на курсы пения. Перед учителями с докладом о русской народной песне также выступил В.В. Бартенева [31, с. 5].

Таким образом, благодаря Бартенева сохранено несколько лучших образцов народного музыкального творчества.

В Обдорской ссылке Бартенева проявил себя активным, живым собеседником и стал центральной фигурой не только колонии, но и местной интеллигенции. Создание библиотеки при училище, вероятно, можно объяснить отчасти инициативой нового ссылного.

Уместно отметить, что интерес к библиотекам, как форме общественной деятельности, был присущ этой семье. Супруга Виктора входила в правление созданной в Пскове в 1898 г. городской общественной библиотеки. В 1916 г. занялась описанием книг и карт АОИРС (240 карт, 21 план и 42 рукописи) [30].

Один из университетских знакомых, встретивший Бартенева позже, вспоминал: «По натуре тихий и кроткий, В.В. Бартенева был меньше всего революционером. В ссылке он [...] понял, что сам он не создан для революционной деятельности. К тому же он путем долгих одиноких размышлений пришел к выводу, что Россия, больше, чем в революции, нуждается в просвещении, и поставил целью своей жизни просветительную работу в провинции» [27].

Имеются доказательства общественной инициативы ссылного в других областях. Местный врач по его рекомендации хлопотал о разрешении прочесть популярную лекцию о борьбе с эпидемиями. Только год спустя, когда в Тобольской губернии свирепствовала холера, была прочтена тем же врачом популярная лекция, выслушанная обдорянами с большим интересом и «вызвавшая с их стороны принятие разного рода мер». Под влиянием этнографических занятий Бартенева рыбопромышленник фотограф-любитель И.А. Рочев стал фотографировать «типичных инородцев, а иногда и интересных русских».

Более важным событием культурной жизни был возникший среди немногочисленной интеллигенции проект устройства школы с интернатом для остяцких детей. Бартенева писал, что в миссионерской школе священники не знают остяцкого языка, а дети

– русского, в результате преподавание в миссионерской школе равно нулю и в ней не учится ни один инородец. Поэтому в проекте предполагалось ввести занятия на остяцком языке. Составленную И. Росляковым остяцкую грамматику священник-миссионер переписал, и сам начал по ней учиться. Однако осуществить этот проект не удалось, потому что отсутствовала законодательная основа, да и мечтатели больше говорили, чем делали.

Еще одна инициатива, в которой участвовал Бартенева – создание рыболовецкой артели, что он считал «желательным исходом для мелких промышленников». Он был уверен, что русскому народу присущ коллективизм, который проявлялся в форме артелей. Это доказывают его ссылки на работы историка В.И. Семевского об артелях золотоискателей. В своих выступлениях в Архангельске Бартенева также постоянно возвращался к артелям.

Оказывал Бартенева и юридические услуги. Примером положительного результата апелляции Бартеневым был курганский помещик из ссыльных И.Д. Второв [14, Ф. 152. 1892. Д. 55. Л. 88].

Таким образом, В.В. Бартенева проявил себя как наблюдательный, тонкий исследователь и как инициатор нескольких общественных мероприятий.

Книга В.В. Бартенева привлекла внимание современников. Положительная оценка работы бывшего ссыльного и поддержка его позиций была изложена в передовой статье газеты Тобольские губернские ведомости. Одна из статей В.В. Бартенева названа «интересной во многих отношениях для выявления вопроса о положении Севера Тобольской губернии». Газета подчеркивала, что автор – «человек частный, не мог руководствоваться никакими побочными соображениями, не мог быть пристрастным к администрации, торговцам и инородцам. Статья – введение к более полной работе, которую автор обещает, и которая посвящена борьбе крупной формы промышленности и мелкой в области рыбного промысла в низовьях Оби». Далее редакция приводила выдержки из работы Бартенева, в которых главная идея заключалась в следующем утверждении: «Основа экономической жизни – торговля пушниной и рыбный промысел». После рассказа о ярмарке газета подвела итог, что все тоболяки покупают пушнину у самоедов через обдорцев. Только два купеческих клана торгуют непосредственно с самоедами и

увозят товар в Ирбит. «Мелкие торговцы находятся под двойным прессом», большинство торгуют в кредит. В следующих номерах (№ 23, 24, 25) газета перечислила и другие проблемы, поднятые в работе Бартенева, и делала вывод, что сопоставление мнения Бартенева и записок тобольского губернатора о Севере подтверждает выводы Бартенева.

О выходе книги «На крайнем севере Сибири» информировал журнал «Живая старина» [19]. «Псковский городской листок» писал, что очерки «написаны очень интересно и живо» и обладают большими достоинствами. Богатое содержание книги позже использовали в популярных книгах для чтения [25]. Продолжением исследования Бартенева явилась работа Обдорского священника В.Н. Герасимова [13].

Таким образом, исследование В.В. Бартенева стало явлением культуры, а опубликованный материал имеет большую научную ценность.

Тот факт, что первоначальный интерес к краеведению Бартенева получил от «отца» русского краеведения историка И.М. Гревса, безусловно содействовал его неослабевающему интересу к истории и этнографии края и активной деятельности в Обществе изучения Русского Севера в Архангельске. Человек, выброшенный из привычного пространства культуры, вынужденный находиться в новом, порой чуждом, культурном пространстве, перерабатывал его и создавал культурную «вторую природу». Около 30 публикаций В.В. Бартенева в центральных и местных изданиях содержат характеристику истории, культуры и быта населения севера Западной Сибири и Европейской России, конкретно-исторические и этнографические выводы и явились крупным вкладом в изучение приарктических территорий России.

В Сибири и в Архангельске, находясь в новой среде, вынужденно вписывая себя в окружающую действительность, Бартенева жил в состоянии «сотворения» культурного пространства и в определенной степени формировал оценочные ориентиры. Бартенева внес вклад в описание данного культурного пространства и его работы рассматриваются как уникальные источники.

Список литературы и источников

1. Бартенева В. О русском языке в Обдорском крае // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 126–129.
2. Бартенева В. Обдорские песни (с нотами). Архангельск, 1914. 17 с.
3. Бартенева В. Обдорские песни // ИАОИРС. 1914. № 20. С. 673.

4. Бартенов В. Погребальные обычаи Обдорских остяков // Живая старина. СПб., 1895. Вып. III–IV, отд. IV. С. 487–492.
5. Бартенов В. Понятия обдорских остяков о грехе // Ежегодник Тобол. губ. музея. Вып. 5. Тобольск, 1895–1896. С.9–12. Отд. оттиск. Тобольск: тип. Тобол. епарх. Братства, 1896. 4 с.
6. Бартенов В.В. Концентрация торгово-промышленной жизни на крайнем северо-западе Сибири // Новое слово. 1896. № 8. С. 22.
7. Бартенов В.В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб.: Типо-литография М.Ф. Пайкина, 1896.
8. Бартенов В.В. Очередные задачи при собирании и распространении русской народной песни // ИАОИРС. 1918. № 3–4. С. 77–80.
9. Бартенов В.В., Росляков И. П. Обдорское наречие остяцкого языка. Ред.: Андерсон Н. // Известия С.-Петербургской Академии наук, 1896.
10. Брейтигам П. Материалы для климатологии Западной Сибири и Степного края. О температуре воздуха. 2. Обдорск, 1882– [18]90 гг. [Бартенов В. Температура воздуха в Обдорске. 1882–1890 гг. Письмо из Обдорска в редакцию] // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XVI. Вып. II–III. Омск, 1894. С. 11–13.
11. Бровина А.А. Библиотека провинциального интеллигента конца XIX – первой половины XX века (Апполинарий Иосифович Бороздич) // Экология, образование, наука, культура: состояние и перспективы развития: Сб. тез. I Междунар. науч. конф. молодых ученых и студентов. Архангельск, 2001. С. 93–96.
12. Враская О.Б. Архивные материалы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова по изучению города // Археографический ежегодник за 1981 г. М.: Наука, 1982. С. 303–315.
13. Герасимов В.Н. Обдорск. Исторический очерк. Тюмень: Тип. «Сибирской торговой газеты» (А.А. Крылова), 1909. 88 с.
14. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГА в г. Тобольске»).
15. Деятели революционного движения в России. Т. 5. Социал-демократы. 1880–1904. Вып. 1. А–Б / Сост. Корольчук Э.А., Левин Ш.М. 1931. – XXVI с., 582 стб., [1] с.
16. Дойков Ю.В. Архангельские тени. (По архивам ФСБ). Том I (1908–1942). Архангельск, 2008. 480 с. // <http://arhisповедniki.ru/> (режим доступа 27.08.2015).
17. Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1894. Вып. 2. С. LVIII.
18. Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1898. Вып. 9. Отд. отт.
19. Живая старина. 1896. Вып. 20. С. 258.
20. И.Р. [Росляков И.П.] Воспоминания о П.В. Веригине. Записки политического ссыльного / под ред. и с примеч. В.Д. Бонч-Бруевича // Материалы к истории и изучению русского сектантства. [Женева], 1901. Вып. 1. С. 201, 204–205.
21. Известия Архангельского общества изучения Русского Севера.
22. Иванова Т.Г. Виктор Викторович Бартенов – революционер, этнограф и фольклорист // Народная культура Сибири: Материалы XXI научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2012. С. 28.

23. Иванова Т.Г. Виктор Викторович Бартенев – революционер, этнограф и фольклорист // Традиционная культура. 2013. № 1. С. 164–173.

24. Иеропольский К. Несколько дополнений к статье И. Книжника о Е.Г. Бартеневой // Каторга и ссылка. 1930. № 2. С. 175.

25. На крайнем северо-западе Сибири. Жизнь в Обдорске // Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник / сост. А. Клубер, С. Григорьев, А. Барков и С. Чефранов. М., 1903. С. 391–401.

26. Наставления для собирания народных песен и других произведений народной словесности и музыка. Архангельск, 1916. 11 с.

27. Оболенский В.А. Виктор Викторович Бартенев // Памяти погибших. [Сборник] Под ред. Н.И. Астрова и др. Париж, 1929. С. 170–172.

28. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 18 //).

29. Отчет о деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера за 1913 год. Архангельск, 1914. С. 10, 17.

30. Отчет о деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера за 1915 год. Архангельск, 1916. С. 11, 16, 70.

31. Отчет о деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера за 1916 год. Архангельск, 1917. С. 5.

32. Панченко С.В. Лексика хантыйского происхождения в русских письменных источниках конца XIX – начала XX века. Дисс. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов <http://www.dissercat.com/content/> (режим доступа 06.09.2015).

33. Росляков И. П. Похоронные обряды остяков // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1896. Отд. отт.: Тобольск: Тип. Тобольского епархиального братства, 1896. 9 с.

34. Российский Государственный исторический архив Москвы. Ф. 102. Д. 12. 1891–1895. Л. 8–9:

35. Роцевская Л.П. Русский язык и литература в диалоге культур города Обдорск Тобольской губернии конца XIX века // Русский язык и литература в современных культурных контекстах. Труды и материалы Международной научно-практической конференции. Тюмень, 30–31 октября 2015 г. Тюмень, 2015. С. 18–19.

36. Сибирская энциклопедия. 1921.

37. Софронов В.Ю. Северное миссионерство глазами современников // Сибирская Займка. История Сибири в научных публикациях <http://zaimka.ru/sofronov-missionary> (режим доступа 31.07.2015).

38. Тобольский север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / сост. Роцевская Л.П., Белобородов В.К. Екатеринбург: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1998. 432 с.

39. Уральская советская энциклопедия. Т.1. Свердловск, 1933. С. 26–27.

40. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 3 (40). С. 84.

41. Щуров Г.С. Архангельск – город музыкальный. Хроника событий музыкальной жизни г. Архангельска. 1820–1917 гг. Архангельск, 1995. 191 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы № 0412-2014-0022 «Документальные свидетельства научного освоения и изучения арктических территорий России в конце XIX – первой половине XX вв.».

Е.С. Сальникова

Положение уголовных и политических ссыльных в Сибири во второй половине XIX века. Сравнительный анализ

Все ссыльные, отправляемые в Сибирь, делились на категории. Особо можно выделить ссыльнопоселенцев и политических, первую, как самую многочисленную и вторую, как особо выделяемую среди ссыльных. Их отличало многое: способ передвижение, отношение начальства, назначаемые пособия и др., хотя по закону особых условий пребывания для политических ссыльных не было предусмотрено. Снисхождение к политическим ссыльным наблюдалось и со стороны администрации генерал-губернатора Восточной Сибири.

Ключевые слова: ссылка, поселенцы, политические и уголовные ссыльные, путь следования в Сибирь, занятия ссыльных.

E.S. Salnikova

The Situation of the political and criminal offenders in Siberia in the second part of 19th century

All criminals sent to Siberia, were divided into some categories. Some of them were criminal and political offenders. The first category was the most multiple, the second- the most privileged. There were so many differences between these two groups: transportation mode, authority attitude, compensation and others. Local authority also showed his indulgence to political criminals.

Keywords: an exile, a deportee, political and penal criminals, an itinerant, exile's activities

Ссылку в Сибирь условно можно разделить на три этапа: тюремное заключение, путь следования по Сибири и отбывание наказания. Во всех официальных документах, которые касались правил ссылки в Сибирь, не выделялся особый порядок следования для политических ссыльных, но на деле он сильно отличался от других категорий арестантов.

Еще до высылки в Сибирь, политические заключенные в тюрьме пользовались чрезвычайными льготами: они жили отдельно от уголовных арестантов, их не заковывали, не брили головы, не надевали арестантского платья. Они имели книги, бумагу, кухню, кладовые, баню, мастерские, где занимались переплетным делом и резьбой по дереву. Только этой категории ссыльных разрешалось курить табак, получать из дома чай, сахар, деньги, книги. «В материальном отношении политические составляли аристократию тюрем и им смело могли завидовать другие арестанты» [7, с. 20].

В тюрьме политическим арестантам свидания с близкими разрешались без всяких ограничений. Тюремная администрация показывала пример человеколюбия, не желая усиливать тяжесть предварительного заключения, разрешала свидания даже не родственникам. Такими лицами являлись «невесты» заключенных, иногда даже не знакомые с ними. Эти «невесты» пользовались решительно всеми преимуществами законных жен.

История ссылки знала немало примеров, когда Министерство внутренних дел меняло место ссылки уже осужденным «невестам», и отправляла их к жениху, иногда даже женатому. «Такие переводы обходились казне недешево (каждая верста пути политических заключенных 19 копейки, а весной 24 копейки)» [7, с. 27].

Льготы для политических ссыльных распространялись на многое. Об этом свидетельствуют, в своих воспоминаниях сами арестанты. «Самый главный вопрос – наличие багажа. По инструкции лицам, лишенным всех прав состояния, разрешалось иметь не более 25 фунтов багажа на каждого, но только казенные вещи имели этот вес. Нельзя было везти книги, каковых у нас накопилось не мало. Но начальство сообщило, что вес багажа будет распределяться на всех отправляемых в партии, а так как административным ссыльным дозволялось иметь 5 пудов, а у них было мало вещей, то мы, каторжане, могли взять с собой и вещи, и книги» [4, с. 125].

До 1879 года все политические и административные ссыльные отправлялись на тройках в сопровождении двух жандармов. С 1879 года, когда число высылаемых быстро возрастало, их стали отправлять пешком этапом, но и здесь они имели при-

вилегии. Из политических формировались отдельные партии. Их отправляли с таким расчетом, чтобы они не встречались с уголовными ссыльными. Это давало им первым возможность свободно располагаться на этапах, занимая целые дома.

По железной дороге политические ссыльные ехали не в арестантских вагонах, а в пассажирских III класса. Во время перевозки партии ссыльных на пароходе, у них были отдельные каюты, свой конвой. Они готовили себе еду отдельно. Им разрешали на пристанях через солдат покупать продукты. Вечером, когда уголовных арестантов закрывали в камерах, политических выпускали на палубу, где они пили чай, пели, читали стихи.

В Томске заканчивался пароходный путь, далее пешим ходом по Московскому тракту. Этот путь был особо тяжелым для арестантов. Очень рано партия выступала в дорогу, чтобы засветло добраться до этапа. Во время ночлега мест на нарах всем не хватало, размещались на полу. Всех этих неудобств политические ссыльные не знали, вставали позже, ехали всю дорогу на телегах, могли гулять во время пути. Этапные офицеры давали им самовары, дрова для приготовления обеда. Даже ночью на этапах им разрешалось выходить во двор. Везде по пути следования и на этапах, и в тюрьмах, политических при приеме и проверке выданных вещей, никогда не задерживали и принимали первыми.

Несмотря на то, что политические пользовались относительной свободой, они часто устраивали протесты, если их что-то не устраивало. В своих воспоминаниях народоволец Л. Дейч (осужденный на 13 лет каторги) писал: «Мы добились, чтобы нас отправляли с этапа не в 4 утра, как уголовных, а в 6, чтобы мы могли выспаться и старший офицер вынужден подчиниться, потому-то мы пригрозили ему бунтом. Некоторые офицеры не прочь были оказать нам любезность и внимание, предлагали нам газеты, отправляли письма»[4, с. 142].

Конвойные офицеры относились к политическим ссыльным сдержанно-официально, стараясь избежать каких-либо столкновений и неприятностей. Особую роль в политических ссыльных партиях играли женщины, они готовили пищу, устраивали быт, но по Уставу о ссыльных, женщины должны были следовать и размещаться в тюрьмах отдельно от мужчин,

вместе с семейными ссылными, однако политические часто добивались совместного этапного проживания: «В Томске девушек опять хотели отделить от нас, но мы послали телеграмму в Санкт-Петербург, в Главное тюремное управление, и оттуда пришел благоприятный ответ. Часть нашей партии в Тюмени должна была отправиться на поселение пешком порядком, они отказались, требуя доставить их водным путем, для чего была отправлена телеграмма губернатору, он сам лично приехал из Тобольска пообещав выполнить эту просьбу» [4, с. 126, 136].

В чем была причина особого положения политических ссыльных? Л. Дейч пишет: «Немалую роль в таком отношении к нам властей играло сознание политическими своей правоты и присущее им чувство собственного достоинства» [4, с. 123]. Возможно, последнее и имело место, но главное то, что большая часть этих людей принадлежала к дворянскому сословию, которое, по Уставу пользовалось особыми льготами. Кроме этого, в основном это были молодые люди, закончившие гимназии, студенты университетов, вставшие на революционный путь, а в России традиционно грамотный человек пользовался особым уважением окружающих.

До 80-х гг. XIX века порядок надзора за политическими ссыльными был не обременительным. Им разрешали селиться в городах Восточной Сибири, 1-2 раза в неделю их посещал судебный пристав.

В 1878 года был принят закон о ссылке политических преступников в Якутию. Все политические ссыльные Якутии делились на 1. административных ссыльных; 2. ссыльнопоселенцев из бывших политкаторжан; 3. сосланных по приговорам суда.

Административная ссылка в Якутскую область вводилась как постоянная карательная мера в системе политических репрессий после издания закона от 8 августа 1878 г. «Положения о ссылке в административном порядке в Восточную Сибирь», и в частности, в Якутскую область. Дополнительно к указу, 12 марта 1882 г. также сюда стали отправлять на поселение после отбытия каторжных работ в Забайкальском крае.

Причиной появления закона была ликвидация революционной организации «Народная воля» и движения «хождения

в народ» (в тюрьмах оказалось более 2 тыс. человек). Из всего количества арестованных предано суду было 193 чел.

Всего за первое десятилетие действия этого закона было сослано 274 человека [6, с. 12]. Их отправляли в глухие улусы Вилуйского округа. Эту категорию ссыльных (сосланных по приговорам суда) наделяли землей, чтобы они могли иметь пропитание, так как пособие от государства, как административным ссыльным, им не полагалось. Из них 152 – русских (53 %), 85 ч. – евреев (30 %), 17 – поляки (6 %)

Социальный состав: дворяне и дети чиновников – 71 чел., мещане – 100 чел. крестьяне – 33 чел., остальное купечество, духовенство и военные – 81 чел. Высшее образование имели 73 человека, среднее – 99, начальное – 53 [6, с. 15].

Из воспоминаний Г. Циперовича (руководитель социал-демократического кружка рабочих и матросов в Одессе в 1894 г.): «Чем дальше отъезжали мы от Якутска, тем яснее и отчетливее чувствовалось, в какую ужасную ненормальную обстановку попали мы. Вокруг нас уже не было стен, не было и ненавистного конвоя, но эта могила, этот беспредельный снег, стерегший нас со всех сторон, шаг за шагом убивал в нас веру в грядущее будущее. Это была тюрьма без оград и запоров, пытка без мучителя, издевательство стихии над страстями и стремлениями живых, но заживо погребенных и бессильных людей» [6, с. 47–48].

Всем уголовным ссыльным, если они не хотели заниматься сельским хозяйством, разрешалось брать выкуп у якутов за полагающийся им надел, или им выдавали паспорта, и они отправлялись на поиски работы.

Намного хуже было административным ссыльным, которые поселялись в якутских наслегах. Им нельзя было отлучаться, в отличие от ссыльнопоселенцев. В существовавших правилах по устройству быта политических ссыльных им воспрещалось заниматься воспитанием детей, преподаванием наук, иметь аптеки, типографии, фотографии, должности в правительственных учреждениях, заниматься медицинской практикой и т. п. И лишь сельское хозяйство было доступным для этой категории граждан. И они, чтобы не погибнуть с голоду, вынуждены были добиваться надела. Занятие земледелием служило для политических ссыльных существенным подспорьем. Арби-

тром в этом споре выступал исправник, областной советник, губернатор. Для них этот спор был доходной статьей. Отказать ссыльному в наделе было нельзя, но можно было, не отказывая, годами вести бюрократическую волокиту за определенную плату со стороны якутов. Из-за этого случались конфликты с якутами. «Якуты ненавидели всех русских и политических в частности. Чувствуешь себя в полной власти враждебно настроенных полудикарей: ничем не гарантирована ни безопасность твое личности, ни имущества» [6, с. 141].

Ссылнопоселенцев как уголовных, так и политических помещали на иждивение в юрту якута, обязывая его кормить, поить до назначения казенного пособия и до обзаведения собственным жилищем. Старосты наслег обязывались следить за поселенцами и не позволять отлучки.

Сумма пособия политическим определялось в зависимости от их социального происхождения. Для ссыльных привилегированных сословий ежемесячное пособие 4 руб. 50 коп. на продовольствие и 1,50 на квартиру, это составляло 72 руб. в год (в исключительных случаях цифру повышали до 114 руб. в год, например, когда человек тяжело заболел). Непривилегированным обычные кормовые выдавали как уголовным преступникам по 9 коп. в сутки т. е. 32 руб. в год, в то время, когда в Верхоянске пуд хлеба стоил 5 руб. 40 коп.

Начиная с 1880 года для якутской политической ссылки обеих категорий (привилегированные и непривилегированные) были установлены одинаковые пособия. С 1885 года ставка казенного пособия составляла для Колымского округа 216 руб., для Верхоянского – 180 руб. для Якутского и Олекминского округа – 144 руб. и еще 22 руб. ежегодно на одежду.

Среди первых политических ссыльных 96 человек (33 %) стали заниматься земледелием, в основном это были те ссыльные, которые были сосланы в районы, относительно пригодные для занятий сельским хозяйством, в частности, в Якутский округ. Они немало содействовали распространению хлебопашества среди якутов. И усилиями ссыльных были произведены опыты земледелия за полярным кругом. Якутский губернатор передал искреннюю благодарность Шаганову, Волкову, Васильеву за их труды в деле развития земледелия [6, с. 18].

Несмотря на то что политическим ссыльным разрешалось заниматься лишь сельским хозяйством, на деле местное начальство широко пользовалось силами, знаниями, способностями политических ссыльных. Они учили детей, оказывали медицинскую помощь, юридические советы и пр., и местное население не считалось ни с какими существующими запретами.

Медицинской практикой занимались многие из ссыльных. Острая нужда в медицинской помощи заставляла якутскую администрацию нарушать правила. Значительная группа ссыльных занималась научными исследованиями. На протяжении десятилетий ими велись наблюдения на метеорологических станциях в Верхоянске, Колымске, они занимались изучением края, ремеслами.

В 90-х годах в Якутской области в ссылке появляются члены организации социал-демократов. До 1900 года третья часть всех политических ссыльных принадлежала этой организации. По воспоминаниям народовольцев, кроме идеологических разногласий, были и расхождения по вопросам чисто практическим: чем заниматься во время ссылки и как строить отношения с местным населением. «Некоторые из ссыльных позднейшей формации (социал-демократы), видя в ссылке непосредственное продолжение тюремного заключения, жили лишь чтением и подготовкой революционной деятельности, совершенно игнорируя местную жизнь. Другие, особенно из «стариков» (народовольцы), были тесно связаны со всеми культурными начинаниями, являясь душой и рычагом их. Многие составили себе имя и пользовались широкой и заслуженной популярностью среди местного населения. Ссыльные находили себе место во всех областях жизни, легко приспосабливаясь к новой обстановки, а иногда и к новой профессии» [6, с. 184].

По закону 1882 г. некоторым категориям политических ссыльных, которым назначалась административная ссылка, разрешались поездки в другие уезды Восточной Сибири и даже за границу (например, Д.А. Клеменцу разрешали длительные поездки в Монголию). Также ссыльным, не имеющим занятия, назначались ежемесячные пособия, размер которого зависел от цены продовольствия в данной местности – от 6 до 20 руб. Кроме этого полагались деньги на зимнюю и летнюю одежду

[5, с. 118]. Ссылным других категорий пособия вообще не полагались, они должны были сами себя обеспечивать.

Иным занятиям административных ссылных было строительство путей сообщения. Они участвовали в ремонте и строительстве почтовых трактов. Принимали одного ссылного, а за ним тянулись и другие, для этого они быстро приобретали специальное образование. Они работали в качестве техников с окладом в 1 тыс. руб. в год. В распоряжении каждого находилось несколько человек дорожных мастеров, тоже из ссылных (студенты, учителя, слесари и т. д.), жалованье которых составляло от 50 до 75 руб. в месяц. [5 с. 133].

Большинство из этой категории ссылных в 80-х гг. предпочитали службу на золотых приисках. Они работали в качестве врачей, фельдшеров, конторщиков, кладовщиков, чертежников, электротехников, смотрителей и т. д.

Современный анализ дореволюционной сибирской прессы показывает определенную терпимость и лояльность русского царизма к жизни общества. Политические ссылные, преступники, по сути дела, руководили общественным мнением огромного региона России.

Самым популярным периодическим изданием была ежедневная газета «Восточное обозрение», тираж которой в 90-х гг. составлял 20 тыс. экземпляров. Н.М. Ядринцев – первый редактор, прошел семь лет царской ссылки, перед тем как возглавить газету. И.И. Попов, редактор и издатель с 1894 года, являлся политическим ссылным, отбывающим наказание в Сибири. Из 17 человек редакции – 8 были политическими ссылными.

«Иностранцы, бывавшие в Иркутске, восклицали: – Странная страна!.. Азиатский деспотизм... и такая терпимость к политическим преступникам – с недоумением говорили они, встречая всюду ссылных» [5, с. 63]. По наблюдениям Н. Николаевского, автора книги «Тюрьма и ссылка» (одного из немногих исследований, специально посвященных изучению не ссылки вообще, а именно ее политической части), «главная черта исследуемого современного периода ссылки – ее относительно стабильное экономическое благополучие. По существу, ничто и никто не мешает ссылному в Сибири трудиться для своего блага. Он имеет возможность наниматься на золотые

прииски, заниматься сезонными промыслами, наконец, работать на богатого хозяина. Знания организации труда, почерпнутые из прошлой жизни в Европейской России, оказывают политикам «хорошую службу» – они быстро приобретают опыт управления, становятся заметными фигурами в любом деле [7, с. 136–137].

В то же время ссыльнопоселенцы влачили в Сибири жалкое существование. По закону они все должны были поселяться в деревни, где им полагался земельный надел. При этом ссыльным доставались крайние и худшие участки земли. Надо было приложить много труда, прежде чем привести их в порядок и получить урожай.

Из пришедших ссыльных в назначенные им деревни, брали наделы далеко не все, а их меньшая часть. Препятствием для ссыльных к занятию земледелием являлась крайняя ограниченность материальных средств или их полное отсутствие. Для того чтобы приступить к земледелию, надо было купить лошадь, по крайней мере, одну корову, завести соху, борону, телегу, сбрую и, наконец, поставить или купить избу. Даже при дешевизне сибирских цен на скот и лес, на все наиболее необходимое требовалось, в самом лучшем случае, ни меньше 50 рублей, число счастливчиков, обладающих такой суммой среди ссыльных было самое ничтожное. За 5 лет из 11 тысяч 258 человек и их семейств – 74 % прибыли совсем без средств, а на каждого ссыльного, имевшего деньги приходилось 23 руб. [2, 1900, 4 июня].

Российские власти отчасти способствовали особому положению политических ссыльных. Так, в 1883 году министр внутренних дел И.Н. Дурново пишет генерал-губернатору Восточной Сибири В. Корсакову: «...в связи с исключительными обстоятельствами последних лет, прибегнуть к чрезвычайным мерам для охраны общественного порядка. В связи с увеличением административных ссыльных. 1. Водворять их в городах группами приблизительно 50–100 чел. Избегать промышленные и учебные центры. 2. Учредить особые команды, которые будут вести наблюдение за ссыльными. Корсаков пишет: «В ответ на ваше письмо, вышло постановление Совета по тюремным делам по вопросу об изыскания способов к улучшению в Сибири быта административно сосланным [3].

Список литературы и источников

1. Белоконовский И.П. По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни. Орел: Тип. Н.А. Семенов, 1887. 245 с.
2. Восточное обозрение. 1900. 4 июня.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 346.
4. Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Н. Глаголева, 1906. 420 с.
5. Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
6. Из истории политической ссылки в Якутскую область: Сб. материалов и воспоминаний. М.: Главлит, 1927. 202 с.
7. Николаевский Н. Тюрьма и ссылка. Очерки политической и религиозной ссылки. М: Университетская типография, 1898. 201 с.

УДК 9(571.53)

И.П. Серебрянников

Роль и место ссыльных в террористической деятельности революционеров в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.

Аннотация: Статья посвящена анализу степени участия политических ссыльных в террористической и экспроприаторской деятельности революционеров в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века.

Ключевые слова: покушение, революционеры, ссылка, терроризм, террористический акт, экспроприация.

I.P. Serebrennikov

The role and the place of exilers in terrorist activity of revolutionaries in Eastern Siberia at the end of XIX – at the beginning of XX c.

The article is devoted to the analysis of degree of participating political exilers in terrorist and expropriatory activity of revolutionaries in Eastern Siberia at the end of XIX – at the beginning of XX c.

Keywords: Attempt, exile, expropriation, revolutionaries, terrorism, terrorist act.

В освободительном движении России во второй половине XIX – начале XX вв. практиковались различные способы борьбы, вплоть до крайне радикальных. К таким относится проведение террористических актов против представителей власти. Революционеры различных политических взглядов нередко применяли покушения на убийство. Особого размаха террористическая деятельность приобрела в начале XX в. Не отставали от своих товарищей находившиеся в заключении или в ссылке революционеры. Они нередко активно включались в радикальную борьбу. Не стали исключением представители политической ссылки и каторги Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. В их практике борьбы за смягчение режима ссылки наряду с мирными формами (подача требований, самовольные отлучки с мест водворения, побег, голодовки), начинают использоваться террористические акты в виде покушений на представителей местной администрации.

Первые террористический акт был совершен в 1882 г., когда Мария Игнатьевна Кутитонская стреляла в губернатора Забайкальской области генерал-майора Л.И. Ильяшевича в ответ на ужесточение режима в мужской тюрьме в Каре [1]. Таким образом, поступок М. Кутитонской, как в свое время выступление В.И. Засулич, явился следствием чувства оскорбленной справедливости. Она руководствовалась, прежде всего, стремлением отомстить за унижения и оскорбления, которые приходилось терпеть ее товарищам на каторге.

В дальнейшем политические ссылки неоднократно обращались к террористическим актам как средству борьбы за свои права. До 1905 года ими было совершено ещё шесть покушений на представителей администрации, полицейских чинов и солдат, в том числе во время двух массовых выступлений, известных под названием «Якутский» (1889 г.) и «Романовский» (1904 г.) протесты.

С началом первой российской революции активизировали свою деятельность члены местных организаций политических партий. Они активно стали применять в борьбе террористическую тактику. Так, при иркутском комитете партии социалистов-революционеров была создана боевая организация, главной задачей которой стало проведение покушений на наиболее

«вредных» для революционеров представителей власти. Ими были проведены акты против иркутского вице-губернатора В.А. Мишина и исполняющего обязанности полицмейстера Драгомирова. Готовились покушения на начальника иркутского охранного отделения М.Л. Гаврилова и командира 3-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанта П.К. Ренненкампфа. Однако задуманное провести не удалось в связи с крупными арестами, произведенными полицией. Однако П.К. Ренненкампф всё же пострадал, так как покушение на него произвел бежавший с места водворения ссыльный социалист-революционер Н.В. Коршун (Коршунов). 30 октября 1906 г. он бросил бомбу в генерал-лейтенанта, которая, однако, не причинила последнему вреда [2]. Это было единственное выступление террористического характера со стороны ссыльных во время первой российской революции.

В межреволюционный период наибольшую известность получило массовое выступление ссыльных Туруханского края, получившее название «Туруханский бунт». Группа из 20 ссыльных различной партийной принадлежности в декабре 1908 г. попыталась совершить побег с мест водворения. По дороге к Туруханску беглецы совершали политические убийства, а также экспроприации. Ими были убиты: полицейский надзиратель Нешумаев, помощник пристава Водяников, заподозренный в измене политический ссыльный Хозяшев, два казака, купцы Пономарев, Вяткин, Войлочников (Войлошников), – а также ранены несколько человек, в том числе и мирные жители [3]. Для прекращения беспорядков в Туруханский край была направлена воинская команда под начальством офицера и командирован временно командующий 8-й восточносибирской дивизией генерал-майор Трофимов с ротой стрелков и взводом казаков. 4 февраля 1909 г. край был объявлен на военном положении.

Возобновить террористическую деятельность попытались и ссыльные Верхотурского уезда Иркутской губернии. По инициативе ссыльных большевиков Е.М. Комарова, М.А. Бульчева и эсера Е.А. Пославского в 1911 г. была создана межпартийная группа, получившая название «Союз революционных социалистов». Члены «Союза» ставили своей задачей подготовку всеобщего вооруженного восстания в России для ниспровержения существующего строя и созыва всенародного учредительного собрания. С этой це-

люю предполагалось использовать различные средства борьбы, в том числе и проведение террористических актов. Для воплощения последней идеи была создана «Первая Сибирская народная дружина». Однако развить широкую террористическую деятельность членам ни «Союза», ни «Дружины» не удалось: весной 1912 г. эти формирования были разгромлены полицией [4].

Таблица 1

Количество террористических актов,
совершенных в Восточной Сибири в 1882–1913 гг.

	1882-1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Всего
Енисейская губерния	–	1	4	9	3 (2)	–	–	–	–	1 (1)	18 (3)
Иркутская губерния	–	4	5 (1)	2	–	–	1	–	1 (1)	–	13 (2)
Забайкальская область	–	1	3	7	4	1	–	1 (1)	1	–	18 (1)
Якутская область	7 (7)	–	1	–	–	–	–	–	–	–	8 (7)
Всего	7 (7)	6	13 (1)	18	7 (2)	1	1	1 (1)	2 (1)	1 (1)	57 (13)

Примечание: в скобках указано количество террористических актов, совершенных ссылкой.

Усиленно занималась сплочением ссыльных водворенная на поселение в г. Киренске Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. Сочувствующая партийной деятельности на автономных началах, независимо и помимо Центрального Комитета, она, пользуясь своим авторитетом, сумела организовать летом 1911 г. «Автономную группу партии социалистов-революционеров» в целях постановки и оживления партийной работы в пределах Сибири. Эта группа насчитывала с самого начала до 30 человек. Из ее состава выделился особый «Сибирский летучий боевой отряд», который, по имевшимся у полиции сведениям, базировался в окрестностях села Черемхово. Главной целью отряда было возродить террористическую деятельность. «Сибирский летучий боевой отряд» в свою очередь выделил организованный в селе Зима так называемый «Зиминский поселковый отдел комитета боевой организации» численностью около 15 человек [5]. Член «Сибирского летучего боевого отряда» Б.И. Лагунов, ссыльнопоселенец Преображенской волости, Киренского уезда,

18 августа 1911 г. совершил неудачное покушение на начальника Горно-Зерентуйской каторжной тюрьмы И.И. Высоцкого [6]. Это стало последним «крупным» делом не только ссыльных в Восточной Сибири, но и последним террористическим актом, официально признанным партией социалистов-революционеров.

Последним же покушением, совершенным ссыльными, стало убийство надзирателя Величко 19 июля 1913 г. в с. Таскеево, Енисейской губернии.

Однако вплоть до конца 1915 г. идеи о возобновлении террористической деятельности не покидали политических ссыльных Восточной Сибири. В 1914 г. ссыльнопоселенец Серов получил от бывшего ссыльнокаторжного Кутомарской тюрьмы Израйля Брильона письмо, в котором последний писал, что он решил совершить акт в отношении инспектора Главного тюремного управления И.П. Сементовского. О намерениях Брильона стало известно полиции, и директор Департамента полиции личным письмом предупредил Сементовского о грозящей ему опасности [7].

Говорили о возрождении террора ссыльные анархисты. Весной 1914 г. в с. Манзурка Иркутской губернии состоялась конференция анархистов-коммунистов Восточной Сибири. Среди участников не было единого мнения по тактическим вопросам. В одной из резолюций отмечалось, что конференция «констатирует различные течения и направления даже принципиальные разногласия товарищей участвующих на конф. в отношении к тактике. Намечается направление, которое видит центр тяжести в терроре... Намечается также другое направление рекомендуемое немедленно приступить к организации анархо-коммунистических коммун, кооперативов и артелей, намечается 3/ направление выражающееся исключительно в революционной деятельности против тюрем России» [8]. От слов к делу перейти не удалось.

Не смогли предпринять конкретных шагов по проведению террористических актов и ссыльные эсеры-максималисты из с. Рыбинского, Енисейской губернии, обсуждавшие вопросы тактики в условиях проходившей войны.

С 1906 г. в практику местных революционеров входит такой вид террористических актов, как экспроприация, т. е. грабежи на революционные цели. Нападениям подвергались как государственные учреждения, так и частные лица и торговые конто-

ры, а также порой церкви. Однако так же как и покушения на убийство, проведение экспроприаций в среде ссыльных в годы первой российской революции не получило распространение. Зато в межреволюционный период экспроприаторская деятельность проводилась в основном представителями ссылки.

Таблица 2

Количество экспроприаций,
совершенных в Восточной Сибири в 1882–1913 гг.

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Всего
Енисейская губерния	7	20 (1)	3 (3)	1	—	—	1	1	33 (4)
Иркутская губерния	—	1	—	—	5 (4)	2 (1)	1 (1)	3 (3)	12 (9)
Забайкальская область	1	3	1	1	—	—	—	—	6
Якутская область	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	8	24 (1)	4 (3)	2	5 (4)	2 (1)	2 (1)	4 (3)	51 (13)

Примечание: в скобках указано количество экспроприаций, совершенных ссыльными.

Ряд экспроприаций был проведен накануне и во время «Туруханского бунта» 1908–1909 гг. В деревне Чулково беглецы ограбили почту, в Туруханске – кассу и почту, а на станках Верхне-Инбатское, Ново-Черноостровский, Мироедиха, Монастырский и других экспроприациям подверглись зажиточные крестьяне и купцы.

Несмотря на заявление о лишь вынужденном характере экспроприаций, деятельность «Первой Сибирской народной дружины» в итоге свелась только к грабёжам. Первым активным выступлением дружинников стало ограбление почты близ села Манзурки в ночь на 31 марта 1912 г., во время которого было похищено 920 рублей наличными, 2814 рублей почтовыми и 5100 рублей контрольными марками. 10 апреля в селе Боганты были обнаружены Комаров и Булычев. При их задержании последний оказал вооруженное сопротивление, ранив пристава 3-го стана Верхоленинского уезда Голаменского и урядника Понкратова. При этом Булычев сам был ранен и взят под арест, а Комарову удалось скрыться. Остальные члены Дружины были обнаружены полицией и солдатами 3 июня около деревни Пономаревой, где они предполагали произвести очередное ограбление почты [9].

В 1913 г. проявили активность в экспроприаторской деятельности ссыльные анархисты Иркутской губернии. В сёлах

Черемхово и Зима действовала группа анархистов во главе с ссыльнопоселенцами А. Гломаздой и А. Стуре. 27 августа этой группой была проведена экспроприация в Зиминской почтово-телеграфной конторе [10].

В результате арестов и обысков, произведённых 1 октября 1913 г. в сёлах Черемхово и Гымыль, эта группа была частично ликвидирована полицией. Оставшиеся на свободе члены группы проявили себя ограблением 9 ноября конторы копей Мильнера, во время которого был убит урядник Бондарук, и 16 ноября Куйтунской почтово-телеграфной конторы [11]. Это стало последней экспроприацией, совершенной политическими ссыльными в Восточной Сибири.

Таким образом, можно говорить о том, что начало террористической деятельности в Восточной Сибири было положено политическими ссыльными. Более того, до начала первой российской революции покушения на жизнь представителей местной власти совершали только ссыльные, в одиночку или во время массовых протестов. В 1905–1907 гг., когда революционное насилие приобрело массовый характер, выступления террористического характера со стороны ссыльных практически прекратились. С началом же нового революционного подъёма они активизировали свою деятельность в борьбе с произволом тюремной администрации. В 1911–1913 гг. террористические акты в регионе были совершены практически только ими. Кроме того, в среде политических ссыльных в межреволюционный период ещё долго сохранялись взгляды на террор, как действенный способ борьбы.

Взяли на вооружение ссыльные и такой вид террористических актов, как экспроприации. Так же как и с покушениями, в годы первой российской революции их экспроприаторская деятельность была невелика. Большого размаха она достигла только после окончания революции. Однако в общей численности проведенных покушений (22,8 %) и экспроприаций (25,5 %) ссыльные уступали членам местных организаций политических партий.

Список источников

1. ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 106.
2. ГАРФ. Ф. 102. ДП 7-е делопр. 1906. Оп. 203. Д. 8. Ч. 17. Л. 265–266 об.; ДП ОО. 1906. Оп. 234. Д. 3. Ч. 19. Л. 9–13; ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1166. Л. 1–3; Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 134; Ф. 245. Оп. 3. Д. 444. Л. 11.

3. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1020; Там же. Оп. 3. Д. 9; Там же. Ф. 860. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 155; Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 613, 629.
5. ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1911. Оп. 241. Д. 106. Л. 6 об.-7; ГАИО. Ф. 242. Оп. 2. Д. 348. Л. 1-1 об.; Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 519. Л. 101, 102, 108; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1822. Л. 3-4.
6. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Оп. 240. Д. 346 в. Л. 25-27, 36, 37, 42-53.
7. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1914. Оп. 244. Д. 5. Ч. 27. Лит. Б. Л. 46, 76, 84.
8. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1 Д. 699. Л. 103 об.
9. ГАРФ. Ф.102. ДП 7-е делопр. 1912. Оп. 209. Д. 1309; Там же. ДП ОО. 1913. Оп. 243. Д. 336; ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 155; Там же. Ф. 143. Оп. 5. Д. 322; Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 613, 629.
10. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 235. Л. 12.
11. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Л. 605. Л. 76-79, 80-81.

УДК 94(47).083

И.И. Терновая

К вопросу о гибели И.В. Бабушкина на станции Мысовая, или Как переписывалась история

В статье автор ставит под сомнение традиционную версию гибели профессионального революционера И.В. Бабушкина на станции Мысовая во время транспортировки оружия из Читы в Иркутск в январе 1906 г. и проводит собственное исследование данной проблемы.

Ключевые слова: И.В. Бабушкин, В.И. Локуциевский, А.Н. Меллер-Закомельский, Иркутск, Чита, Слюдянка, Мысовая.

I.I. Ternovy

To a question of death I.V. Babushkina at the station Mysovaya, or As the history corresponded

In article the author calls into question the traditional version of death of the professional revolutionary I.V. Babushkina at the station Mysovaya during transportation of weapon from Chita

to Irkutsk in January, 1906 and conducts own research of this problem.

Keywords: I.V. Babushkin, V.I. Lokutsiyevsky, A.N. Meller-Zakomelsky, Irkutsk, Chita, Slyudyanka, Mysovaya.

Есть в нашей истории человек, последние дни жизни которого до сих пор для многих исследователей остаются загадкой. Когда-то его имя было на слуху, о нем говорили и писали профессиональные историки и литераторы. Его именем названы улицы в Чите, Ленинграде, Москве, Саратове, Симферополе, Мариуполе, Орехово-Зуеве, Смоленске. В его честь назван Бабушкинский район города Днепропетровска. В Бурятии в 1941 г. город Мысовск Указом Президиума Верховного Совета РСФСР был переименован в город Бабушкин.

Есть такая улица и в нашем городе. 3 ноября 1920 г. по постановлению № 5 Исполкома Иркутского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов пер. Зверевский был переименован в улицу Бабушкина.

Иван Васильевич Бабушкин – профессиональный революционер, агент газеты «Искра», член Иркутского и Читинского комитетов РСДРП, один из руководителей Читинского вооруженного восстания в 1905 г. О его жизни известно много, об обстоятельствах его гибели – почти ничего. Во всех источниках, с которыми удалось ознакомиться, идет расхождение фактов последних дней его жизни. Кто-то из авторов, опираясь на некролог, написанный В.И. Лениным, утверждает, что Бабушкин с товарищами вез оружие в Читу, другие авторы, наоборот, извещают о том, что транспортировка оружия проходила из Читы в Иркутск. Есть путаница и в дате гибели: кто-то называет 17 января, кто-то 18-е января и даже 31 января 1906 года. Кто-то указывает на место расстрела станцию Слюдянка, кто-то – станцию Мысовая.

«В январе 1906, транспортируя из Читы в Иркутск оружие для рабочих, был захвачен с пятью товарищами на ст. Слюдянка Забайкальской ж. д. карательной экспедицией генерала Меллер-Закомельского и 18 января 1906 на ст. Мысовая без суда и следствия расстрелян» (Большая советская энциклопедия).

«В январе 1906 года перевозил оружие для рабочих из Читы в Иркутск. Бабушкин и пять его товарищей были захвачены ка-

рательной экспедицией генерала А.Н. Меллер-Закомельского на станции Слюдянка Забайкальской железной дороги. 18 января 1906 года Бабушкин и телеграфисты Клоушников, Савин, Ермолаев и Бялых были расстреляны без суда и следствия на станции Мысовая» (Википедия).

«В январе 1906, транспортируя из Читы в Иркутск оружие для рабочих, был захвачен с пятью товарищами правительственными войсками на станции Слюдянка и расстрелян на станции Мысовая» (Иркипедия).

«Но в ночь на 1 января 1906 был арестован весь иркутский с.-д. комитет. Тогда Б. направился в Иркутск для восстановления разгромленной организации. Он ехал с пятью другими товарищами, которые в отдельном вагоне везли большой транспорт оружия. В первых числах января поезд на ст. Слюдянка Кругобайкальской ж. д. был настигнут карательной экспедицией ген. Меллера-Закомельского, и все шестеро без суда были немедленно расстреляны на краю вырытой на скорую руку общей могилы. Отказавшись перед расстрелом назвать свое имя, Б. «неизвестным» сошел в могилу, до конца оставшись стойким, убежденным и мужественным борцом за дело рабочего класса» (Большая биографическая энциклопедия).

Пожалуй, ближе всех к исследованиям данной проблемы подошел журналист Анатолий Семенов в своем очерке «Обелиск на Байкале», опубликованном в газете «Восточно-Сибирская правда» в 1986 году, где он поставил под сомнение факт ареста И.В. Бабушкина на станции Слюдянка.

Обобщив все имеющиеся сведения, можно представить официальную версию гибели И.В. Бабушкина таким образом: он был арестован 13 января на станции Слюдянка во время транспортировки оружия из охваченной восстанием рабочих Читы в Иркутск, а затем расстрелян карателями на станции Мысовая в ночь с 17 на 18 января 1906 года.

Попытаемся и мы поставить «слюдянскую версию» ареста и расстрела И.В. Бабушкина на ст. Мысовая под сомнение.

13 марта 1906 года и. д. начальника Иркутского губернского жандармского управления докладывал директору Департамента полиции: «В виду имевшихся в представляемом письме указаний, а также агентурных сведений, на отправку в Иркутск в половине января оружия, на станции Слюдянка был задержан ва-

гон, в котором обнаружено около трех тысяч винтовок. Из лиц, сопровождавших этот вагон, никто не был задержан, так как последние, видя невозможность провести вагон до Иркутска, а также разгрузить его на промежуточных станциях, скрылись»*.

Итак, мы видим из данного донесения, что *никто из сопровождавших эшелон с оружием в Иркутск, в том числе и Иван Васильевич Бабушкин, не был арестован в Слюдянке*. Возникает вопрос: действительно ли он сопровождал вагон с оружием из Читы в Иркутск? Если нет, то кто?

Имя этого человека мы находим в том же донесении: «...агентурным путем было выяснено, что транспортировкой этого оружия заведовал скрывшийся Вячеслав Локуциевский»**.

Имя этого человека никто ранее из исследователей, изучавших данную проблему, в т. ч. и А. Семенов, не называл.

Кто же такой, этот Вячеслав Локуциевский?

Из воспоминаний невестки В.И. Локуциевского – Тамары Викторовны Локуциевской: «...Вячеслав Иосифович Локуциевский происходил из семьи крупных польских магнатов, которые были высланы в Сибирь во время польского восстания. Один из братьев этой семьи был приговорен к смертной казни, другой к сибирской каторге. Брат, приговоренный к высылке в Сибирь, бежал, передав свои документы брату, приговоренному к смерти, и этот второй брат был выслан в Сибирь... Вячеслав Иосифович не раз сидел в царских тюрьмах, заболел там туберкулезом (при этом он окончил университет как инженер-мостовик)... Во время революции Вячеслав Иосифович был комиссаром ЧК и устанавливал Советскую власть в Сибири. Но поняв кровавый характер новой власти, своевременно ушел из политики и работал начальником строительства мостов и нескольких новых железнодорожных веток».

Семья Локуциевских была хорошо известна иркутским жандармам. В 1831 г. в сибирскую ссылку был отправлен участник польского национально-освободительного движения Антониус (Антон) Локуциевский. Вначале он работал на Тельминской суконой фабрике, затем был переведен на поселение в Усть-Орду. Вместе с ним в Сибирь пришли его сыновья – Алексей и Иосиф. Алексей стал видным деятелем сибирской социал-демократии,

* ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 140. Л. 565.

** Там же.

три его сына – Александр, Антон, Иннокентий пошли по стопам отца, принимали участие в первой русской революции, неоднократно подвергались арестам. В квартире Алексея Антоновича и его жены Елены Алексеевны Пологрудовой-Локуциевской в Знаменском предместье Иркутска хранился склад оружия и нелегальной литературы, а его заимка в районе Пивоварихе – «Дача Лунного короля» использовалась как место собрания иркутских социал-демократов.

Старший сын Иосифа Антоновича – Вячеслав, будучи студентом Томского университета, за участие в студенческом движении был в выслан в Иркутск. В 1903 г. подвергся аресту по делу первого Иркутского комитета РСДРП. Весной 1905 г. выпущен под залог, но вскоре был снова арестован. Ему удалось бежать из полицейского участка и перейти на нелегальное положение. В августе 1905 г. последовал новый арест за руководство забастовкой рабочих Забайкальской железной дороги, объявленной на военном положении. Из тюрьмы его освободила октябрьская амнистия 1905 г. После освобождения он принимает командование над рабочими вооруженными дружинами Иркутска.

Но вернемся к январским событиям на станции Слюдянка. Как Вячеслав Локуциевский оказался в эшелоне с оружием? На этот вопрос нам помогут ответить его воспоминания, опубликованные в журнале «Сибирские огни» в № 6 за 1935 г.: «Когда в конце декабря нами было получено сообщение, что читинские рабочие совместно с находившимися там железнодорожниками засели в мастерских для оказания вооруженного сопротивления наступавшей реакции, я был командирован в Читту за оружием. В Читту я выехал совместно с Андреем Залогиним, Минаком и еще одним товарищем, ехавшими в Читту в качестве делегатов на проходивший там железнодорожный съезд Забайкальской железной дороги».

Как мы видим, имя И.В. Бабушкина Локуциевский не называет. Можно было бы предположить, что они не были знакомы. Но это не так. В тех же воспоминаниях читаем: «...Для укрепления местных организаций из Иркутска уехали тов. Баранский, Суслов, Феденев, Попов, Ширямов, Мандельберг, *Бабушкин* и др.». Так как В.И. Локуцевский являлся членом Иркутского комитета РСДРП, то, безусловно, он знал в лицо вышеперечисленных товарищей.

Но продолжим воспоминания В.И. Локуцевского: «По пути к нам на всех крупных станциях подтягивались делегаты, ехавшие на тот же съезд. Когда мы приехали в Читу, там практически была власть Совета рабочих и казачьих депутатов, а бывший губернатор Холщевников находился под домашним арестом... В партийном комитете, куда я явился сразу по приезде, я встретился с хорошо знакомыми по совместному сидению в Александровском центре и Иркутской тюрьме «романовцами» В.К. Курнатовским, И.И. Костюшко-Валужаничем, Н.Н. Кудриным, Моисеем Лурье, а также Николаем Маленьким, *Бабушкиным...*»

Вновь Локуцевский обозначает в своих воспоминаниях И.В. Бабушкина. Безусловно, они были знакомы и знали друг друга в лицо. Если бы И.В. Бабушкину была поручена транспортировка оружия в Иркутск, Локуцевский об этом бы знал и не преминул отразить в своих воспоминаниях.

«Утром 7 января, – продолжает В.И. Локуцевский, – я и человек 20 бывших делегатов съезда (железнодорожников Забайкальской железной дороги. – *И. Т.*) выехали специальным поездом из Читы в Иркутск, поезд наш состоял из паровоза, большого пульмановского вагона, наполовину заполненного винтовками и патронами и товарного вагона, полностью загруженного оружием*. По дороге ехавшие с нами делегаты сходили на станциях, откуда они были делегированы. Перед нашим отправлением из Читы по линии дана была телеграмма, предлагавшая начальникам дружин подойти к нашему поезду. На первой от Читы деповской станции к поезду прибыл начальник местной дружины с частью своих дружинников и с ними произошел следующий разговор:

- Сколько у вас дружинников?
- Столько-то, – следовал ответ.
- А сколько рабочих?
- Столько-то, – называлась цифра, в 5–7 раз превосходившая число дружинников.
- Почему же мало в дружине?
- Нет оружия.
- А до какого количества может быть доведена дружина, при условии, если будет оружие?

* 2 760 винтовок // Вост.-Сиб. правда. 1955. 29 дек.

– До такого-то, – называлась цифра, близкая к общему числу рабочих.

Тогда было сделано распоряжение раздатчику выдать необходимое количество винтовок с запасами патронов, которые и были выданы из пульмановского вагона. В дальнейшем на каждой деповской станции повторялась та же самая история, кроме ст. Хилок, где с явившимися дружинниками ничего говорить не пришлось, так как все было договорено с их начальником т. Гордеевым*, ехавшим с нами в поезде, и осталось только выдать оружие.

На станции Верхнеудинск, куда мы прибыли часов в 10 утра 9 января, мы сейчас же отправились в депо на проходивший там митинг. Собравшиеся после заслушания нескольких речей, посвященных событиям 9 января, отправились демонстрацией к городу**... Мы со своими товарищами вернулись к себе в поезд... На станции Верхнеудинск впервые пришлось столкнуться с начальником станции, не желавшим отправить наш поезд дальше. Только под угрозой браунинга он выдал путевку и жезл, и мы двинулись, имея на паровозе в качестве машиниста, своего партийца т. Носкова.

К тому времени, в виду того, что делегаты от нас все время сходили, в вагоне нас осталось только 6 человек, в том числе т. Бялый и Минак».

И вновь В.И. Локуциевский не называет имя Бабушкина, чего, если бы он, действительно, находился в поезде, не могло произойти. Слишком заметная фигура.

Но вернемся к воспоминаниям:

«На станции Мысовой мы выдали последние 150 винтовок из пульмановского вагона (заметим, никто из 6 человек, оставшихся в вагоне, на этой станции не высаживался. – И. Т.). Ночью на ст. Танхой мы узнали, что в дороге возможна наша встреча с эшелонами Меллер-Закомельского. Тов. Бялый заявил о своем желании вернуться обратно в Верхнеудинск к своему брату.

* Был расстрелян на станции Хилок Меллер-Закомельским (В.И. Локуциевский).

** 9 (22 января по новому стилю) в Верхнеудинске отмечалась годовщина Кровавого воскресенья 1905 г. Железнодорожные рабочие после собрания на станции провели в городе манифестацию. Воспользовавшись отсутствием рабочих, жандармский ротмистр Клейф захватил на вокзале 250 винтовок, предназначавшихся для вооружения рабочих.

И, как я ему не доказывал целесообразность проскочить в тыл Меллер-Закомельского, он все же пересел от нас в проходивший вскоре через ст. Танхой встречный поезд и поехал на восток, а мы двинулись дальше.

По прибытии на ст. Слюдянка, мы там, в силу принятого дорогой решения, отцепили товарный вагон с оружием и поставили на один из тупиков с большими вагонами, изменив на нем номер. Тов. Минак (участник революционного движения в Сибири, в 1905 г. принимал участие в создании и вооружении боевых дружин. – И. Т.) остался в Слюдянке для наблюдения за этим вагоном. На разъезде Шарыжалгай, предупрежденные телеграфистом, исполнявшим обязанности и начальника разъезда о возможности встречи с Меллер-Закомельским, мы поставили свой поезд на заметенный запасный путь, потушили топку, а сами ушли в лес. После прохода эшелонов Меллер-Закомельского, мы, извещенные тем же телеграфистом, вернулись на разъезд, вновь растопили паровоз и ночью благополучно приехали в Иркутск. Когда почти все уже было подготовлено к перевозке, я получил от т. Минака сообщение о том, что вагон с оружием арестован, а сам он выезжает в Иркутск, по приезде он рассказывал нам об обстоятельствах провала этого вагона, указывающих на вероятность провокации... Вскоре удалось даже установить, что таким провокатором являлся Митрохин, бывший начальником одного из десятков в дружине и намечавшийся одним из тех, кто должен был отправиться в Слюдянку за оружием*.

И вновь возникают вопросы: как родилась «слюдянская версия» ареста И.В. Бабушкина? Почему было забыто участие В.И. Локуциевского в транспортировке оружия?

Обстоятельства гибели И.В. Бабушкина долгое время не были известны. Затем о них поведал один из организаторов Читинской республики Виктор Константинович Курнатовский. В 1910 г. он эмигрировал во Францию, в Париже встречался с Лениным. После его рассказа и родился знаменитый некролог В.И.Ленина «Иван Васильевич Бабушкин», написанный в декабре 1910 года: «Он вступил в Иркутский комитет и с головой ринулся в работу. Приходилось выступать на собраниях, вести социал-демократическую агитацию и организовывать восстание. В то время, как

* Локуциевский В. Воспоминания о 1905 годе // Сибирские огни. 1935. № 6. С. 144–145.

Бабушкин с пятью другими товарищами – имена их не дошли до нас – вез в Читу большой транспорт оружия в отдельном вагоне, поезд был настигнут карательной экспедицией Ренненкампфа, и все шестеро, безо всякого суда, были немедленно же расстреляны на краю вырытой на скорую руку общей могилы. Умерли они, как герои. Об их смерти рассказали солдаты-очевидцы и железнодорожники, бывшие на этом же поезде» (Ленин В.И. Псс. Т. 20).

Итак, мы видим, что версия гибели И.В. Бабушкина составлена на основе показаний солдат-очевидцев и железнодорожников, сопровождавших состав с оружием, которые В.К. Курнатовский озвучил через четыре года В.И. Ленину. В первую очередь это могли быть воспоминания бывшего начальника II отдела службы движения Забайкальской железной дороги Н.А. Усова: *«На станции «Мысовая» 19 января была пролита первая кровь. Меллер-Закомельский расстрелял 6 человек»,* а также стрелочника Я.М. Попова: *«Их было шестеро. Бабушкин был одет в штатскую одежду, остальные – в поношенные солдатские шинели. Расстрел происходил ночью при свете фонаря. Арестованных выводили из товарного вагона, стоявшего в тупике...»*

Кто же был расстрелян на станции Мысовая?

В официальном рапорте Меллера-Закомельского сообщается: «Главные виновники, телеграфисты и члены стачечного комитета, взятые с оружием в руках, после точного выяснения их виновности и собственного их признания, были мною расстреляны: на станции Мысовой – 5 человек и на станции Могзон – 7 человек». «Два таких агитатора, из которых один был в военной форме, выданные эшелонами запасных на станции Мысовой и вполне уличённые в их преступной деятельности по найденным у них прокламациям и по их собственному признанию – были расстреляны»*.

И вновь путаница: пять или все-таки шесть человек было расстреляно на станции Мысовая?

Среди расстрелянных значатся:

1. «Неизвестный» в солдатской шинели.
2. Савин Александр Васильевич, телеграфист, ст. Чита.

* Рапорт Меллер-Закомельского Императору Николаю II от 8 февраля 1906 г. // Былое. 1917. № 3. Сент. С. 138, 141.

3. Ермолаев Тимофей Максимович, телеграфист, ст. Мысовая.

4. Ключников Иван Михайлович, телеграфист, ст. Мысовая.

5. Бялый Болеслав Марьянович, рабочий, ст. Слюдянка.

6. Воинов Николай, красноярский рабочий.

Попробуем восстановить хронологию событий.

В конце 1905 года «для восстановления порядка на Забайкальской, Сибирской и Самаро-Златоустовской железных дорогах были командированы по высочайшему повелению с особыми отрядами генералы: Ренненкампф из Маньчжурии и барон Меллер-Закомельский из Москвы. Названным генералам высочайше предоставлено было принять все меры, которые ими будут признаны необходимыми для восстановления порядка на линиях железных дорог»*. Дело в том, что стачка на железной дороге буквально парализовала Транссибирскую магистраль, телеграфисты отказывались отправлять и принимать правительственные телеграммы, возникли затруднения с транспортировкой войск из Забайкалья. Все это требовало от правительства принятия срочных карательных мер.

31 декабря 1905 г. из Москвы вышел карательный поезд под командованием Меллер-Закомельского. Навстречу ему из Харбина 2 января 1906 г. отправился карательный поезд под командованием генерала Ренненкампфа. 11 января Меллер-Закомельский получил телеграмму от генерала Ренненкампфа с просьбой помочь ему занять Читу. 18 января Меллер-Закомельский получил известие от генерала Ренненкампфа о том, что он уже подошел к Чите. По пути карателями Меллер-Закомельского производились аресты, экзекуции и расстрелы. 15 января каратели прибыли на станцию Мурино. В этот день Меллер-Закомельский докладывал в Генштаб: «По обстоятельствам дела и особенностям местности вынужден для задержания беглецов из Читы отправиться на ст. Мысовая»**. Этими «беглецами» могли быть делегаты съезда железнодорожников, а также организаторы транспортировки оружия. Министр внутренних дел Дурново телеграммами призвал Меллер-Закомельского нещадно расправляться с забастовщиками, обращая особе внимание на телегра-

* Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1906 г. 23 февраля 1906 г.

** Семенов А. Обелиск на Байкале // Вост.-Сиб. правда. 1986. 2 февр.

фистов и инженеров, а тех, кто застигнут с уликой, необходимо было расстрелять на месте, не подвергая содержанию в арестантском вагоне.

17 января карательный поезд пришел на станцию Мысовая.

Из воспоминаний Н.А. Усова. «Поезд Меллер-Закомельского стоит на ст. «Мысовая». Никого еще не расстреляли, но только и город, и станция – в панике. Обыски, аресты. Все попряталось, притаилось. Никто не может дать себе отчета. За что все это?.. У меня в конторе идет обычная вечерняя работа, на станцию прибыл пассажирский поезд. Вбегает в контору один из агентов, взволнованный, и рассказывает, что сейчас на станции с пассажирского поезда стащили машиниста, ехавшего пассажиром на К-Е ж.-д., и тут же, на глазах всей публики, отодрали нагайками. Передав это, агент – убежденный монархист, с отчаянием говорит: «Боже мой, Боже мой, что они делают? Они своими действиями способствуют революции!..» Мало того, что людей расстреливали массами и поодиночке, офицеры позволяли себе глумиться и над теми, которым по странному капризу щадили жизнь. Так, например, начальника станции Боярск И.В. Земскова заставили присутствовать при казни шести человек в качестве почетного зрителя. В письме описывается вопиющее глумление над Земсковым, подробности расстрела при нем нескольких человек, в том числе двух телеграфистов Ермолаева и Ключникова, невиновность которых выяснилась через месяц. Также при нем были расстреляны еще: старший телеграфист ст. Чита, токарь депо Слюдянка Белый и двое неизвестных в солдатских шинелях*.

Вновь возникает путаница. Сколько людей в солдатских шинелях было расстреляно? Вряд ли в эту одежду могли быть одеты телеграфисты Савин, Ермолаев и Ключников. Остаются три человека: «Неизвестный», который согласно показаниям свидетелей действительно был одет в шинель, и двое рабочих – Бялый и Воинов.

Могла ли быть шинель у Болеслава Бялого? Сохранилось письмо его вдовы, опубликованное в газете «Сибирское обозрение» в 1906 г. и перепечатанное в журнале «Железнодорожник»: «17 января 1906 г. на ст. Мысовая, Заб. жел. дороги, генералом Меллером-Закомельским без суда и следствия был расстрелян

* Былое. 1908. Т. 7.

токарь Болеслав Марьянович Бялый, родившийся, как видно из оставшейся переписки, 5 марта 1869 г. в с. Поповцах, Копайгородского прихода, Могилевского уезда, Подольской губ., и имеющий там братьев: Франца-офицера и Станислава-землеладельца и др. родственников. Точных адресов их нет. Письма, посланные по предположенным адресам, остались без ответа. Я, вдова покойного, осталась с детьми: двумя сыновьями 2 и 6 лет и дочерью 8 л., без средств к существованию. В надежде на помощь родственников мужа безвыходному положению сообщить мне адреса помянутых выше родственников мужа на ст. Слюдянка, Забайкальской жел. дор., в магазин общества потребителей. Другия газеты прошу перепечатать это письмо. Вдова рабочего А.В. Бялая*.

Как следует из данного письма, вряд ли токарь Бялый был одет в шинель, нет указаний на то, что он когда-либо служил в армии.

В шинель мог быть одет Николай Воинов. На это указывает в своей публикации в газете «Восточно-Сибирская правда» от 2 февраля 1986 г. журналист Анатолий Семенов. Он опирается в своих изысканиях на газету «Сибирское обозрение»: «До сих пор не удалось восстановить, кто именно убит Меллер-Закомельским на станции Мысовая, пока известно: старший телеграфист станции Чита Савин, токарь депо Слюдянка Бялый, телеграфисты станции Мысовая: Ермолаев и Ключников, кузнец красноярских мастерских Воинов – последний был в солдатской шинели, фамилия шестого неизвестна...»**.

Так все-таки два или один из арестованных были одеты в солдатские шинели? Как мы видим, показания свидетелей в этом расходятся. Следует полагать, что практически все свидетельские показания содержат неточности, за исключением, пожалуй, воспоминаний начальника станции Боярская И.В. Земского, опубликованные в журнале «Былое» в 1908 г. От имени Усова он был вызван по телеграфу на станцию Мысовая телеграфным чиновником Марцинкевичем. Запись об этом оставил в своем дневнике поручик Евецкой, сопровождавший карательный поезд Меллер-Закомельского.

* Железнодорожник. 1906. № 151-18. 20 мая.

** Семенов А. Обелиск на Байкале // Вост.-Сиб. правда. 1986. 2 февр.

Из воспоминаний Ивана Земского: «Я последовал в сопровождении тех же конвойных за Заботкиным; последний привел нас на станционные пути против станции, где находились два карательных поезда ген. Закомельского. Здесь же оцепленные солдатами, стояли пять человек в штатском платье и один в солдатской шинели. Полковник Заботкин, подойдя к бывшему там офицеру, сказал, показывая на меня:

– Пожалуйста, не смешайте этого господина с этой публикой (показывает на 6 человек, оцепленных солдатами). Он раньше будет «почетным зрителем».

– Слушаюсь, – последовал ответ офицера, и меня приобщили к этой небольшой группе шести...

Подходит офицер с записной книжкой и говорит нам:

– Господа! Кто имеет передать, что родственникам, то передайте, – все будет исполнено.

Помню, как телеграфист ст. Мысовая Ключников заявил:

– У моей квартирной хозяйки имеются мои сбережения 150 руб. Перешлите их моей матери.

Передавали и другие, но что именно – не разобрался, разговор же Ключникова остался в памяти потому, что он стоял близко от меня; я знал его лично хорошо, как моего близкого служащего. Телеграфист ст. Чита Савин плакал, умолял допросить его:

– Ведь я не виновен, не скрывался, выехал в Иркутск за покупками, меня никто не допрашивал, за что же? – всхлипывая, говорил он, но получил один и тот же ответ офицера:

– Поздно...

Раздается возглас:

– Первый, выходи!

Никто не делал нумерации этим несчастным и, естественно, что все остались неподвижно на своих местах; подходят два солдата, берут под руки первого попавшегося, оказавшегося слесарем депо Слюдянка.

– Прощайте, товарищи! – сказал он, и твердой походкой направился к столбу.

От столба слышен крик:

– Священника просит!

Заботкин отвечает:

– Вот еще, что захотел! (пересыпает площадной бранью). Священника! – и сам удалился в поезд.

Слышатся первый, второй, третий залп – и одной жизни нет...

Раздается команда:

– Следующий!

Идет к столбу «следующий» без помощи солдат. Несколько минут – и этого не стало...

Потом расстреливали Ключникова. Про него скажу вам немного более. Перед расстрелом он расцеловался со мной, поблагодарил за прошлую совместную службу, бодро направился к месту казни, сказав по пути чиновнику Марцинкевичу:

– Знайте, господин чиновник, что кровь наша на вас и на детях ваших.

Но ответа не последовало.

Первый залп в Ключникова был неудачный, попало лишь три выстрела, – раздался душу раздирающий крик. Крик этот до сих пор у меня в ушах. Второй залп немного лучше первого и за ним лишь слышен был стон Ключникова; третий залп добил его окончательно.

Раздается команда:

– Отогреть затворы.

Вероятно, причина неудавшихся залпов в Ключникова была смазка ружейных затворов, застывших от 25° мороза...

Прикончивши с шестым человеком, офицер, производивший расстрел, спрашивает:

– Все, что ли?

– Нет, – отвечают солдаты, – еще один остался.

А ведь один был я!

– Веди! – приказывает офицер.

Не ожидая, когда поведут, я сам направился к столбу. Но в это время вышел из карательного вагона полк. Заботкин и закричал:

– Нет, этого не нужно, он был у меня «почетным зрителем».

И, обращаясь ко мне, спросил:

– Ну, что, видели картинку?

– Благодарю вас, полковник, видел! – ответил я.

– Ну, вот что: я вас возьму до Верхнеудинска, и по пути вы должны показать всех сообщников. Если же вы не покажете,

то с вами будет то же, что с этими шестью. Пеняйте тогда на себя!»*.

Побывав на казни «почетным зрителем», Земсков скоропостижно скончался.

Итак, мы видим, исходя из этих показаний, что «Неизвестный» во время расстрела не открыл свое имя, умер молча. Так почему же принято считать этого человека И.В. Бабушкиным? Был ли он им на самом деле? История об этом умалчивает.

Отряд генерала Ренненкампа занял Читу 21 января. Известие о его продвижении достигло города раньше и, возможно, за эти несколько дней были сделаны еще попытки транспортировки оружия, в которых мог принимать участие И.В. Бабушкин. Отсюда логичным было его появление на станции Мысовая, откуда лежал путь в Иркутск и далее на запад. Но это предположение нуждается в документальном подтверждении. Но уже сейчас мы можем достоверно сказать, что все шестеро казенных не были объединены в единую команду, как это предписывается в ряде источников. Все они стали жертвами случайного ареста: «Неизвестный» в солдатской шинели и, скорее всего, красноярский рабочий Николай Воинов были арестованы как агитаторы с прокламациями на руках на станции Мысовая. Болеслав Бялый направлялся в Верхнеудинск к своему брату. Телеграфисты Савин, Ермолаев и Ключников были арестованы по наущению телеграфного чиновника, ревизора Константина Марцинкевича и, как позже выяснилось, были арестованы по ошибке.

В своих записках В.И. Локуциевский еще раз упоминает имя И.В. Бабушкина: «Заканчивая свои воспоминания, мне хотелось бы остановиться бегло на том варварстве, которое проявляли карательные экспедиции Меллер-Закомельского и Ренненкампа и на том мужестве, с которым погибли за дело рабочего класса лучшие из наших товарищей. Карательные экспедиции с востока Ренненкампа и с запада Меллер-Закомельского, двигаясь к Чите, которую Ренненкампа занял 21 января, производили почти на всех станциях чуть не поголовные порки рабочих шомполами. Жестокость Меллера дошла до того, что в Верхнеудин-

* Купчинский Ф. Тоже герои. Генералы Меллер-Закомельский и Ренненкампа // Былое. 1908. Т. 7. С. 97–98

ске расстреляли Гольдсобеля*, оставившего после себя семь человек малолетними детьми и виновного только в том, что рабочие послали его своим депутатом на профессиональный съезд... Тот же Саша Попов** в предсмертном письме просит свою мать не печалиться о нем, а из младших братьев воспитать хороших революционеров.

А сколько проявляет мужества и энергии уже не молодой, болезненный Виктор Курнатовский, который, будучи схвачен в Верхнеудинске по дороге из Читы и приговоренный к смертной казни, замененной вечной каторгой, по дороге на каторгу бежит и, пробравшись в Японию, издает там... газету «Воля». Впоследствии перебравшись во Францию, и оттуда в Париж в 1910 г. *Или т. Бабушкин, которого сам Ильич охарактеризовал как «гордость революции».*

Безусловно, Локуциевский не мог выразиться иначе, он не смел опровергнуть слова самого «Ильича». Агент «Искры» Иван Васильевич Бабушкин должен был умереть, как герой. И только публикация воспоминаний В.И. Локуциевского в журнале «Сибирские огни» в 1935 г. смогла приблизить нас к разгадке этой истории.

А что же сам Вячеслав Локуциевский? Какова его дальнейшая судьба. Известно, что ему удалось избежать ареста в январе 1906 г. В своей автобиографии Вячеслав Иосифович записал: «В начале 1906 года работал в качестве члена Томского комитета РСДРП; в 1907 г. в Красноярске. Председателем комитета в 1908; в Чите – тоже. За это время трижды подвергался арестам, но в 1-м случае удалось вывернуться, в двух бежать. Летом 1908 г. был арестован в Чите, по выдаче провокатором, разоблачен и приговорен к 5 годам ссылки в Туруханский край. Вместо Туруханки был выслан на Ангару. В 1909 г., вернувшись из ссылки в Иркутск, был взят на военную службу в Иркутске. Там же вошел в состав Комитета и вел работу главными образом среди войск. В 1912 г. был уволен с военной службы по болезни. Продолжал все время работу в Парткомитете. Осенью 1913 г. пришлось из

* Гольдсобель Александр Аполлосович – заведующий складом топлива при станции Верхнеудинск.

** А.И. Попов-Коновалов, член Иркутского комитета РСДРП.

Иркутска в виду грозившего ареста бежать. Поселился в Томске, где сейчас принял участие в работе Томского комитета»*.

После Февральской революции В.И. Локуциевский был избран членом Исполнительного комитета рабочих депутатов г. Томска, членом Томского комитета общественной безопасности. В конце 1917 г. он переехал в Красноярск, где был избран членом Губиспокома и Губюста, в апреле был назначен помощником командующего войсками Енисейской губернии, с сентября 1918 г. жил нелегально в Томске, в декабре был арестован. Сидел в Томской тюрьме, затем в Красноярской, в декабре 1919 г. был направлен в «эшелоне смерти» на Дальний Восток, к атаману Семенову. 20 декабря эшелон был остановлен восставшими черемховскими рабочими. В.И. Локуциевский вместе с ними принял участие в освобождении Иркутска. 3 января 1920 г. решением Сибирского комитета РСДРП(б) был отправлен через линию фронта на советскую территорию. Работал в Красноярске сначала членом Губисполкома, затем председателем Горисполкома. В 20-х годах был начальником Сибпутистроя, управляющим Госстроя. В 30-х назначен на должность директора Сибирского комплексного института сооружений в г. Новосибирск, затем был переведен в Москву. В 1939 году скончался от туберкулеза.

Есть непроверенные сведения, что он был другом Н. Бухарина, и что в 1937-ом или 1938 году было отдано распоряжение об его аресте. Но так как в Сибири он не был обнаружен, вместо него взяли его родного брата Валерия, работавшего в управлении Лензолотофлота, который действительно был арестован органами НКВД по Иркутской области 6 июля и расстрелян 23 октября 1938 г.

Арест и гибель И.В. Бабушкина по-прежнему остается загадкой.

* Архив автора.

Ссылные поляки в Сибири

УДК 94(47).081

С.В. Леончик

Остаться или вернуться на родину? К вопросу об оставшихся после амнистии на территории Енисейской губернии ссыльных польских повстанцах 1863–1864 г.

Аннотация. После многочисленных амнистий ссыльные повстанцы 1863–64 гг. имели право вернуться домой. Однако далеко не все смогли или захотели это сделать. На основании сохранившихся архивных данных, касающихся Енисейской губернии, представлен анализ причин, по которым получившие амнистию польские повстанцы предпочли путь ассимиляции с местным сибирским населением. Примеры дворянских семей Войцеховских и Корженевских в Минусинске, а также Константина Громадзкого в Красноярске, создают яркую картину вклада оставшихся участников Январского восстания 1863–64 гг. в развитие губернии на переломе XIX–XX вв.

Ключевые слова: Политическая ссылка, повстанцы, ссыльные, амнистии, Енисейская губерния, ассимиляция, Полония.

S.V. Leonchik

Stay or return to their homeland? About exiles of January Uprising 1863–1864 year after amnesty in the Yenisei province

Summary: After numerous amnesties, exiled insurgents from 1863 to 1864 r. received the right to return. However, not everyone can or wished to do so. On the basis of archival data

on the Yenisei province have been analyzed the causes of why the Polish insurgents preferred to stay and choose the path of assimilation with the local population Siberian. Examples of noble families Wojciechowskich and Korzeniewskich in Minusinsk and Konstanty Gromadzki in Krasnoyarsk give us a clear picture of the contribution brought to the development of the province by remaining participants of the January Uprising 1863–1864 year. Keywords: The descent of the political rebels, exiles, amnesty, assimilation, Yenisei province, Polonia.

В 1822 году в результате административной реформы М.М. Сперанского была учреждена Енисейская губерния. В период с 1823 по 1851 гг. новая губерния приняла 72 661 ссыльного, из них практически 99 % составлял так называемый «уголовный элемент» и только чуть более 1 % – политические ссыльные [8, с. 53]. Самый южный в губернии Минусинский округ с самого начала своего существования стал местом политической ссылки. Среди первых политических ссыльных были участники декабрьского восстания 1825 г. За ними последовали ссыльные участники польского восстания 1830 г. [1, с. 26–34].

Но, что интересно, эта группа ссыльных не была первой – в период с 1822 по 1833 гг. в Шушенскую волость было сослано 22 поляка, и были это не политические, а уголовные ссыльные*.

Польская ссылка первой половины XIX в. не была столь многочисленной по сравнению со ссылкой участников Январского восстания в Польшу 1863–1864 гг. Из общего числа ссыльных за Урал 18 623 человека на Восточную Сибирь приходилось, согласно официальным данным, 8199 человек. В Енисейскую губернию направленно 3719 человек. Из них в Канский округ – 1457 человек, в Минусинский – 1026, 1236 – в остальные округа**. Однако в Красноярском краевом архиве находятся данные о 4419 человеках – поляках, пребывающих в Енисейской губернии в 1863–1870 гг.***. С чем это связано? Прежде всего с не всегда точным и ясным делением ссыльных на категории высланных на каторгу, проживание (житье), поселение и водворение. В архивных документах часто встречается термин,

* АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 324. Л. 3–8

** ГАИО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 79. Л. 82–83.

*** ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 13. Л. 170.

относящийся к определенной группе ссылных поляков – «западнопольский переселенец», акцентируя тем самым якобы не политический характер этого поселения.

Сибирская администрация уже в самом начале ссылки решила определить, кому даровать так называемое «прощение», т. е. амнистию. И в первую очередь, по мнению тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича, необходимо было возвратить на родину всех детей 15–16 летнего возраста, пришедших в Сибирь без родителей; иностранных подданных; всех женщин, добровольно пришедших за мужьями, в случае смерти последних; а также некоторых женщин из числа не лишенных прав состояния, сосланных без мужей и отличающихся безукоризненным поведением [14, с. 46–47].

В 1866 г. указами Александра II от 16 апреля и 18 октября политические преступники, сосланные на жительство без лишения прав состояния, получили возможность переселяться под надзор полиции в 11 губерний Европейской России. Однако такое переселение не нашло особого отклика среди ссылных поляков. Северин Видавский, сосланный в Красноярск, писал 26 июня 1868 г. сестре Антонине Видавской, проживающей в Новгороде-Волынском: «Ехать не домой, а в Россию не стоит. И те, которые уехали по первому распоряжению, раскаиваются, потому что не дозволено ничем заниматься, а надзор строгий, и жить нечем. Здесь, напротив, свобода большая, и многие до того завелись хозяйством, что и не думают ехать. Одно нас страшит, то, что, пожалуй, совсем оставят тут, если не попросит кто о перемещении, ибо еще в прошлом году мы записаны в казенные крестьяне, хотя никто нас о том не спрашивал»*.

Интересное прошение находится в документах красноярского архива, в этом прошении русская жена по имени Пелагея умоляет власти не переселять ее мужа – ссылного поляка Яна Рожанского в Костромскую губернию**.

Манифест Александра II от 17 мая 1867 г. разрешил возвратиться в Царство Польское сосланным в административном порядке повстанцам привилегированного сословия (исключая лиц духовного звания) при условии положительного поведения. В результате часть ссылных оказалась перед выбором, ехать в

* ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2 а. Д. 845. Л. 1–1 об.

** ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 731. Л. 1–9

Царство Польское или в губернии Европейской России. Основной проблемой возвращения на родину было то, что амнистированному необходимо было самому оплачивать все расходы, связанные с этим. Недостаток средств удерживал ссыльных в Сибири.

13 мая 1871 г. было объявлено «Всемилоостивейшее повеление», возвращавшее ранее переселенным во внутренние (европейские) губернии прежние права и освобождавшее их от надзора полиции. Эта амнистия касалась прежде всего высланных из Западного края. По амнистии 1873 г. сосланные по политическим делам на каторгу или поселение в период с 1866 по 1871 гг., «обращались» в разряд сосланных «на житье» [5, s. 255–269; 17, s. 301–326].

С середины 70-х годов XIX в. можно отметить возвращение польских ссыльных, высланных на водворение. Первоначально ссылка на водворение считалась бессрочной, и возвращение на родину для этой категории ссыльных могло произойти только в особых случаях, чаще всего исключительных по распоряжению министра внутренних дел. В 1874 г. МВД разрешило политическим ссыльным из непривилегированных сословий, сосланным на водворение в административном порядке, возвращаться на родину при условии одобрительного поведения в месте ссылки. Вернуться могли лишь те, кто имел средства на дорогу. Однако, как свидетельствуют документы, представителей властей не столько интересовало, на какие средства смогут вернуться амнистированные, а то как они устроятся на родине. В первую очередь это касалось желающих вернуться в губернии Западного края. Только после соответствующего запроса, что в той или иной губернии проживают родственники амнистированного, которые имеют собственность и могут его принять, губернские власти выдавали разрешения на выезд. Такая проверка, по всей вероятности, была связана с тем, что часто вернувшиеся повстанцы не очень дружелюбно воспринимались в обществе соотечественников [17, s. 321–326].

В 1885 г. редакция польского журнала «Крај», вышедшего в Петербурге, перевела на польский и напечатала вышедшее ранее в газете «Вольнь» сообщение о том, что вернувшиеся после амнистии поляки горько разочаровались. «Их родственники не таили неприязнь от неожиданного возвращения законных наслед-

ников и постарались их обойти при помощи адвокатов. Многие не получили своего родительского имения и начали они тогда с уважением вспоминать холодную, но добродушную и богатую (!) Сибирь. А некоторые даже решили вернуться обратно» [7, с. 14]

Направление амнистированных повстанцев, происходящих из Литвы в Царство Польское (их называли «литвины») и наоборот («короняже»), приводило к абсолютно нежелательным конфликтам, невозможности найти себе применение в новой среде. Ментально и идеологически поляки из этих двух регионов отличались друг от друга [3, с. 355, 358; 10, с. 257–259].

В 1875 г. было разрешено возвратиться на родину тем участникам восстания, которые были сосланы на водворение по суду после службы в арестантских ротах. Дополнительно амнистия с 1877 г. освобождала осужденных за преступления уже на территории Сибири (в том числе и участников восстания на Кругобайкальской дороге, произошедшего в 1866 г.). Единственно, что удерживало амнистированных – необходимость возвращения взятых пособий и ссуд. Кроме того, в 1876–1878 г. формальной причиной приостановки возвращения амнистированных поляков из Сибири стала Русско-турецкая война. В то же время ссылным полякам в Сибири власти облегчают режим. Им было разрешено свободно передвигаться в масштабах губернии, приписываться к городским сословиям с одновременным освобождением от надзора полиции. Все это дополнительно склоняло поляков остаться в Сибири [14, с. 56–57].

Окончательным манифестом, так называемым «коронационным», стал манифест нового императора Александра III, вышедший 15 мая 1883 г. Единственно этот манифест ограничивал возвращение лиц «особенно опасных для строя». Александр III и Николай I издали еще несколько манифестов в период между 1892 и 1896 гг. Тогда практически все не амнистированные ссылные могли служить на государственной службе, проживать везде, за исключением столиц [5, с. 258]. Однако местная бюрократия часто выдавала такие разрешения не сразу, например Мариану Прухальскому из села Ермаковское разрешение на свободное проживание и освобождение от надзора полиции, но без возврата имущественных прав, было выдано только в 1894 г.*

* АГМ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1536. Л. 49–50

Кроме манифестов об амнистии существовала возможность так называемой индивидуальной амнистии по просьбе ссыльно-го или членов его семьи, как правило, матери или жены.

Феликс Кон, политический ссыльный в Минусинске, член партии «Пролетариат» так описывает встречи с амнистированными повстанцами: «Многие из них воспользовались амнистией 1883 года, вернулись на родину и несколько месяцев спустя, разорившись дотла, возвратились обратно в Сибирь» [9, с. 62].

В архивных источниках можно встретить немало таких примеров. Например: дело Александра Собоциньского «О выдаче паспорта на следование обратно в место ссылки, Енисейскую губернию, так как в Царстве Польском он не мог приискать средства к содержанию себя»*.

Мещанин врач Зигмунт Бродовский, после возвращения на родину, по разрешению варшавского полицмейстера, выехал сначала в Черниговскую, а затем на место прежней ссылки – в Енисейскую губернию. Несмотря на то, что он был уже амнистирован, окружной исправник рекомендовал Степной думе тайную слежку за поведением и действиями поляка**.

Причины, по которым бывшие ссыльные поляки оставались в Сибири, в основном были такие, о которых пишет в своём прошении енисейскому губернатору некий Тетера: «...но так как я завёлся домообзаводством, занялся хлебопашеством и женился, ... то мне и здесь та же Родина. А затем не благоугодно ли будет милости Вашего Высокоблагородия сделать всемилостивейшее распоряжение о оставлении меня на прежнем месте моего причисления»***.

Несмотря на то, что польское национальное начало рассматривалось как тождественное воспитанию в духе истинного католицизма, а создание семьи, в которой одна сторона исповедует православие, разрушало «польский дух» и способствовало «осибирячению», случаи вступления в брак с сибирячками польских ссыльных начались еще в первые годы ссылки, в 1864–1867, а в начале 70-х годов XIX в. стали массовыми, особенно в отдаленной Иркутской губернии [22, с. 484–490].

* ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 136

** НАРХ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1. Л. 7

*** ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 43. Л. 56

В Енисейской губернии такие случаи встречались среди выходцев из различных сословий, однако тут стоит заметить, что браки, заключающиеся представителями польской шляхты с местными крестьянками, были недолгими и неудачными. Достаточно серьезными были различия в культуре, традициях и взглядах.

Были и такие случаи, когда вместе с ссылкой поляком приезжала и его семья. Так, например, Ян Романовский, шляхтич Волынской губернии, был выслан вместе с женой и четырьмя детьми. Вначале их водворили в деревню Березовка в Тесинской волости, а в 1883 г. – в Абаканскую волость. В центре волости, в селе Абаканском, семья построила дом. Сын Яна Романовского – Юзеф, стал революционером и неоднократно встречался с В.И. Лениным во время его ссылки [20, с. 2].

Следует отметить, что немалое значение в среде «привилегированных» ссылных поляков имела возможность профессионально реализовать себя в новых условиях жизни. И в этом отношении медицинская деятельность поляков представляла собой оптимальный вариант сочетания интересов поднадзорных, властей и местного населения. В результате ссылные-медики в большинстве своём довольно удачно обустраивались в Сибири. Но, в отличие от других профессий, процесс интеграции ссылных поляков-медиков в сибирское общество не предусматривался и, как правило, реально не сопровождался аккультурацией. Напротив, поляки-медики, реализуя свою «просвещенческую миссию» среди сибирского народа, по большей мере сохраняли этническую идентификацию. Полякам врачам доставались и более состоятельные невесты. К примеру, фельдшер Желтовский был женат на дочери дворянина Маляновского [19, с. 105–108], врач М. Данилович женился на мещанке Филиппине Плавицкой*. Органично вписавшись в социокультурную реальность Сибири, польские медики не спешили с отъездом.

Проводимые мною в течение последних 25 лет исследования и составленная в 2005 г. картотека поляков в Минусинском округе (на основании архивных документов архива города Минусинска), свидетельствуют, что больше всего браков с местными женщинами в период проходивших амнистий, т. е. до 1883 г. были заключены в Шушенской волости – 10, а меньше

* AZGZS, ANW, Wspomnienia s. 11–12

в Тесинской – два. Такую разницу можно объяснить тем, что Шушенская волость была более благоприятной по климату и пригодной для обработки земли.

Также из данного исследования следует, что данные браки были заключены в основном польскими крестьянами с местными сибирскими крестьянками. Например, Адам Барановский из села Ермаковское взял в жены крестьянку вдову Е. Васильеву. Было ему тогда 25 лет. А в 1873 г. Ян Гонсарт из этого же села взял в жены О. Васильеву – скорее всего, сестру Е. Васильевой. Михал Василевский женился на дочери солдата – Н. Федоровой*.

Браки «непривилегированных» были одной из основных форм ассимиляции ссыльных из крестьян. Даже если ссыльные крестьяне долгое время не женились, то все равно они достаточно быстро ассимилировались с местным населением, особенно это было связано с довольно молодым возрастом ссыльных. Многие из них, а в первую очередь высланные с территорий Литвы, Жмуди и Белоруссии (а именно они составляли большую часть высылаемых на водворение), не имели ярко выраженного польского национального самосознания.

Таким примером может быть судьба Якуба Кайревича – крестьянина Трокской волости Виленской губернии. Он добровольно покинул повстанческий отряд, но несмотря на это не получил так называемого «поручительства» и был выслан в Псков, где по решению от 26 апреля 1866 г. был выслан в Шушенское Енисейской губернии. Было ему тогда 24 года. Сначала он работал в качестве работника на заводе в Идже, а затем решил заняться земледелием. Тут стоит отметить, что в одиночку заниматься сельскохозяйственным трудом было затруднительно. Первоначально польские ссыльные пытались сообща обрабатывать землю, особенно в Минусинском округе удавалось полякам выращивание и производство табака. Однако для эффективной работы на земле семья была необходимым условием и не случайно Якуб Кайревич берет в жены крестьянку из Средней Шуши – Пелагею Захарову. В Шушенском он покупает небольшой дом, затем в 1899 г. его перестраивает – добавляет еще один этаж. В настоящее время этот дом находится на своем месте и является частью экспозиции историко-этнографического музея-заповед-

* Данные на основании картотеки польских ссыльных: АГМ. Ф. 36, 42

ника «Шушенское». Неоднократно на базе этого дома проводились мероприятия и выставки, посвященные польским политическим ссыльным, демонстрировались предметы по этой теме из богатых фондов музея. Потомки Якуба Кайревича до сих пор проживают в поселке Шушенское Красноярского края [6, с. 28].

В описываемой группе есть и случаи, когда заключались чисто польские, с этнической точки зрения, браки. Викентий Менжицкий, проживающий в Шушенском, взял в жены сестру своего товарища Павла Семецкого. Сестра добровольно приехала в ссылку к брату.

В конце XIX – начале XX в., когда на территорию Енисейской губернии стали добровольно прибывать польские переселенцы не только с западных губерний империи, но и из Царства Польского, можно отметить такое явление, как заключение браков «водворенных» повстанцев с поляками из «добровольцев». Таким примером является брак Юзефа Гольбы из деревни Мигна Шушенской волости. Ссылный был водворен в Шушенскую волость в 1866 г. в возрасте 20 лет и только в возрасте 60 лет он женился на В. Вишневской. Ян Пухальский, тоже примерно в таком же возрасте женится на дочери переселенца А. Коханского из села Курагино*.

Довольно интересным случаем «осибирячивания» польского ссыльного является пример Константина Громадзкого. Громадзкий был родом из дворян Волынской губернии Ковельского уезда. Родился 27 сентября 1843 года, «крещён в римско-католической вере»**. Воспитывался в Луцком дворянском училище, но полного курса наук не окончил, был вольнопрактикующим землемером***. В начале 1863 года принял участие в восстании против царского самодержавия, и 8 января 1864 года «...за участие в мятежнической шайке Громадзкий по конфирмации командующего войсками Киевского военного округа лишён всех прав состояния и сослан на поселение в отдалённые места Сибири»****.

Первые годы находился под гласным надзором полиции как политический преступник. Жил самостоятельно на небольшое

* Данные на основании картотеки польских ссыльных: АГМ. Ф. 36, 42

** ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 671. Л. 6 об.

*** Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 419. Л. 26

**** Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 671. Л. 6 об.

пособие. Занимался дополнительным трудом, в частности, «переплётным мастерством»*. Будучи молодым человеком, как большинство его сотоварищей, Громадзский уже через год, 13 ноября 1866 г., обвенчался с крестьянской дочерью Феодорой Феодоровой Ивановой из деревни Налобиной, 19 лет, православного вероисповедания. В 1867 г. был причислен к крестьянам этой деревни и стал заниматься крестьянским трудом.

Но через шесть лет первая жена Громадзского умерла «от боли в животе»**. Вторично Константин женился спустя почти полтора года, 10 ноября 1873 г. В 27 лет обвенчался с «поселенческой дочерью» той же деревни Налобиной Зиновией Дмитриевой Михайловой, православного вероисповедания, 20 лет. В этом браке при венчании от Громадзского была взята подписка: «Нижеподписавшийся политический преступник Константин Громадзский, римско-католического вероисповедания, сим удостоверяю, что вступаю в брак ... в воспитании обоего пола детей от сего брака, буду поступать согласно с законом Государства Российского, т. е. буду крестить и воспитывать их в православной вере»***. Важная подробность из жизни Громадзского, как и многих поляков, женившихся в Сибири на православных. Но при этом ссыльные поляки, как правило, свое вероисповедание не меняли.

Громадзский, в связи с полученным разрешением остаться, в 1873 г. переехал с семьёй в Красноярск, где у его жены был свой дом. В 1874 г. он подал прошение о дозволении ему вступить в государственную службу. Обосновывая это прошение, Громадзский выражал «раскаяние в преступлении, за которое подвергся ссылке». Объяснял, «что он совершил оное, имея 19 лет от роду»****. По тому факту, что Громадзскому в 1863 г. «действительно не было 20 лет и, следовательно, на него ещё в 1868 году должно бы быть распространено действие п. 5 Всемилощивейшего Повеления Императора дарованием ему прощения с освобождением от надзора полиции»*****.

Но полицейские власти Енисейской губернии не спешили с проверкой сведений о ссыльных, и не торопились исполнять это

* ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 287. Л. 56

** Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 419. Л. 27

*** Там же. Л. 55

**** Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 671. Л. 16.

***** Там же. Л. 16 об.

монаршее распоряжение. Только 5 ноября 1875 г., через год после подачи прошения о службе, Громадзкому было сообщено о разрешении немедленно применить к нему высочайшее повеление Закона от 17 мая 1871 г., пункт 1: помилование, как осуждённому несовершеннолетним, восстановление в прежних правах состояния, прощение со снятием полицейского надзора и разрешение на поступление в государственную службу*. Прощение Громадзкому было даровано только через шесть лет, да и то, по инициативе самого ссылного.

Воспользовавшись разрешением, он в возрасте 33 лет начал служебную карьеру в Енисейской губернии и 29 апреля 1877 г. был зачислен в штат Красноярского окружного полицейского управления, в число канцелярских служащих 1-го разряда. А 10 января 1880 года Громадзкий был переведён в штат Красноярского городского полицейского управления. По иронии судьбы он, бывший «политический преступник», заведовал Красноярскою пересыльною тюрьмою до 1883 г.

В начале 1884 г. он был назначен исполняющим должность смотрителя Канского тюремного замка и в июле того же года утверждён в этой должности.

Жизнь Константина Иосифовича и его семьи вновь надолго оказалась связана с г. Канском и Канским округом. По состоянию здоровья, в ноябре 1888 г., в возрасте 45 лет, он ушёл в отставку**.

Выйдя в отставку, Константин Иосифович решил всерьёз заняться земледелием. В 1889 г. подал прошение в Енисейскую казённую палату об аренде земли в таёжной местности. И уже в 1893 г. принял участие во всемирной сельскохозяйственной выставке, которая была посвящена 400-летию открытия Америки Христофором Колумбом и проводилась в Чикаго, в США. Выставку называли Колумбовой или Юбилейной. Губернатор Теляковский, который возглавлял Красноярскую подкомиссию по подготовке Чикагской выставки, обратился к известным земледельцам Енисейской губернии с просьбой «оказать личное содействие успешному исполнению в столь полезном деле, как участие Енисейской губернии в названной выставке»***.

* ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 671. Л. 17

** Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 419. Л. 26

*** Там же. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4152. Л. 16

Громадзский принял участие и за представленные образцы ржи был награждён высшей наградой выставки: бронзовой медалью и Дипломом к ней*. О последних годах жизни Громадзского нам практически ничего не известно. Но на карте Сибири остался его след. На Красноярском участке Сибирской железнодорожной магистрали, ведущей на Восток, есть станция, которая носит название – Громадская. Там же находится и посёлок Громадск Уярского района. Бесспорно, своё название они получили от фамилии владельца заимки, когда-то успешно занимавшегося земледелием, призёра Колумбовой выставки Константина Громадзского. В исторической справке о муниципальном образовании Громадский сельсовет, составленной по материалам местного краеведа Г. Мосунова, отмечено, что посёлок и станция получили своё название именно в честь бывшего польского ссыльного и его заимки [23].

Стоит также отметить, что особой формой ассимиляции был прием польских ссыльных в сибирские семьи, такая своеобразная адопция или усыновление, чаще всего к такому прибегали бездетные супруги, желавшие одновременно помочь молодому ссыльному, а также получить себе работника, создав ему все условия для безбедной жизни. Эти случаи нашли свое отражение в польских мемуарах [24, s. 100].

Не все ссыльные смогли воспользоваться амнистией и прежде всего по такой причине как преждевременная смерть. До 1883 г. в Шушенской волости Минусинского округа зафиксирован 31 случай смертей среди польских ссыльных, в Тесинской волости только 9. Основная причина – болезни, часто в документах имеется приписка: «Умер в городской больнице г. Минусинска»**. Частым диагнозом был туберкулез легких или, как тогда писали, «чахотка». Нередко ссыльные «приносили» эти болезни после тяжелой дороги по этапам. Как, например, Нарциз Войцеховский. В дневнике дочери Марии Корженевской-Войцеховской есть фрагмент, в котором автор вспоминает о своем отце следующее: «Дорога была тяжелая, страшная. Отец пришел в Сибирь больным. Как потом вспоминал, не верили, что он вы-

* ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4152 .Л. 162; Отчёт Генерального комиссара Русского отдела Всемирной выставки в Чикаго А.И. Глуховского. Санкт-Петербург. 1895, с. 184

** АГМ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1536. Л. 49–50

живет, так как уже развивался у него туберкулез легких. Но сильный организм в условиях хорошего питания, так как в деревне все было дешево, дали возможность выздороветь. Остался только след в виде хронического насморка, который особенно тяжелый был зимой, меньше летом. Отец всегда использовал большие платки, и как мне казалось, головные платки*.

Архивные документы отмечают и случаи убийств, например, убийство Якуба Зелинского из села Субботино Шушенской волости**.

В большинстве случаев в примечаниях об умерших польских ссыльных значится «похоронен по римско-католическому обряду».

22 сентября 1881 г. политические ссыльные с. Сагайского Минусинского округа Тесинской волости Казимир Соломон Нарбут, Людвиг Яблонский, Осип Савицкий, с. Верхнего Кужебара Петр Очаковский и с. Имисского Северин Зарачанский представили подписку минусинскому окружному исправнику: «... Состоящий на причислении по с. Сагайскому западнопольский переселенец Ипполит Августовский после продолжительной болезни 14 числа сего месяца умер, и по обряду римско-католической церкви без присутствия притча православной церкви был предан земле, в чем и подписуемся лично»

Однако местная власть приняла массовое участие ссыльных и не только поляков в похоронах Ипполита Августовского в селе Сагайском за своеобразную патриотическую манифестацию***.

В Минусинске поляков хоронили в отдельной части Минусинского городского кладбища, до настоящего времени сохранились польские памятники и захоронения с начала XX века (19, с. 320).

Заметный вклад в развитие юга Енисейской губернии внесли две семьи, основанные польскими ссыльными повстанцами – семьи Войцеховских и Корженевских. Истории этих семей на протяжении более полувека можно проследить по многочисленным документам. Прежде всего, это богатейшая коллекция корреспонденции между членами этих двух родственных семей на русском и польском языках, которая хранится отдель-

* AZGZS, AHW, Wspomnienia, s.10

** АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

*** Там же. Л. 5

ным фондом в МКУ «Архив города Минусинска». Воспоминания о жизни в Минусинске М. Wojciechowska-Korzeniowska, *Wspomnienia*» (Мария Корженевская-Войцеховская «Воспоминания») в Архиве Союза Сибиряков РП в г. Варшаве; Нарциз Войцеховский «Мои воспоминания» (на пол. яз.) – в архиве Минусинского регионального краеведческого музея. Кроме того, с документами семьи Войцеховских, Корженевских и Андроновских можно ознакомиться в специальном фонде Галины Войцеховской (Archiwum Haliny Wojciechowskiej), находящемся в архиве Союза Сибиряков РП в Варшаве. Документы о Войцеховских и Корженевских можно встретить в Государственном архиве Красноярского края, в Томском областном госархиве, а также и в Иркутском областном госархиве [12, с. 231–233].

Нарциз Войцеховский родился в 1846 г. в г. Сероцке, в настоящее время это небольшой городок по дороге из Варшавы в Пултуск. Его родителями были Юзеф Войцеховский и Валерия Дорант. В семье кроме него были два брата и сестра. Брат Станислав был ранен в восстании 1863 г. и скончался в российской тюрьме.

Юзеф Войцеховский был мелкопоместным дворянином, но дворянство это не было утверждено герольдией. «От мамы я знаю, – писал в своих воспоминаниях Н. Войцеховский, – о том, что она настаивала, чтобы отец получил удостоверение герольдии (о дворянстве) по бумагам своего отца, а возможно и какую-нибудь собственность своих предков. Отец постоянно отговаривался, ссылаясь на то, что если его отец этого не сделал, то, видимо, так было нужно, видимо он не хотел, чтобы его дети не имели шляхетское достоинство, а были шляхтичами по поступкам, делам своим, по образу жизни*».

Юзеф Войцеховский получили хорошее по тем временам образование. Он учился в Ловиче, в монастыре у иезуитов, затем обучался четыре года искусству пивовара, работал по специальности в имении бывшего полковника польских войск Романа Доранта. Изучил инженерное искусство, садоводство, пчеловодство. Женился на воспитаннице полковника Валерии Заборовской. Купил 30 моргов земли, завёл собственное хозяйство, но разорился. На остатки денег купил дом в Сероцке и до конца жизни занимался винокурением.

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 13–13 об.

Мать Нарциза Войцеховского Валерия Заборовская (Дорант) была дочерью участника восстания 1830–1831 гг. капитана Заборовского, погибшего под Гороховом. Умирая, капитан просил своего друга полковника Доранта, позаботиться о его вдове и детях, если тот останется жив. После поражения в восстании, полковник Дорант не забыл просьбы своего товарища по оружию и о данном ему обещании. Он нашёл вдову капитана, рассказал ей о гибели мужа, и предложил опеку над детьми. Вдова согласилась отдать только дочку Валерию, сына же взяла с собой и уехала во Францию, т. к. была французской подданной. Валерия вышла замуж за Юзефа Войцеховского – отца Нарциза в неполные 17 лет, в конце 1840 или начале 1841 г.

Родители хотели выучить Нарциза на ксёндза, но из-за отсутствия средств не смогли. Дядя забрал его в Варшаву и там с 13 лет он стал учиться на органиста. В 1862 г. он закончил учёбу, и сразу был принят учителем в начальную школу в Еленках. В январе 1863 г. вспыхнуло восстание. Нарциз вступил в отряд Мыстковского. Этот отряд после нескольких мелких столкновений с русскими войсками под угрозой полного уничтожения был распущен. Нарциз вернулся к родителям, а через некоторое время, в апреле выехал в Варшавскую губернию, где стал работать учителем в школе и органистом в станиславовском костеле. Оказывал активную помощь повстанцам. После поражения восстания помогал им перебираться через границу. Двоих из них поймали, и найденные у них документы, скомпрометировали Войцеховского. После 9 месяцев заключения в Варшавской цитадели его выслали в Сибирь «на житье с лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ в менее отдаленные места Восточной Сибири» – как было сказано в конфирмации наместника, объявленной в день высылки 11 октября 1866 г.*

В письме к родителям он пишет: «Приговор со спешкой приведен в исполнение, и поэтому мы выезжаем. Прощение на имя наместника комиссия писать не позволила, так как говорит, что этого не практикует. Ничего удивительного, что спастись они не позволяют. Для них только унижать, мучить, морить хлебом и водой, отбирать человеческое достоинство битьем, писать

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 1–1 об.

фальшивые протоколы и заставляя их подписывать – это они умеют»*.

Дорога к месту ссылки для Нарциза Войцеховского проходила в кандалах по этапам: Петербург (тюрьма Литовский замок), Москва (тюрьма Калымажный двор), Казань (на барже под палубой), Пермь (на подводах). Из Перми, где ссыльные долгое время находились в камере с уголовниками, путь проходил пешком в кайданках и прикованными цепями к телеге до Тобольска. Самым тяжелым был этап из Тобольска в Каинск в сильные морозы без теплой одежды. Из Каинска, вместе с 300 политическими ссыльными, Нарциз Войцеховский прибыл в Томск, откуда на подводах их доставили в Красноярск.

В Красноярске впервые полякам разрешено было ходить без конвоя и здесь они были отделены от уголовных ссыльных. Из группы в 11 товарищей в Красноярск пришли только Нарциз и его друг Матеуш Пшепюлковский. Остальные остались на этапах, в больницах. Изначально местом пребывания Нарциза Войцеховского должна была стать расположенная на севере от Красноярска на Ангаре Кежда. Однако благодаря помощи поляка Шимона Гоштотва, который исполнял функцию смотрителя поселений, его направили в село Сагайское около Минусинска, что в 400 километрах от Красноярска на юг.

27 апреля 1867 г. в арестантском халате, с 40 копейками в кармане прибыл Войцеховский в Сагайское, где уже проживали 40 польских ссыльных.

Первую работу Нарциз Войцеховский находит в Каратузском. В этом казацком селе также проживала большая польская колония. Поляки работали в качестве гувернеров, секретарей, экономов. Врачом в селе был Даниловский, а фельдшером – Суликовский.

После первого заработка – 30 рублей, – Войцеховский снимает вместе с другом М. Пшепюлковским комнату, они начинают свое первое совместное предприятие – изготовление папирос. Активно занимались охотой на зайцев, уток, тетеревов и куропаток. С другим ссыльным – Франтишком Киньским, открыли производство конопляного масла. Из конопляных прутьев ссыльный по имени Фредерик изготовлял веревки, которые продавали золотопромышленникам в Каратузском. Войцехов-

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 8

ский и Пшепурковский занимались сельским хозяйством: сеяли овес, рожь, пшеницу, косили сено для своих коней.

В 1869 г. в связи с катастрофическим неурожаем Нарциз Войцеховский бросает занятия земледелием и ищет новой работы. Благодаря рекомендации поляка Юзефа Врублевского в 1870 г. Войцеховский стал помощником волостного писаря в 4-х деревнях в околицах Кочергино. Затем он получает предложение от хозяина паровой мельницы Серафима Гусева и становится там управляющим с вознаграждением 25 рублей в месяц. Работа была очень тяжелой – 21 час в сутки. Однако именно с этого времени можно говорить о начале жизненной и предпринимательской карьеры Войцеховского.

В начале 1876 г. Войцеховский переезжает в Минусинск, где работает в магазине Яна Прендовского. В этом же году Прендовский продает магазин Владиславу Корженевскому. Корженевский был женат на Лидии из рода Шерцингер. Благодаря жене Корженевского, Войцеховский познакомился с ее сестрой – Эммой (1858 г. рождения). Их бурный роман, который можно проследить по оставшимся письмам, привел в 1877 г. к их бракосочетанию. Венчались молодые супруги в Томском костёле. Отец Лидии и Эммы – Ян Шерцингер переселился в г. Томск из Германии, из Великого княжества Баден, провинции Шварцвальд, и получил от дяди Фогта, который умер, бездетным, богатое наследство. Он вместе со своими братьями продолжил торговлю часами, открыл магазин бижутерии. Женится в Златоусте на Якобине Шварте, немке, как и он римско-католического вероисповедания.

После женитьбы материальное положение Нарциза Войцеховского, еще ссыльного, значительно улучшается. Войцеховский был управляющим на предприятии Гусева – вино-водочном заводе, заводах по изготовлению стекла и соды – крупнейшей в то время фирме в Енисейской губернии.

Совместно с ссыльным Желтковским Нарциз Войцеховский также открыл мыловаренный завод, где производством заведовал инженер Александр Венцковский. После ликвидации этого завода в 1880 г. с новым компаньоном Станиславом Гутовским Войцеховский начал поиски золота в Ирбинском крае на грани-

це с Тувой. Кроме того, он входит в пай с Александром Скочинским в соляное дело на Абаканских соляных озерах*.

После дарованной ему амнистии 1883 г., несмотря на желание вернуться в Польшу, Войцеховский решает пока остаться в Минусинске.

Нарциз Войцеховский стремился устроить быт своей семьи. В 1888 г. он приобретает дом в Минусинске из шести комнат, который располагался рядом с торговой площадью. Усадьба дома включала обширный двор, где располагался дом, амбары, конюшни, каретные сараи, рядом с домом находилось служебное помещение – соляной склад. Дом окружал большой сад, который одной стороной примыкал к усадьбе и огород. Снаружи усадьба была обнесена высоким забором.

Производственные нужды заставляли купцов приобретать дома за пределами города. Так, Войцеховский имел дом на солеваренном заводе в 50 верстах от Минусинска. Зимой там жил управляющий и время от времени навещался хозяин солеваренного завода, а летом дом служил дачей, куда на отдых приезжала вся семья.

В этом же году, после смерти своего брата Кароля и сестры Эмили, Нарциз привёз из Сероцка в Царстве Польском родителей к себе в Минусинск, чтобы «дать им достойный отдых от их тяжёлого морального состояния и обеспечить спокойную жизнь».

«Мама прожила у нас 16 лет, – писал Нарциз Осипович, – умерла в декабре 1904 г. и была похоронена в Красноярске. Отец пережил её на 4 года и был похоронен на кладбище в Минусинске. Он прожил с нами 20 лет и умер в 1908 г. в октябре, в 91 год**».

В 80-х – начале 90-х гг. XIX в. родственные семьи Войцеховских, Корженевских и Андроновских составляли ядро минусинской польской диаспоры. Важную роль играла также семья доктора Даниловича и польская группа в музее Николая Мартьянова [11, с. 22].

По инициативе Войцеховского в его доме была устроена католическая часовня, в которой несколько раз в году происходили богослужения с участием приходского священника Франчишка

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 14

** Там же. Л. 4

Скобейки из Красноярска. В 1871 г. в самом Красноярске было 4269 прихожан, а за пределами города – 1385 [13, с. 55–56.].

Жил священник в польских семьях и несколько дней проводил службы: крестил, венчал и отпевал, посещая могилы умерших на неправославной части минусинского городского кладбища.

Поляки, проживавшие в Минусинске, старались дать свои детям образование. Кроме обучения в школе, в домах учили детей родному польскому языку. Жизнь в российской глубинке, потребности широкого общения привели к тому, что в семье польского ссыльного и дочери из немецкой купеческой семьи говорили по-русски.

«Мама плохо говорила по по-польски, но свободно читала и всё понимала, а говорить ей было трудно, потому что она плохо слышала. Кроме того, наша прислуга, знакомые и друзья говорили исключительно по-русски. Я помню, как радовался отец, когда приезжал кто-то из Польши, и он мог говорить на языке, о котором тосковал»*.

В Минусинске долгое время не открывалась гимназия, и поэтому семьи Даниловичей, Корженевских и Войцеховских выехали в Красноярск. У Войцеховских рождаются сын Леон (1899 г.) и Станислав (умер в 1906 г.). Во время пребывания семьи в Красноярске их «золотой интерес», а именно соледобывающие шахты, находился далеко от Красноярска. Летом вся семья на пароходе три дня плыла до Минусинска, а оттуда – на солёное озеро Кызыл-Куль, до солеваренного завода**.

В Красноярске Нарциз Войцеховский сблизился с многочисленными представителями Полонии и стал активным общественным деятелем. Он выделил финансовую помощь на строительство в Красноярске нового римско-католического костела в неоготическом стиле. Войцеховский исполнял обязанности председателя Совета съездов золотопромышленников. Казначейская палата избрала его членом отдела по налогам. В 1906 г. он был докладчиком на собраниях по избранию в первую Государственную Думу. Во время революционных событий 1905 г. был делегатом в комитете по спасению 800 бастующих членов

* AZGZS, АНВ, Wspomnienia, s.19

** АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 19

паровозного цеха. Войцеховский был членом комиссии, которая отстаивала права уволенных забастовщиков.

Не оставляла Войцеховского и мысль о возвращении на родину. «Всегда, всегда, как во время наибольшего успеха в делах, так и после испытанных неудач и руины, не покидала меня мысль о возвращении на родину, в любимую Польшу»*.

В 1911 г. семья решила выехать на родину. Соляной бизнес был оставлен сыновьям как фирма «Торговый дом Н. Войцеховский и сыновья». Войцеховские выехали с 17-летней дочерью Марией, 16-летней Михалиной и 12-летним Леоном. Дорога длилась 9 дней.

В своих воспоминаниях Мария Войцеховская пишет: «Волнение отца было огромным. Всегда важный, державший себя в руках – сейчас, после пересечения границы, не мог он скрыть своего волнения. Его радовало все – виды из окна, разговоры в вагоне на родном языке и даже толпы людей при приближении к Варшаве»[2, с. 23].

Войцеховские планировали осесть в Варшаве или Люблине. Однако приближающаяся война с Германией и опасения потери денег, привезенных из Сибири, а также дальнейшее обучение сына Леона вынудило их вернуться в Москву. Он считал, что лучшее образование, чем в Москве, его сын нигде не получит. В это время его сын Болеслав учился в московской консерватории. В 1913 г. Войцеховский последний раз посетил Варшаву, где на праздновании 50-летия восстания, встретился со своими друзьями по оружию.

Первая мировая война отрезала Войцеховских от Польши. В 1916 г. Нарциз в возрасте 70 лет перенес тяжелую операцию и начал писать свои воспоминания. «Я мало жил в Польше, мало вообще знаю мир, кроме Сибири, но из того, о чем я слышал и читал, делаю вывод, что перипетии, какие я пережил, и результаты, каких я достиг, возможны, вероятно, только в Сибири»**.

Революция 1917 г. и тяжёлое состояние здоровья вынудили Войцеховского с женой и сыном Леоном выехать в Сибирь, в Томск. Будучи в Томске, Войцеховский был председателем Польского народного комитета. Выезжал он и в свой родной Минусинск, где выступая на собраниях городского совета, при-

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 16

** Там же. Л. 15

зывал к единству, подчеркивая, что только единение и совместная работа принесут спасение России и Сибири.

Нарциз Войцеховский скончался 13 декабря 1919 г. в Томске. В сибирской газете «Труд» вышел некролог Ивана Чибишева, в котором подчеркивается большой вклад Войцеховского в развитие Сибири, его поддержка в создании сибирского университета, высших женских курсов. «С каким нетерпением он ждал освобождения всего русского народа и как горячо верил в светлое будущее России и Сибири»*.

О судьбах семей поляков – потомков ссылных 1863–1864 гг., оставшихся после амнистии в Сибири, можно узнать из издаваемых в последние 25 лет материалов научно-практических конференций в Красноярске, Томске, Иркутске и Омске. Большое значение в описании сибирских биографий польских повстанцев играет регулярно выходящее в г. Абакане с 1997 г. ежеквартальное издание «Rodacy-Соотечественники» – орган ФПНКА «Конгресс поляков в России». Двухязычное научно-популярное издание публикует семейные воспоминания, интервью с потомками ссылных. Благодаря этому журналу читатели узнали, что большинство культурно-национальных объединений поляков в Сибири, так называемые «Полонии» (Полония – поляки и их потомки, проживающие за границей Польши), возникли в начале 90-х годов XX в. именно благодаря потомкам ссылных повстанцев 1863–64 гг. [16, с. 381–384]. Например, Изольда Новоселова, внучка Станислава Войцеха Коперского была одной из возрождавших в 1991 г. общество «Огниво» в г. Иркутске [15, с. 28–29]. Правнучка Игнатия Шумиляса – Ольга Темерова из Минусинска, основала в 1999 г. региональную красноярскую культурно-национальную общественную организацию «Полония Минусинска» [21, с. 24–26]. Все эти факты свидетельствуют, что польские ссылные, оставшиеся на Сибирской земле, внесли свой немалый вклад в развитие экономики, культуры и просвещения, а их потомки, помня о своих корнях, возрождают польские национальные традиции и язык.

Список источников и литературы

1. Ватин-Быстрианский В.А. Политическая ссылка в Минусинске. (Декабристы. Польские повстанцы.)// Ежегодник Государственного Музея имени Н. М. Мартыанова в г. Минусинске. – 1925. - Т. III. Выпуск II.

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Некролог из газеты «Труд»

2. Wojciechowska M., Radosne wspomnienie// Stolica. - 1962. - №42.
3. Janik M. Dzieje Polaków na Syberji: z 23 ilustracjami/ Michał Janik; [posł. Napisali Antoni Kuczyński i Zbigniew Wójcik]. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1991
4. Католический некрополь города Томска (1841-1919 гг.)/ Сост.: В.А. Ханевич, А. Г. Караваева. Томск – 2001.
5. Kaczyńska E. Syberia:największe więzienie świata (1815–1914). – Warszawa, Warszawska oficyna wydawnicza „Gryf”, 1991.
6. Kikilowa T., Los Jakuba Karewicza – zesłańca powstania styczniowego// Rodacy. - 2003. - № 3 (23).
7. «Kraj». 1885. №50.
8. Комарова Т. С. «Наивеличайшая между всеми в Российской империи» К 190-летию образования Енисейской губернии. – Красноярск 2012 с. 53.
9. Кон Ф. Указ. Соч. – М., 1931. – Т. I: В рядах «Пролетариата»...
10. Librowicz Z. Polacy w Syberji/przez Zygmunta Librowicza. Kraków: G. Gebethner i Spółka., 1884
11. *Leończyk S.*, Polskie karty w historii Minusińska. - Abakan: Żurnalist, 2004.
12. Леончик С.В., Архив семей Войцеховских в Союзе Сибиряков Республики Польша//Мартъяновские краеведческие чтения (1999-2002 гг.) Сборник докладов и сообщений. Выпуск 2. – Абакан, ООО «Фирма «Март», - 2002..
13. *Majdowski A.* Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim. Syberia. Daleki Wschód. Azja Środkowa. – Warszawa: Neriton, 2001.
14. Мулина С.А. Мигранты поневоле. Адаптация мьяльских участников польского восстания 1863 года в западной Сибири. – Санкт-Петербург, Алтейя, 2012.
15. Новоселова (Кюперская) И., Ссылный поляк Станислав Войский-Кюперский// Rodacy-Соотечественники. – 2014. – №4(64).
16. Полежаева Л. А. Популяризация истории польской диаспоры в Сибири в XIX – начале XX века на страницах полонийного издания «Rodacy-Соотечественники»// Польские ссылные в Сибири во второй половине XVIII - начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири. Сборник научных трудов. – Омск, 2015.
17. Skok H., Polacy nad Wajkałem 1863-1883. – Warszawa 1974.
18. Скоробогатова Н.Н. Воспроизводство и сохранение этноконфессиональных традиций ссылными поляками: на материалах Енисейской губернии// Проблемы российско-польской истории и культурный диалог. Материалы Международной научной конференции (Новосибирск, 23-24 апреля 2013 года). – Новосибирск, 2013.
19. *Скоробогатова Н.Н.* Память сердца хранит дорогие страницы // История и культура поляков в Сибири / Под ред. С.В. Леончика. Красноярск – 2006.
20. Степанов И., Славный путь борьбы и побед //Знамя Ильича. – 1983. – №15.
21. Темерова-Шумиляс О. Поляк из села Восточное// Rodacy-Соотечественники. – 2011. - № 2 (55).
22. Шостакович Б.С. Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.) Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. – М., МИК, 2015.

23. Флаг Громадского сельсовета. Электронный ресурс <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 23.08.2007).

24. Świk W., Pięć lat w kraju niewoli. Wspomnienia Sybiraka. Czerniowce – 1893.

Список сокращений

Архив города Минусинска (АГМ)

Архив Минусинского краеведческого музея (АМКМ)

Государственный Архив Иркутской Области (ГАИО)

Государственный архив Красноярского края (ГАКК)

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ)

Национальный Архив Республики Хакасия (НАРХ)

Archiwum Zarządu Głównego Związku Sybiraków w Warszawie (AZGZS)

Archiwum Haliny Wojciechowskiej (АНВ)

УДК 91(с18) (571)(162.1)

С.А. Мулина

Бунт барских конфедератов в Тобольске*

Аннотация. Используя широкий спектр источников, автор реконструирует историю бунта польских конфедератов в Тобольске и сравнивает его с образом, сложившимся в историографии.

Ключевые слова: польская ссылка, барские конфедераты, история Сибири, Кароль Хоецкий, Д.И. Чичерин

S.A. Mulina

Revolt Bara's Confederates in Tobolsk

Summary. The author reconstructs the history of the revolt of the Polish confederates in Tobolsk on the basis of a wide range of sources and compares it with the image of prevailing in historiography.

Keywords: Polish exile, Bara's Confederates, history of Siberia, Karol Hoyetsky, D. I. Chicherin

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ: проект № 16-01-00360 «Конфедераты в Сибири: между историей и мифом».

Бунт конфедератов в Тобольске в 1774 г. является слабо изученным, но символически значимым сюжетом польской сибиряды второй половины XVIII в. Так и не став предметом отдельного исследования, он успел мифологизироваться и обрасти противоречивыми домыслами.

Долгое время это историческое событие было известно лишь по воспоминаниям барского конфедерата Кароля Любича Хоецкого, сосланного солдатом в сибирские гарнизоны (1). Их информативность и познавательный потенциал высоко оценивается и современными историками (11). Между тем подтвердить информацию Хоецкого архивными источниками довольно сложно по причине недостатка последних. Мы обнаружили лишь одно упоминание о легендарном поляке. В реестре польских пленных конфедератов, отправленных в августе 1770 г. из соликамской военной канцелярии к сибирскому губернатору Денису Ивановичу Чичерину сказано, что Кароль Хоецкий показал себя шляхтичем, почему и получал в день 5 копеек кормовых (8, л. 2 об.). Из этого документа также видно, что он прибыл в Тюмень в партии из 164 конфедератов. Эта информация в целом не противоречит данным Хоецкого, упоминавшего, что он завершил в Соликамске 1769 год и провел первую половину следующего: встретил Рождество, новый год, Пасху и лишь потом был отправлен в Тюмень (1, с. 60). Что касается тобольского бунта, то К. Хоецкий не был его свидетелем и, как предполагают лучшие знатоки этого произведения – польские историки А. Кучиньский и З. Вуйцик, информацию черпал из рассказов поляков, включенных на службу в Сибирский корпус (1, р. 106).

В 1928 г. польский исследователь В. Конопчиньский опубликовал отрывок рапорта сибирского губернатора Д. И. Чичерина о бунте конфедератов в Тобольске (4, р. 180–181). Документ был представлен в переводе на польский язык и без точного указания места хранения оригинала. В конце XX в. этот же отрывок вошел в качестве приложения к мемуарам Кароля Хоецкого, подготовленным к изданию А. Кучиньским и З. Вуйциком (1, р. 186–187). По мнению польских ученых, оригинал документа хранится в одном из архивов Санкт-Петербурга, а сам текст рапорта отретуширован и тенденциозен (1, р. 106). Данный документ не противоречил воспоминаниям Кароля Хоецкого и еще более укрепил доверие ученых к мемуаристу.

Российские историки рассматривали тобольский бунт конфедератов, как правило, на фоне более грандиозных социальных волнений того времени – крестьянской войны Е. Пугачева. В работе известного русского историка А.И. Дмитриева-Мамонова, имевшего доступ к материалам экспедиции командующего сибирским корпусом И.А. Деколонга, тобольские события были представлены как отголосок пугачевского бунта, а их причинами названы плохое содержание нижних чинов и грубое отношение к ним со стороны начальников воинских команд (10, с. 133).

Советские историки и историки Польской Народной Республики продолжили эту традицию, одновременно подчеркивая социальные корни восстания конфедератов и преувеличивая размах реальных событий. По мнению В.А. Спиркова, тобольский бунт 1774 г. стал «последним, наиболее массовым волнением среди пленных польских конфедератов, насильно определенных в солдаты царской армии» (19, с. 28). Он ставит тобольские события в один ряд с волнениями пленных поляков в 1773 г. в Оренбурге, Таналыкской крепости, случаями группового перехода солдат из конфедератов на сторону восставших. По его мнению, поляки тщательно готовили восстание в Тобольске и имели руководящий центр из 24-х человек. Но наибольшей мистификации заговор поляков достиг в работе З. Млынарского. По мнению исследователя, в тобольском гарнизоне существовала организованная группа конфедератов, которая проводила регулярные встречи, разрабатывая планы восстания. Соглашаясь с тем, что конфедераты ставили главной своей целью освобождение из плена, З. Млынарский утверждал, что они должны были понимать, что это было возможно, только опираясь на мощное восстание народных масс, которое под предводительством Пугачева потрясло всю систему царского самодержавия (7, р. 106–107).

Привязка тобольских событий к пугачевским волнениям стала причиной некоторых фактических ошибок в более поздних и даже современных работах. В одном из российских словарных изданий написано: «Под воздействием слухов об успехах Пугачева в ноябре 1773 вспыхнул мятеж ссылных в Тобольске, подавленный силами гарнизона» (14). Между тем бунт конфедератов в Тобольске произошел не в 1773 г., а в сентябре

1774 г., уже после окончательного разгрома пугачевских войск под г. Царицыным. Неправильная датировка событий (1773 г.) проникла также в исследование польского историка В. Масыжа (6, р. 20).

В качестве достижений советской историографии отметим выявление дополнительных источников о пленных конфедератах в Сибири. В частности В.А. Спирков имел доступ к полной версии рапорта сибирского губернатора о тобольском бунте, хранящегося в Коллекции уголовных дел по государственным преступлениям (фонд 6) Российского государственного архива древних актов. Но источник был использован не в полной мере, поскольку основное внимание исследователя было приковано к участию поляков в движении Е. Пугачева. Между тем полная версия рапорта и сопутствующие ему документы, вошедшие в дело, позволяют уточнить многие детали бунта конфедератов.

В мемуарах К. Хоецкого говорится, что причиной недовольства поляков стало то, что сибирский губернатор не отпускал их на родину, несмотря на амнистию. Рапорт Д.И. Чичерина подтверждает, что поляки от соотечественников, отправляемых из Тобольска на родину: полковника Ненха и других «лучших шляхтичей», слышали об амнистии, которая якобы распространяется на всех ссыльных конфедератов. Не дождавшись отправки на родину, главные «начинщики» в количестве 24 человек, служившие в разных командах, «видясь один с другим на рынке и других местах», договорились все просить увольнения (18, л. 4).

Власти особенно заинтересовались полковником Ненха. Правительствующий Сенат запросил сведения в Тайной экспедиции и Военной коллегии о нем, а также о других шляхтичах, пребывавших в Тобольске и после освобождения отосланных в свое отечество, а также информацию, почему другие конфедераты были оставлены в Сибири. Оказалось, что Иван Ненха – шляхтич Подольского воеводства, 55 лет, состоял с 1736 г. в польской службе в роте маршалка Княжества Литовского князя Юзефа Паулина Сангушки панцирным товарищем, с 1 февраля 1768 г. – командиром, а в конфедерации – войсковым судьей. В плен был взят 28 февраля 1769 г. под местечком Сорокиным генералом-поручиком А.А. Прозоровским. В списке уволенных конфедератов, присланном сибирским губернатором, под ревер-

сом он подписался войсковым судьей Яном Ненхою (18, л. 6 об.). Этот же человек упоминается в списке конфедератов, составленном Тесби де Белькуром (1, р. 186; 5, р. 18).

Исследования сибирских историков С.А. Мулиной и А.А. Крих также подтверждают тот факт, что события в г. Тобольске были спровоцированы уверенностью конфедератов в том, что сибирский губернатор весьма вольно трактует указ от 10 сентября 1773 г. и сознательно не отпускает их на родину (11, с. 709). Упомянутый указ «об освобождении пленных польских мятежников и находящихся между ними французов» действительно имел множество ограничений (16, № 14.038, с. 821). Наиболее ощутимым оказалось исключение из сферы действия амнистии военнопленных поляков, принявших православие, в результате чего большая часть перекрещенных польских ссыльных встала на сторону недовольных (11, с. 710). Сам же сибирский губернатор, оправдывая свои действия, ссылался на указ от 5 августа 1773 г., полученный из Военной коллегии, по которому удержал в Сибири конфедератов, определенных на военную службу и принявших веру греческого исповедания; а также на указ Военной коллегии от 7 октября 1770 г., предписывавший сибирскому губернатору рослых, здоровых и годных к полевой службе конфедератов определить в состоящие в сибирском корпусе карабинерный и драгунские полки, а прочих оправить в гарнизонные батальоны и на поселение, но в работы не употреблять (18, л. 26 об. – 27).

К. Хоецкий утверждал, что поляки смогли осуществить свои планы: во дворе губернаторского дворца они сложили с себя оружие и амуницию и решительно потребовали у губернатора отпустить их на родину. Д.И. Чичерин, сбитый с толку этим поступком, мягко просил конфедератов отнести оружие и мундиры в свои гарнизоны, а утром следующего дня вернуться за паспортами. Когда безоружные конфедераты вернулись, их ожидали несколько тысяч военных и вооруженных жителей города (1, р. 104–105).

В рапорте Д.И. Чичерина Сенату говорится, что выступление, описанное польским мемуаристом, осталось только в планах конфедератов, поскольку заговор был раскрыт, а его участники схвачены. Согласно рапорту, поляки планировали во время парада 22 сентября 1774 г. совершить «формальный бунт»,

отказаться от службы и повиновения. Множество собравшегося народа воспрепятствовало исполнению задуманного, поэтому было решено произвести бунт 30 сентября. В этот день находившиеся в военной службе шестеро польских конфедератов пришли к прокурору Тобольской губернии Пестрикову и просили его отпустить их в отечество. В поданном прокурору письме они написали, что «когда в пуску им в отечество не сделается, то все единогласно положили намерение: служить не хотят» (18, л. 3). Тогда же податели письма были взяты под стражу. Власти, опасаясь возможной связи тобольских событий с социальными выступлениями, охватившими многие губернии России, решили провести дознание о причине действий бунтовщиков и выяснить, только ли в том, что они не были отпущены на родину, состоит их недовольство, и кто главные возмутители.

Если Хоецкий не называет никаких имен, то в рапорте Чичерина содержится информация о 24-х зачинщиках. Уже этот факт говорит о том, что допросы конфедератов проводились весьма пристрастно, раз шестеро взятых под стражу поляков выдали в 4 раза большее количество недовольных. В то время, пока проходили допросы схваченных участников событий, остальные пленные конфедераты были заперты в гостином дворе под охраной вооруженных купцов и ямщиков. Русских военных в городе было недостаточно, из-за их участия в подавлении восстания Е. Пугачева.

По мнению властей, главными бунтовщиками оказались «сочинитель их писем и между собою условиев» Савелей Козицкой, а также Петр Райковской, Тадеуш Богуш, Матвей Радивилович, Михайла Ташкевич, Петр Янгилевской, Яков Митославской, Антоний Раматовской, Лукаш Веселович, Андрей Нарасинский, Юзеф Заморской, Даниил Крутинский, Петр Войнаровской, Воицех Славинской, Иван Степановской, Яков Нузаревич, Иосиф Мадар, Якуб Веяло, Антон [Енжреевской], Андрей [Чичович], Антоний [Фензеняяр], Юзеф [...головацкой], Степан [Маскочик] и Мачей Петровской. К сожалению, мы не имеем практически никакой информации об этих людях. По списку, составленному Тесби де Белькуром, мы идентифицировали только двух зачинщиков бунта: Тадеуша Богуша и Петра Войнаровского (5, р. 30, 142). В списке конфедератов, находящихся в Тюмени и назначенных к определению на службу в

состоящие на сибирской линии драгунские полки, значится Лей Козицки, но одно ли это лицо с Савелием Козицким не понятно (8, л. 12). В письме к И.А. Деколону от 2 октября 1774 г. сибирский губернатор пояснял, что в числе главных зачинщиков заговора был Савелий Козицкий, служивший нижним чином в Омском батальоне (10, с. 133). Это сообщение позволило А.И. Дмитриеву-Мамонову сделать вывод, что в бунте приняли участие не только поляки, служившие в тобольском гарнизоне, но и размещенные по войскам сибирской линии. Мы полагаем, что даже если Козицкий служил в омском батальоне, то на момент бунта находился в Тобольске, иначе за столь краткий срок – с 22 сентября, когда были схвачены первые участники бунта и до 2 октября, когда было написано письмо – власти вряд ли успели произвести аресты в других городах.

Общее количество участников бунта приравнивается исследователями к количеству пленных польских конфедератов, находившихся на службе в Тобольске. А.И. Дмитриев-Мамонов, ссылаясь на письмо Чичерина Деколону, пишет, что все польские пленные, «генерально, сколько их в Тобольске в разных командах ни есть, имели общий заговор», и «все числом до 400 человек в тот же момент арестованы» (10, с. 133). Из доклада Д.И. Чичерина видно, что в Тобольске на момент бунта находилось 390 польских пленных конфедератов, «коиными содержались караулы и разъезды» (18, л. 18). Но другие документы, вошедшие в дело, в том числе принадлежавшие перу сибирского губернатора, позволяют немного скорректировать эту цифру до 391. Из этого количества конфедератов 268 приняли участие в бунте, а 123 – нет.

Сибирский губернатор представил в Сенат подробную ведомость о 268 конфедератах, участвовавших в бунте, с информацией, когда и откуда они были присланы в Тобольск (18, л. 11–11 об.). Среди них были конфедераты, присланные из Казани от казанского генерал-губернатора А.Н. Квашнина-Самарина в декабре 1769 г. – 35 человек и в августе 1770 г. – пятеро. Из пермской провинциальной канцелярии с повелением казанского губернатора пришли в Тобольск в сентябре 1770 г. 22 человека. От казанского генерал-губернатора Я.И. фон Брандта в 1770 г. был прислан один конфедерат, в 1771 г. – семеро, в 1772 г. – 63 и в 1773 г. – 39. Из Троицкой крепости от комен-

данта бригадира А.А. де-Фейервара в двух партиях пришли 2 и 5 февраля 1771 г. соответственно 49 и 47 человек. Они состояли на службе в оренбургских батальонах, и попали под подозрение в связи с начавшимися волнениями. Интересно, что эти две партии пришли в Тобольск в сопровождении конвойных офицеров, назначенных из числа тех же пленных конфедератов: первая партия – с каптенармусом Шикорским, а вторая – с каптенармусом Беляцким, которые, получается, тоже приняли участие в тобольском бунте. По сведениям Д.И. Чичерина, участниками возмущения были конфедераты, давшие присягу верности как в губернских ротах, так в батальонах и в казачьей команде.

Утверждение К. Хоецкого, о том, что в Тобольске к началу бунта скопилось около 600 конфедератов, тоже имеет под собой основания (1, р. 104). Скорее всего, кроме упомянутых нами конфедератов в количестве 391 человека, в это число вошли также конфедераты, состоявшие на службе в тобольских губернских ротах и гарнизонных батальонах, но находившиеся в походе. Таковых по данным сибирского губернатора было 201 человек (17, л. 1).

В литературе закрепилось свидетельство К. Хоецкого о том, что семеро человек, признанных предводителями бунта, по приказу сибирского губернатора были прикованы к столбу и наказаны 800 ударами розог, на лбу у них было выжжено клеймо, вырваны ноздри. Закованные в кандалы, они были отправлены в вечную ссылку. По свидетельству М. Яника, это «ужасное преступление» сибирского губернатора вспоминали даже спустя сто лет, добавляя новые подробности. Согласно одному из таких свидетельств, Д.И. Чичерин приказал стрелять по взбунтовавшимся полякам, а умирающих приволокли на покатый берег Иртыша и, привязав к каждому камень, столкнули в реку. По другой версии пленных привязали к балкам, лежащим на берегу и сбросили в воду. С тех пор это место в Тобольске называется «Панин бугор» (2, р. 44). Схожая история, демонстрирующая жестокость сибирских властей по отношению к полякам, прозвучала у С.В. Максимова (13, с. 327) и Н. Палопеженцева (15, с. 63), а во второй половине XX в. была ошибочно перенесена историками с конфедератов на польских военнопленных участников наполеоновских походов. В настоящее время доказано, что происхождение оронима «Панин бугор» не связано с

историей польской ссылки (20, с. 43–58). Но появление подобного рода мифов способствовало виктимизации конфедератов в истории.

Рапорта Д.И. Чичерина подтверждают, что главные зачинщики в количестве 24-х человек были подвергнуты экзекуции и после сосланы на каторгу. Прочих участников заговора было решено, разбив на части, разослать по разным городам. При распределении на группы и отправке участников выступления в присутствии губернатора история получила неожиданное продолжение. Из находящихся в гостином дворе пленных конфедератов шесть человек выскочили и закричали своим, «чтоб стоять всем единодушно и не даваться до разбивки их на малые партии» (18, л. 5). Недовольные были тут же схвачены, и инцидент не получил развития. Участникам так называемого «второго бунта» «в страх другим» также было учинено наказание 4 октября 1774 г., остальные в кандалах были разосланы по сибирским городам и наиболее крупным сёлам.

К доношению в Правительствующий Сенат от 9 октября 1774 г. сибирский губернатор приложил рапорт с информацией, какое число конфедератов и куда было отправлено. Оказалось, что все 268 участников бунта покинули Тобольск. В г. Красноярск было отправлено 30 человек, в г. Тару – 35, в г. Енисейск – 48; партиями по 35 человек поляки были разосланы в г. Березов, г. Сургут и Самаровский ям; 30 человек оказалось в г. Томске и 20 – в Демьяновском яме (17, л. 1). Интересна пометка, что в числе 48 конфедератов, отправленных в Енисейск, находились 11 первых «начинщиков» бунта. Кто вошел в это число, не поясняется. 123 конфедерата, не принявшие участия в бунте, остались и далее служить в Тобольске. Польский историк В. Евсевицкий пишет о том, что несколько участников тобольского бунта были высланы на каторгу в Нерчинские рудники (3, с. 25), но официальная документация не дает тому подтверждения.

15 июня 1775 г. Екатерина II подвела итог под этими событиями. Поскольку зачинщики тобольского возмущения публично по законам уже были наказаны, то другого решения об их судьбе императрица делать не стала, подчеркнув только то, что от каторжных работ они никогда не могут быть освобождены. Тех, кого сибирский губернатор за участие в бунте разослал по

разным местностям Сибири, было велено избавить от телесных наказаний, освободить из оков, годных и здоровых поляков распределить на разные казенные заводы в работы, а негодных – на поселение, но так, чтобы оные в одно место по многому числу не были соединяемы. Оставшимся 123 конфедератам за то, что они не пристали к бунтовщикам, было указано выдать вознаграждение: «не в зачет каждому за треть жалованья» (18, л. 29–30). Интересно, что после тобольского бунта власти не изменили своего отношения к конфедератам, принявшим правослаvie, подтвердив положение указа от 10 января 1773 г. не выпускать таковых из России (18, л. 34).

В целом местные власти проявили определенный реализм в осмыслении тобольских событий и не стали связывать их с пугачевским движением. Но надзор за польскими пленными был усилен. Генерал Деколонг предложил всем начальником военных частей, расположенных по сибирской пограничной линии, «иметь неослабное примечание над состоящими в здешних местах конфедератами, отобрав от них ружья и патроны» (10, с. 133–134). Приказание генерала было приведено в исполнение во всех командах, встретив протест лишь со стороны начальника 13 легкой полевой команды премьер-майора Эртмана, донесшего, что находящиеся в его команде конфедераты, в количестве 21 человека с успехом участвовали в подавлении мятежа на территории Ялуторовского дистрикта, поэтому несправедливо налагать на них какое-либо позорное наказание. Протест был уважен и конфедераты этой команды сохранили оружие и патроны.

Реконструкция событий осени 1774 г. в Тобольске далека от завершения. Например, мы практически ничего не знаем о дальнейшей судьбе участников тобольского бунта. Нам удалось обнаружить лишь одного бывшего бунтовщика – польского шляхтича из конфедератов Францышка Матвеева сына Здановского, который за участие в тобольском бунте был отправлен в Самаровский ям. С 1 мая 1784 г. он служил рядовым в Тобольской статской губернской роте, с 21 января 1789 г. – капралом, с 1 января 1792 г. – сержантом. На 1794 г. он состоял налицо в конной команде, имел 53 года, был женат на дочери российского разжалованного дворянина Авдотье Ильиной 37 лет, имел сына Семена шести лет. Таким образом, участие в бунте не

помешало ему обустроить свою жизнь в Сибири. Но, несмотря на то, что он смог вернуться в Тобольск и получить должность сержанта, в ведомости около его фамилии стояла пометка местных властей: «за прописанным пороком к повышению чина не аттестуется» (9, л. 4 об. – 5).

Список литературы и источников

1. Chojecki, K. Pamięć dzieł Polskich / Karol Lubicz Chojecki ; na podstawie pierwodruku z 1789 roku wydali oraz przypisami i komentarzami opatrzyli Antoni Kuczyński i Zbigniew J. Wójcik. – Bagno [etc.] : Wyższe Seminarium Duchowne Salwatorianów; Stowarzyszenie «Wspólnota Polska», 1997. 204 p.
2. Jewsiewicki, W. Zesłanie konfederatów barskich na Syberię i do Kraju Orenburskiego / W. Jewsiewicki // Niepodległość i Pamięć. № 5/2 (11). 1998. P. 7–28.
3. Konfederacja barska : wybór tekstów / wstępem i objaśnieniami zaopatrzył Władysław Konopczyński. Biblioteka narodowa. Serja 1. Nr. 102. Kraków : Krakowska Spółka Wydawnicza, dr., 1928. XLVI, 215 p.
4. Kraushar, A. Konfederaci barscy na Syberyi (1774) / A. Kraushar. Kraków : nakład Redakcyi «Świata», 1895. 160 p.
5. Masiarz, W. Dzieje kościoła i polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii : 1838 – 1922 / Władysław Masiarz. Kraków: Wydaw. i Poligrafia Zakonu Pijarów, 1999. 201 p.
6. Mynarski, Z. Konfederaci barscy w powstaniu Pugaczowa / Z. Mynarski // Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. – Warszawa, 1956. № 3–4. P. 77–108.
7. ГБУТО ГАТО (Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»). Ф. И6. Оп. 1. Д. 326 а.
8. ГУТО ГАТ (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). Ф. И341. Оп. 1. Д. 274.
9. Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевщина в Сибири: очерк по документам экспедиции генерала Деколонга / А.И. Дмитриев-Мамонов. М.: Университетская типография, 1898. 152 с.
10. Крих А.А. Польские конфедераты в Западной Сибири / А.А. Крих, С.А. Мулина // Przegląd Wschodni. 2014. Т. XIII. Z. 3 (51). P. 705–747.
11. Кучинский А. Кароль Любич-Хоецкий – барский конфедерат в ссылке / А. Кучинский, З. Вуйчик // Польские ссылки в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: Сб. науч. тр. Омск: Полиграфический центр КАН, 2015. С. 295–302.
12. Максимов С.В. Сибирь и каторга / С.В. Максимов. В трех частях. Издание третье. СПб., 1900. 487 с.
13. Оренбургская пушкинская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 24.11.2016).
14. Палопеженцев Н. Польская смута в Сибири в 1814 году / Н. Палопеженцев // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VII. Тобольск, 1897. С. 63–72.
15. Полное собрание законов Российской империи, 1-е изд. СПб. 1830. Т. XIX.

16. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 248. Оп. 113. Д. 293. Л. 1.

17. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 530.

18. Спирков В.А. Участие пленных польских конфедератов в крестьянской войне в России 1773–1775 гг. / В.А. Спирков // Вестник Ленинградского университета. 1963. № 14. Сер. Истории, языка и литературы. С. 19–29.

19. Филь С.Г. Польские страницы тюменского краеведения. Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2005. 320 с.

УДК 94(57)+343.261.3

Е.В. Семенов

Каторжные работы польских ссыльных в Сивяковском тюремном помещении в 60-е гг. XIX в.

В статье рассматривается малоисследованный вопрос пребывания польских политических ссыльных – участников восстания 1863–1864 гг. в каторжных работах в д. Сивяково. Автор, опираясь на широкий круг архивных источников и мемуарного наследия польских ссыльных, дает характеристику каторжных работ польских политических ссыльных в Сивяково.

Ключевые слова: польские политические ссыльные, Сивяково, каторжные работы.

E.V. Semenov

Hard labor of Polish exiles in Sivyakovo prison in the 60th XIX century

The article deals with little studied question of stay of Polish political exiles – participants in the uprising of 1863–1864 to hard labor in the village Sivyakovo. By relying on a wide range of archival sources and memoirs heritage of Polish exiles, characterizes the hard labor of Polish political exiles in Sivyakovo.

Keywords: Polish political exiles, Sivyakovo, hard labor

Вопросы изучения условий пребывания ссыльных участников польского национально-освободительного восстания 1863–1864 гг. на территории Забайкалья до настоящего времени не

рассматривались в отечественной историографии должным образом. Открытыми остаются вопросы отбывания каторжных работ в горных заводах и на золотоносных приисках, условия размещения в тюремных помещениях, а также аспекты, связанные с переходом на поселение поляков на территории Забайкалья.

Настоящая статья ставит своей целью рассмотреть один из вопросов данной проблемы, а именно, условия отбывания каторжных работ политическими ссылными поляками в д. Сивяково в 60-е гг. XIX в., где к тому времени была создана тюрьма для размещения ссылных польских повстанцев.

К середине XIX в. Нерчинские горные заводы уже не использовались для размещения ссылных на каторжные работы. К этому времени большая часть заводов была закрыта по причине истощения запасов серебряных руд. В 1846 г. закрылся Газимуровский завод, в 1850 г. – Шилкинский и Екатеринбургский заводы, в 1851 г. – Дучарский завод, а в 1853 г. – Нерчинский завод. В 60-е гг. XIX в. частично продолжали функционировать Александровский и Кутомарский заводы, последний выдавал продукцию до 1907 г. [11, с. 161].

В результате массовой ссылки в Сибирь участников польского восстания 1863–1864 гг. сибирская администрация встала перед задачей размещения ссылных и обеспечения их работ.

Вопрос определения численности и социального состава польских ссылных – участников восстания 1863–1864 гг., до настоящего времени остается актуальным и требует тщательной разработки [13, с. 65–67].

Ссылные участники польского восстания делились на три группы: сосланные в работы без срока, сосланные в работы на срок от 6 до 20 лет и сосланные в работы на срок менее 6 лет [18, с. 113]. Существовавшее подразделение ссылных на сосланных в каторжные работы в крепостях, на заводах и в рудниках практически не играло никакой роли в ссылке в каторжные работы в Забайкалье в рассматриваемый период по причине закрытия большей части заводов и рудников, а также отсутствия, отвечающих условиям содержания ссылнокаторжных тюрем и крепостей.

Основными местами размещения ссылных участников польского национально-освободительного восстания в Забайкалье во второй половине 60-х гг. XIX в. становятся Петровский железо-

делательный завод, Александровский завод, с прилегающими к нему рудниками, Карийские золотые промыслы, деревня Сивяково и поселок Муравьевская Гавань, расположенный недалеко от Сретенска.

Уже летом 1864 г. казематы Петровского железоделательного завода не вмещали всех направленных туда польских ссыльных, существующие же помещения были в плачевном состоянии и не могли обеспечить надлежащие условия для размещения ссыльных [4, л. 11]. В связи с этим генерал-губернатор Восточной Сибири своим распоряжением приказал всех, направляемых на каторжные работы в Забайкалье польских ссыльных, сосредотачивать в Нерчинских горных заводах [4, л. 5]. В самом же Петровском железоделательном заводе было оставлено всего 100 ссыльнокаторжных, остальные были отправлены в Читу для дальнейшего распределения на территории Восточного Забайкалья [4, л. 7]. Об этом в своих воспоминаниях пишет Э. Чапский, первоначально предназначенный в каторжные работы в Петровском заводе и находившийся там до мая 1866 г.: «После отправления этой партии (конец 1864 г. – Е. С.) осталось нас чуть более ста человек, среди них один француз, семь итальянцев, несколько человек из Галиции, два литвина, остальные были из Царства Польского... По утрам мы читали или учились, если не наступала наша очередь чистить картофель и брюкву на кухне, после обеда, очень скромно приготовленного, выходили на прогулку подышать чистым воздухом, однако нельзя было иначе гулять как идти бить железную руду. Любители ходили помогать тем товарищам, которые за мизерную плату целый день били железным молотом руду» [15, с. 275–277].

Одним из мест размещения ссыльнокаторжных поляков в рассматриваемый период становится деревня Сивякова, расположенная в 32 км от Читы. Деревня была основана в XVIII в. как заимка Е. Ершова и С. Сивакова, на которой первоначально содержался скот и заготавливалось сено. Со временем на берегу Ингоды возникло постоянное поселение. Из-за удобства расположения, рядом с Ингодой и в относительной близости от областной столицы, Сивяково была выбрана местом для постройки барж, первоначально для амурских военных экспедиций, а впоследствии для продовольственных и хозяйственных сплавов

на Амуре. Баржи по Ингоде сплавлялись до ее слияния с Ононом и образования Шилки и далее по течению до слияния Шилки и Аргуни и образования Амура.

Кропоткин П.А., служивший в Сибири в 60-е гг. XIX в., так характеризует сплавы, в которых он также принимал участие: «Ежегодно приходилось отправлять целые караваны барж с солью, мукой, солониной и так далее для продовольствия как войск, так и переселенцев в низовьях Амура. В Чите для этого строили ежегодно около ста пятидесяти барж, которые и сплавлялись весной в половодье по Ингоде, Шилке и Амуру. Вся флотилия делилась на отряды в двадцать-тридцать судов, которыми заведовали казацкие офицеры и чиновники» [9, с. 174–175].

В Сивяково для размещения ссылных были использованы уже существовавшие помещения, которые были отремонтированы и обнесены забором. В декабре 1864 г. был дан приказ о переоборудовании старой казармы, расположенной в д. Сивяково под устройство в ней тюрьмы для польских политических ссылных. Для проведения ремонта старых и строительства новых помещений было привлечено 125 специалистов – плотников, столяров, печников и т. д. Так, в работах принимало участие 69 плотников, 36 пильщиков и чернорабочих, 7 бондарей, 5 молотобойцев, 3 колесника, 3 кузнеца, 1 слесарь, 1 каменщик [3, л. 9]. На переоборудование зданий на нужды размещений ссылнокаторжных к июлю 1865 г. было потрачено 2154 руб. [3, л. 22].

Ссылные размещались в Сивяково, деревне Домна, расположенной в 6 верстах от Сивяково, а также в селении Беклемишевском, находящемся в 70 км от Сивяково. Основным занятием ссылнокаторжных являлась заготовка строевого леса для строительства барж.

Первоначально предполагалось разместить в тюрьме до 800 ссылных поляков [3, л. 1], но на протяжении всего времени существования тюрьмы и каторжных работ в Сивяково, здесь находилось чуть более 400 ссылных, дополнительно более 150 ссылных размещалось в деревня Домна, находящейся в 6 верстах от Сивяково.

Количество ссылных польских повстанцев, содержавшихся в Сивяковском тюремном помещении, не было постоянным и часто колебалось, в основном в сторону уменьшения. Если 26

марта 1865 г. в Сивяково находилось 398 ссыльных поляка [6, л. 22-34], то алфавитный список, составленный 22 августа 1865 г. показывает уже 418 ссыльных поляков, сосредоточенных в Сивяковском тюремном помещении и 162 – в Домне [5, л. 30].

Со временем увеличившееся количество ссыльных привело к тому, что не представлялось возможным всех их разместить в предназначенных для них помещениях, в итоге было принято решение ссыльным, включенным в категорию «исправляющихся», разрешить проживать вне пределов тюрьмы и приобретать дома за тюремным ограждением. В сентябре 1865 г. разрешение на проживание вне тюрьмы получило 57 человек [3, л. 34].

5 ноября 1866 г. из Главного управления Восточной Сибири поступило распоряжение, отделить от ссыльных привилегированного звания ссыльных из простолюдинов и впредь содержать эти категории ссыльных отдельно [7, л. 1]. Местом размещения ссыльных привилегированного звания предполагалось сделать Сивяковское тюремное помещение, ссыльных простого звания приказывалось перевести в Домну, расположенную в 6 верстах: «распорядиться о переводе всех, находящихся в д. Сиваковой преступников простого сословия в д. Домну, наблюдая на будущее время, чтобы в д. Сиваковой содержались преступники только из привилегированного звания» [7, л. 5]. 27 ноября из Сивяково в Домну было переведено 67 ссыльных, а из Домны в Сивяково – 24 ссыльных.

16 декабря 1865 г. из Сивяковского тюремного помещения в Дарасун было отправлено 53 ссыльных [6, л. 25]. В числе отправленных находился и Б. Дыбовский, воспользовавшийся благосклонностью представителей высшего местного начальства, в особенности благодаря супруге военного губернатора Забайкальской области Н.П. Дитмара в 1864–1874 гг. [14; 17, с. 87].

В Сивяково ссыльные были заняты заготовкой строевого леса и изготовлением барж, предназначенных для обеспечения бесперебойного сплава продовольствия вниз по течению Амура для вновь основанных русских поселений на его левом берегу.

Наиболее полное описание Сивяковской тюрьмы содержится в воспоминаниях Б.И. Дыбовского и Э. Чапского, отбывавших наказание каторжными работами в этой тюрьме [16, с. 366–

374]. Несколько позже Б. Дыбовский был переведен на Дарасунские минеральные источники.

Территория тюрьмы, по словам Б.И. Дыбовского, была ограждена забором, представлявшим из себя примитивное ограждение, состоящее из столбов и тонких досок [17, с. 86]. На территории размещалось два двухэтажных здания, предназначенных для размещения ссылных поляков. По воспоминаниям ссылных, казармы плохо отапливались и кишели клопами и тараканами. Поэтому большая часть ссылных занялась постройкой собственного жилья.

Таким образом поступил Б.И. Дыбовский, который вместе со своими товарищами, приобрел небольшой домик, называемый «землянкой», у рабочих, занимавшихся постройкой тюремных помещений. Ученый так описывает свое новое жилье: «Был это один из самых лучших в Сивяково дом, с двумя окнами на петлях, с хорошими дверями, закрываемыми на засов. Комната была 3 метра ширины и 3 метра длины. Большая глинобитная печь занимала почти половину комнаты, оставалось достаточно места, для того, чтобы вдоль стен можно было разместить 3 топчана, служивших кроватями, а между печью и топчанами оставался узкий проход. Стены, потолок и печь были побелены. Пол был глинобитный, из хорошо утоптанной глины и выровненный, перед печью была довольно большая лежанка, служившая нам столом для кухонных занятий. Уступили нам порядочную «землянку» с различными дополнительными предметами, а именно, метелкой для печи, деревянной заслонкой для нее же, веником для избы, несколько чугунков вместе с железным ухватом, иначе говоря, мы получили спокойный уголок для научных занятий» [17, с. 87].

Другой ссылный, также находившийся в рассматриваемый период в Сивяково, и оставивший воспоминания о своем пребывании в этой тюрьме Эдвард Чапский, следующим образом описывает «землянки», в которых приходилось проживать польским ссылным: «В течение нескольких недель возник ряд землянок, которые возвышались над землей не более чем на локоть, а войти в них приходилось по лестнице, кирпичи и печи для них изготавливали специалисты или любители» [15, с. 282].

Основные занятия каторжных в Сивяково заключались в изготовлении плотов и барж, для этого ссылные заготавливали

строевой лес, сплавливали его до верфи, выносили бревна на берег, складывали для сушки и впоследствии занимались строительством барж [17, с. 88–89].

Мы располагаем информацией о некоторых видах работ, выполненных ссыльными в июне и июле 1865 г. Так, 8 июня к работам было привлечено 73 человека, из них 26 человек занимались вытаскиванием бревен из реки, 29 – изготовлением нагелей, а 19 – изготовлением отверстий. В результате ими было выловлено из реки 138 бревен, изготовлено 1960 нагелей и просверлено 1620 отверстий. Подобного рода работы проводились 18 июня, 3, 6, 7, 8, 9 июля [3, л. 36–37].

По свидетельству Б. Дыбовского, работы были нерегулярными, и среди каторжных существовала очередь на выход на работу, которая наступала раз в несколько дней или же раз в течение недели [17, с. 88–89]. Об этом же сообщает в своих воспоминаниях Э. Чапский: «Бедные занимались на вылавливание бревен из Ингоды на берег, где строили баржи, поскольку принудительной работы еще не было» [15, с. 282].

Работы начинались с восходом солнца и продолжались несколько часов до завтрака, после завтрака работа продолжалась до обеда, который длился около двух часов, и после обеда каторжные работали до сумерек.

Кроме того, труд ссыльных использовался при очистке берега реки от остатков производства барж, обслуживании основных тюремных служб, а именно на заготовке леса для отопления, доставке воды для приготовления пищи, стирки и мытья.

Местные власти старались привлекать ссыльных к различного рода работам. Так, весной 1866 г. ссыльные в Сивяково были привлечены к проведению телеграфной линии от дер. Сивяково до оз. Кинон [3, л. 61].

Находясь в Сивяково, ссыльные получали 11 копеек содержания в сутки [8], что позволяло им приобретать незначительные предметы обихода и продукты питания в небольших лавках, возникших практически сразу среди ссыльных. Свидетельствует об этом Э. Чапский: «Корсаков вошел в лавку нашей коммуны, в которой продавался табак, сахар, чай, иглы, нити и др. Спросил меня тогда грозно, не обманывают ли купцы своих союзников, а Заборовскому приказал тщательно за этим следить» [15, с. 288].

Следует отметить общее мнение мемуаристов, характеризующих отношение непосредственного руководства над польскими ссылными, как «сносное» [17, с. 86, 110].

16 апреля 1866 г. была объявлена императорская амнистия, согласно которой польские ссылные, приговоренные к каторжным работам на срок до 6 лет, освобождались от каторги и переводились на поселение, тем же чьи сроки были выше – наказание сокращалось наполовину.

Очередная амнистия состоялась 25 мая 1868 г., которая освобождала от каторжных работ все группы польских ссылных и переводила их на поселение, исключение составляли те ссылные, которые совершили повторное преступление, в том числе участники Кругобайкальского восстания 1866 г. В связи с этим большая часть ссылных поляков, находившихся в Сивяковском тюремном помещении, была освобождена от работ и отправлялась на поселение в Иркутскую губернию. 20 июля 1868 г. из Сивяково отбыла первая партия подлежащих к освобождению от каторжных работ в составе 64 человек [1, л. 32]. Впоследствии количество ссылных начинает стремительно уменьшаться.

Не всем ссылным удавалось сразу отправиться на поселение, поскольку многие успели обзавестись имуществом, которое приходилось продавать. При таком большом предложении домов, продажа их затягивалась на продолжительное время. На наш взгляд, следует привести пример Гервазия Гзовского, сосланного в Сибирь повторно. Первое наказание он отбывал за патриотическую деятельность в 40-е гг. XIX в. [19, с. 202–203]. По амнистии 1856 г. возвратился на родину, где снова включился в антиправительственную деятельность, за что вторично был сослан в Сибирь [10, с. 36–37]. Местом отбывания наказания ему была определена д. Сивякова. По свидетельству Б. Дыбовского, дом Г. Гзовского представлял собой «маленькую «землянку», практически полностью закопанную в земле и состоящую из одной комнаты» [17, с. 85]. Освобожденный от каторги и направляемый на поселение в Иркутскую губернию, Г. Гзовский 8 августа 1868 г. обращался с просьбой к Военному губернатору Забайкальской области с просьбой оставить его в Сивяково до тех пор, пока он не продаст свой дом [1, л. 181].

К середине 1868 г. численность польских политических ссыльных в Сивяково сократилась практически наполовину [2, л. 23 об.], а к 1 сентября осталось в работах 78 человек [2, л. 26 об.]. С этого времени ссыльные поляки постепенно переводятся в другие места отбывания наказания и Сивяковское тюремное помещение утрачивает свое значение в выполнении каторжных работ польскими ссыльными.

Таким образом, Сивяковское тюремное помещение просуществовало около трех лет и не сыграло значительной роли в организации каторжных работ в Забайкалье. Объемы производства барж и условия труда не позволяли в полной мере использовать труд ссыльнокаторжных поляков и при первой представившейся возможности местные власти постарались ликвидировать Сивяковскую тюрьму.

Список литературы и источников

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 867.
2. ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 874.
3. ГАЗК. Ф. 1 (п). Оп. 1. Д. 112.
4. ГАЗК. Ф. 1 (п). Оп. 1. Д. 113.
5. ГАЗК. Ф. 1 (п). Оп. 1. Д. 121.
6. ГАЗК. Ф. 1 (п). Оп. 1. Д. 147.
7. ГАЗК. Ф. 1 (п). Оп. 1. Д. 217.
8. ГАЗК. Ф. 1 (п). Оп. 2. Д. 41.
9. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 526 с.
10. Тимофеева М.Ю. Участники польского национально-освободительного движения в забайкальской ссылке (1830–1850 годы): библиограф. справочник. Материалы к «Энциклопедии Забайкалья». Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2001. Вып. 8. 150 с.
11. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 1. 302 с.
12. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 4. 526 с.
13. Brus A., Kaczyńska E., Hliwowska W. Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków. 1815–1914. Warszawa, 1992. 438 p.
14. Brzdek G. Benedykt Dybowski. Źycie i dzieło. Warszawa; Wrocław, 1994. 396 p.
15. Czapski E. Pamiętniki Sybiraka. Londyn, 1964. 371 p.
16. Janik M. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928. 472 p.
17. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 623 p.
18. Skok H. Polacy nad Bajkałem. 1863–1883. Warszawa, 1974. 335 p.
19. Hliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa, 1998. 835 p.

УДК 329(47)(091):930.1

АА. Иванов, С.И. Кузнецов

К вопросу о пребывании ссылных поляков – участников Январского восстания в Иркутской губернии (1863–1883 гг.)

В статье подробно рассмотрена отечественная и польская историография ссылки поляков в Сибирь, определены численность, структура, география размещения и виды деятельности участников Январского 1863 г. национально-освободительного восстания в сибирском регионе в целом и в Иркутской губернии в особенности. Авторы приходят к выводу, что ссылные поляки внесли заметный вклад в развитие ремесленных и промышленных производств Иркутской губернии, способствовали организации более культурного быта и отдыха сибиряков, разнообразили и обогатили общественную жизнь иркутян. Это влияние было обоюдным и взаимовыгодным: и поляки, в свою очередь, перенимали у сибиряков лучшие традиции их материальной и духовной культуры.

Ключевые слова: поляки, Январское восстание, политическая ссылка, Сибирь, Иркутск второй половины XIX века.

АА. Ivanov, S. I. Kuznetsov

To a question of stay of exiled of Poles – participants of the January revolt in the Irkutsk province (1863–1883)

In article the domestic and Polish historiography of the exile of Poles to Siberia is in detail considered, the number, structure, geography of placement and kinds of activity of participants of January 1863 of a national liberation revolt in the Siberian region in general and in the Irkutsk province in particular are determined. Authors come to a conclusion that exiled Poles have made a noticeable contribution to development of handicraft and industrial productions of the Irkutsk province, the organizations of more cultural life and rest of Siberians promoted, diversified and have enriched public life of inhabitants of Irkutsk. This influence was mutual and mutually advantageous: and Poles, in turn, adopted the best traditions of their material and spiritual culture at Siberians.

Keywords: Poles, January revolt, political exile, Siberia, Irkutsk of the second half of the 19th century.

Проблема определения количества ссыльных поляков в отечественной и польской историографии. Определение численности поляков участников Январского восстания, высланных в 1863–1870-х гг. в Сибирь, и в Иркутскую губернию в том числе, – научная проблема, имеющая свою многолетнюю, а точнее, более чем полуторавековую историю. Первым ее исследователем с российской стороны по праву считается С.В. Максимов [1. С. 451]. В 1859 г. этот известный этнограф побывал на Дальнем Востоке для исследования территории по Амуру. На обратном пути ему было поручено составить обозрение сибирских тюрем и быта ссыльных, в результате чего появилась книга под названием «Тюрьма и ссыльные» (1871 г.). Сначала она была издана в качестве служебной записки тиражом всего 500 экземпляров, а затем в дополненном виде уже как «Сибирь и каторга» переиздавалась неоднократно, как в дооктябрьский, так и в советский период нашей истории*.

Труд С.В. Максимова представляет значительный интерес в качестве ценного и разнопланового источника по истории сибирской ссылки XVII–XIX вв. Книга содержит многочисленные фактические сведения, рассказы и свидетельства современников. Исторические анекдоты соседствуют здесь с официальной статистикой, анкетные данные – с отрывками из работ Е.Н. Анучина, неопубликованные архивные материалы – с личными впечатлениями автора – все, без чего не обойтись ни одному исследователю этой темы. Наконец, живой и увлекательный язык книги делает ее понятной, интересной и доступной любому современному читателю.

Легкость изложения не помешала С.В. Максиму поставить и по-своему решить несколько серьезных научных проблем в истории ссылки поляков в Сибирь, в том числе первым определить количественные, структурные и географические характеристики этого явления. В третьей главе своей книги «Политические и государственные преступники» автор делает это следующим образом: «С весны 1863 года ... по 20 декабря 1866

* Энциклопедический словарь. СПб.: Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург), 1896. Т. XVIII. Ст. 444–445.

года всего поступило в Сибирь, со включением и добровольно пришедших за ссылными женами и детьми, 18 623 души обою пола». Здесь же дана и динамика ссылки по годам: в 1863 г. – 524 человека, в 1864 г. – 10 649, в 1865 г. – 4671 и в 1866-ом – 2829 ссыльных (между прочим, арифметическое сложение всех цифр дает нам несколько отличное от заявленного автором число в 18 673 человека) [2. С. 179].

Далее С.В. Максимов опять же первым обозначает и видовую структуру ссылки участников Январского восстания. По его подсчетам, из 18 623 поляков было отправлено на каторгу 3894 человека, на поселение – 2153, прислано на житье 2254, сослано для водворения 8491, добровольно пришли за ссылными 1830 членов семей (всего в сумме 18 622 – опять же, пусть небольшое, но расхождение с заявленным общим количеством). При этом автор устанавливает, что большая часть поляков была распределена в Западную Сибирь (10 407 человек), а меньшая – в Восточную (8199), «с той разницей, что в первую пришли с легкой виновностью, во вторую ушли приговоренные к самым тяжким наказаниям» [2. С. 180].

Итак, имеем 18 623 поляка, сосланных в Сибирь в 1863–1866 гг. за участие в Январском восстании. Каким образом Максимов получил эту цифру? К сожалению, автор не раскрывает своим читателям методику подсчетов, нет у него и ссылок на использованные источники, что, уже само по себе, заставляет несколько усомниться в достоверности результатов его исследований. При этом следует отметить, что на настоящий существенный недостаток трудов С.В. Максимова уже указывалось в отечественной историографии. Так, еще в 1898 г. известный историк русской литературы и критик А.М. Скабичевский, называя «Сибирь и каторгу» целой «эпопеей, в своем роде Илиадой и Одиссеей каторжной жизни», отмечал, что труд Максимова содержит весьма незначительное количество конкретных ссылок, работы же «предшественников» если и цитируются, то делается это столь «вольно», что читатель не может порой отличить, где авторский текст, а где иллюстрация чужой мысли. «К сожалению, – пишет Скабичевский, – Максимов редко извещает читателя, из каких источников взял он те или другие факты» [3. С. 717].

Как видим, замечание существенное. Между тем – и это для нас главное – оно было оставлено без внимания, а подсчеты

С.В. Максимова взяты на вооружение многими последующими исследователями этой темы и стали применяться ими без надлежащей критики, в качестве уже непогрешимого источника для построения своих научных концепций.

Одним из первых расчеты С.В. Максимова подхватил Дж. Кеннан. В 1906 г. в России впервые была издана его книга «Сибирь и ссылка». Ее документальной основой стали путевые очерки, написанные автором по поручению американского журнала «Century Magazine» во время путешествия через Сибирь в 1885–1886 годах. Рассказывая о тюрьмах Нерчинской системы, Кеннан пишет и о «тысячах польских повстанцев», сосланных сюда после 1863 г. Стремясь конкретизировать их численность, автор приводит целиком подсчеты Максимова – 18 623 человека в целом, из них 8199 – в Восточной Сибири [4. С. 408].

И в Советский период нашей истории к подсчетам С.В. Максимова относились без должной критики. Так, в 1932 г. в Сибирской Советской энциклопедии появилась статья М.М. Константинова «Каторга и ссылка в Сибири». Автор, сам бывший политический ссыльный, меньшевик, дает большой обобщающий материал об уголовной и политической ссылке в Сибирь со времен невольного пребывания в Братском остроге и Забайкалье протопопа Аввакума (1653–1663 гг.) до декрета Временного правительства в марте 1917 г., объявившего политическую амнистию всем заключенным революционерам и отменившего политическую ссылку, в том числе и сибирскую. Не обходит вниманием автор и историю ссыльных поляков в Сибири, в том числе и пребывание здесь участников Январского восстания. Говоря об этом времени, Константинов пишет: «Всего прибыло в Сибирь вместе с семьями в 1863 г. – 524 человека, в 1864 г. – 10 649, 1865 – 4671, 1866 – 2829. Из этого числа ушло на каторгу 3894 человека, на поселение 2153, на житье 2254 и для водворения 8491, добровольных – 1830» [5. С. 591]. Как видим, автор целиком заимствует данные С.В. Максимова.

В 1936 г. Ф.А. Кудрявцев в книге «Александровский централ», делая широкий экскурс в историю карательной системы России, указывает, что «первой наиболее значительной группой политических ссыльных были участники польского восстания 1863 года». И далее определяет количество высланных в целом для Сибири – «до 18 600 человек». При этом в Прибайкалье,

по его данным, «поляки отбывали каторгу в Александровском винокуренном заводе, Усть-Кутских и Усольских соляных варницах, Петровском железодельном заводе и рудниках Нерчинской каторги. До тысячи человек работали на постройке Кругобайкальского тракта» [6. С. 16–17].

Известно, что «Хрущевская оттепель» благотворно сказалась и на исторических исследованиях. В 1960-е годы советские историки, в том числе и сибирские, заметно расширили проблематику своих научных интересов, активно пересматривали отдельные положения и выводы, вводили в научный оборот новые, ранее недоступные источники. В этой связи заслуживает быть отмеченной особо книга Н.П. Митиной «Во глубине сибирских руд» (1966). Это первое монографическое исследование истории пребывания участников Январского восстания в Сибири, и в первую очередь, в Прибайкалье. Н.П. Митина, говоря о высланных из Царства Польского, Литвы, Белоруссии и Украины за участие в восстании 1863–1864 гг. и опираясь на ведомости Министерства внутренних дел по 39 губерниям, называет уже 36 459 человек в целом подвергшихся репрессиям, однако для Западной и Восточной Сибири количество ссыльных дает опять же ближе к Максиму – 18 606 человек [7. С. 11, 12].

Безраздельное господство подсчетов С.В. Максимова в отечественной историографии было нарушено иркутским историком С.Ф. Ковалем. В изданном в 1968 г. третьем томе «Истории Сибири», в параграфе «Политическая ссылка 60–80-х гг. XIX века», подготовленном этим ученым, встречаем иную значительно большую цифру «Январских поляков»: «Общее число ссыльных повстанцев, – указано в тексте, – превышало в Сибири 22 000. Осужденные на каторгу почти все, за исключением 11 человек, были отправлены в Иркутскую губернию и Забайкальскую область. В Восточную Сибирь были сосланы наиболее активные участники восстания, принадлежавшие к направлению «красных»... [8. С. 114].

Казалось бы, с появлением данных С.Ф. Ковалю подсчеты С.В. Максимова должны отойти на второй план, потерять актуальность. Однако уже 1971 г. В.Н. Дворянов в своей монографии опять указывает знакомые цифры: «с 1863 по 1867 гг. в Тобольскую губернию, – пишет автор, – было сослано 4101, в Томскую – 6306, в Енисейскую – 3719, а в Иркутскую – 4424

польских повстанца», а всего, следовательно, 18 550 человек [9. С. 64, 65].

Наконец в 1976 г. у Л.П. Рощевской в статье «Последний осколок приказной системы» обосновывается другое, нежели у Максимова и Коваля, количество ссыльных участников Январского восстания: «Всего за 1864–1869, 1876–1894 гг., то есть почти за 30 лет, – пишет автор, – в Сибирь поступило через Приказ [Тобольский. – *Авт.*] 25 473 политических и государственных ссыльных. Из них – 23 056 повстанцев 1863–1864 гг.» [10. С. 207–208].

Постперестроечное время, к сожалению, мало что добавило к уже имеющимся в историографии количественным показателям участников Январского восстания, сосланным в Сибирь. Современные исследователи по-прежнему опираются на результаты поисков своих предшественников, имея в виду прежде всего С.В. Максимова. Так, западно-сибирский исследователь С.А. Мулина считает, что «в результате восстания в Сибирь было выслано около 20 тысяч поляков» [11. С. 496–509]. Похожие цифры встречаем и у С.В. Леончика: «более 22 тыс. поляков были осуждены и высланы в Сибирь ...» [12. С. 54].

Наконец в 2009 г. в Исторической энциклопедии Сибири, аккумулировавшей все наработанные за этот период результаты исследований, было сделано следующее заключение: «Численность репрессированных повстанцев, по официальным правительственным источникам, составляла около 18 тыс. чел. В общей сложности на каторгу, поселение, в воен. службу по суду, а также в административном порядке и под надзор властей до конца 1866 г. было сослано от 16 до 20 тысяч человек» [13. Стб. 645].

Как видим, отечественные историки, определяя количество ссыльных поляков в Сибири, сосланных за участие в Январском восстании, оперируют различными показателями, которые варьируются от 18 до 23 тыс. человек.

Ну, а каковы успехи польских ученых? Судя по имеющимся в нашем распоряжении опубликованным в России материалам, изучение этой проблемы началось в Польше с обретением независимости. В 1917 г. Бронислав Пилсудский в лекции, прочитанной в Польском доме в Лозанне под названием «Поляки в Сибири» указывал, что в течение 1863–1866 гг. в Сибирь

«пошли почти 20 тыс. чел., половина которых были людьми образованными. Из этого числа около 4 тыс. осудили на каторжные работы (на поселение с лишением прав около 2,5 тыс.), столько же – на временное поселение, около 2 тыс. семей добровольно пошли со ссылными. Около 10 тыс. осуждены на вечное поселение без лишения прав [14. С. 17].

Можно предположить, что цифра «почти 20 тыс. чел.» скорее всего, также заимствована у С.В. Максимова. В 1959 г. профессор Владыслав Евсевицкий, специально не занимаясь этой проблемой, сделал вывод, о том, что «число сосланных в Сибирь за участие в восстании 1863 г. вместе с большим количеством добровольных изгнанников – членов семей, не исключая детей, следует, пожалуй, округлить до 30 000 лиц» [1. С. 463]. В 1970-е гг. Хенрык Скок, подвергнув критике ставшую сакральной цифру в 18 тысяч поляков, высланных в Сибирь, обосновывает, опираясь на источники официального делопроизводства, новое для всей историографии число – 13 018 ссылных [1. С. 465].

Изучение сибирского периода жизни участников Январского восстания продолжалось и в новейший период польской истории. Наконец в 2002 г. был издан весьма содержательный сборник «Сибирь в истории и культуре польского народа», собравший на своих страницах все последние достижения российской и польской историографии. Однако и здесь помещены различные данные о количестве поляков. Так, София Стшижевская определила число ссылных за Январское восстание в 25 тыс. человек, [15. С. 128, 129], а Дорота Михалюк – в 38 тысяч [16. С. 118].

Д. Михалюк не единственный исследователь, апеллирующий столь значительными цифрами. Большинство современных польских историков в определении числа участников Январского восстания, наказанных ссылкой в Сибирь, сегодня склонны к значительному увеличению полученных когда-то итоговых цифр. Пример тому – последняя крупная публикация Виктории Сливовской о побегех поляков из Сибири, вышедшая совсем недавно, в 2014 г. Так, говоря о цене, которую Польша заплатила за независимость от России, автор указывает, что «картотека высланных после Январского восстания» насчитывающая «40 тысяч имён, ... безусловно, не охватывает всех репрессированных», эти данные, полагает автор, «бесспорно, занижены» и

речь идет о «первой в истории массовой депортации его участников вглубь империи» [17. С. 20]. Ян Зюлек, анализирувавший мемуарное наследие «сибирских поляков» периода 1860-х годов, обращает внимание на наличие в нем еще более значительных цифр – 80–100 тыс. ссыльных [18. С. 135].

Итак, историографический анализ отечественной и польской литературы заставляет нас сделать, по крайней мере, три обобщающих вывода. Прежде всего, очевидно, что и сегодня среди ученых не существует единого мнения о количестве участников Январского восстания, сосланных в Сибирь. Конечные данные их исследований существенно разнятся – от 18 до 23 тысяч – в отечественной историографии и от 13 до 100 тысяч человек – в польской. Такое расхождение – яркое свидетельство того, что настоящая научная проблема до сих пор далека от своего решения.

Во-вторых, значительная «разногласица» итоговых цифр – отражение весьма сложной (а нередко и противоречивой) источниковой базы проблемы. Ее квалифицированное прочтение требует объединения усилий, как польских, так и российских специалистов с целью скоординированного отдельного изучения с привлечением новых, ранее не вводимых в научный оборот материалов. Ну и в-третьих, установление подлинной численности участников Январского восстания могло бы значительно скорректировать некоторые обобщающие положения специалистов в области политической истории России и Польши второй половины XIX в. в целом.

Численность, структура, география размещения и характер занятости польской ссылки на территории Иркутской губернии.

Сколько поляков – участников Январского восстания было в пределах Иркутской губернии? Мы располагаем лишь отрывочными, далеко неполными сведениями. Так, за 1864 г. имеется ходатайство М.С. Корсакова в Петербург, к шефу жандармов о предоставлении кредита на постройку и исправление тюремных зданий в Нерчинском округе, из которого следует, что Иркутский генерал-губернатор рассчитывал на поступление гораздо меньшего количества ссыльных поляков («от 200 до 300»), «между тем политические преступники присылаются в Восточную Сибирь для употребления в каторжную работу гораздо в

большем числе, так, что по последним сведениям, по 23 ноября сего года, выслано их в г. Иркутск 1123 человек[а], ... из числа коих по неимению в готовности помещений на Нерчинских заводах отправлено: в Иркутский солеваренный завод 57 чел., в Петровский железодельный завод 95 чел., в Нерчинские заводы и рудники 653 чел. и содержится в Иркутском остроге 318 человек» [19. С. 114].

Далее имеется ведомость политическим преступникам, находящимся в селе Лиственничном в заведовании зауряд-сотника П. Попова на 3. 01. 1866 г., где указано 206 польских фамилий. В ведомости политических преступников, находящихся в работах при Петровском железодельном заводе за сентябрьскую треть 1865 г. – 160 польских имен. В работах на Троицком сользаводе – 90 поляков. Кондуитный список политическим преступникам, находящимся в Муравьевской гавани и в городе Сретенске – 177 поляков. В списке польских политических преступников, содержащихся в деревне Сиваковой (Сивяковой) – 903 человека. Итого 1536 по Иркутской губернии и Забайкальской области. Напротив каждой фамилии – отметка о поведении. В основном встречаются записи «поведения хорошего», но есть и пометки «дерзок» или «дурного поведения»*.

Из сведений о числе ссылных поляков в 1871–1872 гг. имеется справка в первое отделение ГУВС от 18 марта 1871 г.: «... в настоящее время всех ссылных мужчин находится в заводах: Иркутском солеваренном политических – 139, Николаевском железодельном – ?, Усть-Кутском политических – 1, в Александровском политических – 347, в городе Иркутске политических – 7; Нижнеудинске – ?, Балаганске политических – 1; в округах: Иркутском политических – 794; Нижнеудинском политических – 290; Балаганском политических – 1090; Киренском политических – 43 и Верхоленском политических – 66», а всего – 2778 человек**. Настоящую цифру, безусловно, неполную, можно, на наш взгляд, и принять за некий «верный ориентир» в установлении численности участников восстания в Польше, находившихся в пределах Иркутской губернии в начале 1870-х годов.

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 905. Л. 2–6 об., 11–14, 16–20, 89–107.

** Там же. Оп. Оц. Д. 66. Л. 12.

За вторую половину 1870-х гг. имеются сведения из отчета (опять же неполного), составленного Иркутской экспедицией о ссыльных на 28 января 1876 г. Согласно документу, в Иркутском округе числилось 586 политических ссыльных поляков, в Нижнеудинском округе – 255, в Верхоленском – 318, в Черемховской волости – 30, Яндинской – 5, Удинской волости – 210. Итого: 1404 человека*.

И в начале 1880-х на территории Иркутской губернии по-прежнему оставались участники Январского восстания 1863 г. Так, в именном списке ссыльных, «осужденных и высланных по бывшему польскому мятежу» и находящихся в Иркутской губернии на 1882 г., декабрь месяц, находим 205 фамилий**. Последние сведения о наших ссыльных на территории Иркутской губернии, которыми мы располагаем, относятся к 1883 г. В «Списке политическим ссыльным Иркутского округа как не судившихся за убийства и истязания по мятежу 1863 года, подлежащим в силу 8 и 9 пунктов 14 ст. Всемилостивейшего манифеста от 15 мая 1883 года к освобождению от полицейского надзора» – 288 человек***.

Т. о., материалы, обнаруженные нами в фондах ГАИО и других источниках, свидетельствуют о следующем. Ссыльные участники Январского восстания поступали в пределы Иркутской губернии постепенно. Наименьшее количество ссыльных относится к ноябрю 1864 г. – 1123 человека. В 1871 г. зафиксировано наибольшее количество поляков – 2778, затем их численность начинает падать, и составляет в 1876 г. 1404 человека, наконец, к 1883 г. их остается от 200 до 300 человек. Настоящие подсчеты условны, так как не могут претендовать на полноту и исчерпывающий характер. Мы можем только предположить, что в целом за двадцатилетие 1863–1883 гг. в Иркутской губернии отбывало ссылку около 3 тыс. поляков – участников Январского восстания.

Интересно было бы определить общую численность ссыльных поляков на территории Иркутской губернии, ведь до «массовой ссылки 1863 г.» здесь уже были размещены участники освободительного движения 1830–1850-х годов. По амнистии

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 147. Л. 3–5, 8, 10.

** Там же. Оп. 5. Д. 125. Л. 305–322.

*** Там же. Ф. 90. Оп. 4. Д. 486 Л. 7.

1856 г. большая часть поляков покинула Сибирь, однако были и такие, кто по разным причинам остался, их количество можно обозначить опять же только по отрывочным данным.

Так, А. Гиллер в 1859 г. указывал, что польское население в Иркутске складывалось из политических изгнанников, чиновников, военных и сосланных за уголовные и полицейские преступления. Общее его число доходило до 150 человек. По мысли исследователя, «здесь особенно ощущалось отсутствие полек, так как женщины создают нравы, они являются душой и связующим звеном общества; стало быть, без них польская колония в Иркутске, не имея центра притяжения», жила «в разрозненности» [20. С. 623].

Так или иначе, за недостатком источников, остается опять же только предположить, что общее число польских ссылных – настоящих и бывших, осевших на территории Иркутской губернии после окончания срока ссылки, в 1860–1870-х гг. может исчисляться в 3,5–4 тыс. человек.

Внушительная цифра, но в пользу наших предположений приведем фразу из книги профессора Виктории Сливовской, исследовавшей механизм формирования польской диаспоры в Сибири: «Всякий раз какая-то их часть оставалась навсегда в России: одни заводили семьи, другие находили доходное занятие, третьих не прельщала перспектива отрабатывать барщину в родном краю. В Сибири ведь не было крепостного права, а земли здесь было предостаточно. Кому-то просто не удалось вовремя уехать... Поэтому каждое очередное поколение польских ссылных встречалось в местах изоляции – за и перед Уралом – со своими предшественниками из предыдущих десятилетий» [17. С. 30].

Массовое поступление поляков потребовало быстрой перестройки имевшихся структур управления «ссылочным делом» в Восточной Сибири. По всей видимости, уже в 1865–1866 гг. в Иркутске в ранге офицера, «состоящего при генерал-губернаторе для особых поручений» была учреждена должность «для надзора за политическими преступниками» (в чине подполковника или полковника) и три – при главном управлении «для устройства быта политических ссылных» (подполковник, майор и

ротмистр)*. Эти офицеры осуществляли как надзор, так и контроль за размещением на территории губернии исключительно ссыльных поляков, прибывших по «Январскому мятежу», и, судя по памятным книжкам, данные должности существовали и в 1870, и 1873 году.

В ГАИО сохранился отчет одного из таких офицеров «для особых поручений» – подполковника Де Витте, командированного в феврале 1866 г. на Николаевский железодельный завод с целью «соображения на месте возможности к помещению в заводе возможно большего числа политических преступников, осужденных в каторжную работу взамен обыкновенных ссыльнокаторжных».

В рапорте Де Витте указывал, что по осмотру завода, оказалось, что для устройства работ с наличною командою и вольнонаемными рабочими, владелец завода господин Трапезников предполагает дать работу только ста ссыльным полякам. «Но как в настоящее время при заводе готовых помещений не имеется, а из числа существующих зданий, требуются значительные исправления, то одновременная присылка всего числа неудобна»**.

Де Витте докладывал, что Трапезников может приготовить к 1 мая 1866 г. помещение только для 25 человек, а затем, по мере переустройства, – для остальных 75. «Что же касается до вывода из завода находящихся в настоящее время обыкновенных ссыльных, то владелец находит неудобным, потому что все они в числе 137 человек, находятся на заводе довольно долгое время, к работам привыкли, многие из них (89 человек) обзавелись домами и хозяйством; заменить их новыми было бы для него убыточно, а для них разорительно».

При этом хозяин, соглашаясь разметить у себя поляков, выговорил и ряд условий. Трапезников принимал ссыльных:

а\ с правом отказаться от них и ранее 5 или 10 лет;

б\ с тем, чтобы плату и содержание получать им на равных с тем, что получают ныне;

* Памятная книжка Иркутской губернии на 1870 г. Адрес-календарь. Иркутск: Издание Иркутского губернского статистического комитета, 1870. С. 6–7.

** ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 58. Л. 7.

в\ наблюдение за ссылными вверить особой воинской команде;

г\ провоз на завод, а равно наблюдение за ними должно быть отнесено за счет правительства*.

Применительно к большому количеству участников Январского восстания перестраивалась и деятельность Иркутской губернской экспедиции о ссылных. В ее штате появились дополнительные писари и даже чиновник, которому «за перевод польской корреспонденции, а также цензорование писем государственных преступников» полагалось достаточно солидное жалованье в размере 700 рублей в год**. Экспедиции удалось относительно хорошо наладить и отчетность о поляках. От всякого окружного пристава непременно «к 10 числу по истечении каждого месяца» требовались «верные сведения о числе политических ссылных», находящихся в уезде или волости. Каждое донесение обязательно заканчивалось оценкой обстановки: «проживающие по волости политические ссылные поведения и образа жизни хорошего, в политической неблагонадежности и в других политических проступках замечены не были; о проживающих же в разных местах по билетам и без оных, волостное правление объяснить ничего не может»***.

Масштабы ссылки поляков неуклонно возрастали. Тогда 8 января 1866 г. правительство приняло специальные «Правила по устройству быта политических ссылных, сосланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и Западных губерний». Правила предусматривали для поляков целый ряд серьезных ограничений в трудовой сфере и предпринимательстве. На месте поселения ссылным запрещалось заниматься воспитанием детей и преподаванием им наук, «искусств и мастерства»; иметь аптеки, фотографии, литографии; иметь занятия во всех правительственных учреждениях; заниматься торговлей вином, медицинской практикой, извозом. Уход на золотые прииски ограничивался для них обязательным «поручительством лиц, нанимающих их» и «разрешением исправника»****.

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 58. Л. 12.

** Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 379. Л. 5 об.

*** Там же. Ф. 90. Оп. 4. Д. 475. Л. 10, 11.

**** Там же. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 814. Л. 2–2 об.

Запрещения – серьезные, но не жестокие. Подобные, принятые на основе Устава о ссылке 1822 года, действовали и для русских революционеров. Более того, учитывая хронический дефицит мастеровых и ремесленников в Прибайкалье, правительство пыталось использовать здесь ссылных повстанцев и в качестве источника квалифицированной рабочей силы. Так, согласно Правил, «политические преступники в видах обеспечения экономического их быта распределялись по утверждению начальника губернии, применяясь к роду занятий каждого». Желавшие заняться в местах водворения земледелием, получали землю в надел, а владеющие рабочими специальностями могли водворяться «в казенные и все имеющиеся в губерниях частные заводы». Кроме этого «политическим преступникам, устроившим свое хозяйство», «могло быть дозволено, при хорошем их поведении, оставаться на местах водворения»*.

Ощутимый дефицит рабочих профессий заставлял власти всячески поощрять обустройство поляков в регионе и на постоянное жительство. Вот, например, список участников Январского восстания, изъявивших желание остаться после окончания срока ссылки, составленный в апреле 1873 г. В списке 54 фамилии, большинство «испрашивали разрешение» поселиться близ промышленных центров в Забайкалье: Артецкий Константин – мыловар – Верхнеудинск; Брудницкий Иван – колбасник – Верхнеудинск; Дрейзонтен Ян – пильщик – Петровский Завод; Жоховский Игнатий – мыловар – Верхнеудинск; Ковальский Николай – портной – Петровский Завод; Игначевский Иосиф – слесарь – Тарбагатайская волость; Молиенко Иосиф – сапожник – Петровский Завод; Прушинский Иосиф – сапожник – Петровский Завод; Синдер Нохейм – булочник – Петровский Завод**.

Как видим, в Прибайкалье старались остаться «простые» ссылные поляки, люди рабочих профессий и бедняки-крестьяне. Шляхтичи из Речи Посполитой, а также родовитые помещики из Литвы и Белоруссии стремились скорее покинуть «холодную Сибирь». Следует сказать, что в этом в немалой степени им помогало и царское правительство, проявляя вполне понятную здесь сословную солидарность. Иначе не объяснить поистине беспрецедентных льгот, которые давались ссылным участни-

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Д. 814. Л. 1.

** Там же. Л. 2 об.

кам Январского восстания в каждом Высочайшем манифесте, принимавшемся в России по случаю всевозможных торжеств, происходивших периодически в монаршем доме*.

Ссылные участники Январского восстания стремились сесть в Сибири компактно, образуя свои этнические колонии. На территории Иркутской губернии наиболее крупные поселения сформировались в 1860–1880-х гг. в Усолье, Иркутске, Балаганске, Нижнеудинске, Верхоленске, Тунке. Как видно из перечня населенных мест, поляки предпочитали южные, хорошо обжитые районы губернии, с относительно развитой промышленной инфраструктурой, с фабриками и заводами горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, на которых можно было найти работу.

Крупная колония ссылных поляков – участников Январского восстания сложилась в селе Усолье. В середине 1860-х гг. на Усольском заводе содержалось более 400 польских политических ссылных различных сословий и профессий. По данным Б.С. Шостаковича, среди них было немало известных врачей (хирурги Юзеф Лаговский и Вацлав Лясоцкий), инженеров (Леон Братыньский, Ян Хрыневский), натуралистов (Миколай Хартунг, Павел Экерт), художников (Александр Сохачевский, Кароль Станкевич), писателей, музыкантов, а также представителей столь дефицитных для Сибири «земных» профессий огородников, кондитеров, портных, сапожников, парикмахеров [21. С. 30].

Польские ссылные были хорошо организованы: здесь действовала касса взаимопомощи, был принят устав, избрано правление. Известно своей деятельностью, например, «Общество врачей Усолья», члены которого, в основном профессиональные медики, оказывали квалифицированную помощь не только соотечественникам, но и местным жителям. В начале 1870-х годов количество поляков – участников Январского восстания в Усолье значительно сократилось: в 1871 г. здесь отбывали нака-

* Амнистии и льготы, применявшиеся к ссылным полякам – участникам Январского восстания – тема отдельного исследования, выходящего за рамки данной статьи. Чтобы подчеркнуть их особый характер отметим лишь, что первый манифест, значительно ослаблявший режим пребывания в Сибири «знатым» «мятежникам», был принят уже 28 октября 1866 г. Его появлению не помешало даже восстание ссылных поляков на Кругобайкальском тракте, подавленное, как известно накануне, в июле 1866 г.

зание уже 137, в 1873 – 92, а в 1874 г. – 87 человек*. Режим содержания политических был, в общем-то, либеральным: «политики» работали не весь день, не носили кандалов, размещались в отдельной казарме или даже могли проживать в селе, снимая квартиры, пользовались правом свободного перемещения по территории завода, выходили на Московский тракт – встречать проходившие в Забайкалье этапы ссыльных товарищей.

Наиболее заметная польская колония существовала в этот период все-таки не в Усолье, а в Иркутске. По свидетельству Б. Дыбовского, прибывшего сюда в 1868 г., в городе уже было большое количество участников Январского восстания – ремесленников, портных, сапожников, столяров, золотых дел мастеров, жестянщиков, оружейников, кондитеров, содержателей кофеен, «даже нашелся первый книгоиздатель». Под управлением поляков «действовали фабрики спичек, изразцов и так далее. Была открыта торговля варшавской обувью, галантереей и одеждой. Даже извозчики и водовозы были поляками. Словом, – резюмирует автор, – Иркутск приобрел подобие города, тогда как до этого был неприглядный городишко» [22. С. 113].

По подсчетам М.Р. Новоселовой, в 1879 г. в Иркутске официально проживало 234 ссыльных поляка. Из них 55 занимались торговлей, 48 человек были «в услужении» – это сторожа, прислуга, повара, кучера и т. п. На эти профессии всегда сохранялся спрос, так как богатые поляки обычно пользовались услугами соотечественников. Не менее 30 ссыльных служили письмоводителями, 14 человек занимались извозом. Столяров насчитывалось 13 человек, были также слесари, токари, шорники, кузнецы и печники, пять кондитеров и три колбасника, пивовары и повара. В городе было не менее шести музыкантов и один танцмейстер, четверо врачей и один аптекарь, два фотографа и два ретушера, два художника, резчик печатей и переплетчик [23. С. 151–152].

Анализ губернской статистики привел М.Р. Новоселову к выводу о том, что доля поляков среди торговцев, письмоводителей, портных и сапожников, плотников и столяров города Иркутска была «в целом невелика», однако среди колбасников, садовников, врачей и аптекарей она доходила до 30–50 %. Кроме перечисленных профессий, бывшие ссыльные занимались разведкой

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 70. Л. 10; Д. 66. Л. 12; Д. 61. Л. 55.

и добычей золота, выполняли посреднические функции в торговле и банковском деле. По справедливому замечанию автора, несмотря на то, что «культурное влияние поляков на иркутских жителей не может быть охарактеризовано прямыми цифровыми показателями, но оно очевидно» [23. С. 153].

В ноябре 1875 г. иркутская врачебная управа, выполняя строгое предписание военного губернатора, сделала проверку «всем фармацевтам, работающим в вольных аптеках и Михеевской лечебнице города». Оказалось, что «значительное число» специалистов здесь «принадлежат к категории политических ссылных (т. е. поляков. – Авт.), получивших на основании Высочайших манифестов от 25 мая 1868 г. и 13 мая 1870 г. прежние права их состояния, но не освобожденных от надзора полиции». Проверяющими был составлен соответствующий список, в котором фигурировали: «помощники Гербст и Каминский, аптекарский ученик Богуславский, с давнего времени занимающиеся в аптеках», а также «Иван Домашевич, Орест Габель, Антон-Франц-Иван Красицкий, Рудзских, Викентий Василевский, Владислав Шиманский, Модриан Мегердир, Владислав Барановский, Август Донелло Пашковский, Петр Давид Баллод»*. Можно вполне обоснованно предположить, что результаты проверки остались для поляков без негативных последствий.

Кроме Усолья и Иркутска крупные колонии ссылных поляков по Январскому «мятежу» сложились в начале 1870-х гг. практически во всех уездных городах губернии, а также на Николаевском железоделательном заводе – 81 человек, Александровском винокуренном заводе – 96, в с. Тунка – не менее 150 и на строительстве Кругобайкальского колесного тракта – 700** (до июля 1866 г.).

Село Тунка – экономический и культурный центр Тункинской долины с населением в 2,5–3 тыс. человек, с несколькими перерабатывающими заводиками и почтовой станцией. С одной стороны, обладая сравнительно мягким климатом, Тунка была весьма притягательным центром для политических ссылных, с другой – удаленность села от городов и промышленных районов, делала ее весьма удобным местом для надежной изоляции государственных преступников. Вот почему еще в начале 1870-

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–4

** Там же. Ф. 297. Оп.1. Д. 83. Л. 10, 18–20, 45–47.

х годов здесь сложилась самая большая в Иркутской губернии колония ссыльных польских священников.

По сведениям польских источников, первые священнослужители стали пребывать в Тунку в 1864 г. Это были священники Павел Краевский, Францишек Рогозинский и Ян Русецкий. В марте 1866 г. тункинская колония насчитывала 23 служителя, а в середине 1869 г. их было уже 145. Сосредоточение столь значительного количества польских священников в одном месте – свидетельство целенаправленной политики царского правительства по изоляции их как руководителей Январского восстания от рядовых участников освободительного движения.

За годы пребывания в Тунке ярко проявились лучшие черты ссыльных поляков – сила духа, стремление к самоорганизации и трудолюбие. Здесь ксендзы организовали кооператив по совместной обработке земли, кассу взаимопомощи, занимались скотоводством и рыболовством. В селе успешно работал небольшой свечной завод, мастерские по производству сигар, папирос и сладостей, которые «продавались с большим успехом даже в столице Иркутской губернии» [18. С. 143].

На сэкономленные средства были закуплены лекарства, медикаменты и создана аптека, услугами которой бесплатно пользовались и местные жители. Среди духовенства были и специалисты-портные, башмачники, столяры и пекари. С первых лет существования колонии здесь действовали принципы самоуправления: ссыльные избирали правление и старосту, которые защищали их интересы перед местными властями. Ежедневные проблемы обсуждались на общих собраниях, а для разрешения мелких конфликтов действовал специальный товарищеский суд [18. С. 143].

Всемиловнейшие манифесты приносили «облегчения» священникам в гораздо меньшей степени, чем шляхте. Тем не менее, к 1880-м годам тункинская колония поляков заметно поредела. Из донесения тункинской мирской избы господину иркутскому окружному исправнику видно, что к 30 июня 1883 г. здесь оставалось лишь пятеро священнослужителей, а также следовало, «что числящиеся политические под надзором полиции ссыльные из ксендзов, сосланные за польский мятеж, в какие-либо новые преступления не впадали»*.

* ГАИО. Ф. 90. Оп. 4. Д. 486 Л. 7.

Существенной особенностью польской политической ссылки этого периода был ее «текучий» характер, что объяснялось тем, что ссылные периодически занимались приисканием работы или более выгодного места службы. Вот, например, список политическим ссылным Уриковской волости на январь 1877 г. В нем 119 польских фамилий. Из этого числа проживало в Иркутске по «билету иркутского окружного исправника» – 89 человек, остальные работали на территории всей губернии и даже в Олекминском округе и Нерчинске, а в самом же Урике поляков практически не было. Та же картина имела место и в Оёкской волости: в январе 1877 г. здесь числился 91 ссылный поляк, однако на месте причисления был 31, а 57 – уволены по билетам. В Тельминской волости из 62 поляков 17 отсутствовали по билетам, а 23 – «отлучились самовольно». Такая «текучесть» существенно затрудняла учетную работу Иркутской экспедиции осылных, и создавала значительные трудности для гласного полицейского надзора*.

Местные жители охотно нанимали политических ссылных на службу: «политики» были грамотны, вели дела честно, были обязательными и исполнительными, да и «стоили», что немаловажно, значительно меньше сибирских чиновников. В качестве подтверждения нашего тезиса, приведем строки из письма П.Д. Баллода, отбывшего каторгу в Александровском заводе, А.С. Фаминичину от 3 июля 1870 г.: «Пишу Вам это письмо из Посольска, куда меня нелегкая принесла из Верхнеудинска больного. И сию я здесь третью неделю и ожидаю, когда придет сюда какое-нибудь судно или пароход и увезет меня через Байкал. Когда я выезжал из Александровского завода, то мне предлагали несколько мест купцы и разные предприниматели с порядочным содержанием, и даже один бурят, у которого я покупал скот, сказал мне: “Друг, оставайся здесь, я тебе дам 3 руб. в месяц жалованья и просто 500 быков, и ты торгуй, как знаешь”» [24. С. 217–218].

Если русский политический ссылный рвался из Сибири в Европейскую Россию, рассматривая ссылку как жестокое, но все же временное удаление из привычной среды, то «простые» поляки на месте поселения нередко быстро пускали прочные корни – брали ссуды, обзаводились добротной усадьбой, домаш-

* ГАИО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 474. Л. 2–12, 23, 32.

ним скотом, активно искали занятия своим способностям. Здесь они создавали новые семьи, а по большей части «выписывали» «старые», растили детей, занимались предпринимательством, делали служебную или научную карьеру.

Нередко ссыльные поляки – участники Январского восстания столь крепко прикипали к сибирской земле, обзаводились хозяйством, что не могли все это сразу бросить и немедленно вернуться на родину. Вот, например, показательное прошение Ф. Далевского Н.П. Дитмару, написанное после «высочайшего соизволения» от 25 мая 1868 г. об облегчении участи ссыльных поляков: «Так как я, имея свою мыловарню и для obsługi ея лошадей и быков, принужден был сделать запас на зиму, а именно сена и дров, которые я закупил у окрестных жителей, то покорнейше прошу, Ваше превосходительство, оставить меня на поселение в Забайкальской области. Ежели бы это было возможным, то оставить меня, по крайней мере, на один год» [24. С. 213].

Анализ имеющихся в нашем распоряжении свидетельств современников раскрывает заметную роль ссыльных участников Январского восстания в самых разнообразных сферах материальной и духовной жизни сибиряков 1860–1880-х годов. При этом следует подчеркнуть, что процесс проникновения культур и традиций двух народов был, несомненно, обоюдным и взаимным. Сами поляки-ссыльные оценивали сибирский период своей жизни по-разному, однако, согласно исследованиям М. Яника, абсолютное большинство мемуаристов констатировали положительное влияние Сибири на их духовную культуру и отношения друг к другу. Суровые природные и материальные условия заставляли забывать о существовании социального неравенства, порождали стремление к взаимопомощи, к созданию землячеств, общественных денежных фондов и касс. «Если у кого-то до этого таились предрассудки родового или общественного характера, – говорит Яник, – то он убеждался в их искусственности и внутренней лживости, воочию прозревал и начинал видеть в ближнем равного себе человека, настолько лишь отличного, насколько отличался он личными достоинствами и силой характера»* [25. Р. 400].

* Здесь и далее перевод Б.С. Шостаковича.

Укрепление нравственности, – по мысли одного из авторов, цитируемых М. Яником, – сопровождалось и накоплением умственного материала». «Сибирь расширила горизонт знаний», даже «простак», отбывший сибирское изгнание, становился человеком интеллигентным. Здесь организовывались научные курсы, разные лекции, беседы, обмен книгами. Благодаря сибирской ссылке, «поляки стали намного духовно, нравственно и умственно богаче» [25. Р. 401].

Сделаем краткие выводы. Приведенный нами фактический материал свидетельствует о том, что история пребывания участников Январского восстания в сибирской ссылке – сложная и актуальная научная проблема, которая требует комплексного всестороннего исследования. До настоящего времени в этой обширнейшей теме имеются слабоизученные стороны, одной из которых является установление подлинной численности ссылных поляков в Сибири в 1863–1883-х годах.

Анализ имеющихся исторических источников позволяет сделать вывод о том, что ссылка польских «мятежников» имела и сложную структуру. Среди ссылных были каторжане, сосланные на поселение по решению суда и вышедшие на оное после отбытия каторжных работ, а также высланные на жительство и водворение. Наказанию каторжными работами и ссылкой на поселение подвергались наиболее деятельные участники восстания, его организаторы и активные исполнители. Политическая ссылка в Сибирь вообще, и поляков в том числе, не отменяла классовых и сословных привилегий, «знатный» и материально обеспеченный ссылный переносил тяготы невольного пребывания в Сибири гораздо легче ссылного из мещанского или крестьянского сословия.

Пребывание в ссылке участников Январского 1863 г. восстания регулировалось особыми Правилами, а также несколькими законодательными актами, направленными на обеспечение более эффективной деятельности по организации надзора и размещению контингента ссылных. Поляки-каторжане отбывали наказание на солеваренных и горнодобывающих предприятиях Иркутской губернии и Забайкальской области (Нерчинская система), а поселенцы размещались в уездных городах и селах, расположенных в южных районах губернии среди старожильческого крестьянского населения. На местах поселения поляки

образовывали колонии, стремились к созданию касс взаимопомощи, совместных кооперативов и артелей. Немалая часть поляков, окончив формальные сроки ссылки, приписалась к сельским обществам и оставалась в Сибири.

Местные власти стремились использовать знания и производственные навыки поляков. Ссылные участники Январского восстания внесли заметный вклад в развитие ремесленных и промышленных производств Иркутской губернии, способствовали организации более культурного быта и отдыха сибиряков, разнообразили и обогатили общественную жизнь иркутян. Это влияние было обоюдным и взаимовыгодным: и поляки, в свою очередь, перенимали у сибиряков лучшие традиции их материальной и духовной культуры.

Список источников и литературы

1. Шостакович Б.С. Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.): Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. М.: МИК, 2015.
2. Максимов С.В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Сибирь и каторга: Части II–IV; Примечания. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.
3. Скабичевский А.М. Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне // Русская мысль. 1898. Кн. IX–X. С. 685–746.
4. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб.: Издание В. Врублевского, 1906.
5. Константинов М.М. Каторга и ссылка в Сибири // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 2. М.: Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1932. С. 575–622.
6. Кудрявцев Ф.А. Александровский централ. Иркутск: Типография ОГИЗа треста «Полиграфкнига», 1936.
7. Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. К столетию восстания польских ссылных на Кругобайкальском тракте. М.: Изд-во «Наука», 1966.
8. История Сибири. Том третий: Сибирь в эпоху капитализма. Ленинград: «Наука» Ленинградское отделение, 1968.
9. Дворянов В.Н. В Сибирской дальней стороне...(Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е годы XVIII в. – 1917 г.). Минск: Изд-во «Наука и техника», 1971.
10. Рощевская Л.П. Последний осколок приказной системы // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 203–208.
11. Мулина С.А. Участники Польского восстания 1863 г. в Сибири: проблемы адаптации. В кн.: Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева/ под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
12. Леончик С. Поляки юга Енисейской губернии. История ссылок и заселения. В кн.: Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: «Ладомир», 2002. С. 52–58.
13. Оплаканская Р.В., Савин А.И., Туманик Е.Н., Шостакович Б.С. Поляки. В кн.: Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. Стб. 644–649.

14. Пилсудский Б. Поляки в Сибири. В кн.: Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: «Ладомир», 2002. С. 13–30.

15. Стшижевская С. Ссылные участники Январского восстания. В кн.: Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: «Ладомир», 2002. С. 124–134.

16. Михалюк Д. Участники манифестации 1861 г. и Январского (1863 г.) восстания на Гродненщине – ссыльные в Сибирь. В кн.: Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Сборник материалов международной научной конференции (Иркутск, 11–15 сентября 2000 г.). Иркутск: Изд-во областной юношеской библиотеки, 2001. С. 117–119.

17. Сливовская В. Побег из Сибири: Пер. с польск. СПб.: Алетейя, 2014. (Серия «Польско-сибирская библиотека»).

18. Зюлек Я. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания. В кн.: Сибирь в истории и культуре польского народа: Пер с пол. М.: «Ладомир», 2002. С. 135–145.

19. Клер Л.С., Шостакович Б.С. Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1846–1874). В кн.: Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Вып. 10. С. 101–122.

20. Гиллер А. В редакцию «Слова» (письмо из Иркутска). В кн.: Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / Публ., сост., перевод, вступл., предисл., коммент. Б.С. Шостаковича. Иркутск: «Артиздат», 2009. С. 619–627.

21. Шостакович Б. Польская «Усолиада» // Земля Иркутская. 2000. № 13. С. 29–33.

22. Дыбовский Б. Дневник доктора Бенедикта Дыбовского, начатый с 1862 года до 1878 года. В кн.: Бенедикт Дыбовский. Новосибирск: Наука; Сиб. издательская фирма РАН, 2000. С. 103–168.

23. Новоселова М.Р. Влияние повстанцев 1863 г. на развитие хозяйства и культуры Иркутской губернии во второй половине XIX – начале XX в. В кн.: Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг.: Материалы Международной научной конференции (Иркутск, 26–30 сентября 2007 г.) / под ред. Б.С. Шостаковича. Иркутск: «Мегапринт», 2008. С. 149–156.

24. История Сибири. Первоисточники. Вып. II: Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Т. 1. Новосибирск, 1993.

25. Janik M. Dzieje Polakow na Syberji. Krakow, 1928.

Пенитенциарная и карательная системы советской Сибири

УДК 94 (571.5)

О.В. Афанасов

Тайшетлаг в условиях эволюции советской исправительно-трудовой системы (1930–1940-е гг.)

Статья посвящена проблеме функционирования исправительно-трудовых лагерей, которые располагались в разные годы в районе строительства железной дороги Тайшет – Братск и носили общее наименование Тайшетлаг. Рассматриваются процессы образования, реорганизации и ликвидации лагерей, их производственная деятельность, численность и состав заключённых.

Ключевые слова: ГУЛАГ, исправительно-трудовые лагеря НКВД-МВД СССР, Тайшетлаг.

O.V. Afanasov

Taishetlag in the context of the evolution of the Soviet corrective labor system (1930–1940s)

The article is devoted to the functioning of the corrective labor camps, which were located in the area of construction of the railway Taishet – Bratsk and wore the generic name Taishetlag. The processes of formation, reorganization and liquidation of the camps, their industrial activity, the number and staff of prisoners are considered.

Keywords: Gulag, corrective labor camps of the NKVD-MVD of the USSR, Taishetlag.

В региональной истории становления и развития системы советских исправительно-трудовых учреждений особое место занимает г. Тайшет. Именно с Тайшета в 1930-е годы началась экспансия Гулага на территорию Приангарья: в пределах города в разные годы располагались подразделения таких исправительно-трудовых лагерей, как БАМлаг, Заплаг, Южлаг, Ангарлаг, Озерлаг и др. В целом в годы сталинского руководства на северо-западе Иркутской области, включая Тайшетский район, было сосредоточено наибольшее количество лагерных и строительных управлений ОГПУ-НКВД-МВД СССР из тех, что находились в регионе, поэтому применительно к периоду 1930–1950-х годов г. Тайшет можно условно именовать своеобразной «лагерной столицей» Приангарья. При этом название ряда исправительно-трудовых лагерей, действовавших в пределах Тайшетского промышленного узла в 1930 – 1940-х гг., напрямую связано с именем города – Тайшетский ИТЛ, Тайшетский лагерь или сокращенно Тайшетлаг. Причём в зависимости от конкретного отрезка времени в рамках указанного периода речь необходимо вести именно о разных лагерных учреждениях, а не об одном лагере на отдельных этапах его существования, т. е. в истории советского Гулага как системы исправительно-трудовых лагерей существовало несколько Тайшетлагов.

Первый из них – Тайшетский ИТЛ ГУЛАГа НКВД СССР был организован в 1937 году вскоре после начала в СССР кампании «большого террора», одним из результатов которой стало резкое повышение численности заключённых в местах лишения свободы. Так, если в начале 1937 г. в советских местах заключения (лагеря, колонии и тюрьмы) находилось 1 196 369 человек (данные на 1.01.1937 г.), то через год численность узников увеличилось до 1 881 570 человек (на 1.01.1938 г.) [19, с.77].

Для размещения возрастающего числа заключённых в спешном порядке Приказом НКВД № 078 от 16 августа 1937 г. организовали семь новых лесозаготовительных лагерей – Тайшетский, Томск-Асинский, Куломский, Усть-Вымский, Ивдельский, Каргопольский, Локчимский, преобразовав Лесной сектор ГУЛАГа НКВД в Лесной отдел. При этом начальнику ГУЛАГа предписывалось осуществить подготовительные рабо-

ты с расчётом приёма в указанные лагеря к 1 октября 1937 г. до 5000 заключённых с обеспечением их жильём (палатки), банями и кухнями, а к 1 января 1938 г. подготовиться к приёму не менее 15 000 человек и приступить в начале года к основным лесозаготовительным работам [4, л. 98–98 об]. По информации П.И. Сямптомова, прибывшего в Тайшетлаг этапом (около 2000 заключённых) 9 декабря 1937 г., лагерь был «совершенно новый и, как обычно, не подготовлен: спешно натянуты огромные брезентовые палатки. По правилам они должны были быть обиты внутри досками, но этого не было. По 400 человек в палатке, на конце палатки – железная печка – таково наше место пребывания» [31, л. 10]. Условия содержания узников в Тайшетлаге не изменились и на следующий год. Как отмечалось в приказе НКВД (в его названии, кстати, присутствует ещё одно наименование лагеря. – О. А.) «О результатах обследования Тайшет-Братского (подчеркнуто мной. – О. А.) лагеря НКВД» № 0218 от 17 ноября 1938 г., «...обследованием Тайшетлага НКВД, произведённым инспекцией при начальнике ГУЛАГа НКВД установлено: На 16 октября с. г. лагерь к зиме подготовлен не был. Бараки и особенно палатки не отеплены, не остеклены рамы, нет труб для печей. В бараках и палатках холодно, заключённые спят в одежде не раздеваясь... Санитарное состояние лагеря неудовлетворительное. В бараках и палатках от скученности грязь, клопы. Большая вшивость» [5, л. 2].

Численность заключённых рассматриваемого Тайшетского лагеря НКВД СССР отличалась от запланированной как на начальном этапе его функционирования, так и в последующие годы. Так на 1.10.1937 г. в лагере содержалось 1025 заключённых, а на 1.01.1938 г. – 13 333 узника. Наибольшее количество лагерников по имеющимся данным приходится на 1.10.1938 г. – 14 583 чел., из которых 6498 чел. было осуждено за «контрреволюционные» преступления [14, л. 8; 15, л. 141].

В октябре 1939 г. приказом НКВД СССР № 001201 от 8.10.1939 г. Тайшетский ИТЛ НКВД СССР был упразднён путём объединения управления Тайшетлага с Отделом исправительно-трудовых колоний УНКВД Иркутской области и образованием Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний УНКВД по Иркутской области [6, л. 98]. В структуре

последнего появилось Тайшетское лесное отделение, преобразованное в конце 1940 г. в лагерное отделение под наименованием Тайшетский ОЛП (отдельный лагерный пункт. – О. А.) УИТЛК УНКВД Иркутской области после передачи всего хозяйства (предприятия, лесные угодья) бывшего Тайшетлага в ведение треста Востсиблес Наркомата лесной промышленности СССР [3, л. 14, 36; 7, л. 169; 23, л. 1, 13, 17].

Появление второго по счёту Тайшетлага относится к 1943 году и было связано с прекращением строительных работ в районе Западного участка БАМа (Тайшет – Братск) в годы Великой Отечественной войны. Сооружение трассы Тайшет – Падун (Братск) в довоенный период (с 1941 г.) осуществлялось Южным железнодорожным лагерем НКВД СССР, но с началом военных действий все работы на железной дороге были прекращены до «особого распоряжения», а в Южный лагерь по приказу НКВД СССР стали направлять в основном инвалидов и ослабленный контингент заключённых. Так, в октябре – ноябре 1941 г. прибыло три этапа из Бурлага (Еврейская АО, Хабаровский край. – О.А.) в количестве 1592 человек, из которых 50 % было «легкого физтруда, истощенных, больных и авитаминозных», а в ноябре три этапа поступило из Севвостлага (Колыма. – О. А.) в составе 2200 человек «крайне тяжёлых инвалидов и авитаминозных категорийных з\к».

Изменилась и производственная программа лагеря: заключённые стали использоваться на лесозаготовках, изготовлении лыж, спецтары, черенков для лопат, корпусов противопехотных мин, сельхозработах, пошиве и ремонте военного обмундирования, обслуживании железнодорожного транспорта и пути, ремонтных и других работах [20, л. 1–2; 22, л. 2]. В конечном итоге Южлаг, к тому времени – Южный ИТЛ НКВД СССР, потерявший свое первоначальное назначение (железнодорожное строительство), был ликвидирован согласно приказу НКВД СССР № 0168 от 24.04.1943 г. «в связи с прекращением работ по строительству железнодорожной линии Тайшет – Братск», а на его базе тем же приказом организовали Тайшетский ИТЛ УИТЛК УНКВД по Иркутской области [8, л. 65]. К моменту ликвидации Южлага (на 21.04.1943 г.) в его подразделениях насчитывалось 8345 заключённых, в том числе 7916 мужчин и 429 женщин. При этом основная часть лагерников состояла

из физически ослабленных людей (3602 чел.), годных по официальной формулировке к «лёгкому труду» и инвалидов (2849 чел.), а узников категории «физическому труду», т. е. потенциально здоровых, насчитывалось 1894 человека [21, л. 73].

Следующая реорганизация, повлекшая за собой создание «третьего» Тайшетлага, была связана с реализацией Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Данным указом в качестве мер уголовного наказания предусматривалась смертная казнь через повешение, либо ссылка «в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет» [29, с. 130–131]. Кроме того, в качестве замены смертной казни на «каторгу» иногда ссылали осуждённых, приговорённых к высшей мере наказания за тяжкие и особо опасные преступления, но не подпадавших под действие Указа от 19.04.1943 г. [13, л. 76–77].

Для каторжников были организованы специальные лагерные зоны в подразделениях действовавших ИТЛ, либо отдельные «каторжные» лагеря с особым режимом содержания, который сочетал в себе элементы лагерного и тюремного режимов. В частности, заключённые-каторжники содержались в специально оборудованных лагерных зонах, где жилые бараки запирались на ночь; носили одежду специального образца и цвета с нашивкой, на которой указывался личный номер осуждённого; выводились на рабочие объекты под усиленным конвоем и «привлекались в первую очередь к особо тяжелой физической работе»; трудились по 11 часов, т. е. на час дольше общелагерной нормы и т. д. [13, л. 81, 83–84]. В последующем опыт деятельности «каторжных» лагерных учреждений использовался при создании с 1948 г. сети особых лагерей МВД СССР, где содержались преимущественно осуждённые за «особо опасные государственные преступления». В Иркутской области, в частности, к таковым относился особлаг № 7 «Озёрный», основные подразделения которого также располагались в пределах железнодорожного участка Тайшет – Братск в конце 1940 – начале 1950-х гг.

Приказом НКВД СССР № 00737 от 25.06.1945 г. Тайшетский ИТЛ УИТЛК УНКВД по Иркутской области был реорганизован в Тайшетский лагерь НКВД СССР для содержания осуждённых к каторжным работам 3 и 4 категории трудоспособности (то есть ослабленных узников, годных только к легкому физическому труду, а также инвалидов. – О. А.) с непосредственным подчинением ГУЛАГу НКВД СССР. На 1.09.1945 г. в этом лагере численность заключённых составляла 9001 человек [9, л. 42–42 об.; 13, л. 11–12].

Возникновение «четвёртого» Тайшетлага было вызвано последствиями Советско-японской войны. Ещё до её окончания в конце августа 1945 г. Государственный комитет обороны СССР принял два постановления за подписью И.В. Сталина, в которых затрагивались вопросы трудоустройства сотен тысяч военнопленных Квантунской армии на территории Советского Союза. Постановлением ГКО № 9898сс от 23 августа 1945 г. «О приёме, размещении и трудовом использовании 500.000 военнопленных японской армии» предписывалось Главному управлению по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР направить 500 тысяч военнопленных японцев на работы в различные регионы СССР, в том числе на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали – 150 тысяч человек [27, л. 113]. А неделю спустя Постановлением ГКО № 9936сс от 30 августа 1945 г. «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» на НКВД СССР возложили обязанность приступить с 1946 г. к возведению БАМа от ст. Тайшет до ст. Советская Гавань и направить в район строительства 200 тысяч японских военнопленных [28, л. 179, 183].

В развитие указанных правительственных решений на Западном участке БАМа осенью 1945 года произошёл ряд организационных мероприятий. Приказом НКВД СССР № 0231 от 8 сентября 1945 г. был ликвидирован «каторжный» Тайшетский ИТЛ ГУЛАГа НКВД СССР «в связи с необходимостью приема и размещения новых контингентов рабочей силы, прибывающих на строительство железнодорожной линии Тайшет – Братск». При этом основную массу каторжников и заключённых (13 000 человек) упразднённого лагеря направили в Сибирский и Карагандинский ИТЛ, а оставшихся 4823 коеч-

ных больных было решено «как нетранспортабельных оставить в пределах Тайшетлага» с организацией для их содержания трёх лагерных отделений с больничными учреждениями и сельхозами. Данные подразделения вошли в состав вновь образованного Тайшетского ИТЛ УИТЛК УНКВД по Иркутской области. А остальные высвобождающиеся и законсервированные помещения ликвидированного Тайшетлага были переданы в Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД СССР «для размещения прибывающих контингентов» [10, л. 92–92 об.; 30, с. 477].

В то время осуществлялся, в первую очередь, приём и размещение значительного числа японских военнопленных для последующего их использования на железнодорожном строительстве. Почти месяц спустя, 4 октября 1945 г. Приказом НКВД СССР № 001133 в структуре ГУЛЖДС организовали Тайшетское строительство (Тайшетстрой) [1, л. 6; 30, с. 176, 476], которое должно было продолжить возведение Западного участка БАМа (Тайшет – Братск – Усть-Кут) на участке Тайшет – Братск в послевоенный период с использованием принудительного труда военнопленных и заключённых. Для размещения японцев был создан лагерь военнопленных № 7, который административно подчинялся Тайшетскому строительству (начальник Тайшетстроя подполковник Орловский И.И. одновременно являлся начальником лагеря военнопленных № 7. – О. А.) [1, л. 5; 26, с. 711].

Весной 1946 г. согласно приказу НКВД СССР № 00181 от 03.03.1946 г. «для обслуживания рабочей силой из заключённых и спецконтингента трассы строительства ж.-д. линии Тайшет – Братск» был организован Братский ИТЛ с дислоцированием на ст. Тайшет. При этом начальником данного лагеря стал упомянутый выше руководитель Тайшетстроя Орловский И.И. [11, л. 54–54 об.]. А 25 мая 1946 г. на основании приказа МВД СССР № 0116 от 29.04.1946 г. в состав Братского ИТЛ был передан весь производственно-хозяйственный комплекс с личным составом (703 чел.) и заключёнными (5157 чел.) ликвидированного Тайшетского ИТЛ УИТЛК УМВД по Иркутской области [24, л. 1]. Всего к началу 1947 года (на 01.01.1947 г.) в подразделениях Братского ИТЛ насчитывалось 50 482 челове-

ка, включая 4976 вольнонаемных рабочих, инженерно-технических работников и служащих, 856 человек вольнонаемной вооруженной (ВОХР) и пожарной охраны, 676 депортированных из числа спецконтингента, 10 186 заключённых, в т. ч. 1258 каторжников и 33 788 военнопленных [16, л. 4; 17, л. 4].

Последнее, пятое по счёту появление Тайшетлага в структуре системы исправительно-трудовых лагерей произошло в 1948 году в связи с окончанием укладки главного железнодорожного пути до Братска и открытием к концу 1947 года рабочего движения на железной дороге Тайшет – Братск. К тому времени основные работы в районе стройки осуществляли Западное управление строительства и лагерей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали МВД СССР, созданное на базе подразделений Тайшетстроя приказом МВД СССР № 025 от 15.01.1947 г. [32] и Ангарский ИТЛ, организованный тем же приказом в пределах участка Братск – Усть-Кут (ст. Лена) на основе переброшенного с Дальнего Востока управления Восточного ИТЛ МВД СССР. [12, л. 48–49].

Приказом МВД СССР № 0243 от 21.04.1948 г. Ангарлаг выделяется из состава Западного управления строительства и лагерей БАМ, которое с этого момента стало именоваться Управлением Тайшетского ИТЛ с подчинением последнего ГУЛЖДС МВД СССР [30, л. 130–131, 476]. Указанный Тайшетлаг просуществовал до осени 1948 года и был объединен с Ангарским ИТЛ 1 октября 1948 г. на основании приказа МВД СССР № 0590 от 29.09.1948 г. В результате к концу 1948 г. в районе строившейся 700-километровой железнодорожной магистрали Тайшет – Братск – Лена остался один Ангарский исправительно-трудовой лагерь [2, л. 3; 25, л. 223]. К моменту объединения с Ангарлагом в Тайшетском ИТЛ ГУЛЖДС МВД СССР насчитывалось (на 1.10.1948 г.) 17 926 заключённых, включая 1706 каторжников [18, л. 148].

Таким образом, в истории советского Гулага 1930–1940-х гг. существовало пять исправительно-трудовых лагерей, носивших наименование Тайшетлаг, из которых три находились в центральном подчинении – «лесной» Ташетский ИТЛ ГУЛАГа НКВД СССР (август 1937 – октябрь 1939), «каторжный» Тайшетский ИТЛ ГУЛАГа НКВД СССР (июнь – сентябрь 1945) и Тайшетский ИТЛ ГУЛЖДС МВД СССР (апрель – октябрь

1948), а два Тайшетлага, существовавшие соответственно с апреля 1943 по июнь 1945 г. и с сентября 1945 по май 1946 г., подчинялись УИТЛК УНКВД (с марта 1946 г. – УМВД) по Иркутской области.

Список литературы и источников

1. Архивный отдел администрации г. Братска (АОАГБ). Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 1.
2. АОАГБ. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 8.
3. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 110.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 16.
5. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 23.
6. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 36.
7. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 66.
8. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 1 а. Д. 141.
9. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 1а. Д. 178.
10. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 1 а. Д. 185.
11. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 1 а. Д. 196.
12. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 1 а. Д. 231.
13. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 76.
14. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1138.
15. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1140.
16. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1 а. Д. 455.
17. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1 а. Д. 457.
18. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1 а. Д. 466.
19. Земсков В.Н. Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 54–79.
20. Архив Информационного центра Главного Управления Министерства внутренних дел России по Иркутской области (ИЦ ГУМВД ИО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 196.
21. ИЦ ГУМВД ИО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 199.
22. ИЦ ГУМВД ИО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 200.
23. ИЦ ГУМВД ИО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 754.
24. ИЦ ГУМВД ИО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 769.
25. ИЦ ГУМВД ИО. Ф. 41. Л. Оп. 1. Д. 12.
26. Региональные структуры ГУПВИ НКВД–МВД, 1941–1951: отчетно-информационные документы / под ред. М.М. Загорулько. Военнопленные в СССР, 1939–1956. Т. 5. Кн. 2. Волгоград: Издатель, 2006.
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 533.
28. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 534.
29. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). М.: Терра, 1997.
30. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998.
31. Сямптомов П.И. Исповедь // Архив Международного общества «Мемориал» (г. Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 88.

32. Указанным приказом на должность заместителя начальника Западного управления строительства БАМ по общим вопросам был назначен подполковник Орловский И.И. с освобождением от должности начальника Тайшетского ИТЛ МВД. Но речь в данном документе, по-видимому, идет о Тайшетстрое, руководителем которого он к тому времени являлся.

УДК 947

В.С. Мильбах, С.О. Фомичев

Начало массовых политических репрессий командно-начальствующего состава Уральского военного округа, январь – май 1937 г. (по материалам НКВД)

Аннотация: Процесс массовых политических репрессий командно-начальствующего состава Уральского военного округа характеризуется рядом особенностей. Прежде всего, это раннее начало арестов в среде высшего командного состава. Проследить развитие репрессивного процесса на его начальной стадии позволяют документы органов НКВД (специальные сообщения, протоколы допросов), а также органов военного управления – Политуправления РККА, командования и политуправления Уральского военного округа. Анализ содержания данных документов позволяет более рельефно оценить происходящее в период большого террора 1937–1938 гг. в отдельно взятом военном округе. Большинство приведенных в данной статье документов вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: командно-начальствующий состав, Уральский военный округ, спецсообщение, особый отдел, арест, расстрел.

V. S. Milbakh, S. O. Fomichev

The beginning of mass political repressions of the command commanding structure of the Ural Military District, January – May, 1937 (on materials of NKVD)

Abstract: the Process of mass political repressions command and command staff of the Ural military district is characterized

by several features. First of all it's early arrests among senior officers. To trace the development of the repressive process at its initial stage, allow the documents of the NKVD (special reports, interrogation reports), as well as military authorities – and the political Directorate of the red army command and the political Department of the Ural military district. A content analysis of these documents allows you to more clearly assess what is happening in the period of the great terror of 1937–1938 in a particular military district. Most of the examples in this article of the documents introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: command and commanding staff, the Ural military district, special report, special Department, arrest, execution.

Процесс массовых политических репрессий командно-начальствующего состава Уральского военного округа характеризуется рядом особенностей. Увольнения командно-начальствующего состава по политическим мотивам проходили более оперативно. Однако документы служебной переписки свидетельствуют, что в конце 1936 г. и в начале 1937 г. этот процесс занимал несколько месяцев от момента обращения представителя НКВД к армейскому командованию. Например, осенью 1936 г. особый отдел сообщал командованию ЗакВО о том, что командир взвода из 4-го отдельного территориального стрелкового полка старший лейтенант Хатмуллин Салах, исключенный из партии в 1932 г. за оппортунистические выступления, на протяжении ряда лет ведет контрреволюционную троцкистскую агитацию. Однако командование военного округа посчитало, что «нет оснований к увольнению по политико-моральным качествам Хатмуллина» [3, л. 5]. Об этом дивизионный комиссар Г.А. Зиновьев 25 ноября 1936 г. доложил по команде. Армейский комиссар 1 ранга Я.Б. Гамарник по данному вопросу принял следующее решение: «Осепяну и Фельдману. Проверить еще раз все эти материалы. 27. XI. 1936» [3, л. 5]. Судя по содержанию переписки, материалы по делу Хаймуллина с 28 декабря 1936 г. находились у начальника Управления по комначсоставу РККА комкора Б.М. Фельдмана. Представитель НКВД настойчиво добивались увольнения Хатмуллина из армии: И.М. Леплевский 15 февраля 1937 г. направил спецсо-

общение Я.Б. Гамарнику, которым доводилось, что старший лейтенант «продолжает вести контрреволюционную агитацию, восхваляя Троцкого и распространяя клеветнические слухи о руководстве партии». Начальник особого отдела отмечал: «При обсуждении процесса над Зиновьевым и Каменевым, ХАТМУЛЛИН в присутствии начсостава говорил: «Троцкий организовывает террористические акты не потому, что он против социализма, а потому, что у него личные счеты со Сталиным, вот он и хотел убить его». Прошу Вашего согласия на увольнение ХАТМУЛЛИНА из армии, с последующим его арестом» [3, л. 4]. На следующий день на бланке спецсообщения появилась резолюция начальника Политуправления РККА: «т. Фельдману. На основании имеющихся у Вас материалов поговорите с т. Леплевским, после того решим. 16. II. 37». Прошло почти полтора месяца и решение по старшему лейтенанту С. Хатмуллину состоялось: приказом НКО от 27 марта 1937 г. № 0075/ОУ он был уволен. Через неделю, 2 апреля 1937 г., Хатмуллин был арестован. Таким образом, с момента первичного обращения ОО НКВД в ноябре 1936 г. до увольнения данного командира прошло более четырех месяцев.

Сведения о разоблачении политических преступников среди командного состава Уральского военного округа продолжали поступать Я.Б. Гамарнику. В спецсообщении И.М. Леплевского от 17 февраля 1937 г. отмечено: «Материалами следствия и другими имеющимися у нас данными установлено, что б. курсант Окружной Белорусской военной школы, ныне лейтенант 195 стрелкового полка УрВО ДЕДКОВ Иван Дмитриевич, 1915 г.р., крестьянин, уроженец Западной области дер. Дербезичи, начиная с 1934 г., занимается к-р шпионской деятельностью. Арестованная нами его близкая знакомая ВОРС Анастасия Алексеевна на допросе от 3. II. 1937 г. показала: «...Дедков мне говорил, что шпионскую работу он ведет не один и что в штабе ОБВШ у него есть свой человек» [3, л. 6]. Далее отмечалось, что Дедков причастен к пропаже топографической карты в июле 1936 г. «Наряду со шпионской работой Дедков среди курсантов проводил и к-р троцкистскую агитацию», – сообщал далее Леплевский. В качестве примера таковой глава особого отдела приводил следующее: «13.XI. – 36 г. Дедков в классе на доске написал: «Жить стало лучше (знак вопроса), жить

стало веселее (знак вопроса)» и ряд других выпадов о жизни в СССР. На основании изложенного прошу Вашей санкции на демобилизацию ДЕДКОВА из рядов РККА с последующим его арестом» [3, л. 7]. Резолюция начальника ПУ РККА была следующей: «т. Фельдману. Надо его уволить и арестовать. 20/II 37. Гамарник». В тот же день им был подписан приказ на увольнение И.Д. Дедкова.

Сообщение Леплевского от 4 марта 1937 г. касалось помощника начальника штаба 254-го стрелкового полка капитана С.Ф. Гурьянова, исключенного из партии в 1935 г., который «высказывает недовольство, якобы, плохой заботой о командирах», угрожал застрелить командира полка и замполита. Резолюция Я.Б. Гамарника была адресована командующему войсками Уральского военного округа: «Тов. Гарькавому. Разберитесь и донесите мне. 10/III – 37 г. Гамарник». Разбирательство заняло менее трех недель, о чем свидетельствует доклад корпусного комиссара Зиновьева [3, л. 10] (15 февраля 1937 года начальнику ПУ Уральского ВО Г.А. Зиновьеву присвоено звание корпусной комиссар): капитан С.Ф. Гурьянов был уволен приказом НКО №0250/ОУ от 29 марта 1937 г.

В то время как некоторых командиров только по подозрению в совершении политического преступления увольняли со службы в течение месяца, отдельных морально разложившихся командиров не могли уволить из армии длительный период. Об этом также свидетельствуют спецсообщения начальника 5-го (особого) отдела, направляемые главному политработнику вооруженных сил. Например, 26 января 1937 г. начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар ГБ 2-го ранга И.М. Леплевский докладывал заместителю НКО армейскому комиссару 1 ранга Я.Б. Гамарнику о том, что в 253-м стрелковом полку Уральского военного округа состоит на службе лейтенант Н.М. Щукин, который систематически пьянствует, покушался на самоубийство. В 1934 г. за пьянство и хулиганские поступки Щукин «имел в общей сложности 45 суток ареста в дисциплинарном порядке от командира полка и 10 суток от командира дивизии» [3, л. 1]. За морально-бытовое разложение Щукин был исключен из кандидатов в члены ВКП(б). Командованием дивизии в 1935 г. возбуждалось ходатайство об увольнении Щукина из РККА, однако тогда этот вопрос разрешения не

получил. «Считаю, что Щукина Н.М. необходимо из РККА уволить», – завершал свое послание Леплевский. Помета на бланке спецсообщения свидетельствовала о том, что 28 февраля 1937 г. Я.Б. Гамарник подписал приказ об увольнении Щукина. Более трех лет беспробудного пьянства завершились увольнением из армии морально разложившегося командира.

В апреле 1937 г. поток спецсообщений Гамарнику о контрреволюционных проявлениях со стороны командно-начальствующего состава Уральского военного округа значительно возрос. Так, спецсообщением от 22 апреля 1937 г. до Гамарника доводилось следующее: «Делопроизводитель штаба 126 полка АРГК (УралВО) ЛАВРОВ Федор Иванович <...> среди военнослужащих штаба полка неоднократно высказывал к-р троцкистские взгляды, восхвалял Троцкого и его «заслуги» [3, л. 17]. Кроме того, Лавров, антисоветские высказывания которого фиксировались особым отделом с 1935 г., заявлял: «Зиновьев – это очень ценный человек. Я его неоднократно слушал в Ленинграде. Был также и на докладе Троцкого». Завершалось спецсообщение следующим: «В августе 1936 г. ЛАВРОВ в очень осторожной форме в разговоре с одним военнослужащим выявил свои террористические настроения в отношении тов. СТАЛИНА. <...> Прошу Вашей санкции на увольнение ЛАВРОВА из РККА с последующим арестом» [3, л. 18]. Резолюция Я.Б. Гамарника была краткой: «Уволить из армии. 23/IV 37. Гамарник». Таким образом, арест подразумевался сам по себе. В тот же день приказом НКВД № 0409/ОУ Ф.И. Лавров был уволен из РККА, а 28 апреля 1937 г. он был арестован органами НКВД.

В следующем спецсообщении от 22 апреля из РККА говорилось о том, что ОО НКВД ликвидирована контрреволюционная группа курсантов 3-й военной школы авиатехников, три участника которой намеривались совершить побег за кордон. «Следствием установлено, что в эту группу входили также курсанты МАДРИЧЕНКО и ТОЛСТИКОВ, которые в настоящее время выпущены из школы со званием воентехников 2 ранга» [3, л. 14], – сообщал Леплевский Гамарнику. Завершалось спецсообщение конкретно: «Прошу санкционировать арест МАДРИЧЕНКО Вениамина Арсентьевича и ТОЛСТИКОВА Александра Ивановича». Помета Гамарника на бланке спецсообщения гла-

сила: «Арестовать и уволить из армии Мадриченко и Толстикова. 23/IV 37. Гамарник». Данная резолюция начальника ПУ РККА свидетельствует о его стремлении не просто избавить армию от возможных политических преступников, но покарать их.

Примечательно, что в апрельских спецсообщениях особого отдела говорилось о контрреволюционных группах, вскрытых чекистами в среде комсостава Уральского военного округа. Например, в спецсообщении от 24 апреля 1937 г. Леплевский доводил информацию о помощнике командира саперной роты старшем лейтенанте Г.А. Скосыреве: «5-й отдел УГБ УНКВД по Кировской области располагает данными о том, что СКО-СЫРЕВ Г.А. является участником к-р троцкистской группы, состоящей из военнослужащих, проводит среди военнослужащих к-р агитацию троцкистского характера, производит вербовку военнослужащих в контрреволюционную группу (БУШЕВ, СТАРОРУССКИХ), обрабатывает красноармейцев в к-р троцкистском духе» [3, л. 20]. Здесь же приводились высказывания бывшего старшего унтер-офицера, участника Гражданской войны, бывшего члена ВКП(б) Скосырева: «В годы гражданской войны я больше всего встречался с Троцким и любил его, если бы за Троцким – пошел бы сейчас драться». Завершалось спецсообщение стандартно: «Прошу Вашего согласия на увольнение его из РККА с последующим арестом». Старший лейтенант Г.А. Скосырев был уволен приказом НКО от 27 апреля 1937 г. №0422/ОУ, а 4 мая органы НКВД арестовали его.

В мае 1937 г. количество сообщений о разоблачении в УралВО различного рода заговорщиков и шпионов из среды командно-начальствующего состава возросло. Так, 5 мая 1937 г. помощником Леплевского было направлено спецсообщение заместителю НКО армейскому комиссару 1 ранга Я.Б. Гамарнику: «Представляем справку по делу командира батареи 253-го стрелкового полка 85 стрелковой дивизии капитана ТООМ Эвальда Антоновича, подозреваемого в шпионаже. Прошу Вашего согласия на увольнение его из РККА с последующим арестом» [3, л. 26]. Оказывается, «в 1922 году, находясь в отпуску, в Москве, ТООМ вместе со своим товарищем КУЛЬБЕРГОМ заходил в эстонское посольство <...> дал подробную ин-

формацию о состоянии армии и об отрицательных настроениях отдельных лиц командного состава». По сведениям особого отдела: «За время службы в частях 85 стр. дивизии ТООМ ведет исключительно замкнутый образ жизни, с подчиненными груб. После исключения из партии ТООМ высказывался о том, что он не был настоящим марксистом и не является советским гражданином» [3, л. 29]. Начальник Политуправления РККА наложил визу: «Уволить из армии. 9/V – 37. Гамарник» [3, л. 25]. В тот же день приказом НКО №0496/ОУ капитан Э.А. Тоом был уволен из армии.

Характерной особенностью репрессий командно-начальствующего состава УралВО является то, что командование этого военного округа первым подверглось удару НКВД. Командующий войсками УралВО комкор И.И. Гарькавый и его заместитель комкор М.И. Василенко были арестованы на ранней стадии массовых политических репрессий в армии и на флоте – 11 марта 1937 г., вслед за ними был арестован командир 65-й стрелковой дивизии этого военного округа комбриг Г.Ф. Гаврюшенко [4, с. 157]. Никакой переписки по согласованию арестов командиров, занимающих столь высокие должности не сохранилось. Их подвергли аресту в порядке оперативной необходимости

Член ВЦИК и ЦИК СССР, член Военного совета при наркомате обороны, орденноносец [5, с. 68] комкор И.И. Гарькавый через шесть дней после ареста, когда вина его в заговорщической деятельности еще не была доказана, окружной парткомиссией был исключен из ВКП(б) [4, с. 127]. Это свидетельствует о том, что его судьба уже была решена. На допросе 27 марта 1937 г. он показал, что поддерживал связь с троцкистским центром, возглавляемым Г.Л. Пятаковым, через комкора В.М. Примакова. На следующем допросе 31 марта 1937 г. И.И. Гарькавый сообщил следствию содержание директивы троцкистского центра, которую он получал по «военной линии»: «1. Троцкистский центр считает, что СССР находится в преддверии войны и вступил в «непосредственно-предвоенную ситуацию»; 2. В борьбе за свержение сталинского руководства, которое приурочивается центром именно к этому периоду, Красная армия должна сыграть решающую роль...» [8, л. 103-104]. Далее из показаний следовало, что, по словам Примакова, «разработаны

специальные указания троцкистского центра относительно активизации нашей деятельности в Красной армии» [8, л. 107], но что это за «специальные указания» из протокола не ясно. Кроме того, подследственный, якобы, сообщил следствию о принадлежности к особо законспирированной группе контрреволюционной организации заместителя командующего войсками МВО Б.С. Горбачева. Об этом ему стало известно в 1930 г. от Г.Ф. Гаврюшенко, «который в порядке особой конспирации сообщил мне о принадлежности к троцкистской организации Горбачева» [8, л. 111]. Военной коллегией Верховного суда 1 июля 1937 г. И.И. Гарькавый по обвинению в участии в заговоре был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Позже, в 1938 г. фамилия Гарькавого фигурировала в следственных делах других командиров, арестованных за контрреволюционную деятельность и в переписке ГУГБ НКВД. Например, в сводке важнейших показаний арестованных по ГУГБ НКВД СССР за 4-е апреля 1938 г. было отмечено, что И.И. Гарькавый входил в состав руководящего центра украинской националистической организации [1, с. 266-278]. Реабилитирован комкор И.И. Гарькавый 12 декабря 1956 г.

Член Военного совета при наркомате обороны, трижды орденосец [5, с. 65] комкор М.И. Василенко, который, как и И.И. Гарькавый, в свое время был офицером в русской императорской армии обвинялся следствием том, что «принимал участие в 1927–1928 гг. в контрреволюционной военно-офицерской организации, существовавшей на Украине» [7, л. 31]. В ходе допросов следователи НКВД получили от М.И. Василенко признательные показания: об участии в военном заговоре, в который был завербован комкором В.М. Примаковым в 1934 г.; о проведении им антисоветской работы; о работе на германскую разведку с 1927 г. [5, л. 32–37]. В судебном заседании 1 июля 1937 г. М.И. Василенко виновным себя не признал и от своих показаний отказался. Заседание ВКВС продолжалось тридцать минут и завершилось вынесением расстрельного приговора. Комкор М.И. Василенко реабилитирован посмертно 28 ноября 1956 г.

Комбриг Г.Ф. Гаврюшенко был арестован 19 марта 1937 г. За отличия в боях Первой мировой войны унтер-офицер Гав-

рюшенко был награжден четырьмя Георгиевскими крестами. В Гражданскую войну он командовал батальоном, полком и в 1922 г. награжден орденом Красного Знамени [5, с. 52-53]. Однако следователи НКВД сломали волю этого мужественного человека: на допросе 25 марта 1937 г. он признал свое участие в военном заговоре наряду с комкорами И.И. Гарькавым и М.И. Василенко [7, л. 17]. Комбриг Г.Ф. Гаврюшенко 1 июля 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации был приговорен ВКВС к расстрелу, реабилитирован посмертно 20 апреля 1957 г.

И.И. Гарькавого на посту командующего войсками УралВО сменил член ВЦИК и ЦИК СССР, член Военного совета при наркомате обороны, трижды награжденный орденом Красного Знамени [5, с. 71] комкор Б.С. Горбачев. Он, участник Первой мировой (за храбрость награжден Георгиевским крестом), коммунист с февраля 1917 г., легендарный комбриг Гражданской войны, был арестован органами НКВД 3 мая 1937 г. Он был основательно обработан следователями, после чего 28 мая 1937 г. написал заявление на имя наркома внутренних дел Н.И. Ежова с признанием о том, что он отошел от подпольной троцкистской работы в 1925–1926 гг., но И.И. Гарькавый «постепенно снова втянул меня в троцкистскую подпольную организацию» [8, л. 46]. На допросе 31 мая 1937 г. Б.С. Горбачев подписал заготовленный в отпечатанном виде протокол допроса на 37 листах, где было указано, что он является участником антисоветской военной организации. В протоколе отмечено, что Б.С. Горбачев показал: «Заговор и связанный с ним план государственного военного переворота существовал и несколько раньше, мне же об этом впервые стало известно в середине 1930 г. со слов Гарькавого и Примакова <...> проведение военного переворота предполагается сочетать с организацией широкого крестьянского повстанческого движения в стране» [8, л. 51–52].

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 июня 1937 г. Б.С. Горбачев вместе с И.Н. Гарькавым и другими командирами и начальниками «за предательство и контрреволюционную деятельность» [2, с. 201] были лишены орденов. Это означало, что Горбачев уже исключен из списков живых. В суде Б.С. Горбачев виновным себя не признал, сообщил суду, что его

«показания заставили подписать», заявил: «показания Петерсона, Егорова, Тухачевского, Путна, Корка и Енукидзе считает ложными» [8, л. 317]. Протокол заседания Военной коллегией Верховного суда (ВКВС) СССР под председательством В.В. Ульриха датирован 3 июля 1937 г. [8, л. 316]. Несмотря на явные противоречия и несоответствия в показаниях, Б.С. Горбачев был признан виновным, как записано в приговоре, в том, что «подготавливал вооруженное выступление в Московском кремле, был организационно связан с врагом народа» [8, л. 318] и приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 3 июля 1937 г., что подтверждается имеющейся в архивно-следственном деле справкой о приведении приговора в исполнение [8, л. 319]. Реабилитирован Б.С. Горбачев 14 марта 1956 г.

Исследования служебной переписки командования Красной Армии, Уральского военного округа с органами НКВД, приказов НКЮ позволяет сделать вывод о том, что в январе – мае 1937 г. было уволено по политическим мотивам около 150 командиров (начальников), в том числе арестовано 56. Многие из арестованных были обвинены в политических преступлениях и осуждены к высшей мере наказания (расстрелу) и к различным срокам отбывания в исправительно-трудовых лагерях. Жертвами массовых репрессий стали не только командиры (начальники) старшего и среднего звена, но и представители высшего командно-начальствующего состава УралВО. Уже в начале мая 1937 г. Уральский военный округ оказался обезглавленным в результате расширяющихся репрессий, что не могло не повлиять на управление войсками, боевую подготовку, морально-психологическую обстановку в воинских коллективах, дисциплину и организованность.

В середине 1950-х годов было официально доказано, что обвинения в политических преступлениях командирам-уральцам были выдвинуты необоснованно, арестованы и осуждены они были незаконно; подавляющее большинство репрессированных командиров были реабилитированы.

Список литературы и источников

1. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Сост. В.Н. Хаустов. М.: МФД, 2011.

2. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. Под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 39. Д. 40.
4. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998.
5. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: Биографический словарь. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012.
6. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. М.: Кучково поле; Икс-Хистори, 2014.
7. Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ). Д. Р-28394.
8. ЦА ФСБ. Д. Р-4673 (в 2-х томах). Т. 1.

УДК 94 (470+571)“19”

Л.М. Салахова, Н.Н. Путилина

Организация жизнеобеспечения ссыльнопоселенцев из Литвы (на примере Широкопадского леспромхоза)

Аннотация. Авторы, используя устные воспоминания и документальные источники, воссоздают картину жизни и быта литовцев в первые годы ссылки в Иркутскую область, обращают внимание на проблемы в организации жизнеобеспечения и способы их решения, выявляют жизненные практики, способствовавшие выживанию населения в условиях репрессивного режима.

Ключевые слова: депортация, ссыльнопоселенцы, практики жизнеобеспечения, устные воспоминания, социокультурная история Сибири.

L.M. Salakhova, N.N. Putilina

The life organisation of the deportees from Lithuania (on the example of Shirokopadsky timber tree enterprise)

Annotation: Using oral memories and documentary sources the authors recreate the picture of everyday life of Lithuanians in the early years of the deportation to the Irkutsk region. They pay attention to the problems in the organization of the life support

practices and the ways of solving these problems. Then the authors reveal the vital practices that contribute to the survival of the population in the conditions of a repressive regime.

Key words: deportation, deportees, life support practices, oral memories, sociocultural history of Siberia.

В современной исторической науке депортацию рассматривать как одну из «форм государственных репрессий, предпринимаемых институтами власти по отношению к своим гражданам или подданным других государств с использованием силы или принуждения. Базовыми составляющими депортаций как репрессивных акций является административный (или внесудебный) характер, контингентность и установка на массовое перемещение людей из привычной среды обитания в новую, непривычную и зачастую экстремальную для выживания среду» [15, с. 5].

Население приграничных районов Советского Союза в 1930–1950-е гг. подверглось выборочным депортациям. В настоящее время благодаря масштабной работе исследователей по сбору и публикации документов воссоздано представление о 52 депортационных кампаниях, проведенных в СССР и охвативших шесть миллионов человек. Очевидно, что со второй половины Великой Отечественной войны депортации приняли ярко выраженный этнический характер. Это еще более усугубило и без того сложную социальную реальность в которой находились люди, поскольку ко всем сложностям добавлялся языковой барьер в общении ссыльнопоселенцев с властью, а также, местными жителями.

Целью настоящей публикации является попытка воссоздать картину организации жизни депортированных литовцев в первые годы их пребывания в Иркутской области. Сочетание доступных письменных источников и устных воспоминаний непосредственных свидетелей и участников событий позволяет не только воссоздать картины повседневной жизни в местах ссылки, но и осмыслить степень социокультурных изменений, происходивших в результате взаимовлияния мигрантов и жителей сибирских поселений.

Установлено, что в результате операции «Весна» в Прибайкалье было выслано 11 тысяч 495 человек [11, с. 133]. Это был

второй, после Красноярского края, регион по количеству вынужденных мигрантов, прибывших из Литвы. Основная масса людей, 2 800 семей, была направлена в распоряжение трестов «Востсиблес» и «Иркутскхимлес». Контроль за организацией размещения осуществлял исполнительный комитет областного Совета народных депутатов, о чем свидетельствует решение № 426 от 2 июня 1948 г. По утвержденному плану триста семей были направлены в Широкопадский леспромхоз (ЛПХ) Усольского района [5, л. 4].

Широкопадский леспромхоз (или механизированный лесопункт) образовался в 1936 г. в результате реорганизации Усольского леспромхоза. Центральным посёлком была определена Широкая падь (Николаевск). В структуру хозяйства входили еще три лесопункта: Широкопадский, Одинский и Тальянский[15]. Из архивных документов следует, что в мае 1948 г. предприятие еще именуется как мехлесопункт (МЛП), а уже в августе 1949 г. – Широкопадский леспромхоз [2, 27]. На Тальянский лесоучасток Широкопадского мехлесопункта было в 1948 г. определено 1074 спецпереселенца из Литовской ССР.

Чтобы представить те условия, в которых оказались поселенцы, нужно подробнее остановиться на описании производства Широкопадского леспромхоза.

На 1947 г. во всем леспромхозе, то есть на трех участках, насчитывалось 244 рабочих (135 мужчин и 109 женщин), 15 инженеров, 25 служащих, 25 человек младшего обслуживающего персонала и охраны. В общей сложности – 310 человек, в основном это мужчины и женщины до 35 лет[1, 40].

В 1940-е годы Тальяны не были поселком. На территории Тальянского лесоучастка располагались бараки, гараж, конюшня, магазин, работал медпункт. Наёмные рабочие из соседних поселений приезжали на участок работать. Некоторые из них жили семьями, в основном инженеры и служащие. Вероятно, по этой причине еще в 1936 г. была открыта начальная школа. Таким образом, дети лесозаготовителей могли получать образование.

По воспоминаниям Сензикас Марите д. Казиса от Усожья-Сибирского до Широкой Пади спецпоселенцев доставляли на телегах. А из Широкой Пади до Тальян (30 км) шли пешком: «Пожитки и маленьких детей везли на подводах» [13]. Дубровина Лайма, д. Клименса, вспоминает о дороге со станции Ангара до

Тальяны: «Погрузили на телеги, тракторами привезли сюда в Тальяны, как вот грузят мусор. Скамьи... – ничего не было. Семьи наверное по две или по три, но много раз привозили. Не за один рейс перевезли»[8].

В течение всего июня прибывали литовцы в Тальяны. Например, Лайма д. Клеменса прибыла в Усолье-Сибирское только после 22 июня. А некоторые литовцы в середине июня уже были приняты на работу в Широкопадский леспромхоз. Кетурикус Антанас с. Пятраса был принят 14 июня, Вершутис Йозас с. Юргиса, Жимайтис Винцас с. Ионаса, Барткус Антанас с. Антоноса – 15 июня, Монтевилло Костос с. Винцаса – 18 июня, Бастис Ёзас с. Пияуса – 22 июня.

Учет и надзор за спецпоселенцами осуществляла комендатура. В штате комендатуры, размещенной в пос. Тальяны, числился комендант и при нём два милиционера. В памяти людей сохранились их фамилии – Копылов А. Г. и Тюхай Г.И. Комендантом был капитан Горбунов. Кузнецов Г.Ф. вспоминает: «Горбунов был главный! Царь и Бог! Начальник над всеми этими литовцами, да и не только над литовцами, а над всеми вообще»[7]. Квартира коменданта и сама комендатура находились в одном здании. Туда приходили литовцы отмечаться. Первое время ссыльные должны были отмечаться каждый день, позже отметиться надо было раз в неделю[9].

Жилищные условия, в которые помещали прибывших литовцев, были очень тяжелыми. Отвод жилых помещений и коммунально-бытовое обслуживание должны были производиться Наркомлесом СССР по нормам, установленным для рабочих лесной промышленности еще в довоенные годы. Каждой семье спецпереселенца должна была предоставляться отдельная комната или отдельное место в бараке из расчета не менее 3 кв. м жилой площади на человека. Но реальная ситуация была иной. Первых прибывших поселенцев расселяли в бараки. Сензикас Марите д. Казиса вспоминала: «В каждом бараке селилось по 10 семей. Пять с одной стороны, пять с другой, их разделял узенький коридор»[13].

«Квартира» представляла собой комнату, примерно 10 кв. м, в которой селилась одна, а то и две семьи. Между квартирами были перегородки из досок. Другого жилья в Тальянах не было.

Кузнецова А.М рассказывает: «Не было здесь никаких домов, только бараки, только одни бараки». Но и их не хватало. Многих поселили в бывшей конюшне, её сначала нужно было для жилья подготовить – вычистить, вымыть, застеклить... А вот эта улица (Советская). Там и с этой стороны бараки были, и с той. Там еще коней немного после войны было. Они там, лошади, жили, а потом, когда их (литовцев) привезли: чистили, стеклили и жили» [6].

Семье Антанаса Штуописа (в семье Штуопис было 5 детей) и ещё нескольким многодетным семьям разрешили поселиться до осени в школе, пока не подготовят жильё. Построенные бараки нужно было разделить на отдельные комнаты для каждой семьи. Лайма д. Клементаса вспоминает, что жили в гараже – прямо между тракторов, в конце бокса для ремонта тракторов были сооружены нары. Сколько это продолжалось, Лайма д. Клементаса не помнит, но вскоре семью переселили в барак, который был спланирован следующим образом: «Десять семей с одной стороны и четыре с другой, две посередине. Мы жили, где десять семей. Комнатушка вот такая (показывает). Сестра, два брата, дедушка и я. Дедушка умер. Потом нас осталось пять человек. На полу спали и одни нары были, на них мама спала» [8].

Обстановка во всяком жилище того времени была примерно одинаковая – стол, печка, кровать. Комнаты в бараках были маленькие. У многих литовцев были привезены перины, подушки, домашняя утварь. Александрова Т.Д вспоминает как жила её подруга детства: «Жили они в бараках, в бараках комнатки маленькие, стоит койка (она одна девка была у родителей), а где эта спала девчонка, Сигита звали её? Ну, стол. А всё было! Как смогли? Перины, подушки!» [10].

В бараках не было печек. Их стали складывать осенью. Лайма д. Клементаса: «Уже осень подходила – печки не было. Потом уже печки выстроили печники – вот такую (показывает на кирпичную печку)» [8]. Дрова собирали вокруг поселка. Так как поселок таёжный – недостатка в дровах не было. Везде вокруг было множество пней. Эти пни рубили на дрова. Дубровина Лайма д. Клементаса вспоминает: «Мешок наложишь и домой несешь или на санках везёшь» [8].

Проблемой в организации жизни переселенцев стало обеспечение их питанием. Основу пайка спецпереселенцев составлял хлеб. Его выдавали утром, перед работой, по 200 грамм на человека. Очередь занимали ночью. Бывало, отстояв очередь, приходилось идти домой пустыми, потому что хлеб уже кто-то получил: «... сам продавец отмечал, а хлеб забирал себе» [8]. В первый месяц работы ссыльные не могли купить продукты в магазине, так как у них не было денег. Расчет с рабочими производился по факту выработки поставленных норм лесозаготовок в конце каждого месяца. Таким образом, без денежного довольствия надо было прожить месяц. Не все сразу приступили к работе. И более того, среди прибывших ссыльнопоселенцев было немало нетрудоспособного населения. Это, прежде всего, старики и дети. Второй причиной оставшегося в памяти людей голода стало несовершенство системы снабжения. Местный магазин не мог обеспечить продовольственными и промышленными товарами значительно увеличившееся население лесопункта. Нам еще предстоит выяснить предпринимались ли усилия по подготовке организации рабочего снабжения в новых условиях.

По воспоминаниям, записанным в разных местах пребывания ссыльнопоселенцев в Иркутской области, одним из способов жизнеобеспечения был обмен вещей на продукты питания, рукоделие, «выполнение работ по дому» и уход за детьми.

Но в силу того, что местом расселения людей был промышленный пункт – лесоучасток, поначалу воспользоваться практикой обмена вещей на продукты питания у местного населения не представлялось возможности. Малонаселенный лесоучасток находился на значительном расстоянии от сельских поселений Усольского района. Для того чтобы разжиться сельскохозяйственными продуктами, надо было получить разрешение коменданта на выезд. Расстояние до ближайшей деревни Лыткино 18 километров. Иногда рабочие Тальян ездили в Лыткино (в колхоз «Ленинский охотник») – за картофелем. Некоторые поселенцы ночами ходили на поля – найти хоть что-то съестное. Посадка огородных культур помогла бы частично решить продовольственную проблему. Но первое лето 1948 г. было упущено, что отозвалось голодом в первый год пребывания в ссылке. В результате люди «на воде варили траву», и этим и кормились. БирUTE Жимгулене вспоминала: «Нам, ссыльным, выдавали

всего на сутки 0,5 кг хлеба одному взрослому работающему человеку, и всего 100 граммов хлеба детям и старикам и больше ничего. И поэтому в первую зиму 48–49 года много, очень много, литовцев умерло просто от голода, холода и болезней» [12].

Старые, ослабленные тяжелой дорогой, голодом, переживаниями люди не смогли перенести первой зимы. Умер дедушка нашей респондентки, Лаймы д. Клементаса. Умерла старушка, приехавшая с семьей Штуописов. «Угасла», как вспоминал Антанас с. Антанаса, умерла и его маленькая дочка.

Власти не могли не видеть бедственного положения людей. Это подтверждают архивные материалы: «Рабочие Тальянского участка, вновь прибывшие литовцы занимаются воровством, потому что рабочие являются голодными», «нет возможности обеспечить пункт продовольствием», «руководитель пункта плохо работает с сохранением картофеля – он сгнил, не был своевременно доставлен на пункт», «выплата заработной платы запущена, выплачивается очень плохо», «продуктами снабжение очень плохое» [3, л. 3]. Поэтому в 1949 г. поднимался вопрос об обеспечении спецконтингента семенным картофелем [4, л. 10].

Таким образом, литовцы стали первыми создавать подсобные хозяйства в Тальянах. До литовцев рабочие лесозаготовительного участка огородов не имели. В.Е. Зайцева (Тюхай), дочь милиционера, вспоминает, как в детстве она ночью увидела работающих лопатой при свете костра людей. Это были литовцы, разрабатывавшие огород [9]. Это был не единичный случай, поскольку днем все трудоспособное население находилось на работе. Физических усилий стариков и женщин не хватало для разработки целины, а мужчины могли включиться в эту работу только поздно вечером или ночью.

Постепенно налажился и обмен вещей на продукты питания. У некоторых семей с собой вещей было привезено совсем мало. Это зависело от людей, которые выселяли из родных домов и от достатка выселяемой семьи. Большинство солдат, осуществлявших выселение, проявляли грубость, жестокость, не давали времени или возможности собрать вещи.

Лайма д. Клементаса вспоминает: «Продуктов ничего мы не взяли. А с постели взяли мало. Брат ещё хотел подушку взять, так чуть не застрелили его из-за подушки, что подушку взял. А мы с сестрой по подушке взяли да окно выбили, и в окно высоко-

чили с подушкой. Милиция забирала. Даже двоюродный брат забирал и говорит: «Что тут много одеваются, наряжаются, все равно вам недолго осталось жить» [8].

Вместе с тем некоторые не были лишены сострадания. Так, Антанас с. Антанаса Штуопис вспоминал о чекистке, которая подсказала, что нужно взять с собой в ссылку [13]. Т.К. Штуопис рассказывает, что семья мужа, в отличие от других, с собой привезла постель, достаточно одежды. Продуктов хватило на всю дорогу, и голод начался уже в Тальянах.

Вещи же, привезенные из Литвы, были хорошим подспорьем. Их можно было поменять на картошку и капусту, которые позже литовцы будут выращивать сами. Обмен при условии, что есть, что менять, очень помогал. У местных жителей никогда не было таких «предметов роскоши» как перины и подушки. В остальном и литовцы, и местное население находились на одном уровне по обеспеченности товарами первой необходимости и продуктами.

Воспоминания Кузнецовой А.М.: «Помню, они привозили с собой сало. Мы что-нибудь такое или картошку им давали, капусту давали, они нам сало, такое желтое. Например, Корневы, Рачковские они вот эти перины, подушки пуховые, одеяла пуховые у них выменивали на эту картошку. У нас-то ничего не было, детей много было. Нищета была» [6].

Александрова Т.Д.: «Перины у них были! Здесь перин не было! Они не выменивали бы, а, видать, голод заставлял или что в то время. Вот я знаю, Сергунов Михаил работал... Он работал здесь начальником участка. Они обычно таким вот... кто более или менее, подушки принесут, те дают сало... пока они слабовато жили. Некоторые местные жители пользовались положением...» [10].

Основная часть спецконтингента в Тальянах, работавшая на лесозаготовках, могла рассчитывать в перспективе на заработную плату. Но кроме леспромхоза устроиться было некуда. Лишь некоторые нашли себя вне леса – Йодснуките Марита д. Йонаса была взята в школу, так как дети литовцы не могли сразу начать учиться на русском, им был нужен переводчик. Вспоминает Кузнецова А.М.: «По немецкому у нас учительница была – литовка Йодснуките Маритя» [6]. Учителей-литовцев помнят и другие респонденты. К примеру, Александрова Т.Е.

вспоминает: «Преподаватель-литовец Альгис, а фамилию я не помню, еще у нас литовка-учительница преподавали немецкий – Марита Ивановна» [10] .

К 1950 г. из двадцати восьми работников Широкопадского леспромхоза, получавших оклад, трое были литовцы – счетовод, уборщица-курьер, завхоз [2, л. 39].

Наняться «в няньки» в малозаселенной местности, при отсутствии свободного от надзора населения, было сложно. Потребности в этой услуге были ограничены. Кроме того, нельзя не учитывать языковой барьер – основная масса переселенцев плохо владела русским языком.

Таким образом, обобщая воспоминания и документальные свидетельства, можно сделать вывод о том, что период адаптации ссыльного населения из Литвы на Тальянском лесоучастке занял два года. Такая ситуация была обусловлена недостаточной подготовкой Широкопадского леспромхоза, нуждавшегося в рабочей силе, к приему таковой в большом количестве. Это проявилось в неспособности организовать для вынужденных мигрантов нормальные жилищно-бытовые условия, продовольственное снабжение и котловое питание. Можно обратить внимание на то, что не был продуман вопрос о трудоустройстве и занятости тех членов семей литовских переселенцев, которые не смогут работать в лесу. Все проблемы начинали решаться по мере возникновения катастрофических последствий для людей.

Список литературы и источников

1. Архивный отдел администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования Ф. 19. Оп. 11. Д. 11. Л. 40.
2. Архивный отдел администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования, Ф. 3. Оп. 1. Д. 266. Л. 27.
3. Архивный отдел администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования Ф. 22. Оп. 1. Д. 93. Л. 3.
4. ГАНИИО. Ф. 2503. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.
5. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 579. Л. 4.
6. Воспоминания Кузнецовой А.М., 1936 г.р. Место проведения – п. Тальяны. Дата проведения – 20. 02. 2016. Аудиозапись, визуальное картографирование.
7. Воспоминания Кузнецова Г.Ф., 1942 г.р. Место проведения – г. Ангарск. Дата проведения – 27. 02. 2016. Аудиозапись (транскрибирование).
8. Воспоминания Дубровиной Л.К., 1935 г.р. Место проведения – п. Тальяны. Дата проведения – 28. 02. 2016. Аудиозапись (транскрибирование).
9. Воспоминания Зайцевой В.Е., место проведения – п. Тальяны. Дата проведения – 28. 02. 2016. Аудиозапись.

10. Воспоминания Александровой Т.Д., 1936 г.р. Место проведения – п. Тальяны. Дата проведения – 21. 02. 2016. Аудиозапись.
11. И. Сталин – Л. Берия: «Их надо депортировать ...»: Документы, факты, комментарии / сост. Н.Ф. Бугай. – М.: Дружба народов, 1992. 288 с.
12. Музейная комнат СОШ п. Тальяны. Письмо Б. Жимгулене.
13. Музейная комнат СОШ п. Тальяны. НИР «Литовцы в Тальянах» Е.С. Федотовой.
14. Сталинские депортации, 1928–1953 / сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. Серия: Россия. XX век. Документы. М., 2005. С. 5.
15. Чудинова Н.Н. История Тальян // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тальяны>.

УДК 343.81

Е.В. Суверов

Сельхозпроизводство и деревообработка в Ангарском исправительно-трудовом лагере (1949–1959 гг.)

Помимо основной производственной деятельности Ангарского исправительно-трудового лагеря в 40–50-е годы прошлого века – строительства железной дороги и сопутствующей ей инфраструктуры, активно развивался лагерный аграрный сектор и деревообработка. Сельхозпродукция шла на внутренне потребление, добытая древесина – на изготовление шпал, дров и другой продукции. Значительно снижало развитие этих секторов пенитенциарной экономики бытовая неустроенность, ошибки в планировании, несоблюдение техники безопасности, активность бандитско-воровского контингента.

Ключевые слова: сельхозпроизводство, лагерь, заключенные, деревообработка, аграрный сектор, план, древесина, сельхозы, лагерные пункты, специальности, социалистическое соревнование.

E.V. Suverov

Agricultural production and woodworking in Angarsk correctional labor camp (1949–1959)

The camp agricultural sector and woodworking developed actively as well as the primary production activities of the

Angarsk correctional labor camp in the 40-50-ies of the last century – railway building and its attendant infrastructure. Agricultural production was for domestic consumption, produced timber – for production of sleepers, firewood and other products. The development of these sectors of the prison economy reduced significantly poor living conditions, errors at planning, unsafe practices, bandits and thieves activities.

Keywords: agricultural production, camp, prisoners, woodworking, the agricultural sector, plan, hardwood, camp station, speciality, socialist competition.

Для дальнейшего освоения Сибири и Дальнего Востока необходимо было строительство новой железнодорожной ветки – Байкало-Амурской магистрали (БАМ), начатое в 1938 г. Сложные природные условия значительно усложняли ввод в действие железной дороги. В годы Великой Отечественной войны работы были временно заморожены, и лишь после окончания Второй мировой войны, работы возобновились. Ангарский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) был организован 13 января 1947 года для строительства железной дороги Тайшет – Лена [2. Ф. 9401. Оп.1. Д. 231. Л. 49].

Помимо строительства железнодорожного полотна, заключенные Ангарского ИТЛ были задействованы в сельхозпроизводстве, заготовке и переработки древесины.

Аграрный сектор лагеря был предназначен для удовлетворения внутренних потребностей в продовольствии. Планирование и контроль за производственной деятельностью значительно улучшало эффективность лагерных сельскохозяйственных предприятий. План весеннего сева Ангарского ИТЛ за 1956 г. по 1 отделению был выполнен на 100,5 %. При плане 1065 га фактически было засеяно 1072 га. План предпосевной обработки почвы (перепашка, весноспашка, культивация, боронование и дискование) выполнен на 128 %, при плане 991 га, фактически выполнено 1273 га. По сельхозу № 12 план весеннего сева выполнен на 100,1 %, предпосевная обработка почвы на 109 %. По сельхозу № 14 план весеннего сева выполнен на 101 %, предпосевная обработка почвы на 130 % [3. Ф. 39. Оп. 1. Д. 36. Л. 93].

Сельхоз «Куйтун» являлся подразделением Ангарского ИТЛ МВД и располагался в Харикском районе Иркутской области. Основная задача совхоза выражалась в выращивании разнообразной сельхозпродукции. За 1949 г. сельхозом было отгружено 1832,7 тонны овощей. Посевы колосовых культур (в основном фуражных), корнеплодов и трав обеспечивали содержание всего поголовья скота сельхоза. В 1949 г. совхозом были сданы 15,7 тонн мяса и 134,4 тонны молочной продукции. Под посевами всех культур открытого грунта состояло – 2512 га, под посевами закрытого грунта – 5 га, под усадьбой сельхоза находилось – 50 га, под сенокосными угодьями естественных трав – 2000 га. Неосвоенной площади насчитывалось 4269,5 га и неудобных земель – 609,5 га. План посева в 1949 г. был выполнен на 103 %. На полях «Куйтуна» выращивались: рожь озимая, пшеница яровая, ячмень, овес, подсолнечник, фацелия, горчица, картофель, капуста, огурцы, помидоры, свекла столовая, морковь столовая, лук, брюква столовая, турнепс кормовой, однолетние травы, семенники овощные и кормовые. В 1949 г. произведено посева по зяблевой вспашке 1454 га, по черным парам 276 га. Органических удобрений вывезено в количестве 11 401 тонны и минеральных 1351 тонна. Удобрена площадь земли: органическими в количестве 1098 га и минеральными – 713 га.

Обработка почвы происходила путем перепашки, культивации и боронования. Перепахано 1047 га, культивировано 1592 га и разборовано 6446 га. Посев на площади в 2209 га произведен рядовыми сеялками, 153 га картофеля под плуг и 140 га, овощные культуры – вручную. Проводилась межрядная обработка посева и окучивание на площади в 844 га, подкормка на 137 га и борьба с вредителями на 125 га. Тракторной тягой было окучено 150 га картофеля. Уборка посевов проведена комбайнами 1210 га прочими машинами, 517 га и вручную 765 га. В июне значительные площади посевов были поражены в массовом порядке гусеницей лугового мотылька. Благодаря своевременным принятым мерам было израсходовано свыше 3 тонн разных препаратов, основные площади были обезврежены от вредителей, за исключением гибели 1,5 га огурцов, 7 га моркови, 37 га свеклы столовой и гороховой смеси на площади

40 га, было поражено картофеля 120 га, что привело к снижению урожайности на 10 %.

Заморозками с 14 на 15 августа и 26 августа были значительно повреждены площади огурцов, помидоры полностью уничтожены, значительно поврежден картофель. Отсутствие в достаточном количестве уборочных машин, приводило к тому, что часть зерновых культур убиралось вручную и простыми уборочными машинами, что неизбежно вело к потерям зерновых культур. Три изрядно потрепанных комбайна, имевшиеся в наличии, не в состоянии были обеспечить уборку зерновых. Требовались новые сеялки, культиваторы, железные бороны, дисковые луцильники и особенно комбайны. Наличие сортовых семян ячменя, овса, пшеницы, частично картофеля, подкрепленное необходимыми сельхозмашинами, зимняя подготовка по всем отраслям сельского хозяйства, полная обеспеченность парами, зябью, черными парами создавали хорошие предпосылки.

План выхода продукции животноводства за 1949 г. выполнен на 147,7 %, с производственной экономией в сумме 408 тыс. руб. По плану предусмотрено получить продукцию на 2073,2 тыс. руб., фактически получено на сумму 3063 тыс. рублей при затрате средств на сумму 2655 тыс. руб. Удои молока на одну фуражную корову достигли 183,8 %, среднегодовая стоимость одного литра молока составила 3 руб. 20 коп., фактически – стоимость 2 руб. 32 коп. План приплода молодняка выполнен на 188 % при экономии средств в сумме 16 тыс. рублей. Плановая стоимость одной головы – 319 руб. 63 коп., фактическая – 232 руб. 20 коп. По выращиванию молодняка прошлых лет план выполнен на 103,6 %, при экономии средств в сумме 12 тыс. рублей.

Плановая стоимость привеса одного центнера составила 2077 руб., фактическая – 2030 руб. Дойные коровы были распределены и закреплены за доярками. Доярка не только доила закрепленные за ней коровы, но и ухаживала за ними. Применялась к некоторым группам коров четырехразовая дойка.

По свиноводству план выполнен на 104,6 %, с экономией средств в сумме 28 тыс. рублей. План опоросов выполнен на 120 %. Приплод на одну свиноматку составил 18 поросят против 14 поросят по плану. Плановая стоимость одного центнера

свиней на откорме – 2044 руб., фактическая – 1963 руб. План по овцеводству выполнен на 92,8 %. План по пчеловодству выполнен (по пчелосемьям) на 83,3 %. При этом отсутствовал специалист, который мог определить время качки меда и правильное ведение этого хозяйства. Имеющиеся заключенные – не пчеловоды, а люди, охраняющие пчелосемьи как ценность.

Не выполнен план по выращиванию телят на 93,5 %. Реализация продуктов животноводства убыточна в количестве 422 тыс. руб. Основная причина – это дорогая стоимость забиваемого скота. Были случаи вынужденного забоя скота. От реализации молока прибыль составила 10 тыс. руб. От реализации молочной продукции была получена прибыль в 155 тыс. руб. Ветеринарное обслуживание было неудовлетворительное. Совхоз в течение года не получал таких медикаментов как вазелин, спирт, скипидар, сульфамидные препараты. Биопрепараты присылались часто в просроченном виде. Дезосредства так же не присылались. За весь год получена лишь одна бочка креолина. Аптечная посуда отсутствовала. Растворы для вливаний приходилось готовить в примитивной посуде.

За 1949 г. сельхозом освоено средств в сумме 387 тыс. руб. Выстроено и введено в действие зданий жилого фонда в количестве 1252 кубометра и производственного фонда 4054 кубометра. Тракторов фактически имелось 35 штук. Плановая стоимость тракторных работ на условный гектар мягкой пахоты – 49 руб. 24 коп, фактически составила 54 руб. 75 коп. Перерасход горюче-смазочного материала составил 37 тыс. руб. Перерасход средств был вызван тем, что нагрузка на один трактор составило 179,5 %, в силу чего проводились сверхплановые ремонтные работы. Вторая причина в том, что сельхоз не снабжался планоно запчастями, их приходилось доставать в других организациях. По плану должны иметь 18, фактически имели 12 автомашин. Коэффициент исправности автотранспорта составлял 75 %. Простои автотранспорта были вызваны: отсутствием резины, по атмосферным условиям, из-за отсутствия работы, производственного отдыха. Коэффициент использования автомашин на работе составил 68,4 % против плана 75%. Недогруз автомашин получался при перевозке сена и силоса. Невыполнение плана по лесозаготовкам объяснялось тем, что вывозка леса происходила по грунтовым проселочным

дорогам, в связи с большими дождями летом 1949 г. это было затруднительно.

Сельхоз имел в наличии три комбайна: «Сталинец» – 2 шт. и «Коммунар» – 1 шт. План комбайновых работ выполнен на 198,2 %, полагалось убрать комбайнами 800 га, фактически убрано 1586 га. Сельхоз в течение года имел обеспеченность рабсилой на 78,2 % против плана. Рабсила направлялась в сельхоз со строительных отделений в большинстве своем неполноценная по физическому профилю и бытовому поведению. Отрицательный элемент содержался в изоляторе. В ожидании вагонов этаплируемые в количестве 620 человек в течение 10 дней использовались на внутрилагерных работах. На содержание заключенных была утверждена сумма 4685 тыс. руб., фактически было израсходовано 4645 тыс. руб. Плановая стоимость человеко-дня определялась в 16 руб. 64 коп., фактическая 16 руб. 49 коп. Растраты, недостачи и хищения в 1949 г. составили сумму в 7 тыс. руб., к прошлому году составляет 53 %, по «промотам» вещевого довольствия 45,7 % [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 242. Л. 112–126].

Для улучшения питания из заключенных организовывали бригады для сбора дикорастущей съедобной зелени, грибов и ягод в сезон 1953 г. [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 210. Л. 233]

В июне 1955 г. в 4-ом лагерном отделении Ангарского ИТЛ выращивался лук, салат, укроп, редиска, морковь, свекла. Употребление свежих овощей предотвращало заболевания цингой, улучшало вкусовые качества пищи и создавало разнообразие приготовленных блюд. Были созданы бригады для сбора дикорастущей зелени и ягод из числа хозяйственной обслуги и неработающих инвалидов. План сбора дикорастущей зелени на 1955 г. составил: черемша – 2550, дикий лук – 1350, щавель – 2000, крапива – 2700, грибы – 1200, ягоды – 2200, огород-ботва – 1000 кг [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 212. Л. 153].

В январе 1959 г. в Ангарском ИТЛ МВД РСФСР в связи с неурожаем овощей, для профилактики авитаминоза было организовано приготовление хвойного настоя и выдача его всему составу заключенных. Было выделено за счет лимита хозяйственной лагерной обслуги на каждом лагпункте по одному заключенному для заготовки, доставки и приготовления хвойного настоя [З. Ф. 39. Оп.1. Д. 207. Л. 16].

Заготовка и переработка древесины в лагере стояла на особом контроле у руководства. В 4 лагерном отделении Ангарского ИТЛ в июле 1954 г. были организованы дровозаготовительные участки на лагерных пунктах 403, 412, 419. Формировались бригады из наиболее добросовестно относящихся к труду заключенных, среди которых были проведены занятия по соблюдению правил техники безопасности на лесоповале, при трелевке. За выполнение правил норм эксплуатации лесоучастка (очистка территории, сжигание сучьев) персональная ответственность возлагалась на начальников лагерных пунктов [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 211. Л. 121].

План заготовки древесины за май 1956 г. был выполнен на 85,3 %, по трелевке – на 75,6 %, в том числе и тракторами – на 94,6 %. Повал леса электропилами составил 75,3 %. Низкое качество выпускаемой продукции, выход деловой древесины за май составил 62 %, вместо 78 % по плану. Был провален план по изготовлению тарной дощечки. Руководством лагеря отмечались и недостатки: территория лесозавода была захламлена, лес не сортирован и складировался беспорядочно. Здание котельной и «шпалорезки» на грани обвала. В ходе лесозаготовок не вырубался тонкомерный лес. Повал леса производился беспорядочно, навалом в стороне от намеченного волока. В период массового повала и трелевки, порубочные остатки полностью не убирались, рабочие волока содержались плохо в результате чего, трактора систематически выходили из строя [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 36. Л. 9, 10].

Для поддержания необходимых производственных темпов среди заключенных лагеря было организовано обучение рабочим профессиям. 21 июля 1954 г. был издан приказ № 88 начальника 4-го отделения Ангарского ИТЛ, где указывалось начальникам лагерных пунктов шире развернуть учебу по обучению заключенных специальностям. Рекомендовалось создание кружков по обучению: столяров, плотников, штукатуров, печников, слесарей, счетоводов. Планировалось широко практиковать индивидуальное и бригадное ученичество. Закреплялись за кружками помещения в клубе, «культуркомнате», столовой. На летний период создавались классы на открытом воздухе. Для обучения требовалось обеспечение столами, скамейками, классными досками. Организовывалась продажа

учебников, тетрадей и карандашей через торговую сеть для слушателей кружков. Привлекались к руководству кружками вольнонаемные работники, как лагеря, так и строительства, а также самих заключенных [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 211. Л. 130]

29 апреля 1959 г. в 304 лагерном пункте были зачислены на курсы столяров с отрывом от производства 28 заключенных. Преподавателем производственного обучения был назначен заключенный Бикреев М.Г. Категорически запрещалось использовать осужденных на работах, не связанных с обучением по программе [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 207. Л. 106].

Внедряемые в производство рацпредложения со стороны спецконтингента значительно сэкономили государственные средства, способствовали увеличению производительности труда в лагере. В феврале 1959 г. от слесаря автобазы № 3 заключенного Горелкина 3-го лаготделения Ангарского ИТЛ поступило рацпредложение о переводе грузовых и тормозных барабанов лебедки автокрана на шариковые подшипники. Рацпредложения Горелкина дало хороший эффект в работе, в результате чего экономилась бронза, увеличивался срок службы шейки вала, сокращались ремонты и простои автокрана. Горелкин был награжден премией в сумме 100 руб. [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 207. Л. 51].

В качестве поощрения успехов в производственной деятельности личный состав исправительно-трудового лагеря неоднократно премировался. Приказ начальника 3-го лагерного отделения Ангарского ИТЛ МВД РСФСР за 1959 г. «О премировании работников лагерного сектора лагерного пункта № 3/4 за выполнение сметы доходов от трудового использования заключенных в 4 квартале 1953 г.» от 7 марта 1959 г. № 45 подчеркивал, что коллектив лагерного пункта обеспечил выполнение сметы доходов от трудового использования заключенных в 4 квартале 1958 г. на 104 %, вывод на оплачиваемые работы – на 103,5 %, при выполнении норм выработки – на 128 %. Были премированы в размере 66,4 % от месячного должностного оклада: Стариков Д.П., заместитель начальника лагерного пункта – 996 руб., Тверской Д.Д., начальник отряда – 863 руб., Полищук А., заместитель командира группы – 464 руб., Севрюков Н. С., оперуполномоченный – 797 руб., Гудова М. П., бухгалтер – 664 руб. [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 207. Л. 17].

Среди подразделений лагеря проводилось социалистические соревнования. В приказе начальника 1-го отделения Управления Ангарского ИТЛ МВД СССР за 1956 г. «Об итогах социалистического соревнования за декабрь 1955 г.» от 9 января 1956 г. № 5 отмечалось, что план за декабрь по выводу на платные работы выполнен на 100,2 %, производительность труда составила 102 %. По итогам работы за декабрь первое место присуждено коллективу сельхоза 12, 14, лагерного пункта 123, с вручением переходящего Красного знамени и объявлением благодарности [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 191. Л. 8].

В январе 1955 г. в 4-ом отделении Ангарского ИТЛ были премированы бригады и звенья за высокие показатели в Предоктябрьском социалистическом соревновании. Денежные премии в размере 150 рублей выдавались бригадам, перевыполнившим план свыше 125 %. В 405-ом лагерном пункте получили премии: бригада по строительству МТС (бригадир Ильин), бригада землекопов (бригадир Багров), бригада авторемонтников (бригадир Юдин), бригада грузчиков (бригадир Филатов – 150 %) [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 212. Л. 287].

13 марта 1950 г. Совет Министров СССР принял постановление «О повышении производительности труда и более рациональном использовании труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР». На основании данного нормативно-правового акта, всем заключенным должна теперь выплачиваться заработная плата, исходя из пониженных на 40–50 % тарифных ставок и должностных окладов [4, с. 304]. Переводом заключенных на оплачиваемую работу предполагалось увеличение их заинтересованности, что сказалось бы на выполнении плана. Однако это не оказалось панацеей для увеличения производительности труда во всех лагерных отделениях и пунктах. Часть заключенных (так называемые «блатные») отказывались выходить на работу, даже с предоставлением оплаты.

Так, в 1956 г. в 1-ом лагерном отделении Ангарского ИТЛ СССР в лагерных пунктах: № 101 производительность труда составила 134 %, не выполнили норму выработки 28 человек; № 112 – производительность труда составила 95 %, а не выполнили норму выработки 83 человека; № 114 – производительность труда составила 100 %, не выполнили норму

выработки 76 человека; № 102 – производительность труда составила 66 %, не выполнили норму выработки 8 человек; № 105 производительность труда составила 100 %, не выполнили норму выработки 7 человек; № 107 производительность труда составила 90 %, не выполнили норму выработки 60 человек; № 120 производительность труда составила 55 %, не выполнили норму выработки 105 человек; № 123 производительность труда составила 107 %, не выполнили норму выработки 117 человек; № 153 производительность труда составила 156 %, не выполнили норму выработки 2 человека [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 191. Л. 9]. Низкие показатели были связаны с неэффективным управлением и некачественной рабочей силой.

Смерть Сталина И.В. в марте 1953 г. и последовавшая за ней амнистия уменьшили численный состав лагеря. В результате работы правительственной комиссии в 1956 г. в Ангарском ИТЛ было пересмотрено 5142 дела, было освобождено 2 986 человек, а 1019 узникам снизили срок наказания. Общее число освободившихся к концу года составило около 10 000 человек. К 20 декабря 1956 г. в Ангарлаге находилось 17 642 заключенных [1, с. 155] Численный состав лагеря колебался, но в целом имел тенденцию к понижению.

Тяжелые условия труда и быта подталкивали администрацию ряда лагерных пунктов Ангарского ИТЛ на прямое сотрудничество с бандитско-воровским элементом. Уголовники буквально терроризировали основную массу заключенных, заставляя их под угрозой смерти или физического наказания выполнять план любой ценой за себя и за паразитирующих преступных элементов. В рабочее время «отрицательный элемент» уклонялся от трудовой деятельности, занимался воровством, приписками, продажей казенного имущества, игрой в азартные игры, пьянством. Это значительно ухудшало общую ситуацию в лагере, компрометировало провозглашавшиеся методы перевоспитания осужденных, отдаляло часть заключенных от честной трудовой деятельности.

На 9 партийной конференции Ангарского ИТЛ (26–27 декабря 1957 г.) отмечалось, что некоторые руководители лагерных пунктов использовали порочный метод, в наведении порядка используя в этих целях воров и бандитов. В 519 лагерном пункте дневальным и членом актива был назначен бандит

Совганов прибывший в лагерь из Грузии в специальном «вагон-нозаке» [1, с. 153].

Ошибки в нормировании труда вносили сумятицу в производственную деятельность лагеря. 28 ноября 1956 г. нормировщик лагерного пункта 233 Недбайло допустил путаницу в нормах и расценках на собственных работах лагерного пункта и неправильно расценил работы. Отчет о выполнении норм выработки Недбайло представил неправильно и с опозданием на 7 дней. Недбайло лично не занимался нормированием труда, а передоверял другим лицам. Нормировщик лагерного пункта 203 Брюханов самовольно, без оснований снизил норму выработки на мерзлоту на изготовление штукатурной дранки, что составило переплату 198 руб. 50 коп. нормы выработки на «шпалорезке» при лесопилении, что привело к занижению нормы [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 200. Л. 345].

Гонка за выполнением плана любой ценой, неудовлетворительно сказывалась на обеспечении техники безопасности в лагере. Желание выбыть с тяжелых работ, получив травму, толкало некоторых заключенных на умышленное нарушение техники безопасности. 6 января 1953 г. в лагерном пункте № 401 4-го строительного отделения Ангарского строительства МПС бригада заключенных Коробешко работала на лесоповале, где была допущена неправильная расстановка людей на расстояние всего 20 метров между лесоповальными звеньями (по правилам – не менее 50 метров). Упавшее дерево принесло травмы в виде закрытого перелома правого бедра и ушиба правого предплечья заключенному Зориныш О.А. [З. Ф. 39. Оп. 1. Д. 210. Л. 230].

За 1956 г. в лагере допущено более 700 несчастных случаев, в числе которых восемь со смертельным исходом. За пять месяцев 1957 г. произошло 348 несчастных случаев, в том числе три, окончившихся смертью [5. Ф. 27. Оп.1. Д. 25. л. 29–33].

Снижало производственную деятельность и не всегда квалифицированная медицинская помощь, нарушение санитарного режима. В 1957 г. нехватка врачебных кадров в Ангарском ИТЛ составляла более 50 %. В лагере созданы неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, подтверждающие отсутствие должной заботы о специалистах со стороны руководства [5. Ф. 27. Оп. 1. Д. 25. Л. 371].

Таким образом, в Ангарском исправительно-трудовом лагере в 1949–1959 гг. одними из направлений производственной деятельности было сельхозпроизводство, заготовка и обработка древесины. Действовали сельскохозяйственные подразделения, специализировавшиеся на растениеводстве и животноводстве. В летнее время создавались бригады заключенных по сбору дикорастущих съедобных растений, грибов и ягод. Заготовка и переработка древесины проводилась силами спецконтингента. Для улучшения качества производственных работ в лагере было организовано обучение рабочим профессиям, применялась социалистическое соревнование, поощрялись передовики производства. В качестве стимулирующих мер была введена система оплаты за произведенную продукцию заключенным.

Планирование, контроль и подсчет рентабельности работ оказало положительное влияние на всю экономическую деятельность лагеря. Постепенно наблюдалось снижение численности лагерного состава в результате проводимой политики либерализации пенитенциарной системы, что привело к снижению хозяйственной активности в лагере. Изъяны в системе подсчета, активность паразитирующего бандитско-уголовного элемента, несоблюдение техники безопасности, неудовлетворительное жилищно-бытовое и санитарное состояние серьезно снижало производственную деятельность в сфере сельхозпроизводства и лесозаготовок в подразделениях Ангарского исправительно-трудового лагеря (1949–1959 гг.)

Список литературы и источников

1. Афанасьев О.В. О взаимоотношениях и положении заключенных Ангарлага (Иркутская область) в 1940–1950 гг. В кн.: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов 20-й международной научно-технической конференции. Редакционная коллегия: С.А. Карнович, П.А. Капустюк, Н.Ю. Жигалов. 2015.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Информационный центр отдела архивной информации и реабилитации Главного Управления МВД России по Иркутской области.
4. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950 гг. Сборник документов в 7-ми томах. / Т. 3. Экономика ГУЛАГа / отв. ред. и состав. О.В. Хлевнюк. М: РОССПЭН. 2004.
5. Центральный архив МВД России.

УДК 343.814 (063)

Т.П. Урожаева

Заключенные на строительстве гражданских и промышленных объектов Иркутской области в 1960–1980-е гг.

Аннотация: целью статьи стал анализ изменений в уголовно-исправительной системе Иркутской области в 1960–1980-е гг. По мнению автора, в указанный период изменилась общая направленность в деятельности исправительно-трудовых учреждений на использование труда заключенных в производственных целях. Осужденные уже не использовались для решения хозяйственных задач, требующих экстренного и массового привлечения рабочей силы, что свидетельствует, в частности, об укреплении экономического потенциала государства, отсутствии экстремальных условий и понимании неправомерности предшествующей политики в вопросах трудоустройства лиц, лишенных свободы.

Ключевые слова: пенитенциарная система, исправительно-трудовые лагеря, исправительные колонии, спецконтингент.

T.P. Urozhayeva

Prisoners on a construction of civil and industrial facilities of the Irkutsk region in the 1960–1980th.

Abstract: the aim of the article was the analysis of changes in the penitentiary system of the Irkutsk region in 1960–1980-s. In the author's opinion during the specified period and changed the overall focus in the activities of correctional labor institutions on the use of prison labor for production purposes. Convicts are no longer used for the solution of economic problems requiring urgent and massive manpower, which shows, in particular, on strengthening the economic capacity of the state, the absence of extreme conditions and understanding the wrongness of the earlier of the policy on the labour of persons deprived of their liberty.

Key words: prison system, labor camp, penal colony, special contingent.

Изучение роли и значения пенитенциарной системы в прошлом, ее влияния на отдельные сферы жизни общества, является одним из ключевых факторов, который можно экстраполировать для понимания истории всей системы исправительных учреждений. Демонтаж системы Главного управления лагерей во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. оказался весьма непростым, потребовал значительных усилий и занял достаточно продолжительный период времени. Иркутской области отводилось особое место в карательно-репрессивной политике Советского государства. На протяжении долгого времени Приангарье являлось местом дислокации специальных (особых) лагерей, колоний, ссылки и депортации. Высокая степень концентрации спецпереселенцев, заключённых, депортированных, военнопленных, предопределила интенсивность их трудового использования.

В послевоенный период промышленное освоение районов Иркутской области было обеспечено трудом многих тысяч заключенных, занятых сооружением железнодорожной трассы Тайшет – Лена (Западный участок БАМа) и других производственных объектов. Вдоль железнодорожной магистрали было создано несколько лагпунктов: №№ 11, 13, 52 и т. д. Заключенные строили не только железную дорогу, но и притрассовые мосты, вокзалы, больницы, столовые, клубы, магазины и жилые дома в Чуне, Вихоревке, Братске [3, с. 420].

Спецконтингент Китайского исправительно-трудового лагеря (п/я ВМ-16), строил нефтехимический завод и другие предприятия Ангарска. ИТЛ просуществовал почти 15 лет. В марте 1961 г. он, как и другие подобные учреждения управления лагерей МВД СССР, был расформирован. «Осколки» лагеря с довольно внушительным наполнением продолжали окружать Ангарск: ИК-2, ИК-7 и ИК-15 (строгого режима), ИК-14 (общего режима) [2, с. 1].

Заключенные размещались в бараках каркасно-щитового типа. Приведем отрывок из воспоминаний Н.Н. Ермаковой: «В январе 1958 г. я с сыном Валерием приехала в Ангарск. В деревне работы не было, а тут развернулась большая стройка, много молодежи приехало. Поначалу мы поселились в 8-м районе, в бараке у родственника. В комнате одной неудобно оставаться было – рядом много зеков» [5, с. 2]. После освобо-

ждения люди оставались в Ангарске, продолжали работать на стройке. Контингент 2-го лаготделения выводился на строительство цементного завода, базы ОРС, поселка «шеститысячник» и жилых домов в Ангарске.

В середине 1950-х гг. началось реформирование пенитенциарной системы. В новых условиях постановления ЦК КПСС «Об основных задачах Министерства внутренних дел СССР» (12.03.1954 г.) и «О мерах улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД» (10.07.1954 г.) закрепили курс на либерализацию пенитенциарной политики и имели для системы позитивные последствия. Прежде всего, Указами Президиума ВС СССР «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет» (24.04.1954 г.) и «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения» (14.07.1954 г.) был восстановлен институт досрочного освобождения.

Реформа исправительно-трудовой системы в очередной раз была проведена в 1958 г., когда было установлено, что основным учреждением для отбывания наказания в виде лишения свободы являются исправительно-трудовые колонии (ИТК). Эта структура была подкорректирована в 1961 г. с определением исправительно-трудовых колоний общего, усиленного, строгого и особого режима, а также тюрем как основных видов исправительно-трудовых учреждений [8, ст. 67]. Происходило окончательно закрепление советской исправительно-трудовой политики в новом законодательстве – сначала в УК РСФСР 1961 г., а затем в ИТК РСФСР 1970 г.[6, ст. 591, 1220].

В 1963 г. появляется еще один вид ИТУ – колония-поселение. Первоначально колонии-поселения предназначались для содержания осужденных, которые переводились туда в качестве дисциплинарной меры поощрения из колоний общего, усиленного и строгого режима [9]. В дальнейшем колонии-поселения стали назначаться как вид исправительно-трудового учреждения для лиц, совершивших преступления по неосторожности (с 1977 г.) и совершивших умышленные преступления, не являющиеся тяжкими, за которые были осуждены к лишению свободы на срок не более пяти лет (с 1985 г.). Так, в начале 1970-х гг. две крупных колонии-поселения для «ава-

рийщиков» (КП-9 и КП-10) были созданы под Усть-Илимском (возле села Невон)

В 1960–1970-е гг. в исправительно-трудовой системе сложилось три основных направления вовлечения осужденных в трудовые процессы: на собственном производстве, на основе кооперативных связей, на контрагентских объектах. Возможность выбора видов трудовой деятельности, обеспечил в наибольшей степени процесс привлечения осужденных к труду. Так, заключенные ангарской ИК-2 были задействованы на возведении различных объектов Управления строительства: швейной фабрики, молочного комбината, хлебозавода, электромеханического завода, завода железобетонных конструкций. В 1970-е гг. в колонии была создана собственная производственная база. Учреждение стало специализироваться на изготовлении мебели, садового инвентаря, строительных материалов. Осужденные ангарской исправительно-трудовой колонии № 15 работали на строительстве ТЭЦ-10, участвовали в строительстве городского тепличного хозяйства и птицефабрики. В 1963 г. часть осужденных была этапирована в Байкальск на строительство целлюлозно-бумажного комбината [11].

Особое значение для развития региона имел Осетровский речной порт в Усть-Куте, ставший главным опорным пунктом для завоза грузов на Север, в отдаленные районы Иркутской области, при его сооружении во второй половине 1950-х гг. применялся труд заключенных Ангарского ИТЛ [3, с. 421]. К началу 1960-х гг. после расформирования «Ангарлага» и «Озерлага» был образован Иркутский куст (исправительные колонии №№ 3, 4, 6), позднее Ангарский куст (исправительные колонии №№ 2, 7, 14, 15) [11].

В 1960-е гг., несмотря на наличие новых условий формирования трудовых ресурсов в северо-западной части Иркутской области (масштабный приток вольнонаемной рабочей силы), хозяйственные организации, включая управления строительства Братской и Усть-Илимской ГЭС, не отказывались от использования принудительного труда. Он, как и в прежние годы, использовался в основном на массовых работах, не требовавших высокой квалификации, и в местностях, не обладавших развитой хозяйственной и социально-бытовой инфраструктурой.

Для осуществления подрядной деятельности по расчистке ложа будущего Усть-Илимского водохранилища, возведению участков автодороги Братск – Усть-Илимск, объектов в пос. Эдучанка весной 1963 г. было создано новое первое лаготделение с управлением в пос. Седаново Братского района (ныне Усть-Илимский район). Руками заключенных были построены жилищные и социально-бытовые объекты (хлебопекарня, столовая, магазин, многоквартирные жилые дома) в Седаново и Эдучанке [1, л. 24–25]. В марте 1964 г. все подразделения расформированного Ангарлага перешли в непосредственное подчинение областного управления местами лишения свободы [3, с. 421].

Труд заключенных использовался на лесоповалах, при расчистке ложа Усть-Илимского водохранилища, их руками построены несколько поселков для переселения людей из зоны затопления. Управление строительства Усть-Илимской ГЭС в октябре 1963 г. «трудоустроило» 1 тыс. заключенных расформированного Ангарского ИТЛ и планировало задействовать на работе еще тысячу человек [4, л. 90]. Даже освободившись, оставаясь на поселении, бывшие узники жили не в городе, а на некотором отдалении от него (поселок Высотка) – два основных потока трудовых ресурсов в Усть-Илимске практически не пересекались. И как только в середине 1970-х гг. в городе не стало явного дефицита трудовых ресурсов, количество зон начало сокращаться.

Вклад заключённых в развитие экономики Иркутской области долгое время не афишировался, наоборот, акцент в промышленном освоении края делался на решающую роль участников «комсомольско-молодёжныхстроек». В то же время, в отличие от вольнонаёмных рабочих, заключенные выполняли самую тяжелую и грязную работу.

В 1960-е гг. были созданы исправительные учреждения в Усть-Кутском и Братском районах, а позднее, в 1970-е гг. – в Зиминском районе. В 1972 г. на территории района была создана исполнительно-трудовая колония (ИТК-32) строгого режима. Первоначально планировалось обеспечивать рабочими руками контрагентские объекты треста «Зимахимстрой» (впоследствии преобразованного в Восточно-Сибирское управление строительства – для возведения объектов химического

завода). Были сооружены первая очередь Зиминского химического завода «ХЛОР-1» (подразделения будущего ПО «Саянск-химпром») и ряд других объектов в Саянске: Новозиминская ТЭЦ, база строительной индустрии, база ОРСа, саянский молокозавод и хлебозавод, автотранспортное предприятие, птицефабрика, городское управление связи, ремонтно-механический завод, дорожно-строительный участок, больница и два жилых дома.

Помимо этого, осужденные ИТК-32 принимали участие в строительстве второй очереди «ХЛОР-2», а также работали на базе строительной индустрии, ремонтно-механических мастерских, Зиминском кирпичном заводе по обеспечению стройки необходимыми материалами и строительной техникой [10, с. 112–113]. За годы перестройки в колонии появились два новых двухэтажных блока, где разместились парикмахерская, прачечная, дежурная часть с комнатой для приема пищи и комнатой отдыха, помещение для работы самодельных организаций осужденных.

Производственный потенциал всей уголовно-исполнительной системы в 1970-е – начале 1980-х гг. был таков, что она занимала пятое место в стране по объёмам товарной продукции, уступая только оборонным отраслям [7, с. 3]. Труд осужденных организовывался уже преимущественно на собственных предприятиях ИТУ, по-прежнему составлял значительную долю в экономике региона. Во многих ИТУ за счет получаемых от экономической деятельности доходов были построены типовые кирпичные общежития, котельные, промышленные здания и другие объекты.

«Строительный бум», характерный для предшествовавшей эпохи, в 1980-е гг. сменился ориентацией на развитие стационарного производства непосредственно в ИТУ. Исправительно-трудоустройство учреждений неуклонно увеличивало объем промышленного производства и укрупнялись. К концу 1980-х гг. исправительно-трудоустройство учреждений сложились как весьма крупные по численности, обладающие собственной производственной базой или тесно кооперированные с гражданскими предприятиями, производственные единицы.

Экономический фактор загружал осужденных работой, причем нередко на современных производствах, позволял зарабо-

тывать и накапливать личные сбережения, помогать семьям, уплачивать иски. Особую роль играло и то обстоятельство, что осужденные, непосредственно участвуя в выполнении государственных планов, ощущали себя причастными к жизни общества, что имело определенное воспитательное значение.

В 1970-е гг. мы сталкиваемся с новыми проявлениями либерализации системы ИТУ. Примером тому может служить введение в 1970 г. института условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, а также условного освобождения от наказания в виде лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Институт условного осуждения с обязательным привлечением к труду, имел сугубо хозяйственную направленность [10, с. 113]. Так, удельный вес условно осужденных в общей численности принятых рабочих треста «Братскгэсстрой» увеличился с 7 % в 1980 г. до 11 % в 1986 г. [12, л. 7].

Всего же в период с 1970 по 1988 г. в Иркутскую область для отбывания наказания поступило 67 тыс. чел., осужденных за различные преступления. В колониях Иркутской области отбывали наказание осужденные из других регионов страны: в 1985 г. было направлено – 3327 чел., в 1986 г. – 2031, в 1987 г. – 2234, в 1988 г. – 1664, в 1989 г. – 777 осужденных, в 1990 г. – 1032 осужденных. Ежегодно из колоний освобождалось 6–7 тыс. чел., из них около 30 % оставались для проживания в Иркутской области [11].

В целом в 1960–1980-е гг. уголовно-исполнительная система Иркутской области претерпела масштабные изменения, глубоко затронувшие все сферы и направления ее функционирования. Немного найдется в истории пенитенциарных учреждений перемен, которые могли бы сравниться с проведенными в этот отрезок времени преобразованиями по степени их влияния на судьбы осужденных к лишению свободы. Изменилась и общая направленность в деятельности исправительно-трудовых учреждений на использование труда заключенных в производственных целях. Осужденные уже не использовались для решения хозяйственных задач, требующих экстренного и массового привлечения рабочей силы, что свидетельствует, в частности, об укреплении экономического потенциала государства, отсутствии экстремальных условий и понимании неправиль-

ности предшествующей политики в вопросах трудоустройства лиц, лишенных свободы.

Список литературы источников

1. Архивный отдел администрации г. Усть-Илимска (АОА ГУИ). Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–25.
2. Архипова Я. Настоящие первостроители // Свеча. 2011. 13 июня. С. 1.
3. Афанасов О.В., Кузнецов С.И. Лагеря ГУЛАГа и ГУПВИ на территории Иркутской области // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. Вып.4 (16). С.420–421.
4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГА-НИИО). Ф. 5342. Оп. 1. Д. 811. Л. 90.
5. Инешева В. Вспоминая об Ангарске. Судьба Ермаковых // Знамя коммунизма. 1988. 22 сент. С. 2.
6. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1960 г. № 40. ст. 591; Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 51. Ст. 1220.
7. Наумов А. История тюремного дела: уголовно-исполнительной системе России – 130 лет // Восточно-Сибирская правда. 2009. 4 марта. С.3.
8. Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах (Указ ПВС РСФСР 1961 года) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1961. № 37. Ст. 67.
9. Приказ МВД СССР от 13 сентября 1971 г. «О мерах по обеспечению режима отбывания наказания в колониях-поселениях» // Электронный каталог «Консультант Плюс». <http://www.consultant.ru/15.04.2014>.
10. Рубцов С.Н. От принудительности к самоорганизации: история использования трудового потенциала промышленности Восточной Сибири в 1955–1985 гг. Иркутск: ВС МВД РФ, 1998. С. 112–113.
11. Сайт Узник.info [Электронный ресурс] <http://www.uznik.info/communication/forum/forum5/topic478/12.04.2016>.
12. Центральный архив Братскгэсстроя, Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 7.

История интернирования и военного плена

УДК 94(47).083

А.В. Ануфриев
С.В. Трофименко

«Горький хлеб плена» (режим содержания военнопленных в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны)

Статья посвящена особенностям режима содержания военнопленных Первой мировой войны в Восточной Сибири. На основе архивного материала авторы рисуют подробную картину жизни военнопленных, их бытовые условия, характер принудительной занятости, взаимоотношения с местными жителями.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, военнопленные, Первая мировая война, Иркутская губерния.

В ходе Первой мировой войны в российский плен попало более двух миллионов солдат и офицеров противника. По данным Генерального штаба русской армии на 1 сентября 1917 г. в лагерях на территории России находилось 1,8 млн военнопленных.

Правовой статус военнопленных регулировался Гаагской конвенцией, а в октябре 1914 г. император Николай утвердил «Положение о пленных», где предлагалось с пленными «как с законными защитниками Отечества, надлежит обращаться человеколюбиво». Определялось и содержание военнопленного – котловое довольствие пленных приравнивалось к довольствию солдата русской армии, а офицеры получали жалование соответствующее своему чину.

Первые военнопленные оказались в Сибири осенью 1914 г., после проведения успешной Галицийской наступательной операции, когда были пленены десятки тысяч воинов австро-венгерской армии. Первые этапы военнопленных размещали в европейских губерниях России. Но впоследствии, из-за наплыва военнопленных и опасности побегов, было принято решение перенести место их содержания в сибирские губернии и на Дальний Восток.

Следует отметить, что отношение военных и гражданских властей к военнопленным было дифференцировано, на особом положении находились славяне, служившие в рядах австро-венгерской армии. В России был создан «Совет попечителей о пленных славянах», который оказывал им всестороннюю помощь. В деле 1030 Ф. 600 отложился документ о снабжении пленных славян тёплой одеждой, табаком и обувью и рекомендовалось жестко контролировать этот процесс и не «допускать изъятия вещей и продуктов немецкими и австрийскими пленными». По распоряжению военных властей, чехи и словаки размещались в европейских губерниях, а немцы, австрийцы и венгры, как настроенные неблагоприятно и склонные к побегам, размещены были на Востоке страны.

В специальном циркуляре департамента полиции № 34150 (1915 г.) это было конкретизировано – «В видах ограждения находящихся у нас военнопленных славянских национальностей, дружественно относящихся к России от враждебного и часто оскорбительного отношения к ним пленных германцев, австрийских немцев и мадьяр, военным ведомством приняты меры к совершенно обособленному размещению славян» [1]. Необходимо отметить, что в статистических отчётах о военнопленных, славяне военнопленные всегда показывались отдельной строкой. Так, в «Сведениях о военнопленных низших чинах, отправленных на работы по состоянию на 1.03.1916 г.», славяне и румыны выделены отдельной строкой, соответственно 989 и 322 человек [2].

К лету 1915 г. количество пленных на территории Восточной Сибири (в пределах Иркутского военного округа) достигло цифры 200 000 человек. В 1916–1917 гг. цифра изменилась за счёт сокращения числа пленных, отправляемых в Сибирь и на Дальний Восток и перевода крупных партий военнопленных

на сельскохозяйственные работы в Европейскую часть России. Первоначально предполагалось разместить пленных в крупных населённых пунктах, имеющих свободные жилые площади (на территории военных гарнизонов), в пределах за 100-верстовой полосой от границ во избежание побегов. Вопрос о размещении военнопленных был наиболее болезненным, первоначально предполагалось, что они будут размещены изолированно в концентрационных лагерях, в основном расположенных на территории воинских городков, где освободились казармы после отправки на фронт боевых частей. Однако из-за наплыва пленных, к чему явно было не готово военное ведомство, принимается решение провести ревизию свободных помещений, в которых можно разместить военнопленных. Министр внутренних дел 22.08.1914 г. подписывает циркуляр о подготовке мест для размещения военнопленных и раненых воинов российской императорской армии. Соответствующая директива появилась и в регионах. Так, 20.09.1914 г. Забайкальское областное управление спустило в уезды циркуляр «Об обращении зданий на нужды военного ведомства», циркуляр был отправлен и в сторонние организации (Тюремную инспекцию, руководству Амурской железной дороги, Переселенческому управлению и в штаб Иркутского военного округа). В течение месяца все организации, уезды и города предоставили обоснованные расчёты. Как и следовало ожидать, наибольшее число мест предоставило военное ведомство, которое предложило разместить военнопленных в пос. Даурия (1500 чел.), пос. Песчанка и Антипиha под Читой (по 6000 чел.), пос. Берёзовка под Верхнеудинском (110 000 чел.) и в станице Сретенской (1000 чел.). Представители штаба округа сообщали что «здания для этих целей уже приспособливаются».

Тюремная инспекция предложила 3 помещения бывшей этапной тюрьмы в станице Сретенской, Амурская железная дорога – помещения площадью 1165 кв. саженей на станциях Укурей, Амазар, Уруша. В Троицкосавске было выявлено 2728 кв. саженей свободной площади для размещения такого же числа нижних чинов. Забайкальская духовная консистория предложила помещения Селенгинского Троицкого монастыря, а власти Баргузинского уезда предложили разместить военнопленных на Горячинском курорте. Управление переселения

предложило переселенческие бараки на станциях Карымской, Мысовской и Сретенске. Для размещения военнопленных в чингинском гарнизоне 20.11.1914 г. была создана особая комиссия. Главное управление Генерального штаба в свой директиве военному губернатору констатировало, что ожидается поступление «весьма значительного числа военнопленных» и что «в Иркутском округе все свободные казармы заняты военнопленными» и предлагало «срочно сообщить, какое количество и по каким казачьим станицам... возможно разместить пребывающих военнопленных». Войсковое хозяйственное правление было крайне обеспокоено данной проблемой, председатель войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска в своём донесении отмечал: «неособенная желательность расквартирования военнопленных в казачьих селениях мотивируется такими соображениями: казаков, способных носить оружие и вообще боеспособных, здесь оказывается ... немного, а за призывом запасного разряда ...их окажется очень мало. Благодаря этому, охрана военнопленных окажется менее обеспеченной» [3].

Первые эшелоны с крупными партиями военнопленных проследовали через Иркутск 29 сентября 1914 г, а первый факт следования небольшой партии зафиксирован ещё 2 августа, когда поездом № 3 проследовали через Иркутск 32 военнопленных в сопровождении офицера и 8 нижних чинов охраны [4]. Чаще всего военнопленные следовали крупными партиями. Так, 4 октября 1914 г. через станцию Иннокентьевская проследовал эшелон № 56 в составе 31 офицера и 1448 нижних чинов, с соответствующей охраной, а 18 сентября пришла телеграмма о прохождении нового эшелона в составе 72 офицеров и 1089 нижних чинов [5]. По всему пути следования местные органы полиции и особенно ГЖУ и жандармские управления на железных дорогах жёстко контролировали движения эшелонов и особенно остановки и контакты с местным населением. Контроль был предельно жёстким и регламентировалось абсолютно всё. Так, унтер-офицер ст. Михалёво обращал внимание на то, что при прибытии эшелона с военнопленными на станцию запирался общий туалет и пленные разбредались по станции, особый же туалет с надписью «Для военнопленных» (на русском языке) расположен на противоположной стороне стан-

ции и пленные не знают о его существовании [6]. По приказу начальника штаба Иркутского военного округа от 3.10.1914 г. № 15824 было «воспрещено всякое общение частных лиц с провозимыми по железной дороге военнопленными», свои меры предосторожности принял и МВД – все ГЖУ получили секретное распоряжение к военнопленным никого из посторонних не допускать, за исключением медицинского персонала для оказания помощи больным и раненым. Указания эти соблюдались не везде и не всегда, так, в циркуляре помощника командующего Иркутским военным округом отмечалось, что «военнопленные при остановке эшелона на ст. Иннокентьевской пользуются неограниченной свободой и ходят по посёлку и самой станции... общаясь с посторонней публикой» [7]. Военные власти пытались принять соответствующие меры, так, командант ст. Иннокентьевская штабс-капитан Белозёров издал приказ: «Ввиду того что прибывшие пленные ... имеют свободный доступ прохода на все станционные сооружения... обнаружено сегодня их присутствие около депо ст. Иннокентьевской. Назначить патрули из состава команды продовольственного пункта, а старшему сопровождающему пленных приказано мной никого из пленных ночью не выпускать из вагонов» [8].

В Иркутской губернии военнопленные были размещены в Иркутске (на ст. Иннокентьевская и Заиркутном военном городке) и г. Нижнеудинске. На территории Забайкальской области крупные лагеря военнопленных располагались под г. Верхнеудинск (Берёзовка), в г. Чита (пос. Песчанка и Антипиха), ст. Сретенской, г. Нерчинске и г. Троицкосавске и Кяхте, ст. Даурия, Баргузине, Мысовой, Могоче, Акше. Основной проблемой размещения военнопленных стал вопрос о помещениях для их проживания, поэтому большинство лагерей в Восточной Сибири находилось на территории военных гарнизонов. Так, в ст. Сретенской пленные были размещены в казармах 19 Сибирского стрелкового полка, а в Берёзовке (под г. Верхнеудинском) в казармах 18 Сибирского стрелкового полка. Но помещений не хватало, что было вечной проблемой начальников местных гарнизонов и органов местного самоуправления. Болезненным был вопрос размещения военнопленных, небольшие сибирские города были не в состоянии «переварить» массы пленных. Так, Читинская дума просила:

«Если в Читу будут посланы военнопленные в большом количестве, чем в прошлом году (35 тыс. человек), то население будет поставлено в крайне тяжелое положение, т. к. в настоящее время ощущается более острый недостаток продуктов, чем это было несколько месяцев назад, подвоз же продуктов стал очень затруднителен». По данным коменданта г. Читы на 9.06.1916 г. в читинском гарнизоне находилось пленных – 30 834 нижних чинов и 1038 офицеров [9].

Охрана лагерей военнопленных осуществлялась силами дружин государственного ополчения. Необходимо отметить, что отношения охраны и военнопленных были достаточно лояльными и случаи конфликтов, хотя и имели место, но были достаточно редки. Так, начальник гарнизона полковник Лемберг-Колль был «устранён от должности» за послабления режима в лагере Берёзовка [10]. Хотя были и другие факты. Так, в феврале 1916 г. в г. Чите в результате конфликта между военнопленными Германом, Цвengelем, Костером и конвоиром ратником ополчения Облогиным последний получил тяжёлое увечье, а военнопленные были осуждены за нанесение тяжких телесных повреждений [11]. Иногда чины администрации проявляли прямое попустительское отношение к военнопленным. Так, в июле 1915 г. немецкий военнопленный повар Фросс в ответ на замечание сестры милосердия А. Казачихиной о грязи в столовой, ответил руганью, а после повторного замечания побил сестру милосердия, при полном попустительстве русского военного врача Брема [12].

Контроль над жизнью военнопленных, переданных в органы местного самоуправления и частным лицам, был крайне слаб. Комендатуры городов, столкнувшись с этим, старались навести элементарный порядок. Так, комендант Читы в отношении на главу городской Думы Читы писал: «В последнее время часто наблюдаются случаи хождения по городу военнопленных, отпущенных частными лицами на работы без сопровождения и иногда в пьяном виде...» Начальник гарнизона приказал известить, «что в случае повторения подобных явлений, военнопленные будут немедленно сняты с работ и препровождены в часть». Чуть позже появился приказ по гарнизону, регламентировавший эти вопросы. Так, военнопленные не отпускаясь в город и на базар, а посещать баню могли только

в сопровождении конвоя, после 8 часов вечера они не имели права покидать казармы, а «те военнопленные, которые ходят в гражданской одежде, на правом рукаве... должны поставить на видном месте буквы В.П. белой краской размером в два вершка» [13].

Военные власти для наведения порядка были вынуждены принимать достаточно жёсткие меры, особенно по Берёзовскому лагерю. Так, 12.02.1916 г. командующий Иркутским военным округом генерал от инфантерии Я.Ф. Шкинский издал приказ № 112: «...пленные, входя в непосредственные сношения с населением пос. Берёзовка, состоящим исключительно из евреев, могут передавать через последних нелегальную корреспонденцию, а евреи могут снабжать пленных деньгами, паспортами и оружием для совершения побегов. Приказываю ... принять меры к тому, чтобы военнопленные как офицеры, так и нижние чины ни в коем случае не могли отлучаться из района их расположения» [14].

Несмотря на изоляцию, военнопленные контактировали с местным населением, в делах губернского жандармского управления содержится огромный фактический материал: от донесений о контактах с проститутками и душещипательных «историй о вечной любви» и вечеринках, до материала о мнимом «распропагандировании» местного гарнизона. Так, 7 марта 1916 г. при попытке передать сверток военнопленному Ш. Шварцу была задержана крестьянка Верхнеудинского уезда Матрёна Линейцева, при расследовании выяснилось, что сверток предназначался офицеру австро-венгерской армии Новатному, с которым Линейцева «находилась в близкой любовной связи и часто посещала его в Песчанке» [15]. В том же деле находится рапорт жандармского ротмистра Попова что: «столовую «Петроград» в городе Чите посещают в сопровождении нижних чинов охраны военнопленные, где происходит пьянство, вместе с чинами охраны» [16].

В контактах с военнопленными были замечены и довольно высокопоставленные особы. Так, начальник ГЖУ отмечал: «... квартиру вдовы генерал-майора Москвина посещали военнопленные офицеры...госпожа Москвина полька и все военнопленные офицеры поляки; не предполагая ничего противозаконного, все-таки считаю неудобным для русской женщины

входить в компрометирующие сношения с офицерами враждующих с нами государств», заканчивалось письмо предложением военному губернатору Забайкальской области «удалить названных лиц (Москвину и её сестру) из пределов Берёзовского гарнизона» [17]. В г. Чите 12 февраля была задержана Мария Стельман при попытке передать военнопленному Максиму Гейке свёрток, в котором было 4 письма, две бутылки пива, колбаса и сало, на письме рукой Гейке было написано «всё таки после войны я тебя брошу». В Троицкосавске в поле зрения жандармерии попал инженер С. Васильев, который со своей сожительницей – негритянкой Алисой Блянш «устраивает на своей квартире попойки, на которые приглашает военнопленных» [18].

Лица, замеченные в недозволительных сношениях с военнопленными, наказывались в административном порядке. Так, М. Кормильцева за «сношения с военнопленными без надлежащего разрешения» постановлением Иркутского генерал-губернатора от 30.04.1916 г. была подвергнута штрафу в размере 50 рублей, а при несостоятельности – аресту на 2 недели» [19].

Система охраны лагерей военнопленных не позволяла обеспечить достаточный уровень охраны и как следствие во второй половине 1915–1916 гг. возросло число побегов, как спонтанных, так и подготовленных. Так, начальник жандармского управления в Забайкальской области отмечал: «военнопленные врачи, пользующиеся постоянными отлучками в город без конвоиров, берут с собой своих денщиков, причём в платье последних передеваются...офицеры и добывают в городе статское платье, при содействии местных евреев, совершают побег» [20]. Аналогичная ситуация выявляется и в Иркутской губернии. Так, по донесению помощника начальника Иркутского ГЖУ в Нижнеудинском уезде ротмистра Ковальского, «военнопленные в г. Нижнеудинске ... содержатся при крайнем слабом надзоре, при чём замечено, что военнопленные принимают некоторые меры к тому, чтобы достать паспортные книжки... Пленные свободно выходят за покупками в близ находящиеся лавки при обратном возвращении осмотру не подвергаются» [21].

Следует отметить, что режим содержания военнопленных был достаточно щадящим (особенно это касалось офицерского

состава и некомбатантов противоборствующей стороны). Так, офицеры сохраняли за собой право пользоваться услугами денщиков. «Приказ № 23 от 3.03.17 г. § 1. Отправленного в Тамбов, в распоряжение Начальника местной бригады военнопленного врача Турецкой армии Хасана Шахина исключить из списков. § 2. Отправленного в Тамбов в качестве денщика с военнопленным врачом военнопленного нижнего чина австрийской армии 2-ой роты Мехмеда Двякич исключить из списков».

На основании документа можно говорить о том, что в данном случае вероисповедание военнопленного (Мехмед – турецкий вариант имени пророка Мухаммада, одного из двадцати восьми пророков, упоминаемых в Коране), а не принадлежность к армии определённого государства являлись определяющим фактором при выборе денщика.

Местная администрация старалась предоставить военнослужащим все условия как для проведения досуга, так и возможность работать за соответствующее вознаграждение. Особой заботой была окружена возможность исполнения религиозных обрядов для всех конфессий. И если для христиан (католиков и протестантов) это не составляло труда, то проведение служб для мусульман вызывало определенные сложности. Так, в фондах РГВИА выявлено прошение офицеров-мусульман лагеря Заиркутного городка: «Нижеподписавшиеся офицеры турецкой армии просят многоуважаемое русское начальство, чтобы им было разрешено принять участие в богослужении в татарской мечети в городе Иркутске в пятницу 14 апреля 1917 г...Им религия переписывает (так в тексте. – *Авт.*) в этот день молебствие в мечети». Просьба была удовлетворена, на документе есть резолюция заведующего лагерем Заиркутного городка генерал-майора Хмырова: «Отпустить под конвоем» [22].

На особом положении находились некомбатанты, особенно живущие вне лагеря. Показательна история католического священника австро-венгерской армии Карла Дрекслея, освобождённого на поруки Иркутскому декану Казимиру Ваньковскому. Начальник 716 ополченческой дружины, несущей охрану лагеря генерал-майор Насонов сообщал в Иркутское ГЖУ полковнику Балабину, что К. Дрексель «имеет огромное

влияние на пленных и оказывает крайне вредное влияние» и контактирует с иностранными делегациями. По мнению командира дружины, именно он организовал побег 5 офицеров из лагеря 26 января 1916 г. и «... распространяет слухи во вред России». ГЖУ приняло соответствующие меры – К. Дрексель был арестован и у него изъят дневник, отложившийся в деле, который содержит конспект воспоминаний. Надо сказать, это единственный документ подобного рода, выявленный на настоящий момент в фондах ГАИО, к сожалению, данный документ мало информативен, очевидно, опасаясь обыска, К. Дрексель обозначил только название подразделов (на немецком), в деле отложился и его перевод на русском языке [23]. За антиросийскую пропаганду подвергались репрессиям и строевые офицеры. Так, из Красноярского лагеря предполагалось перевести в Заиркутский городок полковника Нотая и подполковника Седлачека, которые «вели будирующую по отношению к нашему военному начальству гарнизона политику и вызывали среди офицеров лагеря враждебное отношение к русским военным властям» [24].

Серьёзных нареканий условия содержания пленных не вызывали, ни с их стороны, ни со стороны делегаций Красного Креста, однако в 600-м фонде «Губернское жандармское управления» были выявлены и жалобы на содержание в лагере (ст. Сретенская и г. Нерчинск). Военнопленные жаловались на грубое обращение охраны, несвоевременную выдачу молока и сахара, непригодность бани и редкие разрешения посещать таковую, высокие цены в лавке и отсутствие развлечений. К сожалению, в фондах ГАИО отложилось минимум документов о бытовой жизни пленных в послереволюционный период. Но подобные документы сохранились в фондах ГАЗК (Ф. 364, оп. 2, д. 2), где содержится приказ временно исполняющего обязанности начальника Сретенского гарнизона полковника Ходачинского, который после посещения лагеря военнопленных отмечал: «По списку военнопленных состоит на довольствии 656, на довольствии 163, помещение, занимаемое военнопленными – бывшая столовая 16 Сибирского полка, большое и военнопленные размещены в нем свободно, само помещение ... не соответствует своему назначению. Температура в помещении очень низкая, 6–7 градусов. Окна промёрзли, с потолка

падает вода. Вид у военнопленных здоровый, за исключением признанных комиссией инвалидами. Кухня содержится чисто, продукты хранятся опрятно. На обед был приготовлен постный суп – очень вкусный...каша тоже хороша, хлеб хорошего качества. Стоимость содержания одного военнопленного 58,9 коп. в день. В общем, содержание военнопленных удовлетворительное». Завершался приказ указанием прапорщику Лахтину (заведующему военнопленными) устранить указанные недостатки.

Любые ограничения в снабжении или ненадлежащем (по мнению военнопленных) исполнении требований вызывали жесткую реакцию военнопленных офицеров. В жалобе капитана Генриха Лейзера на имя командующего Иркутским военным округом от 19 сентября содержится следующая оценка деятельности лагерной администрации: «Не хватает мне прямо слов чтобы описать нелюдское обращение. Прошу штаб Вашего Высокопревосходительства вконец распорядиться чтобы наша судьба была сносна и человеческа... я найду средства и дорогу чтобы об этих скандальных условиях уведомить американского консула» [25]. Конфликт же возник после того, как офицеру не предоставили конвоира для посещения зубного врача в Иркутске.

Просили военнопленные и о разрешении купаться в реке Иркут и «пользоваться солнечным купанием» три раза в неделю с соблюдением «как это предусмотрено при прогулках» ряда ограничений и с обязательством надеть купальные костюмы, при этом указывая, что «несмотря на пользование речной водой, мы и дальше будем пользоваться купальней г. Короля» [26]. Самой же курьезной является просьба кадета австрийской армии Алойса Лехталлера о посещении города Иркутска: «Два года занимаюсь изучением сибирской истории, особенно Иркутска, но до сих пор я города не видел – т. к. я историк от звания, то позволение это было бы большая для меня милость». И если заведующий Заиркутным городком наложил на рапорт резолюцию «препятствий не встречаю», то вышестоящее начальство имело иное мнение: «подобное разрешение недопустимо, и я предполагал бы отказать в посещении города» [27].

Следует отметить, что большинство военнопленных составляли 20–40-летние мужчины (нижняя возрастная граница, выявленная автором, 23 года на 1918 г.), соответственно в плен попадали военнослужащие 21-летнего возраста, а верхняя граница 74 (!) года (на 16.05.1919 г.) – офицер турецкой армии Мустафа Сулейман, содержащийся в Заиркутном городке [28]. Оказавшись в вынужденной изоляции, которую особенно сложно переносили офицеры, лишённые возможности работать, военнопленные ответили массовыми побегами. Это было вполне логично – офицерский состав сохранял частичную свободу передвижения, имел свободные денежные средства для покупки поддельных документов.

Военнопленные активно привлекались по личному желанию и к работе, в том числе и за пределами лагеря. В Забайкальской области и Иркутской губернии военнопленные работали на каменоломнях (г. Чита), строительстве (курорт Ямаровка), хлебопекарне (г. Троицкосавск), угольных коях (с. Черемхово), шорно-седельных артиллерийских мастерских и Иркутском женском институте Николая Первого (Иркутск), землемерных и гидротехнических работах. За свой труд рабочие получали заработную плату, а организации и предприятия, использующие труд военнопленных, перечисляли часть денег в лагерь. Так, в Ф-64 сохранилось требование заведующего военнопленными Заиркутного военного городка о перечислении «...суммы 1803 руб. 83 коп. за рабочих военнопленных работавших у вас» [29].

Следует отметить что военнопленные, работавшие на ряде предприятий, не находились на территории лагеря, а проживали вблизи предприятия. Достаточно интересный и объёмный материал подобного рода содержится в Ф-1о ГАЗК, наиболее информативно д. 10459 «С ведомостями о числе военнопленных, находящихся на работах в Забайкальской области». В деле находятся подробные ежемесячные обзоры об использовании труда военнопленных. Военнопленные (на начало 1916 г.) работали на кожевенном заводе Андрюверова (119 чел.) и Берёзовском кирпичном заводе, Черновских коях (под Читой), участвовали в общественных работах в Чите, Верхнеудинске и Нерчинске.

В ст. Сретенской военнопленные работали на кожевенном заводе Андрюверова (на 1916 г.), им от «завода предоставлялась готовая квартира, отопление, освещение и платится за каждую шитую пару солдатских сапог 99 коп.» [30].

Столкнувшись с дефицитом рабочих рук, Совет министров Российской империи принимает решения об использовании труда военнопленных: 16 сентября 1914 г. утверждаются «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казённых и общественных работ в распоряжения заинтересованных в этом ведомств», в 1915 г. подобные правила для использования труда военнопленных в сельском хозяйстве, а затем и на частных промышленных предприятиях. Данными актами регламентировалось использование труда военнопленных «...лишь для производства дорожно-строительных и других земляных, мостильных и других работ, не требующих особых специальных познаний и подготовки. При распределении военнопленных на означенные работы, преимущество отдается работам, носящим капитальный характер и имеющим более или менее широкое общественное применение». Предлагалось назначать на работы только крупными партиями «...непрерывно на казарменном положении» и с надлежащей охраной [31].

Функции контроля над использованием труда военнопленных были возложены на Эвакуационное Управление Главного управления Генерального штаба, а с 10.11.1916 г. на Отдел эвакуационный и по заведованию военнопленными данного управления.

Однако та масса пленных, которая скопилась в Восточной Сибири, не могла быть полностью обеспечена работой на таких условиях и результатом стала отправка мелкими партиями на частные предприятия, а с 1916 г. началась отправка на сельскохозяйственные работы в Европейскую Россию (из 3994 рабочих, занятых на производстве в забайкальских лагерях, – 2834 были отправлены на сельхоз работы в Казанский военный округ) [32]. Впоследствии число это резко увеличилось. Так, на 15 октября 1916 г. на работах было занято 30 776 чел., из них 28 255 чел. находились на сельхозработах во внутренних военных округах. Более всего использовался труд военнопленных в Читинском, Берёзовском и Сретенском гарнизонах. В Чите значительная часть военнопленных была отправлена

в Казанский военный округ, часть использовалась для общественных городских работ и на Черновских копях. Так, на 15.05.1916 г. работало по городскому хозяйству, в угольных копях, в военном ведомстве, МПС и у частных лиц 1397 военнопленных читинского гарнизона. В Берёзовском гарнизоне на сельхозработах и в ведении городской управы и частных лиц находилось 211 лиц. В Сретенском гарнизоне в ведении военного ведомства и частных лиц находилось 153 чел. Менее всего использовался труд военнопленных в Нерчинском гарнизоне – 22 чел., и полностью не использовался в Даурском и Троицкосавском гарнизонах [33].

Чаще всего военнопленные стремились на работы, это давало возможность выйти из лагеря и заработать хоть какие-то деньги, имели место и конфликты. Так, военнопленные, работавшие на каменоломнях под Читой, недовольные условиями труда и заработками, объявили забастовку, потребовав сменить переводчика команды Чикаша, «который поддерживал интересы города», жаловались они и на запальщика Суракова: «Всегда грозит тем, что поставит на 2 часа стоять смирно и будет сажать под арест».

Конфликт был потушен, в деле сохранилось объяснение подрядчика Гладштейна, который отвергал все обвинения в свой адрес и утверждал, что военнопленные не имеют поводов для недовольств (обеспечены тёплой одеждой и обувью и зарабатывают от 3 до 6 рублей за две недели).

Иногда военнопленные самовольно покидали места работы. Так, 14 июля 1917 г. бежали 4 военнопленных со строительства дороги на курорт Ямаровка, которые вернулись в «родной» лагерь в Нижнюю Берёзовку, заявив «что лучше сидеть там в карцере, нежели работать у такого подрядчика». В ходе следствия выяснилось, что подрядчик заставлял работать их с 6 утра до 12 дня и с 2 дня до 6 часов вечера, не платил жалованья, «ходили босые и оборванные». Жили впроголодь, а на просьбы пленных подрядчик Агламазов заявил: «У вас в Германии и Австрии есть нечего, следовательно, вас здесь кормить не стоит» [34]. Бывало, что дискуссия о использовании труда военнопленных выплёскивалась и на страницы газет. Так, в «Забайкальской нови» от 16.12.1916 г. появилась статья «Военнопленные и водокачка», где автор утверждал, что

военнопленный занимает распорядительную должность и подспудно задавался вопрос: «А что он может сделать с городской водой?» [35].

Попечение над военнопленными осуществляли как органы Красного Креста, так и представители посольств и консульств нейтральных государств. Так, в Ф-25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора» выявлен документ о разрешении внештатному вице-консулу в Омске Вадстеду «принять на себя попечение об интересах, водворенных в пределах края германских подданных» [36]. До вступления в войну США подданные этой страны также осуществляли попечения над военнопленными. Так, сотрудник посольства Герберт Перс в течение весны 1915 г. посетил лагеря военнопленных в Западной и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, «...в сопровождении чинов администрации и без права производить фотографические снимки» [37].

Деятельность делегаций Красного Креста находилась под неусыпным вниманием Иркутского ГЖУ. Особое внимание привлекла миссия американского Красного Креста, прибывшая в конце декабря 1915 г., в реальности сформированная в Берлине, где большинство медицинских сестер были немками. ГЖУ потребовало сократить сроки её пребывания и «...для непосредственного участия в деле лечения военнопленных допускать (их) не должно...» Отслеживались и контакты членов миссии с пленными. Это было продиктовано тем, что, по мнению русского Генерального штаба, миссии собирали сведения о «...способности к продолжительной борьбе наших боевых сил, духе армии и народа и настроения». Жестко отслеживалась переписка миссии и в случае необходимости, проводилась оперативная разработка её членов. Под контролем и неусыпным наблюдением ГЖУ находились и члены делегаций. Интерес вызвал делегат датской миссии Отто Фогель, в ходе проверки выяснилось, что до войны он проживал на ст. Сретенской и работал пивоваром на заводе Шустова. Представители ГЖУ отмечали: «обращает внимания крайними симпатиями, оказанием различных услуг пленным офицерам», а если добавить поездку за границу, то получается буквально портрет шпиона. В результате О. Фогель был взят в оперативную обработку и под особый контроль.

Неусыпное наблюдение замечали и сами делегаты. Так, в деле сохранился рапорт филера, опекавшего шведского подданного Карла-Георга Раша, что при выходе из гостиницы Раш сказал немецкому доктору Швальбе: «Как бы нас сыщики не заметили». И он был прав, потому что с момента появления на территории России, по распоряжению товарища министра МВД Белецкого над ним было установлено негласное наблюдение [38].

Подводя общий итог, стоит отметить, что и центральная власть и местная администрация старались соблюсти по мере возможности международно-правовые акты, регламентирующие содержание военнопленных. Отдельные эксцессы, конечно, имели место быть, но принципиальной роли не играли. Стоит согласиться с мнением командующего 718 пешей Астраханской дружины, отвечавшего на очередную жалобу военнопленных: «Вообще же, как я предполагаю, жалобы с их стороны возникают более от нечего не деланья и желания большей свободы» [39].

В силу специфики размещения на территории военных городков, массового контакта военнопленных и местного населения не было, по крайней мере, до активного использования военнопленных на различных работах, особенно в 1916–1917 гг. Система охраны была крайне примитивной и не могла предотвратить побег, которые особенно усилились на рубеже 1916–1917 гг. В целом режим содержания военнопленных на территории Восточной Сибири можно охарактеризовать как достаточно мягкий и либеральный и проследить постепенное его ослабление к 1917 г.

Список источников

1. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 50.
2. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10459. Л. 27.
3. ГАЗК. Ф. 56. Оп. 10. Д. 9. Л. 7–187.
4. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 501.
5. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 526, 530.
6. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 980.
7. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813.
8. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 545.
9. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 166–168.
10. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 1.
11. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 195.
12. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 268.
13. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 19, 47.

14. ГАЗК. Ф. 56. Оп. 10. Д. 23. Л. 47–48.
15. ГАИО. Ф. 600. Оп.1. Д. 1262. Л. 67.
16. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 103.
17. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 164.
18. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 529.
19. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 238.
20. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 100–101.
21. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1028. Л.1.
22. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 115. Д. 48. Л. 2.
23. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 13–15.
24. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 51. Л. 151–151 об.
25. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 74 об.
26. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 115.
27. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 120.
28. ГАИО. Ф. 780. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
29. ГАИО. Ф. 64. Оп 2. Д. 55. Л. 11.
30. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10459. Л. 10.
31. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 77.
32. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10459. Л. 27.
33. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10459. Л. 810.
34. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10249. Л. 247–248.
35. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 292.
36. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 114. Л. 1.
37. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 1006.
38. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 405–409.
39. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 59 об. – 60.

УДК 94(47).084

С.И. Кузнецов

Проявления протеста в лагерях японских военнопленных на территории СССР (1945–1956 гг.)

Аннотация. Статья посвящена истории организации открытых протестов японских военнопленных в лагерях на территории Советского Союза в 1945–1956 гг. Автор приходит к выводу, что условия содержания военнопленных в лагерях на территории СССР, безысходность и отсутствие ясных перспектив толкали военнопленных к разным формам протеста: саботажу, отказу от работы, побегам, членовредительству и т. д. При этом протест японцев был менее активным и массовым в сравнении с военнопленными других национальностей.

Ключевые слова: японские военнопленные в СССР, ГУПВИ НКВД-МВД СССР, лагеря военнопленных в СССР, протест военнопленных.

S.I. Kuznetsov

Manifestations of a protest in camps of the Japanese prisoners of war in the territory of the USSR (1945–1956)

Summary. Article is devoted to history of the organization of open protests of the Japanese prisoners of war in camps in the territory of the Soviet Union in 1945–1956. The author comes to a conclusion that conditions of keeping of prisoners of war in camps in the territory of the USSR, the hopelessness and lack of clear prospects pushed prisoners of war to different forms of a protest: to sabotage, refusal of work, escapes, mutilation etc. At the same time the protest of Japanese was less active and mass in comparison with prisoners of war of other nationalities.

Keywords: the Japanese prisoners of war in the USSR, GUPVI of People's Commissariat for Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs of the USSR, prisoner-of-war camp to the USSR, a protest of prisoners of war.

Несколько сот тысяч военнослужащих японской армии, взятых в плен в ходе советско-японской войны 1945 г. (по разным оценкам – от 540 до 610 тыс. чел.) осенью 1945 г. были направлены в лагеря военнопленных на территории СССР, подчинявшиеся Главному управлению по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР. Режим и охрана военнопленных регламентировались документами МВД, собранными в 1946 г. в «Сборнике приказов и директив НКВД-МВД СССР и указаний ГУПВИ МВД СССР по вопросам режима и охраны военнопленных в лагерях МВД».

Тяжелый физический труд, бесправное положение, невыносимые условия лагерного существования (особенно в 1945–1946 гг.) порождали различные формы протеста японских военнопленных: письма к руководству советского государства (Председателю Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову, председателю Совета Министров Н.А. Булганину и другим); отказ выходить на работу; голодовки, саботаж, членовреди-

тельство, самоубийства и др. Одной их форм протеста были побеги из лагеря обычно дисциплинированных, отчасти покорных судьбе японцев. Эта сторона жизни иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР – одна из малоизвестных. Специальных работ по этой теме в отечественной историографии практически нет, что объясняется недоступностью источников. Одна из сравнительно недавних работ – статья М.В. Ходякова, посвященная побегам в эстонских лагерях военнопленных в 1945–1949 гг. касается в основном немецких военнопленных [1].

За все годы плена (1945–1956 гг.) в лагерях системы ГУПВИ практически не было сколько-нибудь крупных выступлений японцев. Попытки организации подпольных групп контролировались и пресекались оперативно-чекистскими отделами администрации лагерей, в среде военнопленных было немало осведомителей, да и сама масса японцев была разобщена. Это разобщение поддерживалось администрацией лагеря, которая, проводя политику индоктринации военнопленных, инициировала создание прокоммунистических объединений военнопленных вроде «Обществ друзей» или «Политических кружков». Да и сами иерархические традиции японской армии, где офицеры и солдаты были отдельными мирами, не способствовали каким-либо объединениям. Один из массовых случаев неповиновения, произошедший в хабаровском лагере № 16 в декабре 1956 г. был описан бывшим главным военным прокурором СССР генерал-лейтенантом Л.М. Заикой. Кстати, именно этот руководитель советской военной юстиции вместе с двумя другими крупными чинами военной прокуратуры – генерал-майорами В.П. Фроловым и А.Е. Борискиным 24 сентября 1991 г. прибыли в Токио и вручили документы о реабилитации 188 бывшим военнопленным, осужденным в свое время советскими судами.

В хабаровском лагере № 16 содержалось несколько сотен японских военнопленных, осужденных к различным срокам заключения уже в советских лагерях. Репатриация основной массы военнопленных уже закончилась, здесь же оставались осужденные за шпионаж бывшие сотрудники Японской военной миссии в Маньчжурии, бывшие служащие жандармерии и полиции, работники научно-исследовательских отделов

ЮМЖД, пограничники и другие. В декабре большая часть японцев, недовольная результатами медицинского комиссования санчасти лагеря и выводом на работу больных, отказалась выходить на работу. Администрации лагеря были предъявлены их требования: «Не выводить на работу с температурой свыше 37⁰, с кровяным давлением более 150 мм., а также страдающих невралгией, радикулитом, ревматизмом. Освободить от работы всех заключенным старше 55 лет, а старше 50 лет – использовать только в пределах зоны. Никто из администрации лагеря не должен вмешиваться в работу санчасти. Переговоры с заключенными допускаются только на территории зоны. Начальство не должно выявлять зачинщиков неповиновения и подвергать их наказанию» [2].

Попытки местных властей урегулировать конфликт были безуспешными. Противостояние продолжалось в течение нескольких месяцев. Военнопленные создали «Штаб руководства», который, по сведениям осведомителей-японцев, «агитировал не поддаваться ни на какие уговоры администрации, не выходить на работу и стоять до конца, то есть добиться возвращения на родину» [3]. В Хабаровск были направлены старшие офицеры из Главной военной прокуратуры. Находившиеся в этом же лагере контр-адмирал Куроки Годзи и генерал-майор Сакама Кунъити направили письмо на имя Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина: «В связи с насильной отправкой властями лагеря больных и слабосильных на работу 19 декабря заключенные лагеря № 16 г. Хабаровска, где мы находимся в данное время, обратились с прошением об улучшении управления и обращения с японцами... Мы оба глубоко обеспокоены дальнейшим развитием событий и считаем необходимым немедленное разрешение вопроса с точки зрения установления дружбы и всеобщего мира между советским и японским народом» [4].

Дело дошло до ЦК КПСС. Секретарь ЦК А.Б. Аристов, курировавший административные органы ЦК КПСС, распорядился: «Ликвидировать бунт, восстановить установленный для заключенных порядок, добиться подчинения их советским законам и заставить работать. При этом не должно прозвучать ни одного выстрела и чтобы не было ни одной жертвы» [5]. Ход операции известен из докладной записки в Главную военную

прокуратуру: «В 5 часов 30 минут 11 марта в зону лагеря введены войска в количестве 1040 человек. Оперативно-войсковые группы вошли в жилые бараки. Предварительно по радио, а также через переводчиков в бараках было объявлено требование прекратить неповиновение, снять голодовку и в течение 10 минут всем способным к самостоятельному передвижению собраться, одеться и выйти на проверку в указанное место. Оказалось, что входы в бараки были забаррикадированы, и войсковые группы вынуждены были взломать двери и преодолеть другие препятствия... Никто из заключенных ... добровольно из барakov не вышел. Значительная часть заключенных, сцепившись друг с другом, пыталась остаться в бараках. В связи с оказанием сопротивления, оперативно-войсковые группы были вынуждены применить физическую силу и вывести упорно сопротивляющихся из барakov. Всего выведено из барakov 488 человек. 158 человек отправлены в пересыльную тюрьму, 33 человека переведены на тюремный режим, 297 оставлены в лагерьном отделении № 2. В последующие два дня на тюремный режим переведены еще 11 заключенных из числа активных зачинщиков и организаторов массового неповиновения... Убитых и раненых среди наших войск и японцев не было. В результате операции в тот же день 11 марта все заключенные приняли пищу и заявили, что намерены выполнять требования администрации лагеря» [6].

Столь компромиссное решение конфликта, тянувшегося несколько месяцев, объяснялось тем, что 3 июня 1955 г. в Лондоне начались переговоры о нормализации советско-японских отношений и, как следствие, уже 12 июля по Указу Президиума Верховного Совета СССР 86 заключенных лагеря № 16 освобождались и возвращались на родину. В октябре 1956 г. были освобождены и все остальные. Приведенный случай – один из немногочисленных. Следует учитывать то обстоятельство, что участие в этой акции неповиновения приняли военнопленные, уже около десяти лет находившиеся в лагере и осужденные в большинстве случаев несправедливо.

Попытки создания нелегальных организаций, подстрекательства к отказу от работы и саботажу были в других лагерях – длительное содержание в плену без ясной перспективы на возвращение в Японию вызывало у многих военнопленных

ожесточение и чувство протеста. 26 июня 1946 г. в лагерном отделении № 1 лагеря № 28 (пос. Инкур, Закаменский район, Республика Бурятия) за распространение антисоветских листовок была задержана группа военнопленных японцев. Оперативно-чекистский отдел выявил организатора – Кобаяси Тосио. В 1947 г. в лагере № 6 (г. Улан-Удэ) выявлена «фашистская группа», участники которой 23 августа «написали и вывесили в зоне лагеря листовку антисоветского характера, призывающую военнопленных хранить традиции императорской Японии и не воспринимать демократию» [7].

В 1946 г. в том же 6-м лагере была выявлена «реакционная группа во главе с подполковником Эгути Кадзуо и майором Мори Минэо. В ходе допроса майор Мори показал: «Будучи на протяжении ряда лет воспитанным в враждебном отношении к Советскому Союзу, я с самого начала пленения нас советскими войсками, а затем содержания нас в качестве военнопленных в СССР, я проводил среди военнопленных работу, направленную к тому, чтобы как можно меньше они делали пользы для СССР.... Среди военнопленных я вел разъяснительную работу, направленную против демократических мероприятий, проводимых советскими органами. Я старался всеми мерами сохранить среди военнопленных их патриотический национальный дух к своему государству и императору, вселял в них веру в построение будущей новой, сильной империалистической Японии. Я говорил им, чтобы они сохраняли свое здоровье для восстановления своего государства, не обращали внимания на требования русского лагерного командования о выполнении производственных заданий и норм выработки. Для этого я писал для военнопленных различные инструкции, а также сочинял стихи, в которых указывал военнопленным, как нужно относиться к работе. Моими единомышленниками я считаю подполковника Эгути, майора Судзуки, капитана Таканаяги, старшего лейтенанта Мацуиси. Кроме этого, нам помогал поводить в жизнь среди военнопленных враждебную работу старший лейтенант Морита, лейтенант Синго и лейтенант Хасимото» [8].

В Тайшетлаге протест японцы выражали в стихийных митингах и в анонимных листовках, распространяемых в лагере. Оперативно-чекистские отделы расценивали это как антисо-

ветскую деятельность и профашистские демонстрации, усиление фашистской реакции [9].

Своеобразной формой протеста и уклонения от работы было членовредительство. Особенно оно было распространено среди военнопленных только в 1946 г. 11 марта 1947 г. МВД СССР даже распространило на военнопленных положение директивы № 242 от 15 октября 1946 г. об уголовной ответственности за членовредительство. В конце 1946 г. в Бурятии Военным трибуналом по статье 193-12 был осужден военнопленный Яманиси Кэнити, который, работая на лесозаготовках, отрубил себе четыре пальца левой руки.

Некоторые из военнопленных, осужденных в лагере (в основном по 58-й статье) подавали просьбы о пересмотре их дел. Среди них был капитан Коноэ Фумитака – сын японского премьер-министра Коноэ Фумимаро. В жалобе от 8 августа 1953 г. на имя председателя Совета Министров СССР он писал: «Прочитав в последних номерах газет сообщения о преступных действиях Берия, я пришел к выводу, что являюсь жертвой его произвола, злоупотребления судебным правом и искажением советского правосудия.., получил приговор за несуществующие факты преступления. Я был взят в плен и 14 января 1952 г. приговорен по статье 58-4 (помощь, оказываемая международной буржуазии) к 25-летнему тюремному заключению... Прошу Вас пересмотреть мое дело. Я верю в справедливость и гуманность советского правосудия и надеюсь получить благоприятный для меня ответ»[10].

Были и другие, более активные формы протеста. В их числе – отказ от работы, подача жалоб в различные инстанции и т. д. Заключенный хабаровской тюрьмы № 1 Хамада Сэйити написал письмо бывшему тогда (март 1956 г.) Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову, в котором жаловался на тюремную администрацию и условия содержания. Хамада писал, что японцы военнопленные устроили в Хабаровске забастовку и не вышли на работы. В то время, как администрация отправляла работать даже больных, не обращая внимания на доводы заключенных, что невыход на работу военнопленными рассматривается как «единственный способ самосохранения», ибо «на следующий день после возвращения из плена в Японию нам придется работать и кормить свои се-

мы», что десять лет они отработали «покорно и честно» и «все ослабли физически».

Из кабаровского лагеря № 16, в котором содержалось несколько сотен японцев, на имя Председателя Совета Министров Н.А. Булганина было направлено письмо контр-адмирала Куроки Годзи и генерал-майора Сакама Кунъити: «В связи с насильственной отправкой властями лагеря больных и слабосильных на работу 19 декабря 1955 г. заключенные лагеря № 16, где мы находимся в настоящее время, обращаются с прошением об улучшении управления и обращения с японцами. Они уже имели переговоры с местными властями по поводу урегулирования этого вопроса, однако не пришли ни к какому решению. В данное время все японцы надеются на благоприятное решение вопроса только представителями Москвы. Мы глубоко обеспокоены дальнейшим развитием событий и считаем необходимым немедленное решение вопроса сточки зрения установления мира между советским и японским народами. Мы оба покорнейше просим Вас, Ваше превосходительство, прислать сюда немедленно представителя Вашего правительства» [11]. Письмо пришло в Москву в январе 1956 г., но до адресата не дошло, так как было переправлено в главную военную прокуратуру. К этому времени японские военнопленные не только отказались выходить на работы, но и объявили голодовку. Их уполномоченный Ёсида Сабуро предъявил властям следующие требования: «не выводить на работу больных с температурой выше 37, с кровяным давлением более 150 мм, а также страдающих невралгией, радикулитом, ревматизмом; переговоры с заключенными допускаются только на территории зоны; начальство не будет выявлять зачинщиков неповиновения и подвергать их наказанию» [12].

Японцы требовали и максимально ускорить репатриацию, мотивируя это тем, что «немецкие заключенные уже в Германии, а мы на Советский Союз не нападали. Почему же нас держат здесь?» – спрашивали они.

Несмотря на достаточно жесткое подавление этого бунта, японцы добились того, что уже 15 марта для всех заключенных был проведен медосмотр. Выяснилось, что 189 японцев – инвалиды или серьезно больны. Все они были переведены на усиленное питание.

Вероятно, бунт в Хабаровске ускорил освобождение 86 заключенных лагеря № 16 и возвращение их на родину. Однако организаторы бунта подпоручик Такано Харуо, Ёсида Сабуро, Тоса Тосио и Нува Тосио остались в тюрьме и были репатрированы в числе последних. Один из организаторов бунта – Такано Харуо был водворен в тюрьму 11 апреля 1956 г. сроком на 1 год с характеристикой: «С декабря 1955 г. по март 1956 г. от работы отказывался. Принимал активное участие в массовом неповиновении лагерной администрации, являлся активным участником «штаба сопротивления» [13].

Документы свидетельствуют, что участники хабаровского бунта не были единодушны. Среди них были осведомители, которые докладывали о ситуации в лагере администрации. Некоторые втайне от товарищей по заключению направляли из зоны записки, в которых заверяли власти в том, что они не поддерживают забастовщиков, но вынуждены им подчиняться под воздействием угроз и принуждения. 10 января 1956 г. такое письмо написал фельдфебель Курода Тосио: «Сейчас мои соотечественники-японцы, пребывающие в 1-м лагерном отряде, спровоцированные наглými военными преступниками-японцами, нарушили лагерную дисциплину и отказались от работы. Я как один из японцев искренне сожалею об этом и не знаю слов извинения перед советским народом и советским правительством. Это наглое выступление является самым гнусным делом... Если вы оцениваете мое честное признание и строгое соблюдение дисциплины в лагере и примете решение освободить меня досрочно, то это будет для меня величайшим счастьем!»

Противники бунта, а их было 28 человек, даже объединились и создали «демократическую группу», сделали подобные заявления. Каждый выбирал свой путь к скорейшему освобождению и возвращению на родину. Как показали дальнейшие события в Хабаровске, сговорчивых и послушных ожидало снисхождение, а непокорных – ужесточение режима и откладывание возвращения на родину.

Главной причиной возмущения японцев было их длительное удерживание в плену, когда основная масса военнопленных уже вернулась в Японию. Хабаровский бунт стал возможным лишь вследствие заметного ослабления режима после 1953 г.

До этого любое неповиновение пресекалось жестоко и решительно. Да и сама администрация лагерей опасалась допустить любое возмущение со стороны военнопленных, тщательно собирала информацию о недовольствах через осведомителей из числа самих японцев.

Не редкими, особенно в первые годы нахождения в СССР, были побегии японских военнопленных. Официальная статистика МВД в 1943–1948 гг. зафиксировала 11403 иностранных военнопленных, совершивших побегии из советских лагерей. Наибольшее число побегов приходилось на 1946 год – 5761. Мало кто из бежавших смог достичь поставленной цели. Из общего числа бежавших 10445 были задержаны, 292 убиты при задержании, 666 военнопленным удалось первоначально уйти от преследования, однако в последующем 316 человек были задержаны. Судьба еще 350 осталась неизвестной [14].

Военнопленный Листвянского лагеря № 5 (Иркутская область) Ивао Акай пытался совершить безрассудный побег зимой 1946 г., который был обречен на неудачу, поскольку путь до Японии был очень далек.

Но, видимо, таковы были условия лагеря, толкавшие людей, фактически, на самоубийства. Историк из Улан-Удэ О.Д. Базаров разыскал в архиве МВД Бурятии письмо, которое оставили беглецы одного из лагерей своим товарищам: «Господам командирам Мацуока, Исикава, Кимура и всем солдатам... Наконец, мы совершаем побег из Сибири, несмотря на то, что у нас не имеется ни одной географической карты... Мы хорошо знаем, что побег – это крайне легкомысленное действие. Но мы решили совершить побег, так как у нас физические силы с каждым днем слабеют, и мы думаем, что в конце концов умрем здесь. Пожалуйста, извините. Нам уже известно, что наш побег – наверное неудача, так как мы должны встретиться в лесах с волками, на пути – ГПУ и на границе – пограничная охрана... Мы идем своим путем, результаты которого уже известны» [15].

Побег пытались совершить Накамото Цуёси 1914 г. рождения, жил в Кумамото, Амакуса, деревня Горизэ, Кикицуги Ёсидзиро, 1911 г. рождения из г. Нагасаки и Ёсида Тэцуо, 1905 г. рождения из Миядзаки, Катакаси, деревня Яmano. Что случилось с этими военнопленными в дальнейшем – неизвестно.

За время существования лагерей в Иркутской области военнопленные пытались совершить побеги более 25 раз. В Бурятии из лагеря № 6 только в течение 1946 г. совершили побег 30 военнопленных. В 1947–1948 гг. здесь были лишь единичные случаи побегов (начавшаяся репатриация породила надежду на скорое возвращение домой). Для поимки беглецов на местах создавались специальные «бригады содействия» из числа местных комсомольцев и активистов. В одной только Бурятии их насчитывалось 45 общей численностью 645 человек. Осуществляя целенаправленный поиск, эти «бригады содействия» задерживали и бежавших ранее.

Например, при розыске военнопленного Мураками, бежавшего из 3-го лаготделения в Бурятии 15 апреля 1946 г. в 12 часов ночи, на частной квартире в Улан-Удэ «бригадой содействия» был задержан беглый военнопленный из 1-го лаготделения. В апреле того же года в д. Нижние Тальцы были арестованы двое неизвестных японцев, живших там около недели. В Бурятии были даже случаи, когда беглые японцы нанимались на работу к местным крестьянам, в надежде переждать зиму, заработать на одежду и пропитание для продолжения побега. Как правило, беглецы вскоре задерживались и возвращались в лагерь. Документы архивов свидетельствуют, что по России в каждом лагере в год было не более двух-трех попыток бегства. Беглецов находили в первые же дни [16]. Думается, что в действительности их было гораздо больше – лагерное начальство не было склонно афишировать все случаи побегов, это свидетельствовало бы об ослаблении режима и беспорядке в лагере.

Судьба многих беглецов была печальной. 24 декабря 1945 г. на Первомайском руднике (лагерь № 28, Бурятия) при побеге был застрелен военнопленный Хакураи Хидэо, уроженец г. Нагоя, 7 января 1946 г. в районе села Верхние Тальцы совершил побег с лесоповала Рэнко Нобору, 1925 г. рождения. При задержании был застрелен. 19 ноября 1946 г. в городе Гуси-ноозерске (Бурятия) в 23 часа 15 минут местного времени при попытке к бегству был смертельно ранен Миякава Цуёси, 1923 г. рождения уроженец г. Фукуока, префектура Явата. Были и другие случаи побегов, которые, впрочем, прекратились почти полностью с началом репатриации японцев на родину.

Один из драматических случаев побега описан в книге бывшего военнопленного, известного японского историка, археолога и антрополога Като Кюдзо. В Тайшетлаге бежали капрал Номикава Хатири, солдаты Миано Дайсабуро и Танно Гоити. Этот побег, в описании Като Кюдзо, сопровождался случаем канныбализма. «Намикава и Миано долго уговаривали Танно бежать с ними. Все это делалось ради того, чтобы убить его и съесть. Танно был убит топором сзади» [17]. Като Кюдзо считает, «что их план побега был слабо продуман. Неужели они надеялись, что им удастся пройти несколько тысяч километров через густую тайгу. Как могли они поверить в это! Хорошо известен случай, когда на Филиппинах, на острове Гуам лейтенант Онода и капрал Йокои прожили 30 лет в джунглях. Но в суровых сибирских условиях подобное было абсолютно исключено. Вряд ли по тайге можно далеко уйти от погони... Тайга – это тюрьма под открытым небом, разве могут беглецы выжить в ней, разве могут они выйти из нее живыми? Скорее всего, они умрут от голода или станут добычей волков и медведей» [18].

К побегам военнопленных побуждал суровый режим в лагерях и на работе. Охрану в зонах, при перевозках и на работе вели подразделения внутренних войск, которых не интересовало здоровье военнопленных, условия их жизни и работы. Главное для них заключалось в том, чтобы любой ценой не допустить побега. Внутри лагеря распоряжалась лагерная администрация, которая подчинялась местным управлениям внутренних дел. Зачастую охрана состояла из малообразованных, ограниченных и жестоких людей, развращенных атмосферой вседозволенности сталинских лагерей. Человек для них – будь то японец или русский, был лишь «лагерной пылью». Очевидцы рассказывали о многочисленных случаях избиения военнопленных, отбирания у них личного имущества конвоирами при «шмонах». Л.Д. Стасюк из Листвянки вспоминает: «Моя мама часто упрекала конвоиров, живущих в нашем доме, – зачем те так жестоко обращаются с японцами, а если бы вы оказались в плену, каково было бы вам?» [19].

Бывшему военнопленному Като Кюдзо особенно запомнилась унижительная процедура ежедневных обысков в лагере: «Нас выстраивали в пять рядов, и каждый стелил перед собой

одеяло, на котором раскладывал все свои личные вещи. Затем подходил офицер и строго смотрел, нет ли среди имущества военнопленного ножа, лезвия, лекарств, магнита, карты. Считалось, что эти вещи необходимы в случае побега. Как правило, на одеяло выкладывали пальто, перчатки, головные уборы, белье. Все было очень грязное. Комплект одежды каждого человека был зарегистрирован у советского офицера, каждый отвечал за имущество военнопленных. Если среди этих жалких пожитков, находили недозволенные предметы, их отбирали. Перед офицером приходилось отвечать, когда из имущества что-то пропадало. Кроме одежды военнопленным разрешалось иметь мешки, пустые консервные банки, деревянные ложки и кое-что еще. Консервные банки следовало заделывать так, чтобы о них нельзя было порезаться. У некоторых военнопленных было по 3, а то и по 10 таких банок для табака, сахара, соли. Хлеб и фотографии хранили в сделанных своими руками специальных мешках.

Проверка отнимала много времени. К концу на специальном одеяле, куда офицер кидал конфискованные вещи, вырастали горы разного барахла. Иногда здесь оказывался нож или серебряная цепочка от часов» [20].

Иногда бывало, что обыск был лишь предлогом для изъятия у военнопленных ценных или понравившихся конвою вещей. В одном из лагерных отделений Тайшетлага инструктор антифашистского отдела В.С. Червов, используя служебное положение, во время обыска военнопленных японцев обнаружил часы и присвоил их. «Чтобы не достались другому, я взял их себе», – объяснил он свои действия [21]. Во 2-ом строительном отделении этого же лагеря были случаи, когда «ответственные работники колонн отбирали деньги и вещи у японцев. Это влекло за собой недисциплинированность среди японцев» [22].

Побег из лагеря был лишь одной из форм протеста военнопленных против неволи и условий существования в лагерях. Особенно активно военнопленные стали роптать в 1948–1949 гг., когда началась массовая репатриация. Тем, кто задерживался в лагере, было непонятно, почему уезжают на родину одни, но в то же время остаются и продолжают работать в Сибири другие.

Согласно данным ГУПВИ в 1946–1956 гг. было убито при побегах, утонуло, покончили жизнь самоубийством 1046 японцев в лагерях ГУПВИ [23]. Обстоятельства побега были различные. В Карагандинской области Казахстана, по мнению авторов труда «Японские военнопленные в Карагандинской области», созданию условий к побегам способствовала и сама лагерная администрация, которая неточно выполняла приказы и инструкции. Идя навстречу хозяйственным органам, лагерная администрация выдавала военнопленных на рабочие объекты, не приспособленные для работы военнопленных. Военнопленные, к тому же, общались с местным населением, которое состояло преимущественно из высланных и спецпереселенцев и поэтому, в определенной своей части, лояльно было настроено к контингентам военнопленных. Поскольку это обстоятельство не учитывалось лагерной администрацией, то уже в 1945 г. только лагерь № 99 имелись 20 случаев побегов и попыток к побегам военнопленных и интернированных» [24]. 99-й лагерь был смешанный, здесь содержались и немецкие, и японские военнопленные. Характерно, что большинство побегов здесь совершали немцы. Японцы же были или более дисциплинированы, или осознавали безнадежность побега.

Предотвращать побегі должна была оперативно-чекістская работа администрации лагеря. Не меньшее значение отводилось и организации охраны военнопленных и интернированных. По аналогии с учреждениями ГУЛАГа вокруг лагерей военнопленных создавалась сеть лагерных ограждений. Согласно инструкциям НКВД, лагерная зона по периметру обносилась забором (в некоторых случаях – двумя или тремя) из колючей проволоки высотой 2,5 м. По периметру устанавливались вышки, оборудованные прожекторами, средствами связи и сигнализацией. Охрану военнопленных на территории лагерей (спецгоспиталей) осуществляли вахтерские команды. Вахтерский состав комплектовался как по призыву, так и по вольному найму через местные военкоматы за счет демобилизованных военнослужащих старших возрастов, а также за счет спецконтингента, т. е. солдат и командиров Советской Армии, проходивших фильтрацию в спецлагерях [25].

Некомплект конвойных войск и вахтеров способствовал тому, что японцы часто, особенно к концу 40-х годов были

расконвоированы. Существовало понятие «самоохраны», когда за сохранность контингента отвечали их же собственные офицеры. В лагерях в западной части страны создавались даже целые «команды самоохраны», которые получали небольшое денежное вознаграждение. Больше это было распространено в лагерях немецких военнопленных. В соответствии с утвержденным 27 июля 1949 г. «Положением о самоохране в лагерях МВД для военнопленных» в нережимных отделениях лагерей для несения службы по охране зон лагерных отделений, конвоированию пленных на работу и с работы, охране их на производстве стали организовываться команды самоохраны (КС). Команда самоохраны комплектовалась из числа проверенного антифашистского состава бывших солдат противника, как правило, владеющих русским языком и изъявивших желание нести службу в этих командах. Общая численность команды определялась из расчета один конвоир на 25 военнопленных [26].

В случае побегов, для поисков военнопленных могло привлекаться и местное население. По аналогии с ГУЛАГом, в окрестностях лагерей создавались бригады содействия (БС). Последние формировались на добровольных началах из партийно-комсомольского актива колхозов, совхозов, местных общественных организаций. Члены БС использовались для оцепления районов, куда предположительно бежали пленные; для наблюдения за дорогами и тропами, прилегавшими к лагерю; для прочесывания лесных массивов, где могли укрыться беглецы [27].

Впрочем, имеются и противоположные примеры. 16 мая 1946 г. с места работы на паровозоремонтном заводе в Улан-Удэ совершил побег Окуяма Сэйити, 1915 года рождения и через 8 дней был задержан в с. Баянгол Хоринского аймака. На допросе он показал, что в одном из населенных пунктов в 30 км от Улан-Удэ он двое суток работал в хозяйстве местного жителя. Последний снабдил японца продуктами питания на дальнейшую дорогу. Окуяма получал помощь и в других деревнях. В аналитической справке МВД это находит подтверждение: «...бежавшим военнопленным в период передвижения их по районам Бурят-Монгольской АССР, местное население вместо

задержания военнопленных, оказывает некоторую помощь в пути следования, снабжает их продуктами питания» [28].

В диссертации А.Л. Кузьминых приведена следующая статистика побегов из лагерей военнопленных: во-первых, количество беглецов в лагерях ГУПВИ было незначительным и составляло в среднем 2 чел. на тысячу военнопленных. Во-вторых, только 2,5 % беглецов удалось уйти от преследования. В 1947 г. из 2123 бежавших 57 чел. (2,7 %) были убиты при задержании, в 1948 г. из 574 – 10 чел. (1,7 %). При этом число японцев в общем количестве беглецов всех национальностей (немцы, венгры, румыны и др.) не превышало 3 % [29].

Вероятно один из последних побегов японцев был совершен в ночь на 3 августа 1952 г. из лагеря МВД № 16 (Хабаровский край). Побег совершили четверо осужденных военных преступников из числа бывших японских военнопленных. По результатам работы комиссии МВД СССР, направленной в Хабаровск для расследования обстоятельств побега, С.Н. Круглов подверг аресту сроком на 20 суток с содержанием на гауптвахте начальника лагеря, понизил в звании и снял с работы начальника лагерного отделения и его заместителя по оперативной работе, охране и режиму. Предупреждение о неполном служебном соответствии было вынесено начальнику УМВД Хабаровского края генерал-майору Цареву, исполняющему обязанности начальника УПВИ МВД СССР генерал-лейтенанту А.З. Кобулову было поручено разработать новую инструкцию по охране и режиму содержания военных преступников как контингента особой категории. Японских генералов, содержащихся в Хабаровском лагере № 16, в целях пресечения их влияния на остальных осужденных военнопленных, перевели для дальнейшего содержания в лагерь № 48 Ивановской области [30].

Таким образом, в лагерях японских военнопленных имели место разнообразные формы открытого протеста: явное вредительство и саботаж на производстве, целью которого был срыв производственных заданий; разные формы антисоветской агитации и пропаганды; членовредительство, обморожения и симуляция болезней; отказ от приема пищи и от работы под любым предлогом; сознательная порча оборудования и инструментов; попытки самоубийства; противодействие активистам и участникам лагерной программы индоктринации и т. д. Ла-

герные власти предпринимали различные меры для пресечения всех форм протеста. Виновные в саботаже военнопленные наказывались арестом на 10–20 суток, а наиболее злостные нарушители предавались суду военного трибунала, который мог лишить их свободы на срок до 10 лет с отбыванием его в исправительно-трудовых или режимных лагерях. Судебные процессы над военнопленными за умышленные нарушения лагерного режима были достаточно распространенным явлением в сибирских лагерях военнопленных вплоть до начала 1948 г.

Радикальной формой протеста, вследствие невозможности или нежелания адаптироваться в лагере, утраты надежды когда-либо вернуться на родину был побег из лагеря. Следует отметить, что в сравнении с военнопленными других национальностей, побегии японцев никогда не носили массового характера.

Список источников и литературы

1. Ходяков М.В. Побегии иностранных военнопленных из лагерей НКВД-МВД Эстонии в 1945–1949 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 222–249.
2. Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных (Цуруока) № 139. 1991. 5 ноября. С.16.
3. Там же. С. 17.
4. Там же. С. 17–18.
5. Там же. С. 19.
6. Там же. С. 19–20.
7. Базаров О.Д. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ, 1997. С. 79.
8. Архив МВД РБ. Ф. 57-Л. Оп. 1. Д. 6. Т. 1. Л. 44.
9. Там же. Д. 300. Л. 15, 18.
10. Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных (Цуруока). 1994. № 10. С. 26–27.
11. Там же. 1991. № 139. С. 17–18.
12. Там же. С. 16.
13. Там же.
14. Военнопленные в СССР 1939–1956 гг. Документы и материалы/ Под. ред. М.М. Загорюлько. М.: Логос, 2000. С. 36.
15. Архив МВД Бурятской Республики Ф. 57Л. Д. 11, Л. 163.
16. Там же. Д. 15. Л. 70.
17. Като Кюдзо. Сибирь в сердце японца. Новосибирск: Наука, 1992. С. 75.
18. Като Кюдзо. Сибирь в сердце японца. Новосибирск: Наука, 1992. С. 69, 74.
19. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену. Иркутск, 1997. С.140.
20. Като Кюдзо. Сибирь в сердце японца. Новосибирск: Наука, 1992. С. 62–63.

21. Государственный Архив новейшей истории Иркутской области. (ГА-НИИО). Ф. 4765. Оп. 1. Д. 60. Л. 15.

22. Там же. Д. 15. Л. 9.

23. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 4 / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004.

24. Японские военнопленные в Карагандинской области / Под ред. Н.О. Дулатбекова. Караганда, 2011. С. 367.

25. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.). Дис. д-ра ист. наук. Архангельск, 2014. С. 247.

26. Сидоров С.Г. Организация охраны военнопленных и борьба с побегами в лагерях НКВД–МВД СССР в 1941–1952 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2015. № 4 (34). С. 103–104.

27. Там же. С. 249.

28. Цит. по: Базаров О.Д. «Сибирское интернирование» японских военнопленных в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ, 1997. С. 80.

29. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.). Дис. д-ра ист. наук. Архангельск, 2014. С. 251.

30. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13). М.: Терра, 1996. С. 544–545.

УДК 94(47).084

Такэси ТОМИТА

Немецкие и японские военнопленные в СССР: сравнительно-историческая оценка

Аннотация: История пребывания немецких и японских военнопленных в СССР имела общие черты и отличия. И те и другие одинаково были заключены в лагерях, снабжались продовольствием, принуждены были работать и подвергались политической индоктринации. При этом смертность немецких военнопленных была выше, чем японских; немецкое антифашистское движение в лагере вначале имело целью свержение гитлеровской власти в Германии, а японское, после поражения Японии в войне, сначала имело цель демократизации страны.

Ключевые слова: человеческая репатриация, положения и указы о военнопленных, питание, болезни и смертность военнопленных, трудоустройство, антифашистское движение, контакты и взаимовосприятие.

Takeshi TOMITA

The German and Japanese prisoners of war in the USSR: comparative-historical assessment

Summary: The history of stay of the German and Japanese prisoners of war in the USSR had common features and differences. Both that and others have equally been imprisoned in camps, were victualled, have been forced to work and were exposed to a political indoctrination. At the same time mortality of the German prisoners of war was higher, than Japanese; the German anti-fascist movement in the camp aimed at overthrow of the Hitlerite power in Germany in the beginning, and Japanese, after defeat of Japan in war, at first aimed democratization of the country.

Keywords: human repatriation, provisions and decrees on prisoners of war, food, diseases and mortality of prisoners of war, трудоустройство, антифашистское движение, контакты и взаимовосприятие.

1. Статистика

До сих пор мало работ о сравнении немецких и японских военнопленных в СССР во время и после Второй мировой войны. Есть только книга швейцарского исследователя Daehler R. [4] и доклад автора этой статьи, сделанный на научной конференции в Университете Сэйкэй 8 августа 2015 г. [15].

Важными факторами, необходимыми для сравнения положения военнопленных обеих стран являются, по мнению автора, статистические данные, почерпнутые из архивных документов. Автор приводит следующие данные:

Таб. 1. Количество немецких военнопленных, взятых Красной Армией в 1941–1945 г. [7, с. 217–218].

Таб. 2. Количество немецких и японских военнопленных на 1 апреля 1946 г. [7, с. 255].

Таб. 3. Размещение немецких и японских военнопленных по республикам, краям и областям [7, с. 653–654; 292–293].

Конечно, данные архивных документов не всегда точны, однако они необходимы для исследования различных аспектов истории плена.

2. Общее и различия

а) Общее

Цель пленения солдат и офицеров немецких и союзных им армий, разумеется, – использование рабочих сил для восстановления разрушенного во время войны народного хозяйства СССР. Советская власть, особенно после победы в Сталинградской битве, начала использовать военнопленных немцев и других в угольной, металлургической, лесозаготовительной, отраслях, железнодорожном строительстве, а также и в других отраслях промышленности. Трудоиспользование военнопленных стало своеобразной «человеческой репарацией» за ущерб, причиненный немецкой армией. Несмотря на то, что японская армия не вторглась на территорию Советского Союза, Советская власть использовала военнопленных японцев точно так же, как «человеческую репарацию», в том числе и за дела давно минувших дней – интервенцию японской армии на советском Дальнем Востоке после Октябрьской революции и даже Русско-японскую войну 1905 года.

Все военнопленные находились под контролем НКВД (МВД с марта 1946 г.) в СССР в соответствии с «Положением о военнопленных» (от 1 июля 1941 г.) и «Положением о лагере для военнопленных» (от 23 сентября 1939 г.). Эти принципиальные положения в период 1941–1945 гг. дополнялись приказами, указаниями и инструкциями о содержании и трудоустройстве военнопленных. Например, о распределении военнопленных на группы в зависимости от их физического состояния (от 17 июля 1942 г.), об изменении нормы продовольственного снабжения для военнопленных (от 9–10 апреля 1943 г.), о сохранении физического состояния военнопленных (от 6 марта 1945 г.) и др.

Японские военнопленные подчинялись вышеуказанным положениям и приказам, хотя были такие особенности, как не присутствие национальных блюд в норме продовольственного снабжения (хлеб и картофель, рис).

Следует отметить, что эти правила не всегда соблюдали на местах в отношении как немецких, так и японских военно-

пленных. Военнопленные обеих стран были вынуждены работать более восьми часов, даже 10–12 часов под предлогом обязательного выполнения нормы выработки. При этом их кормили гораздо меньше, чем предполагала норма продовольственного снабжения, поэтому массовым явлением была дистрофия. Военнопленные не имели зимней одежды, а их бараки не были утеплены. В результате во всех лагерях реальный трудовой фонд военнопленных был гораздо меньше, чем списочный состав, а действительно работоспособные военнопленные не всегда выходили на работы. Производственные и строительные планы, как правило, не выполнялись.

Конечно, следует принимать во внимание, что несмотря на все тяготы военного времени, спустя некоторое время после окончания войны условия содержания военнопленных стали улучшаться. Используя дифференциацию питания по выполнению нормы выработки, а потом и дифференциацию зарплаты после денежной реформы в конце 1947 г., лагерным властям удалось повысить выход военнопленных на работу, возросла их производительность труда, хотя случаи саботажа и «туфты» продолжались.

Военнопленные вне рабочего время искали утешение, например, в шахматах, чтении книг, участии в хоре, футбольной игре и т. д. Возникли музыкальные и художественные группы или кружки в лагерях и лаготделениях. Одновременно лагерные власти использовали эти досуги для политического воспитания военнопленных. Антифашистские активы и их группы возглавили эту культурно-просветительную работу, выбирая просоветские темы и представляя программы так называемого «социалистического реализма».

Немецкие и японские военнопленные возвращались домой в большинстве в 1949–1950 гг. под давлением международной общественности и военнопленные, осужденные советскими трибуналами, возвращались в 1955–1956 гг. в результате нормализации дипломатических отношений – СССР, с одной стороны, ФРГ и Японии – с другой.

б) Различия

Несмотря на вышеуказанные сходства в положении военнопленных двух стран, есть и некоторые различия. Одно из них заключается в том, что военнослужащие армии Германии

были взяты в плен во время войны, а японские в большинстве своем – после капитуляции Японии 15 августа 1945 г. до оккупации всех Курильских островов 5 сентября.

Немецкие военнопленные, в том числе те, кто был в плохом физическом состоянии, должны были жить в советских лагерях в условиях крайнего недостатка продовольствия и одежды, при равнодушном, а порой и жестоким отношении к ним со стороны сотрудников лагерей. В 1943 г., в начале которого немецкая армия потерпела тяжелое поражение в Сталинграде, число военнопленных достигло до 227,440, а количество умерших из них достигло 119 322 (52,5 %) [10, 107]. В результате советские лагерные власти испытывали большие затруднения в своем стремлении принудить немецких военнопленных работать в рудниках, на стройках и заводах.

Японские военнопленные, менее привычны к морозу, чем немецкие. Особенно тяжелым для них оказался первый зимний период (1945–1946 гг.), но все же число умерших значительно – около 30 тыс. из 600 тыс. (5 %). Можно сказать, что советские лагерные власти, да и местное население вообще, относились более благодушнее к японцам, чем к немцам, потому что немецкая армия разрушила советскую территорию и уничтожила миллионы населения.

Кстати, часть японских военнопленных никогда не признавала себя военнопленными, настаивая на том, что они сдали оружие Советской Армии добровольно, согласно приказу императора. Они сохранили приверженность идее, вытекающей из приказа военного министра от января 1941 г., о том, что быть военнопленным – позор и пленному и его родственникам, солдатам лучше выбрать смерть.

Второе различие касается характера антифашистского движения. Первым антифашистским обществом немецких военнопленных – Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ), который был создан в июле 1943 г., главным образом из военнопленных, взятых в ходе Сталинградской битвы. Сталин разрешил его создание, считая, что для того, чтобы сокрушить гитлеровскую власть, нужны усилия не только всех стран, но и всех немцев, находящихся как внутри, так и вне Германии, в том числе и военнопленных. Это общество находилось под контролем коммунистов в Москве (Д.З. Мануильского

и Вальтера Ульбрихта), а его штаб находился в Красногоровском лагере под Москвой.

Оно состояло из коммунистов, социалистов, либералов-гуманистов, националистов и священников. Коммунисты играли главную роль в антигитлеровской пропаганде (выступали в газетах и в радиопередачах), в организациях военнопленных, но и другие играли немалую роль. Параллельно НКСГ существовал «Союз немецких офицеров» (СНО) во главе с генералом Вальтером фон Зейдлиц-Курцбахом, который имел определенное влияние на офицеров и солдат. Он упорно настаивал на идее неделимости территории Германии после окончания войны. Католический священник Й. Кайзер и руководимая им группа священников, в отличие от коммунистов и офицеров-националистов, взывали к совести немцев, требуя раскаяния в совершенных преступлениях против евреев и советского народа [2, с. 158–159].

Москве не нравилась самостоятельность поведения этой организации, поэтому Сталинское руководство заставило ее саморасформироваться в ноябре 1945 г. Это было сделано под предлогом ненужности национальной организации в условиях разделения Германии на четыре зоны [17, с. 34–52]. После роспуска НКСГ и СНО, антифашистское движение стало инструментом Коммунистической партии Германии (Социалистической единой партии Германии с апреля 1946 г.) и оккупационных властей в советской зоне. В западных зонах оно было подвергнуто репрессиям.

Японское антифашистское движение, имея вначале спонтанный характер как антимилитаристское движение, было постепенно возглавлено активом военнопленных под руководством политотделов лагерей. Оно приобрело настолько лояльный характер по отношению к советской власти, что направляло Сталину благодарные письма и плакаты накануне возвращения домой, в лагере его членов называли «цурусиагэ» (оголтелые критики так называемых реакционных элементов во время массовых митингов). Вместе с тем следует отметить, что участники «демократического движения», ведя свою деятельность, рассчитывали получить больше хлеба и ускорить срок репатриации [15, с. 285–286].

3. Взаимоотношения и взаимовосприятие

Как показывает таб. 3, немецкие военнопленные находились главным образом в европейской части, а японские – в Сибири и на Дальнем Востоке. Представители двух стран встретились только в лагере в Караганде (12 949 немцев и 11 805 японцев по состоянию на 1 января 1947 г.) [6, с. 528]. В офицерских лагерях соотношение японцев и немцев было таковым: в Елабуге 7340/9724; в Ладе 1500/7000; в Моршанске 7000/3000. Были они и в восточной части Украины (японцев здесь было совсем немного).

Хотя и немцы, и японцы содержались в одном и том же лагере (например, в Елабужском лагере), жили они в разных бараках. И только в спецгоспиталях те и другие жили вместе, как указывается в воспоминаниях Идзуми. В Спасском спецгоспитале Карагандинской области японцы были довольны питанием и медицинской помощью, которые были поручены здесь немецким поварам и санитарам. В целом немцы и японцы хорошо относились друг к другу [8, с. 73–74]. В офицерских лагерях японцы, которые могли говорить по-немецки, разговаривали с немцами. Были даже совместные концерты, хотя конечно руководимые и организованные немцами [1, с. 318, 325].

По воспоминаниям японцев, складывается такой образ немецкого военнопленного [3, с. 169–189; 14, с. 228]:

1) Немцы – гордый народ, относящийся с презрением к другим нациям. Они всегда говорили «мы потерпели поражение в войне, а не от русских».

2) Немцы хорошо знали Женевскую конвенцию о военнопленных, поэтому немецкие офицеры отказались работать. Японские же офицеры почти добровольно подчинились приказам и указам лагерных властей.

3) Так называемое демократическое движение среди японцев никогда не возникало среди немцев, которые никак не проявляли сочувствия к советскому строю и коммунистическим идеям.

Эти характеристики, особенно 2) и 3), были общеприняты в послевоенном японском обществе. Но немецкие военнопленные считали себя другими.

По воспоминаниям немцев [11, с. 369–382]:

1) Некоторые немцы получили немаловажные посты в лагерной иерархии (такие как бригадиры) и оказывали давление на своих соотечественников.

2) Немцы были достаточно эгоистичны, когда возникали споры и конфликты, которые не могли быть незаметны для представителей других наций.

3) Среди немцев были те, кто стал информаторами и осведомителями управлений лагерей для того, чтобы получать больше хлеба и ускорить их репатриацию.

Почему японцы оценивали немцев лучше, чем себя самих? Следует отметить, что взаимные контакты военнопленных ограничивались лишь офицерством. При этом японские офицеры чувствовали себя ниже, чем немецкие (ведь японская армия всегда старалась подражать и следовать примеру немецкой армии). Японские офицеры, которые сложили оружие почти без боя, переоценивали немецких, которые вели ожесточенные бои против Советской Армии до конца. Кроме того японские офицеры испытывали известное чувство стыда из-за того, что среди них значительное количество приняло участие в «демократическом движении».

Вышеуказанные образы, созданные на основе воспоминаний показывают (особенно 3), что группы военнопленных находились в одинаковом положении. Исследователи так оценивают положение немецких военнопленных в лагерях: «Вчерашний самоуверенный эсэсовец превращался в «развалину», впадая в апатию, пытался покончить с собой. Иной отбирал или воровал у товарищей голодную пайку, одежду и обувь. Самым ужасающим в первый год плена стал тот факт, что многие товарищи совершенно потеряли выдержку после того, как рухнули стоящие за спиной великая немецкая империя и ее вермахт» [5, ч. 1, с. 218].

4. Психология и менталитет военнопленных

Прежде всего, следует отметить, что не только японская, но и немецкая армия насадила в солдатах идею о невозможности и даже запрещении сдаваться в плен, подчеркивая, что военнопленные будут безусловно убиты. Попав в плен, солдаты были морально подавлены, считая, что опозорили себя. Бывший немецкий военнопленный Й. Хендрикс пишет в своих воспоминаниях: «Я видел только дюжину бледнолицых, с впалыми

щеками людей, смотрел в их безучастные и большей частью тупые, бородатые физиономии. В них отражался глубочайший и безнадежный мрак» [13, с. 174]. Японские военнопленные были в том же физическом и психологическом состоянии.

Главным законом лагерной жизни был принцип «выжить любой ценой». Хендрикс продолжает: «Они взаимно подозревали друг друга, мелочно, как попрошайки, ругались за каждую крошку хлеба, с жадностью поедали водянистый суп из жестяных или деревянных мисок. Изогранным ритуалом было у них точнейшее распределение скудных продуктов питания, при этом у них, как у собак Павлова, слюна стекала из уголков рта» [13, с. 174–175].

Борьба за существование, конечно, имела место среди японских военнопленных и довольно типичная картина изображена в рисунке Исаму Ёсида «Распределение продовольствия». Воровство хлеба у своих товарищей стало обычным делом, а кто-то даже ожидал смерти соседа в надежде заполучить его хлеб. В японских воспоминаниях такая моральная дегенерация нередко называлась «падение в *Гаки-до*» (буддистский ад).

Как военнопленные выжили в таких тяжелых условиях? Один бывший немецкий военнопленный пишет в своем воспоминаниях: «Они пытались исследовать духовные основы враждебного мира, в котором они оказались, изучали язык власть держащих, стремились обосновать существо страны и людей, насколько это было возможно из литературы, истории и, при случае, личных контактов. Воля к жизни, образование и способность занять себя духовно, склонности и дарования, которые выходили за пределы профессиональной сферы, оказались там средством защиты» [Цит. по: 5, ч. 1, с. 221].

Те, кто пережил апатию, одиночество, и взаимное недоверие, называли свою лагерную жизнь «школой или университетами». Один бывший немецкий военнопленный пишет в своих воспоминаниях: «Я овладел новым знанием, критическим чувством и осознал, что я мог никогда не узнать так много о человеческой жизни, находясь в свободном, внешнем мире. Здесь, в аду страданий, я слышал от других о тяжелых испытаниях, по сравнению с которыми мои собственные переживания казались ничтожными. Я даже достиг состояния внутреннего спокойствия» (Цит. по: 13, с. 180).

Некоторые бывшие японские военнопленные тоже характеризуют свою лагерную жизнь. Ито Тосио, который был заключен в лагере № 32 (в г. Иркутск), пишет о «первичной демократии, в которой он и его товарищи впервые узнали радость дискуссий, запрещенных в довоенном милитаристском обществе и особенно в армии» [9, с. 223]. Известный антрополог-археолог Като Кюдзо, несмотря на то, что он подумывал о том, что военнопленные утрачивают человеческие качества (он узнал о факте каннибализма военнопленных в его колонне лагеря № 7 (Тайшетлаг), всегда называл жизнь в Сибири «своим университетом» [12, с. 20–35].

Список литературы и источников

1. Араки Иосио. Сорэн ни окэру хорё-нисси, Хорё-тайкэн-ки, т. 3, Токио, 1984. (Дневник военнопленного в СССР, в «Записки военнопленных в СССР»).
2. Борозняк А.И. Священник Кайзер: «NITSCEWO!». Тимофеева Н.П. (под ред.) Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний. Воронеж, 2010.
3. Гото Тосио. Сибиря Укураина: Ватаси но Хорё-ки, Токио, 1985. (Мои записки военнопленного: в Сибири и на Украине.)
4. Daehler Richard. Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1945–1956, Vergleich von Erlebnisberichten, Wien/Zurich, 2007.
5. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Военнопленные в Сибири 1943–1950 гг. Историческое исследование и документальные материалы. Новосибирск, 2014.
6. Японские военнопленные в Карагандинской области / Под ред. Н.О. Дулатбеков. Караганды, 2011.
7. Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорюлько. Москва, 2000.
8. Идзуми Масаюки. Супасуку бэин-дай 22 сюидзо, Хорё-тайкэн-ки, т. 5, Токио, 1986. (Спасский спецгоспиталь – лаготделение № 1 // Записки военнопленных в СССР).
9. Ито Тосио. Сироки Ангара-гава: Ирукуцуку даи-ити хорё-сюэдзо-но кироку. Токио, 1979. (Белая река Ангара: запись военнопленного в лаготделении № 1 Иркутского лагеря).
10. Карнер Стефан, Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе 1941–1956. Москва, 2002. (Оригинал на немецком языке, Вена, 1995).
11. Carell Paul, Boeddeker Gunter, Die Gefangenen, Frankfurt am Mein, Berlin/Wien, 1980. (Translation into Japanese, 1986).
12. Като Кюдзо. Сибиря-иокурю ха фийлудо-ваку, *Кокен*, Токио, 2010. (Интернирование в Сибири явилось исследованием на месте).
13. Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: социально-психологический аспект проблемы // Новая и новейшая история. 2006. № 1.

14. Судзки Тосио. Урару во коете. Хорё-тайкэн-ки, т. 3, Токио, 1984. (За Урал // Записки военнопленных в СССР.)

15. Такасуги Итиро. Кёкко-но кагэни: Сибиря хорё-ки, Токио, 1950 (Во тьме под северным сиянием: Записки из сибирского плена).

16. Томита Такэси. Нихондзин-Доицудзин хорё-но Сорэн ёкюрю Хикаку (Немецкие и японские военнопленные в СССР: сравнение).

17. Хавкин Б.Л. Национальный комитет «Свободная Германия» и попытка создания немецкого антигитлеровского правительства // Новая и новейшая история. 2015. № 4.

История репрессивной политики в лицах

УДК 947

В.В. Горохов

«Умер в исправительно-трудовом лагере»: жизнь и трагическая судьба военного прокурора Черноморского флота П.С. Войтеко

Аннотация: Статья посвящена процессу политических репрессий на Черноморском флоте в период большого террора 1937–1938 гг. Архивные документы свидетельствуют, что не все работники военной юстиции в тот период были безвольными исполнителями воли военно-политического руководства. Одним из таких был военный прокурор Черноморского флота Войтеко Павел Станиславович, который отличался бескомпромиссностью в вопросах соблюдения законности, пытался противостоять чинимому органами НКВД произволу. Часть приведенных в данной статье документов вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: командно-начальствующий состав, военный прокурор, Черноморский флот, особый отдел, арест, исправительно-трудовой лагерь.

V.V. Gorokhov

«Has died in labor camp»: life and tragic destiny of the military prosecutor of the Black Sea Fleet P.S. Voyteko

Abstract: the Article is devoted to the process of political repression on the black sea fleet in the period of the great terror of 1937-1938 Archival documents indicate that not all workers of military justice in that period was limp executors of the will of the military-political leadership. One of them was the military

Prosecutor of the black sea fleet Voytko Pavel Stanislavovich, which is characterized by uncompromising in upholding the rule of law, tried to resist perpetrated by the NKVD arbitrariness. The part outlined in this article, the documents introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: command and commanding staff, the military Prosecutor, the black sea fleet, the special unit, arrest, forced labor camp.

Кадровые чистки 30-х годов прошлого века коснулись всех слоев и «этажей» советского общества. Не обошли они стороной и Военно-Морские силы РККА и Военно-Морской Флот СССР, прежде всего их командно-начальствующий состав. Всего же в тот период были репрессированы по политическим причинам около 3000 военных моряков¹.

Особенно трагически сложились судьбы первостроителей Красного Флота, его первых флагманов и военных комиссаров.

Изучение различных материалов позволяет сделать вывод о том, что в результате репрессивной политики в отношении командного состава армии и флота были погублены в подавляющем большинстве невинные люди, чья вина состояла в том, что они когда-то служили в императорском флоте, имели родственников за границей или не ту (не советскую) национальность, поддерживали отношения с теми, кто был объявлен «заговорщиками и врагами народа» или критически оценивали политику партии и советского правительства.

Под нажимом следователей НКВД арестованные командиры признавались в том, чего на самом деле не совершали. Осуждать флотских командиров, не выдержавших издевательств садистов-следователей, нельзя, тем более что впоследствии многие из них от своих первоначальных показаний отказались. Из множества загубленных судеб следует выделить тех, кто ни при каких условиях и вопреки применяемым к ним физическим и другим воздействиям остались при своем мнении и не подписали никаких изобличающих их как политических преступников документов. Одним из таких был командующий Черноморским флотом флагман флота 2 ранга Кожанов Иван Кузьмич. Он являлся членом Военного совета при НКО СССР с ноября 1934 г. И.К. Кожанов принимал участие в разработ-

ке способов применения подводных лодок, морской авиации, торпедных катеров и других перспективных средств войны на море, уделял большое внимание оперативно-тактической и боевой подготовке флота, взаимодействию его с армией.

И.К. Кожанов был арестован 5 октября 1937 г. по обвинению в контрреволюционном преступлении. Он был осужден 22 августа 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по статьям 58-1а, 58-8, 58-11 УК РСФСР «как участник военно-фашистского заговора» и приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Реабилитирован И.К. Кожанов 7 июля 1956 г. той же судебной инстанцией².

И.К. Кожанов – один из тех немногих арестованных, кто не давал показаний, обличающих других, не позволял он и клеветать на себя. Ни во время следствия, ни в суде он не сломался, что в то время было большой редкостью, и виновным себя не признал. Сегодня можно утверждать, что именно позиция флагмана флота 2 ранга И.К. Кожанова, его мужество и стойкость не позволили органам НКВД организовать процесс о «военно-фашистском заговоре на флоте».

Но не все из окружающих спешили обвинить его в антисоветской деятельности. Принципиальную позицию занял военный прокурор Черноморского флота бригадвоенюрисст Павел Станиславович Войтеко. Он неоднократно пресекал попытки особистов чинить произвол над подследственными, и в связи с этим сам был репрессирован. Он оказался одним из немногих юристов, кто нашел в себе мужество открыто выступить против репрессий. И это на самой вершине, когда подобное выступление можно было заведомо отнести к категории самоубийственных.

Войтеко Павел Станиславович родился в 1894 г. в деревне Гирегейки Паневежского уезда Ковенской губернии. В декабре 1914 г. призван в армию. Участник Первой мировой войны. Воевал на Кавказском фронте, был рядовым и ветеринарным санитаром. Последняя должность в русской армии – младший ветфельдшер. С ноября 1917 г. состоял в Красной гвардии г. Осташково – красногвардеец 1-го Советского красногвардейского полка. С мая 1918 г. занимал различные должности военных комиссаров в Красной Армии. В сентябре 1924 г. назна-

чен помощником военного прокурора Кавказской краснознаменной армии. В дальнейшем служил в должности военного прокурора, что говорит о его профессиональном росте и высокой квалификации, знании своего дела, уважении и доверии вышестоящего командования. С февраля 1931 г. – помощник (заместитель) военного прокурора, затем военный прокурор Морских сил Балтийского моря³.

Военюрист П.С. Войтеко был назначен на должность военного прокурора ЧФ в октябре 1933 г. После прибытия в Севастополь, Павел Станиславович представился командованию флота в лице комфлота И.К. Кожанова и начальника политуправления Г.И. Гугина. С ними у него сразу же установились деловые взаимоотношения. Член ВКП(б) с дореволюционным стажем, активный участник Гражданской войны, имевший опыт не только прокурорской, но и партийно-политической работы, П.С. Войтеко быстро нашел общий язык с членами Реввоенсовета ЧФ, работниками штаба и политуправления флота.

Павел Станиславович старался как можно подробнее ознакомиться с оперативной обстановкой на кораблях и базах, не задевая при этом самолюбия работников особого отдела ОГПУ. Он помнил, что в его последней, в целом положительной аттестации отмечен один единственный «недостаток»: будучи заместителем военного прокурора КБФ, «излишне обострял отношения с Особым отделом Балтийского флота»⁴.

Наслышанные о бескомпромиссности нового военного прокурора Черноморского флота работники штаба отнеслись сначала к Войтеко настороженно. Однако со временем, как казалось руководству флота и Главной военной прокуратуре, отношения представителей двух ведомств наладились – прокуратура и Особый отдел решали все вопросы, исходя из интересов службы, руководствуясь законом и соответствующими уставными положениями. Дела у прокурора ЧФ, по оценке руководства главной военной прокуратуры, шли вполне удовлетворительно. В 1936 г. П.С. Войтеко было присвоено воинское звание бригавоенюрист⁵.

Однако «гармония» взаимоотношений флотского прокурора и особистов была нарушена к 1936 г. Обусловлено это было тем, что проявляя партийную и профессиональную принци-

пиальность, П.С. Войтеко не допускал нарушений законности в следственной практике, не давал санкций на аресты людей, если не имелось достаточных к тому оснований, прекращал необоснованно возбужденные дела. Отметим, что случаи подобного рода в то время встречались все чаще.

Например, в сентябре 1936 г. Особым отделом НКВД Черноморского флота был арестован краснофлотец М. Богдан. Он обвинялся в контрреволюционном преступлении. Богдан якобы неодобрительно высказывался о методах коллективизации и военного строительства в СССР. Однако доказательств, подтверждающих хотя бы один факт враждебной деятельности краснофлотца, в деле не было. Поэтому прокурор ЧФ П.С. Войтеко отказался утвердить обвинительное заключение по делу М. Богдана. Этот случай обострил отношения между прокурором и особистами флота.

С началом 1937 г. обстановка в стране еще более накалилась. Начались массовые репрессии в армии и на флоте, но прокурор ЧФ бригадюр юрист П.С. Войтеко по-прежнему не изменял своим принципам.

В мае 1937 г. Павел Станиславович отказал в даче санкции на арест бывшего работника Ялтинской типографии Деревягина, который, согласно версии следователя особого отдела ЧФ, был завербован «еще до 1932 г. неким Прокудиным для совершения террористического акта над вождем народа товарищем Сталиным»⁶. Этот случай через год еще вспомнят чекисты, арестовав П.С. Войтеко.

Подобных актов незаконных арестов и методов ведения следствия особистами флота было несколько десятков. Поэтому, естественно, что принципиальная позиция «законника-прокурора» расходилась с указаниями наркома НКВД Н.И. Ежова, требовавшего усилить работу по искоренению врагов народа, проникших во все поры советского общества.

Примечательным образчиком, характеризующим обстановку в Крыму того времени, является донесение тогда еще заместителя начальника Особого отдела ЧФ А.А. Исакова на имя наркома внутренних дел Крымской АССР старшего майора ГБ К.А. Павлова. Вот что говорится в этом документе: «В прошлом под давлением Войтеко среди работников Особого отдела ЧФ культивировалось бесхребетно-либеральное отношение к аре-

стованным, категорически было запрещено допрашивать после 12 часов ночи. Вместо выработки у следователей упорства, напористости при допросах насаждалось елейно-добродушное, беззубое отношение к арестованным. В этом же направлении строился и тюремный режим. Совершенно естественно, мы не могли мириться с таким положением вещей и вопреки требованиям прокурора Войтеко поломали эту вредную систему. Кроме уже отмеченной практики Войтеко, выражающейся в либеральном отношении к арестованным, мы располагаем данными, дающими основание считать, что такой стиль работы не случаен и что Войтеко не заслуживает политического доверия»⁷.

С начала лета 1937 г. противостояние прокурора П.С. Войтеко и уже к тому времени начальника ОО НКВД ЧФ А.А. Исакова стало откровенно враждебным. Об этом Павел Станиславович сообщил в парткомиссию флота. Одновременно он доложил Главному военному прокурору РККА Н.С. Розовскому следующее: «К сожалению, не всегда и не все товарищи правильно и самокритично воспринимают прокурорские указания, в отместку возводят необоснованные обвинения против меня. В подтверждение можно привести хотя бы то, что процент переквалифицированных дел по Особому отделу ЧФ доходил до 60 %, не меньше было зарегистрировано мною необоснованных арестов. А ведь всякий необоснованный арест – это еще большее зло для социалистической революции, чем несвоевременное выявление врага»⁸.

Реакция Главного военного прокурора РККА Н.С. Розовского была характерной для того времени: копию доклада П.С. Войтеко он направил наркому НКВД Н.И. Ежову. В итоге как по замкнутому кругу эта копия попала в руки начальника Особого отдела ЧФ НКВД А.А. Исакова. На такую оценку собственных действий со стороны прокурора ЧФ, начальник ОО ЧФ среагировал тем, что сориентировал весь аппарат Особого отдела флота на поиск «доказательств» антисоветской деятельности П.С. Войтеко. С тех пор все чаще указания «ретивого законника» просто напросто игнорировались особистами флота с молчаливого согласия прокурора Крыма и наркома внутренних дел Крымской АССР.

Следователи НКВД постепенно стали накапливать компромат на Павла Станиславовича. Недовольство его работой со стороны центрального аппарата НКВД в это же время шло с возрастающим недовольством и работой руководства Черноморского флота. После завершения открытого судебного процесса над группой военачальников во главе с маршалом Советского Союза М.Н. Тухачевским начались аресты и среди командно-начальствующего состава ЧФ.

Однако П.С. Войтеко, судя по имеющимся в его архивно-следственном деле документам, сдаваться и не помышлял. Будучи уверенным в своей правоте, но практически бессильным в борьбе с беззакониями, допускавшимися работниками Особого отдела ЧФ и Управления НКВД Крымской АССР, Павел Станиславович в очередной раз обратился за поддержкой к Главному военному прокурору РККА Н.С. Розовскому, надеясь на справедливое решение в отношении многих командиров Черноморского флота. Сегодня нужно признать, что его послы к справедливому решению в отношении арестованных были бессмысленны и навлекли на него самого гнев руководителей.

В своих обращениях Павел Станиславович приводил многочисленные факты грубого нарушения законности, допускавшиеся при расследовании дел в отношении арестованных по подозрению в совершении контрреволюционной деятельности.

Так, П.С. Войтеко сообщал в Главную военную прокуратуру в отношении интенданта 2 ранга А.А. Успенского следующее: «...применялись угрозы расстрела без суда и следствия, доведения до смерти сидением на табурете, в котором защемлялись ягоды. Все это и угрозы арестовать семью поставили перед ним дилемму: или умереть на следствии без возможности реабилитации, или пойти на все требования следствия, с тем, чтобы на суде вскрыть истинное положение дел. Прошу принять меры»⁹.

Несмотря на многие обращения П.С. Войтеко, отмеченные им командиры были репрессированы. И только спустя 20 лет, в 1956–1957 гг., большинство были реабилитированы посмертно.

Для самого Павла Станиславовича борьба с органами госбезопасности в отношении соблюдения законности при проведе-

нии следствия по делам арестованных военнослужащих Черноморского флота также закончилась трагически. 9 февраля 1938 г. начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар ГБ 3 ранга Н.Г. Николаев (Журид) направил представление Генеральному прокурору СССР А.Я. Вышинскому письмо с просьбой дать санкцию на арест военного прокурора Черноморского флота бригадвоенюриста П.С. Войтеко, который, по мнению и оценке главного особиста страны, «культивировал либеральное отношение к арестованным, тормозил ведение следствия, запрещал допрашивать арестованных после 12 часов ночи»¹⁰.

Но изначально Вышинский такую санкцию тогда не дал. Даже Генеральному прокурору СССР так просто это нельзя было сделать: все-таки Войтеко был прокурором флота, членом партии с дореволюционным стажем. Кроме того, по должности он был причислен к номенклатуре ЦК ВКП(б). Да и оснований для его ареста было не достаточно. Поэтому 25 июля 1938 г. П.С. Войтеко был освобожден от занимаемой должности. При этом в приказе по ГВП не были указаны причины отстранения. Поэтому 14 августа того же года Войтеко обжаловал это решение в вышестоящей инстанции (в письме Вышинскому), а сам срочно выехал в Москву. В своей жалобе Павел Станиславович утверждал, что решение об освобождении его от занимаемой должности было основано на интригах особистов и Главного военного прокурора РККА. Причину своего увольнения он сформулировал так: «Благодаря кляузам и нечестности некоторых севастопольских работников Особого отдела и личных происков товарища Розовского».

Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский переправил жалобу П.С. Войтеко Главному военному прокурору РККА Н.С. Розовскому, а тот, ознакомившись с документом 20 августа 1938 года, принял свое решение. Согласно оставленной 20 августа 1938 года Н.С. Розовским визе на письме с жалобой П.С. Войтеко, последний был направлен на освидетельствование Гарнизонной врачебной комиссией «в виду увольнения его из РККА».

Этим событиям предшествовала еще одна докладная записка на имя А.Я. Вышинского, теперь уже от начальника Управления особых отделов НКВД СССР комбрига Н.Н. Федорова. В ней сообщалось, что в отношении Войтеко получены допол-

нительные данные от бывшего начальника политуправления ЧФ П.М. Фельдмана. Тот на допросах показал, что прокурор флота оставался «неразоблаченным участником антисоветского заговора и имел тесную связь с врагами народа Кожановым и Гугиным». Вот после этого органами НКВД была получена санкция на арест П.С. Войтеко.

В полночь с 25 на 26 августа 1938 г. в номер московской гостиницы по Староконюшенному переулку, 33, где остановился Павел Станиславович Войтеко, вошли сотрудники НКВД Ковалев и Калганов, которые предъявили бывшему прокурору ЧФ ордер № 1077 на арест и обыск. Этот ордер был датирован 25 августа и подписан неизвестно кем (чекисты сказали – самим Ежовым), без указания мотива ареста и санкции прокурора.

С первых дней пребывания П.С. Войтеко в тюрьме на него было оказано мощное физическое и психологическое давление. В результате трехсуточных истязаний, «стойек» и постоянного крика, Павел Станиславович дал так называемые «признательные показания» на 79 листах. В них он каракулями написал, что «подтверждает» показания ранее арестованных на флоте «врагов народа». После этого следователи НКВД оставили П.С. Войтеко в покое на некоторое время.

Однако вскоре, преодолев шоковое состояние, Павел Станиславович категорически отказался от написанного. Сидя в тюрьме, он все-таки собрался с силами и опроверг клевету и наветы. Но и следователи не отступали от задуманного. Они продолжали копить компромат, собирать обвинительные факты и признательные показания других арестованных.

Следователям понадобился почти год для того, чтобы сформулировать обвинительное заключение. В нем говорилось: «Следствием установлено, что Войтеко являлся участником антисоветского военного заговора, проводил враждебную работу по сохранению заговорщических кадров РККА, смазывал судебные дела по контрреволюционным преступлениям»¹¹.

Направив дело бывшего прокурора ЧФ П.С. Войтеко в Военную коллегия Верховного суда СССР, следователь Особого отдела ГУГБ НКВД СССР старший лейтенант ГБ Рожавский был уверен в скором окончании этого процесса, т. к. обычно дела участников антисоветских организаций заканчивались приговором к высшей мере наказания – расстрелу. Однако во время

судебного заседания Военной коллегии Верховного суда (ВК ВС) СССР произошло непредвиденное. Выслушав подсудимого, рассказавшего о пытках и других нарушениях законности со стороны органов следствия и заявившего, что материалы его дела сфальсифицированы, суд 8 августа 1939 г. вынес определение о направлении дела на доследование.

Следователям потребовалось еще полгода усиленной «работы» с непокорным бывшим прокурором Черноморского флота П.С. Войтеко, прежде чем состоялся суд, на котором он даже не мог стоять на ногах из-за побоев (по свидетельству секретаря судебного заседания военюриста 3 ранга Бычкова).

Второе заседание Военной коллегии Верховного суда СССР по делу П.С. Войтеко состоялось 28 февраля 1940 г. На этом заседании ВК ВС СССР в составе: председатель – бригвоенюрист Кандыбин, члены – бригвоенюристы Суслин и Детистов, снова был заслушан обвиняемый. Павел Станиславович Войтеко заявил следующее: «Виновным себя не признаю. Собственноручные показания дал после избиения и под диктовку следователя. Я не в силах был больше оказывать сопротивление следователям»¹².

По существу предъявленного обвинения он пояснил, что никаких установок от Кожанова и Гугина на «смазывание» дел антисоветского порядка, и в частности о троцкистах, не получал; ни о каких преступных действиях этих лиц не знал; особый отдел ЧФ тоже не имел материалов или иных разработок на них; о нарушениях социалистической законности следователями Особого отдела флота писал в Центр и в Главную военную прокуратуру.

В последнем слове Войтеко сказал, что должностные проступки в его работе возможно и были, но «уголовных преступлений, а тем более антисоветских, я не совершал, врагом народа не был. Прошу суд меня оправдать, так как я ни в чем не виноват»¹³.

Несмотря на то, что в ходе доследования никаких объективных доказательств виновности подсудимого добыто не было, а сам П.С. Войтеко продолжал столь же самоотверженно бороться против возводимой на него напраслины, обличал следователей НКВД в применении «физических методов», второй судебный состав Военной коллегии Верховного суда СССР (Кан-

дыбин, Суслин, Детистов), грубо нарушив требования УПК, без достаточной проверки достоверности обвинений Войтеко, вынес ему обвинительный приговор. К расстрелу приговорить его, видимо, не решились. Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 февраля 1940 г. Павел Станиславович Войтеко приговорен к 15 годам ИТЛ с последующим поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества, лично ему принадлежащего, срок подсудимого Войтеко с зачетом предварительного заключения исчислять с 25 августа 1938 г. «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит». Эта формула превращала осужденного в обреченного. Отныне все юридические возможности пересмотра приговора и реабилитации исключались.

Но там, где бессильно право, решает власть. И Войтеко обращается к ее высшему носителю. 24 марта 1940 года он пишет письмо Сталину, которое не осталось без внимания. Главная военная прокуратура получает указание разобраться и принять предусмотренные законом меры.

Военюристу 1 ранга Заварзину поручается изучить дело и представить свои соображения. Непродолжительное время спустя в деле военного прокурора Черноморского флота появляется документ за подписью Заварзина: «Считаю: Войтеко осужден правильно. Оснований для принесения протеста нет».

Так завершился неравный поединок военного прокурора с «блюстителем закона». Дальнейшую свою судьбу Павел Станиславович Войтеко разделил с теми, кого безуспешно пытался защитить. Можно отметить, что находясь в местах заключения, П.С. Войтеко продолжал бороться (неоднократно писал апелляции, жалобы, требовал пересмотра дела), но подвело здоровье. Его последние следы затерялись в Сибири, на этапе в Норильлаг¹⁴. В этих лагерях он и умер 20 марта 1945 г.

Посмертно П.С. Войтеко был реабилитирован 13 июля 1957 года¹⁵.

Список использованных источников и литературы

1. История флота государства Российского / Зимонин В.П., Золотарёв В.А., Козлов И.А., Шломин В.С. В 2 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1. С. 451.
2. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА 1937–1941. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012. С. 37.
3. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА 1937–1941. Комбриги и им равные. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2014. С. 487.

4. Близниченко С.С. Боевая летопись Военно-Морского Флота Советского Союза: потери в результате репрессий 1930-х годов. Изд-во ГОУ ВПО «КубГТУ», 2010. С. 133.
5. Они не молчали / А.В. Афанасьев. М.: Политиздат, 1991. С. 227.
6. Указ соч. С. 228.
7. Указ соч. С. 228.
8. Указ соч. С.229.
9. Указ соч. С. 229.
10. Указ соч. С. 229.
11. Указ соч. С. 230.
12. Указ соч. С. 230.
13. Указ соч.С. 231.
14. Военно-политическое обозрение 2014. 04. 01.
15. АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 24642. Л. 1–3, 9.

9(571.5(092)Занданов

Л.В. Занданова

**Организация политических процессов и репрессии 1937–1938 гг.
в Восточной Сибири
(по материалам следственного дела Н.И. Занданова)**

В статье на достоверной источниковой базе показана судьба одного из тысяч трагически погибших в годы политических репрессий 1930-х гг. сыновей бурятского народа – Никиты Ивановича Занданова.

Основным источником для написания статьи стало следственное дело Н.И. Занданова, хранящееся в архиве ФСБ. Также привлечены другие разноплановые источники, что позволило воссоздать картину фальсификации политических процессов в Восточной Сибири в 1937–1938 гг. и показать обстоятельства смерти Н.И. Занданова, обвинённого в троцкизме, шпионаже и панмонголизме.

Ключевые слова: Никита Иванович Занданов, история бурятского народа, политические репрессии 1937–1938 гг. в СССР, троцкизм, панмонголизм, следственное дело, исторический источник, Восточная Сибирь, Иркутская область, Бурят-Монгольская АССР.

The organization of political processes and repression in 1937–1938 years in Eastern Siberia (according investigation file of N.I. Zandanov)

The article, based on reliable sources, shows the fate of Nikita Ivanovich Zandanov – son of the Buryat people – one of the thousands of people, who tragically died during the political repression in 1930s.

Main source for the article is his investigation file, stored in the archive of FSB. It is also involved many other diverse sources, which allowed recreating a picture of falsifying political processes in Eastern Siberia in 1937–1938 years. The article shows the circumstances of death of N.I. Zandanov. He was accused of Trotskyism, Panmongolism and espionage.

Keywords: Nikita Ivanovich Zandanov , history of the Buryat people, political repression in 1937–1938 years in USSR, Trotskyism, Panmongolism, investigation file, historical source, Eastern Siberia, Irkutsk region, Buryat-Mongol ASSR.

В нашей семье в маленьком портфеле, принадлежавшем учителю истории Владимиру Ивановичу Занданову, хранятся свидетельства трагедии его семьи, которую пытались стереть с лица земли в конце 1930-х годов. Ему, восемнадцатилетнему юноше, чудом удалось избежать участи своих родных: отца, брата, двоюродных братьев, дядей. Всего в этом скорбном списке – 11 человек. Честные имена невинно репрессированным в 1937–1938 гг. членам семьи В.И. Занданов смог восстановить только в период массовой реабилитации жертв политических репрессий в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Именно в это время были обнаружены места захоронений в районе посёлка Пивовариха под Иркутском, что дало основание считать, что в этих рвах могут находиться и тела его родственников. Владимир Иванович получил на руки документы о реабилитации и установил скромную памятную дощечку на мемориальном комплексе. В этом списке и самые его близкие родственники: отец, Иван Алексеевич, и брат Никита. Вся жизнь Владимира Занданова, фронтовика, ветерана труда, была наполнена скорбной памятью об этой трагедии, желанием передать эту память другим людям.

Цель данной статьи – собрать воедино разрозненные сведения о дорогом нам человеке, боль от утраты которого не утихает до сих пор; попытаться понять суть происходившего в нашей стране в тот период; показать глубину трагедии всего народа, в целом, и отдельной семьи, в частности. Однако в первую очередь хочется показать нашим современникам и потомкам, какие яркие люди сгорели в костре фальсифицированных заговоров, сохранить память о талантливом человеке, на долю которого выпал столь жестокий удар судьбы.

О Никите Ивановиче Занданове сегодня можно найти с десяток упоминаний в различной литературе [1, 2, 5, 7, 8, 9, 10, 11]. В одном случае речь идет об организаторе комсомольской работы в Кяхте, в другом – о втором директоре Бурятского педагогического института, выпускнике курсов подготовки кадров при Институте красной профессуры, в третьем – о «бурятском Пушкине», председателе бурятского отделения Союза писателей СССР, о политработнике Забайкальского военного округа. Кажется, что это написано о разных людях, но на самом деле – это об одном и том же человеке, которому на момент ареста было всего 33 года! И даже в книге памяти «Жертвы политических репрессий» сведения о нём очень скупы, так что трудно составить полный портрет этого очень известного в 30-е годы, но совершенно забытого в более поздний период сына бурятского народа.

В период реабилитации родственников и признания его самого жертвой политических репрессий Владимир Иванович смог ознакомиться со следственными делами отца и родного брата.

К нашему великому сожалению, советская эпоха породила новый вид исторических источников – это следственные дела и другие документы следственных органов. Поскольку длительный период времени они хранились в архивах ОГПУ-НКВД-КГБ под грифом «секретно» и были недоступны даже для близких родственников, а не только для исследователей, то опыт и методика работы с этими документами у нас сформированы не были. Также вызывает сожаление и то, что полученное дело было откопировано частично, мы не можем прочитать выписки из протоколов допроса других людей, проходивших по одному делу с Н.И. Зандановым, якобы свидетелей, находивши-

еся на страницах 47–104. Следственное дело Н.И. Занданова заведено 23 апреля 1937 г., а закончено в связи с пересмотром дела и реабилитацией в 1957 году. В деле имеется три протокола допросов и другие документы, проливающие свет на то, как велось следствие по его делу, оконченному 15 апреля 1937 г.

Практически все протоколы допросов содержали вопросы о его связях вначале с троцкистами, а затем с М.Н. Ербановым и другими руководителями республики, обвиняемыми в панмонголистском заговоре. Несомненно, что из Никиты Ивановича выбивали показания на этих людей, поэтому он был нужен следствию живым. Человек, находящийся в камере Иркутской тюрьмы на протяжении столь длительного срока, должен был быть сломлен, поэтому его допрашивали, требуя клеветать на себя, своих родственников, друзей, просто знакомых...

Как видно из следственного дела, стоящая под протоколами допроса подпись с каждым разом становилась все менее и менее похожа на ту, которую он собственноручно поставил под Постановлением об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, на первой странице дела № 5468.

Мне, как историку, важно было понять смысл столь длительного, по тем временам, тюремного заключения Никиты Ивановича, поскольку практически все арестованные в одно время с ним его родственники, проживавшие в Иркутской области, в том числе и его отец, были расстреляны в конце 1937 г. (за исключением дяди, Георгия Петровича, преподавателя истории Бурятского пединститута). Обращение к событиям того времени позволило выстроить своеобразную схему тех, приближающихся к печальному «юбилею», событий.

В марте 1937 г. в СССР был дан старт «Большому террору» – массовой репрессивной акции 1937–1938 гг. против различных социальных и национальных групп населения. Большинство исследователей связывают переход к «Большому террору» с социально-политической «чисткой» в стране в 1930-е гг., направленной на устранение оппозиции большевистской власти, оказавшей глубокое негативное влияние на развитие советского общества. Формальным началом кампании стал февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б), на котором И. Сталин призвал к «ликвидации в стране троцкистских и иных двурушников», т. е. скрытых врагов партии. Одним из

важнейших направлений «чистки» партийных рядов явилось исключение из ее рядов явных или скрытых противников политики сталинского руководства, исключение «врагов народа» из каждого социального слоя и национальной группы. После этого пленума начались аресты в Бурят-Монгольской кавалерийской бригаде, где одним из первых 30 апреля 1937 г. были арестованы Н.И. Занданов и его жена – Елизавета Викентьевна Занданова (урождённая Бусик) [1, с. 84, 104, 123].

В проведении «Большого террора» выделяется два этапа. Первый этап – февраль – июнь 1937 г., в ходе которого была проведена большая идеологическая и морально-психологическая подготовка к репрессиям, проводилась «чистка» партийных рядов, партийных и хозяйственных органов от «чуждых элементов». Органы НКВД приступили к выявлению и арестам «оппозиционного подполья». С этой целью в БМ АССР был «вскрыт заговор» руководителей строительства Улан-Удэнского паровозостроительного завода, к которому якобы также были причастны руководители Бурнацкавбригады.

Второй период «Большого террора» – июль – август 1937 г. – связан с переходом НКВД к более широкомасштабным репрессиям, распространившимся на новые категории населения. Отправной точкой принято считать постановление Политбюро ВКП(б) от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах», в котором ставилась задача в кратчайшие сроки с помощью внесудебных органов – «троек» очистить страну от «контрреволюционных, кулацких и уголовных элементов». На основании этого постановления был подготовлен приказ НКВД СССР № 00447 о ликвидации указанных ранее «врагов народа», выполнение которого стало крупнейшей карательной акцией этого периода. Для каждой области, края и республики были определены масштабы («лимиты») и категории репрессируемых. Так, в Восточно-Сибирском крае, в состав которого входила территория современной Иркутской области, нужно было подвергнуть репрессиям по первой категории – 1 тыс. чел., по второй – 4 тыс. чел., по третьей категории – 5 тыс. Репрессиям подвергались также члены семей арестованных. По запросам руководства обкомов (крайкомов) «лимиты» неоднократно увеличивались [4, с. 635–664].

Сотрудниками аппарата было сфабриковано несколько крупных дел, среди которых:

1. О правотроцкистской контрреволюционной организации, возникшей в 1927 г., которой инкриминировались проведение шпионажа, подготовка бактериологической диверсии, террористическая деятельность и создание правотроцкистских групп и которая «была разгромлена» в 1937–1938 гг.

2. Заговор военных, по которому, начиная с мая 1937 г., начались массовые аресты военных, в т. ч. и служивших в национальных частях. В этот период репрессиям подверглись не только рядовые, но и практически весь командующий состав Бурятской национальной кавалеристской бригады, а также командование Забайкальского военного округа.

3. О панмонгольской диверсионно-шпионской организации, возникшей в 1918–1919 гг., которой инкриминировалось образование панмонгольского государства, включающего Бурят-Монгольскую АССР и Монгольскую Народную Республику, под протекторатом Японии, свержение Советской власти в СССР и шпионаж в пользу японской контрразведки, которую якобы удалось ликвидировать в 1937–1938 гг.

Очевидно, что наибольшую роль арестованному Никите Ивановичу Занданову отводили в связи с тем, что в течение весны-лета в Москве уже готовили так называемый «Панмонголистский заговор», а осенью начались аресты руководителей Бурят-Монгольской АССР, после чего характер обвинений в отношении Н. Занданова резко изменился. Ему стали инкриминировать руководство троцкистской организацией в Кяхте в 1920-е гг. и панмонгольской организацией в Бурятской кавалеристской бригаде.

23 сентября 1937 г. были исключены из партии как враги народа, контрреволюционеры- националисты, а затем арестованы главные участники «заговора»: М.Н. Ербанов – первый секретарь ОК ВКП(б), Д.Д. Доржиев – председатель СНК Бурят-Монголии, А.А. Маркизов – второй секретарь ОК ВКП(б), И.Д. Дампилон – председатель ЦИК БМ АССР и другие. Все они упоминаются в следственном деле Н.И. Занданова.

Поражает тот факт, что уже 26 сентября последовала реакция на «панмонголистский заговор» и гипотетическую возможность вхождения Забайкалья в некое государство под про-

тектором Японии: Президиумом Верховного Совета СССР был подписан Указ, по которому из состава БМ АССР были выделены Агинский Бурят-Монгольский национальный округ, переданный в состав Читинской области, и Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ, вошедший в состав Иркутской области [6, т. 1, с. 21; т. 3, с. 383].

Для создания впечатления о широких масштабах «панмонголистского заговора» осенью прошла волна новых арестов среди бурятского народа. 16 ноября 1937 г. был арестован 64-летний отец Никиты Ивановича, Иван Алексеевич, колхозный свинарь. В.И. Занданов написал об этом в своих воспоминаниях: «За ним последовал его родной брат Максим, главный инженер по сельхозмашинам Укырской МТС. На два дня раньше, 14 ноября, арестовали дядю Семёна, учителя начальной школы. Все трое обвинялись, якобы, за участие в контрреволюционной организации» [3]. В этом же месяце список родственников, оказавшихся в застенках НКВД, дополнили Иннокентий Антропович, Нестор Петрович, Тарас Петрович Зандановы. Все они были осуждены и расстреляны по 58 статье Уголовного кодекса РСФСР в период с 7 по 14 декабря 1937 г. Тогда же был вынесен приговор Е.В. Зандановой, которая получила 10 лет исправительно-трудовых лагерей, отбывала срок в Усольяге Пермской области [15].

Изучая «Следственное дело № 5468 по обвинению Занданова Никиты Ивановича», мы обратили внимание на титульный лист. Сверху надпись: «Хранить вечно». Далее указано ведомство: «Народный Комиссариат Внутренних Дел. Центральный архив ВЧК-ОГПУ-НКВД», что свидетельствует о политической направленности обвинений и самом высоком уровне их рассмотрения. Год производства – 1937, т. е. начальный этап «Большого террора» в стране. К сожалению, мы не можем узнать, по какому принципу шла нумерация дел, но даже простой взгляд на четырёхзначные цифры свидетельствует о многом...

На втором листе без номера – фотография арестованного в фас и профиль, номер – 1411 (с начала года?, месяца?). Надпись: «Зандонов Н.И.» (безграмотность? халатное отношение?). На фотографии – достаточно молодой мужчина азиатской внешности в военной шинели.

На странице под номером один, как уже было сказано ранее, – Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, в котором указано, что оно предъявлено в г. Улан-Удэ 23 апреля 1937 г. помощником начальника 4-го отделения Управления НКВД по БМАССР – лейтенант госбезопасности (фамилия неразборчиво). Далее указано: «Рассмотрев следственный материал по делу № и приняв во внимание, что Занданов Никита Иванович, 34 лет, бурят, уроженец улуса Бохан, Боханского аймака, гр-н СССР, служащий, б/парт., женат, ранее не судившийся, служил в Буркавбригаде зам. нач.п/о (политотдела. – Л. З.) достаточно изобличается в том, что будучи враждебно настроен к Советской власти в течение ряда лет вел активную панмонголистскую и троцкистскую работу, направленную против Советской власти и состоял в контрреволюционной организации, постановил: Занданова Н.И. привлечь в качестве обвиняемого по ст.ст. 58-1а,2,8, 58-11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание в Улан-Удэнской тюрьме по первой категории».

Текст напечатан на пишущей машинке, внизу – подписи помощника начальника и начальника 4-го отделения. Поперёк листа надпись от руки: «Арест Занданова Н.И. утверждаю, через Улан-Уд. тюрьму этапирован в Ирк. тюрьму. 29.IV.37. Прокурор БМ АССР». Подпись неразборчива.

Внизу страницы текст: «Настоящее постановление мне объявлено 6 мая 1937 г.». Подпись обвиняемого перьевой ручкой – «НЗанданов» написана достаточно твёрдым почерком.

Как видим, в следственном деле в графе «партийность» запись – «беспартийный». Зная о том, что Н.И. Занданов являлся членом ВКП(б) с 1926 г., В.И. Занданов предпринял действия по разъяснению данной ситуации. В феврале 1991 г. он получил из архива Бурятского областного комитета КПСС копию выписки из протокола областной партийной комиссии Забайкальского военного округа от 26 апреля 1937 г., из которой следовало, что 4 апреля того же года Н.И. Занданов партийной комиссией Бурятской кавалерийской бригады исключен из ВКП(б) «за распространение контрреволюционной литературы, за сокрытие от партии контрреволюционного настроения людей позже помимо его разоблачённых оказавшихся троцки-

стами, как имеющий связь по настоящее время с троцкистами и классово-враждебными элементами, сейчас арестованными органами НКВД» (так в документе. – Л. З.).

Далее в выписке записано: «Дополнительно установлено, что Занданов уклонялся от присутствия на собрании областного, городского партактива по процессу троцкистско-зиновьевских банд, в своём инструктивном докладе по поводу 19-ой годовщины РККА по существу популяризировал Троцкого. Занданов присутствует. Вёл себя неискренно. Докладывает секретарь парторганизации Буркавбригады Н.К. Андреев».

Заканчивается выписка из протокола постановлением заседания окружной партийной комиссии, которым она подтверждает постановление партийного комитета Буркавбригады об исключении из рядов ВКП(б) Занданова Н.И. за популяризацию Троцкого и распространение контрреволюционной троцкистской литературы «как не только не боровшегося с троцкизмом и классовыми врагами, а наоборот, покрывавшего и тесно связанного с ним». Этот документ с пометкой «Рукописная копия, сделанная В.И. Зандановым», с примечанием: «Мною снята копия выписки из протокола ОПК, хранящаяся в Архиве Бур. обл. ком. КПСС. 23. II.91 г. г. Улан-Удэ хранится сейчас в архиве автора. Там же указано, что партбилет образца 1936 г. у Н.И. Занданова отобран, хранится в Буркавбригаде.

Мы привели практически полностью текст этого документа с тем, чтобы показать, с чего начинались обвинения против Никиты Ивановича и как изменился их характер впоследствии, к моменту окончательного приговора.

Изучая следственное дело, мы обратили внимание на то, что на второй странице в Постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, сделанном 28 апреля в г. Иркутске, добавлено, что он является «выходцем из вражеской семьи, крестьянин, по национальности бурят, исключен из ВКП(б), изобличается как участник к/р (контрреволюционной. – Л. З.) шпионской пан-монгольской организации. На основании вышеизложенного, руководствуясь ст.ст. 144 и 128 УПК (Уголовно-процессуального кодекса) РСФСР, постановил: гр-на Занданова Н.И. привлечь в качестве обвиняемого по ст.58-1 «а» УК РСФСР, мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия избрать содержание под стражей в Иркутской тюрьме по 1

категории, согласовав предварительно со старшим помощником Военного прокурора ЗВО – юристом 1 ранга (фамилия)». Имеются подписи сотрудников госбезопасности, согласовывавшие и утверждавшие данное постановление, а также штамп с надписью «Арест санкционирую. Старший помощник прокурора Забайкальского военного округа. 29 апреля 1937 г. г. Иркутск».

Столь полное изложение текстов документов, находящихся в деле, даёт возможность понять, с какой серьёзностью относились к организации процессов представители карательных органов, не оставляя шансов обвиняемому на свою защиту. На каждом листе – печать органов госбезопасности и ограничения в доступе к документам: «Совершенно секретно». Это означало, что с данными делами мог работать не просто ограниченный круг людей, а только те, кто имел особые полномочия.

На странице 3 помещена справка, датированная 28 апреля того же года, из которой следует, что «Из имеющихся следственных и негласных (выделено мною. – Л. З.) материалов в распоряжении II отдела УГБ УНКВД ВСО, установлено, что Занданов Никита Иванович, урож. Боханского района, Гатальского сельсовета, улус Заглик БМР, из крестьян, выходец из враждебной семьи /три брата в прошлом активные белогвардейцы – эсеры, сейчас троцкисты, один расстрелян красными партизанами/. (Очевидно, речь шла о Савве Занданове, однофамильце, который упоминается в отдельных публикациях на основании непроверенных источников как активный участник панмонгольского движения в период Гражданской войны. – Л. З.).

Занданов Никита Иванович, со своими братьями до 1927 г. имел непосредственную письменную связь с Троцким. Занданов Н.И. до последнего времени состоял на службе в РККА. В данное время из рядов ВКП-б исключён и из РККА уволен с должности зам. начальника политотдела Бур. кав. дивизии.

Изобличается как участник к/р шпионской пан-монгольской организации.

На основании изложенного считаю: Занданова Н.И. подвергнуть аресту с предварительной санкцией военного прокурора. Подписи сотрудников органов госбезопасности».

Далее, на пятой странице, – ордер на обыск от 30 апреля 1937 г. и протокол обыска квартиры задержанных Занданова Никиты и Зандановой Елизаветы по адресу: станция Дивизионная (Забайкальской железной дороги. – *Л. З.*), корпус № 10, где в присутствии понятых изъяты ценные вещи и документы, среди которых паспорта, служебные удостоверения, билет кандидата в члены Союза писателей СССР, мандат участника съезда писателей, шесть папок рукописных текстов, фотографии, переписка, книги Бухарина, Гёте, Солбонэ-Туя.

Следующая страница – анкета арестованного, в которой записана дата рождения – апрель 1904 г., из чего следует, что на момент ареста ему было 33, а не 34 года. Новыми сведениями для нас являются те, что «профессии и специальности не имеет», «паспорт..., выданный в 1935 г..., изъят Бурят-Монгольским управлением НКВД. Социальное положение – служащий: до революции – сын крестьянина скотовода-бедняка, после революции – служащий. Образование: окончил в 1932 г. в Москве институт подготовки кадров ИКП (Института красной профессуры. – *Л. З.*), затем учился несколько месяцев в 1932–33 гг. в Институте философии ИКП, оставил по мобилизации ЦК ВКП(б)». Анкета не имеет личной подписи.

Первый протокол допроса на странице седьмой содержит те же формальные сведения, что и раньше, однако в нём впервые указан состав семьи: «Женат – жена Занданова Елизавета Викентьевна, 1903 г., ныне содержится под стражей», отсутствие наград, а также сведения о службе в Красной Армии: «В Кр. армии с X.1926 по май 1927 г. в качестве курсанта Буркавшколы. Демобилизовался по болезни. В мае мес. 1936 г. снова был мобилизован и служил до IV.1937 г. зам. н-ка политотдела Буркавбригады. В белой армии не служил. Участие в бандах и к.р. организациях и восстаниях не принимал». Указаны следующие сведения об общественно-политической деятельности: «С 1925 г. по V.1926 г. – инструктор Троицкосавского (ныне – г. Кяхта. – *Л. З.*) айкома ВЛКСМ; с 1928–1930 г. зав. отделом Кяхтинского айкома ВКП(б); с мая 1933 г. по окт. 1934 г. – зам. начальника политотдела Кутуликской МТС Аларского района БМР, с IX.1934 г. по II.1936 г. – зав. сектором искусства Бур-Монг. института (культуры. – *Л. З.*) и по совместительству с II.1935 г. – отв. секретарь правления Бур-

Монг. Союза писателей». Дата – 6 мая 1937 г. Личная подпись отсутствует. Как видим, ни в анкете, ни в протоколе допроса (случайно или умышленно) не содержатся данные о том, что с 1 февраля по май 1936 г. Никита Иванович исполнял обязанности директора Бурятского педагогического института.

Протокол допроса содержит также два вопроса следователя и ответы на них арестованного. Вопрос: «Следствие располагает данными о том, что Вы состоите членом контрреволюционной панмонголистской, троцкистско-шпионской организации. Признаёте ли себя виновным?»

Ответ: «Виновным себя не признаю, членом контрреволюционной панмонголистской, троцкистско-шпионской организации не состоял».

Вопрос: «Вы лжёте. Следствие точно располагает данными, что вы состоите членом контрреволюционной панмонголистской организации и требует от Вас искреннего признания. Подтверждаете свою виновность?»

Ответ: «Категорически отрицаю свою вину. Членом контрреволюционной панмонголистской, троцкистско-шпионской организации я не состоял и не состою».

Подпись под протоколом: «Протокол записан с моих слов верно. Мною прочитан. Н. Занданов».

Скорее всего, первый допрос был направлен на предъявление конкретного обвинения в контрреволюционной деятельности. Это было необходимо сотрудникам НКВД для того, чтобы заставить человека поверить в свою виновность и давать такие показания, которые были им нужны. Всего в деле имеются протоколы трёх допросов.

Следующий допрос 29 июня 1937 г. был более длительным, его протокол занимает пять страниц [13, с. 9–14]. После зачтения биографических данных следователь задал Никите Ивановичу вопрос, за что он был исключён из ВКП(б), на что последовал ответ: «Парторганизации стало известно о том, что в 1926 г. я имел связь с троцкистами и за то, что я скрыл эти связи...»

Вопрос: «Почему Вы скрыли Ваши связи с троцкистами?»

Ответ: «Они были моими единомышленниками и я их не хотел разоблачать».

Вопрос: «Вам были известны политические настроения этих лиц и до последнего времени?»

Ответ: «Да, были известны».

Вопрос: «Когда и при каких обстоятельствах Вы установили с ними связь?»

Ответ: «В 1926 г. я проживал в улусе Заглик Боханского аймака. В этот же улус приехал из Москвы на каникулы студент КУТВ Халтанов Василий. По приезде в улус Халтанов проводил троцкистскую пропаганду, группируя вокруг себя молодёжь. Тогда-то им была создана троцкистская группа, к которой примкнул я и Занданов Арсентий (избач в улусе). В том же году я был призван в армию и утерял с ними связь. В 1931 г., когда я приехал на учёбу в Москву в Институт красной профессуры, я вошёл в троцкистскую организацию, существовавшую среди бурятского землячества в Москве. В руководство этой организации вошли: Архинчеев (имя и отчество не знаю, где-то тогда служил), Занданов Георгий Петрович и Аханянов Василий. Последние были оба студентами.

Находясь в непосредственной организационной связи с этими лицами, я по их заданию вёл контрреволюционную работу среди студентов, обрабатывая и вовлекая их в нашу организацию.

В 1933 г. я выехал на работу в Улан-Удэ. Годом раньше также выехали на работу в Улан-Удэ Занданов Г.П. и Аханянов Василий».

Вопрос: «По приезде в Улан-Удэ Вы связались с Зандановым и Аханяновым?»

Ответ: «Да, связался. Но спустя несколько дней я выехал в Аларский район к месту своей постоянной работы на должность зам.начальника политотдела Кутуликской МТС и в течение 1,5 года, до ноября 1934 г., организационной связи с ними не имел».

Вопрос: «Какую контрреволюционную работу вели Аханянов и Занданов в Улан-Удэ?»

Ответ: «Устроившись на работу в качестве педагога, Занданов вёл троцкистскую работу среди педагогов и учащихся Бурятии. Для этой цели связался с Яковлевым Степаном, который тогда руководил троцкистскими группами среди молодёжи Бурятии».

Вопрос: «Кто такой Яковлев?»

Ответ: «Яковлев Степан Еремеевич – студент агропединститута в Улан-Удэ. До этого работал на руководящей работе в Бур.-Монг. комитете ВЛКСМ».

Допрос продолжался далее в том же духе: вопрос – ответ, упоминались всё новые имена, якобы имеющие отношение к троцкистской, панмонголистской и шпионской организации, которые проводили работу среди молодёжи (Занданов и Яковлев), в области культуры (Аханянов – Институт культуры, Радна-Банзарон – директор этого института). Появились ещё новые фамилии: Базар Барадин, Ошир Дашидондобэ, Даши Мункин, Базар Чимид. На вопрос следователя «Где проводились нелегальные совещания панмонголистской организации?», последовал ответ: «Нелегальные совещания проводились непосредственно в Институте культуры, как правило, в кабинете Радна-Банзарова» (так в тексте. – Л. З.).

Далее идёт перечень вопросов, где Никита Иванович, по версии следователя, даёт искренние показания, а на самом деле он оговаривал себя и других. На вопрос «Кто присутствовал на этих совещаниях?», перечислены фамилии: Занданов Г.П., Радна-Банзарон, Аханянов, я – Занданов Н.И., Барадин Базар – зам. директора института, Шарабон Санжи – учёный секретарь, Убугунэ Александр – научный сотрудник по теории Бурятии, Балдаев Сергей – научный сотрудник по фольклору. Вскоре в протоколе допроса появляются новые имена: Егоров Виктор – научный сотрудник, Нацов – специалист по ламаизму, Дамбинов Петр – уполномоченный литфонда СССР, Батоцыренов – кандидат в члены Союза советских писателей, Базарон – учитель, Вампилон Баярто, Ванданов Мунко – зав. сектором. Все они якобы подтверждали в своих показаниях существование контрреволюционной организации.

В связи с «переходом» Никиты Ивановича в Буркавбригаду «с целью ведения подрывной работы среди военных» (а не мобилизации по решению обкома партии, как было на самом деле. – Л. З.), упоминаются фамилии и имена Лосова Логина – помощника командира полка по политчасти, Зимина – начальника штаба 12 полка, Балтуева – помощника начальника штаба, Халтаева Ромея, Андреева Ивана – секретаря комиссии партконтроля. Все эти люди стали такими же жертвами заго-

вора НКВД, обо всех (кроме Халтаева) сегодня рассказано на страницах книги В.С. Мильбаха [9].

Совершенно очевидно, что к Н.И. Занданову в период его нахождения в Иркутской тюрьме применялись меры физического воздействия, направленные на получение тех сведений, которые были необходимы на данном этапе. В последнем протоколе, составленном за несколько месяцев до суда и расстрела, совершенно чётко прослеживается присутствие той информации, которая оправдывала действия карательных органов, поскольку абсолютно сломленный физически человек мог поставить свою подпись под любыми «показаниями». 28 марта 1938 г. Никита Иванович ещё содержался в тюрьме, а М.Н. Ербанов был уже несколькими днями ранее расстрелян, но видимо, точку в деле было ставить ещё рано и его ещё раз вызвали на допрос. Кстати, копии двух протоколов допроса Н.И. Занданова имеются в архиве УФСБ РФ по Республике Бурятия, видимо, они были сделаны и переданы в Улан-Удэ для того, чтобы использовать их в качестве доказательств по делам других обвиняемых [8].

Так, в протоколе допроса упор сделан на то, что Никита Иванович скрыл от следствия важные сведения, касающиеся деятельности панмонголистской организации. На вопрос: «В своих показаниях вы скрыли от следствия ряд обстоятельств из Вашей предательской контрреволюционной деятельности. Намерены ли вы сейчас давать исчерпывающие показания?» следует ответ: «Признаю, что давая показания о своём участии в националистической панмонголистской организации, я с целью сокрытия основных контрреволюционных кадров нашей организации, дал показания лишь об участниках, засевавших в Институте культуры. В действительности существует в Бурятии широко разветвлённая контрреволюционная панмонголистская организация, руководимая партийно-советским руководством ВМ АССР. Упомянутый мною Яковлев держит контакт с Японией и подготавливает вооруженное восстание».

На вопрос: «Назовите всех известных Вам участников панмонголистской организации, которых Вы скрыли на первом допросе», якобы Н.И. Занданов приводит следующий список:

1. Ербанов М.Н. – секретарь Бурятского обкома ВКП(б).

2. Доржиев Дажуп Дансанович – председатель СНК БМ АССР.
3. Дампилон Ириято – председатель ЦИК БМР.
4. Маркизов Ардан – председатель Наркомзема республики.
5. Донгидон – бывший работник Наркомпроса.
6. Данилов Африкан Данилович – зам. председателя СНК республики.
7. Мункин Даши – бывший культпром обкома ВКП(б).
8. Дашидондобэ Ошир – бывший сотрудник Наркомпроса, инструктор обкома ВКП(б).
9. Ардин Доржи – бывший редактор газеты «Унэн», сотрудник Института культуры.
10. Намсараев Хоца – писатель.
11. Дондубон Цыден – бывший работник Наркомпроса, работает в Бурятском ГИЗе.
12. Догдомэ Цыбен – бывший секретарь обкома ВЛКСМ.
13. Дабаин Батор – бывший председатель БУРЦИК, учится в ИКП в Москве.
14. Тоглитов Бато-Далай – бывший зам. директора Института культуры, учится в ИКП.
15. Ринчино Эльбек-Доржи – один из идеологов панмонголизма, работает в Москве преподавателем в КУТВ.
16. Вампилон – ответственный секретарь комиссии партийного контроля по БМ АССР.
17. Хабаев – зав. сектором Бур.-Монг. обкома ВКП(б).

Этот список в следственном деле Н.И. Занданова, который уже целый год находился вдали от Улан-Удэ и не имел связи с «волей», практически совпадает со списком, приведённым в книге «Жертвы политических репрессий», что свидетельствует о тщательной разработке этого дела [2, с. 14–15]. Напротив фамилии Намсараева рукой Владимира Ивановича Занданова сделана надпись «Не был арестован».

Следующие страницы следственного дела № 5468, имеющиеся у нас в копии, – это обвинительное заключение, подготовленное для заседания выездной сессии Верховного суда СССР от июня 1937 г. Утверждено начальником Управления НКВД по Иркутской области старшим майором госбезопасности Малышевым, также впоследствии арестованным и расстрелянным за «участие в контрреволюционной организации» [11].

В обвинительном заключении Н.И. Занданову инкриминировалось сразу несколько преступлений по 58-ой статье: 58-1-б, 58-2, 58-2, 58-11 УК РСФСР. Вот текст этого обвинения, стилистику и орфографию которого мы сохранили: «В 1937 г. Управлением НКВД по Иркутской области вскрыта и ликвидирована среди бурят крупная буржуазно-националистическая панмонгольская шпионско-диверсионная, повстанческая организация. Следствием установлено, что панмонгольская организация была создана ещё в 1919 году, в период японской оккупации Забайкалья Разведовательным Отделом штаба квантунской армии. Идеологами и непосредственными создателями этой организации были агенты японской разведки: РИНЧИНО Эльбек-Доржи, профессор БАРАДИН Базар, ВАМПИЛОН Баяртон, САМПИЛОН Даши и др.

В 1919 году, при содействии японцев и атамана СЕМЁНОВА, при непосредственном участии названных агентов японской разведки, было создано так называемое «Даурское панмонгольское правительство», которое организовало активную борьбу против партизан и Красной армии. По окончании гражданской войны, агенты японской разведки РИНЧИНО и САМПИЛОН, по заданию разведки, выехали в Монгольскую Народную Республику, где сумели пробраться в ЦК МНРП и занять правительственные посты, создали центр организации и вели активную изменническую работу в пользу японцев. Другие – БАРАДИН, ВАМПИЛОН – приступили к организации контрреволюционной панмонгольской работы в Бурятии, опираясь на ламство, ноёнатство, кулаков и реакционно-националистическую интеллигенцию.

В 1920–1928 годах японцы, стремясь расширить базу панмонгольской организации, через своих агентов, проводили линию на вовлечение в организацию новых кадров и внедрению своей агентуры из панмонголистов в партию и руководящие посты Советского аппарата. В этот период времени создаётся центр организации, в который вошли: ЕРБАНОВ – 1-й секретарь Бур. Обкома ВКП(б), ДОРЖИЕВ – Пред. СНК БМАССР, ДАМПИЛОН – пред. ЦИК БМАССР, МУНКИН – зав. культ.-проп. Обкома ВКП(б) и другие.

Центр панмонгольской организации многочисленными нитями был связан с японскими разведовательными центрами,

в частности - разведовательным отделом штаба квантунской армии, японскими военными атташе в Москве и японскими консулами в Чите и Ленинграде. По указанию японцев, панмонгольский центр, в лице ЕРБАНОВА, установил блок с право-троцкистским центром в Москве, персонально с РЫКОВЫМ, БУХАРИНЫМ и руководителем право-троцкистской организации в Восточной Сибири – РАЗУМОВЫМ.

Панмонгольская организация, стремясь к свержению Советской власти, вела подготовку к вооруженному восстанию, которое должно было быть поднято с началом военных действий Японии против СССР. По прямым указаниям японских официальных представителей в СССР и Манчжурии, панмонгольская организация, занималась широкой разведательной-шпионской работой; диверсиями в области промышленности и транспорта, специально создав сети шпионских резидентур и диверсионных групп в промышленности, транспорте, оборонных стратегических объектах; вредительством в области животноводства и полеводства и насаждением повстанческих организаций во всех аймаках, районах Бурят-Монголии и Восточной Сибири.

Для практического руководства повстанческими и вредительскими организациями, центром панмонгольской организации были выделены специальные уполномоченные, которые непосредственно организовали контрреволюционную работу в аймаках и колхозах. Одним из активных участников контрреволюционной панмонголистской организации и агентом японской разведки является обвиняемый ЗАНДАНОВ Никита Иванович.

Обвиняемый ЗАНДАНОВ – кадровый троцкист с 1926 г. В панмонгольскую контрреволюционную организацию завербован в 1934 г. участниками организации АХАНИЯНЫМ и РАДНАБАЗАРНОМ.

Практическая контрреволюционная шпионско-диверсионная деятельность ЗАНДАНОВА выразилась в том, что:

1. В 1931 г., будучи студентом ИПК в Москве, вошёл в троцкистскую группу, существовавшую среди бурятского землячества. По заданию этой группы проводил активную контрреволюционную троцкистскую работу среди бурятского студенчества;

2. В 1934 г., через АХАНЯНОВА и РАДНАБАЗАРОНА установил организационную связь с центром панмонгольской контрреволюционной организации в лице ЕРБАНОВА и ДАМПИЛОН А (все арестованы). Работая в институте Культуры в Улан-Удэ, по заданию ЕРБАНОВА и ДАМПИЛОНА, проводил активную панмонгольскую вредительскую работу в области языка и терминологии: отрицал самостоятельность бурятского языка и добивался принятия за основу оформления нового литературного языка – халха-монгольского языка, насыщенного реакционно-буддийскими, феодально-теократическими словами, совершенно непонятными и недоступными коренному бурятскому населению;

3. В начале 1936 года, будучи назначен на должность зам. нач. политотдела Буркавбригады, центром панмонгольской организации в лице ЕРБАНОВА и ДАМПИЛОНА был выделен уполномоченным от центра по Буркавбригаде с задачей превращения бригады в вооруженный отряд панмонгольской организации и источник снабжения оружием и боеприпасами всех восставших контрреволюционных сил;

4. ЗАНДАНОВЫМ была оформлена панмонгольская повстанческая организация в бригаде с привлечением в неё националистически настроенных командиров и политработников во главе с секретарём бригадной партийной комиссии АНДРЕЕВЫМ, пом. ком. полка по политчасти – ЛОСОВЫМ, нач. штаба полка БАЛДЫНОВЫМ, инструктором политотдела бригады ХАЛТАЕВЫМ, нач. полковой школы МУНКИНЫМ и другими.

5. Организацию разбил на группы в частях бригады, с учётом захвата, к моменту восстания, всех командных и политических постов.

6. Сам лично и через своих участников организации занимался активной работой по линии распространения идей панмонголизма и вербовки новых участников из числа неустойчивых командиров, политработников и красноармейцев. С этой целью, в конце 1936 г., им – ЗАНДАНОВЫМ была создана бригадная партийная школа, в которую были вовлечены националистическо-настроенные политруки и партийно-комсомольские организаторы. Эта школа была очагом обработки партийно-комсомольской прослойки бригады в панмонгольском духе.

В этой школе, за счёт часов по истории ВКП(б) и Ленинизму, специально преподавалась лекция по истории Бурят-Монголии. В лекциях обосновывалась идея панмонголизма, лектором назначили ярого националиста – участника панмонгольской организации А...НОВА (неразборчиво. – Л. З.).

7. В результате панмонгольской пропаганды ЗАНДАНОВА, в бригаде были в значительной степени распространены националистические настроения среди бурятской части комсостава, доходившие до того, что на одном из собраний командного состава бригады, бурятская часть собрания откололась в особую группу, выдвинув свои обвинения против засилия русских.

8. По плану восстания и захвату власти в руки панмонгольской организации, Буркавбригада должна была стать центром всех вооруженных сил, захватив, в момент восстания: железно-дорожный узел, все трактовые и шоссейно-грунтовые дороги, с целью воспрепятствования продвижения воинских частей на подавление восстания на фронт; все правительственные учреждения; разоружить части Красной армии, оставшиеся верными Советской власти; захватить артиллерийские, авиационные, продовольственные и вещевые склады.

Исходя из этого плана, ЗАНДАНОВ занимался расстановкой сил командно-политического состава частей бригады и подготовкой к совершению ряда диверсионных актов как-то: вывода из строя Улан-Удэнского ПВЗ, Стекольного завода, Мясохлагокомбината и взрыв железно-дорожного моста через реку Селенгу.

9. По заданию ЕРБАНОВА передавал ему шпионские сведения: о дислокации частей Забайкальского военного округа; о вооружении частей; технической оснащённости; о состоянии авиации и др.

Привлечённый к ответственности обвиняемый ЗАНДАНОВ в предъявленном ему обвинении **ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.**

Кроме того, его преступная деятельность подтверждается в показаниях обвиняемых:

ДАНИЛОВА Африкана (л.д. _____)
ДОРЖИЕВА Д. (л.д. _____)
ДАМПИЛОН А И. (л.д. _____)
ГОЛОВА ЧЁВА (л.д. _____)

АРДИНА (л.д. _____)
и других».

Далее в тексте указано, что, на основании вышеизложенного, Н.И. Занданов обвиняется во всех ранее перечисленных преступлениях, которые квалифицировались пятью пунктами 58-ой статьи, и его дело подлежит рассмотрению на Военной коллегии Верховного суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 г. Очевидно, сведения о нём были отправлены в Москву и его имя было включено в список лиц, подлежащих суду Военной коллегии [17]. В этом обвинении впервые появились сведения о том, что жена Никиты Ивановича, Елизавета Викентьевна, «осуждена как участница панмонгольской организации».

Протокол закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР (стр. 113) не содержит ничего нового в плане обвинения. Важным является то, что на вопрос председательствующего, признаёт ли он себя виновным в предъявленных ему обвинениях Н.И. Занданов якобы ответил, что виновным себя признаёт и свои показания на предварительном следствии он подтверждает полностью. В последнем слове он просил сохранить ему жизнь, после чего суд удалился на совещание. В протоколе указано время продолжительности заседания – 15 минут, в то время как из других следственных дел видно, что в основном заседания подобного рода длились не более 10 минут.

На 114-ой странице – приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР, датируемый 4 июня 1938 г. От имени Союза Советских Социалистических Республик выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР «приговорила Занданова Никиту Ивановича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1.XII.34 года подлежит немедленному исполнению. Председательствующий Никитченко».

После XX съезда КПСС были пересмотрены материалы следственных дел по сфабрикованным «заговорам». Как стало известно позднее, 4 января 1957 г. было сделано Заключение

Главного военного прокурора по делу М.Н. Ербанова, в котором констатировалось: «Приведённые материалы свидетельствуют о том, что на территории МНР и БМ АССР никакой антисоветской панмонгольской организации не существовало, а дела её участников фальсифицированы бывшими работниками НКВД СССР и БМ АССР». [2, с. 17]. В отношении дела М. Ербанова в Заключении было отмечено, что оно основано только на его личных показаниях. Очевидно, то же самое можно сказать и о деле Н. Занданова.

Как было видно из свидетельства о смерти Никиты Ивановича, полученного В.И. Зандановым по его запросу в 1956 г., Занданов Н. И. скончался 13 апреля 1939 г., причина смерти – «неизвестно», в то время как на странице 115 следственного дела № 5468 в Определении военной коллегии Верховного Суда СССР имеется выписка из акта, в которой сказано, что приговор выездной коллегии Верховсуда в отношении Занданова Н.И. приведен в исполнение 23 июня 1938 г., в связи с чем его брату в августе 1989 г. было выдано новое свидетельство о смерти Никиты Ивановича.

Несмотря на сокрытие подлинной причины смерти и даты расстрела, всё же дело Н.И. Занданова было пересмотрено в мае 1957 г., о чём свидетельствует имеющийся в деле документ – очередное определение военной коллегии Верховного суда СССР (стр. 117), в котором указано, что «дополнительной проверкой настоящего дела в 1956 г. установлены новые, ранее суду неизвестные обстоятельства, которые свидетельствуют о том, что Занданов был осуждён необоснованно, по ложному обвинению, в связи с этим ставится вопрос о его реабилитации». После того, как коллегия определила: приговор военной коллегии от 4 июня 1938 г. отменить, начался процесс его первой реабилитации. С Никиты Ивановича были сняты все обвинения, а его жене, отбывшей 10 лет в лагерях и ставшей инвалидом, была выплачена денежная компенсация за утраченное имущество.

Однако настоящая реабилитация жертв этого заговора состоялась только спустя тридцать лет, когда в январе 1992 г. Управление Министерства Безопасности РФ по Иркутской области сообщило администрации Усть-Ордынского национального округа о том, что в архиве их ведомства обнаружена

справка за 1937 г. о «ликвидации УНКВД Иркутской области пан-монгольской, диверсионно-шпионской и повстанческой контрреволюционной организации», согласно которой только в 1937 г. было арестовано 1119 человек [2, с. 14–15].

Никита Иванович Занданов был одним из них.

Список литературы и источников

Литература

1. Базаров Б.В., Намнанов Д.Д. Национальные формирования Красной Армии в Бурятии в 1920–1930-х гг. Улан-Удэ, 2000. С. 119, 155, 169.
2. Боханов П.П. Трагическая судьба народов (национальная политика сталинизма) // Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Т. 3. Иркутск, 2000. С. 14–15.
3. Занданов В. С болью о прошлом // Шелеховский вестник. 1997. 29 июля.
4. Иркутская летопись. 1661–1940 гг. / Составитель, автор предисловия и примечаний Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 635–664.
5. Иркутский край. Четыре века. История Иркутской губернии (области). XVII–XX вв. Иркутск, 2012. С. 520–523.
6. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 21; Т. 3. С. 383.
7. Календарь знаменательных дат на 2004 г. по Усть-Ордынскому БАО. Усть-Орда, 2004.
8. Калмыков С.В., Пыкин В.М. Бурятский педагогический институт. Ректоры. Улан-Удэ, 1998. С. 21–24.
9. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава. 1937–1938. Забайкальский военный округ и 57-й особый стрелковый корпус. СПб., 2014. С. 52, 296, 349.
10. Никита Иванович Занданов // Библиографический словарь репрессированных писателей Бурятии. Улан-Удэ, 1996. С. 56–63.
11. Семёнов А. По следам «панмонголистов» // Восточно-Сибирская правда. 1992. 14 марта.
12. Советский энциклопедический словарь. М., 1984.

Источники

13. Следственное дело № 5468 по обвинению Занданова Никиты Ивановича // Архив УФСБ РФ по Иркутской области (копия – личный архив автора).
14. Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Т. 3. Иркутск, 2000. С. 246–248.
15. Документы и фотографии из личного архива автора.
16. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1992. № 2–12; 1993. № 2, 5–10; 1994. № 1, 2, 6, 8, 12; 1995, № 1, 2.
17. АП РФ. Оп. 24. Д. 417. Л. 130: Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 10 июня 1938 года по Иркутской области // stalin.memo.ru/spiski/pg09130.htm

Примечания

Институт красной профессуры (1921–1930 г.) – высшее учебное заведение, готовившее преподавателей общественных наук, центральных партийных и государственных органов. В 1931 г. поделён на несколько институтов [12, с. 493].

Буркавбригада – в 1926 г. на территории БМ АССР (ст. Дивизионная Забайкальской железной дороги) была сформирована как первая национальная воинская часть – Буркавэскадрон. В 1927 г. преобразован в дивизион, затем – в полк. С 1936 г. – Буркавбригада [1, с. 84, 104, 123].

Панмонголизм – движение за национальное самоопределение, возрождение монгольских народов, за создание самостоятельного государственного образования. В 1937–1938 гг. в ходе «Большого террора» сфабриковано дело «о панмонголистской организации», по которому было расстреляно более двух тысяч человек [6, с. 576–577].

КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока (1921–1930) [12, с. 612].

Агропедагогический институт – название Бурятского педагогического института в 1931 г. [8, с. 12].

УДК 929.5

С.П. Звягин, Е.Э. Шергалин

Начальник Главного управления мест заключения Министерства юстиции Российской империи и Российского правительства П.К. Гран: попытка реконструкции родословной

S.P. Zvyagin, E.E. Shergalin

The head of the Main administration of places of detention of the Ministries of justice of the Russian empire and the Russian government P.K. Gran: attempt the reconstruction of the pedigree

В современной российской историографии появилось много работ, посвященных биографиям видных деятелей антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны. Не стал исключением и П.К. Гран. Несколько лет в начале XX в. он был губернатором Иркутской и Томской губерний, затем в 1913–1917, 1919 гг. возглавлял Главное

управление мест заключения Министерств юстиции Российской империи и Российского правительства А.В. Колчака.

В данной статье сделана попытка проследить родословные связи действительного статского советника, кавалера шести орденов Российской империи П.К. Грана. Речь идет о его отце и младшем брате. Для этого пришлось привлечь документы иностранного и отечественного архива, сведения от родственников П.К. Грана. Авторы статьи рассматривают ее как попытку воссоздать более полную картину родственных связей П.К. Грана, оставившего след в истории пенитенциарной системы, как России, так и Сибири.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, Томск, Иркутск, Гражданская война, места заключения. П.К. Гран, родословная.

Keywords: Russia, Siberia, Tomsk, Irkutsk, the Civil war, prison. P. K. Gran, pedigree

In modern Russian historiography there are many works in the sacred biographies of prominent figures of the anti-Bolshevik governments in Siberia during the Civil war. Was no exception, and P. K. Gran. A few years in the beginning of XX century he was Governor of the Irkutsk and Tomsk provinces, and then in 1913–1917, 1919 he headed the Main Directorate of places of confinement of the ministries of justice of the Russian Empire and the Russian government, A.V. Kolchak.

This article attempts to trace genealogical ties dei stealinga councillor of state, knight of the six orders of the Russian Empire P.K. Gran. We are talking about his father and younger brother. For this I had to bring papers, foreign and domestic archives, information from relatives of P.K. Gran. The authors consider it as an attempt to recreate a more complete picture of kinship P.K. brink, leaving our mark in the history of the institution, both Russia and Siberia.

В последнее время биографии чиновников антибольшевистских правительств периода Гражданской войны оказались в центре внимания отечественных исследователей. Не стал исключением и П.К. Гран (1869–1941 гг.). На вершине своей карьеры он последовательно занимал должности Иркутского и Томского губернаторов, начальника Главного управления мест заключения Министерств юстиции Российской империи

и Российского правительства А.В. Колчака. Ему посвящены публикации С.П. Звягина [3, С. 189–193], И.М. Ликстанова [7, С. 230–231], В.А. Сергиенко [12, С. 228–229], А.В. Яковенко и В.Д. Гахова [16, С. 195] и др. [1].

Наша статья посвящена родословной этого чиновника. Дальнейшие поиски информации о П.К. Гране дали следующие результаты.

П.К. Гран был дважды женат. Брак с Евгенией Владимировной, дочерью действительного статского советника Волкова, был расторгнут по указу Святейшего Синода от 25 ноября 1911 г. В этом браке было 7 детей: Николай (2 ноября 1900 г. – ?), Владимир (26 сентября 1901 г. – ?), Севастьян (14 октября 1902 г. – ?), Ольга (2 января 1904 г. – ?), Татьяна (10 января 1905 г. – ?), Елена (15 октября 1906 г. – ?), Агриппина (умерла в раннем детстве). Вторая супруга – Анастасия Мариановна (22 января 1886 г. – ?) [16, С. 195].

Сохранилась совместная фотография П.К. Грана с сыновьями Николаем и Владимиром. Первому, на время съемки, было 2 года и 5 месяцев, второму – 1 год и 6 месяцев [15]. Учитывая даты рождения детей, можно предположить, что их сфотографировали в первой половине 1903 г.

П.К. Гран был кавалером орденов Св. Анны III (1897 г.), Св. Станислава II степени (1900 г.), Св. Анны II степени (1904 г.), Св. Владимира IV степеней (29 марта 1909 г.) [16, С. 195]. Впоследствии он был удостоен орденов Св. Владимира III и Св. Станислава I степеней [9, С. 34–35]. Был награжден серебряной медалью «В память царствования императора Александра III» [16, С. 195] и бронзовой медалью «В память 300-летия царствования дома Романовых» [10].

Перу П.К. Грана принадлежат следующие сочинения: «Каторга в Сибири: извлечение из отчета о служебной поездке начальника Главного тюремного управления П.К. Грана в Сибирь в 1913 г.» [6, 53 с.] и текст телеграммы, посланной 21 февраля 1913 г. на имя императора Николая II с поздравлениями в честь 300-летия дома Романовых [14].

Один из авторов статьи пытался последить последние годы жизни нашего героя и найти в Румынии следы П.К. Грана. Поиск результата пока не дал [9].

Вместе с тем у нас есть возможность установить основные этапы биографии отца П.К. Грана. Это можно сделать из следующего документа. 31 мая 1886 г. жена генерал-майора Ольга Михайловна Гран, проживавшая на тот момент в Харькове «по Вознесенскому скверу», посетила контору нотариуса Юдифа Степановича Трушева, которая находилась в 3-м участке «по Рыбной улице». В тот день женщина получила копию по-служного списка мужа. Из нее можно узнать следующее.

Акатес-Карл-Карлович Гран родился 15 сентября 1820 г. и происходил из обер-офицерских детей Абоской (ныне Финляндия. – С. З., Е. Ш.) губернии Российской империи. Относился к лютеранскому вероисповеданию. Воспитание получил в частном учебном заведении.

«В службу» вступил 1 ноября 1837 г. в финский строительный батальон. В первый офицерский чин «прапорщик» был произведен 20 января 1841 г. Затем последовала рутинная армейская служба. Он закончил ее в должности уездного воинского начальника. Высочайшим приказом от 27 апреля 1885 г полковник К.К. Гран был произведен в генерал-майоры «с увольнением из запаса армии в отставку, с мундиром и с пенсией из Государственного Казначейства».

Судя по нотариально заверенной копии по-служного списка, К.К. Гран был кавалером орденов: Св. Владимира IV степени с бантом, Св. Анны II, III и IV степеней, последний орден был с надписью «За храбрость». К.К. Гран имел медали «За усмирение Венгрии и Трансильвании», «В память войны 1853–1856», «Знак отличия за 15 лет беспорочной службы».

Во втором браке был женат на девице Ольге Михайловне. К.К. Гран имел детей от первого брака: Николая (4 января 1858 г. – ?), Лидию (25 июня 1859 г. – ?), Юлию (15 февраля 1861 г. – ?), Александру (30 ноября 1862 г. – ?) и от второго брака дочь Маргариту (21 августа 1864 г. – ?), Петра (18 ноября 1869 г. – 1941 г.) и Модеста (28 марта 1874 г. – 4 мая 1907 г.).

Жена и дети К.К. Грана являлись лицами православного вероисповедания. Недвижимого имущества ни за ним, ни за женою не «состояло» [18, 58 л.].

Мы располагаем сведениями о судьбе младшего брата нашего героя – Модесте Карловиче Гране. Он родился 28 марта 1874

г. и был православного вероисповедования. В 1893 г. окончил Морской кадетский корпус. В это военно-морское учебное заведение принимали только сыновей офицеров, потомственных дворян и чиновников не ниже четвертого класса табели о рангах [13, С. 12].

В 1888–1894 гг. здесь учился ровесник М.К. Грана – будущий адмирал и Верховный правитель России А.В. Колчак [4, С. 631]. Общее число воспитанников шести классов ежегодно составляло тогда 320 человек [8]. Вполне возможно, что М.К. Гран и А.В. Колчак были знакомы.

В 1896 г. М.К. Гран учился в учебно-артиллерийской команде. На службе с 1890 г. Его военно-морская карьера складывалась следующим образом. 17 сентября 1893 г. произведен в мичманы с назначением в Черноморский флот и зачислением в 28-й Флотский экипаж. 5 апреля 1898 г. произведен в лейтенанты. Артиллерийский офицер 1-го разряда (16 июля 1899 г.). Служил артиллерийским офицером малой канонерской лодки «Черноморец» (1899–1900 гг.), вахтенным начальником эскадренного броненосца «Синоп» (1901–1902 гг.). 25 октября 1903 г. назначен младшим артиллерийским офицером крейсера I ранга «Россия». 3 ноября 1903 г. назначен артиллерийским офицером транспорта «Лена». Сохранилась фотография М.К. Грана среди офицеров транспорта «Лена», сделанная 30 мая 1904 г. [5, С. 239].

25 января 1906 г. зачислен в Сибирский Флотский экипаж. 13 марта 1906 г. переведен в Черноморский флот с зачислением в 31-й Флотского экипажа. 26 июня 1906 г. назначен старшим офицером малой канонерской лодки «Донец». 19 февраля 1907 г. отчислен от должности по болезни. В мае 1907 г. – командующий миноносцем «Стремительный». 4 мая 1907 г. покончил жизнь самоубийством (застрелился). Дело «О производстве следствия о самоубийстве командира миноносца «Стремительный» лейтенанта Грана, убийстве подполковника Гусаковского и покушении на самоубийство лейтенанта Чайковского. 15 мая – 4 августа 1907 г.» хранится в одном из российских архивов [11, Л. 1–41]. 14 мая 1907 г. М.К. Гран был исключен из списков личного состава как «умерший».

М.К. Гран был награжден орденом Св. Станислава III степени (1 января 1901 г.), турецким орденом «Османие» IV степени

(1900 г.), болгарским орденом «За военные заслуги» IV степени (1903 г.) [2, С. 9–232].

У него осталась семья: жена Елена, дети: Елена, Татьяна, Надежда.

Знакомство с судьбой трех представителей рода Гранов говорит о том, что эти люди добросовестно служили своей Родине на военном и гражданском поприще и достигли определенных успехов. Продолжение поисков надеемся позволит нам убедиться в этом утверждении.

Авторы благодарят за любезно предоставленные сведения прямого потомка П.К. Грана С.Ю. Селецкого (Москва) и научного сотрудника РГА ВМФ А.Ю. Емелина (Санкт-Петербург).

Список источников и литературы

1. Гран Петр Карлович URL: [http:// https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%9F%D1%91%D1%82%D1%80%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87](http://https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%9F%D1%91%D1%82%D1%80%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87) Дата обращения: 25 октября 2016 г. Режим доступа свободный.

2. Денисов А.Н., Емелин А.Ю., Чистяков О.В. Биографический справочник офицеров и морских чиновников Владивостокского отряда крейсеров (1904–1905 гг.) // Владивостокский отряд крейсеров 1904–1905 гг.: биографический справочник и статьи. Владивосток: Русский Остров, 2012. С. 9–232.

3. Звягин С.П. Начальник Главного управления мест заключения Министерства юстиции Российского правительства в 1919 г. П.К. Гран // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: межрегион. научно-практ. конф. Ч. 1. 29–30 ноября 2007 г. Новокузнецк, 2007. С. 189–193.

4. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. Верховный правитель России. М.: Мол. гвардия, 2006. 637 с.

5. История Русско-японской морской войны. Т. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 276 с.

6. Каторга в Сибири: извлечение из отчета о служебной поездке начальника Главного тюремного управления П.К. Грана в Сибирь в 1913 г. СПб.: Типолитография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1913. 53 с.

7. Ликстанов И.М. Новые факты биографии начальника Главного управления мест заключения Министерства юстиции Российского правительства П.К. Грана / И.М. Ликстанов // История белой Сибири: сб. науч. ст. / ред. С.П. Звягин. Кемерово, 2011. С. 230–231.

8. Морской кадетский корпус // URL: [http:// wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81](http://wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81) Дата обращения: 27 октября 2016 г. Режим доступа – свободный.

9. Ответ из Общества Российско-Румынской дружбы (Бухарест) Е.Э. Шергалину от 19 мая 2016 г. // ЛАЕШ.

10. Письмо В.А. Сергиенко С.П. Звягину от 27 октября 2016 г. // ЛАСЗ.
11. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 243. Оп. 1. Д. 9778. Л. 1–41.
12. Сергиенко В.А. П.К. Гран: страницы биографии // История белой Сибири: сб. науч. ст. / ред. С.П. Звягин. Кемерово, 2011. 228–229.
13. Соболев Л.С. Капитальный ремонт. М.: Изд-во «Правда», 1983. 464 с.
14. Текст телеграммы, посланной 21 февраля 1913 г. на имя императора Николая II с поздравлениями в честь 300-летия дома Романовых // Томские губернские ведомости. 1913. 27 февр. (№ 15). С. 1.
15. Фотобанк Лори // URL: <http://lori.ru/647537>. Дата обращения: 25 октября 2016 г. Режим доступа свободный.
16. Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: биобиблиографический указатель. Томск: Изд-во «Ветер», 2012. С. 195.
17. Яковлева О. Во главе тюремного ведомства // Преступление и наказание. 2009. № 3. С. 34–35.
18. Rahvusarhiiv Tartus (Эстонский исторический архив (в г. Тарту). Дело Грана. ЕАА.384.1.3051. 58 л.

УДК 94(57)

В.В. Кудряшов

Виктор Мандельберг в Государственной Думе

Статья раскрывает неизвестные страницы деятельности Виктора Мандельберга, первого депутата от города Иркутска, в Государственной Думе 1907 г. Автор статьи подробно рассматривает роль В. Мандельберга в социал-демократической фракции II Думы.

Ключевые слова: политическая ссылка, Государственная дума, фракция, социал-демократы.

V. Kudryashov

Viktor Mandelberg in the State Duma

The article supplements the unknown pages of political activities of V. Mandelberg, the first deputy from Irkutsk, in the State Duma. The author of article appraises his role in the social-democratic group in II Duma.

Keywords: Political exile, social-democratic group, State Duma.

История российского парламентаризма насчитывает уже более 100 лет. Немало исследований посвящено изучению деятельности Государственной Думы разных созывов. Ученых привлекают внимание фигуры видных политических деятелей эпохи первых дум. К сожалению, имена некоторых депутатов Государственной Думы дореволюционного периода подзабыты, о них имеются скудные упоминания. Примером может служить личность Виктора Евсеевича Мандельберга, депутата II Государственной Думы от города Иркутска. В энциклопедии «Государственная Дума Российской империи: 1906–1917» его биография и деятельность в Думе уместились всего в 24 строки столбца [2]. Биографические данные явно неполные, имеются неточности.

Отдельные вехи в жизни Мандельберга прочно связаны с Сибирью. В Иркутске он провел четыре года ссылки. Здесь он окончательно сформировался как социал-демократ, обрел опыт политической борьбы. Здесь он нашел свою любовь и создал семью. Сюда он не раз возвращался в период революций 1905–1907 и 1917 годов.

Отдельные страницы революционной деятельности В.Е. Мандельберга, его роль в создании Сибирского социал-демократического союза, в революционных событиях 1905 г. в Иркутске рассматривались в работах Н.В. Блинова и Н.И. Кабацкого [1; 6]. Но историки советского периода подвергали жесткой критике меньшевистскую позицию Мандельберга и затушевывали его влияние на ход событий. На рубеже XX–XXI вв. появились первые работы с новой оценкой роли В.Е. Мандельберга в истории сибирских социал-демократических организаций. С.П. Звягин и В.А. Самоделкин предприняли попытку с беспристрастных позиций проследить участие В. Мандельберга в революционных событиях 1917 г. и его деятельность в Иркутске и Чите периода колчаковщины [5; 13]. Автор данной статьи неоднократно обращался к отдельным страницам биографии В. Мандельберга, существенно дополнив и уточнив ряд фактов его жизни и деятельности. Подробно были рассмотрены вопросы участия В. Мандельберга в выборных кампаниях 1906 и 1907 гг. [8] Но до сих пор думский период деятельности В.Е. Мандельберга не являлся предметом специального рассмотрения.

Основной массив материалов о деятельности депутатов II Государственной Думы находится в Российском государственном историческом архиве. Здесь представлены протоколы пленарных заседаний Думы, отдельных комиссий. Личные дела депутатов содержат материалы о выборах и итогах голосования на местах, заявления и различные справки. Материалы о внутрифракционной деятельности депутатов-социал-демократов находятся в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Существенным дополнением к указанным источникам относятся мемуары самого В.Е. Мандельберга. Свои воспоминания о заключительном этапе существования Думы экс-депутат вначале изложил в двух статьях, опубликованных в сборнике «Тернии без роз», вышедшем в Женеве в 1908 г. Автор подробно изложил версию событий с позиции социал-демократов, рассказал о значении деятельности фракции для рабочего движения России и разоблачения политики самодержавия [16].

В 1910 г. в Давосе была издана книга воспоминаний В. Мандельберга «Из пережитого», в которой одна глава посвящена анализу деятельности II Думы [10]. Комплексный подход к указанным источникам дает возможность рассмотреть вопрос о роли и месте В. Мандельберга в работе фракции и II Государственной Думы.

24 марта 1907 г. после третьего тура выборов В.Е. Мандельберг был объявлен членом Государственной Думы от города Иркутска. Комиссия Думы по проверке выборов, получив все необходимые документы, пришла к выводу, что никаких нарушений, влекущих за собой отмену выборов члена Государственной Думы Виктора Евсеевича Мандельберга, не обнаружено и предложила итоги утвердить. Но ввиду роспуска Думы вопрос о «правильности выборов по г. Иркутску» не стал предметом рассмотрения [1, Д. 631. Л. 266–269].

Сразу после избрания В. Мандельберг заявил, что будет работать в социал-демократической фракции, надеясь на постепенное преобразование России в интересах трудящихся масс [15, 25 марта]. Попытки обвинить его в игнорировании интересов Сибири за отказ войти с сибирскую фракцию В. Мандельберг отверг как несостоятельные и голословные [14, 27 марта]. Он рассматривал Сибирь как составную часть России и видел

улучшение положения населения обширного региона в контексте общего изменения ситуации в стране. Своими выступлениями в Думе он неоднократно это доказывал.

Во время проводов 27 марта 1907 г. на перроне железнодорожного вокзала Иркутска рабочие передали наказ депутату, в котором говорилось: «Депутат должен стойко бороться за нужды пролетариата, тогда имя его как борца за народ будет вписано святыми буквами в сердце народном. Он должен бороться за освобождение страны от произвола и насилия, за землю и волю народу. Он должен добиваться отмены смертной казни, амнистии всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения, отмены военного положения и всех исключительных мер по охране. Он должен требовать созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования». Эти слова стали руководством в деятельности В. Мандельберга не только на посту депутата, но и на протяжении всей последующей жизни. Но В. Мандельберг понимал, что депутат без поддержки народа мало что может сделать. Он заявил, что в любую минуту эта поддержка может понадобиться, потому что правительству ничего не стоит «сдунуть Думу как мыльный пузырь». Он считал, что Дума сможет создать новую Россию, когда превратится в реальную силу [4, Д. 223. Л. 1–3].

В начале апреля 1907 г. В. Мандельберг прибыл в Санкт-Петербург и сразу оказался в гуще работы социал-демократической фракции Думы. В протоколе заседания фракции от 7 апреля 1907 г. впервые зафиксировано присутствие В.Е. Мандельберга [11, Д. 14. Л. 10]. Фракция была достаточно многочисленная, включала в себя 66 депутатов. 55 из них прошли в Думу от партии, а 11 присоединились уже в Думе как сочувствующие программе РСДРП. Как отмечал В. Мандельберг, не все депутаты фракции олицетворяли лучшие силы партии, многие не обладали опытом политической работы. Большинство фракции составляли меньшевики, сочувствующие в большинстве своем тоже примыкали к ним. Лидером фракции был И.Г. Церетели, яркая, незаурядная личность, качества которого высоко оценивали депутаты других партий и групп [10, с. 132–133].

Оценивая работу фракции, В. Мандельберг указывал на ряд обстоятельств, которые существенно затрудняли деятельность социал-демократов в Думе. К думской работе были привлечены по указанию Центрального Комитета ряд видных партийных работников, которые вырабатывали рекомендации для фракции. Их деятельность проходила в стесненных, нелегальных условиях.

Но главным препятствием в работе фракции, по мнению Мандельберга, были серьезные разногласия, распри между большевиками и меньшевиками. Фракция в целом руководствовалась решениями IV (Объединительного) съезда РСДРП, состоявшегося в 1906 г. в Стокгольме, и указаниями ЦК. В условиях подавления революции и спада рабочего движения лозунг «вооруженного восстания» был признан несвоевременным и снят с повестки дня. Признав ошибочным тактику бойкота выборов в I Думу, РСДРП стремилась использовать думскую трибуну для разоблачения правительства в глазах народа. Но, оказавшись во фракции в меньшинстве, большевики (лидер группы Г.А. Алексинский) навязывали своим товарищам-меньшевикам «самые мелочные, самые бестолковые споры», порой игнорируя необходимость подготовки совместных выступлений на пленарных заседаниях Думы [10, с. 133].

Большевики требовали свободного обмена мнениями, настаивали на недопущении каких-либо ограничений в инициативе. Это приводило к диссонансу в действиях как в Думе, так и в партийной работе на местах. Ярким примером раскольнической позиции большевиков стало выступление Г.А. Алексинского на партийной конференции в Петербурге в апреле 1907 г. Выступая с отчетом о работе социал-демократической фракции, он подверг критике позицию меньшевиков о возможности превращения Думы в организационный и руководящий центр общенациональной оппозиции. Тактическая линия меньшевиков была направлена на сглаживание внутридумских противоречий, на поиск контактов с либералами. Большевики не считали Думу центром собирания оппозиционных сил [11, Д. 15. Л. 43–44]. По оценке большинства фракции, Г.А. Алексинский в своем выступлении на конференции «допустил заведомо ложные и извращенные сведения о деятельности фракции» [11, Д. 14. Л. 18]. При отсутствии других депутатов на кон-

ференции никто не смог опровергнуть представленную информацию и оценки. Фракция признала поведение Алексинского «несоответствующим достоинству и заслуживающим порицания» [11, Д. 14. Л. 18]. Фракция рекомендовала Петербургскому комитету вновь заслушать доклад о работе социал-демократов в Думе и принять новое постановление.

В целом на заседаниях комитета фракции обсуждались рабочие вопросы. В протоколах заседаний комитета просматривается стремление выработать общую позицию, назначить выступающих от фракции на пленарные заседания по вопросам повестки дня. Как правило, в этом списке были фамилии и большевиков, и меньшевиков.

Еще одним обстоятельством, негативно отразившемся на деятельности фракции, стал отъезд лидеров, включая И.Г. Церетели, А.Л. Джапаридзе и Г.А. Алексинского, на очередной партийный съезд в Лондон в конце апреля 1907 г. Руководство фракцией было возложено на В.Е. Мандельберга. Это назначение свидетельствовало о значительном авторитете Мандельберга среди депутатов фракции и его влиянии. Он обладал солидным опытом организационной партийной и общественной работы в Иркутске и Петербурге. Его хорошо знали и в руководстве партии со времен II съезда РСДРП, на котором он представлял Сибирский социал-демократический союз. В.Е. Мандельберга отличали знание ситуации в стране, четкая принципиальная позиция, ораторское мастерство, способность находить компромисс в сложной ситуации с возможными союзниками.

На правах руководителя фракции В. Мандельберг принимал участие в совещаниях членов Президиума Государственной Думы на протяжении мая. Как правило, на таких встречах обсуждались вопросы очередности выносимых на пленарные заседания Думы материалов. Как представитель социал-демократической фракции В. Мандельберг настаивал на приоритете законопроектов с классовым содержанием, о восстановлении прав и свобод, поправленных в условиях подавления революции [12, Д. 667].

Свои ораторские способности Виктор Евсеевич неоднократно проявлял в зале заседаний Таврического дворца. В общей сложности Мандельберг выступал с трибуны Думы 19 раз. Его

выступления по накалу, по существу вопросов повестки дня отличались. Не раз депутаты обсуждали вопросы о срочности запросов по тем или иным событиям в стране в адрес конкретных министров. В дискуссиях по ним явно просматривалась классовая позиция депутатов. По определению Мандельберга, «запрос есть функция Государственной Думы, при помощи которой она контролирует законность. Запросы вскрывают правительственную политику и правительственную деятельность» [12, Д. 715. Л. 62–63]. Депутат видел в каждодневном контроле за правительством истинную заботу народных избранных о простых людях. Через депутатские запросы страна могла говорить о своих страданиях и чувствовать в Думе пульс жизни общества.

Социал-демократические депутаты, настаивая на срочности запроса, стремились раскрыть порочность политики самодержавия для страны, привлечь внимание общественности и, прежде всего, рабочего класса к тяжелой ситуации, чтобы активизировать борьбу с царизмом. Депутат В. Мандельберг считал, что «мотивом для срочности запроса должно быть непременно признание данного запроса Государственной Думой затрагивающим серьезные стороны народной жизни... аргумент срочности есть аргумент в пользу срочности» [12, Д. 703. Л. 13].

Депутаты социал-демократической фракции старались еженедельно встречаться с рабочими столицы и ее пригородов. Они были в курсе событий, знали о притеснениях со стороны заводчиков и полиции. В порядке обсуждения срочности запроса 15 мая 1907 г. В. Мандельберг с трибуны Думы затронул вопрос о защите прав рабочих на объединение в профессиональные союзы, которые могли оказывать противодействию насилию предпринимателей. Он обратил внимание на систематическое нарушение закона со стороны петербургского градоначальника. Запрос от имени фракции был передан на рассмотрение комиссии Думы [3, II, стб. 598].

Выступая при обсуждении доклада представителя Министерства путей сообщения 18 мая, Мандельберг указал на пагубность политики правительства при поддержке монополистов-перевозчиков на реке Лене. От имени фракции он заявил, что депутаты не будут голосовать за субсидии пароходству Глотова, т. к. не согласны с таким подходом к решению во-

проса правительством. Депутаты отмечали высокие тарифы на перевозки и предлагали привести цены к уровню приамурских компаний [3, II, стб. 856].

В. Мандельберг отметил рядом ярких и смелых выступлений, бросая прямой вызов царским властям. Так, при обсуждении 13 апреля 1907 г. вопроса о столкновении между тюремной стражей и заключенными в центральной тюрьме Риги развернулась острая дискуссия. В ходе подавления революционных выступлений в рижской тюрьме оказалось много арестованных, в отношении которых применялись издевательства, пытки, сравнимые со временами средневековой инквизиции. Многие арестованные были расстреляны по приговору военно-полевого суда. Все зверства совершались с ведома военного генерал-губернатора Прибалтийского края Меллер-Закомельского. Правые депутаты оправдывали и защищали произвол тюремной администрации и рядовых сотрудников. В. Пуришкевич заявил, что такие действия власти являются «мщением» за действия антиправительственных отрядов [12, Д. 704. Л. 40].

Депутаты левых партий в своих выступлениях привели массу примеров произвола тюремной администрации в других губерниях России. Депутат И. Озол, отвечая Пуришкевичу, заявил: «Ни одна серьезная политическая партия не может строить свою политическую программу, свою борьбу на личной мести каким-либо отдельным лицам» [12, Д. 704. Л. 79].

В. Мандельберг в своем выступлении выразил сомнения в возможности привлечения к ответственности участников злодеяний в тюрьме: ведь представитель Министерства внутренних дел «старался понять эти зверства», объяснить их «низким уровнем полицейских чинов». По оценке Мандельберга, «правительство, способное понять эти зверства, вряд ли эти зверства способно остановить» [12, Д. 704. Л. 71]. Он высказал недоумение по поводу позиции представителя Министерства юстиции, выразившего сомнения в правдивости сведений об истязаниях. Депутат заявил, что социал-демократическая фракция располагает массой свидетельств, письменных показаний товарищей, показаниями офицера тюремного ведомства об этих зверствах. По глубокому убеждению В. Мандельберга, главным обвиняемым в этом деле должен быть генерал-губер-

натор. Сибирские депутаты знали о деятельности Меллер-Закомельского не понаслышке, видели, «каким кровавым кошмаром пронесся он по всей Сибири, когда он вторично ее покорял» [12, Д. 704. Л. 67–68].

22 мая в Думе обсуждался законопроект «О мерах предупреждения побегов арестантов вне тюремных зданий». Сущность его заключалась в необходимости наложения кандалов при транспортировке арестованных. Министерство юстиции, инициировавшее законопроект, полагало, что такая мера сможет предупредить побег, в т. ч. и арестованных детей. В. Мандельберг заявил с высокой трибуны: «Горе тому государственному строю, который считает побег детей опасными для себя. Горе тому государственному строю, который для своей защиты на детей накладывает кандалы. Государственная дума должна сказать: это не законы, это издевательство, и им не может быть места» [12, Д. 721. Л. 88]. Депутаты подавляющим большинством отклонили предложенный законопроект.

15 мая 1907 г. в Думе рассматривали законопроект о всеобщем обучении. Многие депутаты указали на порочность сложившейся практики обучения в стране. Особой критике была подвергнута система образования в национальных окраинах. В.Е. Мандельберг в своем выступлении обратил внимание на просвещение евреев. Их доля в высших учебных заведениях была резко ограничена. Правительство чинило препятствия обучению евреев в заграничных университетах. В средних учебных заведениях для евреев был также установлен определенный процент, что привело к злоупотреблениям и произволу со стороны чиновников от образования. Только выходцы из состоятельных и благонадежных семей могли поступить в гимназии и городские училища. Большая часть еврейских детей вынуждена была учиться в хедерах – начальных еврейских школах, где весь процесс обучения строился вокруг Торы. В. Мандельберг назвал хедеры «клоакой, дырой». Он указал, что такая политика правительства приводит к обособлению евреев, мешает приобщать детей к достижениям русской культуры, способствует насаждению национальной розни. Депутат призвал убрать политику из школы, а правительству отказаться от использования школы в качестве «орудия своей политики» [12, Д. 715. Л. 39–45].

Все выступления депутата В.Е. Мандельберга по основным вопросам повестки были обстоятельны, логичны, аргументированы. В качестве аргументов депутат использовал статистические материалы. Так было при обсуждении законопроекта об изменении государственного поземельного налога на вечернем заседании 22 мая. Он на примере положения крестьян Лифляндской губернии убедительно доказал, что сложившаяся система налогообложения крайне обременительна. Крестьяне наряду с поземельным налогом несли массу других налоговых повинностей, тяжким бременем на них лежали выкупные платежи в пользу дворян. Для крестьян выходом из долгового рабства стала распродажа своих усадеб. Но главным источником пополнения казны являлись косвенные налоги. От имени фракции Мандельберг заявил о голосовании против предложенного законопроекта [12, Д. 722. Л. 74–77].

24 мая в повестке дня оказался переселенческий вопрос. Аграрная реформа, реализуемая правительством П.А. Столыпина, встретила сопротивление со стороны старожильского населения Сибири. «Почему это происходит?» – задался вопросом В. Мандельберг. В своем выступлении он назвал ряд факторов, негативно влиявших на результаты аграрной политики правительства. Он отметил низкую земледельческую культуру в Сибири, как и во всей стране. Правительство искусственно создало ажиотаж при переселении на Восток. Правительство абсолютно не продумало сопровождение переселенцев на длительном и долгом пути, что привело к значительным жертвам, особенно среди детей. Не предусмотрело оно и возможность обратного возвращения переселенцев. Но главная причина неудачи переселенческой политики, сказал В. Мандельберг, кроется в «существующем государственном строе». «Только социализм в корне уничтожит необходимость переселения и эмиграции», – такой вывод сделал депутат [3, II, стб. 1133–1137].

Активность депутата В. Мандельберга была замечена, и он был избран секретарем комиссии для рассмотрения законопроектов об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых и ремесленных заведениях [12, Д. 721. Л. 13]. Фактически комиссия должна была заниматься трудовым законодательством. Она была сформирована 22 мая, но не успела провести ни одного рабочего заседания из-за отпуска Думы.

В адрес депутата В. Мандельберга поступали обращения от избирателей не только Иркутска, но и всей России. Возможности разрешить проблемы отдельных граждан были ограничены, порой находились за пределами компетенции депутата. Дважды для разрешения вопроса В. Мандельберг лично обращался к П.А. Столыпину, но не получил ответа от премьер-министра [10, с. 136].

Кроме писем с просьбами В. Мандельберг в достаточном количестве получал анонимную корреспонденцию с ругательствами и угрозами, как и многие его товарищи по фракции [10, с. 137–138]. Но это не останавливало социал-демократических депутатов от глубокой и обоснованной критики системы правления в царской России.

С первых дней пребывания в Думе В. Мандельберг ощущал неуверенность в перспективах российского парламента. На это указывал печальный опыт первой Думы, разогнанной царем, боязнь кадетского большинства на какие-либо решительные действия. Народ никак не отреагировал на действия царского правительства по поводу роспуска I Думы, и это несло печать пессимизма в ряды депутатов. По мнению В. Мандельберга, Столыпин просто выбирал удобный, подходящий момент для очередной расправы.

Социал-демократы осознавали опасность, исходившую от правительства, но от своей тактики разоблачения царизма не отказывались. Часто это сопровождалось резкими высказываниями и острой полемикой с правыми депутатами. Ярким свидетельством этого стало обсуждение вопроса о контингенте новобранцев, в ходе которого А. Зурабов бросил прямое обвинение в поражениях русской армии самодержавию. Недовольство в адрес фракции со стороны власти накапливались. Нужен был повод для начала репрессий.

5 мая 1907 г. вечером в штаб-квартиру фракции на Невском проспекте ворвались полицейские и устроили обыск. Адрес штаб-квартиры был известен всем: сюда регулярно прибывали корреспонденты газет, ходоки из разных городов и деревень огромной Российской империи, чтобы встретиться с депутатами и разрешить те или иные проблемы. Здесь депутаты обсуждали свои партийные дела, встречались с представителями партийных комитетов, в т. ч. и от военных. Полиция наруши-

ла статус неприкосновенности депутатов, подвергнув их обыску. Были изъяты многочисленные документы, среди которых оказалась копия так называемого «солдатского наказа», который был положен в основу обвинения фракции в подготовке военного заговора с целью свержения Верховной власти.

Как указывает В. Мандельберг, правительство и охранка внедрили в Петербургскую организацию своего агента и через него организовали доставку «наказа». При этом полиция так и не смогла найти и представить для думского разбирательства подлинник документа. Не удалось задержать никого из представителей солдатского комитета. Все эти факты указывают на подготовленную царской охранкой явную провокацию [10, с. 140–141]. На это же указывал в своих воспоминаниях видный деятель кадетской партии В. Маклаков: «При помощи агентов раскрыть видимость заговора среди думских социал-демократов было всегда очень легко. Это и было сделано тогда, когда сочли нужным с Думой покончить» [9, с. 290].

На следующее утро в ходе заседания депутаты внесли запрос по поводу действий полиции. По оценке депутатов, «грубой полицейской рукой была осквернена сама идея народного представительства». Вопрос о достоинстве, свободе и неприкосновенности народных представителей стал предметом очередных острых дебатов в Думе. Разъяснения властей были туманными, но делу был дан ход.

В. Мандельберг дважды выступал по данному запросу. Он обратил внимание на первоначальное заявление прокурора об отсутствии оснований для возбуждения судебного следствия. Действия полиции носили явно противозаконный характер в момент обыска, в отношении депутатов было совершено «фактическое насилие». Мандельберг призвал всех депутатов «дать резкий отпор такого рода посягательствам на нашу неприкосновенность», т.к. подобные нарушения могут быть по отношению к любому депутату в последующем. В ходе второго выступления он довел до сведения депутатов подробности произошедшего на квартире И.П. Озола. Особое внимание было уделено роли агентурных сведений в этом деле, которые могли быть «неправильными и лживыми». Завершая свое выступление, В. Мандельберг заявил с трибуны: «Если мы не дадим резкого урока министерству юстиции и министерству внутренних

дел в том, как надо понимать неприкосновенность депутатов и с какой осторожностью нужно относиться к донесениям агентов, к агентурным сведениям, прежде чем совершить такие насилия, ... то мы, я не сомневаюсь, очутимся в полной зависимости от господина градоначальника» [3, II, стб. 218]. В данном случае под градоначальником можно понимать как непосредственного главу полиции, так и самого царя. Запрос фракции был принят. Казалось, власть спустит дело на тормозах, чтобы отвести от себя все подозрения. Но...

Развязка наступила 1 июня. Неожиданно, вне плана, в зале заседаний Таврического дворца появился П.А.Столыпин в сопровождении прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты Камышанского. В ходе закрытого заседания Столыпин потребовал выдать всю социал-демократическую фракцию в составе 55 человек для придания суду. Текст обвинительного постановления зачитал прокурор Камышанский. Дума оказалась перед выбором: или не согласиться с предъявленным ультиматумом, сохранив лицо, или согласиться, дискредитировав себя в глазах избирателей. По сути предъявленных обвинений от фракции выступили А. Джапаридзе, И. Церетели и В. Мандельберг. Мандельберг отметил, что партия никогда не скрывала своих целей, они объявлены и зафиксированы в опубликованной Программе. Каждый из депутатов в ходе предвыборной кампании открыто говорил о задачах, которые необходимо решать в Думе. Об этом говорилось и с высокой думской трибуны. Социал-демократы в Думе представляли весь рабочий класс России. Обращаясь к депутатам, В. Мандельберг заявил: «Обвинительный акт настолько шит белыми нитками, что мы должны дать единственный достойный Государственной думы ответ без всякой комиссии; мы должны сказать, что целую фракцию, которая все время открыто шла в Думе со своей Программой, которая от этой Программы не отказалась и не откажется, Государственная дума не может изъять» [12, Д. 652. Л. 79–80].

Не только социал-демократы, но и трудовики, социалисты-революционеры, народные социалисты и даже кадеты, что в сумме составило необходимое большинство при голосовании, отказали Столыпину в немедленной выдаче депутатов.

Дума приняла решение о создании комиссии для рассмотрения предъявленных обвинений.

А.А.Жизиветтер, известный русский историк, член кадетской партии, избранный председателем комиссии, отмечал, что в деле «оказалось столько неясных и спорных моментов, что мы по совести не могли вынести своего заключения без продолжительного рассмотрения представленных нам документов» [7, с. 464]. Надежды Столыпина на скорейший вердикт комиссии не оправдались. Тем более вывод не соответствовал надеждам правительства. Комиссия склонялась к мнению, что «никакого военного заговора думская социал-демократическая фракция не организовывала» [7, с. 464]. У Столыпина уже был в кармане указ царя о роспуске Думы. Как отмечал В. Маклаков, «требование выдачи Думой социал-демократов явилось просто замаскированным роспуском» [9, с. 322].

В. Мандельберг обратил внимание, что, несмотря на распространившиеся по столице слухи о готовившемся роспуске народного представительства, рабочие не вышли поддержать Думу. Тихо и спокойно было не только в центре, но и в рабочих окраинах [16, с. 25]. Утром 3 июня 1907 г. был опубликован указ о роспуске II Государственной Думы и новый избирательный закон, принятый без одобрения парламента в нарушение законодательства Российской империи. В ночь на 3 июня были арестованы 37 депутатов фракции. Позднее были задержаны еще четверо. Остальные, среди которых был В. Мандельберг, сумели избежать ареста и спустя несколько дней эмигрировали.

Думский период в жизни В.Е. Мандельберга оказался очень коротким, но ярким и насыщенным. Мандельберг вместе с другими депутатами стоял у истоков российского парламентаризма. Ему вместе с коллегами по фракции пришлось действовать в крайне сложных условиях давления самодержавия на оппозицию. Но, не смотря на прямые угрозы правительства, социал-демократы стремились отстаивать интересы пролетариата и трудящихся масс. Наказ рабочих, данный депутату В. Мандельбергу при отъезде из Иркутска, он пытался реализовать – сделать Россию демократическим, правовым и свободным государством.

Источники и литература

1. Блинов Н.В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 214 с.
2. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С.348.
3. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. В 2-х т. СПб.: Государственная типография, 1907.
4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. ГАИО. Ф. 300. Оп. 1.
5. Звягин С.П. В.Е. Мандельберг в годы революции и Гражданской войны (1917–1919 гг.) // Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX веках: Сб. статей. Красноярск, 2003. С.172–180.
6. Кабацкий Н.И. Социал-демократические организации Сибири в борьбе за массы в революции 1905–1907 годов. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1984. 240 с.
7. Кизиветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания (1881–1914). Прага, 1929. 532 с.
8. Кудряшов В.В. Политический ссыльный В. Мандельберг в истории Иркутска // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Вып. 7 (19). Иркутск: «Оттиск», 2014. С. 491–504; Он же. В.Е. Мандельберг и газета «Иркутские дни» // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 455–463; Он же. В.Е. Мандельберг и газета «Восточное обозрение» // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 3 (17). С. 39–43; Он же. Доктор медицины В.Е. Мандельберг // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 528–536; Он же. Первые выборы в Государственную думу в Иркутске (1906–1907 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. С.331–339 и др.
9. Маклаков В. Вторая Государственная дума: Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2006. 335 с.
10. Мандельберг В. Из пережитого. Давос, 1910. 145 с.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. РГАСПИ. Ф. 93. Оп. 1.
12. Российский государственный исторический архив. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1, 2-й созыв.
13. Самоделкин В.А. В.Е. Мандельберг – один из оппонентов колчаковщины // История «белой» Сибири: Тез. докл. второй науч. конф. (4–5 февраля 1997 г.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 32–34.
14. Сибирская заря. 1907.
15. Сибирь. 1907.
16. Тернии без роз. Женева, 1908. 165 с.

Н.П. Матханова

**В.Д. Бонч-Бруевич и «академическое дело»:
помощь репрессированным историкам**

Аннотация. Рассматриваются различные оценки деятельности В.Д. Бонч-Бруевича по приобретению материалов для Государственного Литературного музея, приводятся характеризующие ее новые факты. Анализируется его переписка с историками, репрессированными по «академическому делу», сообщаются сведения о многочисленных фактах его помощи арестованным и ссылке.

Ключевые слова: В.Д. Бонч-Бруевич, «академическое дело», Государственный Литературный музей, политические репрессии, ссылка.

N.P. Matkhanova

**V.D. Bonch-Bruevich and the «Academics' Case»:
Help to the Repressed Historians**

Abstract. Different evaluations of V.D. Bonch-Bruevich's activities to obtain materials for the State Literature Museum are discussed. New facts characterizing his activities are given. His correspondence with historians repressed due to the "Academics' Case" is analyzed. Information about numerous facts of his help to the arrested and exiled is presented.

Key Words: V.D. Bonch-Bruevich, «Academics' Case», State Literature Museum, political repressions, exile.

В.Д. Бонч-Бруевич известен как революционер, партийный и государственный деятель, а также как издатель, исследователь религиозных движений, создатель и директор Государственного Литературного музея. У него были обширные связи в среде историков, архивистов, коллекционеров. Его деятельность по комплектованию коллекций ГЛМ получила противоположные оценки. Одни авторы справедливо утверждают, что «подавляющее большинство приобретенных им в это время ценнейших рукописей погибло бы в предвоенные

и военные годы, если бы владельцы этих рукописей не решились передать их в государственный музей, нередко уступив лишь страстной настойчивости директора» [38, с. 163], «без энтузиазма, целеустремленности, фантастической преданности Бонч-Бруевича Гослитмузей в том виде, в каком он существовал в 1930-е годы, просто не состоялся бы» [23, с. 10]. В фундаментальном обзоре личного фонда В.Д. Бонч-Бруевича в РГБ С.В. Житомирская и ее сотрудники указывали на «активную и неутомимую деятельность Бонч-Бруевича... по защите широкого круга людей, подвергшихся необоснованным репрессиям в 1930–1940-х гг.» [19, с. 72–73]. Директор РГАЛИ Т.М. Горяева также отмечает, что он «решал вопросы не только комплектования, но и материальной помощи малоимущим писателям и поэтам» [15, с. 27].

Обвинительную позицию заняли публикаторы писем Бонч-Бруевича Сталину, Ежову и Молотову – писем, в которых он решительно отмежевывается от «двурушников» и «врагов народа», «проклятых троцкистов и зиновьевско-каменевской банды», напоминает о своих заслугах по раскрытию и ликвидации «контрреволюционных организаций, ячеек и отдельных лиц» в 1917–1918 гг., о своей близости к Ленину, и заявляет о своей готовности лично «приступить... к любой работе в области непосредственной борьбы с контрреволюцией» и даже о готовности «привести в НКВД и дочь, и сына, и внука, если они хотя бы одним словом были бы настроены против партии и правительства» [5, с. 151–152].

С.В. Шумихин, сделавший очень много для воссоздания поистине колоссального объема и значения работы Бонч-Бруевича в ГЛМ и высоко оценивавший результаты его деятельности, также отмечал: «... не следует забывать, чего стоила эта настойчивость многим владельцам. Тяжелое материальное положение, часто близкое к нищете, в котором находилось большинство из них, и вполне понятное стремление директора музея всемерно “беречь государственную копейку”, как он сам выражался, могло приводить, как об этом свидетельствуют многочисленные факты из переписки, к настоящим житейским драмам и трагедиям» [41, с. 20–21]. Письма Бонч-Бруевича к наркомам внутренних дел он называл «прямыми доносами», возмущался введением в музей слежки за сотрудниками

[42, с. 70]. И тут же упоминал об арестах близких знакомых Бонч-Бруевича – Л.Б. Каменева, В.И. Невского, А.С. Бубнова, пяти постоянных представителей музея в Ленинграде, сотрудничавших с ГЛМ советских полпредов за границей, и, наконец, аресте и расстреле зятя, Л.Л. Авербаха [42, с. 70–71]. Если добавить не упомянутое в списке имя родной дочери В.Д. Бонч-Бруевича, арестованной вслед за мужем и попавшей в лагерь, – то в этом контексте вряд ли уместно в общем справедливое замечание «о трудности и даже невозможности адекватного восприятия психологии человека тридцатых годов» [42, с. 70].

Иногда директора ГЛМ прямо обвиняют в скупке по дешевке и даже в вымогательстве ценных документов, сотрудничестве ради «добычи» с «органами». В.М. и Е.О. Селезневы пишут: «С циничной откровенностью 16 апреля 1935 года Бонч-Бруевич докладывает В.М. Молотову: он получает сведения “из Ленинграда, где совершается передвижка населения, что многие из отъезжающих, или предполагающих, что они должны будут уехать, творят ужасные дела: то ли не понимая, то ли по злобе, то ли из боязни – уничтожают ценнейшие архивы XVIII и XIX веков”». Он «был готов выехать в Ленинград» и организовать «скупку этих материалов», причем удалось бы «очень понизить» цены. Кроме того, НКВД предлагалось распорядиться, «чтобы при обысках, которые совершаются в Ленинграде и Москве перед высылкой людей, все письменные материалы обязательно были бы отбираемы и чтобы они, таким образом, не могли быть после уничтожены» [35, с. 230]. Затем «в Ленинграде Бонч-Бруевич скупает чуть не даром множество уникальных материалов, о чем 20 августа 1935 года он рапортует Молотову: “Владельцы охотно и с полным доверием передали мне эти материалы в долг, причем оценку их нам удалось очень сильно понизить”. Например, ... за ценнейшие фотографии Сухово-Кобылина Бонч-Бруевич уплатил всего-навсего 225 рублей» [35, с. 230].

Надо учитывать, что существовала и иная, гораздо более радикальная позиция. В докладной записке А.М. Путинцева «К организации ЦЛМ в Москве (о собирании экспонатов)» от 3 апреля 1933 г. предлагалось «издание Советской властью декрета о запрещении частным лицам владеть всяческими ли-

тературными реликвиями» [30, с. 178]. Отказ от подобного решения Бонч-Бруевич объяснял так: «Перед нами был выбор в способах этого извлечения: реквизиция, то есть принудительное изъятие, или добровольное отчуждение за известный эквивалент, выплачиваемый государством. Первый способ представлялся нам нецелесообразным и по своей несвоевременности, и по своей малой продуктивности. После первой операции, может быть и удачной, вся остальная масса владельцев попрятала и даже поуничтожала бы архивы» [30, с. 180]. Тогда удалось «пробить» специальное постановление Политбюро «О скупке ценных литературных архивов», в соответствии с которым «для скупки ценных литературных архивов, принадлежащих выселяемым из Ленинграда лицам», было ассигновано «из резервного фонда СНК 30 тыс. руб.» [14, с. 255].

Биография и деятельность Бонч-Бруевича заставляет предполагать, что приведенная, сугубо прагматичная, аргументация была нарочитой. Известно, что еще до революции он занимался историей общественного движения и общественной мысли, в 1904 г. он «создал Центральную библиотеку и архив ЦК РСДРП в Женеве» [29, с. 38], был связан со многими деятелями отечественной культуры, в том числе с А.А. Шахматовым и В.И. Срезневским (с последним даже дружен), его издательская деятельность была тесно связана с собиранием и изучением материалов религиозных организаций и движений [21, с. 274–276; 40, с. 375–377; 23, с. 214, 229–236; 24, с. 77–78; 16, с. 246–248].

В разгар настоящих погромов интеллигенции и массовых арестов в 1930-е годы Бонч-Бруевич пытался спасти от уничтожения хранившиеся у арестованных и изымавшиеся чекистами архивы. В опубликованных С.В. Шумихиным письмах Бонч-Бруевича главам НКВД «речь идет о противозаконном уничтожении сотрудниками НКВД архивов... после ареста их владельцев... Он с трогательной наивностью просит... “приказать самым строжайшим образом проверить эти ужасные факты” и сделать “необходимые оргвыводы”» [42, с. 73].

Находившийся в ссылке историк, археограф и коллекционер В.Г. Дружинин еще 6 октября 1933 г. (т. е. задолго до обращения самого Бонч-Бруевича в «органы») предлагал ему: «Надо теперь ловить литературные материалы, которые могут

погибнуть. Если бы Вы могли забрать к себе то, что отобрано при обысках! Думаю, нашлось бы много ценного материала!» [18, л. 30 об.]. Так что собиратели и хранители культурного наследия, понимавшие его значение, поддерживали линию директора ГЛМ. О мотивах своих действий сам он писал 10 декабря 1933 г. М.С. Боровковой-Майковой: «... если мы не озаботимся о всех этих документах, то их огромная часть исчезнет... погибнут безвозвратно документы культуры уже ушедшей от нас эпохи» [8, л. 12].

Весомым аргументом в пользу позиции защитников может служить деятельность Бонч-Бруевича во время «академического дела» и после него.

Во введении к публикации доклада Г.М. Кржижановского в Обществе историков-марксистов «Об архивах, обнаруженных в Академии наук» В.Г. Бухерт отмечает, что на заседании 11 декабря 1929 г. «наиболее последовательным оппонентом Кржижановского и, по существу, защитником академии выступил В.Д. Бонч-Бруевич. Аргументируя примерами из собственного опыта, он заявил, что Академия наук, будучи традиционным местом хранения документов нелегальных организаций и их печатных изданий, “сохранила для всей нашей истории то, что должно было погибнуть”. В.Д. Бонч-Бруевич подчеркнул: надо ценить то, что сделали академик А.А. Шахматов и член-корреспондент В.И. Срезневский для сохранения архивов» [11, с. 94]. Имелось в виду хранение Шахматовым и Срезневским до революции документов и нелегальной литературы, переданных в Архив Академии при посредничестве Бонч-Бруевича.

Бонч-Бруевич вел переписку с многочисленными репрессированными историками и другими деятелями культуры – в 1930-е годы это само по себе было решительным и мужественным поступком. А он к тому же заступался за обвиненных или подозреваемых, оказывал помощь арестованным и сосланным. Фактов помощи репрессированным было немало, а собранные вместе, они складываются в выразительную картину.

В.Д. Бонч-Бруевич «не побоялся принять» на работу в ГЛМ отбывшего срок Н.П. Анциферова. После его очередного ареста директор, как выясняется из введенного в научный оборот Д.С. Московской следственного дела Анциферова, дал арестованному «политическую и деловую характеристику», приведя

– в 1937 г.(!) – «собственное мнение о политической благонадежности сотрудника» [31, с. 63].

Известный критик и публицист Р.В. Иванов-Разумник, «находясь в ссылке в 1936–1937 гг. ... работал по заданию Литературного музея по подготовке к печати писем Андрея Белого к нему». Понятно, что некий официальный или полуофициальный статус заметно укреплял его положение. Когда его арестовали во второй раз, Бонч-Бруевич поднял на ноги всех сотрудников Музея, организовал составление справки об арестованном «объемистой, размером с большую статью в два печатных листа». Сам Иванов-Разумник считал, что именно этому он был обязан своим освобождением [26, с. 144].

Арестованный по «академическому делу» историк М.Д. Приселков оказался после ссылки в Галиче. Его старый друг историк В.Н. Бенешевич 11 октября 1934 г. обратился к В.Д. Бонч-Бруевичу «с таким ходатайством: “Обращаюсь к Вам с просьбой за давно и хорошо мне знакомого человека проф. Мих. Дмитр. Приселкова не потому только, что питаю к нему дружеские чувства, а потому, что в лице его погибает для науки человек в своем роде единственный. Значение его можно кратко и лучше всего выразить так: он продолжает работу А.А. Шахматова над летописями и он же единственный, кто мог бы подготовить к изданию оставшееся после Шахматова грандиозное исследование о летописях. Не говорю уже о том, что М.Д. талантливейший исследователь, и излагатель своих исследований, и человек, беззаветно преданный научной работе. Преступлений за ним столько же, сколько и за мной, и такие же, но он уже отбыл наказание и находится теперь на вольной ссылке в Галиче Костр[омской] губернии. Сердечно прошу Вас ради интересов возрождающейся историч[еской] науки не отказать в Вашем ходатайстве о разрешении М.Д. Приселкову вернуться в Л[енин]гр[ад]”. Возможно, что это ходатайство возымело действие. Постановлением ЦИК СССР от 17 декабря 1935 г. Приселков был освобожден от ссылки и вернулся в Ленинград» [27, с. 11–12].

Сам В.Н. Бенешевич был арестован в ноябре 1928 г., приговорен к 3 годам лишения свободы, затем привлечен к «академическому делу» и приговорен еще к пяти годам лагерей. В марте 1933 г. по ходатайству Бонч-Бруевича досрочно освобо-

жден и вернулся в Ленинград. Из переписки выясняется, что Бонч-Бруевич помогал и в освобождении жены Бенешевича и рекомендовал: «Вам лучше всего обратиться к П.Г. Смидовичу, заместителю Председателя ЦИК, возглавляющему Комиссию по амнистиям, и написать ему заявление» [7, л. 1 об.]. Когда эти действия не увенчались успехом, советует: «Самое лучшее... написать заявление нашему главному прокурору... Акулову и послать это заявление мне. Я со своей стороны сейчас же напишу ему письмо и не сомневаюсь в том, что он примет Ваше заявление в самое непосредственное внимание» [7, л. 8–8 об.]. Жену с помощью Бонч-Бруевича Бенешевич тогда вызволил, но сам он был арестован в 1937 и в 1938 г. расстрелян – помочь ему уже оказалось невозможно.

П.Г. Васенко арестован по «академическому делу» в 1930 г., после Соловецкого лагеря жил на поселении во Владимире. Оттуда обратился к Бонч-Бруевичу с предложением записать сохранившиеся в памяти «факты, даже мелкие, даже анекдотического характера, рисующие недавнее прошлое и его деятелей» и передать их в распоряжение Комиссии по созданию Центрального музея литературы. «Таким образом, – надеялся отчаянно нуждавшийся ссылный, – я получил бы некоторый заработок и не был бы таким бременем для моей трудовой, но мало зарабатывающей семьи, которую я невольно отягощаю расходами на мое содержание, расходами, для них чрезвычайно тяжкими» [12, с. 232–233]. Переписка продолжалась полтора года, были написаны для Государственного литературного музея «Мелочи прошлого быта» [13] и «Воспоминания о моей жизни и прошлом быте». Полученные за первое сочинение 250 руб. [12, с. 296] фактически спасли ссылного историка от голода.

В.И. Срезневский обращался к Бонч-Бруевичу во время разгрома Рукописного отделения БАН в 1929–1931 гг. [16, с. 246–247]. Сообщая 20 марта 1931 г. об аресте своего ближайшего помощника Ф.И. Покровского, приговоренного первоначально к 10 годам заключения, Всеволод Измайлович буквально умолял: «Придумайте, дорогой Владимир Дмитриевич, как можно облегчить его участь» [36, л. 4 об.]. Просил о бывших помощниках, «моих товарищах» – С.И. Еремине и И.И. Фетисове, которые «были взяты» в самом начале, потом выпущены

и снова взяты и «присуждены к 3-м годам лагерей». Они ни в чем не виноваты, они помогали присланным (т. е. комиссии Фигатнера. – *Н. М.*) разбирать рукописи. Что делать? Хлопотать? Как? [36, л. 5]. Арестован Б.Н. Жукович, прежний помощник по Рукописному отделению, ныне сотрудник Археологического института. Как помочь? [36, л. 60 об.]. В одном из писем В.И. Срезневскому Бонч-Бруевич писал: «Надо раз и навсегда помнить, что о всех подобных делах, о которых Вы мне пишете, необходимо сейчас же хлопотать у Председателя Ленинградского совета т. Кирова, который очень хороший человек» [10, л. 31] (любопытно, что должность Кирова названа ошибочно!). И далее: если дело закончено, «хлопотать, подавая заявление в Москву, в Комиссию досрочных амнистий (опять ошибочное название инстанции. – *Н. М.*) на имя П.Г. Смидовича, и идти к Кирову – хорошему, вдумчивому и справедливому человеку» [10, л. 33]. Был и другой вариант, о котором читаем в письме тому же Срезневскому: «Заявление Жуковича лучше послать в Комиссию по делам частных амнистий, но могу передать М.И. Калинину, а он направит по соответствующему руслу» [10, л. 21]. Иногда хлопоты оказывались успешными. Так, Срезневский благодарил за помощь Б.Н. Жуковичу, С.И. Еремину, Ф.И. Покровскому [36, л. 49, 53, 76]. Последнему в 1934 г. разрешено свободное проживание, он работал в Карельском отделении ВНИИ озерного и речного рыбного хозяйства, в 1938–1941 состоял на временной работе в Институте языка и мышления [25].

Так же действовал Бонч-Бруевич и в другом случае. Он писал председателю комиссии частных амнистий Смидовичу с ходатайством за племянника Н.Г. Чернышевского: «Дорогой Петр Гермогенович, подательница сего – жена Николая Александровича Пыпина, о котором я Вам как-то говорил и которую я лично первый раз в жизни вижу. С Н.А. Пыпиным я лично тоже не знаком, но... переписывался с ним по делу об архиве Чернышевского и Пыпина» и «очень много слышал о нем на пространстве 30 лет моей литературно-общественной деятельности». Бонч-Бруевич был очень хорошо знаком со Смидовичем и по его должности как председателя Комиссии по делам культов. А.Н. Пыпин был арестован в 1930 г. по «академическому делу», в феврале 1931 г. приговорен к 10 годам лагерей.

По настоянию Смидовича дело было пересмотрено [33, л. 16, 18, 20-20 об.], Пыпин освобожден в апреле 1933 г., вернулся в Ленинград. Высланный в начале 1935 г. из Ленинграда (в ходе «зачистки города после убийства Кирова») Н.А. Пыпин 1 апреля 1935 г. обратился к Сталину [14, с. 763]. Вероятно, ему и на этот раз удалось вернуться, потому что умер он в Ленинграде во время блокады в 1942 [34, с. 83].

В.Г. Дружинин арестован (тоже по «академическому делу») 25 июня 1930 г., приговорен к 5 годам лагерей, в 1932 г. оказался на поселении в Ярославской области, где он «был обречен вести ежедневную борьбу за выживание: не хватало денег на жилье, дрова и даже хлеб» [4, с. 224]. По инициативе Бонч-Бруевича В.Г. Дружинин приступил к работе над воспоминаниями [4, с. 214]. «Вообще очень хотел бы просить Вас, – писал ему Бонч-Бруевич 20 мая 1933 г., – не найдете ли возможным в Вашем ярославском уединении начать писать Ваши записки о всех ваших литературных встречах, знакомствах, различных документах, Ваших исследованиях и т. д., и т. д. Это было бы очень интересно и мы бы охотно все это напечатали бы» [9, л. 14]. И затем не раз повторял: «Ждем от Вас дальнейшего продолжения Ваших воспоминаний» [9, л. 23]; «Советую продолжать писать воспоминания» [9, л. 30]. В ответ пишется: «Очень Вам признателен, что Вы даете мне работу: она оживила меня» [18, л. 15–15 об.]. Бонч-Бруевич сочувствует, дает указания о высылке денег, бумаги и перьев, но настаивает на продаже архива музею, что и было осуществлено [4, с. 225, 226]. Дружинин, в свою очередь, неоднократно повторяет, что без своих архивов не может работать, а получив к ним доступ, мог бы сделать много полезного [18, л. 10–10 об.].

Но дело было не только в архивах и воспоминаниях: Бонч-Бруевич помог Дружинину добиться освобождения и возвращения в Ленинград. Способ действий тот же: «Советую написать подробно на имя П.Г. Смидовича, председателя комиссии частных амнистий» [9, л. 10]. Ссылный просит: «Вы, конечно, знакомы с П.Г. Смидовичем, попрошу Вас, когда я напишу, замолвить обо мне словечко» [18, л. 10]. Через два года Дружинин повторяет: «...с Вашего разрешения посылаю мое заявление на имя прокурора с покорнейшей просьбой прочесть его... Если... найдете текст... удовлетворительным, то передать

его по назначению т. Акулову с Вашей на прошении моем подписью» [18, л. 41–41 об.]. Со слов сына Дружинин узнает, что Бонч-Бруевич принял участие в деле и добавляет: «... уповаю на успех Вашей помощи» [18, л. 44]. Далее Бонч-Бруевичу отправляется заявление ссыльного на имя М.И. Калинина [18, л. 49]. На это следует ответ: «Получил Ваше заявление на имя М.И. Калинина и немедленно передал его по принадлежности, ничего в нем не исправив, так как нахожу, что оно вполне хорошо составлено» [9, л. 42]. На этот раз хлопоты увенчались успехом – Дружинину было разрешено вернуться, причем даже деньги на обратную дорогу были высланы из музея [4, с. 266].

Особое место среди корреспондентов и «подзащитных» Бонч-Бруевича занимал его давний знакомый и сотрудник, педагог, этнограф, библиофил и краевед И.С. Абрамов [28]. Часть их переписки, отложившейся в фондах РГАЛИ, была опубликована в 2003 г. тюменским филологом, краеведом и издателем Ю.Л. Мандрикой [32], но большой массив писем за 1910–1954 гг. сохранился в личном фонде Бонч-Бруевича в ОР РГБ.

В 1931 г. Бонч-Бруевич получил от своего давнего знакомца открытку с поразившими его сведениями: «В настоящее время, – писал Абрамов 15 июня 1931 г., – я выслан в Котлас (Северн[ый] край) на три года (за распротр[анение] краеведч[еской] литературы, согласно офиц[иальным] данным). Живу в одном из барачков, верстах в 3-х от города» [2, л. 16]. В Котлас следует ответ: «Очень изумлен всем тем, что с Вами произошло. Убежден, что это какое-то недоразумение. Советую Вам совершенно объективно, честно, искренне написать о всем Вашем деле Первому заместителю Председателя ОГПУ тов. Акулову и просить о пересмотре дела». К этому обычному совету добавлены знаменательные слова: «И в этом Вашем заявлении можете сослаться на меня, что я Вас давно и хорошо знаю» [6, л. 23].

Следующее письмо Абрамова имеет значение не только для характеристики позиций автора и помогавшего ему Бонч-Бруевича. Оно важно для истории краеведческого движения и его разгрома, поэтому приводится полностью.

«1931 г. 29 августа.

Адрес: Сольвычегодск (до востребования)

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Шлю Вам привет с далекого севера, из старинной “Соли Вычегодской”, куда я выслан “за распространение краеведческой литературы”, которая, как известно, издавалась всецело советскими учреждениями.

Судьбе угодно было, чтобы Вы были многолетним свидетелем моей совершенно безупречной общественной работы, как до 17-го года, так и при советской власти. Если бы я ограничился только учительством в городской школе, можно думать, меня бы не трогали; но на свою беду (говорю совершенно искренне) я интересовался наукой, интересовался литературой; сам писал; но я не написал ни одной строчки, к которой можно бы придаться, не сказал ни одного предосудительного слова в своих многочисленных лекциях и докладах... И все же я выслан в Северный край и попал сперва в “Макариху”, потом в Котлас и далее в Сольвычегодск. Несмотря на свои 56 лет, корчевал лес, а теперь работаю в конторе на постройке одной тракторно-ремонтной мастерской.

О книгах и рукописях приходится забыть; иногда лишь в руки попадает запоздалая газета. Конечно, я ни единой секунды не обвинял в своих злоключениях советский строй, я виню отдельных людей, которые без должного внимания отнеслись к какой-то подлой клевете, которые увидели преступление в “распространении краеведческой литературы”. А между тем я был членом-сотрудником Московского Центрального бюро краеведения (по избранию), возглавляемого партийцем, и считал своею обязанностью распространять советскую краеведческую литературу. Неужели Московское Центральное бюро краеведения не поможет мне выбраться из незаслуженного несчастья? В самом деле, что совершил я преступного? Я сотрудничал в московском журнале “Советское краеведение”, в котором, между прочим, описал жизнь и краеведческую работу одного коммуниста из Козьмодемьянска, бывш[его] рабочего, а потом основателя самого замечательного музея в Чувашской республике. Клянусь дорогой памятью Веры Михайловны, что последнее обстоятельство почему-то было поставлено мне в вину (на допросе). Вам известна моя краеведческая книжка «Познание местного края», ее рекомендовал краеведам журнал М.

Горького «Наши достижения». И все-таки я был выслан в “Макариху” и определен корчевать лес...

В[ладимир] Д[митриевич]! Разве советской власти не нужны культурные работники, вышедшие из самых беднейших слоев и работавшие все время только для советской власти? Приближается северная зима, а с нею и работы на лесных заготовках, конечно, нелегкие для старого научного работника. В[ладимир] Д[митриевич]! Когда-то с блестящим успехом Вы выступали на защиту Бейлиса! Заступитесь теперь за меня, т. к. я несправедливо зачислен в противный лагерь... Эх, отчего я в свое время не переехал в Москву... Глубокоуважаемый В[ладимир] Д[митриевич], окажите мне содействие как Вашему б[ывшему] сотруднику! Буду надеяться.

С приветом И. Абрамов» [2, л. 17–18 об.].

Несколько необходимых пояснений. «Макариха» – лагерь из барakov для раскулаченных и прочих спецпереселенцев. Во главе Центрального бюро краеведения в 1927–1931 гг. стоял П.Г. Сидович. В журнале «Советское краеведение» в цикле биографических очерков о краеведах И.С. Абрамов писал о заведующем Горно-марийским музеем С.Ф. Пустырникове, одном из учредителей краеведческого общества в Козьмодемьянске [1]. В соавторстве с А.П. Дзенс-Литковским он опубликовал книгу «Познание местного края» [17]. В 1913 г. В.Д. Бонч-Бруевич «участвовал в качестве эксперта и корреспондента ряда газет и журналов в процессе М. Бейлиса, обвинявшегося в “ритуальных убийствах”» [39, с. 297].

Менее, чем через полгода Иван Спиридонович, сообщая «радостную весть о пересмотре... дела», горячо благодарит Бонч-Бруевича: «Пересмотр – результат Ваших хлопот, Вашего участливого отношения» [2, л. 20–20 об.]. После освобождения и возвращения в Ленинград Абрамов становится – сначала неофициально, а с 1932 г. и формально – представителем ГЛМ в Ленинграде [32, с. 145] и немало способствует получению музеем книг, портретов, рукописей и других материалов.

В сентябре 1933 г. И.С. Абрамов вновь был арестован – на сей раз по «делу Ленинградского научного общества по изучению украинского языка и литературы» («делу славистов») [3, с. 43] и обвинен в украинском национализме, семь месяцев он находился в ДПЗ и был выслан в Тобольск. Бонч-Бруевич 17

ноября 1933 г. писал начальнику Ленинградского ОГПУ Медведю, 29 ноября 1933 г. самому Кирову. Он пытался «ускорить рассмотрение дела Абрамова и, если оно недостаточно серьезно, выпустить его на поруки» [32, с. 147]. В письме Кирову добавлял, что «И.С. Абрамов совершенно советский человек, он глубокий демократ» [32, с. 149–150]. Удалось добиться лишь того, что «распечатали комнату» и дали возможность «перед отъездом в Западную Сибирь сдать все дела, связанные... с музеем» [32, с. 151]. В Тобольске Абрамов занимался поиском материалов для музея, но не оставлял надежды на возвращение. «Если Вы считаете себя неправильно осужденным, – отвечает Бонч-Бруевич 7 декабря 1934 г., – то немедленно подавайте заявление на имя Верховного Прокурора Союза тов. И.А. Акулова и Председателю Комиссии по делам частных амнистий тов. П.Г. Смидовичу. Заявления Ваши присылайте мне. В этих Ваших заявлениях опишите чистосердечно все Ваше дело» [32, с. 169]. Копии заявлений на имя Калинина и Смидовича сохранились в фонде Бонч-Бруевича.

В 1936 г. Абрамов получил из Верховного суда извещение о том, что его заявление «оставлено без последствий» [32, с. 183]. Через месяц Бонч-Бруевич отправляет ему официальную справку о том, что «Абрамов, живя в г. Тобольске, работает по собиранию исторических и литературных материалов, которые доставляет нам в Государственный Литературный музей» [32, с. 185]. В конце 1937 или начале 1938 г. Абрамов вернулся из ссылки, но жил уже не в Ленинграде, а на родине, в селе Воронеж Сумской области [28].

Возможности Бонч-Бруевича, и без того весьма ограниченные, резко сузились во второй половине 1930-х годов. Уже 4 мая 1934 г. на заседании политбюро от имени ОГПУ было доложено «о вредительских действиях» руководства Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики, которое активно скупало литературные архивы бывших противников советской власти, попутчиков и оппозиционеров и, по мнению чекистов, тем самым за государственный счет финансировало “врагов народа”. Другим недостатком деятельности руководства и лично директора музея В.Д. Бонч-Бруевича называлась “засоренность аппарата музея неблагонадежными элементами” [14, с. 759–760]. Все же тогда, что называется,

«обошлось»: постановление политбюро сократило финансирование музея, и приняло решение «тов. Бонч-Бруевичу, не проявившему необходимой бдительности и допустившему засоренность аппарата музея, поставить на вид» [14, с. 214].

В конце 30-х годов собрание ГЛМ «с материалами “врагов народа” день ото дня становилось все более угрожающим для самих хранителей». Директору «приходилось давать письменные объяснения об обстоятельствах приобретения» архивов «неблагонадежных». Бонч-Бруевича часто упрекали, что он приобретает материалы гораздо шире официальных задач музея, засоряет фонды, в справках об архивных фондах «заметно желание их составителей подогнать приобретенные материалы под профиль Музея» [30, с. 180]; «музей становился объектом всевозможных проверок; в заключениях комиссий писалось, например: “Помощь бывшим людям идет не только по линии закупки у них всяких ненужных вещей, но и путем предоставления им литературной работы, не представляющей интереса для музея”» [42, с. 71]. В марте 1940 г. Бонч-Бруевич перестал быть директором созданного им музея. Не исключено, что, помимо названных идейно-политических «недостатков» и «ошибок», травля его была обусловлена и многолетними дружескими отношениями, и перепиской с арестованными и ссыльными.

Можно предположить, что Бонч-Бруевичем двигала не только забота о сохранении литературно-художественного наследия («все подобные ценности, как рукописи, письма, редкие книги ни в коем случае нельзя было держать у себя, а следовало передавать в архивохранилища, где все это было бы сохранено», – писал он [32, с. 205]) и гуманное, человеческое отношение к находившимся в тяжелейшем положении людям. Замечания и нарекания, а порой и обвинения со стороны партийного руководства и «органов» довольно четко коррелируют со смыслом и содержанием его переписки с репрессированными историками. После восстановления преподавания «гражданской истории» Бонч-Бруевич писал 17 июня 1934 г. В.Н. Бенешевичу: «Я очень радуюсь тому, что исторические факультеты восстановлены во всех университетах, что должно сильно толкнуть нашу науку и исследования» [7, л. 14–14 об.]. А слова, с горечью и откровенно высказанные незадолго перед последним

арестом Бенешевича, явно адресованы единомышленнику: «... историю, которую [М.Н.] Покровский разрушил быстро, за 10 лет не устроить вновь» [7, л. 71 об.].

Собирательская и просветительная деятельность Бонч-Бруевича не вписывается в стереотипные представления о «твердокаменном большевике», ее направленность и размах показывают, что он прекрасно понимал необходимость сохранения «осколков прошлого» [21, с. 72, 73]. Его удивительная судьба и огромная роль в создании ГЛИМ, спасении множества памятников русской культуры и самих уцелевших ее носителей заслуживает особой серьезной монографии.

Список литературы и источников

1. Абрамов И.С. Краеведы-самоучки. Заведующий горно-марийским музеем С.Ф. Пузырников // Советское краеведение. 1930. № 5. С. 24–25.
2. Абрамов И.С. Письма Бонч-Бруевичу В.Д. // ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 229. Д. 5.
3. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело славистов: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.
4. Берестецкая Т.В. В.Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.) / Исследования по русской истории. Вып. 2. М.: Археографический центр, 1994. С. 214–227.
5. [Бонч-Бруевич В.Д.] «Не дрогнет рука привести в НКВД и дочь, и сына, и внука». Письма старого большевика // Источник. Документы по русской истории. 1996. № 3/4. / Старая площадь. Вестник Архива Президента РФ / подг. А. Коротков, В. Лебедев, С. Мельчин, А. Степанов. С. 146–156.
6. Бонч-Бруевич В.Д. Письма Абрамову И.С. // ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 122. Д. 3.
7. Бонч-Бруевич В.Д. Письма Бенешевичу В.Н. // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 443.
8. Бонч-Бруевич В.Д. Письма Боровковой-Майковой М.С. // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 505.
9. Бонч-Бруевич В.Д. Письма В.Г. Дружинину // ОР РГБ. Ф. 369. К. 145. Д. 30.
10. Бонч-Бруевич В.Д. Письма Срезневскому В.И. // ОР РГБ. Ф. 369. К. 206. Д. 7.
11. [Бухерт В.Г.] «Мы лазили под все шкафы, шарили во всех углах». Доклад Г.М. Кржижановского в Обществе историков-марксистов. 1929 г. / публ. подг. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2014. № 1. С. 93–110.
12. Васенко П.Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / вступ. статья, публ., коммент., указат. Н.П. Матхановой, отв. ред. акад. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 331 с.
13. Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта. Анекдотические факты из жизни «высокопоставленных» лиц, артистов, просветитель театрального мира, духовных академиков, профессоров и других ученых, педагогов,

директоров учебных заведений / предисл., подг. текста, коммент. А. В. Сиренова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 123 с.

14. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А.Н. Артизов, О.Н. Наумов. М.: МФД Материк, 2002. 868 с.

15. Горяева Т.М. Одна из оригинальнейших и замечательных реализаций, осуществленная в СССР (к 70-летию РГАЛИ) // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 27–39.

16. Горяинов А.Н. Всеволод Измайлович Срезневский – археограф, славяновед и общественный деятель // Славянский альманах. 2002. М.: Индрик, 2003. С. 237–252.

17. Дзенс-Литовский А.П., Абрамов И.С. Познание местного края. Объяснение, содержание и приемы ведения краеведческой работы и организации местного музея. Планы работ и краткие программы для изучения своего края. Л.: «Колос», 1925 / предисл. С.Ф. Ольденбурга. 180 с.

18. Дружинин В.Г. Письма В.Д. Бонч-Бруевичу // ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 267. Д. 17.

19. Житомирская С.В., Гапачко Л.В., Шлихтер Б.А. Архив В.Д. Бонч-Бруевича // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М.: ГБЛ СССР, 1962. Вып. 25. С. 7–79.

20. Клибанов А.И. В.Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений в России // Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. М.: Изд-во Акад. наук СССР. 1959. Т.1. О религии, религиозном сектантстве и церкви. 410 с. С. 7–28

21. Клибанов А.И. Из воспоминаний о В.Д. Бонч-Бруевиче // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1983. Вып. 31. С. 269–295.

22. Клибанов А.И., Коган Ю.Я., Сурикова К.Б., Шейнман М.М. Краткий очерк общественно-политической и научной деятельности // Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955) / вступ. ст. Г.И. Петровского, библиография сост. Н.М. Нестеровой и К.Б. Суриковой. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 21–24.

23. Копанев А.И. Всеволод Измайлович Срезневский – библиотекарь Библиотеки Академии наук // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. [Вып. III]. Л.: Издат. отдел БАН СССР, 1973. С. 214–245.

24. Копанев А.И. Об одной легенде // Книга в России XVIII – середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук. Л.: БАН СССР, 1989. С. 75–83.

25. Крапошина Н.В. Биография Федора Ивановича Покровского в личных документах и научной переписке (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Академический архив в прошлом и настоящем. Сборник научных статей к 280-летию Архива Российской академии наук. СПб.: Нестор-История. 2008. С. 369–381.

26. Лавров А.В. О Блоке и Пушкине (Царском Селе). Письмо Иванова-Разумника к В.Д. Бонч-Бруевичу // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 143–150.

27. Лурье Я.С. [Предисловие] // Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. / изд. подгот. В.Г. Вовиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 5–29.

28. Матханова Н.П. Краевед и библиофил И.С. Абрамов и его письменное наследие // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. / Археография и источниковедение Сибири. Вып. 35. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2016 (в печати).

29. Межова К.Г. Деятельность В.Д. Бонч-Бруевича по собиранию документов личного происхождения // Советские архивы. 1973. № 3. С. 37–42.

30. Межова К.Г. Материалы о собирании В.Д. Бонч-Бруевичем литературных архивов (Обзор документов личного фонда) // Труды МГИАИ. Т. 30. Вып. 1. Историография и источниковедение истории СССР. М.: МГИАИ, 1974. С. 176–184.

31. Московская Д.С. Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930 гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 431 с.

32. Переписка И.С. Абрамова с В.Д. Бонч-Бруевичем / публ. Ю.Л. Мандрики // Лукич. 2003. № 3. С. 145–206.

33. Письма и заявления граждан на имя М.И. Калинина и материалы по проверке фактов, изложенных в письмах и заявлениях // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66 а. Д. 72.

34. Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 598 [2] с. / Комм. Краснобородько Т.И., Хитрово Л.К.

35. Селезнев В.М., Селезнева Е.О. Дело Виктора Гроссмана // Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 227–245.

36. Срезневский В.И. Письма Бонч-Бруевичу В.Д. // ОР РГБ. Ф. 369. К. 338. Д. 18.

37. Старостин Е.В. Хорхордина Т.И. Декрет об архивном деле 1918 года // Вопросы истории. 1991. № 7/8. С. 41–52.

38. Чудакова М.О. Рукопись и книга: Рассказ об архивоведении, текстологии, хранилищах рукописей писателей: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1986. 173 с.

39. Шахнович М.И. В.Д. Бонч-Бруевич – исследователь религиозно-общественных движений в России // Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.;Л., 1964. Вып. 7. С. 293–297.

40. Шмидт С.О. «Справка» В.Д. Бонч-Бруевича о деятельности академика А.А. Шахматова // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 375–377.

41. Шумихин С.В. Образование, комплектование и использование архивного собрания Государственного литературного музея в 1931–1941 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.: МГИАИ, 1983. 29 с.

42. Шумихин С.В. Письма наркомам // Знание – сила. 1989. № 6. С. 69–74.

Профессор Б.С. Шостакович: штрихи к портрету историка

Болеслав Сергеевич Шостакович оставил в исторической науке заметный след. Он был известным полонистом, доктором исторических наук, профессором Иркутского государственного университета, одним из руководителей правления польского культурно-просветительного общества «Огниво» в Иркутске. О его научном творчестве уже сложилась своя историография. Однако многие страницы его судьбы и повседневной жизни остались вне поля зрения биографов. С этой точки зрения я (*Юрий Петрушин. – Ред.*) попытаюсь хотя бы в общих чертах осветить некоторые факты его биографии, органически вплетенные в творчество известного сибирского ученого.

Б.С. Шостакович – дите войны. Он родился 3 февраля 1945 г. в семье известного историка, профессора Иркутского государственного университета С.В. Шостаковича. Родственные корни предков Б.С. Шостаковича восходят к истокам российского и польского национально-освободительного движения. В более позднее время родство с семьей известного композитора Д. Шостаковича приобрело ореол мирового уровня, о котором Болеслав Сергеевич говорил со свойственной ему скромностью. Помнится, когда в Иркутск приехал В. Спиваков со своим оркестром «Виртуозы Москвы» и исполнил произведения раннего Д. Шостаковича, Болеслав Сергеевич, обладавший музыкальной грамотой, весьма деликатно говорил нам, своим коллегам, о некоторых неточностях исполнения оркестром музыкальных сюжетов из раннего творчества (1920-х) годов Д. Шостаковича.

Однажды, лет 5 или 7 назад, в одном из совместных пребываний с Болеславом Сергеевичем в Питере, он позвал меня на ужин с семейством Шостаковичей. По своей неразумности и какой-то провинциальной скромности, я отказался. Болеслав Сергеевич обиделся и мягко выговорил мне, что он сожалеет об этой упущенной возможности. Теперь я понимаю, какую неадекватность допустил тогда ваш покорный слуга. Вообще, он всегда старался познакомить нас с деятелями польской науки и культуры, приезжавшими в Иркутск, часто приглашал своих именитых коллег на исторический факультет.

Болеслав Сергеевич очень тепло относился к Питеру, его истории и жителям «ленинградцам». Будучи в командировках, он всегда останавливался в этом городе у родственников. Видимо его сознание тревожили трагические дни блокады города, где зимой 1942 г. от голода умер его дед Владимир Болеславович.

Не забывал Болеслав Сергеевич и свое послевоенное детство. Оно было, как и у многих его сверстников и счастливым (война кончилась), и не сытым. Иногда он упоминал о консервах, которые получали в его семье по продовольственной норме, оставшихся на складах еще по «Лендлизу». Может быть, поэтому он был непривередлив в пропитании, всегда был умерен в «горячительных напитках». Однако любил хорошую и интересную компанию. Из своих поездок в Польшу он всегда привозил нам, своим друзьям, дубовую настойку. После рабочего дня, закрывшись в кабинете, мы накрывали скромный стол. Болеслав Сергеевич выставлял «Дубовую», и мы на часа 2 или 3 предавались разговорам о его поездке, о нашей любимой истории.

Не сказать, что Болеслав Сергеевич был занимательный рассказчик, но он умел поддержать разговор, демонстрировал энциклопедические знания обсуждаемого предмета, ценил и понимал юмор. В такие периоды встреч он заметно раскрепощался и оживлялся, шутил, смеялся. В нем совсем не было той официозности и сухости преподавателя, которые наблюдали студенты.

В студенческую аудиторию и на факультет Болеслав Сергеевич всегда приходил в костюме и при галстуке. Он был по-европейски элегантен, вежлив и предупредителен. Никогда не повышал голоса, был носителем грамотного академического языка, который, к сожалению, сейчас не в моде. Когда возникала необходимость у его коллег, брался за переводы статей с польского на русский язык. Он чтит нравственные принципы, заложенные католической верой, был в числе верной паствы местного костела. С другой стороны, Б.С. Шостакович органично впитал в себя и понимал сибирскую самобытность и ментальность местных жителей, их образ жизни. Все это делало его сибиряком в самом широком смысле слова.

Болеслав Сергеевич был не только интеллектуалом и интеллигентом в третьем поколении, но и следил за своей физической формой, хорошо разбирался в спортивной жизни страны. Иногда, когда проводились научные конференции на спортивных базах за городом, мы с удивлением наблюдали, как в свободные минуты Болеслав Сергеевич играл с молодежью в волейбол. Он технично применял приемы, показанные в детстве отцом Сергеем Владимировичем Шостаковичем, известным в нашем городе еще и как классный теннисист.

Подкупала в Болеславе Сергеевиче его честность и мягкость, искренняя непрактичность в житейских ситуациях. Когда у него случилась трагедия (из жизни ушла супруга), Болеслав Сергеевич как-то сник, растерялся, искал поддержки и сочувствия, которые мы по мере возможности старались ему оказать.

В редкие минуты откровенности он тепло отзывался о своей семье, дочери Ирене, супруге Елене Станиславовне. Особенно нежно любил внуков, размышлял об их будущем. Болеслав Сергеевич умел поддержать близких друзей в трудную минуту, найти простые слова сочувствия, оказать посильную помощь. За это мы его уважали и почитали как старшего товарища.

Многие из этих качеств характера в той или иной мере проявлялись в научном творчестве Болеслава Сергеевича Шостаковича. Суета ему была противопоказана по природе. К изучению проблемы он подходил медленно, не спеша. Как скрупулезный ученый и основательный по характеру человек, огромное внимание уделял подготовительной работе. Это касалось сбора и обработки источников, историографических оценок, методологии научного исследования. Отсюда у исследователя всегда был цейтнот времени. Для выражения такого состояния дел у Болеслава Сергеевича в ходу было две сакраментальные фразы: «каким то образом я ничего не успеваю» и «у меня нет секретаря». Да и не мудрено, если ученый одновременно писал 2 или 3 работы, читал лекции, занимался общественной работой. Он часто терялся и даже раздражался в современных условиях повышенной турбулентности, когда требовались многочисленные отчеты, выявление показателей и индексов цитируемости, своевременный учет «ваковских» публикаций.

В последнее время Болеслав Сергеевич Шостакович усиленно работал над завершением монографии «Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.): Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы», которая вышла уже после его преждевременной кончины. Эта фундаментальная работа, третья по очередности, продолжила исследовательский раздел издательской серии «Польско-сибирская библиотека». Она была задумана Болеславом Сергеевичем как источниковедческая и открыта им I-м томом в декабре 2009 г.

В данной монографии автором представлено комплексное осмысление польско-сибирской истории, реалии взаимного восприятия поляков и сибиряков исторических событий через призму их характеров и повседневной жизни. В итоге Болеслав Сергеевич Шостакович делает вывод, что географически удаленная и суровая по климату Сибирь развивалась не в некоем замкнутом региональном пространстве, изолированном от прочего мира. Она, по мнению ученого, выполняла роль особого межнационального и органически связующего геополитического и социокультурного международного компонента. С этой точки зрения данная тематика далеко не исчерпана и имеет свои перспективы дальнейшего изучения. И в этом мы отдаем должное Болеславу Сергеевичу Шостаковичу, нашему коллеге и товарищу, авторитетному ученому с польскими корнями и сибирским менталитетом.

Болеслав Сергеевич Шостакович памятен мне (*Александрю Иванову. – Ред.*) прежде всего как педагог, преподаватель учебного университетского курса истории южных и западных славян. У нас, студентов-историков 1976–1981 годов, он читал именно этот предмет. Делал это Б.С. всегда хорошо поставленным, несколько монотонным и ровным голосом, с небольшими модуляциями там, где хотел подчеркнуть важность какого-либо положения или вывода. При этом, приводя какие-то имена, даты и цифры, которыми изобиловала история славян, он не опускал глаза в заготовленный текст, а наоборот, неизменно и часто поднимал их вверх, словно там, на потолке, и располагались в нужном ему порядке сведения о королях, знаменитых сражениях, династических браках.

Эта, несколько комичная манера чтения лекций и ведения семинарских занятий, да и любых его публичных выступлений, была поводом для постоянных шуток у студентов не только нашего курса, но и всех последующих поколений. Болеслав Сергеевич, думаю, прекрасно знал об этом, но, по всей видимости, никогда не стремился побороть свою привычку и сохранил ее в неизменном виде до конца своих дней.

Собственно, сама лекция воспринималась студенческой аудиторией не без труда. Во-первых, ее материал был перенасыщен фактическими сведениями, трудными для запоминания, во-вторых, подавался он уж слишком, как нам тогда казалось, сухо и академично. Вдобавок ко всему, лектор и не пытался как-то оживить свою речь: он не прохаживался по аудитории, приближаясь или отдаляясь от слушателей, никогда не опирался слегка на краешек стола и не разбавлял свой материал каким-нибудь легким историческим анекдотом, рассказанным в «нужное время и в нужном месте». Болеслав Сергеевич, никогда не опаздывая, едва отзвонит звонок, входил в аудиторию, занимал место за кафедрой и оставался в этом положении все лекционное время, несколько однообразно излагая материал. Вполне естественно, что студенческую аудиторию через 15–20 минут напряженного внимания начинало настойчиво кидать в сон (это свойство человеческого организма срабатывает всегда и при любом лекторе), понимать преподавателя и удерживать в голове нити его рассуждений становилось все труднее и труднее. Часть группы справлялась с этим состоянием и, поборов сон, все-таки дописывала лекцию до конца, другая, значительно меньшая, в основном галерка, надолго попадала в «объятия Морфея»...

Годы, время расставляют всё по своим местам. Так произошло и с лекциями Болеслава Сергеевича. Когда мне, сравнительно недавно, уже в зрелом возрасте, понадобился материал по полякам – участникам Январского восстания 1863 года и надо было уточнить имена руководителей, кто и когда из них попал к нам в Восточную Сибирь, я просто открыл одну из студенческих тетрадей с выцветшей надписью на коленкоре «Славяне», и вот они, необходимые фактические сведения – имена, даты, события, обилие которых так сильно «утомляло» нас когда-то.

Что я хочу подчеркнуть: среди наших преподавателей было немало и таких, кто читал свой материал очень живо и блестяще, любил «kozyрнуть» словом или афоризмом, весьма эффектно и театрально подать свою и чужую мысль. Но эти лекции у меня (да и однокурсников) остались в памяти неким мутным пятном и на бумаге не сохранились. Их было невероятно трудно конспектировать, а записанное невозможно затем связать в единую стройную лекцию. Такие записи совершенно не помогали перед экзаменом, а главное – не учили учиться. Болеслав Сергеевич же был прекрасным методистом, умевшим уже тогда, в свои 30-ть с небольшим, совершенно грамотно, как мне сейчас видится, расставить в лекции главное и второстепенное, важное и «очень важное».

Болеслав Сергеевич Шостакович был не только обстоятельным лектором. Точно также обстоятельно он оформлял результаты своих научных исследований. Его статьи – классический пример академической научной публикации, где мысль «не скачет», не витает и не теряется за многочисленными отступлениями, делаемыми от первого лица («помнится, как-то я...»), а строго следует воле автора и правилам научного изложения. В его публикациях всегда имеется длинное, сформулированное строчки на три-четыре не меньше название, краткий историографический и источниковый обзор предмета изложения, четко обозначенные цель и задачи, логично выстроенная и интересно поданная основная часть, с неизменно большим количеством сносок, и совершенно обоснованные, завершающие всю конструкцию, обстоятельные выводы.

При этом следует сказать, что Болеслав Сергеевич не умел и не хотел быть кратким, лапидарным, его самые маленькие статьи начинались от «авторского листа» и дальше, когда где-то в районе 30–35-й страницы автор только подходил к главному, а затем, под давлением внешних обстоятельств («сколько же можно, существует ведь заданный объем, уже перекрытый Вами в два с лишним раза», – говорил ему кто-нибудь из выпускающих редакторов издательства «Иркутский университет») был вынужден «наступить на горло собственной песне» и «быстро закончить», кратко повторив все сказанное еще на двух-трех страницах. Вот и получалась «монументальная» статья страниц на 40–45!

Болеслав Сергеевич был неизменным, постоянным участником «Ссылных революционеров в Сибири» и «Сибирской ссылки», единственным (!) автором, не пропустившим ни одного выпуска этого издания. При этом надо учитывать, что в очередном выпуске он размещал нередко сразу по две разноплановых статьи – одну по конкретной теме, другую – по историографии или мемуарному наследию ссылных поляков. Есть у него и несколько рецензий на книги своих коллег и товарищей. А к первому выпуску «Сибирской ссылки» в 2000 году он по просьбе ответственного редактора профессора Николая Николаевича Щербакова написал весьма обширную (по другому никак!) вводную статью.

Следует сказать, что это была далеко не простая, «дежурная» вводная, а разработанная им совместно с Н.Н. Щербаковым (при скромном участии автора этих строк) подлинная программа, определявшая работу редакции издания на перспективу, предполагавшая значительно расширить тематику сборника, приступив к изучению репрессий Советской эпохи (в том числе и среди поляков периода Второй мировой войны), непременно начать планомерное освоение практически нетронутой и неизвестной планеты под названием Сибирская Уголовная ссылка и пенитенциарной системы за Уральским камнем в целом. При этом Б.С. Шостакович преследовал и свои, сугубо «авторские» цели – к каждому выпуску сборника он предлагал делать приложения из документальных материалов, рассказывающих о судьбе «сибирских поляков» с обширными комментариями, обогащая и приумножая тем самым так называемую «сибирско-польскую литературу».

При его непосредственном участии проходило и организационное становление как «старого», так и нового сборника. В четвертом выпуске обновленной «...ссылки» Б.С. Шостакович оставил воспоминания об этом времени, названные им, «как всегда коротенько»: «Щербаков и научный сборник по истории сибирской политической ссылки (Опыт мемуарно-аналитической реконструкции). К 35-летию начала выхода сборника и 70-летию его ответственного редактора», где подробно и талантливо описал историю зарождения самой идеи этого издания, когда его отец, профессор С.В. Шостакович и профессор Ф.А. Кудрявцев, в конце 1960-х годов, на одном из

«Геродотов», несколько разочарованные объемом материала по проблемам политической ссылки, включенным в третий том «Истории Сибири», предложили тогда еще молодому кандидату исторических наук Н. Н. Щербакову начать выпуск собственного, независимого тематического сборника.

В этой же статье Б.С. Шостакович высказывает и свою обиду Н.Н. Щербакову: мол, далеко не всегда ответственный редактор принимал к публикации его статьи. Это не совсем справедливо: прежде всего, надо иметь в виду, что статей, как правило, предлагалось как минимум три, и Щербаков выбирал одну-две, а другие складывал в свой «редакторский портфель», говоря неизменно: «Болеслав, твои поляки всюду, имей же меру!», а во-вторых, сам Болеслав Сергеевич был автором, весьма и весьма вольно трактовавшим сроки предоставления своих материалов. Он, неизменно и многословно извиняясь, обещал непременно «докончить» статью в очередной срок, но никак не мог этого сделать, потому что собирался на симпозиум в Варшаву, на конференцию в Якутск, или на чтения в Кяхту (называю реальные его поездки), а еще дома был «ремонт» или «переезд», а «компьютер не открывался». Сроки выхода сборника приходилось нередко откладывать.

Однажды, это было уже после кончины Н.Н. Щербакова, так и не дождавшись обещанной статьи от Болеслава Сергеевича в «Сибирскую ссылку», я запустил сборник в работу, сдал готовый макет в типографию. Книга была печатана и сложена в тетрадки, и вот, когда оставалось все это сшить и приклеить твердую крышку («корочку», как говорит большая часть авторов), на пороге издательства появился Б.С. Шостакович и, как ни в чем не бывало, протянул мне кассету со своей давным-давно обещанной статьей. «Всё, Болеслав Сергеевич, поздно», – говорю. А он мне, с совершенно обезоруживающей логикой, восклицает: «Ну как же это может быть, уважаемый Алексансаныч, ведь мои статьи есть в каждом выпуске, а здесь их не будет?! Ну, давайте же быстрее что-нибудь придумаем!»

А что тут можно было придумать?! Пришлось переделывать едва ли не половину тиража уже отпечатанной книги. При этом такая ситуация повторилась с несколько другими вариациями еще раз, при издании следующего выпуска через два года: Болеслав Сергеевич опять не успевал, но по-прежнему

обещал, что в будущий том он обязательно сдаст свой материал в срок.

Совершенно неожиданно для меня он сдержал свое обещание: в 2013 году, в седьмой, последний, изданный при его участии выпуск, он принес свою статью едва ли не первым, извинившись при этом, что не сможет активно помогать как соредактор. Свои действия он объяснил занятостью и подготовкой крупной монографии, выпускаемой в Москве, а заодно пригласил меня, как и двух других авторов этих беглых воспоминаний, выступить ее рецензентом.

Впрочем, на Болеслава Сергеевича невозможно было сердиться или обижаться какое-то продолжительное время – приходилось принимать его «таким как есть», при этом следует подчеркнуть, что он был человеком безусловно добрым и отзывчивым, готовым всегда и всячески помочь дельным советом или поделиться своими обширными знаниями. Как-то я обмолвился, что не могу прочесть самостоятельно книгу Михала Янека о жизни поляков в Забайкальском крае, которую он мне, кстати, и дал для составления обзора польской историографии истории сибирской политической ссылки. Мною для перевода был приобретен польско-русский словарь и даже соответствующий разговорник, но дело не продвигалось. Тогда Б.С. попросил отметить нужные мне страницы и к моему немалому удивлению, перевел их быстро, в несколько дней, и, конечно же, совершенно бескорыстно.

Обычно воспоминания о человеке начинают с момента первой встречи с ним. Я же (*Сергей Кузнецов. – Ред.*) начну со встречи последней – конец июня 2015 г., последнее в учебном году заседание кафедры мировой истории и международных отношений. Как всегда в последнее время нервные разговоры об учебных программах, аннотациях и прочем. Уже после кафедры Болеслав Сергеевич заходит ко мне попрощаться на два месяца каникул, как всегда сетует на нехватку времени, по поводу бюрократии как всегда роняет свое: «Я уже вообще ничего не понимаю!» Неоднократно возвращается к разговору о своей книге, которая готовится к изданию в Москве, и которая очень его беспокоит. Мне кажется, редакторы рыдали от него, он был крайне придирчив во всем, что касалось

польских имен, фамилий, названий, всех этих крючочков и палочек польского письма. При этом, как должна писаться та или иная польская фамилия он втолковывал даже самим полякам – их носителям. Мы прощались, он уходил и вновь возвращался, досказать что-то крайне важное. Это тоже была его особенность – уходить постепенно, при этом жалуясь на нехватку времени. Когда спустя несколько недель его не стало, я долго не мог в это поверить, полагая это какой-то нелепой шуткой. Его присутствие на кафедре казалось мне обязательным, неизменным.

В 1976 году мы, студенты четвертого курса истфака, впервые пришли на его лекции по истории славян. Уже знаем все анекдоты о преподавателе от старших курсов, его слабости и привычки. Ходили рассказы, что он принимает экзамен до позднего вечера, не терпит опозданий. Знали мы, разумеется, и о том, что он – сын знаменитого профессора С.В. Шостаковича. Лекции его были бескрайними и по объему в несколько раз превосходили учебник. Примерно в это же время произошла наша встреча в клубе «Висла», куда я был приглашен как член интерстройотряда ИГУ «Бабр», летом побывавшего в польских Катовицах. Б.С. был членом правления «Вислы», вел заседание и дотошно расспрашивал нас о поездке. Атмосфера была непринужденная, дружеская и мы, помнится, расстались довольные друг другом.

Удивительно, что с тех пор Польша, поляки, польская тематика постоянно присутствовали в моей жизни. Благодаря Б.С. мы считались научным центром темы «Поляки в Сибири», к нам постоянно приезжали из Польши преподаватели, аспиранты и студенты. Была даже ознакомительная практика студентов ИГУ в Гданьском университете, не без участия Шостаковича в ее организации, конечно. Со многими из тех, кто приезжал на истфак, мы поддерживали отношения долгие годы. Это проф. Ф. Новинский, Я. Илюк, Анна Замек-Глициньска, З. Опацкий и другие. А доцент из Краковской политехники Владислав Масярж даже прикреплялся к нашей кафедре, заканчивал и защищал здесь докторскую диссертацию. Болеслав Сергеевич легко общался с ними по-польски, что было им без сомнения приятно. Но в отношении исследования темы, работы в архивах, пожалуй, согласия у них особого не наблю-

далось. Чувствовалось его слегка ревнивое отношение к этим людям, которые приехали на несколько месяцев в Иркутск и стремились максимально почерпнуть материалы в архивах. Он так работать не привык. Фонды архивов он, разумеется, отлично знал, но справедливо полагал, что работать над ними надо годами и даже десятилетиями.

Пару раз я оказывался с Болеславом Сергеевичем на конференциях в Польше. Было приятно ощущать внимание слушателей и руководителей конференций к его выступлениям, обязательно на польском языке, довольно пространным и академичным, как того и требовал этикет. Чувствовалось, что его здесь уважают, знают и ценят. Собственно, об этом свидетельствовали и государственные награды Польши – Золотой Крест Заслуги, которым он был удостоен.

Нельзя сказать, чтобы его путь в науке был легким. Безусловно, он был прекрасно образован и подготовлен как исследователь-историк. Даже один год он проучился на истфаке МГУ, что постоянно подчеркивал (была раньше такая форма – отправлять наиболее успешных студентов на год в МГУ набраться ума-разума). Безусловно, его направлял и поддерживал отец – Сергей Владимирович. Но что-то, как мне кажется, Болеславу Сергеевичу мешало, сдерживало его. То ли особенности характера, то ли некая отстраненность от коллег (в молодости он держался немного в стороне). Его довольно жестко критиковал С.Ф. Коваль, а на кафедре всеобщей истории – В.В. Яровой. Суть этой критики мне неизвестна, знаю только, что Болеслав Сергеевич болезненно ее вспоминал до последних дней.

Довольно долго он шел к защите кандидатской диссертации, защитив ее только в 30-летнем возрасте. Впрочем, в то время защищаться быстро было не очень принято. Почти 23 года отделяют его кандидатскую от докторской, которую он защитил по докладу. А.А. Иванов заметил, что у Шостаковича не получались короткие статьи. Действительно, он основательно, с чувством подходил к проблеме, в течение длительного времени как бы разглядывая ее со всех сторон. Потом несколько месяцев обдумывал, прежде чем неторопливо приступить к сбору материалов. Вспоминается, что к 100-летию со дня рождения С.В. Шостаковича коллеги по кафедре подготовили сборник статей, посвященный этому событию. Был в нем,

конечно и материал Болеслава Сергеевича. Характерен его заголовок – «Мои наброски к будущему мемуарному портрету Сергея Владимировича Шостаковича». Полного «мемуарного портрета» нам увидеть уже не суждено.

Научное наследие Б.С. Шостаковича насчитывает сотни статей, очерков, биографических справок, изданных как в нашей стране, так и за рубежом. Его историография огромна. К сожалению, углубляясь в детали, докапываясь до мельчайших подробностей, он как бы забывал о времени. И об обязанности историка – не просто собрать и описать, но обобщить материал, создать на его основе фундаментальный труд. К этому он приступил, когда времени у него уже не осталось.

К сожалению, Болеславу Сергеевичу не удалось создать свою полонистскую школу, лишь единичные аспиранты защитили диссертации под его руководством. Одна из причин этого – в той слишком высокой планке, которую он ставил перед своими учениками. Далеко не каждый мог выдержать его требования, относя их на счет излишней придирчивости профессора. Иной раз он обижался, когда его не приглашали оппонентом на защиты диссертаций по близким ему темам. Нам-то это было понятно, – кому нужен рецензент, досконально, до последнего мелкого факта знающий твою тему, не терпящий даже мелкой небрежности, а тем более научной недобросовестности.

Болеслав Сергеевич был большим знатоком Польши, с удовольствием посещал эту страну не один десяток раз. При этом его познания не ограничивались лишь сферой его научных изысканий. Он прекрасно знал литературу и искусство Польши, особенности быта и повседневной жизни, польскую еду и напитки, политику и религию. Помнится, когда в августе – сентябре 1980 г. в Гданьске на судовой верфи им. Ленина возникло польское объединение профсоюзов «Солидарность», легализованное 10 ноября 1980 года и запрещенное в январе 1982 года, он сделал прекрасный доклад на методсеминаре исторического факультета, в котором подробно разъяснил нам, что профсоюз объединял самые разные политические силы – от католических консерваторов и правых либералов до ультралевых социалистов и анархистов. Конечно, к профсоюзу он отнесся критически, а мысль о том, что деятельность профсоюза нацелена

на демонтаж режима ПОРП, он высказал весьма осторожно и завуалировано (это вызвало довольно скептическое отношение со стороны старшего поколения преподавателей).

Наш близкий товарищ и коллега Б.С. Шостакович был своеобразным «явлением» иркутской школы историков. Он впитал в себя лучшие черты интеграции исторической науки и образования России и Польши. Обладая потенциалом российской гражданственности, он, как бы, символизировал собой встречу трех поколений поляков в Сибири. С этой точки зрения, наши воспоминания выступают как попытка сохранить личную и коллективную память об ученом через богатство разговорного языка и повседневность. Будем надеяться, что подобный подход позволил нам выделить и сопоставить два уровня исторического знания – обыденного и научного, придать «ценность» подобному жанру самой случайностью набора фактов и подробностей и донести это до наших читателей.

Сведения об авторах

Александрова Екатерина Игоревна – магистрант Института математики и информатики Бурятского государственного университета. Электронный адрес: maksim.gorky05@gmail.com

Ануфриев Александр Валерьевич – старший преподаватель кафедры истории России Иркутского государственного университета, секретарь ИРО РВИО. Электронный адрес: nnnadezhda@mail.ru

Афанасов Олег Владимирович – к.и.н., доцент кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета. Электронный адрес: olaf-1@mail.ru

Булзгин Георгий Владимирович – директор МКУК «Районный краеведческий музей», г. Тайшет. Электронный адрес: buligin157@yandex.ru

Васильева Наталья Федоровна – к.и.н., доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета. Электронный адрес: vasil.nf@mail.ru

Гоголева Наталья Константиновна – заведующая Домом-музеем «Якутская ссылка», филиалом ГБУ РС (Я) «Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского», отличник культуры Республики Саха (Якутия). Электронный адрес: gogleva-nataly@mail.ru

Горохов Вячеслав Витальевич – начальник кафедры Михайловской военной артиллерийской академии (г. Санкт-Петербург), соискатель ученой степени кандидат исторических наук.

Дерюгин Даниил Федорович – ассистент кафедры информационных технологий Института математики и информатики Бурятского государственного университета. Электронный адрес: dandwor@gmail.com

Естехов Роман Артурович – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета. Электронный адрес: Romachka1818@rambler.ru

Жалсанова Бутит Цыдылмункуевна – д.и.н., директор Государственного архива Республики Бурятия. Электронный адрес: butit62@mail.ru

Жамбалов Дандар Зоригтоевич – магистрант Бурятского государственного университета, юридический факультет. Электронный адрес: butit62@mail.ru

Занданова Лариса Викторовна – д.и.н., профессор кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета. Электронный адрес: zandanova@mail.ru

Звягин Сергей Павлович – д.и.н., профессор кафедры истории России Кемеровского государственного университета. Электронный адрес: whitesiberia@narod.ru

Иванов Александр Александрович – д.и.н., профессор кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета ИГУ. Электронный адрес: ottisk@irmail.ru

Казарян Павел Леонович, д.и.н., профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник Северо-Восточного федерального университета, г. Якутск. Электронный адрес: kazaryan1955@mail.ru

Кальмина Лилия Владимировна – д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Электронный адрес: kalminal@gmail.com

Кузнецов Сергей Ильич – д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ. Электронный адрес: s.kuznetsov@mail.ru

Кудряшов Василий Васильевич – заведующий базовой кафедрой истории, педагогики и психологии Братского государственного университета, к.и. н., доцент. Электронный адрес: vas60kud@mail.ru

Курас Леонид Владимирович – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Электронный адрес: kuraslv@yandex.ru

Курас Софья Леонидовна – к.и.н., доцент кафедры «Таможенное дело и правоведение» Иркутского государственного университета путей сообщения. Электронный адрес: kuras@list.ru

Курусканова Наталия Петровна – к.и.н., доцент, ученый секретарь Краснодарского отделения Российского общества интеллектуальной истории, главный редактор Всероссийского сборника научных трудов «Социально-гуманитарный вестник (г. Краснодар)», г. Краснодар. Электронный адрес: nprku@mail.ru

Леончик Сергей Владимирович – к.и.н., доцент кафедры международных отношений Института истории и международных отношений Гуманитарного факультета Естественно-научного и гуманитарного университета в г. Седльце Республики Польша. Электронный адрес: pryscyła@mail.ru

Матханова Наталья Петровна – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, Новосибирск. Электронный адрес: istochnik_history@mail.ru

Мильбах Владимир Спартакович – Михайловская военная артиллерийская академия, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Электронный адрес: v.milbach@yandex.ru

Мулина Светлана Анатольевна – к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Электронный адрес: swetmulina@rambler.ru

Никулина Ирина Николаевна – д.и.н., доцент, заведующая кафедрой истории Отечества Алтайского государственного

технического университета им. И.И. Ползунова. Электронный адрес: innikulina@mail.ru

Новиков Павел Александрович – д.и.н., заведующий кафедрой истории и философии, института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук Иркутского национального исследовательского технического университета. Электронный адрес: novikov710@yandex.ru

Овечкин Никита Дмитриевич – магистрант Института математики и информатики Бурятского государственного университета. Электронный адрес: nikadim04b63@gmail.com

Петрушин Юрий Александрович – д.и.н. профессор кафедры философии и социальных наук Иркутского государственного университета путей сообщения.

Путилина Наталья Николаевна – учитель истории и обществознания «МОУ Тальянская СОШ № 17» Иркутской области. Электронный адрес: mbu_centra@mail.ru

Роцевская Лариса Павловна, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук. Электронный адрес: lp@presidium.komisc.ru

Савилов Александр Андреевич – аспирант Сибирской академии права экономики и управления. Электронный адрес: aleks-savilov@yandex.ru

Салахова Лариса Марсовна – к.и.н., доцент кафедры истории и методики Педагогического института ФГБОУ ВО «ИГУ». Электронный адрес: mars62@rambler.ru

Сальникова Елена Сергеевна – к.и.н. доцент кафедры истории и философии ИрННТУ. Электронный адрес: E.S.1856@mail.ru

Семенов Евгений Владимирович – ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», к.и.н., доцент

кафедры музеологии и наследия. Электронный адрес: sew11@mail.ru

Серебрянников Игорь Петрович – к.и.н., доцент кафедры истории и методики ПИ ИГУ. Электронный адрес: ipser73@yandex.ru

Суверов Евгений Васильевич – д.и.н., профессор кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России. Электронный адрес: suverovev69@mail.ru

Терновая Ирина Ивановна – историк, заместитель директора Музея истории города Иркутска, заслуженный работник культуры РФ. Электронный адрес: museum@irk.ru

Tomita Takeshi – Почетный профессор Университета Сэйкэй, Токио, Япония. Электронный адрес: tkshtomita@jcom.home.ne.jp

Трофименко Сергей Владимирович – заведующий филиалом «Солдаты Отечества» Музея истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова. Электронный адрес: svt-portal@ Rambler.ru

Упоров Иван Владимирович – д.и.н., профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России. Электронный адрес: uporov@list.ru

Урожаева Татьяна Петровна – к.и.н., учитель истории и обществознания высшей кв. категории средней общеобразовательной школы № 13 им. М.К. Янгеля, г. Усть-Илимск. Электронный адрес: olgo@ya.ru

Фартусов Дмитрий Борисович – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории исторического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ. Электронный адрес: d.fartusov@mail.ru

Фомичев Сергей Олегович – Михайловская военная артиллерийская академия, соискатель ученой степени, преподаватель.

Хабитуев Баир Викторович – старший преподаватель кафедры ИТ ИМИ Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ. Электронный адрес: bairinc0@gmail.com

Шергалин Евгений Эдуардович – краевед, генеалог, Кармартен, Уэльс, Соединенное Королевство. Электронный адрес: zoolit@mail.ru

Шиловский Михаил Викторович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России Новосибирского государственного университета, заведующий сектором Института истории СО РАН. Электронный адрес: istorik.novosib@gmail.com

Якимова Анна – студентка исторического факультета Иркутского государственного университета.

Оглавление

Предисловие. Наш двадцатый выпуск 3

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

Н.Ф. Васильева
Материалы архивных фондов Общества политкаторжан о сибирской ссылке 9

П.Л. Казарян
Ссылка на Северо-Восточную Россию (середина XVII – начало XX вв.).
Проблемы археографии..... 27

С.Л. Курас
Вопросы совершенствования уголовного законодательства
на страницах дореволюционной и современной ведомственной прессы 42

Н.П. Курусканова
Петр Захарович Курусканов – историк сибирской социал-демократической ссылки 50

Ю.А. Петрушин, А.А. Якимова
Книга памяти как источник изучения репрессий корейцев в Приангарье
в 1930-е годы..... 59

Фартусов Д.Б., Хабитуев Б.В., Дерюгин Д.Ф., Овечкин Н.Д., Александрова Е.И.
Создание Web-сайта Книги памяти жертв политических репрессий по Республике
Бурятия. Опыт совместной работы программистов и историков 81

Вопросы уголовного законодательства о каторге и ссылке

Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас, Д.З. Жамбалов
Наказания по уголовным делам хоринских бурят в XIX в. 90

А.А. Савилов
Законодательство о гласном полицейском надзоре 1880-х годов и проблемы
его применения к политическим ссыльным Иркутской губернии в начале XX века 104

И.В. Упоров
Особенности ссылки как вида уголовного наказания в Российской империи
на рубеже XVIII–XIX вв. 121

М.В. Шиловский
Обсуждение вопроса о правовом положении политических заключенных
Нерчинской каторги во властных структурах в 1907–1914 гг. 130

**Деятельность правоохранительных
и пенитенциарных органов досоветской Сибири**

Р.А. Евтехов Организация и роль городской полиции в системе управленческих институтов Забайкальской области XVIII – начала XX вв.	143
А.А. Иванов Система полицейского надзора за политическими ссыльными на территории Иркутской губернии в 1860–1870-х гг.: проблемы становления.....	160
Л.В. Кальмина Верхнеудинская тюрьма в структуре городских расходов в последней трети XIX в.	185
П.А. Новиков Местные военные команды Иркутского военного округа: офицерский состав и бытовые условия по состоянию на 1912 г.	195

Политическая ссылка XVII – начала XX в. и сибирское общество

Г.В. Булыгин Политические ссыльные на территории Тайшета и Тайшетского района.....	216
Н.К. Гоголева Из истории якутской ссылки XVII – начала XX вв.	227
И.Н. Никулина Религия в жизни политических ссыльных Алтая 80-х – первой половины 90-х гг. XIX в.	247
Л.П. Рощевская Изучение приарктической территории России в конце XIX – начале XX в. политическим ссыльным В.В. Бартневым.....	252
Е.С. Сальникова Положение уголовных и политических ссыльных в Сибири во второй половине XIX века. Сравнительный анализ.....	274
И.П. Серебренников Роль и место ссыльных в террористической деятельности революционеров в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.	283
И.И. Терновая К вопросу о гибели И.В. Бабушкина на станции Мысовая, или Как переписывалась история.....	290

Ссыльные поляки в Сибири

С.В. Леончик Остаться или вернуться на родину? К вопросу об оставшихся после амнистии на территории Енисейской губернии ссыльных польских повстанцах 1863–1864 г.	307

С.А. Мулина Бунт барских конфедератов в Тобольске.....	329
Е.В. Семенов Каторжные работы польских ссыльных в Сивяковском тюремном помещении в 60-е гг. XIX в.	340
А.А. Иванов, С.И. Кузнецов К вопросу о пребывании ссыльных поляков – участников Январского восстания в Иркутской губернии (1863–1883 гг.).....	349

Пенитенциарная и карательная системы советской Сибири

О.В. Афанасов Тайшетлаг в условиях эволюции советской исправительно-трудовой системы (1930–1940-е гг.)	372
В.С. Мильбах, С.О. Фомичев Начало массовых политических репрессий командно-начальствующего состава Уральского военного округа, январь – май 1937 г. (по материалам НКВД).....	381
Л.М. Салахова, Н.Н. Путилина Организация жизнеобеспечения ссыльнопоселенцев из Литвы (на примере Широкопадского леспромхоза).....	391
Е.В. Суверов Сельхозпроизводство и деревообработка в Ангарском исправительно-трудовом лагере (1949–1959 гг.).....	400
Т.П. Урожаева Заклученные на строительстве гражданских и промышленных объектов Иркутской области в 1960–1980-е гг.	412

История интернирования и военного плена

А.В. Ануфриев, С.В. Трофименко «Горький хлеб плена» (режим содержания военнопленных в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны)	420
С.И. Кузнецов Проявления протеста в лагерях японских военнопленных на территории СССР (1945–1956 гг.).....	436
Такэси ТОМИТА Немецкие и японские военнопленные в СССР: сравнительно-историческая оценка.....	453

История репрессивной политики в лицах

В.В. Горюхов «Умер в исправительно-трудовом лагере»: жизнь и трагическая судьба военного прокурора Черноморского флота П.С. Войтеко	464

Сибирская ссылка

Л.В. Занданова Организация политических процессов и репрессии 1937–1938 гг. в Восточной Сибири (по материалам следственного дела Н.И. Занданова)	475
С.П. Звягин, Е.Э. Шергалин Начальник Главного управления мест заключения Министерств юстиции Российской империи и Российского правительства П.К. Гран: попытка реконструкции родословной.....	498
В.В. Кудряшов Виктор Мандельберг в Государственной Думе	504
Н.П. Матханова В.Д. Бонч-Бруевич и «академическое дело»: помощь репрессированным историкам.....	519
А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин Профессор Б.С. Шостакович: штрихи к портрету историка.....	536
Сведения об авторах.....	549

Уважаемые коллеги! Сегодня интернет-пространство – не только источник знаний, но и средство научного общения, обмена результатами исследований историков различных регионов, по существу стирающее границу между «центрами» науки и «периферией». Одним из таких средств стал наш сайт [www. penpolit.ru](http://www.penpolit.ru). Он был открыт в качестве постоянного информационного органа координационного совета по исследованию истории пенитенциарной политики Российского государства в Сибири, созданного при ИГУ в 2008 г. На сайте представлены результаты исследований профессиональных историков, специалистов этой темы из Иркутска, Якутска, Улан-Удэ, Кемерово, Читы, Барнаула, Новосибирска, Омска, Красноярска, Краснодар, других городов страны и сибирского региона. За годы своего существования сайт сумел объединить более 50 ученых, опубликовавших здесь около 150 статей по историографии и источниковедению, истории революционной и уголовной ссылки, деятельности тюремных ведомств и жандармских управлений, вкладу политических ссыльных в социально-экономическое, культурное и общественное развитие края, истории плена, политзаключенных и спецпереселенцев советского периода.

Редакция сборника приглашает всех специалистов к активному участию в работе сайта.

WWW. PENPOLIT.RU

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

Сборник научных статей
Выпуск 8 (20)

Статьи публикуются в авторской редакции

Издательство «Оттиск».
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 11.01.2017 г.
Формат 60x84 1/32.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 28,1. Уч.-изд. л. 30,6.
Тираж 300 экз. Заказ № 0019.
664025, г. Иркутск, ул. Пятой Армии, 26.
Тел./ факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru
www.ottisk-irk.ru